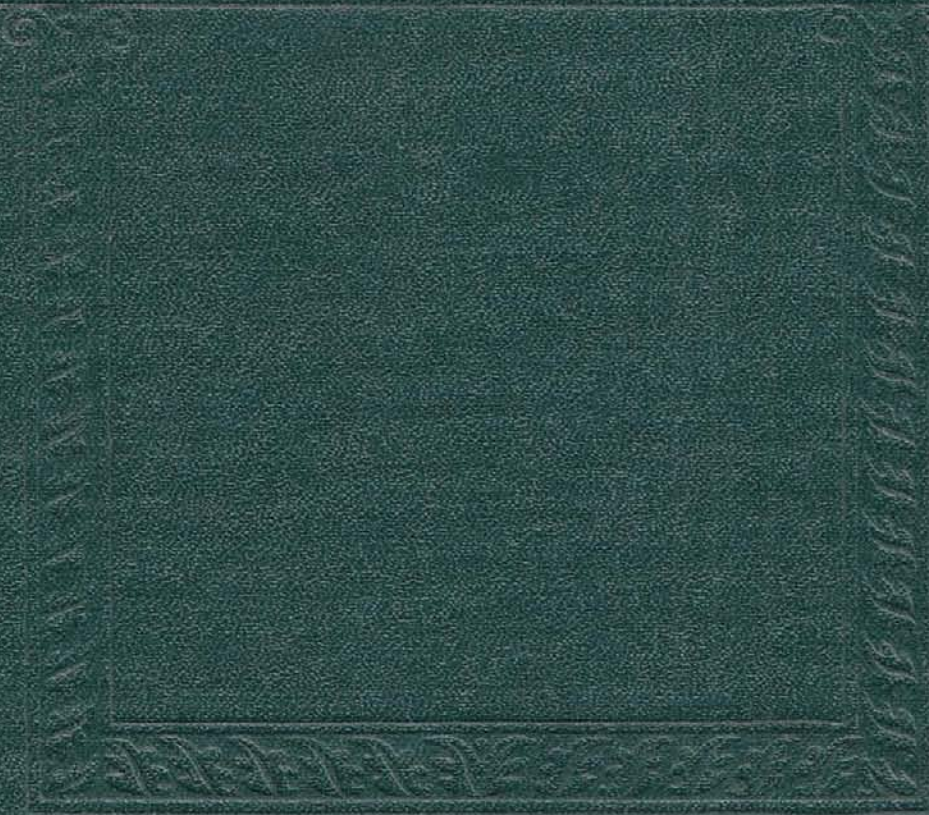

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ФОЛЬКЛОР
РУССКОГО
УСТЬЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЯКУТСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
С. Н. АЗБЕЛЕВ, А. А. ГОРЕЛОВ,
Л. И. ЕМЕЛЬЯНОВ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

ФОЛЬКЛОР РУССКОГО УСТЬЯ

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:

С. Н. АЗБЕЛЕВ, Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

●

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ:

С. Н. АЗБЕЛЕВ, Г. Л. ВЕНЕДИКТОВ, Н. А. ГАБЫШЕВ,
М. Ф. ДРУЖИНИНА, Ю. Н. ДЬЯКОНОВА, В. И. ЖЕКУЛИНА,
Р. В. КАМЕНЕЦКАЯ, В. В. МИТРОФАНОВА, М. А. НИКИФОРОВА,
А. Н. РОЗОВ, А. Г. ЧИКАЧЕВ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

Рецензенты:

А. И. БАЛАНДИН, М. Ф. ДРУЖИНИНА, И. М. КОЛЕСНИЦКАЯ,
А. Ф. НЕКРЫЛОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Селение Русское Устье, расположенное при впадении в Ледовитый океан таежно-тундровой реки Индигирки (в северо-восточной части Якутии), представляет собой выдающееся явление в исторической судьбе нашего народа, истории его языка, развитии его устного творчества.¹

Уже несколько десятилетий продолжается разностороннее изучение культуры исконных насельников Русского Устья — этнографами, языковедами, фольклористами.

Предлагаемый читателям сборник содержит во многом уникальные записи, производившиеся от жителей Русского Устья на протяжении более 100 лет участниками ряда экспедиций и отдельными собирателями. В книге представлены все основные виды песенного и прозаического фольклора: былины, исторические, балладные, лирические песни, обрядовая поэзия, частушки, предания и легенды, сказки, пословицы и поговорки, загадки, составляющие необычайное богатство и разнообразные как по содержанию, так и по языку. Фольклор средневековой Руси отражен ими в большей степени, чем материалами из других мест. Есть немало произведений, нигде более не записанных. Многие представлены не имеющими аналогий версиями и редакциями. Часть текстов отражает своеобразный быт русских охотников и рыболовов Крайнего Севера Сибири. Записи передают выразительный и красочный народный язык, сохранивший исконные черты северно-русских говоров, впоследствии утраченные поселением первоначальной родины переселенцев. Участники бывавших здесь экспедиций постоянно отмечали исключительную приверженность местных жителей ко всему русскому, их благоволивое отношение к родной старине. Благодаря этому и сохранность древнерусского фольклора оказалась здесь столь высока.

Русское Устье существует более трех с половиной столетий. Согласно местным преданиям, основание заселению берегов реки Индигирки русскими положили выходцы с Севера Европейской России — т. е. из древних владений Великого Новгорода — при Иване Грозном. В 1570 г. им были совершены массовые казни в самом Новгороде и разгромлены последние остатки былой «вольности» Новгородской земли. Не терпя насилий царских опричников, многие покидали родные пределы и отправлялись на северо-восток — по давно освоенным новгородцами путям: через тогдашнюю Обонежскую пятину, Чудское Заволочье, Подвинье. На приспособленных для дальних морских переходов кочах можно было продолжать путь вдоль берегов Белого моря в море, названное впоследствии Баренцевым, оттуда — в Карское море и далее на восток по Северному морскому пути. Отважные мореходы постепенно миновали устья великих сибирских рек: Оби, Енисея, Лены. Очевидно, после многолетнего странствования предки русскоустыинцев обосновались при впа-

¹ Ныне это поселок Полярное (150 км севернее Полярного круга), объединивший жителей древнего Русского Устья и близлежащих небольших населенных мест.

дени в Ледовитый океан реки Индигирки. Это произошло не позднее первой половины XVII в. и не было отмечено ни в одной летописной записи. Скупые полузабытые предания о переселении в Русское Устье оказались зафиксированы очень неполно — о многом можно только догадываться. Косвенным доказательством давности русского поселения служит примечательная историческая подробность: предки русскоустыинцев никогда не принадлежали к старообрядчеству. Значит, первоначальники Русского Устья отправились в путь, очевидно, до церковных реформ патриарха Никона в середине XVII в., вызвавших волну переселений в глухие места приверженцев «старой веры». Другое косвенное доказательство подтверждает правдивость сведений о прибытии первоначальников морским путем. Вблизи оконечности полуострова Таймыр, на восточном его берегу, обращенном в сторону устья Индигирки, было обнаружено место стоянки древнерусских мореходов, датируемой началом XVII столетия.²

Более трех с половиной веков назад русские люди обосновались в краю, населенном до них только представителями тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских племен. Нынешнее коренное население составляют якуты. Они пришли в эти места несколько позднее, постепенно осваивая с юга территорию теперешней Якутской АССР. Таким образом, русскоустыинцы по праву могут быть названы в ряду исконных обитателей этих земель.

Население Русского Устья проживало на далеком островке русской земли почти изолированно. Время от времени оно все же пополнялось новыми выходцами из Европейской России, прибывавшими сюда различными путями и принесявшими новые произведения устной поэзии, появлявшиеся новые слова в родном языке. Поэтому, например, в сказках, записанных от жителей Русского Устья, иногда фигурируют персонажи средневековых рыцарских романов, вошедшие в русский фольклор в конце XVII—начале XVIII в. Однако исконный говор населения сохранил немало примет, характерных для древнерусского языка. Их можно видеть в лексике, в грамматическом строе, в фонетике русскоустыинской речи.

Предлагаемое вниманию читателей издание стремится сохранить наиболее характерные черты говора русскоустыинцев, чем объясняются отступления в публикуемых текстах от общепринятых орфографических и грамматических норм.

Наряду с чертами древнерусского языка в речи современных жителей Русского Устья могут быть отмечены многие диалектные явления как общие для северного великорусского наречия в целом, так, и особенно, — его повгородской и олонецкой групп. Такова историческая судьба древнего звука, изображавшегося на письме через букву «ять» (произношение этого звука как гласного *и* перед последующими твердыми согласными, или как дифтонга *иэ*, или закрытого *е* перед последующими мягкими согласными, например: *сино* вместо *сено*, *лиго* вместо *лето*, но: *на сѣн'е*, *о лѣт'е* и т. п.); таковы многочисленные следы формы двойственного числа, например: *ногама*, *рукама*; следы беспредложного управления падежей, например: *надеяться чего? кого?*

Однако в говоре ряда жителей Русского Устья можно нередко найти и инодиалектные черты, например аканье, фрикативное произношение согласного *з*, мягкое *т* в конце глаголов настоящего и будущего времени и т. п. Таким образом, можно утверждать, что разнодиалектные речевые черты здесь так до сих пор и не переплавились в единый монолитный говор. В конце XVII—XIX вв. в речь русскоустыинцев и в их фольклор вошло немало иностранных заимствований, которые обогатили русский язык в целом (например, слова «кавалер», «карета» и т. п.).

² Среди найденных здесь вещей — остатки богатой одежды и дорогой утвари; по утверждениям русскоустыинцев, общественное положение первых переселенцев было высоким.

Храня сокровищницу родной диалектной речи, жители Русского Устья общались и с народностями, жившими бок о бок с ними в заполярной тундре. Поэтому в речи населения Русского Устья можно наблюдать процесс интерференции русского языка с языками соседних народов: якутским, эвенкским, эвенским и др.³ Однако, безусловно, не следует преувеличивать иноязычного воздействия на речь русских жителей побережий реки Индигирки. Эта речь остается русской во всех ее основах: в произношении, в грамматическом строе, в словообразовании, в основном лексическом фонде.

Несомненно, знатоки и ценители русского языка и его истории с благодарностью воспримут тот богатый языковой материал красочной и изобразительной русской речи, который заключен в записях Русского Устья.

Большинство записей было выполнено собирателями от руки, некоторые — сокращенно. Особую ценность и с лингвистической стороны, и с фольклористической представляют, конечно, тексты, публикуемые на основе фонограмм, хранящихся в Институте русской литературы (они передаются в расшифровке, осуществленной согласно прилагаемым правилам).

Основную часть текстов сборника составляют записи, произведенные в 1946 г. Н. А. Габышевым. Работа по подготовке текстов к печати осуществлялась следующими участниками труда: Н. А. Габышев,⁴ Ю. Н. Дьяконова и М. А. Никифорова подготавливали № 1—4, 8, 10—12, 16, 17, 19, 20, 29—32, 37, 41, 42, 45, 48, 54, 55, 57—64, 66; Н. А. Габышев и С. Н. Азбелев — № 95—98, 100—102, 105—107, 110, 112—115, 118; Н. А. Габышев и Н. Н. Розов — № 119—125, 127—133, 135—146, 149—176, 178, 182—184, 186; Н. А. Габышев и В. В. Митрофанова — № 212, 214, 216, 218—223, 225, 227—231, 233, 236, 238—240, 242—247, 251—253, 255—258, 268, 272, 274, 276—282, 284—286, 291, 292, 295, 296, 298, 303, 305, 307—311, 315, 317, 318, 320, 322—333, 336—340, 342—345, 405—493; М. А. Никифорова — № 5—7, 13—15, 18, 21—23, 25—28, 33—36, 38—40, 46, 47, 49—53, 56; М. Ф. Дружинина и М. А. Никифорова — № 24, 43, 44; Г. Л. Венедиктов и М. А. Никифорова — № 67—93; С. Н. Азбелев — № 94, 99, 103, 104, 108, 109, 111, 116, 117; В. И. Жекулина — № 187—211; М. Ф. Дружинина и Н. Н. Розов — № 181; Н. Н. Розов — № 126, 134, 147, 148, 177, 179, 180, 185; М. Ф. Дружинина и В. В. Митрофанова — № 224, 226, 232, 234, 262, 270, 288, 290, 293, 313, 316, 546—558; В. В. Митрофанова — № 213, 215, 217, 237, 241, 248—250, 254, 259—261, 263—267, 269, 271, 273, 275, 283, 287, 289, 294, 297, 299—302, 304, 306, 312, 314, 319, 321, 334, 335, 341, 346—404, 494—545, 559—648.

Вступительная статья написана Ю. Н. Дьяконовой, Г. Л. Венедиктовым, С. Н. Азбелевым, А. Н. Розовым, В. И. Жекулиной, В. В. Митрофановой (авторы названы в последовательности принадлежащих им разделов). Прозаические тексты прокомментированы Г. Л. Венедиктовым, былины — С. Н. Азбелевым, песни — А. Н. Розовым, свадебный обряд —

³ Особенно заметна такая интерференция при сравнении с якутским языком. Она сказывается в чертах фонетики: переход гласного *o* в гласный *y* (говорит вместо говорит и др.). Выпадение первых согласных при их стечении в русских словах, например: *той* (вместо *стой*) и т. п. В грамматическом строе подобная интерференция проявляется, в частности, в неустойчивом употреблении категории рода в личных местоимениях 3-го лица: *ego—eä*. В речи русскоустыинцев такие местоимения нередко употребляются неправильно, поскольку в тюркоязычной речи якутов категория грамматического рода таких местоимений не отмечается. Отдельные слова из лексики якутского языка также проникали в говор русскоустыинцев. Достаточно сказать, например, что слово «дом», как правило, заменяется словом «юрта».

⁴ Все тексты, подготовленные Н. А. Габышевым, затем уточнялись по архивным оригиналам другими участниками сборника и подготавливались ими в соответствии с правилами, изложенными на с. 301—304.

В. И. Жекулиной, загадки, пословицы, поговорки и частушки — В. В. Митрофановой; первый раздел комментариев («Передача текстов») написан М. А. Никифоровой (при участии Н. А. Мещерского и С. Н. Азбелова). Статьи в приложениях написаны Р. В. Каменецкой, М. Ф. Дружининой, Н. Г. Чпкачевым; М. Ф. Дружинина участвовала также в работе над корпусом текстов. Словоуказатель составлен Ю. Н. Дьяконовой (с использованием словарных толкований собирателей, преимущественно Н. А. Габышева, при участии М. Ф. Дружининой и М. А. Никифоровой). Указатели исполнителей, собирателей, сказочных, былинных и песенных сюжетов и указатель песен по первой строке составлены М. А. Никифоровой.

С. Н. Азбелев Н. А. Мещерский

ФОЛЬКЛОР РУССКОГО УСТЬЯ

1

Первые записи устного народного творчества русских старожилов низовьев Индигирки были сделаны в конце 60-х годов XIX в. ссыльным русским революционером и ученым-фольклористом И. А. Худяковым. Он собрал образцы почти всех основных жанров якутского фольклора, изучал общественный строй, быт и духовную культуру якутов. Не мог он обойти вниманием и русский фольклор. В своем «Кратком описании Верхоянского округа» Худяков писал: «В заключение главы о русских мы должны сказать несколько слов об одном из самых северных русских поселений, о местечке „Русское Устье“ (на устьях реки Индигирки). Это местечко не имеет летнего сообщения с Верхоянском, да и зимние сообщения с ним крайне редки, потому, надеюсь, читатель извинит, что собранные мною сведения далеко не полны». В примечании он отметил: «Вообще русскоустыинские сказки, помещенные нами в Прибавлении, дают некоторые материалы для характеристики местного языка... В песнях русскоустыинские лучше помнят родной язык... Взрослые помнят семик; поют „Со вьюном я хожу“, „Хороню я, хороню я“, „Ходит царь круг Нова-города“ и пр.»¹ В «Верхоянский сборник» Худякова, изданный посмертно в 1890 г. в Иркутске, вошли 8 сказок, 2 былины: «Алеша» и «Царь Елизар», а также небольшой отрывок из исторической песни о Милославском, записанные от уроженца Русского Устья.

В 1912 г. здесь жил ссыльный В. М. Зензинов, написавший подробный историко-этнографический очерк Русского Устья. Зензинов отметил древние черты языка русскоустыинцев, сохранение у них русских обычаев, песен и былин, указал на их «необыкновенную национальную устойчивость». Прожив в самом центре расселения русских старожилов низовьев Индигирки почти год, он записал 11 необрядовых песен, 1 былинку и 2 небольшие этиологические легенды. Кроме того, В. М. Зензиновым подробно описан свадебный обряд и зафиксированы песни, которые пелись на девичнике и на свадьбе. Зензинов не был фольклористом, записанный им материал довольно скудеп, что признавал и сам собиратель: «Благодаря собственным ошибкам, а также трудности передвижения мне удалось собрать лишь ничтожное количество песен».² Однако принадлежащий Зензинову историко-этнографический очерк Русского Устья представлял в те времена особую ценность: читатели впервые ознакомились с жизнью и бытом русских людей, оторвавшихся от родной среды в XVI—XVII вв. и живших почти изолированно на Крайнем Севере Якутии.

В 1928 г. в Русском Устье побывала этнографическая экспедиция братьев Н. Д. и Д. Д. Травиных. По ее итогам Д. Д. Травиным был написан подробный отчет Верхоянского этнографического отряда 1927—1929 гг. «Русские на Индигирке» (хранится ныне в Ленинградском отде-

¹ Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа / Подгот. текста О. В. Алексеевой. Л., 1969, с. 96—97.

² Зензинов В. М. Русское Устье Якутской области Верхоянского уезда. — Этнографическое обозрение, 1913, кн. 96/97, № 1—2, с. 214.

лении Архива АН СССР, ф. 47, оп. 2, № 171 и в Архиве Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР, колл. 5, оп. 1). В рукописи 377 страниц. Фольклору Русского Устья посвящена седьмая глава ее, в которой Д. Д. Травин попытался рассмотреть истоки возникновения фольклора, религиозных представлений, поверий, обрядов русскоустыинцев, сравнивая их с духовной культурой некоторых народов Сибири, а также Архангельской, Вологодской, Новгородской и других губерний. В качестве иллюстрации приводятся загадки, песни, былины и сказки.

В мае 1928 г. в местности Косухино Д. Д. Травин посетил семью Киселевых — самых выдающихся сказителей Русского Устья. Он записал 7 сказок от Семена Петровича Киселева-Хулая, позже ставшего знаменитым сказочником. Со слов матери Киселева были записаны старинный обряд русскоустыинской свадьбы, песни, поющиеся на девичнике и свадьбе. Производились записи и от других исполнителей. В рукописи Д. Д. Травина приведены тексты 5 былин и духовных стихов, 6 песен, 50 загадок, 4 пословиц, 12 свадебных песен с описанием свадебного обряда, 10 сказок; приложен также словарь русскоустыинского говора. Фольклорные записи Д. Д. Травина отличаются добросовестностью, точностью, собиратель старался передать фонетические особенности говора, давать комментарии, разъяснения. Впервые в истории собирания устного народного творчества Русского Устья Д. Д. Травиным была сделана попытка сравнить бытующий здесь фольклор с фольклором тех областей, откуда переселились некогда русские старожилы низовьев Индигирки.

Вслед за этнографической экспедицией братьев Травиных в 1931 г. в составе Индигирской экспедиции Наркомводтранса СССР в Русском Устье побывал специалист по экономической географии А. Л. Биркенгоф. Он вел дневник экспедиции, на основе которого подготовил книгу. Утерянная в годы войны, эта рукопись была найдена и издана посмертно в 1972 г. В книге Биркенгофа «Потомки землепроходцев» помимо сведений об экономике и истории характеризуются быт и материальная культура русскоустыинцев, особенности их речи, прилагается краткий словарь говора. А. Л. Биркенгоф писал: «Среди русскоустыинцев было немало любителей послушать и рассказы „тамошних“ о неведомой жизни в России, и „досельные“ сказки своих сказителей. Но настоящим любителем досельной сказки, знатоком ее и сказителем считался лишь Семен Киселев. Одну из его сказок я записал. И жалею, что только одну. Но дело в том, что в год, предшествовавший моему знакомству с русскоустыинцами, у них побывала этнографическая экспедиция братьев Н. Д. и Д. Д. Травиных, и все, что знал Семен, было ими уже записано (к сожалению, записи эти так и остались неопубликованными)».³ Кроме этой сказки Биркенгоф записал 11 загадок, 5 поговорок, 31 народную примету. Книга А. Л. Биркенгофа, где напечатаны его записи, была исследована жизнью русскоустыинцев в советское время.

В составе этой же экспедиции работал известный якутский краевед М. А. Кротов. Он прибыл в Русское Устье 31 августа 1931 г. и прожил там 2 месяца. Кротов довольно подробно описал хозяйство и быт русских в низовьях Индигирки, вел и фольклорные записи. В книге, вышедшей в 1934 г., он писал о русскоустыинцах и их фольклоре: «...они все же сохранили и свой язык, полный старинных народных древнерусских слов, оборотов и выражений, и принесенные из других краев обычаи... Русскоустыинским старикам и старухам известно немало сказок и песен».⁴ Однако сами записи Кротова оставались неизданными. В Архиве Якутского филиала СО АН СССР находится его рукопись «Русские в низовьях Индигирки» (ф. 5, оп. 1, № 84), в которой помещены 14 песен и один отрывок былины.

В 1941 г. выдающийся якутский фольклорист С. И. Боло записал в Русском Устье 10 сказок, несколько песен и десятки частушек. Записи

³ Биркенгоф А. Л. Потомки землепроходцев. М., 1972, с. 168.

⁴ Кротов М. А. В просторах Индигирки. Якутск, 1934, с. 47, 53—54.

Боло также хранятся в Архиве Якутского филиала СО АН СССР (ф. 5, оп. 3, № 453—454). Одна из сказок была им записана от известного сказочника Семена Петровича Киселева-Хуная. Значение тщательных записей С. И. Боло велико, но его работа затруднялась тем, что собиратель не в совершенстве владел русским языком.

Весной 1946 г. по инициативе Института русского языка АН СССР была организована Индигирская этнографо-лингвистическая экспедиция Научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Якутской АССР в составе трех человек: Т. А. Шуба — руководителя, Н. М. Алексеева — этнографа и Н. А. Габышева — учителя русского языка, жившего в те годы в Русском Устье (ныне — якутского писателя). Экспедиция поставила перед собой задачу изучить местный диалект, как можно полнее охватить устное народное творчество и описать материальную культуру старожилого русского населения низовьев Индигирки. Т. А. Шуб об этом писал следующее: «Находясь сравнительно длительное время среди „досельных“, объездив все места их расселения на территории наслег, мы имели возможность более обстоятельно ознакомиться с жизнью, бытом местного населения и записать основные образцы поныне бытующих жанров устного народного творчества».⁵ Т. А. Шуб изучал фонетический строй и лексику русскоустыинского говора, Н. М. Алексеев вел этнографические изыскания, Н. А. Габышев занимался собственно фольклорными записями.⁶

По единодушному мнению участников экспедиции, лучшим сказителем был Семен Петрович Киселев (от которого в свое время записывали Д. Д. Травин, А. Л. Биркенгоф, М. А. Кротов) из Косухино. Н. А. Габышевым записано от него 11 былин, 65 сказок, 68 песен, много загадок, пословиц и поговорок. Габышев замечает о С. П. Киселеве: «Как сказитель он сложился в 30-х годах. В 40-е же годы все признали его выдающимся сказителем всего Русского Устья, ... чтили и уважали его».⁷ Образцы устного народного творчества были записаны также от Семена Егоровича Чикачева из местности Кузьмичево, от Федора Митрофановича Голыжинского из Русского Устья, Пелагеи Николаевны Черемкиной, урожденной Шкулевой, из Косухино, Аппы Николаевны Шкулевой из местности Якутское Жилье, Ивана Николаевича Чикачева из Кузьмичева и др. Все материалы находятся в Архиве Якутского филиала СО АН СССР (ф. 5, оп. 3, № 769, 770, 772, 778—781).⁸ Большой интерес представляет отчет Н. М. Алексеева «Об этнографической работе по досельным русским низовьям Индигирки» (1946 г.) (там же, ф. 5, оп. 3, № 763). Алексеев записал свадебный обряд (включая песни), а также ряд необрядовых фольклорных текстов, описал и проанализировал религиозные представления населения Русского Устья, привел конкретные сведения о демонологии и подробно изложил различные приметы, поверья, запреты, связанные с огнем, человеком, животными и религией.

В результате экспедиции 1946 г. были собраны в большом количестве ценнейшие образцы народного творчества, включая былины, исторические

⁵ Шуб Т. А. Былины русских старожилов низовьев реки Индигирки. — В кн.: Русский фольклор. М.; Л., 1956, т. 1, с. 210.

⁶ По его свидетельству, всего он записал 14 былин и отрывков былин, 111 песен, 62 сказки (отдельно зафиксировав сюжеты незаписанных сказок), 118 загадок, 234 частушки, около 100 пословиц, поговорок.

⁷ Габышев Н. А. О Русском Устье и его сказителях. — РО ИРЛИ, р. V, колл. 263, п. 2, ед. хр. 1, л. 28—29.

⁸ Т. А. Шуб опубликовал записи былин и исторических песен в 1-м и 3-м выпусках «Русского фольклора» (М.; Л., 1956; 1958). Но эта публикация имела существенные недостатки, обнаружившиеся при сопоставлении с архивным материалом записей. Тексты передавались неточно: внесены отсутствующие в самих записях «диалектизмы», есть «исправления» стиля и даже содержания, иногда две записи объединены в один текст; паспортные данные во многих случаях спутаны; не сообщено, кем конкретно были произведены записи публикуемых текстов (в результате при цитировании этой публикации Шуба стали довольно обычными ошибочные ссылки на него как на собирателя). Все тексты, помещенные в публикациях Шуба, переданы по архивным оригиналам в настоящем сборнике. (Ред.).

песни, обрядовую поэзию и богатый сказочный эпос. Эти материалы дали достаточно полную картину состояния фольклорной традиции русского старожилого населения низовьев Индигирки. Хотя напевы из-за отсутствия у участников экспедиции звукозаписывающей аппаратуры, остались, к сожалению, незафиксированными, значение произведенных записей трудно переоценить. Только на основании немногих опубликованных текстов А. М. Астахова справедливо писала: «Теперь Русское Устье предстало как один из значительных, очевидно, в прошлом очагов русской эпической поэзии Восточной Сибири. Записи представляют особенно большой интерес для истории фольклора, так как, вероятно, донесли до нас сюжеты в редакциях, усвоенных еще предками современных сказителей: жители Русского Устья, окруженные инородцами, долгое время находились в значительной изоляции от русского населения Сибири».⁹

В 1960-е годы и в 1978 г. в Русское Устье выезжали диалектологические экспедиции студентов историко-филологического факультета Якутского университета под руководством М. Ф. Дружининой; среди собранного диалектологического материала были и записи произведений фольклора (хранятся на кафедре русского языка и общего языкознания): 10 песен, 23 частушки, 3 сказки, 30 загадок, пословицы и поговорки. Среди исполнителей — Егор Семенович Киселев, сын С. П. Киселева-Хуная.

Летом 1973 г. в Русском Устье работал один из отрядов фольклорной экспедиции Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР в составе В. И. Зоркина и В. Д. Осиловой. Перед экспедицией стояла задача изучения современного состояния русского устно-поэтического народного творчества, выявления его места и роли в жизни местного населения. Обследование района показало, «что современная народная поэзия заметно меняет свой характер. Скудеет эпическая традиция, былины исполняются в отрывках, а некоторые исторические песни забыты. Этому в немалой степени способствует и то обстоятельство, что постепенно уходят из жизни замечательные мастера — певцы и сказители. . .».¹⁰ Участниками экспедиции произведено более 30 записей фольклорных произведений (многие из которых разрушены) — исторических песен, сказок, легенд, преданий и даже двух былин (в отрывочных пересказах). Материалы находятся в Рукописном отделе Бурятского филиала СО АН СССР (инв. № 3315, п. 2, л. 20—176).¹¹

В мае 1977 г. в Русском Устье были участники совместной фольклорной экспедиции Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР и Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Экспедиция была посвящена изучению фольклорных традиций русского населения ряда районов Якутии. Записи русского фольклора на Индигирке вели С. Н. Азбелев и Ю. Н. Дьяконова. Выяснилось, что традиционный фольклор здесь угасает, его носителями являются только люди старшего поколения. Однако от известного сказочника Егора Семеновича Киселева было записано несколько произведений, усвоенных им преимущественно от отца — С. П. Киселева-Хуная; осуществлены и записи текстов других жанров от ряда исполнителей: в общей сложности 12 сказок и иных образцов народной прозы, 16 песен, 3 баллады, 125 частушек, 18 загадок, пословицы, детский фольклор, бытовые мемуары, воспоминания о свадебном обряде, гаданья, приметы и др. (материал хранится в Рукописном отделе ИРЛИ. р. V, колл. 267, п. 1). Снято на киноленту исполнение местного народного танца. Экспедиция работала на Индигирке в мае, когда некоторая часть исполнителей была на промысле. Но, несмотря на это обстоятельство и сжатые сроки

⁹ Астахова А. М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966, с. 220.

¹⁰ Кузьмина Л. П., Миронова З. А. Современный русский фольклор на крайнем Севере. — В кн.: Современный русский фольклор Сибири. Новосибирск, 1979, с. 182.

¹¹ Получить эти записи для использования в настоящем сборнике не удалось. По свидетельству В. Д. Осиловой, из-за неблагоприятных условий записывания расшифровка магнитофонных лент затруднительна. (Ред.).

(на пребывание в Полярном и Чукурдахе было отведено 9 дней), общая картина вырисовывалась достаточно ясно: выветривание традиционного фольклора происходит здесь в наше время не менее интенсивно, чем на Севере Европейской России.

Такова вкратце история собрания фольклора Русского Устья.¹²

2

Сказки, предания и легенды Русского Устья — результат собирательской работы, продолжавшейся более века (основную часть этого материала составляют записи Н. А. Габышева). Собрание в целом является ценнейшим вкладом в науку, хотя исчерпанность фольклорного пласта все же невелика: даже Н. А. Габышев произвел записи только от 23 человек из 323 жителей,¹³ от каждого исполнителя записан далеко не полный репертуар.

В нашем сборнике помещены почти все неопубликованные ранее тексты, за исключением лишь нескольких вариантов, не имеющих научной ценности (на них даются ссылки в примечаниях), а записи конспективные отнесены в конец корпуса сказок. Не включены в него записи И. А. Худякова, недавно переизданные в серии «Памятники русского фольклора».¹⁴ Из восьми его записей от уроженца Русского Устья русских сказок только три: «Ворон» (сюжеты «Ворон Воронович» и «Катигорошек»), «Крестьянский парень» («Нерассказанный сон») и «Старичок» («Липовая нога»). Первая по стилю чрезвычайно близка к публикуемым ниже сказкам С. П. Киселева-Хуная. Остальные пять — перусские (хотя местами они не свободны от русского влияния: в «Промышленнике», например, мотив связывания мужа и выдачи его врагам явно из сказки «Звериное молоко»).

В издание не включаются записанные от русских на русском языке якутские, эвенские, юкагирские сказки (они перечислены в комментарии). Их место среди русского репертуара значительно, но влияние их на русские сказки невелико: заимствованы несколько образов, вроде шаманского коня («Старичково парень») или одноруких-одноногих людоедов («Колобок»), несколько мотивов, вроде омрачивания деревяшки белой («Тать и Борма»), одна якутская пословица, имя Чельбучут и, в очень небольшой степени, — лексика. Самыми значительными результатами влияния оказались изменения в сюжете «Собачка», где собака превращается в человека, и частое употребление формулы приближения богатыря: «громы стали грэметь, молонья сверкать». Все такие случаи оговариваются в примечаниях.

По мотивам и стилю эти сказки стоят особо. Главной причиной заимствования были черты нового миропонимания, отразившиеся в фольклоре. Это привело к появлению в Русском Устье фольклорных обработок рукописных повестей («Бова», «Еруслан», «Анчихух»), лубочных изданий («Громобой»), литературных сказок А. С. Пушкина и П. П. Ершова и даже арабских сказок («Аладдин», «С хвостами люди»)¹⁵ Мифологические

¹² Ср. более подробный обзор: *Кузьмина Л. П.* Фольклор старожилого населения Русского Устья: (К истории его собрания и изучения). — В кн.: *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии.* М., 1982, вып. 9, с. 175—185. В 1982 г. в Русском Устье вели собирательскую работу направленные сюда Институтом истории, языка и литературы Якутского филиала СО АН СССР Ю. И. Смирнов и Н. В. Соболева. Их записи остаются на руках у собирателей, пока не найдящих возможным предоставить их для публикации.

¹³ См.: *Шуб Т. А.* Старожилое русское население реки Индигирки. — В кн.: *Труды Второго Всесоюзного географического съезда.* М., 1949, т. 3, с. 315.

¹⁴ См.: *Великорусские сказки* в записях И. А. Худякова / Изд. подгот. В. Г. Базаров и О. Б. Алексеева. М.; Л., 1964.

¹⁵ Одной из причин было усвоение от окружающих этносов части бытовых привычек и верований. С. П. Киселев, по свидетельству Н. А. Габышева, верил в шендушного, в духа моря и рек, сюликана. По другим данным, жена его шаманила, да и сам он иногда помогал шаману при камлании. См.: *Биркенгоф А. Л.* Потомки землепроходцев, с. 119—123.

мотивы воспринимаются здесь как условные, как художественные средства.

Сказки Русского Устья ближе всего к сказкам европейского Севера, некоторое сходство наблюдается с омскими сказками. Это объясняется тем, что районы Яны, Индигирки, Колымы заселялись потоком переселенцев именно с Севера, о чем говорят и местные предания (каким-то этапом переселения мог быть знаменитый «мангазейский ход»). С падением соборинского промысла этот поток замер, а юг Сибири заполнили переселенцы из других областей. Поэтому в Русском Устье в классической форме не записаны, например, излюбленные для Сибири сюжеты «Змей у воды», «Три царства» и совершенно отсутствует сюжет «Бой на калиновом мосту». Зато здесь записаны не известные нигде сюжеты «Три амбара иглы», «Двенадцать разбойников», «С хвостами люди», «Анчиху», «Крест-цепочка».

Какую же роль в жизни русскоустыинцев играли сказки? Следует заметить, что жизнь эта была необычайно сурова, суровость человеческих отношений отразилась в сказках. Попавший сюда в 1911 г. в ссылку В. М. Зензинов писал с отчаянием: «Единственная и малоутешительная перспектива — превратиться в дикого зверя».¹⁶ Но люди не одичали, сохранив не только свой язык, одежду, обычаи, но даже мягкость, ласковость в обращении, избегали брани и сквернословия.¹⁷ Лишь постороннему казалось, что эта жизнь определяется фразой: «Только бы дал господь какую едешку, а то чего еще нам?»¹⁸ и что все остальное — духовное убожество.

Русские почитали здесь не только «хозяев» стихий, но даже бросали дары огню и «матушке-синю морю». Это была крестьянская вера. Однако такую веру нельзя понимать как идеологию крестьянства. Эта вера была «совершенно формальная, обрядовая», под ней разумелись и верования, и обычаи. «Вера у нас такая: за стол без еды не садимся», — говорят русскоустыинцы.¹⁹ О таком понимании веры свидетельствуют и сказки: например, герой говорит о вплетенном золотом волоске («Памфил-вор»): «Вера такая — все таскаем», а другой («Челбунчут»), видя, как муж расправляется со строптивой женой, заявляет: «Мы эту веру возьмем». Д. Д. Трапавин в своем словаре определяет: «Вера — обычай».²⁰

Эта вера, т. е. бытовые верования и обряды, закреплявшие мораль крестьянства и взгляды его на мир, не допускавшие одичания человека, выполняла функцию культуры. Это подтверждается признанием глубоких социальных, по выражению В. Я. Проппа, «исторических» корней сказки, ее организующей и нравственной силы. С другой стороны, сказка выступала сводом знаний о мире и его эстетикой.

Нередко существо сказки определяют как «ложь», «игру фантазии», «установку на вымысел» с целью развлечения и забавы. Русское Устье предоставляет уникальный материал для разрешения вопроса о соотношении в сказке веры и установки на вымысел. Если сказка генетически восходит к мифу, то вера в волшебное в сказке — остатки сакральности. А. Л. Биркенгоф зафиксировал (правда, в поселении, расположенном чуть южнее Русского Устья) поразительные совпадения верований и сказочных мотивов. Там верили, что леший договаривается с охотником: «Дай мне, чего у тебя в доме ниту», обещая за это богатый промысел, после чего согласившийся не находил дома своего ребенка, жену

¹⁶ Зензинов В. М. Русское Устье. Берлин, 1921, с. 53.

¹⁷ Скворцов Е. Ф. В прибрежных тундрах Якутии. — В кн.: Труды комиссии по изучению Якутской АССР. Л., 1930, т. 15, с. 76.

¹⁸ Зензинов В. М. Русское Устье Якутской области. . . , с. 163.

¹⁹ Зензинов В. М. 1) Русское Устье, с. 56; 2) Марковцы и русскоустыинцы. — Этнографическое обозрение, 1914, вып. 1—2, с. 158.

²⁰ ААН, № 171, л. 161. Такая вера не мешала трезвому, рассудительному взгляду на жизнь. Один старик, сосед В. М. Зензинова, смеялся над шаманами, заявляя: «Не люблю я их... Ну, уж разве очень сильно захворал, позвал бы шамана» (Зензинов В. М. Русское Устье, с. 58), т. е. жил по пословице: «гром не грянет — мужик не перекрестится!»

или брата (ср. сказку, где Морской царь требует: «Отдай, чего дома не знаешь!», а фактическая плата за ребенка — обильный скот).²¹ Верили также, что у ворона за пазушкой «жива-молода» вода (то ли в пазушке, то ли в чем другом) и что ею можно оживить мертвеца.²²

Если вера в хозяев стихий (леший, водяной) повсюду зафиксирована как вера в хозяев мест, то в Русском Устье они также хозяева зверей и ипой живности, какими в сказках бывают бабы-яги, Морской царь, Орел и Лев («Война зверей»), Рак и Мышь («Волшебное кольцо»)²³.

Отмечены пережитки представлений об одушевленности предметов и веры в то, что животные понимают человеческий язык, как обычно случается в сказке. Считали, например, что нельзя класть два топора друг на друга, ибо они могут сговориться и зарубить хозяина. Запрещалось трогать огонь острым железом, чтобы не причинять ему боль, и считалось, что огонь может выдать тайны охотников их жертве (медведю). Голову медведя, горло и легкие не ели, а захоранивали, так как верили, что медведь — брат человека. А при посылке оленей охотники держали во рту щепку, чтобы мысли человека не передавались диким оленям.²⁴

Вместе с тем в Русском Устье развивалось сказочное творчество: появлялись новые сюжеты, новые трактовки сюжетов, фольклоризировались книжные источники. Мирозерцание, допускающее бытие сёндушного, морской хозяйки и т. п., по-видимому, — одно из условий активного существования жанра, с его утратой связано угасание сказки в нашу эпоху (вспомним слова К. Маркса, что мифология, т. е. «природа и сами общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией», явилась предпосылкой, например, греческого искусства и что подобные «предпосылки эпической поэзии» исчезают с наступлением железных дорог и телеграфа.²⁵ Сказка же, восходящая к мифу, в этом смысле древнее эпоса). По данным Н. А. Габышева, родители С. П. Киселева, исполнителя 60—70 сказок, знали их не меньше, а сын его, Егор Киселев, — гораздо меньше.

Сказочный материал Русского Устья подтверждает мысль, что противопоставление веры в волшебное вымышленности содержания сказки вообще недостаточно оправданно. Нельзя сказать, что мифу противостоит здесь установка на вымысел: имеет место установка на типизацию, совместимая с такой верой (ведь типизируются не шапки-невидимки и не волшебные способности). Сказка типизирует поведение человека: героическое («Отставной солдат», «Старичково парень», «Боба-королевич»), поведение хитреца («Шню-шню бычок», «Челбунчут», «Памфил-вор») и иное. Сказка демонстрирует непреложность законов общежития: наказ родителя или жены должен быть выполнен, за услугу следует услуга, гость неприкосновенен, жена — верная слуга мужу, сенаторский сын — враг героя, и т. п. Поэтому сказка чрезвычайно нравственна, поучительна. Сказка, серьезная или забавная, — своего рода энциклопедия человеческих отношений. И эта функция — сказочное обобщение — не зависела от того, верили исполнители в волшебное или воспринимали его как условность.

В сборнике присутствуют все основные виды сказок. Их соотношение примерно такое же, как и в других регионах Сибири.²⁶ Сказки о животных представлены слабо (6 записей на 3 сюжета); уверенности, что их

²¹ То же зафиксировано в Русском Устье (АЯФ, № 770, л. 92, 97).

²² Биркенгоф А. Л. Потомки землепроходцев, с. 148, 149.

²³ «Все убеждены, что от сёндушного „хозяина“ зависит успех охоты, что это он бросает в пасти (капканы) песцов и нагоняет на промышленника дикого оленя, поскольку ему одному подвластен весь животный мир, населяющий сёндуху» (Кругов М. А. В просторах Индигирки, с. 52). Орла в Русском Устье считали царем птиц и «вроде святого», убивать эту птицу было грешно (АЯФ, № 770, л. 106).

²⁴ АЯФ, № 770, л. 105, 106, 108, 112.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 737.

²⁶ Ср.: Матвеева Р. П. Русские сказки Сибири. — В кн.: Русские народные сказки Сибири о богатырях. Новосибирск, 1979, с. 3.

было мало и в бытовании, нет, но записанные репертуары ряда исполнителей дают сходную картину. Интересно, что сказки о животных у С. П. Киселева лишены привычной для нас мягкости и не имеют признаков детских сказок как сказок мира смягченного, мира доброты, снисхождения и ласки, отражая, вероятно, суровость жизни Русского Устья.

Обильнее всего представлены волшебные сказки, особенно любимые исполнителями. Дело здесь, очевидно, не в интересе к волшебным мотивам, а в том, что эти сказки универсальны, совмещают в себе занимательное и поучительное, героическое и трагическое, высокое и сатирическое, волшебное и бытовое, общечеловеческое и классовое. Бытовые же сказки, по-видимому, не получили широкого развития, записей и указаний на них мало. Центральными фигурами здесь оказываются шут, вор и разбойник. Не видим злой бабы, любовника, дурака и ряда других персонажей. Сказки о попе исполнялись, но остались незаписанными. Фигуры же помещика в сказках Сибири вообще не было.

Особое место занимает группа сказок-быличек, которые здесь выступают в составе именованных сказок. Сюда относятся «С хвостами люди» С. П. Киселева-Хуная и «Перстень» П. Н. Черемкиной. К сказкам их относим постольку, поскольку они сохраняют морфологию сказки, стилистику, сказочное решение темы. Например, у Хуная повествование начинается не сугубо конкретно, как в быличке, но сказочно-обобщенно, вне конкретного времени и пространства: «Жили-були старык со старухой, старык ходит каждый день, сечи мечёт...». Герой Хуная, что характерно для сказки, извещает царя о себе вывешиванием бумаги перед царскими окнами, является к царю в генеральской «лопате»; в финале царь, верный слову, уступает ему царство. В «Перстне» герой пользуется сказочным средством — перстнем, которому служат три молодца.²⁷

В то же время в этих текстах представлена низшая мифология (водяные, вампир), что типично для быличек, и интерес сосредоточен не на приключениях человека, а на самих мифологических силах, на их свойствах, на том, как следует по отношению к ним поступать человеку, чтобы обезопасить себя.

Сказки-былички могут расцениваться как материал для формирования новых сказок. Можно полагать, что в прошлом их удельный вес был весьма велик. Но в XIX—XX вв. они — уже редкость. Сохранение их в Русском Устье — одно из свидетельств продления активной жизни жанра на сибирском Севере.

Интересно, что в быличку про людей с хвостами перешла одна из сказок «Книги тысячи и одной ночи» (см. комментарий). Этот переход не был механическим: сказка убрала линии «рыбак—хлебник» и «рыбак—царь», экзотику подводного царства, но мотив плача по новорожденным из намеска перевела в сюжетный эпизод, возвращая этим сюжету подлинно фольклорный характер. Это показывает, что активность фольклорного процесса сохранялась в Русском Устье до самого недавнего времени.

В собрании также представлены сказки, основанные на фольклоризации древнерусских повестей: «Федор Бермятин», «Алчиух», «Боба». Сказка о Еруслане не записана, но она отмечена в репертуаре Ф. М. Голыжинского как «Лазарь Лазаревич», и имя Феодулы Командуловны, свойственное этой сказке, встречается здесь в других сюжетах. Распространенность таких переложений, как и частые упоминания о «гумагах», письмах, грамотах, учености, иностранных языках, свидетельствуют о грамотности русскоустыинцев в прошлом и о том, что грамотность не мешала процветанию фольклора.

«Федор Бермятин» — сказка о походе за царскими регалиями, которую иногда связывают с эпохой Грозного. Установлено, что основа сказки восходит к древнерусским повестям о Вавилоне и к Повести о короле

²⁷ Сказка-быличка записана также на Колыме: рассказ о живом мертвце, «экопомке», оживленной шаманкой. См.: Вагнер И. П. Человек бежит по снегу. Л., 1934, с. 98—101.

Брунцвике (подробнее см. в комментарии). Три ее эпизода не восходят к названным повестям, они существуют и как самостоятельные сказки: «Лихо одноглазое», сказка о богатырше, «Сила хмеля». Однако похоже, что по происхождению это не восточно-славянский фольклор. Так, «Лихо» — аналогия мифа «Одиссей у Полифема». «Сила хмеля» носит басенный характер, что свойственно не волшебным сказкам, а сказкам о животных.

Сказку о богатырше неправильно называют сказкой о «дикой женщине». Ее героиня — настоящая амазонка на крылатом коне, которая каждый день возвращается в кровавом платье; днем она воюет, а вечером родила сына! Правда, у нас есть похожая богатырша — из сказок о Кощее, но она добра и бездетна. Эта же безжалостно разрывает сына, наступая ему на ногу, и бросает половину на плот бегущему мужу: мне — мое, тебе — твое!²⁸

Итак, возможно, что и эти эпизоды заимствованы. Возникает предположение, что «Бермятин» — фольклоризация древнерусских повестей.²⁹ Основанием для перехода в фольклор послужила близость Сказания о Вавилонском царстве и «Брунцвика» к сказке: поход в змеиное царство за государственными insigniями (герой Сказания отправляется за вавилонскими регалиями, Брунцвик — за новым чешским гербом) и приключения на обратном пути.

Возможно, что первоначально знаки царского достоинства включали и «бармы», царские оплечья, и именно от них пошло прозвание героя: Барма, Бурмаков, Бермечин.³⁰ Мнение В. Ф. Миллера, будто имя это восходит к имени духовника Грозного Федора Бармина,³¹ основано на одном созвучии, сама Повесть не знает фигуры духовника. В Русском Устье сказка не содержит имени Грозного, хотя имя это здесь помнили. Присутствие исторических реалий в фольклоре (эпос, историческая баллада, бытовая сказка) связано с установкой на историческую правду. Имя же Грозного, сначала перешедшее в «Бермятина» из Сказания, по законам волшебной сказки в большинстве вариантов оказалось утрачено.

Сказка «Бермятин» была популярна в Русском Устье: она трижды записана и трижды отмечена в репертуарах других исполнителей. Вариант Н. Г. Чихачева — один из самых полных и художественно совершенных из всех известных. Только здесь использован прием предвещения каждого последующего звена, что характерно для многих былин, но не для сказок.³²

«Бермятин» при неустойчивости некоторых звеньев демонстрирует весьма высокую степень фольклоризации: Вавилонское царство предстает как аналог змеиного царства «того» света, дальнейшие эпизоды — как продолжение темы «того» света, лев, выносящий героя домой, — как апа-лог птицы Наги из «Трех царств»; кроме того, достигается единство пространственного и временного решений, четкое разделение персонажей на героя и его антагонистов, стираются психологические мотивировки.

«Анчих» — уникальное переложение древнерусской повести XVII в. об Аполлопе Тирском, очень популярное в Русском Устье (см. коммен-

²⁸ Отрываясь от «Бермятина», эпизод даст снижение темы: он записан как быличка Севера (дважды) и как украинская быличка, где вместо амазонки — «людиша в шерсти», которая пищит, а не говорит. См.: Рудченко И. Народные южно-русские сказки. Киев, 1870, вып. 2, № 9; Северные сказки / Сборник Н. Е. Овчукова. СПб., 1909, № 248; Озаровская О. Э. Пятиречье. Л., 1931, № 23.

²⁹ Предположение Е. А. Тудоровской о восхождении к сказке В. А. Левшина «Повесть о богатыре Будате» (Тудоровская Е. А. Сказка о Борне Ярыжке. — В кн.: Русский фольклор. Л., 1976, т. 16, с. 179—184) не может быть принято, так как «Бермятин» ближе по составу к повестям о Вавилоне и «Брунцвику», чем текст Левшина.

³⁰ См.: Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, с. 26.

³¹ Миллер В. Ф. К сказкам об Иване Грозном. — Известия отделения русского языка и словесности АН, 1909, т. 14, кн. 2, с. 100—104.

³² Вендикова Г. Л. Идеино-художественные принципы былин как отражение феодальной и феодальной эпохи. — В кн.: Русский фольклор. Л., 1976, т. 16, с. 90.

тари). Нами обнаружено, что сказка «Ополон-царевич» из сборника А. С. Кожемякиной³³ во второй ее половине — тоже переложение части этой повести. Таким образом, выявлены омская и русскоустыинская фольклорные редакции. Их география позволяет предполагать, что фольклоризация произошла в Сибири (возможно, в Мангазее). Поводом к фольклоризации послужило, очевидно, сюжетное сходство повести со сказками типа «Морской царь» и «Стрелец»: сватовство, трудная задача, странствия героя.

Русскоустыинская редакция во многом удачнее омской, которая производит впечатление полузабытой детской сказки про сиротку, а не про Ополона. В русскоустыинской редакции опускаются некоторые эпизоды, чуждые сказке, а омская их сохраняет, например: героиню продают, но не в публичный дом, как в повести, а людоеду, который, как в повести, обещает пощадить ее, если она приведет замену себе. Русскоустыинское переложение больше пронизано народными представлениями: здесь королеву Лупшницу спускают с корабля потому, что море не любит «нечистых» женщин (она родила), а в омской редакции потому, что какие-то волшебники умертвили Лупшницу.

«Анчиух» позволяет видеть пути и пределы фольклоризации средневековой литературы, раскрывая, по выражению Э. В. Померанцевой, «некоторые закономерности (если не законы) устного творчества, фольклора как особого вида искусства».³⁴ Сказка не показывает черты внутреннего мира человека, как бы подтверждая этим, что «психологических романов, построенных на условности человеческих взаимоотношений, ... в фольклоре не бывает».³⁵ Так, в повести Антиох долго домогается любви дочери и наконец овладевает ею насильно. Дочь же противится — слезами, доводами («победил супостатов, а страстей не можешь!»), собирается бежать, готова покопочить с собой, а опозоренная, рыдает. Сказка бесстрастно все это опускает. Кроме того, сказка вообще стремится к цельности темы и односторонности, поэтому здесь она распадается на две сюжетные линии, каждая со своей темой и своим героем: омская редакция сохраняет линию Аполлона, русскоустыинская — обе. Линия Анчиуха господствует в сказке. Если в повести сюжетные линии развиваются попеременно, то сказка их четко разделяет и линию Аполлона целиком заключает в рамки повествования другой линии.

«Анчиух» поражает обилием удачных фольклорных осмыслений, богатством сказочных деталей, выигрывает в эпической величавости и выражении чувств, особенно при сравнении с такими переложениями, как «Еруслан» и «Францис Венциан». Очень удачна, например, следующая деталь: Аполлон, теряя жену, а потом обретая дочь, «обдергивает» корабль то черным, то красным бархатом, что развивает соответствующий мотив повести (Анчиух стелет красный бархат по городу, который по совершении инцеста марается грязью). Этот мотив переходит и в другие сюжеты. Наиболее удачна сюжетная линия самого Анчиуха, которая сближает переложение с группой сказок об инцесте: отец и дочь, брат и сестра. Но долгая популярность самой повести и редкие попытки перевести ее в сказку доказывают невозможность этого. Сказочники не в силах преодолеть традицию текста: раскрывается тема инцеста, хотя вообще инцест отца с дочерью для русской сказки немыслим; Аполлон лишен богатырских качеств (даже сватовство он кончил бегством); любовная линия не вырастает в авантюру, что характерно для бытовой сказки; герои относительно бездейственны, что противоречит существу сказки.

Сказка о Бове представлена в вариантах С. П. Киселева и П. Н. Новгородова. Первый трактует сюжет лирически, второй — в богатырском

³³ Сибирские сказки / Записаны И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной. 2-е изд., доп. Новосибирск, 1973, с. 30—41.

³⁴ Померанцева Э. Книга и сказочник. — В кн.: Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв.: Материалы научной конференции. М., 1976, с. 357.

³⁵ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976, с. 91.

духе. Но можно думать, что различия объясняются не только разными типами исполнителей, но и разной степенью фольклоризации сюжета. У С. П. Киселева повествование подчиняется сказочной манере и развертывается как последовательная смена сюжетных эпизодов: здесь более четко сюжет предстает как основной компонент сказочной поэтики. Кроме того, налицо стремление к цельности: противодействия Бове в борьбе за Дружневну, обычно разрозненные, здесь объединяются одним образом Черлатки — слуги Маркобруна, антагониста героя. Этот вариант — один из лучших среди сказок о Бове и наиболее близок к традиционной волшебной сказке. Зато у П. Н. Новгородова сохраняется типичное в таких переложениях развитие сказки как потока сюжетных нагромождений. В этом сказывается новая направленность сказки.

Типичная волшебная сказка — некий замкнутый микрокосм, и слушатель в момент исполнения находится как бы внутри его. Здесь есть центр и периферия, внешние границы, есть герои и враждебные им силы как начала положительные и отрицательные, есть функциональная четкость. Все это прослеживается в «Бермятине» и «Анчиухе». Иначе обстоит дело с «Бовой» и «Ерусланом». Тут мы видим хаос царств и королевств, правителей и героев, где пропадает даже разделение на русскую и иную стороны. «Иной» свет исчезает, волшебное становится повсеместным, но зато просто фаптастическим, условным. За этим стоит распад крестьянского «двоеверия» и переход волшебной сказки из области народного мирозерцания, синкретизма культуры и литературы в область одной только литературы.

К рассмотренным сказочным повестям примыкает группа переложений былин в сказки. В нашем сборнике это «Шветогор» и «Про Илью» (см. комментарий). Описание подвигов нескольких подвигов Ильи предстает как история похищенный героя; при этом сказка, по выражению В. Я. Проппа, «превращает героический подвиг в забавное приключение».³⁶ Такой переход совершается тем легче, что в былинах, как правило, нет разделения на «иной» свет и «наш». Понимание пространства и времени, волшебного и героического в этой группе текстов то же, что и в «Бове». Перед нами отражение той же потребности времени.

Отмеченные процессы проявились и в самой волшебной сказке. Прежде всего мы видим падение веры в волшебное и в результате — систематическое, яркое как нигде стремление демифологизировать сказку, заместить волшебное начало реальным, порой обыденным. Так, в сказке «Собачка» (сюжет «Молодильные яблоки») исчезает мотив волшебных яблок, ягишны замещаются двумя обыкновенными старухами и их братом, двор героини превращается в реальный город, вместо случайности брака — любовь и сватанье. Порой старик с золотыми волосами или яга-баба оказываются живущими в том же городе, что и герой, или даже на той же улице. Естественно, что процесс этот непоследователен и у разных исполнителей идет по-разному: если С. П. Киселев к нему особенно склонен, то П. Н. Новгородов от него весьма далек.

Во-вторых, поскольку вера в волшебное исчезает и оно становится просто условным, то разрушается мифологическая (некогда — сакральная) неприкосновенность сюжетов, разрушается их замкнутость. Сюжетные мотивы, звенья, а то и целые фрагменты текста перемещаются из сказки в сказку, становятся переходными: перстень, которому служат волшебные помощники, калинов мост, Нага-читца, которая ныряет на морское дно («Из диво дивовес коробка») или оживляет героя живой водой из пузырька («Иван-царевич и Царь-девица»), бросание волшебных предметов, становящихся преградой при спасении от погони («Собачка»), и многое другое. Сюда надо отнести и соединение сюжетов в единое целое, исключительно ярким примером чего является «Подсолнешна Красота» (см. комментарий). Процесс этот в науке отмечался давно, но его не обуславливали демифологизацией.

³⁶ Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958, с. 10.

В-третьих, как проявление того же процесса наблюдается массовое использование сказочниками былинных поэтических средств, приемов повествования, имен. Здесь и сюжетная схема былины о Дюке: хвастовство богатством и проверка похвальбы («Подсолнешна Красота»), и знакомство героев благодаря отдыху в чужом шатре, спору и братанию («Беломонет-богатырь», близко — «Арко Аркович»), и былинные пиры, и былинные формулы седлания: «клял он потнички на потнички...», и скака коня: «конь его рассердяется, от земли отделяется, ниже облака ходячего, выше дерева стоячего» («Принцега»).

Заметно сильное стремление развенчать образ женщины там, где она выступает героической победительницей Коцея, мифической Царь-девицей или чудесной помощницей своего супруга (больше всего в сказках «Арко Аркович», «Купец», «Крест-цепочка», «Собачка» — см. комментарии). Вместо этого сказки выдвигают образ обыкновенной, земной женщины, представительницы эпохи полного господства патриархального начала.

Таким образом, в материалах Русского Устья мы наблюдаем удивительное сочетание блеска и заката волшебной сказки.

Наконец, следует сказать о теме социальной несправедливости в сказках. Известно, что в Русском Устье были и бедняки, и богачи, проявившие «желание нажиться за счет менее самостоятельных».³⁷ Однако столь яркое звучание этой темы кажется неожиданным. Она не только определенно проявилась в сказках П. Н. Новгородова, не только породила удивительную «Подсолнешну Красоту», оригинальные эпизоды типа начала «Семи Симеонов» Е. С. Киселева, но и отложилась в *locus communis* концовок многих сказок: «нищие, бенные, подзамочники и подтюремщики» на пиру у богатых счастливых. Отношение к царю двойственно. С одной стороны, это как бы тот же мужик, только богаче и грамотнее, с другой — самодур, падкий до наветов и скорый на казни. Сказка то сгоняет его с престола, то заставляет удавиться от зависти («Кот-баюн»), то превращает в смешного уродца («Из дива дивовес коробка»), ибо «нисколько не трудился человек и чужим трудом пользовался» («Нашташпа Замориявна»). Но если царь в реальности был для русскоустыинцев лицом «почти мифическим», то такое отношение к царю вряд ли могло быть порождено последними контактами их с Большой Землей. Полагаем, что это наследие эпохи переселения, XVII в.

Сказки Русского Устья не имеют присказок и концовок как относительно самостоятельных формул. Они начинаются прямо с описания ситуации («у царя не было детей»), в лучшем случае с «жил-был...». Типичное окончание: «...стали жить да быть, поживать до таперя». Только однажды читаем: «Я давеча у них бул, кашку хлебал: по усу бежало, а в рот не попало» («Тать и Борма»). Отсутствие специального обрамления свидетельствует в пользу того, что сказка стояла здесь ближе к жизни, в большей степени воспринималась как быль (не отсюда ли сближение с быличкой?). Само слово «сказка» употреблялось в значении «рассказ, сведение».³⁸

Однако хорошо развиты общие места сказки, например формулы С. П. Киселева: «Бога просит, молебны служит, приклады прикладывает: дай, бог, сына или дочь — при младости на утеху, при старости на замену и при смертном часу на помин душу»; «Дни, часы ее исполнились — родился мальчик»; «Раштет не по годам, не по месецем — как пшеничное зерно на опаре приздымается, так и он кверху». Встречаются интересные, оригинальные для русской сказки формулы: красавица — «из коски в коску до проливного мозгу — утром зору посмотреть»; молодцы — «усы завитие, лоби заскаты»; рождение — «как на траву упал, в комнате светло стало»; свадьба — «двенадцать суток беспробуду»; угроза — «под темные глаза не насыпай хруцата песка: на онну ногу

³⁷ Скалорцов Е. Ф. В прибрежных тундрах Якутии, с. 77; см. также с. 75.

³⁸ Там же, с. 65, 90.

наступлю, по другую раздери и шинё море подарю». Особенно богаты формулами сказки С. П. Киселева и Е. Н. Щелканова. В устной стилистике Русского Устья не наблюдается строгого единства, по-видимому, существовали разные традиции. К сожалению, достаточно полно зафиксирована только традиция Киселевых.

Местные реалии органично влитены в сказочную ткань: герои прорубают рыбные речки, живут в юртах, медведь-похититель — белый медведь. Интересно, что сказка не знает деревни, только город — ведь и Русское Устье звали когда-то городом, а жителей — «верхоинским мешанским обществом».

В реалиях иногда ярко проступают черты петровской и послепетровской эпохи: царская дочь «под тюлем», «отставной солдат», «думные сенаторы», «министеры», «ведомости», «фатера», «хвартуя» и т. п.³⁹ В «Подсолнечные Красоте» местами немало «галантерейной» фразеологии, свойственной книжной стилизации: «отличный зверочек», «папенька, как-то бы мне попросить?», «то есть как она была любимая дочь и не захотел ее прогневать шловом», «не знаешь ли какого воспопятия?».

В связи с этим отметим как новое в эстетике сказки подчеркнутое отношение к красоте: героиня рассматривается на красоту шатра («Насташша Замориявша»), забывает все, глядя на «лица красоту» любимого («Антиух»), герой выбирает товарищей «под свою красоту» («Памфилвор»).

В связи с вопросом о типах сказительства приведем свидетельство Н. А. Габышева, что если исполнитель что-либо менял в сказке, на него махали рукой: «омманывает», «худой сказочник», «врун». По его словам, Хунай «категорически отрицает полезность нового элемента в фольклоре, так как основной функцией сказителя он считает знание старого, канонического материала в том виде, в котором он дошел до сказителя», — настолько, что некоторые слова передает не понимая.⁴⁰ Но что видим на деле? Сказка про Пепелушку записана от Хуная дважды, и во второй раз произошел сбой, он, очевидно, забыл сказать о Пепелушке вначале, и это повело к перестройке дальнейшего (см. комментарии). Дважды зафиксирован «Челбунчут», и по-разному даны эпизод со старухой после «смерти» героя и эпизод с ограблением покойников. Варианты не совпадают и эстетически. Это, несомненно, путь творческого развития сказки, но творчество здесь не осознается, нет установок на творчество.

Одно время считалось, что сказка развивается усилиями «профессионалов-специалистов», «личным началом» сказочника, перед которым стоят «те же задачи, что и перед каждым художником, все же остальное — „мертвая традиция“».⁴¹ Материал Русского Устья наглядно демонстрирует именно творчество без установки на творчество, т. е. коллективное творчество всех хранителей и исполнителей сказки. Без учета такой закономерности невозможно объяснить сохранность традиционных сказочных сюжетов на протяжении тысячелетий.

Сказка обнаруживает инерцию сюжета, устойчивость его при изменчивости деталей. В «Собачке» герой сватается к героине, решает для этого трудную задачу, но при этом сказка сохраняет нелепое теперь овладение спящей девицей, погою за героем и «провинности» сторожей на дороге. Сказка не в силах обходить сюжетную канву и доводит ход событий порой до логических несообразностей. Так, герой идет в западню («Пепелушко»), зная уже, что то, что он просунет в ворота, будет отсечено. Но он сует ногу — ее отсекают, вторую — тоже, и только теперь бежит.

Эта непреложность сюжетной схемы хорошо известна и слушателям, и исполнителям. Традиционная сказка порой начинает «предвидеть», что

³⁹ Волна культурного влияния связывается в науке с Великой северной экспедицией. См.: *Гурвич И. С.* Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966, с. 121. В 1739—1740 гг. в Русском Устье зимовал отряд Д. Лаптева.

⁴⁰ *Габышев Н. А.* О Русском Устье... л. 44—45.

⁴¹ *Азодовский М. К.* Русские сказочники: Избранные мастера. М., 1932, с. 26, 13.

произойдет. Герой наперед знает, куда поедут его братья. Пагачитца заранее отливает в пузырек живой воды, хотя герой еще жив. Служанка бьет царевну, у которой из горла выкатывается золотое яичко с цепочкой (!), которое служанка тут же вешает себе на шею. В целом знанием сюжетов сказок объясняются привычные пропуски при их исполнении.

Пример традиционного творчества дает сказка «Отставной солдат» у отца и сына Киселевых. Сын опускает непонятные ему детали, в частности, всю линию «губернатора» острова, и вводит ряд мотивировок, а «отставного» солдата переосмысливает как «основного» — главного при царе человека. Далее, он переводит ряд эпизодов в театрализованную форму путем введения диалога, междометий и драматизации внутренней речи. Так, герой встречает врага — имея волшебную саблю: «Зачем? Я один выеду!» и не имея: «А куда? Никуда!»

То же видим при повторении «Принцезы», где театрализация позволяет ближе подойти к показу психологического состояния героя, подчас опуская у сюжета приоритет в сказке. Но как бы ни раскрывалась Принцеза, враждебной или предавшей герою, она всегда будет поступать одинаково! Творчество ограничено в сказке сюжетной схемой, что справедливо и для многосюжетных сказок, где исполнитель имеет дело порой даже с иерархией таких схем.

Возьмем исключительную в этом отношении сказку «Подсолнешна Красота», сложешую из разного сказочного и былинного материала, включившую даже части лубочного «Громобоя». За всем этим угадывается сюжетная схема «Незнайки». Сплав удачен, пока он остается версией этого сюжета. Однако сказочники пытаются здесь приблизиться к иной форме творчества. В первой части, которая следует былинной схеме «Дюка» в разработке темы богатства, сквозит мысль: богатство бог посылает за милостыню нищим. Далее следует история со стариком, знакомым героя с героиней, и здесь опять добавка: старик таким путем награждает самого бедного в городе. Далее идет история Незнайки-Желюшки, трижды осложненная мотивом унижения героя (его бьют). Наконец, жена изменяет ему с португальским королем — появляется мотив злой жены, а потом и жестокой расправы с ней. Сказка оказывается пронизанной сочувствием к нищим и униженным, однако это сочувствие не определяет сюжет, а затрагивая его лишь частично, в сущности даже противостоит ему: героя бьют вопреки его подвигам, жена изменяет вопреки только что проявленной любви. Творчество в сказке не идет далее трактовки заданного сюжета, выражения отношения к нему.

Сказка бывает очень эмоциональна, но она бедна психологически. Вот герой навязывает на дерущихся из-за шапки-невидимки («Ивашко Пепелушко»): «„Здравствуйте, ребята! Чего делаете, ребята?“». Они отвечают: „Ничего!“». Он к ним отвечает: „А зачем заводите драку?“». Это типичный пример «психологизации»: не в попытке понимания внутреннего мира человека, а в уподоблении его действий применительно к бытовой ситуации. Психологизм сказки определяется не внутренними побуждениями, не характером героя, а ситуацией. Поэтому и цари изображаются как мужики: порой царь отдает корону мужику как более удачливому — «а я буду простой человек» («Коток да кобелек»).

Один из факторов сохранения традиции — особый характер памяти исполнителей. Подобно тому как у первобытных охотников существовала особая топографическая память, у носителей фольклора существует цепкая память на слово. Например, сказку «Олька Шемаха» Хунай слышал от матери за 35 лет до встречи с Н. А. Габышевым и с тех пор никому ее не рассказывал, а ему рассказал хорошо. Вторым фактором является характер запоминания: исполнитель не схватывает точный текст, а запоминает ситуации. Отсюда у Хунай в «Челбунчуте» по-разному рассказаны одни и те же ситуации. Поэтому важны публикации вариантов одного исполнителя: через них уясняется тип сказочника и доля традиционности в его творчестве.

Зафиксированные собирателями легенды, предания и былички Русского Устья — материал более или менее случайный. Нередко форма его подачи далека от точной фиксации.

Прежде всего, это группа легенд отчасти апокрифического содержания, раскрывающая тот же, что и в сказках, мир полуязыческих представлений. Обращают на себя внимание редкие у нас мифы о сотворении земли, подчас в более свободной от влияния христианства форме. Однако подобные мифы зафиксированы и у финнов, и у якутов.⁴² Что переселенцы принесли с собой, а что заимствовали от местных этносов, остается неясным. Проблема взаимных фольклорных влияний требует особого изучения. Исключительна в русском фольклоре апокрифическая легенда, где Адам выступает как «культурный герой» и устроитель мира. Интересны этиологические легенды о собаке и мамонте, но особенно любопытна легенда о востроноске, или землеройке, которую уже Д. Д. Травин ставил в параллель с летописными сказаниями о выпадении животных с неба.

Среди преданий значительную группу составляют предания о заселении Индигирки. В общей форме их характеризовал уже Е. Ф. Скворцов. Затем более подробно останавливался на них В. М. Зензинов, который слышал, что жители разных городов еще при Иване Грозном бежали сюда на ботах и кочах морем, осели в устье реки, назвав свой первый поселок Русским Устьем, или Русским Жилом. В. М. Зензинов видел и архив Русского Устья, где в прошении русскоустынцев от 1831 г. сказано, что «река сия первоначально найдена какими-то русскими кочами», а в бумаге 1832 г. говорится: «... постоянное жительство наше с предков, как опытною от старших известно, более 150 лет».⁴³

Конечно, переселение в эпоху Грозного «прямо из России» сомнительно. А. Л. Биркенгоф и И. С. Гурвич отмечали расхождение здесь с документами, последний даже полагал, будто возникли эти рассказы во время тяжбы русскоустынцев с юкагирами — как аргумент против возможного выселения с реки.⁴⁴ Однако подобные же предания он сам слышал на Колыме и Яне.

Такие предания следует воспринимать, конечно, не как исторические документы, а как фольклорную форму исторического сознания. Важно, что переселенцы свое движение в Сибирь связывали с эпохой Грозного, определяя и область исхода — европейское Поморье. Действительно, в документе об уплате налога 142 индигирщиками в 1650 г. названы устюжане, вятичи, усольцы, мезенцы, белоозерцы, холмогорцы, пинежапе, вымитенцы, новгородцы, кайгородцы, чердынцы.⁴⁵ На кочах (а вероятно, и на собаках)⁴⁶ двигался этот поток в поисках пушных угодий. Далеко не все промышленники оседали на новых местах, но ясно, что именно они образовали ядро жителей Русского Устья, определили его культуру и диалект.

Существовали и семейные предания о переселении (см. тексты). В соответствии с временем переселения жители делили себя на коренных и пришлых. Наконец, существовала память и об отдельных «наиболее энергичных» представителях своей среды.⁴⁷ Таково публикуемое предание об охотнике Лаврентии.

Далее идет группа преданий-легенд о соседях русских. Существовали какие-то предания об омоках и тунгусских кучана.⁴⁸ Рассказывали о чанда, которые обитали на Индигирке до русских и от которых сохрани-

⁴² Веселовский А. П. Разыскания в области русского духовного стиха. — В кн.: Сборник отделения русского языка и словесности АН. СПб., 1889, т. 46, с. 31.

⁴³ Зензинов В. М. Русское Устье Якутской области..., с. 120.

⁴⁴ Гурвич И. С. Этническая история..., с. 193.

⁴⁵ Там же, с. 55.

⁴⁶ О «восточно-сибирском», или русском, типе собаководства с конца XV в. см.: Каменецкая Р. В. Д. К. Зеленин и некоторые вопросы этнографии русских старожилов полярной зоны. — В кн.: Проблемы славянской этнографии. Л., 1979, с. 178—186.

⁴⁷ Ср.: Скворцов Е. Ф. В прибрежных тундрах Якутии, с. 77.

⁴⁸ ААН, № 172, с. 33, 35.

лись только каменные топоры да остатки построек. На зиму чандала якобы засыпали.

Легенда о засыпающих на зиму чандала, записанная Д. Д. Травиным, поразительно точно совпадает с текстом древнерусского сказания «О человецех незнаемых в восточной стране» (см. комментарии). Д. Н. Анучин, исследовавший его, приводит вариант по хронографу 1696 г. и ссылается на подобный же рассказ С. Герберштейна, заимствованный из какого-то русского дорожника.⁴⁹ Интересно, что сказание определяет регион засыпающих на зиму где-то за Обью на восток, в стране «могозеев», «малгонзеев», «молгозиев»; Д. Н. Анучин справедливо связывает это со знаменитой Мангазеей.⁵⁰ Этим подтверждается мысль, что часть предков русскоустыинцев этапом переселения, возможно, имели Мангазей.

В связи с этим обратим внимание на два мотива христианских легенд Русского Устья: мотив «людей из камня» («Как произошли люди») и мотив трех веков человечества («Как окончился первый свет»). Мотив «людей из камня» явно напоминает античный миф о Девкалионовом потопе и сотворении людей из камней, брошенных Девкалионом и его женой через голову. Вторая легенда, к сожалению, очень схематичная, начинается с указания на конец первого «света» и сопровождается добавлением информатора, что нынешнее время — третий «свет». Но это — отголосок античного мифа о трех веках человечества: железном, медном, золотом или развитие первого мифа. Подобные мотивы, не имеющие аналогий в апокрифической литературе, могут восходить только к мифологическим статьям известного Еллинского Летописца первой редакции. Таким образом, и здесь мы сталкиваемся с фольклорными отголосками средневековой книжности в Русском Устье.

Рассказы о чучунах, или «плохих чукчах», стоят особо. Некоторые исследователи видят в чучунах реликтового антропоида (см. комментарии). Скорее же всего, это отражение встреч с какими-то недружественными охотниками, возможно, и одичавшими. Иногда в них проскальзывают легендарные черты: говорится, что «родит такого чукчу сендуха, как траву», что они любят прятать, а потом возвращать вещи,⁵¹ что, «будучи убит, тела своего никогда не оставляет, так как бросается в воду».⁵²

Былички Русского Устья остались заслоненными рассказами о сендушном и прочих духах. Подобное же положение отметил П. П. Вагнер на Колыме, где быличку удалось записать и где информатор прямо указывал, что многие скрывают свои «встречи» с сендушным и придают им форму рассказов вообще.⁵³

3

Записи былин в Русском Устье сравнительно немногочисленны, но научная ценность их велика. Все тексты публикуются в настоящем сборнике. Местная эпическая традиция донесла до собирателей с той или иной степенью сохранности 11 былинных сюжетов: «Добрыня Никитич и Змей», «Алеша Попович и Тугарич», «Михаил Данилович», «Князь Ромап и братья Ливики», «Суровец-Суздадец», «Илья Муромец и Идолице» и «Илья Муромец на Соколе-корабле» (кратко, в контаминации друг с другом), «Садко и морской царь», «Дюк Степанович», «Бой Добрыни Никитича с Ильей Муромцем» (самое начало, предположительно относимое к этой былине), «Волх Всеславьевич» (фрагменты в виде

⁴⁹ Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака: «О человецех незнаемых в восточной стране». — В кн.: Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1890, т. 14, с. 232—233, 274.

⁵⁰ Там же, с. 249.

⁵¹ Зензинов В. М. Русское Устье Якутской области..., с. 204 (см. также тексты); Кротов М. А. В просторах Индигирки, с. 53; Гурвич И. С. Таинственный чучуна. М., 1975, с. 69—70, 72—73.

⁵² ААН, № 171, л. 50.

⁵³ Вагнер П. П. Человек бежит по снегу, с. 91—92.

перенесений в текст другой былины). Примыкает к былинным записям зафиксированный здесь старший былевой стих «Голубиная книга» (не касаемся былинных сюжетов, дошедших только в сказочной традиции, возможно — через посредство книги).

Можно предполагать, что и некоторые другие былины некогда бытовали здесь, но остались незафиксированными. Даже экспедиция 1946 г. не преследовала цели сплошного охвата и исчерпания былинного репертуара. Впоследствии Н. А. Габышев сетовал, например, что не записал ту или иную былину от «памятливового» Ф. М. Голыжинского, хотя тот знал ее.⁵⁴ Возможно, что при сплошной записи в середине XX в. мы и не имели бы уже дополнительных сюжетов, но, вероятно, имели бы в ряде случаев более полные тексты.

Большинство записанных здесь былин при обычной краткости текстов представляют весьма интересные варианты, а иногда — и первостепенной важности редакции. Поэтому целесообразно охарактеризовать такие былины по отдельности.

Былина «Добрыня и Змей» зафиксирована четырьмя записями, представляющими одну редакцию. Наиболее подробен текст Ф. М. Голыжинского; в полузабытом и неполном варианте С. Е. Чикачева спутано имя главного героя; две другие записи — от Н. Г. Чихачева и С. П. Киселева — весьма близки друг другу, хотя разделены почти двумя десятилетиями лет.⁵⁵

В целом русскоустыинская редакция ближе всего к тексту Кирши Данилова, представляющему ту же версию (где Добрыня бьется со Змеем один раз, убивает его и освобождает пленницу). Важная особенность записей в Русском Устье — имя пленницы и ее родственные отношения с Добрыней. В варианте Ф. М. Голыжинского дважды сказано, что герой освобождает свою родную тетку; она именуется здесь Марьей Елизавитовой, в двух других полных вариантах — Марьей Изяславной. У Кирши Данилова Добрыня освобождает свою тетку Марью Дивовну, которая названа сестрой князя Владимира.

Сходные имена — в принадлежащих другой версии вариантах Маркова, 73 (с Зимнего берега Белого моря) и Гильфердинга, 59 (из Восточного Прионежья). В первом освобождена племянница князя Владимира Марфа Дмитревна, во втором — княжеская дочь Марфида Всеславьевна.⁵⁶

Как известно по летописям, исторический Добрыня — близкий родственник князя Владимира Святославича (дядя его). Былинный же Добрыня Никитич — близкий родственник князя Владимира (обычно — племянник), что давно справедливо трактовалось исследователями как результат эпического осмысления родственных отношений исторического Владимира и исторического Добрыни.⁵⁷

Еще А. А. Потебня (а ранее — Н. Д. Квашин-Самарин) сопоставлял фигурирующую в записи А. Ф. Гильфердинга Марфиду Всеславьевну и упоминаемую древнейшими летописями Мальфрид, о смерти которой сообщено под 1000 г.⁵⁸ А. А. Шахматов считал вероятным, что в летописи

⁵⁴ Габышев Н. А. О Русском Устье... л. 83.

⁵⁵ О знакомстве с другими былинами, собирателями здесь не зафиксированными, по-видимому, свидетельствует вставка Киселева: причиной поездки Добрыни, кроме охоты, оказывается желание «искать-поискать брата назвавшего, того було Илья Муровца» (такая мотивировка отъезда часто встречается в былине «Добрыня и Алеша»).

⁵⁶ В тексте говорится, что освобожденная пленница — дочь самого Владимира. Но поскольку она названа по отчеству Всеславьевной, позволительно думать, что прежде в этой редакции речь шла о сестре Владимира Всеславьевича.

⁵⁷ «Племянник» в древнерусском языке означало просто «родственник» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895, т. 2, стб. 959—960).

⁵⁸ Потебня А. А. Объяснения малорусских и сродных народных песен. Т. 2. Колядки и щедровки. Варшава, 1887. Ср.: «В лето 6508. Преставися Мальфридъ. В се же лето преставися Рогънедь, мати Ярославля» (Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, с. 163). Аналогичный текст в Новгородской первой летописи.

речь идет о матери князя Владимира Святославича, и писал в этой связи о былинне, что «Мальфредь Мистинишну или Мстиславну следует, может быть, видеть в Марфиде Всеславьевне».⁵⁹ Однако в Иоакимовской летописи, использованной В. Н. Татищевым, где говорится, что Владимир после крещения «отпусти жены от себе», среди этих жен прямо названа «Мальфрид со сыном Светославом».⁶⁰ В русской истории XII в. известны еще княжна Малфрид Мстиславна — внучка Владимира Мономаха и Малфрид Юрьевна — дочь муромского князя.⁶¹

Вероятнее всего, что былина отразила воспоминание об одной из жен Владимира Святославича, отчества которой летописи не сохранили, а свойство ее с Добрыней позднее было переосмыслено как родство. В. Ф. Миллер справедливо предполагал, что «об этой жене Владимира некогда в народе ходили какие-нибудь рассказы, не попавшие, как и многое другое, в летопись, но почему-либо сохранившие ее имя в песнях древнейшей поры нашего эпоса». Обращая внимание на то, что избавляемая Добрыней от Змея пленница, согласно былинне, как правило, — родственница Владимира, а сам Добрыня — его племянник, В. Ф. Миллер справедливо усматривал в этом «память о близких родственниках отношений богатыря к князю Владимиру»,⁶² что «связывает былевого Добрыню с историческим дядей св. Владимира».⁶³

По мысли В. Я. Проппа, особенность варианта Кирши Данилова, где «Добрыня освобождает не Запаву Путятишну, а свою собственную, неизвестно откуда взявшуюся тетушку», — лишь показатель того, что текст Кирши является «чрезвычайно путаным».⁶⁴ По мнению Б. Мериджи, напротив, «в этом случае Кирша Данилов сохраняет, по всей вероятности, версию более древнюю, чем тот былинный сюжет, который мы знаем по свидетельствам XIX века».⁶⁵ Можно не согласиться с конкретным объяснением, какое предложил автор (восхождение эпизода к обряду инициации). Но мысль, что эта деталь — не результат индивидуальной «путаницы», а составной элемент древней версии былины, основательно подкрепляется русскоустыинским вариантом Ф. М. Голыжинского.

В своей совокупности варианты Русского Устья подкрепляют и мнение тех исследователей, которые связывали редко встречающееся особое имя пленницы с реальной Малфридой — женой (или матерью) Владимира Святославича: Мария Изяславна этих вариантов, конечно, восходит к тому же прототипу, что и Марфида Всеславьевна в записи А. Ф. Гильфердинга, т. е. к имени, более искажившемуся в вариантах, записанных А. В. Марковым и Киршей Даниловым. (Можно полагать, что и в ряде других случаев русскоустыинская редакция сохраняет детали, вообще утраченные в тексте Кирши Данилова, поскольку они есть в других версиях былины).

Перед нами достаточно явное свидетельство того, что, во-первых, русскоустыинская былина сохранила более древнее состояние былинной традиции, чем предшествующие по времени записи варианты Севера Европейской России, а во-вторых, что эпическая традиция Русского Устья стадально оказалась в этом случае древнее по происхождению той, какую зафиксировал Кирша Данилов.

Аналогичная картина обнаруживается и при рассмотрении некоторых других сюжетов.

Былина «Алеша Попович и Тугарин» была записана здесь еще И. А. Худяковым в 1860-х гг.; две записи 1946 г. (от С. П. Киселева и

⁵⁹ *Пажатов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 376, 378.

⁶⁰ *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1962, т. 1, с. 113.

⁶¹ См.: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 146—147.

⁶² *Миллер В.* Эскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, с. 49.

⁶³ *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. М., 1897, т. 1, с. 146.

⁶⁴ *Пропп В. Я.* Русский героический эпос, с. 181.

⁶⁵ *Мериджи Б.* Наблюдения над сборником Кирши Данилова. — В кн.: Роль и значение русской литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966, с. 25.

Ф. Гольжинского) принадлежат той же редакции и в целом короче, но сохраняют полнее некоторые детали повествования сравнительно с текстом Худякова.

Русскоустыинские варианты весьма близки соответствующей части контаминированного текста Кирши Данилова, но даже в совокупности своей оказываются несколько менее полными. При всем том они в отдельных случаях, по-видимому, более близки к архетипу, лучше сохраняя уникальные бытовые детали или точнее передавая отдельные частности.

Так, например, у Кирши Данилова двенадцать богатырей несут Тугарина «на той доске красна золота», в записи же от С. П. Киселева «принесли тут Тугарина на дубовой на доске».⁶⁶

В записи от Киселева перед боем

За Тугарина ручаются тридцать богатырей,
За Олешиньку ручается его дядька, Владимир князь,
А вмеште с ним Ефимпа, слуга верная.

Сходно — в тексте Гольжинского. Далее этот мотив кратко повторен (и у Киселева, и у Гольжинского) при описании самого боя Алеша с Тугарином.

В сборнике Кирши Данилова данный мотив предстает иначе и значительно усложненным, причем имеет место очевидное текстовое перенесение из помещенной там же былины об Иване гостинном сыне. Указывая на последнее обстоятельство, В. Ф. Миллер склонен был считать весь эпизод с закладом в былине «Алеша и Тугарин» результатом индивидуальной порчи текста, обязанной самому составителю сборника.⁶⁷ Теперь можно убедиться и в исконности самого эпизода, и в том, что записи 1946 г. сохранили важную деталь повествования, явно переделанную у Кирши Данилова и, возможно, хуже сохраненную исполнителем Н. В. Худякова.⁶⁸

Былина «Суровец-Суздалец» представлена двумя записями, при этом более или менее полным является текст Ф. М. Гольжинского. Но не имеющий начала вариант Н. Г. Чихачева любопытен тем, что здесь герой именуется «Сурович Иванович, по прозванью Олег Ярославович» (в первом тексте несколько иначе: «славный Сурович Иванович, Ярославной Воль Ярославович»). «Прозванье» героя этой редкой былины, зафиксированное только в Русском Устье, невозможно, конечно, приписать лишь плодам местного творчества.

Русскоустыинская редакция явно перекликается с былиной о Волхе: весьма сходно читается здесь о рождении богатыря и его наказе матери.⁶⁹ По-видимому, следует говорить о контаминации, точнее — о почти механическом перепесении начальных эпизодов былины о Волхе, так как «Яруславной Воль Ярославович» — это, скорее всего, искаженное «славный Вольх Всеславьевич», а повторная, более полная перекличка с былиной о Волхе в конце текста Ф. М. Гольжинского разрывает его на середине фразы. Но перенесение принадлежит не самому исполнителю, а местной традиции, так как запись от Н. Г. Чихачева дает в этом же месте вторую цитату из «Волха» (первая у него передвинута в менее подходящий контекст).

⁶⁶ Эта деталь отсутствует в более подробной записи Худякова, на что обратил внимание Н. А. Габышев.

⁶⁷ Миллер В. Ф. Очерки..., т. 1, с. 437—438.

⁶⁸ У Киселева поручители за Тугарина — это, очевидно, сами татары, т. е. те «тридцать богатырей», которые несли его на доске (аналогично — триста богатырей — у Гольжинского). В записи же Худякова —

А не кто за Волёшу не ручается,
Один Солнышко Владимир — от ручается,
А за Тугарина да весь город ручается.

⁶⁹ Ср.: Древние российские стихотворения, собранные Киршем Даниловым. 2-е изд. / Подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путидов. М., 1977, с. 32—33.

Существенно, что русскоустыинские извлечения из былины о Волхе текстуально ближе всего именно варианту Кирши Данилова, но кое в чем полнее его. Это заставляет предполагать, что былина попала на Индигирку некогда в более раннем изводе, чем тот, который донес до нас сборник Кирши, но в самостоятельном виде не сохранилась ко времени достаточно полного записывания здесь фольклора.

Былина о Садко, переданная полнее тем же Ф. М. Голыжинским, содержит один из посвященных этому герою сюжетов, фигурирующий как самостоятельная былина у Кирши Данилова («Садков корабль стал на море») в редакции близкой к русскоустыинской. Еще более близок к последней вариант, записанный В. Г. Богоразом на Колыме. Отличие записей Русского Устья состоит в полном отсутствии каких-либо указаний на то, что Садко — гуслир. (В колымском варианте герой играет на гуслиях после того, как он спущен на воду, но не у морского царя). В. Ф. Миллер считал, что мотивы игры Садко на гуслиях — привнесение, обязанное влиянию карельских рун.⁷⁰ Было бы соблазнительно видеть в русскоустыинской разновидности отражение той стадии эволюции былины, когда Садко еще не был гуслирем. Но редакционная близость к двум упомянутым вариантам и краткость финальной части былины в Русском Устье делают более вероятным предположение о забвении этого мотива на Индигирке.

Близок к начальной части былины о Дюке у Кирши Данилова сокращенный вариант этого начала, записанный в Русском Устье от П. Н. Черемкиной. Но здесь город Волынец превратился в город Хвалынский. Вообще искажения собственных имен в индигирских текстах довольно значительны, причем не всегда объясняются созвучием (как, например, «Пурга-царь» из имени «Курган»); в былине «Роман и братья Ливики» герой посит имя Елизара, в былине «Михаил Данилович» вражеский царь носит имя Тита или Чита и т. д.

Сюжет о Михаиле Даниловиче (отсутствующий у Кирши Данилова) представлен в Русском Устье записью В. М. Зензинова (1912 г.), порой весьма сходными текстуально записями Д. Д. Травина от П. Г. Чихачева (1928 г.) и Н. А. Габышева от С. П. Киселева (1946 г.), а также сокращенным текстом И. Н. Чихачева (1946 г.). Перед нами особая редакция былины, имеющая много общего с редакцией, записанной на Колыме, которую В. Ф. Миллер признавал «более близкой к первоначальной», чем современные ей записи в Европейской России.⁷¹ Русскоустыинская редакция ему не была известна. В ней обнаруживаются те же особенности, какие В. Ф. Миллер обоснованно считал признаками первоначальности в редакции колымской:⁷² князь «играет не совсем красивую роль», погнав против врагов богатыря-малолетка вопреки предупреждению отца его о том, что Михаилу только двенадцать лет:

Не может Михайлышко на коне сидеть,
Не может Михайлышко копьем владеть,
Було би, говурит, — Михайлушко пятнадцать лет,
Он бы съездил Читу супротивником,
Постоял би за веру христианскую.

Князь оказывается косвенным виновником гибели юного богатыря.

Как и в колымской редакции, в русскоустыинских текстах разгром врагов довершает его отец. Но здесь Данила Игнатьевич сам приносит с поля боя раненого сына и зажигает свечу, которая не погаснет, если сын останется жив. Старый богатырь

Сам выходит не дверми и ни воротами,
Выламывает каменну стену;

⁷⁰ Миллер В. Ф. Очерки..., т. 1, с. 283—304.

⁷¹ Там же, с 426.

⁷² Там же, с 425.

он не берет обычного оружия, а разит врагов вырванным из земли дубом; перебив их и привезя князю «в тороках» пленного царя,

Тут спроговорит Данилышка Игнатьевич:
«Чего, князь, сидишь прохлаждаешься,
Померкло мое красно солнышко,
Улетела звезда подвосточная,
Потухла свеча воску ярого,
Переставился Михайлышко Данильевич».
Сам бросался, кидался о кирпичевый мос[т],
Его косточки, суставчики не спозналися.

В колымской редакции финал сглажен: побив врагов палицей, привезя царя и узнав, что сын скончался, Данила Игнатьевич говорит князю:

А к чему было малого запаивати,
А к чему было малого подговаривати?

Князь отвечает обещанием устроить его сыну пышные, «княжепецкие» похороны.

Не представляется возможным отнести особенности русскоустынской редакции к плодам местного творчества: дубов жители тундры и северной тайги никогда не видели, кирпичный мост (пол) — также реалия совершенно чуждая заполярью Сибири, где не было кирпичных палат или соборов. Трудно сомневаться, что перед нами тот вид былинны, какой мог сформироваться только у далеких предков переселенцев на Индигирку — еще в Европейской России.

Близость колымской редакции и русскоустынской — показатель древности обеих редакций, восхождения их к бережно сохранным в Сибири разновидностям первоначальной версии, принесенным сюда давно и издалека.

Хотя записей былин в Русском Устье сравнительно немного, причем протяженность текстов уступает, например, вариантам Кирши Данилова, а имена и реалии нередко искажены, значение этих записей очень велико. Они не только сопоставимы по фольклористической ценности с текстами Кирши Данилова, но в ряде случаев отражают более древнее состояние эпической традиции. Этому способствовало весьма бережное отношение к былинам исполнителей, что доказывалось текстуальным сходством вариантов, записанных от разных людей и с интервалом в несколько десятков лет.

4

Русское Устье справедливо считают своеобразным заповедником старинной русской культуры. Можно встретить даже утверждение: «Русскоустынцы, в течение веков оторванные от всего русского, сумели сохранить не только свой язык, но и древние песни, сказки и обряды, давно забытые в других местах России».⁷³ Знакомство с песенным фольклором (более 100 записей), заслуга в открытии которого принадлежит в основном экспедиции 1946 г., приводит к выводу, что такая характеристика является несколько односторонней. Прежде всего бросается в глаза необычайная пестрота репертуара. Наряду с очень старыми, редкими, а подчас и уникальными текстами здесь оказались записаны жестокий городской романс, поздняя баллада, песни литературного происхождения, публиковавшиеся в многочисленных песенниках и на лубочных картинках. По-видимому, традиционный песенный репертуар пополнялся благодаря прибывавшим в Русское Устье морякам-зимовщикам, ссыльным, заезжающим на короткий срок купцам и чиновникам. Таким образом, полной изоляции, по крайней мере с середины XIX в., уже не было. Значительные изменения претерпевал не только репертуар песен, но и манера их исполнения. По словам Н. А. Габышева, в 1946 г. все песни

⁷³ Кузьмина Л. П., Миронова З. А. Современный русский фольклор..., с. 179.

пелись русскоустыинцами на один заунывный мотив, а певцы вспоминали, что раньше в Русском Устье пели на несколько голосов и на разные мотивы, но затем все позабыли.⁷⁴

Н. А. Габышев записывал песни не с голоса, а под диктовку. «Я вначале прослушивал песню в пении, в чтении, потом, выбрав для записи, просил говорить медленнее, писал быстро, не прерывая исполнителя, записывал песни или даже длинные сказки в один присест, в один день. После записи читал исполнителям, просил исправлять, расспрашивал о неясных местах, просил разъяснить непонятные места».⁷⁵ Безусловно, при этом текст утрачивал многое: повторы, распевные слоги, отдельные вспомогательные союзы и частицы; невозможно достоверно восстановить строфику песен. Но так как в Русском Устье сохранилось немало старых, редких исторических, лирических и плясовых песен, баллад, то представляется целесообразной публикация лучших песенных образов в том виде, в котором они были записаны собирателем. Иначе интереснейший фольклор Русского Устья — важный элемент народной культуры, сохранившийся в течение трех веков в иноязычном окружении, — оказался бы представлен в сборнике слишком неполно.⁷⁶

Русскоустыинские песни распределены нами по следующим разделам: исторические; баллады, литературные баллады, песни балладного типа, романсы; лирические песни; игровые и плясовые; календарные.

Из всего песенного фольклора, записанного экспедицией 1946 г., Т. А. Шуб опубликовал 16 песен под рубрикой «исторические». Однако историческими по сути дела являются только 11; другие же 5 — это баллада «Марипка-волшебница», близкие к балладам «удалые», или «разбойничьи», песни «Речка Киевка», «Из-под камешка речка разливалась», «По синему морю, по Хвалынскому», поздняя, очевидно авторская, баллада «Иван Сусанин».

Исторические песни связаны с историческими личностями и событиями жизни русского государства начиная с середины XVI и до первой четверти XIX в. Наряду с распространенными песнями, такими как «Соловей кукушечку уговаривал», «На утреннем несходном красном солнышке», «Стеньки Разина сынок», «Пишет, пишет король шведской», «Во Иструме, славном городе», «Казак Платов в гостях у француза», «Смерть Александра I», в Русском Устье бытовали редкие, а подчас и уникальные песни. Среди них в первую очередь следует отметить имеющийся в единственном варианте текст «Грозный царь Иван Васильевич» (сохранился фрагментарно); нет близких вариантов и к песне «Про Азов-город». Очевидно, только в Русском Устье на протяжении долгого

⁷⁴ Любопытно описание самого процесса пения, данное Н. А. Габышевым: «Певец начинал петь заунывно горлом, растягивая гласные, а между словами вставлял „и—ы—э—у“, не прерывая мелодию, очень тягучую, тяжелую, горловую мелодию; вся песня пелась монотонно, на ровном дыхании, без перерыва и паузы даже после строф и куплетов. Певец останавливался только отдышаться, набрать в легкие побольше воздуха и продолжал петь ровно, тянуть ту же мелодию. А останавливался отдышаться не равномерно, а на любом месте песни. В общем, пачав петь, он как бы не прерывал это пение; просто на эту заунывную мелодию напевал вытнто слова песни и тянул, тянул. При этом модулировал мощным голосом так, что горлом и носом беспрерывно вел мелодию, губами вставлял к этой тягучей мелодии уже слова песни. Так что казалось, пел не один человек, а двое. Песня такая напоминала вой ветра за стеной. Поэтому под такой горловой мотив можно было наполнять любую песню». Эта манера, по мнению Н. А. Габышева, была заимствована русскими у якутов (Габышев Н. А. О Русском Устье... л. 55). Однако экспедиция 1977 г. не зафиксировала подобного явления; записанные ею на магнитофон песни немногочисленны, но исполнены в обычной для русских манере пения.

⁷⁵ Габышев Н. А. О Русском Устье... л. 15.

⁷⁶ Музыковеды, познакомившиеся со звукозаписями экспедиции 1977 г., засвидетельствовали почти полную утрату в Русском Устье подлинных напевов русских народных песен. Ввиду этого признана целесообразной публикация нотных приложений в настоящем сборнике. По-видимому, в период распространения здесь нетрадиционной для русских манеры пения традиционные напевы оказались забыты. (Ред.).

времени сохранялась песня «Илья Милославский» (существует и вариант, записанный здесь же И. А. Худяковым). К редким относится всего несколько раз записанная за пределами Русского Устья песня о подвигах М. В. Скопина, использованная в контаминации с другой песней о нем Киршей Даниловым.⁷⁷ Кроме записей Н. А. Габышева в сборнике впервые публикуется запись 1928 г. Д. Д. Травина «Чисто серебро у молодца минуется», являющаяся фрагментом песни о князе Долгорукове.

Среди баллад и песен балладного типа преобладают старинные песни, по тематике преимущественно семейно- или социально-бытовые. Многие из них можно встретить уже в песенниках XVIII в. Т. А. Шуб в своей публикации без оснований отнес песни «Хвэдор сын Колыческой» и «Олепа Попович и Параня» к былинам. Между тем первая представляет собой древнюю балладу с сюжетом «молодец обольщает девушку, которую стерегут два брата». Впервые она записана в Русском Устье В. М. Зензиновым. Текст в записи 1946 г. отличается, главным образом, концовкой.

Зензинов

Еще в те поры два братца просле-
зились:
«Уж не знали мы, сестрица, над
тобой это случится,
То совокупили бы мы голубя с
голубицею».

Габышев

Тут спрговорят два братца:
«Ми не ланно так сделали:
Лучше бы Хвэдора иной город
сослали,
А пестряцу свою во крапких
руках держали!»

Любопытно, что запись 1946 г. передает более архаичное прозвище (отчество) Софьи — Волховнишна (у Зензинова: Софья-волшебница). Вторая песня — фрагмент распространенной баллады «Параня», в которой убийцей героини стал Алепа Попович. Этот былинный персонаж встречается и в ранних балладах.⁷⁸

Некоторые русскоустыинские баллады отличаются от известных в пауке вариантов своеобразным развитием сюжета («Шумят, гремит мать-Щура река», «Еще есть-то у меня-то, у молодца», «Из-за гор-че белогор, из-за гор-че белогор, високих гор», «На горе, горе петухи поют»). Последняя баллада явно контаминирована из нескольких сходных по тематике песен. Н. А. Габышев считает песню исторической, так как исполнитель (С. П. Киселев) говорил, что «этот удал молодец и есть великий государь Петр Первый, он умирает от простуды».⁷⁹ Действительно, в отличие от большинства других вариантов здесь умирает не девушка, а молодец. Кроме того, стихи 13—18 публикуемого текста в известной степени переключаются со стихами 4—17 из исторической песни о смерти Петра I (Языковы, № 77). Тем не менее нет никакого основания относить эту балладу к историческим песням. Скорее всего образ молодца-матроса позднее был переосмыслен и стал восприниматься как образ русского царя.

Судя по публикациям, для Сибири не характерна баллада «У христианина богатого», которая широко распространена в других районах страны. Не удалось обнаружить близких вариантов к балладе с христианской тематикой «Ти, белиленька, белиленька, травка шелковая» и к балладе «Захотелоса красной девице погуляти», которая, возможно, восходит к книжной традиции.

Бытовали в Русском Устье и «разбойничьи», или «удалые», песни: повсеместно популярная «Из-под камешка речка разливалась» («Разбойничья лодка») и гораздо более редкая «По шиному мору, по Хвалынскому», а также несколько поздних песен балладного типа с военной тематикой: «Еще пал, братцы, туман на сине море», «Двое храбрые яроя

⁷⁷ См.: *Азбелев С. И.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982, с. 68—71.

⁷⁸ Ср.: *Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова.* М.; Л., 1963, с. 75—77.

⁷⁹ *Габышев Н. А.* О Русском Устье... л. 101.

на воронях на конях», «Не с поля дует ветер, военный гром гремит» (записи Н. А. Габышева) и «Молодой казак со полку съезжает», «На роце зеленой пташки распевали» (записи М. А. Кротова, 1931 г.). Материалы М. А. Кротова показывают, что в Русское Устье попадали песни, особенно типичные для казачьей среды.⁸⁰

Пели русскоустыинцы и авторские песни, и романсы;⁸¹ некоторые из них попали сюда уже в обработанном виде из песенников и лубочных картинок. Эти песни претерпевали здесь дальнейшую эволюцию, что видно по текстам записей. Очевидно, от политических ссыльных перешла в местный репертуар баллада П. П. Ершова «Молодой орел» в значительно переработанном виде: «Сто на дубе на високом».

Исполнялись в Русском Устье некоторые городские («жестокые») романсы конца XIX—начала XX в.: «Кари глазки», «Ти рашти, моя рябипка», «Бул я мальчик, бул слободен» и т. д.

Н. А. Габышев обращает внимание на то, что русскоустыинские исполнители, в большинстве своем люди неграмотные, каким-то образом сохраняли в памяти и пели песни, представляющие собой отрывки из стихотворений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова.⁸² Так, А. П. Шкулева исполняла в качестве романса отрывок из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон», но когда собиратель сказал ей об этом, она даже обиделась: «Этту песню батюшка мой пел-то... Иж книги не знали-то ми, не... не гуври пусто...».⁸³ С. П. Киселев пел отрывок из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы»: «Птичка божия...»

По сравнению с балладами, песнями балладного типа и романсами лирических песен записано в Русском Устье немного, но и среди них встречаются старинные песни, известные еще по песенникам XVIII—начала XIX в. («Погодушки горны, от жемли отдерни», «Лучина, лучина березовая», «Комарыки, кушливы комары», «Мать сына бранила», «Там за реченькой слободечка була», «Ещо я бладо в горэньке»).

В некоторых песнях только отдельные мотивы имеют аналогии в ранее опубликованных записях, а сюжетная ситуация в целом развивается весьма своеобразно («Не бела зара, зара занималаша», «В понеделничок любился», «Молодой майорушка по чисту полю ходит»). Не обнаружены варианты к песне, возникшей, очевидно, в среде русских переселенцев в Якутию («Я сидела, Иваповца»)⁸⁴ Сохранилась в Русском Устье песня «Зеленой дубочек на яр похилился», типичная для районов, где жили украинские переселенцы.

По свидетельству Н. А. Габышева, в Русском Устье исполнялось немало плясовых песен, в том числе такие старинные, как «Ах, по мосту-мосточку», «Ходил Ваня по базару», «Во саду ли, в огороде», «Говорела мене мать», «Комарик» и другие, но под них уже не плясали. Тем не менее многие плясовые сохранили одну из характерных особенностей: контаминацию нескольких обычно близких по сюжету песен, в зависимости от продолжительности пляски («Яхали дворана из Пова-города», «Шла девица за водой» и т. д.).

В 1931 г. М. А. Кротов записал в Русском Устье более полный, по сравнению с записью В. М. Зензинова, текст плясовой «Во саду ли, в огороде». Из материалов 1946 г. в первую очередь следует выделить

⁸⁰ Сюда же относятся и песня «Ждесь тучки принавешали» («Трубочка»), записанная Н. А. Габышевым.

⁸¹ Н. Веревки «Черный ворон», С. Т. Аксакова «Уральский казак» («Ехали солдаты со службы домой»), А. Дуропа «Казак на родине» («Возвышилась луна с неба голубого»), И. Никитина «Ехал с ярмарки ухарь-купец», И. Сурикова «Сиротой я росла» («Уродилась девица, по людям ходила»), Н. Ознобишина «Чудная бандура» («Девчоночка плачет над бистой рекой»).

⁸² По свидетельству Н. А. Габышева, среди русскоустыинцев были очень популярны сказки А. С. Пушкина «О царь Салтапе» и «О золотом пегушке», а также сказка П. П. Ершова «Конек-горбунок».

⁸³ Габышев Н. А. О Русском Устье... л. 50.

⁸⁴ В той же среде, скорее всего, возникла песня с уникальным зачином «Ты почто, Лепа-матушка, не проходишь».

исчерпывающе полные варианты плясовых «Разливалась мать Камышенка река» и «В деревне вживал, метелки вязал», спетые А. Н. Шкулевой.

В. Г. Богораз опубликовал нижнеколымскую игровую песню «Летал голубь» с описанием игры. Эта же песня записана и в Русском Устье, но осталось неизвестным, сопровождалось ли пение когда-либо игрой.

Из календарного фольклора в Русском Устье сохранилась лишь предельно сжатая традиционная колядка типа «терем» с припевом «виноградье красно зелено», хотя когда-то здесь существовали и другие календарные песни. И. А. Худяков, заметив, что русскоустыинцы «помнят семик», не привел, к сожалению, тексты семицких песен, а ограничился перечислением их названий.

5

Первое известное нам описание русскоустыинской свадьбы выполнено В. М. Зензиновым летом 1912 г. по личным наблюдениям за ходом свадебного обряда в живом его бытовании. В. М. Зензинов рассказывает только о том, что видел сам; в этом особая ценность его материала для исследователей.

Автором детально описан девичник в последовательности обрядовых действий и сопровождающих их свадебных песен, зафиксировано поведение свадебных чинов во время выкупа невесты и отъезда свадебного поезда к венцу, воспроизведена живая картина брачного пира. К сожалению, это описание не было полным: собиратель не оставил сведений о периоде сватовства, о рукобитии, об обрядах, происходящих в доме жениха. Однако достоверность того, что зафиксировано, позволила взять запись В. М. Зензинова за основу и следить по ней за «движением» обряда этого региона.

В апреле—мае 1928 г. Д. Д. Травин в местечке Косухино (в 50 верстах от Русского Устья) сделал краткое описание обряда и записал тексты свадебных песен со слов А. М. Киселевой, сохранив особенности ее языка и стиля. Это описание, во многом повторяя материал Зензинова, существенно его дополняет. Травин записывал весь ход свадебной игры включая сватовство, рукобитие и предвенечные сборы жениха. Он уточнил некоторые особенности свадьбы, не отмеченные Зензиновым: сватом мог быть лишь посторонний для жениха человек; перед девичником для невесты устраивали некое подобие баенного обряда; жених на девичнике не присутствовал, в день венчания для него тоже устраивали обрядовое омовение, и мать расчесывала ему волосы под пение песен.

Травин, как и Зензинов, отмечает, что в ходе свадьбы исполнялось 12 свадебных песен. Кроме вариантов песен, уже известных по записям 1912 г., Травин записал тексты, не зафиксированные ранее и представляющие собой сплав свадебных песен и причитаний. Ни Зензинов, ни Травин не упоминают о специальных причетах невесты, ее матери и подруг, но подобные контаминированные записи, частично представленные еще в материалах В. М. Зензинова («Я брошу, брошу камешок» — коллективное голошепие подружек невесты на девичнике во время расплетения косы невесты), свидетельствуют о некогда развитой традиции свадебного причитывания в обряде русскоустыинской свадьбы, исчезнувшей к 1912 г.

Записывая свадебный обряд, свадебные песни и произведения других жанров фольклора в Русском Устье, В. М. Зензинов предполагал, что «пройдет еще несколько лет, и навеки будут утрачены песни и былины, сохранившиеся в этом далеком уголке среди неграмотных загадочных выходцев из России».⁸⁵ Однако и через 34 года после первой записи фольклора в Русском Устье жив был в памяти его жителей старинный свадебный обряд. В 1946 г. он был записан этнографом Н. М. Алек-

⁸⁵ Зензинов В. М. Русское Устье Якутской области. . ., с. 112.

сеевым от Е. А. Чкачевой⁸⁶ и С. П. Киселева. Это наиболее полное описание хода свадьбы со всеми обрядовыми деталями и песнями, исполнявшимися в тот или иной момент свадебного действа.

Н. М. Алексеев воспроизводит диалоги свата и отца невесты во время сватовства, уточняет порядок следования обрядовых действий на рукобитии и девичнике, обращает внимание на эмоционально-психологический аспект поведения невесты в различные периоды свадьбы, впервые фиксирует название обряда встречи молодых после венца — «благословенная булка», расширяет наше представление о русскоустыинской свадьбе подробным описанием послевенечных ритуальных действий, до него никем не отмеченных. Записанные Н. М. Алексеевым свадебные песни в подавляющем большинстве повторяют варианты В. М. Зензинова и Д. Д. Травина, что свидетельствует об устойчивости обрядового репертуара этих мест. Свадебных причитаний в материалах Алексеева нет.

Сравнительно недавние записи воспоминаний о свадебном обряде, использованные для дополнения сводного описания, относятся к 1977 г. Они сделаны С. Н. Азбелевым в поселке Полярное со слов Е. Н. Солдатовой и М. И. Чкачевой. Информаторы помнили основные традиционные обрядовые детали, хотя старинные русскоустыинские свадьбы в своем живом бытовании давно ушли в прошлое. Если принять во внимание возраст рассказчиц, ясно, что речь шла о свадебном обряде 30-х гг. Именно тогда ломались привычные устои жизни, многие представления и понятия. Разбросанные на большие расстояния друг от друга и сохранившие некоторую обособленность русскоустыинские семейства переселялись в один поселок — Полярный. Социальные и общественно-исторические изменения способствовали быстрой перестройке сознания и быта людей. В жизнь вторгалось новое, старое уходило и забывалось. Но свадебный обряд, как и во многих других регионах страны, упорно сохранял основные элементы своей структуры. В нем уживались пережитки древних форм брачных отношений, языческие и христианские обряды, сохранялись названия свадебных чинов, возникшие еще в Древней Руси, регламентировалось поведение участников свадебной игры.

Правда, уже записи В. М. Зензинова свидетельствуют о разрушении строгой последовательности обрядовых действий, об исчезновении или трансформации отдельных обрядовых элементов, забвении свадебной причеты. Однако и его материалы, и более поздние записи показывают, что освященная веками форма свадебного обряда в основном сохранилась. Этому способствовала и эстетическая функция свадьбы: многие обрядовые элементы, постепенно утрачивая соотнесенность с древними верованиями, превращались в традиционную игру, оказывающую большое эмоциональное воздействие.

Ритуальная сторона и песенный репертуар русскоустыинской свадьбы позволяют говорить о ее северно-русском происхождении.

Выходцы из северных губерний России, переселившиеся на Индигирку и длительное время ведшие замкнутый образ жизни, сохраняли принесенную с собой фольклорную традицию. Однако постепенно складывающиеся местные особенности хозяйства и быта, природа, окружение сказывались на обрядовой стороне жизни и устной поэтической культуре русскоустыинцев. В традиционном архаическом свадебном обряде стали заметно проявляться местные черты: свадьбы справлялись один раз в году во время Великого Поста, когда колымский священник приезжал в русскоустыинскую часовню; ожидая его приезда и готовясь к свадьбе, жених и невеста после рукобития могли жить вместе, иногда до года; обряд рукобития скреплялся не только деньгами, но и шкуркой песца;

⁸⁶ В 1964 г. от Е. А. Чкачевой записала свадебные песни М. Ф. Дружинина. Песни «Семена мои сахарные», «Что не стук стучал у терема», «Сонцо катилось, сонцо катилось» опубликованы в сборнике «Обрядовые песни русской свадьбы» (Новосибирск, 1981, № 110, 399, 408). Песня «Свят по горенке ходила» — в сборнике «Русские свадебные песни Сибири» (Новосибирск, 1979, с. 299).

к венцу невесту и жениха отправляли на празднично украшенной собачьей нарте; во время свадебного пира подавали специально приготовленные кушанья из рыбы, птицы и оленьего мяса. Однако главным и непременным украшением свадебного стола было блюдо с лебедем; во время пира молодого заставляли ломать отрезанное крыло лебедя.

В течение всего свадебного обряда исполнялось 12 свадебных песен (такое количество песен указывается всеми собирателями). По сюжетному составу свадебные песни Русского Устья соотносятся в наибольшей степени с северно-русской свадебной лирикой. Большинство из них присутствует во всех описаниях русскоустынской свадьбы как близкие варианты или в контаминации, причем наблюдается частое переплетение мотивов разных песен. В единичных вариантах записаны лишь вечериночная песня в контаминации с причитанием — «Ах вы, соколы мои ясные» (1928 г.), сиротская «Бура была перед тучею» (1928 г.), величальные «Хорош был жемчуг в ожерельях» и «Ох тысяцкий, большой человек» (1946 г.). В известных нам описаниях свадебного обряда представлено в целом около 20 сюжетов свадебной лирики (не считая отдельных песенных мотивов, встречающихся только в контаминациях).

Устойчивым оказался текст вечериночной песни «Семена мои сахарные» (1912, 1928, 1946, 1964 гг.), предвечных «Не вылетай, утка, из острова», «На дворе, дворе, Ивановом дворе» (1912, 1928, 1946 гг.) и «Катилось солнышко из-за лесу» (1912, 1928, 1946, 1964 гг.). Две из них — «Семена мои сахарные» и «На дворе, дворе, Ивановом дворе» — в записях всех лет отмечены как песни, связанные с конкретными обрядами: первая исполнялась на девичнике в момент расплетания косы невесты (в записях В. М. Зензинова она еще повторяется в обряде «окручивания головы» молодой после венчания), второй встречали жениха, приехавшего за невестой.

Большинство же песен в связи с разрушением строгих канонов свадьбы откреплялись от определенных моментов обряда и свободно сопровождали различные по смыслу ритуалы. Так, песня «Не вылетай, утка, из острова» исполнялась в обряде выкупа невесты перед отправлением к венцу (1912 г.) и на девичнике в момент поднесения невесте даров (1928 г.) и во время расплетания косы (1946 г.). Выводная песня «Катилось солнышко из-за лесу» пелась и на девичнике (1928, 1946 гг.), и в день венчания (1912 г.). Песней «Зять челом бьет перед тещею» опевали жениха в момент, когда к нему выводили невесту (1928 г.), и при передаче «даров» (1946 г.).

Такая миграция песен в свадебном обряде Русского Устья не является местной особенностью: материалы многих регионов страны, в частности повгородский, близкий к русскоустыинскому, свидетельствуют о подобном процессе свободного перемещения свадебной песни в обряде.

По жанровому составу свадебная обрядовая поэзия Русского Устья не отличается разнообразием: в основном записаны лирические свадебные песни. Как уже отмечалось, кроме текстов устойчивой сюжетной сохранности записаны контаминации отдельных песенных частей и мотивов лирических свадебных песен, контаминированные варианты близких по темам величаний, соединения корильных с величальными, лирических с причитаниями.

Такие контаминации — не только показатель определенных негативных процессов в обрядовой лирике, но и свидетельство бытования более разнообразного свадебного репертуара в прошлом. Переселенцы из различных северных мест России, видимо, принесли в Русское Устье хорошо развитый свадебный обряд с лирическими, величальными и корильными песнями, причитаниями и приговорами. Но постепенное разрушение свадебного обряда сказалось на связи его с обрядовой лирикой. Укорачиваясь и упрощаясь, теряя отдельные звенья обрядовой игры, свадебный обряд утрачивал и оформляющие эти звенья жанры. Слабее всего оказалась связь обрядовых действий с причитаниями и приговорами. Исчезла практическая необходимость в них, и художественная структура

произведений постепенно распадались, образы забывались. Но тематическая близость причитания и лирической свадебной песни, единство выражаемого в них чувства способствовали органической контаминации этих двух жанров.

Показательно, что никто из известных нам собирателей не отмечает в Русском Устье традиции свадебного причитывания, но во многих записанных ими песнях встречаются его следы. Таковы мотивы причета: по «красной красоте» («Ах вы, соколы мои ясные»), причета-обращения невесты в день венца к брату с просьбой сделать «засеки с востоку до западу», чтобы не пройти, не просхаты «как копному, так и пешему» («Не вылетаи, утка, из острова»), причета-укора родителям — «Вы меня избываете, как лиху траву из поля» («Я брошу, брошу камешок»), сиротского причета перед обрядом благословения к вещи — «Штань, пробудись, родна матушка, Дай благословение великое» («Бура была перед тучею»). Эти контаминированные варианты песни и причеты напоминают традицию коллективного голошения, отмеченную на Печоре, Мезени, Карельском Поморье.

Приговорная традиция в Русском Устье, видимо, заглохла давно, поэтому в известных нам записях представлена ущербными образцами.

Сюжеты записанных в Русском Устье лирических свадебных песен традиционны и не отличаются особым своеобразием в развитии тем и в интерпретации образов. Это широко известный сюжет вечерничной песни о невесте, которая «думушку думала», как «чужого свекра будет батюшкой звать» («Душа Анна по горенке ходила»); не менее распространенный сюжет о девице, плачущей «по своей русой косе и по девьей красоте» («Семена мои сахарные»); о молодце, которого «матушка снаряжала ехать за невестой — торги торговать» («Хорош был жемчуг в ожерельях») и который требовал у тещи «дар дорогой» — красну девицу («Зять челом бьет перед тещею»), и целый ряд других известных сюжетов.

Н. А. Габышев, в течение ряда лет непосредственно наблюдавший бытование устного народного творчества в этом отдаленном районе России, отмечает стремление исполнителей воспроизвести текст песен, былин, сказок так, как он запомнился от старших. Устойчивое стремление к традиционности исполнения привело к тому, что в русскоустыинском фольклоре, в частности обрядовой лирике, сохранились отзвуки давних событий и отношений, малоопытных для современного исполнителя, неизвестные образы и понятия, названия не встречающихся в быту предметов. Зачастую это приводило к искажению слова, обозначающего неизвестное понятие: конь от селле (седло?) золотой узде, скачи жемчуг, в оларет положенный, о трубу кустик не приплетьвать (трубчата коса?), матькалиная рубашка, поле Черсево (Чершигов?) и др. Но в песнях есть и сохранившиеся без каких-либо искажений архаичные понятия, образы и обороты речи: берчат рукав, сурпа възрыдала, с орды воевать, блада девица и др. Традиция способствовала сохранности поэтических форм и образов песни.

Можно отметить лишь единичные случаи пропикновения в свадебную песню местных реалий. Влияние аборигенов коснулось в основном быта и способов ведения хозяйства русскоустыинцев, не затронув существенно устной народной культуры. В публикуемых обрядовых песнях бросается в глаза лишь нетипичная для северно-русских песен замена эпитета «русые» кудри — на «черные»: снаряжая жениха, матушка «его черные кудри расчесала» («Хорош был жемчуг в ожерельях»). Уверенно сказать, местное ли это влияние или отголосок южных песен, невозможно из-за отсутствия материала для подобных выводов.

Сохранив традиционную доминанту, свадебная песня Русского Устья на пути своего длительного исторического развития претерпела целый ряд изменений, типичных и для обрядовой лирики других регионов. Это не только уже указанная выше форма свободного движения песни в обряде и психологически мотивированная контаминация разных сюжетов.

но и включение в песенную ткань поэтических формул, мотивов, а иногда и отдельных стихов, взятых из других жанров. Так, былинная формула обращения встречается в песне-голошении «Я брошу, брошу камешок»; невеста просит брата:

Ох ты гой еси, мой брат ровный,
Сходи во конюшен двор,
Выбирай лошадь добрую... (№ 192).

Мотив похоронного причитания звучит в сиротской песне «Бура была перед тучею»: «Де развернися хрущатá камка, Стань, пробудися родна матушка...», а в стихах «Дитятко мое, не бойся никого, Поди, бог с тобою» улавливаются отзвуки лирической песни. В песне «Натуга, натуга тугой лук» соединились романсные стихи с образами, близкими к календарной поэзии:

Разлука, разлука — чужа сторона,
Разлучила, развела с отцом-матерью...
Покатился колокол
Под амбарный под угол (№ 203).

Между тем собственно календарные песни представлены в записях Русского Устья всего одним произведением — свадебный обряд сохранил свою жизненность в гораздо большей степени, чем обряды календарные.

6

Записанные в Русском Устье загадки представляют большой интерес, так как позволяют сделать наблюдения над жизнью жанра в обособленных, замкнутых условиях бытования. Создавался репертуар загадок Русского Устья не одновременно, а путем постепенного пополнения его извне. Это предположение подтверждается как историческими данными о заселении Русского Устья, так и составом репертуара загадок. В нем наряду со старыми загадками встречаются новые (пальцы и перчатка — № 305, письма — № 308), а также варианты, пришедшие из литературных источников (ботинки — № 306). Но попав в фольклорный репертуар Русского Устья, загадки жили как бы в замкнутом круге, многие изменяли основной образ, отдельные детали, отгадку. Создавались своеобразные варианты, отличные от встречающихся у русских в других местах. Так, в загадке про ножницы, вместо обычного «посередке винтик, гвоздик», в Русском Устье — «сучок» (№ 294).

Особенно интересны переосмысления и изменения отгадок. Их много, они отмечены в комментариях. Чаще других переосмыслились загадки, связанные с земледелием. Загадка про серп: Маленький, горбатенький, все поле обрыщет, домой прибежит, целый год пролежит (Заг., № 2141) видоизменилась и стала отгадываться так: палка для управления собаками (№ 288). Иногда загадки про хлеб, земледелие, становясь непонятными и даже мистическими, приобретали религиозный смысл. Загадка про посев озимого хлеба: Загану загадку, закину за грядку, в год пущу, в другой выпущу (Заг., № 2030) в Русском Устье исказилась и стала отгадываться как день ангела — ожидание гостей на праздник: Загану загадку, под пойду погоду пущу (собр. Д. Д. Травина). Загадку про лен (Заг., № 2104), соединив ее с близкой загадкой про хлеб (Заг., № 4160), стали отгадывать — просвира: Били, колотили, за ушки теребили, тии проиждали, на престол шадили (собр. Д. Д. Травина). А курицу на яйцах (Заг., № 945) превратили в спасителя: Стоит монах на белой горе, выжидает живых и мертвых (собр. Д. Д. Травина).

Внимательное исследование загадок Русского Устья сможет открыть новые грани жизни жанра.

Пословиц и поговорок в записях из Русского Устья очень мало. Имеющийся материал недостаточен, чтобы сделать обоснованные заключения об их своеобразии, соотношении с общерусским репертуаром. Не-

которые варианты близки общеизвестным русским (Гол, как сокол; Чем сто рублей — лучше сто друзей), другие находят параллели в старых сборниках (На делу не обидь, а после хотя все возьми — собр. В. Н. Татищева;⁸⁷ Пирок с крупой — так всяк с рукой... — Собр. А. И. Германовича⁸⁸), иные, видимо, местного происхождения.

О частушках Русского Устья собиратель их Н. А. Габышев писал: «Это единственный жанр фольклора в Русском Устье, где вполне разрешается импровизация и самотворчество. Молодежь по любому поводу сочиняет новые частушки или к двум частушечным традиционным строчкам рифмуется новые две строчки русскоустьинского содержания».

Частушки вроде местной устной газеты фиксируют многое из жизни индигирцев, в них высмеиваются разные недостатки, в них очень сильна сатирическая струя. Частушки — это местный юмор». Высказывания собирателя относятся к 1940-м гг. «Исполнителями частушек, — продолжает он, — были молодые. Они же и слагали новые частушки. Это Иван Чикачев, Ганя Шелуховский, Аня Чикачева; главной певуньей признавали Шуру Щербячкову — Уточку».

В последние годы в Русском Устье перзабыли и мало исполняли частушки». Н. А. Габышев верно замечает, что «в 70-е годы... молодежь, вооруженная магнитофонами, радиоприемниками, перешла на усвоение современных песен, частушки почти забыты, их уже не сочиняют. Не поют старинных песен, забыты былины. Из прошлого самодеятельность культивирует только старинные танцы Русского Устья — „Россоху“ и „Омукканово“».⁸⁹

⁸⁷ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков / Изд. подгот. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Л., 1961, с. 56.

⁸⁸ Из истории русской фольклористики. Л., 1978, с. 47.

⁸⁹ Габышев Н. А. О Русском Устье..., л. 31, 110. Эти танцы сняты на кинопленку (с синхронной звукозаписью) экспедицией 1977 г. Первый из названных — тапец русских колымчан, основное место его бытования — нижняя Колыма. Он был снят в Походске, а «Омукканово» — в Полярном (Ред.).

ТЕКСТЫ

СКАЗКИ

Семен Петрович Киселев

1. КОТ ДА ПЕТУШОК

Жили-були кот да петушок. Кот говорит: «Я пойду рубить дрова, придет лисица — не отворяй окошка». Кот ушел, стал рубить дрова.

Прибежала лисичка под окошечко, стала петь:

«Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головка,
Шелкова борода,
Взглянь на окошко:
На окошке гумажка.
Отвори окошко
Хоть с игольное ушко.
Пойдем вместе золотым колечком играть
И золотым яичком катать».

«Кот ругаться станет, — говорит петушок, — как пойду?» Лисичка начала петь сызнова:

«Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головка,
Шелкова борода,
Взглянь на окошко:
На окошке гумажка.
Отвори окошко
Хоть с игольное ушко.
Пойдем вместе золотым колечком играть
И золотым яичком катать».

Петушок отворил окошко. Лисичка поймала петушка и понесла. Петушок стал кричать: «Кот, кот, — говорит, — меня лиса несет за темные леса, и за высокие горы, и за круглые озера».

Кот не слышит. Второй раз стал кричать петушок: «Кот, кот, меня лиса несет за темные леса, за высокие горы, и за круглые озера, и за быстрые реки».

Кот услышал, погнался. Гнался, гнался, гнался, лисичку только что настиг, хочет ударить топорчиком — лисичка петуха бросила.

Взял кот петушка и давай его драть. Драл, драл, драл. Петушок даже два раза обмер.

Принес домой этого петушка, бросил в дом и сказал: «Покамест я рублю дрова, ты не отворяй окошко». И кот стал рубить дрова.

И вот прибежала лисичка и опять села у окошка и стала петь:

«Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головка,

Шелкова борода,
Взглянь на окошко:
На окошке гумажка.
Отвори окошко
Хоть с игольное ушко.
Пойдем вместе золотым колечком играть
И золотым яичком катать».

Взял петушок только с игольное ушко отворил. Лисичка петушка выволокла. И понесла. Петушок стал кричать: «Кот, кот, меня лиса несет за темные леса, за высокие горы, за круглые озера и за быстрые реки». Кот не слышит. Так кот и не мог услышать, и лисичка так и унесла петушка.

Кот нарубил дров, пришел домой — петушка нет нигде. Кот стал делать гусли-самогуды. Гусли-самогуды сделал. Пошел искать лисичку. Пришел на лисичкино гнездо. Стал в гусли-самогуды играть и петь:

«Брам-брам, гусельцы,
Брам-брам, липовые,
Где лисичка жила
В своем теплом гнезде,
У ней девка Чучелка,
Другая — Палачелка,
Сын Корешок,
Да другой — Малышок.
Сама лиса
На лицо красна».

Лисичка услышала и говорит: «Девки, какой-то купец богатый приехал да поет. А ты, Чучелка, поди вынеси к нему чайнички и пирожки: пускай он покушает».

Чучелка вишла и чайнички, пирожки вынесла. Кот ударил Чучелку по головке и положил в свою сумочку. Опять стал играть и петь в гусли-самогуды:

«Брам-брам, гусельцы,
Брам-брам, липовые,
Где лисичка жила
В своем теплом гнезде,
У ней девка Чучелка,
Другая — Палачелка,
Сын Корешок,
Да другой — Малышок.
Сама лиса
На лицо красна».

Лисичка услышала и говорит: «Ну, Палачелка, вынеси чайнички, пирожки этому купцу: пускай покушает. Эта девка ушла да заслушалась».

Палачелка вишла, кот ударил топорчиком по головке и положил ее в свою сумочку.

Стал опять в гусли-самогуды играть и петь:

«Брам-брам, гусельцы,
Брам-брам, липовые,
Где лисичка жила
В своем теплом гнезде,
У ней девка Чучелка,
Другая — Палачелка,

Сын Корешок,
Да другой — Малышок.
Сама лиса
На лицо красна».

Лисичка услышала и говорит: «Ну, Корешок, винеси чайнички и пирожки. Эти девки заслушались и прийти не хотят».

Корешок принес чайнички и пирожки, кот ударил его¹ по головке и в сумочку положил.

Кот стал опять стал играть и петь в гусли-самогуды:

«Брам-брам, гусельцы,
Брам-брам, липовые,
Где лисичка жила
В своем теплом гнезде,
У ней девка Чучелка,
Другая — Палачелка,
Сын Корешок,
Да другой — Малышок.
Сама лиса
На лицо красна».

Лисичка услышала и говорит: «Ну, Малышок, выпеси чайнички и пирожки. Эти негодные все заслушались и прийти не хотят».

Малышок вишел, принес чайнички и пирожки, кот ударил его² по головке и в сумочку положил.

Одна лисичка осталась. Кот опять начал в свои гусли-самогуды играть и петь:

«Брам-брам, гусельцы,
Брам-брам, липовые,
Где лисичка жила
В своем теплом гнезде,
У ней девка Чучелка,
Другая — Палачелка,
Сын Корешок,
Да другой — Малышок.
Сама лиса
На лицо красна».

Лисичка услышала и говорит: «Эти негодные все заслушались, я разве сама пойду».

Лисичка вышла, чайнички, пирожки принесла. Кот ударил по головке и положил в сумочку. Лисичку убил.

Вошел в лисичкино гнездо. Взглянул — на шкафу стоит белый чайник. У этого чайника крышечка шевелится. Взял, крышечку открыл — петушок лежит.

Взял этого петушка, принес себе домой. Лисичку со всеми детьми всех высушил и продал кущу и накапуд всякой разности.

Стали жить да поживать и до таперя.

2. ШНЮ-ШНЮ БЫЧОК

Жила-була старушка. У ней лапочка. Пошла старушка с лапочкой. Вдруг видит — стоит юрта. «Здравствуй, бабушка!» — «А, здравствуйте!» Взяли накормили, напоили старуху. «Э, у меня есть лапочка, положьте лапочку с курочками». — «Ладно, с лапочками положим лапочку», — говорят они. «Моя лапочка с лапочками не лежит, с курочками только лежит». — «Ладно, положим, пускай с курочками лежит», — говорят они.

¹ В рукописи: ее.

² В рукописи: ее.

Ладно. С курочками положили. Лежи—ит. Утром стали, старушка говорит: «Дайте мою курочку». — «Грех, бабушка, у тебя лапочка была». Старушка стала спорить: «У меня курочка была». — «Нет, лапочка была у тебя». Старушка стала плакать: «Вы меня, нищую, бедную, обижаете». — «Ну ладно». Отдали старухе курочку.

Пошла старушка с курочкой. Шла, шла, шла, вдруг видит — юрточка стоит. «Здравствуй, бабушка». — «А, здравствуйте. Миленькие, мою курочку положьте до утра». — «Э, положим до утра с курочками». Она отвечает: «Моя курочка с курочками не лежит, с бычками лежит». — «Ну ладно, положим с бычками». Утром встали — «Дайте моего бычка». — «Грех, бабушка, у тебя курочка была». — «Нет, у меня бычок был». — «Нет, бабушка, у тебя курочка была». Старуха стала плакать: «Вы меня, нищую, бедную, обижаете». — «Ну ладно». Отдали этого бычка. Пошла старуха в лес, бычка повела, сани сделала, села на сани, бычка впрягла, поехала, стала петь:

Шню-шню бычок
По дорожке бежит.
Саники чужие,
Хомут не свой —
Понужай, не стой.
Дуга свистит,
Баран дрожит.

Вдруг горноста́й бежит. «Бабушка, пусти на саночку». — «Сучий сын, сядь на задок». Вдруг песец бежит. «Бабушка, пусти на саночку». — «Сучий сын, сядь на задок». Вдруг волк бежит. «Бабушка, пусти на саночку». — «Сучий сын, сядь на задок».

Ехала, ехала, ехала. Вдруг медведь бежит. «Бабушка, пусти на саночку». — «Сучий сын, сядь на задок». Медведь как сел, так и сани изломал. «Ах вы, проклятые, — старуха стала ругаться, — сани мои выломали! Пойду я сани ладить. А вы бычка караульте». Они остались.

Старушка ушла в лес сани ладить. Сани изладила. Сани поволокла. Сани волочит — их нигде нет. Они бычка съели, травой набили кожу и на дороге поставили — бычок как живой стоит. Старуха пошла, бычка впрягла, на сани села, стала петь:

Шню-шню бычок
По дорожке бежит.
Саники чужие,
Хомут не свой —
Понужай, не стой!
Дуга свистит,
Баран дрожит.

Бычок стоит. Взяла бычка посохом толкнула — пуста трава вылилась... «Ах, эти проклятые, бычка моего съели, травой набили, а сами ушли!» И стала плакать: «Пойду их искать». Пошла старушка. За лес свернула — все к ней¹ навстречу идут: песец, горноста́й, волк, медведь. Старушка говорит: «Зачем моего бычка съели?» — «Мы и тебя самую съедим». — «Смеете ли меня, бабушку, трогать?» — старушка отвечает. Взяли старуху поймали и по мелким кускам вырвали.

И стали жить да быть и поживать до и таперя.

3. АРКО АРКОВИЧ

В некотором царстве, в некотором государстве живал-бывал цар. У него ни сына, ни дочь. Джэ, бога просит, молебны служит, приклады прикладывает: «Подай, бог, сына или дочь — при младости на утёху, при старости на замену, при смертном часу на помин души». Джэ, не-

¹ В рукописи: к нему.

я хочу па этой на дочери посвататься». — «Ланно, я пойду». Пошел Арко Аркович сватом. Сосватался. Цар, конечно, не отказывал. Джэ поехали они венчаться. Обвенчались. Из церкви поехали, только сто стали доезжать до дому — неоткуда ражъяхался Кощей Бессмертной и сразу выхватил из поезда эту Елену-царевну и живком унес.

Яков-царевич тому Арко Арковичу пришел. «Ну, что, — говорит, — Арко Аркович—Данило Игнатьич, вот унес мою жену Кощей Бессмертной. Как с этим Кощей Бессмертным сделать?» — «У Кощей Бессмертного, — говорит, — нягде у него шмерти нету. Есть только у него шмерть — за тридесятими горами, и за тридесятими морями, при десятом царстве есть остров. На этом острове стоит ящик. В этом ящике есть заяц. Этот ящик откроешь, этого зайца убъешь; потом там опять будет ящик. Этот ящик откроешь — в этом ящике будет утка. Эту утку убъешь; под этой уткой есть яйцо. Это яйцо возьми и сюда привези. Я тебя сам научу, как делать. На своем коне ти эти мора не переплывешь, я сам тебе коня дам». Арко Аркович вышел на двор, свистнул, гаркнул молодецким покриком, богатырским пошвистом. Конь бежит — земля дрожит, из ушей дым столбом, из рота пламя пущенное, из дыры голыши вилетьвают. Как разбежался, так и стал перед ним как вкопанный. «Ну, — говорит, — бери этого коня и поезжай». И дает ему шаблю.

Яхал, яхал, яхал, вше мора переплул, оно посленнее море осталось переплуть. Джэ, только стал плуть — два лева-звера к нему навстречу плуют. Так его со обеих сторон сожали, чтоб его поймать. Он хватил эту саблю и у того персек голову и у другого. Переплул, к острову переплул. На этом острове стоит ящик. Взял этот ящик открыл — заяц на него смотрит; заяц на него рот отворил — у зайца зубы вше железные. Джэ, зайца как-никак убил. Джэ, этого зайца сдернул; под этим зайцем есть ящик второй. Этот ящик отворил. В этом ящике лежит утка, вша железная. Саблей ударил — сабля как от кампю. Джэ, думал, думал. . . другой раз ударил по ящику — сабля как [от] камня; трэччий раз ударил — сабля как от кампю. Ну, думал, думал, как делать, стал замечать: чо у ней шевелится, гнется? Смотрит — вше у пей железное. Вдруг взглянул — тут на оном месте шейка немножко шевелится. Норовился, норовился, по этому месту ударил — и голова отлетела. Утку видернул — под этой уткой как раз это яйцо. Взял это яйцо, повез. Вежет. Джэ, это яйцо домой принес. «Ну, — говорит [Арко Аркович], — таперя поедь. Таперя поедь в ту юрту, агде без чувства лежал, коня завяжи, войди в эту юрту. В этой юрте опну комнату будешь-станешь отворать, комнату отвори — будёт завязанный лев-зверь. Этого лева-звера убей. Другую комнату отворишь — будёт змей-полоз. Этого змея-полоза убей. Трэчку отворишь — будет завязанный черный медведь. Этого черного медведя убей. Четвертый отворишь — станет сидеть эта самая твоя жена — Елена-царевна. Ти скажи, чтобы она тебя запратала. Она тебя запрачет; немного ти полежи — на дворе стук застучит, гром загремит. Кощей Бессмертный ражъяхался. Войдет в юрту, сядет он на обед. Этим яйцом ти его стрэль».

Джэ, поехал. Приехал к этой юрте, где падал без чувства. Коня завязал. Вошел в юрту. Первую комнату открыл — завязанный лев-зверь. Этого льва убил. Другую открыл — завязанный змей-полоз. Страу у этого зверя-полоза ¹ персек голову. Трэччю открыл — завязанный черныи медведь. У черного медведя сразу персек голову. В четвертую зашел — самая сидит эта Елена-царевна. «Э, — говорит, — Яков-царевич, почто пришел? Он ведь тебя убьет». — «Ни, не убьет, — говорит, — ти хата ² меня запрачет». Запратала. Вдруг слышит: на дворе стук застучал, гром загремел — Кощей Бессмертный ражъяхался, воскочил в юрту. «Что, жена, — говорит, — какой у тебя русский дух?» — «Голову че-

¹ Описка; надо: змея-полоза.

² Т. е. хотя.

сала да волоски в огонь бросала — чем духом-че пахнет». — «Охто, — говорит, — моих зверей убил?» — «Не знаю, — говорит, — у меня человек не был».

Как он шая за обед, она его [Якова] выпустила; он соскочил, этим яйцом стрелил этого Кощея — яйцо размельчилось, и Кощей Бессмертный, как карта, улетел.

Джэ вжал эту Елепу-царевну, поехал домой. Домой приехал. С-т радости отец сделал бал, стали пировать, столовать двенадцать суток без пробуду. Нищие, бенные, подзамочники, подтюремщики бочками ка-тили.

4. ОТСТАВНОЙ СОЛДАТ

В некотором сарстве, в некотором государстве живал-бывал сар. Джэ, бога просит, молебны служит, приклады прикладывает: «Дай, бог, сына либо дочь — при младости на утеху, при старости на замену и при смертном часу на помин души». Джэ, немножко пожил. Жена стала у него в интересном положении. Дни-часы исполнились — родилась дочь. Так и любят, так и жалеют, что даже ветру дунуть не дают и солнцу пекти не дают. Двенадцать нянек, мамок вводят на улицу и накидывают черным тюлем.

Джэ, об онну пору — жили, жили — пошли они гулять с двенадцатыма мамками, няньками. Царская дочь сказала мамкам, нянькам: «Ну, что же, — говорит, — мамки, няньки, возьмите с меня черный тюль: посмотрю, какой белый швет и красное солнишко». Ланно. Сняли с нее черный тюль — она посмотрела и белый свет, и красное солнишко. «Такое и бувает красное солнишко? Я, — говорит, — родилась и первый раз вижу». Вдруг увидела: на море стоит кораб. «Няньки, мамки, подождите, я схожу на этот кораб». — «Ланно», — говорят. Они смотрят — она пошла; как кораб вошла, так кораб сразу отпихнулся. Ланно. И ушел через море. Ну, сколько кричели, кричели, кричели — так и ушел через море. Уж из глаз не видится. Пришли домой. И сказали сару: «Так и так сделалось». Сар на это сказал: «Ну, что же будем делать?»

Ланно. Призывает вшех своих князей, бояров, думных шинаторев и приближенных министарей. «Ну, что, — говорит, — мой княже, бояре, думные шинаторы и приближенные министары, сделайте милость — разыскивайте; если кто разыщет, тому отдам полжичья, полбычья и пол-имения своего. И дочь свою замуж». Ланно. Берут на три года воду, на три года продукты, на три года дрова — и побежали разыскивать. Бегали три года. Даже никакой признак не могли найти. Прибежали назад. Ну, сар сказал: «Еще попробуйте второй раз». Берут на три года воду, на три года дрова и всякие разные продукты — тоже отправляются. Бегали, бегали, три года кончилось — никого не могли признать, найти. Прибежали назад. Сар сказал: «Еще попробуйте третий раз, посленный — найдете хоть не найдете». Вжали па три года воду, на три года дрова, всякие-разные продукты и побежали. Бегали, бегали, три года исполнилось — вше это скончалось, прибежали назад. Ну, сар сказал: «Ну, чего? Боле искать не будем».

Жили, жили, жили. У этого сара был один отставной солдат. Приходит об онну пору цару: «Ну что, ваше сарское величество, не прикажи казнить, прикажи слово молвить». Цар отвечает: «Что такое?» — «А вот, — говорит, — я попробую твою пачерю¹ искать». — «Ланно. Если ты разыщешь, я тебе отделею полжичья, полбычья, и пол-имения своего и дочь свою замуж». Ланно. «Чего, — говорит, — чибе-ка надо-т, говори». — «Ну вот, — говорит, — мне только надо пятьсот рублей деньги, и давай четыре матроса на товарищи». Ланно. Отдает к нему кораб, пятьсот рублей и четыре матроса. «Когда отправляешься?» — «Вот такого-то числа отправляюсь». Вжал пятьсот рублей и пошел в ка-

¹ Т. е. потерю. Речь идет о дочери царя.

бак и стал пить вино. Пил, пил и вше деньги пропил, и остался в кармане один менный пятак. Бросает цоловальнику эти пять копеек опохмельиться. Дал. Шяли на кораб и побежали.

Бежали, бежали, бежали — вдруг увидели: видится жемля. Подбежали — остров, схонни вибросили, по схонням вишли. Ну, солдат отвечает: «Ну что, робэты, останьтсь этта двое, а я пойду же с двоима; а продукты разделимсь пошередке. Ешли через неделю ми не будем, нас не ждите, отправляйтсь назадь». Ланно. Солдат пошел с двоима матросами. Пошли они по этому острову — вдруг нашли тропиночку: ходил человек по этой тропиночке зад-перед. Поганили эту тропиночку. Поганили, поганили — тропиночка стала поглубже. Ланно. Тропиночка глубже, и стала по колено. Вдруг увидели — стоит юртушка-землянка. Зашли в эту юртючку. В онном углу наллитое золото, в другом углу наллитое шеребро. Ну, солдат сказал: «Это, чего нашли, ви разделитесь пошередке, а чего найдете перед, то будет мое счашшо». Ланно. Этой избушке ночевали. И потом дневали. Ну, солдат отвечает: «Что, робэта, ми живем в онном месте? Я пойду с онним матросом, а ти, матрос, останьтсь, приготовляй нам абед». Они ушли.

Этот матрос пошидел, позадь их пошел мёшо нашек сечкой, масло спуштил и запарил крупу и стал варить. Варил, варил, вдруг слышит. — на дворе что-то зашабарчело. Вдруг вошел человек-великан, совшем черной. «Здравстуй, брат!» — «Здравстуй, матрос! Что делаешь?» — «Приготовляю абед». — «А сколь скусен твой абед, пригласи меня на абед». — «Ах ти, — говорит, — такой ти сякой, у меня товарищи голодают, а ти просишьсь на абед!» Ударил этого матроса — матрос упал, даже без чувствия, совшем ничего не помнит. И стал один абедать этот человек. Абедал, абедал, там атабедал и скрылся, куды ему надо-т. Этот матрос лежал, лежал и учуствоваляся. Ланно. Стал. «Ох, что такое сделалось?» Взял пошел, соскочил, мешо сечкой нашек, и масло спуштил, и крупу заварил. Только сто абед закипел — вдруг товарищи пришли. «Ну что, — солдат говорит, — абед приготовил?» — «Э, — говорит, — приготовил». «Ну давай, будем абедать». Абед шняли — совшем сирой. «Как, — говорит, — матрос, у тебя абед сыр?» — «А я, — говорит, — после вас незадолго сидел да заварил». — «А почему, — говорит, — у тебя сыр?» Ну ланно, хоть и сирой, все-таки поабедали. День прошел — вечер стал, и лягли спать. Поутру стали: «Ну, — говорит солдат, — матрос, которой ходил, тот останьтсь, а который оставался, тот пойдём со мной».

Матрос пошидел, мешо нашек сечкой, масло спуштил и запарил крупу и стал варить. Варил, варил — вдруг на дворе что-то зашабарчело. Вошел человек-великан, совшем черной. «Здравстуй, брат!» — «Здравстуй, матрос. Что делаешь?» — «Абед приготовляю». — «А сколь скусен твой абед, пригласи мепя на абед!» — «Ах, ти, — говорит, — такой ти сякой, у меня товарищи голодают, а ти просишьсь на абед!» Ударил этого матроса — матрос упал без чувствия, совшем шичего не помнит. И стал один абедать этот человек. Абедал, абедал, там атабедал и скрылся куды ему надо-т. Этот матрос лежал, лежал и учуствоваляся. Ланно. Стал. «Ох, — говорит, — что это такое сделалось?» Взял пошел, соскочил, мешо сечкой нашек, и масло спуштил, и крупу заварил. Только сто абед закипел — как раз товарищи пришли. «Что, — говорят, — матрос, приготовил абед?» — «А, — говорит, — приготовил». Стал абед сымать. Абед вокше сирой, вчерашнего даже гаже. «Ну, сто, матрос, у тебя абед сыр?» — «А я, — говорит, — после вас незадолго сидел да заварил». — «А почему, — говорит, — у тебя сыр?» Ну ланно, хоть и сирой — все-таки поабедали. День прошел, вечер стал, и лягли спать. Поутру стали — солдат говорит: «Последний день ми сегонья днюём; а ви подьте, а я останусь».

Солдат позадь их остался. Этот солдат пошидел, мешо нашек сечкой, масло спуштил и крупу запарил и стал варить. Варил, варил — вдруг слышит: на дворе что-то зашабарчело; вдруг вопел человек-великан,

совшем черной. «Здравствуй, брат». — «Здравствуй, солдат, что делаешь?» — «Абед приготавлию». — «Каков абед, какво було бы поабедать?» А солдат говорит: «Можем поабедать». Солдат поставил стол и разоставил тарелки, и стали абедать. Солдат отвечает, что «товарищ, у нас закусочка есть, только запивочка нет». — «Хорошо, — говорит, — всегда закусочка будет твоя, а запивочка моя». Видернул из кармана девять бутылок — вше с вином. И стали пить. Солдат хоть и пьет, а вше-таки берегётся. «По каким делам пришел этот человек?» — думает своими мыслями. Пили, пили — выпили шесть бутылок, оставили тры. Ну, солдат смотрит — сильно товарищ охмелел. У этого у солдата була шашка — хватил эту шашку, у этого человека снеш голову и виброшил в окно.

И стал у него рыться в карманах, что-нибудь искать. Нашел три ключа. Думат умом: «Почему этот человек таскает эти ключи?» И стал эти ключи таскать: искать, что нет ли где замок. Сглянул — самой перенней штене вешится замок. Вжял ключ, зачихал, отвернул — открылись двери. Смотрит — шветлица. В этой шветлице завязанной левжверь на него² бросається со цепей. Он как воскочил, у этого льва сразу першек голову. Стал ходить, вдруг видит: в переннем месте вешится замок. Ключ засунул — ключ не подожатся. Другой засунул — как тут и бул.

Замок отпер, открылись двери — ешо шветлее шветлица. В этой шветлице завязанной черной медведь на цепи бросається. Он как воскочил, у этого черного медведа сразу персек голову. Ходил, ходил, ходил — на переннем месте увидел: вешится замок. Ключ зачихал, открылись двери — еше шветлее шветлица. Смотрит — на самом переннем месте сидит самая потерянная сарская дочь, а вожле неё связанной тигра на щепе на нее бросається. Он как воскочил, сразу у этой тигры персек голову. Она сказала: «Зачем пришел? Он тебя убьет». — «А я, — говорит, — попереде этих жверей его самого убил». Ланно. Она ношила отцова именной перстень, оп ношил соперики. По заключению отца, они должны поменяться. Он дает соперик и берет ее именной перстень. Но она сказала: «Ну, — говорит, — таперя вижди в заннюю, я буду муться».

Вот пошел, слышит: товарищи дерутся. «Что, робэты, делаете?!» — «Да вот, — говорит, — ми выпили две бутулки, а трэчью утумамеся». — «Ну что, робэты, злато-шеребро не утумались, а бутулку утумаетесь — пейте, робэты, пополам». Ланно. Выпили они. Дже она вымылась. Вышла. Надо идти на кораб. Пошли на кораб. Шяли они на кораб, побежали.

От берегу недалеко отъехали: «Что, — говорит, — солдат, я на окне соперик положила и забула». Ну, солдат отвечает матросу: «Ну, кормовщик, к берегу». — «Нет, — говорит, — пусть остається соперик». Солдату делать пецего, брошился мору. И переплыл. Этот матрос к ней приказал нарушить клятву, что «ти говори, что тебя разыскал не солдат, а матрос, и гуври, что солдат умер». Солдат пришел к этой землянке и зашел в эту переннюю. Правильно — лежит соперик на окне. Вжял этот соперик, засунул в карман и пошел. Пошел по этому острову, шел, шел, шел долго ли, коротко ли, вдруг увидел — тропиночка. И так обессилея — даже сапоги прошоркал о камышник и остался бошиком. И под пошлед ногу вше вирвал до крови. Пошел на коленях. Шел, шел и ляг через эту тропиночку. Вдруг слышит — будит человек: «Отставной солдат, пойдем мой домой, как-нибудь я тебя уведу и буду лечить». Привел, как-никак до своего дома его довэл. Солдат отвечает: «Как тебя звать?» — «Мой имо Ванюшка».

Ланно. Пошел этот Ванюшка — у этого у Ванюшки двенадцать амбаров. Двенадцатый амбар — амбар на амбаре. Пошел в этот двенадцатый амбар, принес жива-молода воды и стал лечить его ноги. Ну, как-никак эти ноги у него вылечил. «Ну, — Ванюшка говорит, — дам чи-

² В рукописи: на нее.

бе-ка одиннадцать ключей, ходи на одиннадцать амбаров, а двенадцатой амбар не ходи; если двенадцатый амбар пойдешь, то на этих днях приедет губернатор — к нам шибко худо будет». Дә ходит этот солдат по его амбарам — вше есть, кроме человеческого глаза. Солдат думает умом: «Что у него, что не велит ходить в этой двенадцатой амбар? Однако у него в этом амбаре есть девка. Я, если он выйдет на двор, стапу искать ключ». Ну, этот Ванюшка об онну пору вышел на двор — этот солдат стал искать у него ключ. И нашел под [из]головьем ключ. Пошел, вжал этот ключ и запихал в карман. Ванюшка вышел домой, а солдат пошел на этот двенадцатой амбар; только кто хочет отперти — как раз ражъяхался губернатор, и Ванюшка вискочил на улицу смотреть. «Что ты, солдат, делаешь, — говорит, — зачем пошел к двенадцатый амбар, когда я не велел?» — «Эй, — говорит, — сделайте милость, простите меня, что я так дико сделал, пошел через твое слово». Ну, губернатор сказал: «Брошь, Ванюшка, первая вина бывает прощена». Дә губернатор вошел: «Ну, что, — говорит, — солдат, охота идти в свой город?» — «Да, — говорит, — охота». — «Я дам, — говорит, — чибе-ка лошады и дам чибе-ка, как ти солдат, шашку». — «Ланно», — говорит.

«Поди, — говорит, — Ванюшка, сходи в двенадцатый амбар, принеши к нему шашку». Принеш Ванюшка к нему шашку — совшем даже закарживанна. Солдат думает: «Что она такая закарживанная?» Губернатор отвечает: «Ну, что, думаешь, она плохая?» — «Я, — говорит, — думаю, плохая». — «Вон, — говорит, — винно лес, к лесу подъеж³ и ударь, посмотри». К лесу подыхал, ударил — даже, сколь виделся глаз, нисколько лесу не остался — вше чистое дошпел. Прияхал. «Ну, что, солдат, шашка глянется?» — «Ага, — говорит, — глянется». — «Ну, — говорит губернатор, — сходи в двенадцатый амбар, принеши к нему кошелек». Принеш к нему кошелек, смотрит — совшем пустой. Солдат думает умом: «Что оно пустое? Что я с ним сделаю?» — «А вот, — говорит, — что, солдат, ты думаешь, кошелек плохой?» — «Я, — говорит, — думаю, что плохой». — «Поставь, — говорит, — ушпом⁴ под низ». Ушпом под низ поставил — стало золото, серебро сыпаться из этого мешка. Он скорее захватил. «Ну что — ти поедешь, ти устанешь, — говорит, — будет тебе исть охота, пить охота. Вожьми этот кошелек, поверти, поверти на руках — будешь ти напитанный, и наеденный, и отдыхе. И потом, — говорит, — тоже заново пойдешь». Отдает к нему лошады, эту шашку и этот кошелек.

Едет. Яхал, яхал, яхал — даже усталость к нему, исть, пить захотелось; вжал кошелек, повертел, повертел на руках — стал напитанный, наеденный и в отдыхе. Ланно. Яхал, яхал долго ли, коротко ли, вдруг город увиделся. К городу стал подъезжать и узнал: тот самый его город, где царская дочь потерялася. Ланно. Прияхал в кощову юрточку, [к] хришянину. «Ну, здравствуй, хришянин!» — «Ну, здравствуй!» Дә у этого хришянина ночевал. «Ну, — говорит, — хришяниц, расскажите: давпо от этого города пачералась сарская дочь, ее разыскали али нет?» — «Разыскивали ее, — говорит, — вшего девять лет, а потом даже пайти не могли. А бул у цара один отставной солдат, он убежал с четьрма матросами, а сам солдат помер, а ее разыскал матрос и ее замуж вжал». — «Ну, хришянин, я тебе дам деньги, пойди на базар, купи енеральскую одежду». Отдает хришянину деньги. Хришянин пошел на базар, купил енеральскую одежду и приносит к нему. Он написал гумагу. «Поди, самый против сарского окна поставь посох, — говорит, — и завяжи эту гумагу за посох».

Цар окном взглянул — видится против окна гумага. «Какая эта гумага, подьте, принешите!» — говорит. Принесли. Сар прочитал: с другого городу прияхал генерал, пропится цару на обед, а сам находится у хришянина. «Подьте, ищите этого енерала, пусть будет, пообедает».

³ Т. е. подъездь.

⁴ Т. е. устьем?

Да разыскали. Пошел. Пришел. «Здравствуйте! — сказал. — «Здравствуй». Ланно. Ну что, побаяли то, другое. «С какого городу ти прияхал?» — «Вот с того города. Вот, — говорит, — ваше сарское величество, я вас хочу спросить. Ну я вам расскажу». — «Расскажи», — говорит. «У тебя потерялася дочь — ее нашли али как?» — «Вот ее разыскивали девять лет и даже не могли разыскать эти девять лет. А бул у меня один отставной солдат, а вот он убежал с четырма матросами, сам помер, а ее разыскал матрос».

Ланно. Он скидывает этот именной перечень и говорит: «Это чей перечень?» Сар посмотрел — и как раз подписано его имо на этом перечне. «Вот, — говорит, — значит, этот именной перечень ношила она, а я соперик, ми поменялись, она забула на окне, кормовщик-матрос не приворотил к берегу, а я брошился в море. А вот, — говорит, — ешли хочешь, мне не веришь, спроши свою дочь». Сар стал спрашивать: «Правильно так було?» — «Правильно», — говорит. Ланно. Вжяли этого матроса, на двенадцати пушках расстрэляли, этого солдата женили на этой сарской дочери. Ланно. С этим солдатом об[в]енчались. И солдат по всем царствам, по всем государствам послал ведомости, что «приезжайте мне на швадбю».

Вше съехались цари, короли и сильные-могучие богатыри. Шидели, шидели — между этим делом она с онним королем поимела дело. Ланно. Джэ, как-то вечер стал, вше люди ражъяхались; этот король как напустил силу с этим царом воевать. Ланно. Стал воевать, и цар стал отпровлять силу. Солдат сказал: «Не надо никакой силы, вйду сам я, один на поединок, значит». Ланно. Солдат выяхал ш этой своей шашкой и, сколько була королевски сила, вшех прибил.

Джэ, об онну пору этот король подпал с этой сарской дочери. «Ти, — говорит, — спроши у своего мужа, что „как ти воюешь один шибе именной?“» Ланно. Джэ аннезду стала спрашивать: «Ну, что же, муж мой, чем ти воюешь один шебе, даже у моего отца не берешь сила?» — «А чего тебе надо-т?» — «Мне ничего не нужно, а вот, — говрут, — какое дело: жена у мужа что не спрошит, муж от жепы что не спрошит». — «Вот, — говорит, — если тебе надо знать, я воюю онной шашкой». Ланно. Она на это не сказала ничего. Когда он разоспался своим крепким-глубоким сном, в ту пору вжяла эту шашку, вивешла на улицу и передает этому королю. Король напустил силу. Солдат стал наряжаться, стал шашку искать — шашка нигде нету. Хочь и шашки нету, а вше-таки выяхал. Выяхал этот король, этой шашкой, сколько царские були люди, вшех убил и этого солдата вмеште. И уяхал со своей свитой в этот город. И цара, царицу посадил в темницу. Ланно. И вжял эту солдатову жену замуж шибе.

«Ну что, жена, — говорит, — ми этого солдата, твоего старого мужа, убили, а его куда денем?» — «А, — говорит, — ти так жделаи: вяжи голову за гриву своей лошади, а тушу за хвост. Пусть его лошадь пинаст, а ми будем над этим шмяться». Он его швязал. Пошла эта лошадь с ноги на ногу, как он у хожяина ничего не потрагивать. И пошел, и дошел этому губернатору и Ванюшке. Вдруг Ванюшка выходит на улицу, и входит домой, и рассказывает: «Нашего солдата убили, а вот его лошадь принесла». Ланно. «Ну сто, Ванюшка, пойди, — говорит, — в двенадцатый амбар, принеши жива-молоду воду: надо его оживить». Ланно. Пошел в двенадцатый амбар, принеши жива-молоду воду. Да от лошадь отвязали, его принесли домой, живой-молодой водой брызнули — кожишка натянулася, другой раз брызнули — кровь наступила, трэччий брызнули — на гузно шял, ожил, значит. «Ну что, — говорит, — долго спал, бодро стал». «Вот, — говорит, — ти долго спал и бодро стал; зачем ти своей жене сказывал, что онной шаблей воюешь? А как таперя: пойдешь али с нами будешь жить?» — «Пойду», — говорит. «Ешли ти пойдешь, — говорят, — ми тебе не даем ни шашку, ни лошади, потому сто так дико не делай. Хочешь — оживляи, хочешь — помирай». Э-э, пошел пешком.

Шел, шел — вдруг город увиделся. А самый анимешнему христянину зашел, где лошади ходят в конюшне. Обернулся жеребенком — вшы шерсть золотая. Ланно. Вдруг христянин пошел проведывать лошадей и увидел: ходит жеребенок — вшы шерсть золотая. Стал ее³ чешить, стал ее гладить. Ланно. Вдруг жеребенок отвечает: «Ну что, христянин, ешли просит[ь] штанет меня у чебя, а ти отдай!» Ланно. «Нет, — говорит, — я не дам». — «Ну, — говорит, — ти отдай: вше равно мне ездить не станешь, а лучче используйся деньгами». Ланно. Дэ король услышал, что у такого-то христянина ешть жеребенок — вшы шерсть золотая. Ну, ланно. Вдруг король прияхал этому тому христянину. «Ну что, христянин, который у тебя редкостный жеребенок, продай мие». — «Чего ви мие за нее платите?» — христянин отвечает: «Дам, — говорит, — я чибе сто рублей». — «Нет, — говорит, — такую вещь редкостную я за сто рублей не даю». Ланно. «Ну, — говорит, — я дам чибе двести рублей». — «Нет, — говорит, — не даю, дешево». — «Ну, — говорит, — дам триста рублей». — «Э, ланно. За триста рублей дам». Отдает сму, отчитывает триста рублей деньги и берет жеребенка. Повел этого жеребенка этот король; дворцу, значит, своему подводит. Жена его выходит, встречает. «Вот, — говорит, — жена, я купил такого редкостного жеребенка — вшы шерсть золотая». Она к нему отвечает: «Ти купил не жеребенка, а шмерть свою. Нужно ее убить».

Вжяли жеребенка завязали; и подходит служанка к этому жеребенку, и стала его чешить, и стала ее гладить. Вдруг жеребенок забаял: «Ну, — говорит, — служанка, жив буду — тебя замуж вожьму. Когда вийдут меня убивать, а ти стой у меня. Меня ударят если молотом по лбу, а что-нибудь упадет в башмак, а ты это не открывай. Когда лежиться станешь спать, чего, — говорит, — найдешь, брошь к ним под кровать». Ланно. Дэ вишли убивать. Эта служанка стоит у него. Ударили по лбу — вдруг чувствует: что-то упало к ней в башмак. Вечер стал, стала она разуваться — нашла косточку. Брошила к пим под кровать. Ночь прошла; утром стали, король вжглянул под окно — вдруг вирос шветочек. «Вот, — говорит, — под кроватью у нас шветы стали расти». Она взглянула — правильно, шветочек — и сказала: «Это не шветочек — шмерть твоя». — «Может ли быть, — говорит, — чтобы шмерть моя?» — «Да виброшьте: шмерть твоя».

Вжяли его, виброшили за окно. Вдруг эта служанка пошла мимо окна — вдруг забаял шветочек: «Ну, служаночка, сделай милость: против ишого окна есть озерко — в это озерко брошь. Стобы ништо не видали только». Вжяла эта служанка этот шветок и положила в карман. Как люди вше лягли, служанка пошла, брошила этот шветочек в озерко. Дэ ночь прошла, утро стало — этот король взглянул в окно, видит: плавает лебедь, вше перья золотые. «Вот, — говорит, — жена, на нашем озерке плавает лебедь, все перья золотые». Ланно. «Я, — говорит, — пойду хватать». — «Дак не ходи, не хватай: она не лебедь, а шмерть твоя». — «Нет, — говорит, — пойду».

Пошел хватать. Хватат, хватат — не может поймать. Лебедь из воды вишел, по берегу пошел. А король за ним. Шел, шел, вишел над моро — король за ним. Поплыл в моро. Король за ним побрел. Брел, брел — стала [вода] до колена, вот только рука не хватает. Брел, брел — стало до горла. Брел, брел — стало до бороды. И так, да так-то в моро утунул.

Лебедь приворотил к берегу, до берегу доплыл, на берег вишел и тряхнулся, развернулся — стал отставной солдат, побежал и воскочил своей жене, поймал свою шашку и, королёвы люди були — вшех в городу убил и эту свою жену. Сара, сарицу випустил из темницы.

На этой служанке женился, и стали жить так и быть и поживать до таперя.

³ В рукописи: ее.

Не в котором царстве, не в котором государстве живал-бывал сар. Бога просит, молебны прикладывает: дай, бох, сына либо дочь — при бладости на утеху, при старости на замену, при смертном часу и на помин душу. Де немножко пожил, жена стала у него интересном положении; дни-часы исполнились — родилися два мальчишка. Так растут не по годам, не по месяцам; как [п]сенишное тещичко на опаре привдываются, так и они кверху.

Де то есь как [они] подрошли, отдали их учить училищу. На улице у них живет хресьянин. У етого у хресьянина один сын. И отвечает своему отцу этот хресьянской сын, и что «папенька, отдай меня училище. Ну, что же — сарские сыновья учатся, и мне надо поучиться».

Отец к нему отвечает: «Ну, сарские дети, хоть и учатся, а тебе какую надо ўчку? Так же ты выучишься, как сарские дети. А как выучатся, так и ты выучишься».

Де немножко пожил, друг хресьянской сын отвечает: «Ну, отдай меня училищѐ». Ну, хорошо: отец согласился. Де отдали училищѐ, и так учился хорошо, и даже лучше сарских сыновей. И так выучился — что по-русски, что по-немецки, что по-латынски, что и по-французски, что и по-англейски. Де [в]сю грамоту кончил.

Де ети сарские сыновья стали советывать между собой, как бы его изводить. Зяли написали гумагу, и подписали его има, и сару поднесли. Сар [в]зал прочитал. Гумаге написанное, что похваляется хресьянской сын, стобы из диво дивовес достать коробку. Эта коробка с трама замками и трама ключами. Сто первый замок отопрешь — увидится за сто верс[т]. Другой замок отопрешь — увидится за двести верс. Третий замок отопрешь — увидится морская глубина и небесная вышина, и чево на белом свету есь, се увидит.

Сар сказал: «Зовите хресьянского сына».

Де прижвали; ну, сар отвечает: «Верно ли, хресьянской сын, похваляешься достать из диво дивовес коробку?» Хресьянской сын поклонился: «Ваше сарское величесво, не так место похваляться, дак я от вас первой раз слышу». — «Да вот, — говорит, — принесли мои дети эту гумагу. Вот, — говорит, — подписанное твое имя». — «Да они, — говорит, — совшем ложь говорят». — «Да, — говорит, — да не может быть, чтобы они ложь говорили на тебя. Ну, — говорит, — де бы не была, досташь», — сар отвечает. — «Ну, — говорит, — ваше сарское величесво, хоть и, — говорит, — они ложь говорят, а я, — говорит, — пойду: помру — помру, а живу — жива».

Ну, сар отвечает: «Хочешь — помирай, хочешь — оживай». Ну хорошо, де пришел к отцу, к матери. «Э, что же, — говорит, — тятенька? Вот, — говорит, — сарские сыновья шказали на меня такую ложь, что будто бы я похваляюсь доштать из диво дивовес коробку, а меня сар отправляет». Ну, отес на это сказал: «Какому же добру охотился училищу?»

Де пошел сегома и не жнает ни пути, ни дороги. Друг видит: стоит юрточка, на курочьих ножках вертится. Хресьянской сын отвечает: «Юрточка, юрточка, устанься, улягся к лесу задом, ко мне передом». Де юрточка остановилась к лесу задом, к нему передом. Де вошел юрту: расставленные сякие-ражные закуски, сякие-ражные напитки. От каждой напивоцьки выпил по румочке, от кажной закусочки съел по кусоцьку.

Друг слышит: стук застучал на дворе, гром загремел на дворе. Ну хорошо, он как ето услышал, ляг под кровать. Друг видит: вошел человек.

Смотрит — один-от сарской сын, которой с им учились, шял на кровать и отвесает: «Слуга Тброц, время саю». Ту же минуту самовар поставился, уголья наклались и вода налилась. Ту же минуту закипел. Тяжка поставилась, и тяжка налилась: человек не видится — тяжка

наливается. Де сарской сын тяжку выпил, поставил — тяжка налилась. Тяжку выпил, налил и вышел.

Де хресьянской сын умом думает: «Что это у него такое?» Вышел на двор хресьянской сын. Де пришел юрту, шял на кровать и сказал: «Слуга Тороп, время саю». Ту же минуту самовар поставился, вода налилась, уголья наклались. Ту же минуту закипел.

Тяжку выпил, поставил. Тяжка налилась. «Ну, — говорит, — шлуга Тороп, падишь за мной за компанию». Тяшка поставилась, тяшка налилась. Он тяшку выпил. «Ну, — говорит, — какой ты человек?» Друг — пустой голос слышится, теловек не видится. «Эй, — говорит, — показаться никак нельзя. Ну, — говорит, — товарищ, я к тебе приду: ты, — говорит, — человек хороший, меня со собой пригласил. Третий год тому человеку я, — говорит, — суда поступил. Меня, — говорит, — он со собой не пригласил, а ты, — говорит, — со собой пригласил. Ну, — говорит, — скаживай, куда же ты пошел?» — «Ну, вот, — говорит, — сарские слышья на меня какую ложь скажали, что будто я похваляюсь из дива дивовес доптать коробку. Шам я, — говорит, — не жнаю, есь на етом свете али нет». — «Есь, — говорит, — я жнаю, — шлуга Тороп отвечает. — Есь, — говорит, — я жнаю на етом свету. Ну, хорошо, — говорит, — ну, поди, я тебя научу. И чго-то будет, и чго-то [не] будет — только, — говорит, — спомяни мое имя, ту же минуту, — говорит, — напою и накормлю. Ты, — говорит, — и будешь отдохе».

Де пошел, вышел, де идет долго ли, коротко ли: пить захотел и исти захотел и пристал. «Ну, — говорит, — слуга Тороп, время саю». Ту же минуту самовар поставился, вода налилась, уголья наклались. Ту же минуту закипел, тяшка поставилась, тяшка налилась. «Ну, — говорит, — слуга Тороп, каково, — говорит, — со мной месте было за компанию?» Ну, хорошо, другая поставилась тяшка и налилась. Он тяжку выпьет, и тяшка выпьется. «Эй, — говорит, — слуга Тороп, ладно иду ли али не ладно иду?» — «Ну, хорошо, ладно, — говорит, — идешь; тепера, — говорит, — пойдешь — выйдешь над моро. Погони, — говорит, — морской берег. Пойдет, — говорит, — мором мис, и зайди, — говорит, — этот мис. Тут, — говорит, — спомяни мое имя — я буду тут тебе».

Де пошел хресьянской сын, де вышел над моро. Погони морской берег. Де пошел мором мыс, де зашел этот мыс. «Ну, — говорит, — слуга Тороп, до мысу дошел», — сказал. Друг голос нанесло: «Ну, — говорит, — таперя ты отдыхай, а я, — говорит, — штапу тридцать три шетра шить. Тридцать три шетра сошью, — говорит, — и, — говорит, — сех поштавлю и тйба разбуджу, и разоставлю, — говорит, — [во] [в]сех сякие-ражные закуски и сякие-ражные напитки».

Ну, хорошо. Де он приляг. Де он [слуга] стал тридцать три шетра шить. Тридцать три шетра сошил, и сех поставил, и разоставил сякие-ражные закуски, сякие-ражные напитки, и его разбудил: «Ну, что, — говорит, — хресьянской сын, как полдень, — говорит, — дойдет, прибегут суды, — говорит, — тридцать три корабля, кажном корабле, — говорит, — будут по оному человеку и сходни выбросят, по сходням выйдут и станут дивоваться: тия¹ поделка, тия постройка? Мы раньше бегали — такого-то не видали. Ты, — говорит, — говори — моя. И каждой шатер будет по одному человеку — и говори: шлуга Тороп, время саю. И, — говорит, — ту же минуту сех напою. И станут прошить меня у тебя. Ты, — говорит, — говори: я дам, только достаньте из дива дивовес коробку».

Де хресьянской сын говорит: «Как я тебя дам?» Слуга Тороп отвечает: «Ты только дай слово, потом хоть тебе меня надоть будет — только мое има спомяни. Се равно успею: их напою и тебя напою».

Ну, хорошо, де полден дошло, друг видит с моря бегут тридцать три корабля. Хресьянской сын стоит на берегу, их встречает. Де вышли, сходни выбросили, по сходням вышли, стали дивоваться: «Тия поделка,

¹ Т. е. чая.

тия поштройка? Ми раньше бегали, такого-то не видали». Он говорит: «Моя». И каждый шатер уводит по одному человеку. «Ну, — говорит, — слуга Тороп, время чаю — гости приехали».

Каждом шатре поставилось по шамовару. Ту же минуту каждый шамовар налилась вода. И уголья наклались, и ту же минуту закипели се зараз. И онну минуту поставились чашки каждом шатре, и се зараз налились. Попили и вышли из шетров.

«Ну, что, хресьянской сын, продай нам этого шлугу Торопа». — «Хорошо, дам, — говорит. — Достаньте мне, — говорит, — из дива дивовес коробку». — «Шиди, — говорит, — эта три дни». — «Ну, хорошо».

Де шяли на корабли, убежали. Де третьи сутки ишполнились. Друг стала прибывать вода с моря. Де с берегом сравнялась. Друг коробка вышла и обсохла. Ну, хорошо. Три замка и три ключа. «Э, — говорит, — коробку достал — как донесу?»

Друг голос нанесло: «Что, хозяин, говоришь?» — «Э, — говорю, — коробку не донести». — «Поди, — говорит, — попереди. Коробку я, — говорит, — понесу зади тебя». Де пошел, оглянулся, сгинул: коробка сама идет сзади его.

Де шел, шел — город увиделся. Де пришел, говорит: «Что, ваше сарское величество, хочь и твои сыновья ложь говорили, а вше-таки доштал». Де сар отвечает: «Ну, значит, они верно говорили».

Де сар коробку принял. Де первой жамок отпер — увиделось на сто верс, другой замок отпер — увиделось на двести, третий жамок отпер — увиделась морская глубина и небесная вышипа, и что на белом свету есь, сё увиделось.

Де немножко пожили, друг сарица померла. Де похоронили. Де пошел [царь] коробке с печалью: первой жамок отпер — увиделось на сто верс, другой замок отпер — увиделось на двести, третий замок отпер — увиделась морская глубина, и смотрит — сидит морском ключу девка, и такая крашивая, непримерная!

Пришел домой и приживает хресьянского сына: «Ну, что, хресьянской сын, есь в морском ключу девка, достань мне на жену». — «Как, — говорит, — я достапу?» — «Если не достанешь, я, — говорит, — тебя скажню».

Де вышел на двор, маленько от городу отошел: «Ей, — говорит, — слуга Тороп, погить, — говорит, — хочю». — «Что, хозяин, говоришь?» — «А, вот, — говорит, — сар говорит: „Морском ключу есь девка, достань мне ее на жену“. А мне достать, — говорит, — шила не берет». — «Ну, — говорит, — поди сару. И, — говорит, — сару скажи: „Сделай караб с одним окном, а я побегу на этом корабле, отдай только своих двух сыновей“ — «Э, ладно», — говорит. Сделал караб с онним окном, призвал своих двух сыновей: «Ну, что, дети, побегитё ли с ним месте?» — «Э, побегом». Де сяли на караб, отправились и де ети сарские сыновья штали его окном выталкивать, чтобы утопить море. Ну, ладно. Де стали выталкивать. «Э—э, — говорит, — слуга Тороп!». Де ниоткуль шила прибавилась у хресьянского сына. Де обоих вытолкнул. Обех море утопил. Де побежал. Один себе осталса.

Друг караб остановилса среди моря. Друг голос нанесло: «Ну, хозяин, помёр[ь], — говорит, — школь глубоко». Померил: триста сажень. «Ну, я, — говорит, — тебе сколочу хрустальну бочку». Де зял заколотил его хрустальну бочку, де слуштил, де до жемли дошел. Де трои по солнцу первернулся. Из бочки вышел.

Де видел: девка сидит ключу морском. Девке подошел. Девка отвечает: «Ништо пришел, я теба не отпущтю».

— Э—э, — говорит, — по неволе пришел.

— Кака тебе неволя?

— Сар теба на бабе зовет.

[В]желá лице его пошмотрела: «Ей, — говорит, — неволю пойду ражве? Шибко, — говорит, — мўтишься понапрасну». Ну, ладно. Де стала ящик складывать подвенешную лопать. Склала. Ящик жаперла. Де

бочку шяли. Веровкой пошевелили. Де шлуга Тóроп вытянул. Де шяли на кораб, де побежали домой.

Домой подбежали, сходни выброшили, по сходням вышли. Девка вышла — как солнце шяет. Де сару привел. Надо венцаться. Де девка стала: «Ох, — говорит, — ключи забыла морском ключу». Сар говорит: «Ну, нужно яшшик ломать». Девка говорит: «Няльжя».

Сар приживает хресьянского сына: «Поди, достань ключи». Хресьянской сын говорит: «Как я, — говорит, — достану?» — «Если не дошта-нетъ, я тебя скажню». Де хресьянской сын поклонился: «Ну, ваше сарское величество, не пойду я ключи искать, только рази пойду смерть себе искать». Сар отвечает: «Сам знашь».

Де хресьянской сын пошел. За город завернулся.

— Э, — говорит, — слуга Тороп, погить хочу.

— А, что, хожяин, говоришь?

— Девка забыла ключи морском ключу, а сар посылает меня.

— Ну, — слуга Тороп отвечает, — я уж, хожяин, не жнаю, а только рази жнает шука.

Пошел. Над моро вышел. Друг видит — лежит шука: половин-то отсохла. «Хресьянской сын, мене море столкни», — шука отвечает. — «Морском ключу девка ключи забыла. Те ключи достань». — «Я не жнаю. Только жнает нерпа. Ну, а се-таки через три дни сиди этака, нерпу штаву переспрашивать».

Де штал шуку толкать моро. Де штолкнул. Де шука уплыла. Де штал сидеть. Третьи сутки исполнились — де стала с мора вода прибывать, с берегом сравналась. Приплыла нерпа. Припесла двенадцать ключей вэку в роте, и се золотые. «Э, — нерпа говорит, — хресьянской сын, едва достала, тебя жалко стало». Де понес ключи. Де принос сару. Де девка ключи жялá. Де штала отпирать яшик свой. Де из ящику в яшик: в этом ящику двенадцать яшиков. Де сех отперла. Последнем ящику была жива-молода вода. Де се достала, де хресьянского сына убила, де живой-молодой водой брызнула — кожишка натяпулась. Другоредь брызнула — кров наступила. Третий брызнула — снова родился. И сказала: «Шибко мучишься — то-то молодым доспела».

Сар говорит: «Девка, меня этакого доспей молодого». — «Ладно. Чего, — говорит, — не доспею!». Жяла патрое пересékла. Шередышно жвено брoшила, ноги да голову прирoстила. Живой-молодой водой брызнула — кожишка натяпулась, другоредь брызнула — кров наступила. Третий брызнула — ожил; ходит — пуста голова, без рук и беж шпини, беж рук да беж шпини — пуста голова.

Ну, и сказала: «За тебя, — говорит, — замуж не иду, а вот, — говорит, — хто мучился, за него иду». И сожывает сех княжей, боярей, сех приближенных мипистерей. «Ну, княжи, бояре, думные сенаторы и приближенные министеры, придумайте, пригадайте и присоветуйте, могот ли этакой сар служить: у него нету рук и нету шпина?» Княжи, бояре шкажали: «Никак не могот этакой сар служить, не могот написать и не могот ничего доспеть».

Де хресьянской сын с этой девкой овенчался. И шял саром, а безрукой сар стал простым человеком. Кончено.

6. ИВАШКО ПЕПЕЛУШКО

В некотором царстве, некотором государстве жил-был царь. Богу просит, и молебни служит, и приклады прикладывает: «Подай, бог, сына ли доч! — при бладоцти на утеху, и при старости на замену, и при смертном часу на помин душу!» Те немного пбжили — дажи ничего нет. В одну пбру призывает княжи, бояри, и думны сенатори, и приближенны министров и отвечает, что «мои княжи, ббяри, и думны сенатори, и приближенны министры, есть [недалеко] от этого города речка, по которой плавает золотая рыбка; кто эту рыбку изловит, тому

отделю полбитча, полжитча, пол-имення своего, и если кто изловит [и съест] эту рыбку, тот будет в интересном положении».

Ловят, ловят, но даже никто не могут изловить. Вдруг обо одну пóру старичок говорит старушке: «Пойду ловить эту рыбку!» «Ну ладно, — старушка говорит, — поди лови, попробуй!» Старичок забросил шетку и изловил эту рыбку — совсем золотая.

Взял и принес царю эту рыбку. Царь взял припал старичка с честью и радостью и не знал это, где место дать, — так обрадовался: «Я определю служанке, чтобы испекла на сковородке эту рыбку». Стала эту [рыбку] служанка пекти. Вдруг со сковородки на пепел скокпуд жирочик. Служанка вжала этот жирочик и засунула в рочик. Вжала испекла [рыбку] и царице понесла. Царица поела. И как будто с того случилось — и стала интересном положении, и служанка тоже.

Жили-жили, и подошло в одно время царице и служанке обеим [рожать]. У царицы и служанки родились два мальчика. Царь своему сыну дал [имя] Иван-царевич, служанки [сыну] има дали Ивашко Пиполушко.

Те большие стали, по-на дворах ходят, и лучком стрелку стреляют, и с ребятишками играют. Царский сын такой учёный — впо грамоту кончил: по-латынски, по-французски, по-английски и по-немецки. Даже какая птица прилетит, станет петь — и её говоры понимает.

Вдруг оба пошли с отцом гулять. Вдруг в одну пору прилетела [п] тá-жечка и шяла на ветвишку и стала петь. Она поёт — он «такает». Пела-пела — с вичинки слетела, и он заплакал. Отец спрашивает: «Зачем плачешь?» — «Сам [знаю]». Пришли домой.

Даже царьской сын в это время сидит печальной, ни с кем не забавляется. Отец спрашивает, что «сделай милос[т]ь, скажи, что тажечка тебе говорила!» — «Она, — говорит, — мне говорила: ты уедешь в другой город, посадят чебя саром, и будешь — отец чебя не узнает, мать чебе нальет воду, когда ты станешь мыться, мать тебе нальет воду — отец подаст полотёнцо!»

С этого слова мать его не залюбила — отец его любит. Мать сказала, что «с моих глаз его уведи, чтоб я в глазах не увидала!» Дьэ, отцу делать нечего, слил золоченый корабль и отпустил мору и даже наклал всякую разность, чтобы на него вик хватило.

Дьэ, понесло эту корабль по синему мору, и вдруг этот корабль остановился среди мора. Другом городе увидели этот кораб — блестит. Вдруг царьской сын [из этого города спросил], что «солнце ли блестит, ли что блестит?» Посылает [царь] людей, чтобы проверить, кто он такой, и посылает своего сына [в] меште, то есть на шлюпках. Подъехали кораблику и вишли, зашли его комнату — сидит обедает: золотой ложечкой, золотой вилочкой и золотой торелочкой. Стали его спрашивать: охтó он такой? Он к нимá отвечает, что «я не знаю, отец меня отправил по синему мору». Стали его звать в этот город. «Хорошо, пойду», — говорит. И привели в самó царю во двор.

Так его царь полюбил — не мене своих детей. Вдруг в одну пору пошли гулять царь со сыном и новый — приезжий. Вдруг увидели: прилетел ворон и позади прилетела вороница с воронёнком, стали кúркать перед царем. Они куркают, а он «такает». Царь отвечает: «Что, — говорят, — эта ворона куркает?» Он к нему отвечает: «Они, — говорит, — тяжуются чебе: как ты рассудишь — я к нимá переведу».

Царь спрашивает: «Что они тяжуются, по каким делам?» — «Ворон бросает вороницу, обирает детю, а вороница жалуется. Как ты рассудишь, так и будет». Царь на это отвечает: «По моему закону никогда не обирается дитя от матери». Он стал к нимá куркать. Как он прокуркал, царь смотрит — ворон улетел пóрозну, вороница улетела с воронёнком.

Дьэ, ушли домой. Царь также еще пуще полюбил его. Дьэ жили-жили — царь помер. Стали «советоваться»: кого посадить [на царство] —

наследника ли, этого человека? Дъз стал царом [Иван-царевич], посадили его.

Вдруг одну пѣру на ум пало, что ему были отец и мать. Дъз, нужно, стал собираться ехать и поехал. Приехал город. Отец его не узнал, мать его не узнала. Те поутру стал — мать налила воду, отец подал полотенцу. По-старинцу он богу помолился и подошел отцу с ручкой¹ и матери. Царь отвечает: «Что это такое, как я чебѣ не узнал: подходить с ручкой — ты ведь царь!» — «А я вот тот самый ваш сын! Вот, — говорит, — тажечка мне рассказывала — то мне и случилось».

Дъз, с этого отец и мать его полюбили. Сказал к нима: «Хоть все меня полюбили, а я все-таки поеду: у меня есть свой город. Где мой брат Ивашко Пепелушко? Я его возьму с собой!» Царь отвечает: «Бери своего брата». Он взял и с ним поехал. Дъз, приехали они город, он [царь] довез оба брата.

Дъз, в одну пору в уму пало, что «надо мне-ка жепиться!» — и поехал в другой город искать себе жену. Уехал и даже потерялся. Ждали-ждали его, да дожидаться не могут. Вдруг в одну пору Ивашко Пепелушка говорит: «Дай я поеду искать!» Поухал. Вдруг видит: два человека дерутся. «Здравствуйте, ребята! Что делаете, ребята?» Они отвечают: «Ничего!» Он к нима отвечает: «А зачем заводите драку?» — «А вот ми нашли шибку-невидимку, а вот ми не утимаемся!»² — «А вот, робяти, я к вам даю совет: сделайте по лучкѣ да по стрелке да и стрельте; если чья упадет дальше, тот и вождѣт».

Они взяли и сделали, и стрелили, и ушли за стрелками. Он позади, схватил шибку-невидимку — с конем, со всем в певидимку. Приехал город. Концовѣю куртучку [зашел] старушке. Старушка его приняла, напустила его, накормила его; стал спрашивать: «Не знаешь ли, бабушка, Ивана-царевича?» — «Еш[т]ь, — говорит, — в этом городе, даже приехал третьем году». — «А что он живет?» Она к нему отвечает: «Хочет жениться, да еще не могут собраться!»

Пошел по городу искать. Вдруг повстречал его: «Что, братец, еще не женился?» — «Да вот, не могу еще исполнить заповѣди!»³ — «Какие заповѣди?» — «А вот этот есть дологоловой старик, у него в голове вше волосы золотые. А велют найти, что хоть один золотой волосок ешли найдешь, то возьмешь царьскую дочь замуж!» — «Ну ладно, это уж сделаем. Где этот старик, дом его? Я его найду!» — «Ладно, укажу».

Он взял доходил до дому, и надел шибку-невидимку, и совсем стал невидимым. Вошел дом: сидит старик, голова впя золотая. Подошел старику [в] этой шибке-невидимке, поймал горш[т]ью волощьи и сорвал и карман [сунул]. Старик закричал: «Ех! Охтѣ мне тянет?» Тут отвечат: «Да ни один человек нет, ни бхто нету». Потом [Ивашко] поймал другую горшь — и [в] карман. Старик отвечает: «Кто мне [волосы] тянет, даже черта не видно!» Никого нет. Вжал и скрылся [Ивашко], куды к нему надо. Пошел искать Ивана-царевича. Ходил-ходил и нашел, что «Иван-царевич, вот какие заповѣди, я еѣ нашел,⁴ пойдѣм цару!» — «Ладно, пойдѣм!»

Дъз, пошли. Пришли цару. Стал просить [по]свататься <за> дочь его. Царь на это отвечает: «Третий год я прошу [выполнить] заповѣди — вы нашли ли как?» — «Эти заповѣди в нашем городе даже имеются в стельках». — «Давайте покажите!» Тот сапог скидал да выбросил, другой скидал да выбросил.

Делать печего стало, дочь вышла замуж. Овенчались, стал вечер, стали ложиться. Ивашко Пепелушко говорит, что «Иван-царевич, когда вы ляжете спать, на чеба положит руку, тебе будет тяжело, тебе будет такая тягочь, будет непереносно — и ты от нее выйдѣ и меня найди, я

¹ Т. е. поцеловать руку.

² В смысле: не уладимся.

³ Т. е. заповѣдь.

⁴ Т. е. ее, заповѣдь, выполнял.

тут буду стоять. Теперь ты поди на базар купить три прута: менной, оловенной и серебряной — эти прутья мне дай!» Пошел на базар, купил три прута: менной, оловенной и серебряной — и к нему дал.

Дья, спать легли, положила на него руку — и такая стала тягасть, даже к нему непереносно. «Ох! Я выйду», — сказал Иван-царевич. Она сказала: «Зачем?» — «Нет, пошел до ветру!» Оделся и вышел. Вдруг Ивашко Пепелушко стоит тут: «Что, нашел прутья?» — «Нашел». — «Ну, давай мне эти прутья!» Он подает эти прутья. «Ну теперь, — говорит, — розденся, я оденусь твоей одежде, а ты меня жди этака. Здесь, на моем мешге». Оделся Ивана-царевича одежде и пошел... Вошел, где она спит, ту комнату, и стал драть менным прутом. Кровь пошла, и стали даже вискакивать черви из тела. Даже прут переломился. Потом стал драть оловенным — и стали вискакивать мыши, даже прут переломился... Вышел: «Ну, поди (Ивану царевичу) лежи спать».

Дья немножко пожили. Вдруг об одну пору [говорит], что «жена, нужно сходить баню». Вошли баню и розделись. Иван-царевич говорит: «Почему такие пятна по телу?» Она отвечает: «А вот когда мы женились, ты меня драл».

- О боже милости[вый], ковды я вас драл?!
- А как же ты не драл, зачем же ты так отпираешься?!
- Не, я вас не драл!
- А кто же драл?
- Да Ивашка Пепелушко драл...
- Сейчас я пойду из бани!
- Зачем? Нужно помыться!
- Я не буду мыться!..

Пошла домой, Ивашке Пепелушке послала нарочного, что зовет Ивана-царевича жена! Ладно. «Нет, — говорит, — я не буду... я хвораю!»

Посылает другого: «Если ты хвораешь, то пуш[т]ь приволокут на саях». Вжали и приволокли на саях. Подошел к вороб[ам].⁵ Думал себе умом: «Если засуну голову, то будет шекти⁶ голову; если засуну руки, то будет шекти руки; если засуну ноги, то будет шекти ноги». Взял и засунул ногу — отчекла ногу, другую засунул ногу — и тоже отчекла; и вжал и поймал эти ноги, и остался на коленях, и побежал шендуху — на пустых коленях. Сказали, что «гонить⁷ Ивашка Пепелушка». Гонили, но даже не могли найти, где он.

Шел, шел даже на пустых коленях. Вдруг видит: двое упущают сохатого — один слепой, другой безрукий.

- Здравствуйте!
- Здравствуй; какой человек?
- Я безногий!
- Ну ладно: ты безногий, один безрукий, другой слепой — мы будем три брата!

У этого слепого на спине шелло,⁸ эти двое шадут на шпину — куды надо, нешет. Ивашко Пепелушко спрашивает: «Кто, робята, у вас поит и кормит?» — «У нас поит, кормит Марфита-царевна! У нас на улицу живет Ега-баба, а от нее бтяжи Марфриту-царевну!»

Они ездят каздый дещь и промышляют вше — она их каздый раз поит и кормит. Вдруг обо одну пору уехали. У ней угас огонь. Пошла Егой-бабе по огонь: «Ну что, бабушка, дай мне огонек, у меня уехали товарищи». Ега-баба отвечает, что «дай мне попить кровь, тогда я огонь дам!» — «Ладно!» (согласилась). [Ега-баба] вжала прот[к]нула грудь [Марфиты-царевны] и стала кровь пить. Папилася и отдала огонь. К вечеру приехали товарищи. Ивашко П[епелушко] говорит: «Что у тебя изменилась кровь? Не была ли ты у Егой-бабе?»

⁵ В тексте: «к воробу».

⁶ Т. е. секти, сечи — сечь.

⁷ Т. е. гнать.

⁸ Т. е. седло.

— Нит, не была!
— Нет, ты не отпирайся! Если была, то не та!
— Эх, правильно, я была, огонь угас — я ходила по огню!
— Ну, завтра ми не поедем, ми запрачемся; ты поди к ней, тоже у ней проши огонь. Скажет: дай мне кровь пить — то ты скажи, что пойдём [ко] мне, то дам. А ми лягом — один полистенку, второй под кровать, а третий столовье.

Пошла Егой-бабе, что «бабушка, дай огонек, огонь угас!» Она говорит: «Дай пить крови!» — «Ну, бабушка, пойдём мне домой, тогда дам кровь!» — «Ладно!» Привела домой. Шяла [Ега], отдала к ней вопки искать голове и стала пить кровь. Она у Егой-бабе голову расплела: одну косу брошила полистенку, другую под кровать, третью под столовье. Поимали они за косы, и соскочили, и стали Егу-бабу бить — двое руками, третий пинками. Ега-баба стала [просить]: «Меня упуштите!» Ивашко П[епелушко] говорит: «Дай живую-молодую воду». Ега-баба отвечает: «Стоит перед дверми омбар, лйтком [дверь] свэзана, гомнйшком запечатана, потом переднем мёште стоят две воды: на правой стороне стоит худая вода, на левой стороне стоит хорошая вода». Ивашко П[епелушко] пошел. Вошел омбар. На левой стороне стоит вода, омакнул перчик — совсем почернел. На правой стороне стоит вода, омакнул палец — совсем побелел. Почерпнул живую воду и вжал воду переставил «с одной стороны на другую», чтобы она [Ега] замешалась. Вжал пришел домой. Ега-баба говорит: «Отпуштите меня!» — «Ладно». Отпустили. Ега-баба пошла. Запла этот омбар, замешалась и напилася плохую воду и идет к ним самим их дом прямо. И сказала: «Ну попробуйте, теперь бейте меня хорошенько!» Стала с нимá драться, но также ничего не могут сделать.

Ивашко Пепелушко поймал за голову и сорвал, выбросил окно. Глянули окном: идет голова па косах к омбару. Погонили эту голову и еле-еле ее застали у омбару — чуть не вошла омбар. Взяли поймали эту голову и по мелким частям изрубили.

Ивашко Пепелушко сказал: «Нада лечить руки, ноги и глаза этой живой водой». Руки приложили у безрукого, живой водой помазали — п с руками стал; потом у слепого глаза живой водой помазали — и с глазами стал; потом у Ивашки П[епелушки] помазали ноги — и [с] ногами стал. «Ну, — Ивашко П[епелушко] сказал, — ну, робята, возьму я Марфиту-царевну замуж, а вы ходите по своим местам, только спроводите, котором городу родился, меня спроводите до того города». Его спроводили как следует, он приехал в тот город, где родился, даже его приняли и сказали: «Третий год чебя розыскиваем, что царь помер п посадить некого было, кроме чебя...»

Его посадили царом, и стал жить-поживать навечно царём.

7. ПОДСОЛНЕШНА КРАСОТА

Живал-бывал купец богатой; ну, хорошо, бога просит, молебны служит и приклады прикладывает: «Подай, бог, сына либо дочь — при старости на замену и при бладошти на утеху, при смертном часу и на помин душу». Нямножко пожили — жена стала интересном положенип. Дни-часы исполнились — родился мальчик; укупали, укрестили, имени дали Иван. Так он растет не по дням, не по месяцам; как синишное¹ тестечко на опаре привздывается, так и он кверху.

Ну, хорошо. И подрост, по надворью ходит, и лучком, стрелкой стреляет, и ст ребятишками играет. Там пойдет от отца крад[у]чи к какому-либо нищему или бедному, там какую горсь захватит там золота или сёребра и от отца крадчи отдаёт. Ну, и за его добродетель между собой робятишки нма дали Иван Купеческой сын и Сар Заря.

Де немножко пожили — отец у него помер, и мать у него померла,

¹ Пшеничное.

и похоронил как следует, и от отца остался [один]. И смотрит по своему богатству — даже тройне боле стало. Написал сару гумагу, сар прочитал, и пишет [Иван] гумаге: «Приезжайте сесь² писарев, списывайте мое имения, я своему имению щот потарал».

Ну, хорошо. Де приехали шешь писарев и штали шпишивать его имения шешьма часов, и даже третьюю часть не могли списать и уехали назад. Как назать уехали, и немножко прошло, пожил, даже смотрят — еще пуще стало.

Опеть написал гумагу сару. Сар [в]зал, прочитал; пишет [Иван]: «Приезжайте девять писарев, списывайте мою имению, я своему имению щот потерял». Приехали девять писарев и стали его имение списывать. Девять мешяцёв писали, писали — даже третьюю часть не могли списать и назад уехали.

Де немножко пожил и шмотрит — еще пуще стало, и думает умом: «О, боже милосливой, откуда эдакая страсть наливается!» Написал сару гумагу: «Приезжайте двенадцать писарев, я своему имению щот потарал». Приехали двенадцать писарев и шпишивали его имение двенадцать мясяцёв. Даже третьюю часть не могли кончить и назад уехали. И сарку рассказали: третьюю часть не могли даже кончить.

Сар послал двенадцать кораблев и написал гумагу. Он жял гумагу, прочитал и пишет [Ивану], что «нагрузить двенадцать кораблев со златом, со серебром, и с драгоценными камнями, и с дорогими матерьями, и шо всяким ш дорогим товаром. А ешли не нагружишь, то будет твоя голова на плаху, и шам падись на корабь и явишь мне».

Де пошел швоим прикащикам: «Ну, что, мои прикащики, хватит ля на двенадцать кораблев слата-серебра, и драгоценные камни, и дорогие матерьи, и сякой-разной дорогой товар?» Прикащики отвечают: «Даже и третьяя часть не выйдёт». Де штали нагружать и нагрузили жлато-серебро, и драгоценные камни, и дорогие материи, и сякой-ражной дорогой товар, и он сял меште на корабь и отпихнулись. Сажен на десять отъехали.

Друг упала буря и штала ломать корабли, и штало се тонуть, и люди се притонули, один Сар Заря остался и поймался за онну корабельную дошпечку, и штало его море носить. Ношило, ношило и несколько время и друг выбросило об онну пору его на берег. И пошел сухума и даже ни пути, ни дорога не жнает. Де шел, шел, друг завидел: штоит жамок, и зашел этот жамок. Из жамку жамок — и зашел двенадцатый жамок.

Этом жамке разоставленные сякие-ражные закуски и сякие-ражные напитки. От каждой закуской закусил по одному кусочку и от каждой напитокке выпил по одной рюмоцьке. И жавидел: штоит тут диванчик, и подумал умом: кабы прилегчи на этот диванчик приотдохнуть! И приляг на этот диванчик, и жавидел на штене патрет. И шнял етот патрет. Прочитал: и у сара есь доць по имени к пей Подсолынешна Красота — и сам ея патрет. Жял из жамку вышел и пошел; друг видит: идет стречу к нему человек, и повстречались. Друг пришел к нему старичок, и шкажал [Иван]: «Ждраслуй, дедушко», — ответил к нему. Он к нему ответил: «Здравлуй, Иван Купеческой сын, Сар Зара».

И спрашивает старичок: «Что, жамке был?» Он к нему отвечает: «Был». — «Кого замке видал?» Он к нему отвечает: «Нет, дедушко, никого не видал». Он к нему отвечает: «Нет, ты жамке жял и несешь». Он к нему ответил: «Нет, дедушко, вжял Подсолынешной Красоты патрет». Старичок спросил: «Желаешь ли видеть?»

— Э, дедушка, желаю.

— Ну, если жалаешь, так пойдем со мной. Там у меня приотдохни тоже.

Де пришли этому жамку; то есь как ветер³ штал — и спать лягли. И поутру стали. Де старичок отвечает: «Поди-ко город и ходи-ко по городу, и станут ребятишки ходить по городу играть, и спрашивай у каж-

² Шешь.

³ Т. е. вечер.

ного: у кого сестра есь, у кого брат есь, у кого отец есь, у кого мать есь. И самого нищего приведи ко мне: у кого ни брат, ни сестра и ни отец, ни мать».

Де Иван Купецкой сын, Сар Зара, пошел город и ходит по городу. Ребятишки играют, и спрашивает у каждого. У одного спросит: «Что, отец-мат есь?» Он скажет: есь. Его пройдет. У другого спросит: «Что, отец-мат есь?» Он там скажет: нету. «Братья есь? Он скажет: есь. Его пройдет. Де там третьему будет: «Что, отец-мат есь?» Он скажет: нету. «Братья есь?» — «Совшем нету». — «Сестры есь?» — «Совшем нету. И нету у меня, — отвечает, — ни брат, ни сестра, ни отец, ни мать». Де Сар Зара отвечает: «У меня тоже нету», — к нему. Ну, Сар Зара отвечает: «Ну, мы оба нищие, пойдем месте». Де пошли, пришли к этому старичку.

Ну, старичок отвечает: «Ну, Иван Купецкой сын, Иван Зара, я тебе-ка дам деньги, пойдти на базар, купи шнурок, купи котелок, купи клей, купи клопчатую гумагу». Де пошел Сар Зара на базар, купил шнурок, купил котелок, купил клей и купил клопчатую гумагу, и принес старичку, и зял старичок стал клеить и склейл шкурку.

Этого Сар Зару оборотил как собачонку и шнурком затынул. Ну, и сказал, что «ты ответил, нищий мальчик. Поведи этого зверочка. И веди по городу, и сар со сарицей со своей [и с] Подсолнешной Красотой стоять станут на балконе и станут спрашивать: «Ах, какого ты прекрасного зверочка ведешь!» И стапнут у тебя просить — ты к им отвечай: за пятьсот рублей — а мене того не отдавай. — «А ты, жверчек, штанут у тебя шпрашивать, не жнаешь ле какого воспонятия и не жнаешь ли какого ражговор, ты отвечай, что „жили-жили“, больше ничего».

Де повел етого жверочка. И ведет по городу. Сар со сарицей, с Подсолнешной Красотой штоят на балконе. «Ах, — Подсолнешная Крашота увидела: ведет он стова жверочка, и отвечает, — а что же, папенька, каков бы было попросить у него етого жверочка?» — «Э, что же, — говорит, — если он нам дас, попросим у него». Сар ответил: «Мальшик, пойдти суда. Какой у тебя отличный зверочек». Он говорит: «Мой». — «Ну-тко, — говорит, — оступи ко мне его». Он к нему поклонился: «Ваше царское величество, хорошо». Сар отвечает: «За чего отдаешь?» Он говорит: «За пятьсот рублей». Сар говорит: «Совсем не пужпо».

Подсолнешна Красота сказала: «Рази у нас денег нету отдачи?» То есь как она была у него любимая дочь, и не захотел се прогневить шловом. И отсчитывает к ему пятьсот рублей. Взял эти деньги. И принес к этому старичку. «На вот, дедушка, я продал етого жверочка, на вот тебе деньги». Старичок отвечает: «Мне деньги не пужны, польжуйся сам. И больше мне не ходи». Жял этот мальчик ушел с деньгами.

Жяла эта Подсолнешна Красота увяля етого жверочка свою комнату и стала его чистить, штала его ласкать. «Какой ты, жверечек, не жнаешь ли какого воспонятия и не жнаешь ли какой ражговор?» Хвош-тиком виляет, ушки прикладывает: «Зели-зели»; больше ничего. Де немножко пожили.

В оно прекрасное время сар со сарицей выпел на балкон и со своей Подсолнешной Красотой. Друг увидели: летит ворон, уронил гумагу двенадцати твердыма печатями. Сар жял гумагу прочитал: едет двенадцатиглавой жмей и требует Подсолнешну Красоту на двенадцатое Чудское озеро на пожирание, и пипет: «Добром дашь — добром вожьму, худом дашь — худом вожьму и вещь твое царско выжгу, выплденю».

Де сар отправил шилу воеваться — вшю прибил. Де штал Подсолнешну Красоту отправлять и посадил на золоту карету.

Де со внимá проштилась. «Эй, — говорит, — со Желюшком не прощайся». Се Желюшка прибежал — подает к нему подорожнички: «На, — говорит, — последний раз прими от меня подорожнички. Повежли меня, — говорит, — на двенадцатое Чудское озеро, двенадцатиглавному жмею на пожирание».

Жглянула — у Желюшки слёжки поднялись. Уяхала. Сар сказал:

«Отдайте ему двадцать пять плетей на кухне и выбросьте его за окно». Отдали ему двадцать пять плетей на кухне и выбросили его за окно. И сказал: «Кабы не было того несчастного, а как он пришел, то случилось».

Выброшили. Жял Желюшка пошел, жа город завернулся, шкуру швою шкинул и повешил на лешинку. Де пришел к швому дедушку на показаны места: «Эй, — говорит, — уважли мою Подсолынешну Красоту двенадцатиглавою жмею на двенадцатое Чудское ожеро на пожирание».

Дедушко отвечает: «Ты хочешь яхать?» Он к нему отвечает: «Дедушко, хочю». Дедушко отвечает: «Ешли хочешь яхать, я тебе дам коня и дам шаблю». Де старичок отдает шаблю и де отдает коня.

Де шял на коня — старичок дает пужырек: «Де, — говорит, — выпей — и почувствуешь шобе шилу». Он жял выпил — и почувсовал шобе шилу. «Ах, дедушко, — говорит, — кабы было утверженное кольцо, я бы в[с]ю подсылную повернул!» — «Нет, — говорит, — не хвастай, не вёрнешь».

Де пояхал. Видит: за двенадцать верс огнем жгет и дымом дышет. Он к нему отвечает: «Двенадцатиглавою жмей, не горячись. Де убьешь — будет девка твоя, де убью — будет девка моя».

Так шьяхалишь они шатко⁴ и метко. Сар отсыгнул — шешь голов отлетели. И другирядь съяхалсь садко и метко: Сар рассягнул — шешь голов отлетели; его тулово упало, шильной гром грянул. Ну, хорошо. Де пояхал.

Девка отвечает: «Кто мой ижбавитель, вожьми меня собой». Он к ней отвечает: «Я твой не ижбавитель, вашего папеньки не мало раз бывал, да не много шивал да едал, двадцать пять плетей на кухне принимал». И так и прояхал.

Де прияхал своей шкурке; коня отпустил и надел свою шкуруку и оборотился тем же жверочком.

Сар посылает людей и попа и дьяцка: «Если девка жива, привезите, а ешли померла — похороните и отпойте». Пояхали — девка живая. Штали шпрашивать: «Хто тебя ижбавил?» Она отвечает: «Не жнаю, какой-то богатырь ижбавил».

Де отеч спрашивает: «Привежли?» Отеч шпрашивает: «Хто тебя ижбавил?» Она отвечает: «Не жпаю, какой-то богатырь ижбавил. Я криту: хто мой ижбавитель, вожьми меня собой. Он ко мне отвечает: я твой не ижбавитель, а у вашего папеньки не мало раз бывал, двадцать пять плетей на кухне принимал».

Сар думает своим умом: «Хто же у мепя двадцать пять плетей принимал на кухне?» Шу, думаст, и дума не доходит: «Никому я не давал такие рожги».

Де Подшольнишна Красота вышла, Зялюшка прибежал, и штала шпрашивать: «Ну, Желюшка, беж меня били, беж меня бранили?» Хвостиком виляет, ушки прикладывает: «Зели-зели», больше ничего.

Де немвожко пожилл, как раз подошло поуtridge дня и ангели. Де самой лучший повар стал сечки мясо сечкой. Де этот Желюшка жабрался ту комнатку и штал на мяно плевать да харкать. Де этот повар штал етого Желюшка бить. Бил, бил — и выброшил [в] другую комнатку. И ужял мясо сечкой насеk и вышел другу комнату и штал стряпать пирожки, и саму ту же комнатку опеть же забрался этот Желюшка и стал на пирожки харкать да плевать.

Де етот повар ударил его железным шковородником. К нему штало больно. Он его ластой ударил,⁵ и повар утурился, ничего не помнит, и стал [Желюшка] стряпать два пирожка. Ижорвал етот патрет и жатолкнул по полупатрету эти пирожки и вышел из етой комнатки.

Повар ляжал долго ли, коротко ли и учухался. И сглянул на сквороду и думает умом: «Какие худые состряпали два пирожка». Ну, и думает умом: «Не штанем давать их гоштям, а мы лучше их двое шьедим».

⁴ Сядко (Собир.).

⁵ Передней лапой (Примеч. собир.).

Де поутру штали: по вшем царсвам, по вшем королевсвам пошлалаи ведомости, что «у саря дочь имяиница, прие[э]жайте к ей на андели». Се съяхали сари, короли и шильные-могучие богатыри. Де шидели-шидели, гоштей угощали-угощали, де стал ветер, и стал народ весь ражь-ежаться.

Ну, и Подсолнешна Красота сказала: «Ну, что, повар, я гостей угощала, а не остались ле у тебя пирожки, как мпе есь захотелось?» — «Да есь, — говорит, — хожьяка, два пирожка шильно худые». — «Ну, ничего, — говорит, — принеси». Де он к ней принес.

Жяла пирожок отломил и жглянула: нутре гумага. Выдернула: полпатрета. Другой отломил пирожок, жглянула: гумага. Выдернула: полпатрета, и примерила и прочитала: сам ее патрет. Ну, что же, кликнула этого повара: «Ну, что, повар, сказывай: когда ты стряпал пирожки, кто был у тебя другой человек?» Он к ней отвечает: «Нет, хозяйка, никто не был».

Де прошло. Де оно прекрасное время сар с сарисей вышел на балкон и со своей Подсолнешной Красотой. Друг увидели: летит ворон и уронил гумагу с восемнадцатима твердыма печатями. Сар жял гумагу прочитал: едет восемнадцатиглавый жмей и требует Подсолнешну Красоту на восемнадцатое Чудское ожеро, на пожирание, и пипет: «Добром дашь — добром вожьму, худом дашь — худом вожьму. Вешь твое царсво выжгу, выплею».

Де сар подумал своим умом: де первой богатырь его силу прибил, а на второго не к чему тратить и силу — пошлем Подсолнешну Красоту. Де Подсолнешна Красота стала наряжаться, сяла на золотую карету, со всима проштилась. «Эй, — говорит, — со Желюшком не прощались». Крикнула Желюшка — Желюшка пришел. Подает к нему подорожнички: «На, — говорит, — выкушай последний раз от меня. Повежли, — говорит, — меня восемнадцатиглавному жмею на пожирание на восемнадцатое Чудское ожеро». Сглянула: у Желюшки слезки полились, и уячала.

Сар шкажал: «Отдайте ему двадцать пять плетей на кухне и выбросьте его за окно». Отдали двадцать пять плетей на кухне и выбросили его за окно.

За город завернулся, шкурку скинул, на лешинку повесил и пришел своему дедушке на показашные места. «Эй, — говорит, — уважли мою Красоту на восемнадцатое Чудское ожеро восемнадцатиглавному жмею на пожирание!» — «А ты, — говорит, — хочешь яхать?» — «Э, дедушко, хочу».

Де шял на коня. Старичок дает к ему капли. «Выпей, — говорит, — и почувсуешь в себе шилу». Выпил и почувсвовал в себе шилу. «Ах, дедушка, — говорит, — кабы утвержденное кольцо было, я бы всю подселенную повернул». — «Нет, — говорит, — не хвастай, не повёрнешь».

Де пояхал, едет: за вошемнадцатъ верс огнем жжет и дымом дышет. Он к нему отвечает: «Вошемнатцатиглавый жмей, не горячись — девка вот: ты убьешь — будет девка твоя, а я убью — будет девка моя». Так съяхались садко и метко. Сар Саря стягнул — и десять голов отлетели; другой раз так съяхались садко и метко. Сар Саря стягнул — вошемь голов отлетели, и его тулово упало — шильный гром грянул.

Де едет; девка кричит: «Хто мой ижбавитель, вожми меня собой». Он к ней отвечает: «Я твой не ижбавитель, у вашего папеньки не мало раз бывал, да не много пивал да едал, двадцать пять плетей на кухне принимал».

Де прояхал, едет. Прояхал своей шкурке, де коня отпустил и надел швою шкурку.

Сар посылает людей, и попа, и дьячка: «Если померла, похороните и отпойте, а если жива, привезите».

Прияхали: живая. Стали спрашивать: «Хто тебя ижбавил?» Она отвечает: «Онаменишной богатырь». Привежли. Отец стал спрашивать: «Хто тебя ижбавил?» Она отвечает: «Онамеднишной богатырь. Я говорю: хто мой ижбавитель, вожми меня собой. Он говорит: я твой не ижба-

витель, а у вашего папеньки не мало раз бывал, да у вас на кухне двадцать пять плетей принимал».

Сар думает умом: «Хто же у меня на кухне двадцать пять плетей принимал?»

Ну, хорошо. Вышла во двор, крикнула: «Где мой Желюшко? Желюшко! Желюшко!» И Желюшко прибежал. Стала спрашивать: «Не знаешь ли какое воспоминание, какой разговор?» Хвостиком виляет, ушки прикладывает: «желя-желя», больше ничего.

Де жили-жили — об одну [пору] сар со сарицей и со своей Подсолнечной Красотой вышел на балкон. Увидели: летит ворон, уронил гумагу с двадцатью пятима черными печатями. Сар зял гумагу прочитал: едет двадцатипятиглавой жмею и требует Подсолнечну Красоту за двадцатое пятое Чудское озеро и па пожирание, и пишет: «Добром дашь — добром вожьму, худом дашь — худом вожьму и вещь твое царско выжгу, вышленю». Де сару делать стало нечего, и стал отправлять: посадил на золотую карету; со всіма проштилась. Со Желюшком не прощалась. Крикнула Желюшка — Желюшка прибежал. Подает к нему подорожнички: «На, — говорит, — выкушай на последний раз от меня. Повежли меня к двадцатипятиглавою жмею на двадцатое пятое Чудское озеро и на пожирание». Зглянула на Ужелюшка: слезки поднялись. Уяхала. Сар сказал: «Отдайте ему двадцать пять плетей на кухне и выбросьте его за окно».

Отдали двадцать пять плетей на кухне и выбросили его за окно. Пошел-побсжал, за город завернулся, шкурку свою скинул, на лесинку повесил и пришел своему дедушку на показанные места.

«Эй, — говорит, — дедушка, увежли, — говорит, — мою Подсолнечную Красоту двадцатипятиглавою жмею на двадцатое пятое Чудское озеро на пожирание». Старичок спрашивает: «Хочешь ты яхать?» — «Э, — говорит, — дедушко, хожю». — «Не ежди, — говорит. — Этот богатырь наместо сладкой конфетки выкушает». — «Нет, — говорит, — дедушка, поеду». — «Да я говорю⁶ тебе, не ежди». Де шял на коня: «Дай, — говорит, — дедушка, благословенье». — «Нет, — говорит, — не дам».

Коня плетью остягнул. Конь стоит, никуда не идет. Де с коня спустился, шаблю штал поднимать. Поднясти не может. Де пешком пошел. Никуды уйти не может. Де старичек отвечает: «Ну, если хочешь яхать, я дам тебе эти четыре пузырька капли. Поядешь, — говорит, — девку собой вожми. Он, — говорит, — скажет тебе, что отдыхать станем трое, а ты говори — станем отдыхать два раза. Два положь правой кармап, два левой. Ну, колды стапете отдыхать, выпей пужырек капли иж правого кармапа. Он штанет прошить: «Дай мне на приотдыхание». Ты к нему отдавай из левого кармапу. У тебя станёт шила прибавляться, а у него штанет убавляться. Дам, — говорит, — тебе я полотенце, чтобы девка у тебя стирала пот. Ну, потом, может, у тебя засекот правую руку — стобы девка скорее завязала. Он как-нибудь чтобы не видал кров: если увидит кров, то и пушай⁷ злится».

Ну, хорошо. Де пояхал. Пужырьки склал. Де девку собой вжял. За двадцать за пять верс огнем жгет и дымом пышет. Он к нему отвечает: «Двадцатипятиглавой жмею, не горячись. Девку сам тебе везу. Ты убьешь — будет девка твоя. Я убью — девка будет моя».

Де двадцатипятиглавой жмею отвечает: «Трби, — говорит, — стапем отдыхать». — «Нет, — Сар Заря отвечает ему, — двою».

Де так съяхались они садко и метко. Сар Заря стегнул — десять голов отлетели. Выдернул из правого кармапа пужырек капли и выпивает. Он штал говорить: «Дай мне на приотдыхание». Он к нему отдает из левого кармапу. Де другой раз съяхались сатко и метко — десять голов отлетели.

И ту пору повредил у него правую руку — девка скорее завязала. Он

⁶ В тексте: говорит.

⁷ Т. е. пуше.

кров не видал. Де выдернул из правого кармана пужырька капли и выпивает. Он [змеи] к нему отвечает: «Дай мне на приотдыхаши». Он к нему отдает из левого карману.

Де третий раз съяхались они садко и метко. Сар Заря стегнул — пять голов отлетели. Его тулово упало, и сильной гром грянул. Де поехал назад. Как город въехал, и упустил коня и уснул без чувства, ничего не помнит.

Де девка пошла к сарию сказала, что «ижбавил меня третий раз оно-меднишний богатырь». Сар посылает тысячу народу: «И разбудайте моего нарчешного зятя». Де пошли тысяча человек — от его храпотку подойти не могут. Как храпнет, се назничь улетают.

Де Сару пришли и рассказывают: подойти не могли. Сар посылает двенадцать солдат: «И стойте у него, и хто наперед вес[т]ь дас[т], если пробудился, тому Егорьевской хрес». Де пошли двенадцать солдат, видят: надевает он свою шкурку; поймали и шкурку разодрали и побежали домой.

И все один голос закричали, что пробудился. И [в]сем дает по Егорьевскому хресту.

Де Сар Заря пришел город. Де сар отдает свою дочь ему замуж. Де овенчались. Де Сар Заря со всем царством, со всем королевством⁸ и послал ведомости, что «приежайте мне на свадьбу». Ну, и се съяхались сари, короли и сильные-могучие богатыри.

Де шидят на швадьбе. И стали хвастать: хто житьем и хто богачеством, хто и добрый конем, хто и слугой верной. Сар Заря отвечает: «Я вас звал не на хвастанье, а звал я на свадьбу». И так ему стало досадно, и вышел из-за стола и зашел особную комнату.

Это Подсолнышна Красота и заметила на швадьбе: и сильно один король крашивой по имени к нему Португальской король. Ну, и этим времем поймали дело с этим королем.

И далися часы, распитися когда сильной-могучий богатырь своим крепким спом, стобы бежать по Португалии. Де поць стала. Спать легли.

Де Сар Заря поутру стал, зглянул: жена не тут-то бывала. И стал спрашивать: «Где моя жена?» К нему отвечают: «Убежала с Португальским королем». Вышел, пришел своему дедушке на показанные места.

— А, здравсуй, дедушко.

— Здравсуй, Иван Купецкой сын, Сар Заря. Пождравлять тебя законным браком.

Он к нему отвечает: «Ей, дедушка, что насмешки делаете?» — «Как это насмешку, ты ведь венчался!» Он к нему говорит: «Убежала с Португальским королем». — «А ты, — говорит, — яво хочешь яхать?» — «Э-э, дедушко, хочу». — «Ох, парешь, — говорит, — большое затруднение. До него яхать тысячу верс. Под первую гору будешь, така высокая — в обморок бросит. Дам тебе я пузырок капли. Сам выпей и коню норки⁹ налей. Ну, эту гору, — бат,¹⁰ проедешь, по другую гору будешь. У тебя шапка свалится: така высокая. Дам тебе я пузырок капли: сам выпей и коню норки налей. Ну, эту гору, — бат, — проедешь, потом на заставе стоят сто богатырей. Потом, дальше их, стоят два богатыря».

Ну, хорошо. Де распростились; дает ему два пузырька капли. И спрашивает у него: «Есть ли, дедушко, у Португальского короля длинная борода?» Старик к нему отвечает: «Ты рази на швадьбе не видал?» — «Э, дедушка, видел, правду». — «А что жс спрашиваешь?» — «А вот, — говорит, — хочу я его за голову поймать да тряхнуть. Голова бы осталась руках, а туша бы прилетела тебе к воротам».

Ну, хорошо, дает ему два пузырька капли; де и поехал. Под первую гору прияхал — в омморок брошило, сам выпил и кою порки налил с опного пузырька. На гору попал — гору прояхал, по другую прияхал —

⁸ Описка; надо: по всем царствам, по всем королевствам.

⁹ Т. е. «коню в норки», т. е. в поздри. Здесь и далее в рукописи: «коню Норке».

¹⁰ Т. е. бает.

сапка швалилась. Выдернул пужырек. Сам выпил и коню норки налил. На гору попал и едет. Видит: стоят сто богатырей. Кричит к ним: «Здравсуйте!» Они отвечают: «Здравсуй, Иван Купецкой сын, Сар Зара». — «Что вы стоите?» — спрашивает. — «Мы стоим у Португальского короля на заставе». — «И вы на свете люди! Человек поставил, дак я стоять стану, а подьте лучше по своим местам». Тот сказал: «Правду говоришь». И другие сказали: «Правду говорят оп». И вше ражбегалишь, кому где нужно.

Ну, хорошо. Едет. Видит: стоят два богатыря. Он кричит к им: «Здравсуйте!» Они отвечают: «Здравсуй, Иван Купецкой сын, Сар Зара». — «Что делаете?» — «Мы стоим у Португальского короля на заставе. А видал ли сто богатырей?» — спрашивает. «Дак я их видал, да всех убил, — оп отвечает. — Ну, лучше, чем вам стоять на заставе, лучше пойдемте со мной, пускай мы три брата». Те подумали швоим умом, сто ить «победил оп сто богатырей, а нас-то пе победит?» Между собой за-советовали и пошли к нему под веру, как есь стали три брата.

Де едут. Друг Португальского короля город увиделся. И городу подьежжают. Португальской король стречает на крыльце и со своей Подсолпешной Красотой и отвечает: «Дравсуй, Иван Купецкой сын, Сар Зара. И прошу вас пе оскорбиться: и захотела твоя жена Португалию посмотреть». И с сарицей сейчас на карету и отьежжают себе.

Ну, хорошо. Он тянет к ему руку, Португальской король. Ну, оп [Иван] его не хватает за руку, а хватает за бороду. И тряхнул — голова осталась руках, туша нигде нету. Самой ту пору его дедушка вышел во двор и сглянул: туша лежит у ворот. И подумал умом: «Ах, верно, хорошую шилу имеет».

Сар Зара поймал швою Подсолпешну Красоту, положил па камешь и другим задавил. Братья его отвечают: «Ну, что, Сар Зара, нужно тебе жену». — «Э, пужно». — «У сара Федула есь дочь, прекрасная Коман-дўла. Поедешь ли на ней свататься?» — «Э, поеду».

Де поехали. Де едут. Де город увиделся. Самых воротах завязли два льва. Сар Зара отвечает: «Ну, братья, скачите». Скакнули — обех рзорвали. Де Сар Зара скакпул — у коня только пустой хвос сорвали. Де сару приехал. Сар стречает его па крыльце и отвечает: «Здравсуй, Иван Купецкой сын, Сар Зара». Он поклонился: «Ваше царское величество, пе обходитесь ласковыми словами, а оживите моих двух братьен». Сар спрашивает: «Где твои братья?» — «Вот твои два льва шьели». — «Ну, — сар отвечает, — это дело небольшое, оживим, как следоват».

Де сар пошел, их припес и склал косточку под косточку, живой-молодой водой брызнул — кóжишка натянулась. Другерядь брызнул — кров наступила. Третий брызнул — ожили, как прежде были. И привел к нему. Вот стали жить у него. Де немножко пожили, и стал свататься у сара. Сар пе отказывает.

Овепчались. И стали пировать, столовать двенадцать суток без про-буду. Нищие, бедные, подзамочники и подтюремшики бочками катили.

Де пемножко пожили, и подслушала она, его баба, как советуются они между собой, как его убить, и подслушала это его жена и сказала мужу. Де оп поутру стал и отвечает, что «братья, я видел такой сон, как вы советуетесь меня убить». Они к нему говорят: «Зачем мы будем тебя убивать?» Ну, хорошо. «Вы, — говорит, — мешя убить-то убейте, мое косьё не разбрасывайте, по мелким частям выпластайте и кожаный мешок сошейте и коню за хвос вяжите».

Зяли послушались его и убили. Выпластали по мелким частям. Кожаный мешок сошили, косьё склали и коню за хвос вязали. Копь пошел с ноги па ногу, как бы хожяина косьё не потропуть. Де идет и припел своему дедушке, прижался к воротам. Зял старичек мешок, отвязал от коня и принес домой. Склал косточку под косточку и суставчик под суставчик, живой-молодой водой брызнул — кожишка натянулась. Другоредь брызнул — кров наштупила. Третий брызнул — на гузно шял и отвечает, что долго спал и бодро стал. И дедушко отвечает: «Зачем своим

братьям велел сам себя убить?» — «Так мне захотелось, чтобы снова родиться».

Де штал у этого дедушка жить и жену свою достал и стал жить-быть и до ныне.

Де кончилась сказка.

8. КОТОК ДА КОБЕЛЕК

Живал-бувал купец богатой. У него один сын. Жили, жили, жили. Вдруг об онну пору этот купец помер. Он отца похорошил как следует. Жили, жили, жили. Вдруг об онну пору этот купеческий сын говорит своей матери: «Дай мне-ко сто рублей яхать-пояхать в чистое поле, широкое раздолье, людей посмотреть и сам себя показать».

Джэ, деньги вжал, поехал, на лошадае. Яхал, яхал, яхал. Вдруг видит: едет старичок. Идет старичок, ведет за собой зверечка. «Здравствуй, дедушка!» — «Здравствуй, купеческий сын». — «Дедушка, это охто у чибя?» — «Это у меня зверечок». — «Продай мне, дедушка, этого зверочка». — «Купи». — «Что он стоит?» — «Сто рублей». Старичок берет деньги и отдаст зверочка. «Ну что, дедушка, что зверочку имо? Чем буду звать?» — «Имо к нему Коток». Шял на лошада и зверочка в руки взял. Вежет. Стал доезжать до дому — стал зверочек биться. Бился, бился и с руки свернулся и в чисто поле убежал. Прияхал домой. Мать спрашивает: «Где, мое дитятко, ездил, кого видал?» — «Чисто совшем никого не видал».

Жили, жили, жили. Опять говорит своей матери: «Дай мне благословенье яхать-пояхать в чистое поле, широкое раздолье, людей посмотреть и сам себя показать. И дай сто рублей деньги». Отдаст мать к нему сто рублей и дает благословенье. Пояхал. Едет. Яхал, яхал. Встретил того же старичка. Старик везет зверочка. «Здравствуй, дедушка!» — «Здравствуй, купеческий сын!» — «Дедушка, это охто у тебя?» — «Это мой зверочек». — «Продайте мне, дедушка, этого зверочка». — «Купи». — «Чего к нему цада?» — «Он стоит сто рублей». Купеческий сын отдаст к нему деньги и берет этого зверочка. Спрашивает: «Что к нему имо?» — «Кобелек». Вжал этого зверечка в руки и вежет. Сам думает: «Как би мне его не отпустить!» Яхал, яхал, стал доезжать до дому — стал зверочек биться. Бился, бился, с руки свернулся и в чисто поле убежал. Прияхал домой.

Мать спрашивает: «Чего видал?» — «Чисто ничего». Жил, жил, жил. Опять сказал к матери: «Ну, что, мама, дай благословенье: яхать-пояхать в чистое поле, широкое раздолье, людей посмотреть и сам себя показать. И мимо жену себе поискать». Мать на это сказала: «Если ты так говоришь, то, пока не женишься, домой не приезжай». — «А ты, — говорит, — дай мне благословенье, чтобы жениться». — «Ну, ладно, бог с тобой, мое дитятко», — мать сказала.

Джэ, поехал. Яхал, яхал, яхал; вдруг видит: стоит дуб. Подъехал к этому дубу. У дубу утопанная утолка. Ружье зарядил и попал на дуб. Смотрит: с онной стороны бегот лев-зверь, с другой — змей-полоз. Как к этому дубу подбежали, и стали драться. Дрались, дрались, дрались. Как-никак лев-зверь змея-полоза одалил. Он стрелил из ружья и этого самого льва соскачил меж крыльцо. И лев-зверь как карта упал. Вдруг этот змей-полоз соскочил и обернулся человеком. «Хто меня такой избавил, покажись мне-ко». Отвечает: «Я, — говорит, — избавил, купеческой сын. А ты кто такой?» — «Я Иван-царевич, царской сын. Ну, купеческой сын, я чибя пошлю, где моего отца город». Написал гумагу. «Стразу эту гумагу отдавай моему отцу. Мой отец эту гумагу прочитат — станет тебе отделять полжичья и пол-имения своего. А ты к нему отвечай: „Ваше царское величество, этими дарами не дари, у самого есть“. Приведет тебе-ка тридцать три лошадей, и вша у них будет шерсть золотая, и скажет: „Выбирай шибе лошада по уму“. Ты говори, что „ваше царское величество, этими дарами не дари — у самого есть“. Потом тебе принесет тридцать три девушки. Скажет: „Выбирай шибе певесту“. Ты говори:

„Этими дарами не даруй, у самого есть“. Шапку бери и выходи, цару поклонись: „Ваше царское величество, ешли своего сына жалешь — носишь на правой руке, мизинчике, перчень; ешли этот перчень дашь, то я вожьму“».

Джэ, пояхал. Едет. Прияхал к самому цару во двор. Воходит цару и подает эту гумагу. Царь прочитал, принял его с чешшью и с радостью и не знаст, где место дать. Стал к нему отделять полжиччья, полбиччья и пол-имения своего. Купеческий сын поклонился: «Этими дарами не одаривай: у самого есть». Приводит к нему тридцать три лошади — впя шерсть золотая. «Выбирай шибе лошадь, — говорит, — какая чибе по уму». — «Ваше царское величество, этими дарами не одаривай, у самого есть». Приводит к нему тридцать три девушки. «Выбирай, — говорит, — шибе пвесту, какая будет тебе по уму». — «Ваше царское величество, этими дарами не одаривай, у самого есть». Вжял шапку, поклонился: «Ваше царское величество, ешли своего сына жалеешь — носишь на правой руке перчень, этот буди перчень дашь, то вожьму». Цар видергиват из кармана носовой платок, вжял лег на подушку и поймал лицо этим платком. «Ну, ланпо, — говорит, — дам». Вжял с мизинца этот перчень, скицул, этот перчень поцеловал и заплакал. И отдал к нему этот перчень. Вжял этот перчень, пояхал от этого города.

Ну, едет. Яхал, яхал — вдруг встретил Ивана-царевича. «Ну, что, — говорит, — купеческой сын, мой отец вам перчень дал?» — «Дал». — «Ну, храните этот перчень. Будёт он вам товарищ. Ешли будёт какое-нибудь стесенье, только полночь винесите на улицу, лизните [в]ставку и сами увидите, чего будёт». Купеческой сын распростился с этим Иваном-царевичем и пояхал.

Яхал, яхал, яхал. Вдруг увиделся город. Подъехал этот город в концевую юрточку старушке. «Здравствуй, купеческой сын!» — «Здравствуй, бабушка!» Стал у этой старушки жить. Так немножко, сказать, пожил. У цара есть дочь — и стал свататься на дочери. Царь, копешно, не отказывает. «Дам, — говорит, — заповедь. Только заповедь исполни». — «Какая заповедь?» — «Двенадцать мангазин со златом, со серебром наполни». Джэ спать легли. Как полночь досло, виесп перчень на улицу, лизнул ставку — выскочили двенадцать солдатов, с-т ружьями, с копьями, с кайлами, с топорами и со шьякими-разными оружием. Усы завитые, лоби заскотые. «Что, хожяин, прикажешь сделать?» — «У цара двенадцать мангазин наполните со златом, серебром, и так наполните, чтобы виливалось потолком». Поутру вше готовое, вше исправили.

Джэ, ланно. Цар выдает свою дочь замуж. Джэ пошли в церкву венчаться. Об[в]енчались. По вшем царствам и по вшем королевствам разо-слал ведомости: «Приезжайте мне на свадьбу». Вше шгьехались цари, короли и сильные-могучие богатыри. Джэ сидели, сидели на свадьбе. Между этим врэмом жепя его видит, что один королевский сын сильно крашивой. С этим королевским сыном поимела она дело, и далися часы, что в этом часу, когда разошпится купеческой сын своим крепким-глубоким сном — и стобы убежать. Вжяли как раз спать лягли, как раз этот купеческий сын разоспался своим крепким-глубоким сном. В котором часу у них було условие, в том часу пашлись и убежали. Купеческой сын утром стал — жена нигде нету. Она как убежала, этот перчень взяла с собой.

Он стал ходить жепу искать по городу — жена нигде нету. Пошел, заявил цару, что жена нигде нету. Цару сказал: «Жены нету: то ли убежала, то ли куда ушла». Цар на это отвечает: «Ты, может, ее¹ убил». Посадил его в темницу, стал его морить. Дает к нему утром, вечером по одной ложке воды и по одному сухару. Шидел, шидел, шидел об онну пору несколько дней; вдруг слышит в почное врэмо: кто-то скребется. Он сидит. Вдруг воходят два зверочка. Как раз к нему вошли коток да кобелёк. «Чего, хожяин, сидишь?» — «Цар посадил». — «Об чем поса-

¹ В рукописи: его.

дил?» — стали спрашивать. «Жена убежала». — «Перчень унесла?» — «Унесла». — «Ну, ланно, ми пойдём; быть может, этот перчень разыщем».

Взяли эти два зверочка побежали. Бежали, бежали, бежали — вдруг видят: речка. Надо эту речку плусть через. А как раз коток плавает, а кобелёк не плавает. «Ну, кобелек, садись на меня, а я тебя речку перенесу». Кобелек шпал на котка, коток поплул. Плуд, плул, плул — речку переплул. Ланно. Побежали; бежали, бежали, бежали — вдруг город увиделся. В город подбежали и стали в этом городу ходить. Ходили, ходили и как раз заметили эту купеческого сына жену: она ходит с королевским быном в амбар. Ходили, ходили, караулили и заметили: этот перчень запертой из сундука в сундук и в двенадцатом сундуку. Стали советоваться между собой: «Как ми этот перчень достанем?» Коток отвечает: «Ми пойдём в шендуху, достанем мишь и будем давить». — «Ланно, пойдём». Пошли.

Шли, шли — мишь нашли, поймали, стали давить. Мишь стала кричать и стала говорить: «Зачем меня давите?» Ланно. «Поди, — говорят, — ти двенадцать сундуков прогрызи и перчень достай в королевском амбаре». Мишь побежала и стала сундук грызти. Как сундук прогрызла, сразу пропала.² «Джэ, беда! Худос дело. Мишь нам не помогла. Пойдём горностая искать», — говорят они.

Горностая нашли, поймали и стали давить. Горностаёй стал отбиваться и стал приговаривать: «Зачем меня давите?» — «Поди, — говорят, — двенадцать сундуков прогрызи, и есть тут перчень, этот перчень достай — ми тебя отпустим». — «Ланно». Горностаёй побежал. Побежал в амбар, давай сундуки грызть, вше одиннадцать сундуков прогрыз, перчень выдернул, из посленнего сундука вышел и пропал. Перчень в роте.

Джэ, эти зверочки ходят и караулят, когда эта купеческого сына жена пойдёт в амбар, этот перчень чтобы вжести. Она ходит — они за пей³ ходят. «Ешли с ней ми зайдем в амбар, в амбаре глухом беда: она нас поймаёт». Она приходит домой и отвечает: «Что же, — говорит, — королевский сын, какие же за мной ходят, следят удивительные зверочки. Неужели они чьи посланники?» — «Э, не может быть, чтобы посланники були». Побежали эти зверочки, поймали мишь и тоже стали ее жамкать. Мишь стала кричать и стала говорить: «Зачем меня жамкаете?» — «Поди, — говорят, — воскочи в амбар, тут сундуки есть перегрызанные, у горностая есть в роте перчень — горностаёй пропащой, — этот перчень к нам принеси». Мишь побежала, в амбар воскочила, вжяла этот перчень, выпесла, джэ, к нима припесла. Джэ, вжяли перчень, побежали, принесли хозяину.

Джэ, прежде речку плули, до той речки дошли. Коток говорит: «Кобелёк, возьми в рот перчень да шпядь на меня». Кобелёк говорит: «Нет, ты в роти держи». Коток говорит: «Я плусть станет, а в рочи держать неудобно; я пицеть стану, а мне перчень мешать будет». — «Ну, ладно», — кобелек согласился. Джэ, перчень держит в роте. Коток говорит: «Смотри, перчень не виropи». Джэ, поплул. Плывет. Плуд, плул, плул, от берегу немпожко отплул: «Чо, перчень держишь?» — «Э, держу». Плуд, плул, плул, полреки доплул: «Чо, перчень дёржишь?» — «Э, держу». Джэ, плули, плули — как-никак реку переплул. Коток спрашивает: «Ну, коток,⁴ где перчень?» — «Да ти первой раз спрашивал, а до того уж в воду урунил». — «Э, брат, джэ, худо дошпел ти, харэп перчень», — говорит.

Побежали возле этой речки, бежали, бежали, вдруг видят: люди топи мечут. Смотрют: тоню кипули, видят: налива добули. Налива добули, распорол и кишки положили на дерево. Эти два зверочка подбежали, эту кишку поймали и понесли. В дорогой эту кишку сорвали и этот перчень как раз в этой кишке нашли. «Ну, — коток говорит, — славу богу,

² Т. е. погябла, умерла.

³ В рукописи: за ним.

⁴ Надо: кобелек.

ми хоть перчень этот нашли». Побежали; бежали, бежали — прибежали, где этот хозяин сидит в темнице. Стали почтью скребтись. Скреблись, скреблись — джэ хожяину вошли: «На, хожяин, перчень припешли».

Джэ, этот хожяин, купеческой сын, вжял этот перчень, лизнул ставку — вискочили двенадцать солдатов с-т ружьями, с копьями, со вшыкым-разным оружием, с кайлами, с топорами. Усы завитые, лоби заско-тые. «Что, хожяин, прикажете делать?» — «Где моя жена спит с королевским сыном, не стукните, не брякните и с кроватью, со вшем при-тащите сюде». — «Ланно». В ту же самую ночь со вшем, с кроватью при-пешли.

Пошел цару: «Ваше царское вслчество, вы сказали, что я жену убил. А она с королевским сыном убежала, и вот с кроватью, со вшем я ее принес». — «Ланно, — говорит, — чего хочешь делай: хоть саблей руби, хоть огнем пали, хоть чо». Он жял с кровати видернул и жену свою и королевского сына, пошередке персек. Цар на это сказал: «Понапрасно держал в темнице». Скидывает свою корону, подает к нему: «Наместо меня ти будь царом, а я буду простой человек». Он стал царом, а цар стал простой человек.

Жил да бул и живет до теперя.

9. БОБА-КОРОЛЕВИЧ

В некотором царстве, некотором государстве живал-бывал Гвидон-король. Ну хорошо. Жил-жил — сам он холостой, дожил до седой бороды и белого волосу; думает себе умом, что «после моей смерти наследника нету — кто может уродовать таким царством?» И по своей учести доходит, что в другом царстве у царя есь дочь по имени Малахристиа Кирбитьевна. «Ну что же, — говорит, думает умом, — поеду на ней свататься».

Сял на караб, бежал, бежал по мору, видит: бегот караб. Подбежал к нему: «здравствую», — сказал. «Ты какой король?» — «Я Видон-король». А другой говорит: «Я Додон-король». — «Куда ты побежал?» — «Я свататься на Малахристие Кирбитьевне». — «Ну, хорошо, я тоже; побегом вместе. У которого счастье больше, за того и дадут, пойдем свататься вместе».

Вжяли подбежали, сходши выброшили, по сходням вышли и разоставили шатры и стали ночевать. Поутру стали и послали два свата. Ну, и сар подпадает: «Душечка моя любезная, Милихтриса Кирбитьевна, за которого желаешь идти?» Она отвечает: «Я желаю за Додона-короля».

Додон-король — красивой, да есь в нем кровь не православная, а Видон-король — стыдкый, да есь кров в нем православная. Отец сказал: «Нет, я желаю за Видона-короля, хоть он стыдкой, а есь в нем кров православная». Ну, как-пикак отец ей перборол: пошла за Видона-короля, и к тому отказали. Он убежал под свое царство.

Видон-король овенчался счас, и стали пировать-столовать двенадцать суток без пробуду. Нищие, бедные, подзамочники, подтюремшики бочками катили. Убежал под свое царство и тоже стал пировать, столовать двенадцать суток без пробуду, и тоже пищие, подзамочники, подтюремшики бочками катили.

Бога просит, молебны служит, приклады прикладывает: «Поддай, бог, сына либо дочь — [при]бладошти на утеху, при старости на замену, при смертном часу на помин душу». Де неможко пожили — жена стала интересном положении. Дни, часы исполнились — родился мальчик: как на траву упал, так по комнате свет стал от его красоты. Вжяли его окупали, окрестили, по имени дали Боба-королевич, по его красоте дали — юница прекрасной. Де этот мальчик растет не по дням, не по часам: как пшеичное зерно на опаре привздывается кверху, так и он. Как он подрос и стал толковать то-другое, ну, Видон-король подпадает: «Душечка моя любезная, душечка моя прекрасная, Милихтриса Кирбитьевна, отдадим нашего юнцу прекрасного дядьке Сымбулке воспитывать и к всяким-разным наукам приучать». Она на это сказала: «Отдадим». Де отдали его.

И жили, жили — вдруг в одну праздничную пору Видон-король поехал в церкву на обедню. Эта Малахриста Кирбитьевна, его жена, велела этом городу до двенадцати ворот всех запёрти. И написала гумагу, и отсылает его самого приближенного министра, и подает эту гумагу: «На, — говорит, — отнеси эту гумагу Додону-королю». Он зял за город завернулса, и взял ету гумагу прочитал, и видит: пишет этой гумаге, чтобы у этого у приближенного министра снес бы голову, и въехал бы в этот город со швоей швитой, и за трама бы конскими верстами остановился. Он ворачивается назадь с этой гумагой: «Что, хозяйка, в этой гумаге выписываешь такие шмутки, а хозяйн услышит — будет очень неприятно».

Ну, и отсылает другого приближенного министра. Другой хоть и видит, а идет. Зял гумагу, допес королю Додону. Король Додон зял гумагу, прочитал, у этого у приближенного министра и голову снес, и въехал со швоей швитой этот город, за трема за конскими верстами остановился.

Ну, вышла она на красно крыльцо, выпесла она подзорную трубку, подвела она к правому своему глазу и, правду, смотрит: въехал Додон-король в город и за трема за конскими верстами остановился. Вошла домой, и распустила занавесу, и легла под занавесу, и стала хворать.

Де то служба в церкви прекратилась, Видон-король приезжает назадь, пу и спрашивает, что «душечка моя любезная и душечка моя сердечная, чем же ты хвораешь, коко же тебе нужно лекарсво?» Она к нему отвечает: «Лекарсва такого не пужко — за городом ходит быцёк-златорожок, поди быцка убей, кровушки попью и мяска поем — здрава буду».

Ну, хорошо. Застегивает все свои булаты молодецкие, все свои пристежки богатырские, берет саблю вострую и копьё бурзумецкое. Она к нему сказала: «У, боже милосливой, быдто на войну наряжаешься — взятьи шейку завернуть, кровушку падоить и больше пичего». — «Эй, — говорит, — правду самую говоришь». Расстегиват се свои златы и булаты молодецкие, се свои пристежки богатырские, не берет саблю вострую и копьё бурзумецкое.

Ну, хорошо, де пошел. Идет, за город завернулса и, правду, видит: ходит бычок-златорожок. Зял быцка поймал, зял шейку завернул и стал кровушку доить; де увидел Додон-король — его погонил.

Вот он от него побежал, де бежать: первым воротам прибежал — запертые, другим прибежал — запертые, к третьим прибежал — запертыс, к четвертым прибежал — запертые.¹ Тринадцатые были незапертые, он хотел воскочить — Додон-король выдернул пистолет да его стрел[л]ил. Стрел[л]ил и попал в самое межкрыльцо. Тут-ка и упал Видон-король.

И въехал [Додон] этот город со своей швитой. И до двенадцатих ворот всех велел отперти.

Этот Бова-королевич, как подрост и стал толковать и то, и другое, вышел на двор и подходит своему дядьке Сымбылке. «Ну, что, — говорит, — дядька Сымбылка, почто же, — говорит, — у нас полгорода люди плачут, полгорода веселятся?» — «Эй, — говорит, — дитятко, не знаешь, не ведаешь: мать твоя злая, мать твоя лихая и подволошница-лишца извела твоего отца и повязалася с другим и скоро изведет нас». «Эй, — говорит, — дядька Сымбылка, как я, — говорит, — по своей учености дохожу, был завоеванный у моего отца Сымышград. Кабы, — говорит, — под него бежать!» — «Эй, дитятко, — говорит, — еще мал, на коне не усидишь».

Де жили-жили, мешац прожили. «Ну, — говорит, — дядька Сымбылка, побегом». Де сяли на копя и побежали ночное время.

Самый ту же ночь Додон-король проспался и утром стал и говорит: «Ах, душечка моя любезная, ах, душечка моя сердешная, Милихтриса Кирбитьевна, такой-то я видел сегодня пелюбой сон, что Боба-королевич, юница прекрасный, после отцовской смерти будет на мне отцовскую кровь отмечать. А нужно, — говорит, — его сюды». — «Э, — говорит, — нужно», — мать сказала.

¹ Так до двенадцати (Собир.).

Де послали посла по него — ночей, говорят, под Сумниград убежали.

Вышла она на красное крыльцо, вынесла она подзорную трубку. подвела она к правому своему глазу и смотрит: полдороги выбежали. Де Додон-король собрался и погони, де тот дядька Сумбылко отвечает: «Оглянись, дитятко, погони нет ли?» Боба-королевич оглянулся: «Э, — говорит, — дядька Сумбылка, гонят». — «Оглянись, — говорит, — далеко ли?» — «Эй, — говорит, — дядька Сумбылка, на копском хвосту вертятся». Де близко стал, Сумниград увиделся. Де уж подбежали близко, отворился стеной: дядька Сумбылка воскочил — Бобин конь поткнулся, и Боба с коня свалился, и Сумниград закрылся. Тутака и поймали.

Жял король Додон написал гумагу матери-те. Написал гумагу: «Этта, — говорит, — судьбу решу али тебе донесу». Она к нему написала: «Нет, мне донеси». Его отослал, а сам остался Сумниград рубить. Рубил-рубил — даже ппкого не мог вырубить и презижает назадь.

Ну хорошо, засадили его сорок сажень темпцу, стали его морить томной и голодной смертью. Утром, вечером дают по одному сухарчику и по одной ложке воды, сидит темпце сам он. Подошел матери ангель,² и поехала она церкви на обедню. Он кошечко вылез до половны и сказал: «Ах, мать моя злая и мать моя лххая, подволошница-лисица, извела моего отца и изводишь теперь меня! Пошли мне, — говорит, — для своей андели милостышку христову». Она на это сказала: «Смотри, на матерь злону питает!»

Де это вечер стал, служба прекратилась, и приехала назад из церкви и стала стряпать на змеином сале пирог, и самая которая служанка с ним нянчилась, от матери крадчи пекет подорожнички. Ну, и состряпала пирог на змеином сале и самую же эту няньку отсылает: «На, — говорит, — отнеси Бовы-королевичу». Де это пяшка несет.

[Бова говорит:] «Мати — так мати и есь, ужалилась, послала гля своего ангели милостышу христову». Нянька отвечает: «Состряпала пирог на змеином сале, как съешь, — говорят, — лопнешь-треспешь по мелкому зёрну на три части». Он к ней отвечает: «Не может быти, чтобы мати дак тое будет делать». — «А вот, — говорит, — если мне не веришь, за окном пригонилась щешная собака — отломн кусок да брось к ней».

Он кусок отломил и бросил — покаместь собака хватала, и на три части сбравало эту собаку. Зял пирог выбросил окно и заплакал. Эта служанка подает ему свои подорожнички: «Это, — говорит, — от мепя». Он к ней сказал: «Замки не допирай и дверь не докрывай, жить буду — и тебя замуж возьму». Она к нему сказала: «А где ты сидел, я тут буду сидеть». Вышла, замки доперла и двери докрыла.

Сидел сидел, плачет и сам по часам смотрит: полночь дошло — друг из переднего места катится мед-самосед,³ самой прикатился к нему меж ноги. Хватил этот мед-самосед и во двери стрёлпл. Замки у двери сё порожно ушло, и выскочил. И выскочил — сё заперто, ся ограда заперта. Стал через ограду царапаться. Царапался, царапался — через перевалился.

Через перевалился и утурился и ничего не помнит, лежит без чувствия. Друг учувствовался, голос папесло — Боба-королевич выломал тюрьму, дак убежал. И запрятался от них будто за ограду, стоит. Мпмо него ездят, не видят.

То есь ветер стал, и голос потерялся. Се замолкли, побежал на сендуху. Бежал, бежал, бежал и выбежал он на синее море. Из себя он был нежного вошпитания и напился рассольную воду, и совшем его [в]здуло, и лежит беж чувствия, совшем стал не в шилах.

Друг бегут гости-корабельшники, и месте с нима был главнокомандующий. И скомандовал: «Господа, берегу есь, — говорит, — человеческое слыхание». Берегу приворотили, и сходни выбросили, и по сходням вышли. Пришли: лежит человек, от его красоты ся селения⁴ шияет, и сов-

² День ангела.

³ Меч-самосек.

⁴ Вся вселенная?

шем его здуло. И пришли на караб и рассказали: лежит такой человек, от его красоты ся селения сияет, и совшем его здуло.

Вместе с има был дохтур. И сказал: «Господа, подьте, принесите его на холстах на караб». Зяли на холстах принесли на караб, и дохтур подал раза два лекарво. И смаху вылечил.

Ну, и стали спрашивать: «Какое тебе имя, какое изочество, с какого городу?» Он к ним отвечает, что «я не знаю сабе не има и не изочесва, а только то знаю, а има и изочесво: отец мой — панамарь, и мать моя — панамарица, на салдат платье мыли и меня воспитали».

Сделал гусли-самогуды, сидит на корабле играет, те зяли побежали на корабле по морю. Бежали-бежали — и подбежали они под город Зензивею Адырычу, сходни выбросили, по сходным выпшли, и разоставили шатры, и стали поцевать.

«Сто, юница прекрасный, — говорят, — пойдем шатер». Он к ним отвечает: «Нет, — говорит, — не пойду». Сидит на корабле, гусли-самогуды играет.

У этого у Зензивея Адырыча есь дочь по имени Дружевна-королевна. Вышла на двор и приходит своему отцу. «Ну что же, — говорит, — тятенька, подбежали под наше царво гости-корабельщики. От такой сидит на корабле юница прекрасный, от его от красоты даже вся селения сияет. Попросить бы можно было у них этого юницу прекрасного — может, отдадут». — «Э, — говорит, — можно, лишь бы, — говорит, — они к нам отдадут».

Зензивей Адырывич сказал: «Зовите гостей-корабельщиков». Де призывали гостей-корабельщиков: «Ну сказывайте, гости-корабельщики, сказывайте, де вы нашли такого юницу прекрасного?» Они к ним отвечают: «Нашли на поле, нашли такого большого и вылетели и берем собой». — «Ну, уступите мне-ка его». — «Хорошо, уступим за пятьсот рублей». — «Ах, — он сказал, — каки деньги станет на него тратить!» Дочь сказала: «Ну, разве у нас денег нету отдатти?» «Ну, как у него была любимая дочь, не захотел словом прогневить, сказал: «Ну, хорошо, купим». Зяли купили, деньги отдали. Гости-корабельщики деньги зяли и убежали.

Ну, хорошо, Зензивей Адырывич спрашивает: «Какое тебе имя, какое изочесво, с какого городу?» Он к нему отвечает: «Я не знаю ни имени себе, ни изочесва. И только то знаю: отец мой — панамарь, мать моя — панмарица, на салдат платье мыли и меня вошпитали».

«Ну, — говорит, — если ты такой человек, то поди конюшну, конское говно выгребай». — «Хорошо, — говорит, — ты за меня денежки давал, куда пошлешь, туда и пойду». Сидит и в конюшне конское говно выгребаёт и между тем в гусли-самогуды играет.

Друг об одну пору, самое почное время, пришла Дружевна-королевна с д[в]ума пяцками и стала танцовать. Танцовала, танцовала и не узнала, когда ночь прошла, и ушла домой, и приходит к своему отцу и говорит: «Ну что же, тятенька, чем держать его конюшне, дали бы его мне в повара». — «Э, ладно, — говорит, — хорошо, подьте, — говорит, — зовите его».

Зяли призвали: «Ну что, юница прекрасный, идешь моей дочери на услуги, на повары?» — спрашивает. «Э, хорошо, — говорит, — иду». Де стал у пей жить и стал готовить к ней: и чай разливает, и ужину и обед готовляет.

Друг об одну пору стал готовить ужину, и приготовил, и поставил прибор. Она уронила вилку. Он скорее верпулся под нее и положил на прибор. Она ту пору его поцеловала. Он от них в ту пору обстыдился, бросился от нее об кирпичевый мос и обломил голову. Она его жяла поймала и обвязала и со собой спать повалила.

Ну хорошо, ночь прошла, и немпожко пожили, друг приехал король Есаул и сватается на етой на Дружевне-королевне. Зензивей Адырывич не отказывает, а Дружевна-королевна не хочет. Де етот король Есаул, как быкто ее жених, и отдает со своей стороны на слуги Терлапка.

Немвожко пожили и во одно прекрасное время сяли они, ети короли

Зензивей Адыревич и Есаул, за обед, друг стекло проломилось — на стол упала каленá стрела. Подпись подписана, и ярлык написанной: едет короля Маркубуна сын на этой королевпе свататься. И пишет: «Добром дашь, не дашь — худом вожьму и вещь твое царство выжгу и выпленю».

Де этот Зензивей Адыревич вилку полбжил, думает: «Как будем с ним воевать?» Король Есаул отвечает: «Из твоей шилы не выберется — из мойей выберется, из мойей не выбёрется — из твойей выберется. А сегды выпустили моё шилу». Де зяли выпустили короля Есаула шилу — сю прибили. Зензивей Адыревича шилу выпустили — [в]шю прибили. Под послед Зензивей Адыревич и король Есаул выехали вместе. Спинами-тех их месте связал, не убил ничего, за гору бросил.

Этот юница прекрасный спал-спал и проснулся, и вышел на двор, и приходит домой. И говорит, что «Дружевна-королевна, почто у нас копи [р]жут, и коровы мычат, человеческого сдыхания очень много приумножилось?» Она к нему отвечает: «Ты спишь, ничего не знаешь, а вот, — говорит, — сяли за обед король Есаул да мой отец — стекольчато окно проломилось, на стол упала калена стрела. Подпись подписана, ярлык написан: едет короля Маркубуна сын, на мис сватается; пишет: добром дашь — добром вожьму, добром не дашь — худом вожьму, вещь твое царство выжгу, выпленю. Короля Есаула, моего отца шилу выпустили — сю прибили. Под послед двое вместе выехали — он их спинами завязал да за гору бросил». — «Э, я, — говорит, — поеду», — к ней отвечает. Она к нему говорит: «Не ежди, неравно он тебя убьет». «Нет, — говорит, — поеду». Пошел, вышел.

Пошел конюшню коня выбирать. На шпину бросит [руку] — шпина изломатца. На шею бросит — шея сорвется. На хвост бросит — и хвост сорвется. Друг старушка: «Здравствуешь, юница прекрасный, чего ты задумался, запечалился? И повесил головушку на правую стороночку, потупил очи ясны во мать во ширю жемлю и идешь, не одного слова не рече? Объяви свое горе, может, я твоему горю помогу». Он к ней отвечает: «Ну, старуха, под темные глаза не насыпай хрушита песка: на оншу ногу наступлю, по другой раздери — шине море подарю».

Жяла старушка шарафан передернула, и кокошник первернула, и заулок-переулок — и та же старушка явилась к нему: «Здравствуешь, юница прекрасный, потупил очи ясны во мать во ширю жемлю и идешь, ни одного слова не рече. Объяви мне свое горе. Быть может, я твоему горю помогу». — «Ну, старуха, под темные глаза не насыпай хрущата песка, на оншу погу наступлю, по другую раздери и шине море подарю».

Зяла старушка шарафан передернула, кокошник первернула и заулок-переулок — та же старушка явилась перед ним: «Здравствуешь, юница прекрасный! Чего ты закручинился, запечалился, идешь, ни слова не рече? Объяви мне свое горе — я, може, твоему горю помогу».

— Ну, старуха, кабы не помогошь, этака и раздери.

— Только ты мис, — говорит, — ответь, чем нуждаешься.

— Вот, — говорит, — коня не могу выбрать по себе.

— Ну, воротись, — говорит, — назад. Вот, Дружевну-королевнину палату, — говорит, — войди. Переднем месте весится ключ, и вожми этот ключ и выйди на двор, и самого переднего углу пошла дорожка в лес. И погопи эту дорожку. Будет дорожка поглубже, и будет до колена, и лесу станет стоять амбар, замок станет веситься ровно с голову. Этом амбарс завязанным будет конь на двенадцати ценах. Этот амбар отпери, конь ужнает по шебе недока. Двенадцать чеп выломает и вышкочит тебе. Умей хватать.

Де бросил правую руку карман, достает пятьдесят червонец и подает старухе. Зяла старуха пришла деньги, пошла на кабак и стала воточку попивать и его на песенках поминать.

И взял пошел Дружевну-королевцу палату, пришел — и верно: весится переднем месте ключ; и взял этот ключ и вышел на двор и рассмотрел дорожку: пошла дорожка от переднего угла в лес. Ну, погопил эту дорожку. Дружевна-королевца за ним погонилась, Терлапка с нима

месте третий. Де дорожка поглубже, поглубже и стала до колена. Друг увидел: стоит лесу амбар. Подошел к амбару: замок весится ровно с голоу.

«Ах, — подумал умом себе, — ждесь моя хвала богатырская п выслуга богатырская». На ладонь полóжил, другой придавил — п замок в кров ушел. Конь ужнал по шебе шедока, выломил чеп и выпкочил к нему. Вжял коня поймал. Конь его уволок за три версты. А се-таки коня удержал. Ну, и коня обселлал.

Дружевна-королевна отвечает: «Не ежди, короля Маркобруна шын тебя убьет». Друг Терлапка отвечает: «А что, хозяйка, какого же юпищу прекрасного лобызаешь, я скажу хозяину, а хозяин услышит — будет очень неприятно». Ну, сказал юпища прекрасный: «Ах, какое тебе дело!» — и треснул этого Терлапка. Терлапка утурлся, ничего не помнит. «Какое, — говорит, — тебе дело, дак ты посневаешь».

Ну, Дружевна-королевна шкажала: «Если хочешь яхать, я коня тебе сама оседлаю; на войну, — говорит, — так не седлают копя». Он сказал на это: «Ладно, хорошо, обседлай копя, как твой ум достает». Де оседлала, де сял на коня, и жял руки плеть, и плетью замахнулся, и сказал: «Если короля Маркубруна шын меня убьет — и жнай меня и величай славного города Антония Боба-королевич и Видолович, юпища прекрасный».

Как это слово сказал, и копя плетью остегнул. И она на конской след упала и стала плакать: «Жнала бы твою имя-изочесво, и то бы ни за чего не отпустила».

И видит [Бова]: едет короля Муркубрунова сын, ищет себе послднщика, еждит по чисту полю. Он, как ражъехался ему, круга два перевернулись, и на проход короля Маркубруна шына убил. Де пояхал: король Есаул да Зензивей Адыревич спшпами жавязанные, де подъяхал к ним и де их отвязал. Де и пояхали они домой. И Боба-королевич тоже.

Ну, самое то же время Терлапка оделса Зепзивей Адыревича лопатье и написал гумагу и сам он отсылает Бобе-королевичу: «На вот, отнеси королю Маркубруну». Сам от него крадчи ушел окольными дорогами и стал на его дороге варить кашу.

Он [Бова] едет и видит: из-под кокорки выходит дымоцик. И подъяежат к нему: «Ждравствуй, дедушка». Он к нему говорит: «Ждравствуй, Боба-королевич. Ну, сказывай, куда же ты пояхал».

— А, вот, — говорит, — Зензивей Адыревич послал, — говорит, — гумагу королю Маркубруну.

— Выкушай, — говорит, — от меня кашпшкку.

— Ой, да, — говорит, — дедушка, я тороплюсь — когда же доеду?

— Ну, да, — говорит, — одну тарелочку выкушасшь — много ль время пройдет!

— Ну, налей, — говорит, — дедушка.

Де вжял старичок налил. Он выпил.

— Ну, дедушка, — говорит — налей другую.

И тоже выпил. «Ох, дедушка, какая сладкая, палей третью». Старичок налил и спустил спесий (спящий) корешок. Он как выпил, и смаху заснул, ничего не помнит. Этот Терлапка, как он заснул, копя его угонил куды пужпо, свою одежду скинул, на него надел. Его одежду скинул, на себя надел. Жял поставил ему збóловье посох, и написал гумагу, и связал к ему за посох. И сам скрылся куды нужно.

Вжял проснулся и пробудился, зглянул: ни конь, никто пету. На шебя зглянул: пуштá Терлапкина лопать. Сголоу зглянул: посох стоит, а жа посохом связапная гумага. Жял гумагу, рассмотрел и прочитал и пшет: «Не старик кашу варил, и не Боба кашу хлебал, а мне дедушка велел». Де пошел, понес эту гумагу.⁵

Друг короля Маркубруна город увиделся. И приходит город. И подает эту гумагу королю Маркубруну: «На, — говорит, — посылает тебе Зепзи-

⁵ Бумагу первую, написанную к Маркубруну.

вей Адыревич». Он жял гумагу прочитал: «Ты и есь, — говорит, — моего сына убил, — к ему ответил. — Подьте, — говорит, — засадите его сорок сажень темницу». И стали его морить томною голодной шмертью. Дают к нему по одной ложке воды и по одному сухарчику.

У етого у короля Муркубруда есь дочь — красавица неопишанная. От отца крадчи в почную пору ворует ключи и таскает к ему всякие-ражные закуски и сякие-ражные папитки. И между тем с им имеет дяла. И между тем к ему говорит: «Вожми меня замуж». Он к ней отвечает: «Хорошо, возьму».

Друг об одну пору припла и отвечает к нему: «Ты [в]зясти, так возьми, а я не, так отцу скажу, чтобы тебя на вечность казнил». Он на нее стопал ногами и заревел — она испугалась и сё пблое бросила. Он зади ей вышкочил.

И отцу пришла, шкажала, что Боба-королевич выломал тюрьму, дак убежал. Пошли посмотрели: сё пблое стоит, отпертое. Отец шкажал: «Ну, значит, ты выпустила. На его-то мешто ты, — говорит, — и шядь».

Де хорошо, де Боба-королевич пошел и увидел: Зепзиев Адыревича город увиделся. Друг Терлапка ему настречу, поклонился к нему ноги: «Меня прости, я перед тобою виноват». Он к нему отвечает: «Какую такую вину мне сделал, ижвиняешься?»

— Нет, есь у меня виша, я перед тобой виноват.

— Ну, я тебе шчегго делать не стану, только ты мне расскажи: чего, король Есаул Дружевну-королевну замуж жял?

— Нет, — говорит, — не вжял. Саводни, — говорит, — делают смотрење, а поутру пойдут к венцу. Дружевна-королевна нищих, бешных собрала и за Бобу-королевича бога умаливает. Где — говорит, — стряпают свадьбу со жениховой стороны, если который человек будет сномянет Бобино имя, того человека не любят. А с невестинной стороны где штряпают швадьбу, кто шпомянт Бобино имя, того любят. Ну, я тебе дам два пузырька капля, — Терлапка отвечает.

Дал два пузырька капли: «Иж этого выпьешь — какой я буду Терлапка, еще гаже будёшь, а вот иж этого выпьешь — какой ты красивой, еще пуще будёшь». Де жял эти пузырьки: худой полбжил левой карман, а хороший положил правой карман. Жял этово Терлапка — на онну ногу наступил, за другую разбдрал, брошил на чшштое поле: «Чайки да воропы, ешьте, меня, Бобу-королевича, помшайте».

Де жял пошел город, де стал до городу доходить и выпил из худой бутылоцьки. Жял зеркале посмотрелся, смотрит: какой Терлапка — еще гаже. И пришел наместо Терлапка. Самая где стряпают со жениховой стороны швадьбу, и вошел ту комнату. И самый, который стряпал, лучший повар. И сказал этому повару: «Дай, — говорит, — мне милостыньку христову для Бобино имя». Этот повар поймал железный сковородник и ударил по голове. Де к ему стало больно, поймал етого повара, за голову дернул и голову сдернул.

Друг с невестиной стороны пришел повар и шпросил: «Де у вас был самый лучший повар, де у вас нету?» — «Да вот, — говорят, — какой-то Терлапка пришел и стал просить для Бобинова имени милостыньку христову, он [повар] его сковородником ударил, а он у него голову сорвал». — «И—и, — говорит, — делушка, ты у них зачем просишь, а я тебе укажу, где прошить». — «Ну, пойдём».

Ну, вышли они на двор. «Ну куды же пойдём?» — шпрашивает.

— А вот пойдём, — говорит, — мы Дружевны-королевны палату.

— Да я, — говорит, — не жнаю, ты ко мне укажи.

— Де вот, вот, — говорят, — так подь. Вот, говорит.

Де пошел, в палату вошел: старички, старушки стоят, богу молятся. Дружевне-королевне поднал: «Дай мне-ко, — говорит, — милостыньку христову гля Бобинова имя». Жяла на шкап руку брошила, выдернула хлеб и подает к нему. «За меня, — говорит, — богу не молись, а за Бобу-королевича молись».

И стал богу молиться, молится. И поднал к пей:

— Тетушка, ты ведь не жнаешь: я ведь Боба.

— Да не может быть, Боба иж шебя красивый человек был.

— А, — говорит, — тетушка, у Бобы какие-нибудь признаки были ли?

— Да были; когда он пришел ко мне малюткой и на повары ко мне по-ступил, я, — говорит, — уронила вилку, он подскочил, на прибор полб-жил. О ту пору я его, — говорит, — поцеловала, он обстыдился, бросился и о кирпичевой мос и проломил голову. Этот признак и есь.

— Вот, — говорит, — тетушка, пощупай у меня голову, вот та язва, — говорит, — есь.

Она пощупала — правду. И сказала: «Не может быть: Боба иж шебя красивой человек был».

Друг самую ту же пору вошел ей жених — король Есаул.

— Ах, что же, — говорит, — ты, сударыня, дёржишь Терлапка у себя на колепах?

— А как же, — говорит, — я не буду держать, когда от моего отца пришел послом.

— Что же, — говорит, — твой отец говорит?

— А вот, мой отец говорит, что, «когда ты замуж выйдешь, живите с мужем согласпо».

— Ну, — говорит, — ничего, — он на это сказал.

— Выкупаешь румочку? — жениху шкажала.

— Э, ничго, — говорит, — выкушаю.

Налила к ему рюмку и спустила спещий корешок. Он как выпил, так и уснул — ничего не помнит. «Ну, — говорит, — выйдем на двор». Де вы-шли на двор.

— Мой⁶ конь, — говорит, — никому не дается.

— Я, — говорит, — пойду, дак смаху поймаю.

Она стоит и смотрит: смаху поймал. Конь стоит и только уши при-кладывает. Жял за коня завернулся и выпил из хорошей бутылочки. И из-под копя к ей вывернулся такой-то красивый — как солнце сияет.

Ну, она к ему сказала: «Де сядем на коня и побегом куды пужпо». Де бежали-бежали долго ли, коротко ли. Ночь пристигла, и пужпо ночев-ать. Она к ему сказала: «Эй, Боба-королевич, на дороге шатер не ставь, погоня будет». — «Да не может быть, — говорит, — чтобы на нашем конце да нас настикли». Ня послушался, поставил шатер.

У этого у короля Есаула был Полкан-богатырь: сам человек, а вошь-миногой. Де ночное время слышит:⁷ голос нанесло: «Что за страсть за Бобин копы! Двести семьдесят верс выбежал на четырех ногах, да не устоял, а я на восьми, да пристал». Это Полкан-богатырь говорит, под-бежал к его палате и закричал: «Боба-королевич, выходи!»

Боба-королевич вышел, [Полкан] жял поймал этого Бобу-королевича и брошил его под верх. Боба-королевич на землю упал и утурился, ни-чего не помнит: лежит без чувства. «Ну, — говорит, — Дружевна-коро-левна, выходи!» — к ей закричал. Дружевна-королевна вышла.

«Ну, — говорит, — Дружевна-королевна, завяжывай коня да к мешя, я у вас первого-то коня и изведу». Де стала вязать и завязала. Оп че-тырима ногами уперся, Полкан-богатырь, и только что хотел четырима ногами упертись, она-то взяла в ту пору коня и ткнула шилом. Конь-то здрогнул и его поволок.

Де этот Боба-королевич лежал-лежал и отдохнул и пришел шатер. Ну, Дружевна-королевна отвечает: «Чего я тебе говорила, что на дороге не ставь шатер, будет погоня. А вот, — говорит, — таперя неравно на-шего коня убьет и нас самих убьет».

Друг слышат: голос нанесло. Полкан-богатырь отвечает: «Милосливой государь Боба-королевич и милосливая государыня Дружевна-королевна, отвяжите от меня своего коня. Ваш конь совнем мое тело оптавил на

⁶ Т. е. конь Дружевны для Бовы. (По полевой рукописи возможно и прочте-ние этих реплик как одной).

⁷ Т. е. слышат.

лесу. До смерти я не пойду швоему хожяину и штапу состоять у вас на заставе». Боба-королевич отвечает Дружевне-королевне: «Отвяжи коня». Дружевна-королевна вышла и отвязала коня. Как коня отвязала, Полкан-богатырь совшем даже не в шилах стал. Де шяли на копя, побежали куды нужно, его бросили.

Де ночь пристигла, стали почевать. Полкан-богатырь сзади пришел. Они ночуют се три, он лежит на завалинке. Де ночь прошла, поутру стали. Побежали. Подбежали они под город к королю Орлу. Полкан-богатырь сзади пришел. Вот стали у короля Орла жить.

Друг об одну пору ночное время и слышит этот Полкан-богатырь: король Орел отвечает, что «королица Орлица, докуль живет у нас Боба-королевич, не хватит пища кормить». Она к нему отвечает: «Разве у нас кончится, да он не найдет?» Он стал из-за этого ее бить: «Ты, значит, хочешь с ним иметь дела, поэтому так говоришь!» Полкан-богатырь залез окошко и стал разнимать их. Короля Орла за голову поймал и голову сорвал.

Де ночь прошла. Поутру стали. Королица Орлица говорит: «Ну что, Боба-королевич, твой Полкан-богатырь сорвал голову у моего мужа». Боба-королевич говорит: «Ты зачем сорвал голову у короля Орла?» — «А вот, — говорят, — они в ночное время стали драться, а вот мне, Полкану-богатырю, что попало под руки, то и сорвал».

Де Боба-королевич шял на копя и побежал куды нужно со своей Дружевной-королевной. Ночь пристигла, стали почевать. Полкан-богатырь сзади пришел. К этому времени Дружевна-королевна штала интересном положении. Де уж стало на копе бежать некак. Де об одну пору Боба-королевич уехал на сэндуху и потерялся.

Ну, между собой думают своим умом: натакáлись хищные звери, [Бову] съели, а не, так убили разбойники. От него ни вестей, ни паве-стей. Де уж к ней подошло время мучиться. Полкан-богатырь стал бабничать. Друг родилися два мальчика: как на траву упали, так и по комнате свет штал — такие красивые.

Де немножко пожили. Беget лев-зверь, и так беget — даже с палатой совсем сглотить хочет. Полкан-богатырь [вышел] на поединок и стал драться с лев-зверем. Дрался, дрался и лев-зверя убил. Пришел и у ворот пропал: так обессилился. Дружевна-королевна осталась одна с двумя мальчиком. Де мальчики как подросли, и пошла с егома куды нужно: «Людей найду, а не найду — буду помирать в поле».

Друг пла-пла и увидела город. Вошла концевую юрточку старушке, а «здравствую» старушке сказала. «Какие тебе завели ветры?» Она сказала: «Ей, бабушка, [я] нищая, бедная, заблудящая, где дом увижу, тут и иду». Зяла старушка папошла ее, накормила.

«Ну, бабушка, рассказывай, — говорит, — не знаешь ли ты про Бобу-королевича?» — «Знаю, — говорит. — Третий год пришел этот город и сосватался, — говорит, — у короля Муркубруна дочери. Сегодня, — говорит, — делают смотренье, а под утро пойдут к венцу».

Ну, Дружевна-королевна сказала: «Ну, что, мальчики, подьте. Де сидят жених да невеста, войдите ту комнату. И самой невестой сидеть стапет красивой человек: как вы красивой, и оп такой же красивой. И, быть может, засмотрится на вас и подойдет к вам, и станет спрашивать, какие вы мальчики объявились этом городу. А вы его выкликайте на двор, вы ему расскажите, что „наша мати — Дружевна-королевна, и у нас был Полкан-богатырь“».

Де пошли эти два мальчика, вошли ту комнату, де сидят жених да невеста. Де сами смотрят они: сидит жених со невестой. Сам оп красивый такой же, как они красивые. И он смотрел на этих мальчиков, и зял карман руку бросил, и вынул оттуда швою карточку, и штал к ним примеривать. И смотрит, замечает на свое лицо: совшем как я, так и они по этой карточки. И вышел к ним, стал спрашивать: «Какие же вы мальчики, я третий год пришел этом городу, дак вас не видал, таких красивых». Они к нему сказали: «Пойдем во двор».

Вот, стали к нему рассказывать: «Наша мати — Дружевна-королевна, и у нас был Полкан-богатырь».

— Где ваша мати находится?

— Вот наша мати находится у старушки.

— Ну, пойдёмте, где ваша мати.

Де пошли, де вошли старушке. «Ах, — Боба-королевич ответил, — Дружевна-королевна, душечка моя любезная, душечка моя сердечная, я тебя считал за мертвую и сосватался на другой». И стал ей целовать, миловать. Ну, и она тоже к ему ответила: «Я тоже считала тебя за мертвого». Пошел королю Муркубруну Боба-королевич: «Я, — говорит, — твою дочь не возьму: свою жену считал за мертвую». — «Ну, ладно, — говорит, — хорошо, если открылась твоя, так, — говорит, — бери швою».

Он пиял на коня и побежал четвером. Друг увидел: самой по морю бегот кораб. А по своей учепости доходит: на этом корабле есь его росвепик. Жял шапку скинул и махнул, то есь как велит проворотить к берегу. Те, как увидели, жяли и приворотили. Сходни выбросили и по сходням вышли.

Друг смотрят: такой молодой человек вышел из корабля. Подошел к нему: «А, здравсвуй, брат. Ну, слава богу, хоть пашлись». Он к нему отвечает: «Ты какой человек?» Он к нему отвечает: «Я посля тебя родился от дядьки Сумбылки и сё разыскиваю тебя. Тот город прибегу — говорят, убежал; и другой прибегу — говорят, убежал. Исполнился трстий год, и сё-то разыскиваю тебя».

— Ну, кто тебе имя и кто тебе изочесво?

— Мне по имени Тарас.

— Ну, что, брат Тарас, ты женатой или холостой?

— Холостой, — говорит, — я.

— Вот, — говорит, — у короля Муркубруна есь дочь. Я, — говорит, — считал свою жену за мертвую, дак не взял ее. На пей, — говорит, — поедем свататься.

Он ворачивается назад на коне, а тот бегот на корабле. Де подбежали, сходни выбросили и по сходням вышли. И разоставили шатры, стали ночевать. И поутру послали свата.

Король Муркубрун не отказывает. И тотчас овенчались. И стали пировать-столовать двенадцать суток беспробудно; нищие, бедные, подзамочники, подтюремшики бочками катили.

Де сяли они на кораб и побегали: тот бегот по берегу на коне, а другой бегот на корабле. Де подбежали они под город Додону-королю. И сходни выбросили, по сходням вышли. И прослышали в этом городе, что хворает Додон-король.

Ну, тот отвечает, Боба-королевич, что «брат Тарас, накуем силья».⁸ Сквали силья ровно по аршину. «Стапем почное время стучаться к ним. Нас спроят: вы кто такие? Мы к ним ответим, что дохтура да хвершал». И стали стучаться ночное время к ним. Спрашивают: «Вы хто такие?» — «Мы хвершал да дохтур. А нет ле у вас полечить хто-нибудь?» — «А вот у нас хворает Додон-король». — «Э, — они к нему отвечают, — есь полечить его». — «Ну-тко, — говорят, — заходите к нам».

Де к ним зашли, и вошли к нему под занавеску, и стали его пильями тыкать. Он стал от них стонать. Этот Боба-королевич узьял свое шило, и уткнул ему прямо против сердца, и расколот занавеску посередке; сказал: «Заболь отцонскую кровь отметал на тебе».

Малахриста Кирбитьевна поймала его: «Ах, дитятко мое любезное да дитятко мое сердешное, иссохла я по тебе, да как травиноцька». Он высказал: «Нет, матушка, стой». И посадил ее на горячий камень, и поставил перед ней чап. «Когда, — говорит, — этот камень жопой до жемли пропоркаешь да етот чап со слезми полон наполнишь — и тожны, — говорит, — пусь тебя бог простит». Как шяла, так и жопа пошпела.

⁸ Шилья (Собир.).

Дядьку Сымбылку достал из Семеного граду и сял на отцовское царство; сколько короля Додопа люди были, сех убил и стал жить да поживать да до теперя.

Де кончилось.

10. ТРИ АМБАРА ИГЛЫ

В некотором государстве, в некотором царстве жил-бул царь. Джэ, бога просит, молебны служит, приклады прикладывает: «Дай, бог, сына или дочь — при младости на утеху, при старости на замену и при смертном часу на помин душу».

Немножко пожил. Жена у него стала в интересном положении. Дни, часы ее исполнились — родился мальчик. Взяли его, купали, окрестили, по имени дали Иван-царевич. Джэ этот Иван-царевич раштет не по годам, не по месяцам — как пшеничное зерно на опаре приздывается, так и он кверху. Определили особую пнянку к этому Ивану-царевичу.

Джэ, он большешкой стал, по надворью ходит, лучком, стрелкой стреляет и стрэбатишами играет.

Жили, жили. Приходит к своей пнянке. «Почему, — говорит, — ходят по городу у нас люди и таскают за собой палочки и подпираются этими палочками?» Она отвечает: «Они соштарились — этими палочками подпираются, и тоже нам того будет». — «Ну, ладно, — говорит, — если ты говоришь, что они соштарились, то я тогда побегу от старости». — «Ну, — говорит, — куды же ты добегёшь?» — «Нет, — говорит, — побегу». Ну, сколько унимала, унимала, не могла унять — собрался и побежал.

Бежал, бежал — долго ли, коротко ли — вдруг увидел: стоит юрта. Вошёл в эту юрту: сидит девка. «Здравствуй, Иван-царевич!» — «Здравствуй!» — «Ну, скажи, куда ты пошел именно?» — «Именно, — говорит, — я побежал от старости, чтобы старость меня не нашла. А ты старость знаешь?» — «Знаю я шибя старость. У меня есть, — говорит, — три амбара, потолком паллитые пустые иглы. Ешли впе иглы кончу, тогда из старости умру. Ну, ешли ты побежал от старости, то живи у меня».

Джэ, стал у этой девки жить. Жил, жил; как этот парень пришел, стал иглы терять, стал иглы ломать. И под конец дело дошло, уж два амбара кончила. Иван-царевич: «Ну, чего же, — говорит, — к тебе старость пришла. Я лучше дальше побегу». — «А, ладно, — говорит, — сам знаешь».

Вишол, побежал. Джэ, побежал. Бежал, бежал, бежал. Видит: девять лайдов видится с пустым сеном. Немножко подальше стоит конь. Вдруг конь забаял: «Что, Иван-царевич, куда пошел?» — «Я побежал от старости, — говорит, — а ты чего, старость знаешь?» — «У, меня-то и есть старость, — говорит, — когда вше эти лайды шьем, и втуцера¹ состарюсь и пропаду». — «А ты чего, давно стал исти?» — «А я, — говорит, — несколько лет этта стою и даже трэчью часть онной лайды съешть не могу. Ну, ладно, ты живи со мной». Иван-царевич слово дал.

Джэ, немного пожил. Вот конь стал шшти, и, как этот Иван-царевич пришел, сено стало кончатся и онна лайда осталась. «Ну, — говорит, — Иван-царевич, старость приганила за тобой мне». — «Ешли она приганилася за мной, — говорит, — то я побегу». — Ну, — говорит, — сам знаешь».

Джэ, побежал Иван-саревич. Бежал, бежал, бежал, вдруг видит: два холма видится. Прибежал к этим холмам: два ушкана бегают. «Ну, что, Иван-царевич, куда пошел?» — «Побежал от старости. Как, ви старость знаете?» — «Какая у нас штарость будет? Коли эти два холма собьем, то состаримся и погибнем. Несколько лет живем на этих холмах, и так ми и не убавили этих холмов. Ладно, ты с нами живи». — «Ладно, стану жить».

Джэ, стал с ними жить. Жил, жил — вдруг эти холмы стали убавляться. Убавлялись, убавлялись, даже меньше полу остались. «Ну, — го-

¹ Т. е. в ту пору.

ворят, — Иван-царевич, старопыть приганила за тобой». Иван-царевич посидел. Подальше стоит юрта. «Пойду, — говорит, — к этим юртам». Пошел в эту юрту. Эту юрту как двери открыл — из перенёва места покатила пустая голова. И поганила Ивана-царевича. Иван-царевич побежал. Прибежал к этим двум ушкапам. «Что бегошь, Иван-царевич?» — говорят ушканы. «Я, — говорит, — бегу от старопыти. Вот гонит меня голова». — «Ну-тко, садись на нас, ми тебя повезем», — говорят. Джэ, понесли эти два ушкана. Нешли, нешли и принесли к этому коню. У коня вокше шено кончилось. «Ну, что, ушканы, кого ви нешете?» — «Ивана-царевича. Ти понеси дальше». — «Давайте, — говорит, — понешу. Садись на меня». Иван-царевич сел на коня, и конь понес. Как Иван-царевич сел на коня, так два ушкана вокшу пропали: старость поймала. Джэ, этот понес, — где три амбара иглы було, к этой девке. Как к этой девке добежал — эта девка пошла него выше иглы изломала, как он прибежал — так и посленую иглу изломала и умерла. И конь пропал.

Иван-царевич побежал, а где его город бул. Как до своего города добежал, как воскочил к своей няньке — и голова за ним. Как воскочил в ее дом, так голова его поймала, и он умер. Только.

11. ОКОШЕЧКО ОТВОРАЛА?

Жил-бул хришляпин. У хришлянина этого родилась дочь. Жили, жили, жили. Потом вдруг родилась другая. Потом трэччья. Ещё немножко пожили. Родилась четвертая. Потом пятая, потом шестая, потом семмая. Потом и вошьмал родилась.

Хришлянин говорит: «Что это за диво? Какие подряд родились вошьмь дочерей? Пойду эту вошьмую дочь вожьму, об угол удару». Взял, пошел. Хочет ударить — вдруг старушка. «Здравствуй, дедушка!» — «Здравствуй, бабушка!» — «Что делаешь, хришлянин?» — «Вот вошьмь дочерей родились подряд, вошьмую хочу об угол колотить». — «Полно, дедушка, — говорит, — дай мне наместо дити воспитывать». — «Вожьми, — говорит, — бабушка, дивий би ти с мепя вжяли ее». Старушка вжяла эту девочку унесла.

Джэ, эта девочка как подросла, стала похаживать; и чувствует эта девочка: эта старушка редко видится в глаза.

Джэ, об онну пору эта старушка сказала этой девочке: «Я окошечко закрою, а ти меня потерашь, а окошечко не отворай».

(Между этим врэмом девка виросла, целая баба стала). Сидела, сидела, сидела, вдруг об онну пору это окошечко и открыла. Вдруг взглянула — увидела этим окошком: сидит мать божья с Миколаем-чудотворцом на престоле. И назад закрыла окошко.

Посидела, посидела; как вечер стал, эта старушка пришла. Спрашивает: «Ну, скажывай, — говорит, — расскажи, любезная: что, окошечко отворала?» — «Нет», — говорит. «Как не отворала? Ти отворала». — «Нет, — говорит, — не отворала». — «А ти, — говорит старуха, — лучше признавайся». — «Нет, — говорит, — не признаюсь». — «Если ти не признаешься, я чибя упесу в чисто поле, вшю чибя раздену, брошу в такую траву, чтоб вше через твое тело сквожьшла: такая будет острая трава». — «Ну, ланно, бабушка, сама знаешь, а я не сознаюсь». Вжяла старушка унесла эту девку, брошила в такую траву — ее тело скрозь вшя прошла эта трава. Старушка назад ушла. Об онну пору купеческой сын пояхал гулять и как раз нашел эту девку. Привез. «Ну, что, тятенька, мамонька, нашел я на поле какую-то девку, а привез себе на жены». Одели её как следует.

Жили, жили, жили. Стала она в интересном положении. Ни, часы исполнились — родился мальчик: по локоть руки в золоте, по колени ноги в серебре, на лбу солнце, на затылке месяц, и по косицам — часты звезды. Как она разрадилась, ребенка вымыли, повалили. Как спать люди вше лягли, никто не слышал — приходит сама эта старушка к этой жепщине: «Ну, — говорит, — расскажи; отворала ли ти окошко?» — «Нет», — говорит. «Как нет, — говорит, — зачем таишь? Лучше со-

знайся». — «Нет, — говорит, — бабушка, не сознаюсь». — «Если ты, — говорит, — не сознаешься, я вождму у твоего ребенка отрежу правый мизенец, намажу кровью твои уста, а ты будешь поутру немая. А чибя скажут, что ты съела ребенка. А ребенка я с собой вождму». — «Ланно, — говорит, — как знаешь». Взяла старушка отрезала у младенца правый мизенец и намазала кровью ее уста и взяла ребенка с собой. Поутру стали — ребенок пету, а женщина совсем немая. «Вот, — говорят, — ребенка съела».

Джэ, жили, жили, немножко пожили. Она стала с языком. Жили, жили. Тоже стала в интересном положении. Нни, часы исполнились — родился мальчик: по локоть руки в золоте, по колен [ноги] в шеребре, на лбу — солнце, на затылке — мешец, по косицам — часты звезды.

Вечер стал. Спать лягли. Женщину повалили. Ребенка омули и с матерью повалили. Как люди вше лягли, потихоньку приходит эта же старушка. «Ну-тко, — говорит, — расскажи; окошечко открывала ли?» — «Нет, — говорит, — бабушка». — «Ну, если ты не сознаешься, я у младенца стрежу правый мизенец, помажу твои уста кровью — ты будешь поутру пемая, а чибя признают: съела ребенка». — «Сама знашь, бабушка, — говорит, — делай, как хочешь». Взяла стережала правый мизенец у младенца, намазала кровью ее уста и взяла его¹ с собой. Поутру встали — пемая, и ребенок пету. «Вот, — говорят, — второго ребенка съела». Стали советовать: раз детей ест, надо убить; муж на это отвечает: «Пусть еще первая вина прощена, тозны трэччью вину сделай, а тозны надоть ее убить».

Жили, жили — тоже стала в трэччий раз в интересном положении. Нни, часы исполнились — родился простой мальчик. Как он родился, вжали, родительницу повалили. Как люди вше лягли, приходит эта же старушка — ничто не узнал. «Ну, — говорит, милая, расскажи, только не тай: окошечко отворала?» — «Нет, — говорит, — не открывала». — «Если ты тайшь, я с младенца стрежу правый мизенец, намажу твои уста кровью — ты будешь немая. Чибя скажут: трэччьего ребенка съела. Потом чибя живую положут в гробницу и похоронят». — «Ну, ланно, — говорит, — сама знашь». Взяла стережала правый мизенец, намазала ее уста кровью. Младенца с собой взяла.

Поутру встали — она стала пемая, и ребенок пету. «Трэччьего, — говорят, — ребенка съела. Ну, таперя уж убить ее надо-т[ь]». Стали посоветоваться. Муж ее говорит: «Чем ее убить, а лучше вшего похоронить ее живую». Гроб дошпели. Могилу вырубил. Понесли на могилу. В могилу спустили. Хотят погребать. Вдруг увидели: с самой с [в]осточной стороны открылось небо; видят: спустилась старушка этим открытым. Ведет два мальчика: по локоть руки в золоте, по колен ноги в шеребре, па лбу — солнце, на затылке — мешец, а по косицам — часты звезды. Трэччьего мальчика, простого, несет в руках. «Что, — говорит, — делаете?» — «Вот, — говорят, — эта женщина съела трох ребенков, а ми ее живую хороним». — Ну-тко, — говорит, — видерните». Видернули. «Нут-ко, разбейте гробницу». Гробницу разбили. «Ну что, — говорит, — скажи: окошечко отворала?» — «Э, — говорит, — открывала». — «Расскажи, — говорит, — кого видала?» — «Вот, — говорит, — я видала этим окошечком мать божью с Миколаем-чудотворцом на престоле». — «Ну, — говорит, — таперя бери своих детей. И живи как следует». И эта старушка понялась па небеса швечкой.

Стали жить да быть, поживать до таперя.

12. О ГОЛИ КАБАЦКОЙ

Живал-бувал купец богатой. Джэ, живет. Джэ, жили, жили, жили. Вдруг об онну пору этот купец поехал в город. В город приехал. Джэ, стал в этом городе жить. Об онну пору сар сделал бал. Созвал вшех лю-

¹ Т. е. младенца; в рукописи: ее.

дей. На бал пришли вше, а позади них воходит Голь кабацкой. У него пехто нету, она душа в теле. Он стоит под порогом. Джэ, сидели на балу, вше пили, опьянели, а голи кабацкому даже румку не подают. Джэ, стали хвастать: кто жичьем, кто богатством, кто добрым конем и хто слугой верною. Голь кабацкой отвечает: «Вот ви мне даже румку не подаете. Я бенный, пехто у меня нету, она душа в теле. А ви, пьяные, хвастаете, быть может, пустым местом. Я похвастаю — будет правдой». Сар спрашивает: «Ну-тко, у чебя нехто нету, ти бенной — какая у чебя удача быть может, скажи?» — «А вот, — говорит, — имеппо у меня удачность никакая нету, а вот самый который приехал чибе-ка купец-то, приехал в гости. Именно я с этой купшихой имею дела». Купец отвечает: «Как ты с пей имеешь дела?» Сар отвечает: «Он вокшо врет. Ти же не отлучался от этого города никуда, а как тут попал?» — «Ну, да как, — говорит, — не было — попал. Случалось раз либо два». Купец сказал: «Ешли правду ти имеешь дела, поедь, вожьми от нее именной перчень и заметь у ней признак. ¹ Поезжай, ешли ти заметишь какой-нибудь признак и буде скажешь — то я вше свое именье дам, коли не заметишь, то чибя ми повеним.² А я буду ждать воттака!» — «Дайте, — говорит, — за три пни отстрочку». — «Ланно. На три пни дадим отстрочку». Джэ, Голь кабацкой поехал.

Приехал. И подпал одной старушке: «Ну, бабушка, положи меня в сундук и отдай этой купшихе, до утра. Жив буду — не забуду, а заплачу чибе — что угонно дам».

Джэ, старушка пошла: «Э-э, тетушка, мой сундучок не положишь? Только до утра». — «А его для чего класть мне-ка?» — «А вот, — говорит, — какой-то человек приехал ко мне на квартиру, мне места нет поставить». — «Ну, ланно, бабушка, приешни. Пускай ночь он простоит у меня, этот сундук». Ланно, джэ, старушка унесла к ней этот сундук. Джэ, поштавила у купшихи. Джэ, сундук ночь стоит.

Джэ, чувствует Голь кабацкой: купшиха легла, а швет горит. Джэ, из сундука голь кабацкой вишел помаленько. Подошел к столу. Смотрит: на столе именной перчень лежит. Взял этот перчень. Смотрит: она шит в одной рубашке. Аджало немножко раскинутое. Помаленьку подошел, сглянул и рубашку открыл немножко; увидел: под левой титькой бородавочка. Вошел в сундук и снова ляг. Джэ, ночь прошла.

Купшиха утром стала. Стала искать перчень — нету. Ну, искала-искала и не могла пайти. Джэ, приходит старушка к купшихе. «Дай-ко, тетушка, мой сундушок: человек наряжается и вжясти хочет свой сундук». — «Вожьми, бабушка. Я свой именной перчень почарала». — «Ищи, — говорит, — тетушка, куда он ушел?» — «Я, — говорит, — искала и совсем не могла найти». Старушка сундук увулукла. Голя кабацкого выпустила.

Голь кабацкой пошел ни в чем не бувало. Понес этот перчень, где сар сидит с купцом, его ждут как раз. Пришел, этот перчень принес: «Вот я именной перчень взял, хоть ви мне не верили». Купец спрашивает: «Как, признак заметил?» — «Вот, — говорит, — у ней под левой титькой бородавочка». — «Правда», — говорит. Голь кабацкой говорит: «Я уж та-перя вше твое именье вожьму». — Э-э, — купец говорит, — бери». Голь кабацкой отвечает: «Теперь ти поезжай, из дома выходи». — «Ланно», — говорит.

Купец поехал. Купец подъезжает к окну: «Ну, что, жена, выходи, — говорит. — Выходи. Только в той одежде, чего носишь, в той и выходи». — «Зачем, — говорит, — я стану выходить?» — «Нет, — говорит — выходи». Она мужу отвечает: «Ты в дом войди». — «А стоит ли мне выходить и с тобой разговаривать?» Она вжяла, кое-которое набила в карман деньги, сколько войдут, и достальное вше заперла и ключи с собой. Вишла. Купец её повез, и Голь кабацкой вошел в дом.

¹⁻² Эта фраза в записи ошибочно помещена позже: после слов «что угонно дам».

Джэ, купец ее повез. Вежет. Вивеж на такой березник и стал ее драть. «Зачем, — говорит, — меня дерешь? Какую вину нашел да дерешь? Найди вину». — «А ты, — говорит, — чего, не знаешь вины над собой?» — «Нет, не знаю». — «Не знаешь, так не знай». Яхали, яхали — в город приехали. Тут разошлись. Тот ее потерял, и другая его почерала в этом городе.

Опа пошла на базар, купила енеральскую одежду и приходит онному христианину. Написала гумагу: «Па, — говорит, — поставь против сарского окпа посох и завяжи эту гумагу за посох». Сар окном взглянул: стоит посох, за посохом завязанная бумажка. «Подьте, притащите эту бумажку». Сар прочитал, что просится к нему с другого города енерал, а просится к сару на обед, а сам находится у христианина. «Подьте, зовите его, пусть пообедает.

Джэ, разыскали. Пришел. Джэ, пошидели, побеседовали, поразговаривали. «Ну, что, ваше сарское величество, я хотел, — говорит, — у вас спросить: у нас были слухи, что Голь кабацка хвастал, что „имею с ошной купшихой дела“. Правда ли? Его хотели повешить?» — «Зачем, — говорит, — ми его повешим, когда он хвастал делом? Вше имущество купшево взял, а купша из дому вывел». — «Кабы, — говорит, — дайте мне кучера, чтобы меня проводил к Голю кабацкому; я посмотрю, как он живет на этом на купческом имуществе. И имешпо дайте этого купца, который вышел из дома». — «Дадим, чего не дадим. Где этот бывший купец? Зовите его».

Призвали. Пришел. «Ну, — сар отвечает, — что ти, спроводишь этого генерала к Голь кабацкому?» — «Спровожу». Джэ, повез. Пояхали. Едут. «Эх, — генерал отвечает, — ти худой кучер, меня худо везешь, я сам чибя повезу». — «Э-э, повези, — говорит, — мосою». Вот повез его енерал этот. Немножко повез в сторону — выехали на березник, и стал этого кучера драть этим березником. «Э-э, зачем ти, енерал, дерешь меня березником безо всякой вины?» — «А ты чего, вины за собой не знаешь?» — «Нет, не знаю». — «Не знаешь, так не знай».

Приехали Голь кабацкому. Голь кабацкой принял. Шяли. Смотрит, замечает: как от нее осталось запертое, так и было. «Ну, — говорит, — расскажи, Голь кабацкой, как живешь?» — «Живу, — говорит, — я хорошо живешь. Расскажи: как ти сюда попал?» — «Вот, — говорит, — я как попал. Вам расскажу. А вот как захочет мне хвартуння послужить. А послужила мне пустым местом». Она и отвечает: «Ти рассказывай, а я буду записывать». — «Расхвастался я, — говорит, — что с ошной купшихой имею дела. Хвастал я пустым местом. Не верили меня купец и сар. Ну, потом стало дело том: ударилась с этим купцом. Сказал купец, что „принеси у ней пменной пэрчень и заметь у ней признак“. А я подпал к оной старухе, што „положь меня в сундук и унеси к этой купшихе“. Она меня унесла. А я в ночное время из этого сундука вишел и этот перчень вжал и заметил признак: под левой титькой бородавка. Этот пэрчень унеш прямо цару и купшу и этот признак рассказал. И вот купец вишел из этого имения, и я на его имение вошел».

Этот енерал выхватил из кармана перочпный ножик, ударил этого купца по затылку: «Знай, — говорит, — дурак: вот как люди умеют паживать». Как, чего Голь кабацкой рассказывал — енерал више записал. «Ну, что, Голь кабацкой, примешь ли нас в этом доме почевать?» — «Ой, да, — говорит, — чего я не приму? Думал ли, али чаял, что у меня енерал будет на фатеру!» — «Ну, ланно, если ти наш примешь, определи нам особую комнату ночевать. У тебя дом хороший, большой, купческой».

Джэ, пора стала лежиться спать. Джэ, енерал стал раздеваться. Скинул рубашку — купец отвечает: «Ваше енеральское величество, как же, — говорит, — у вас титьки походят на женские?» — «Гм, — говорит, — это ви говорите так, это на войне прострелили, а это наросло дикое тело». Он дивуется: «О, сто за беда: чибе грудь проштрелили; а как ти ожил?» — «Это, — говорит, — чего мне: вот мое мужское прострелили, и стало по-

том жепское». — «Да не может быть», — говорит. «Ешли вот не веришь, я вот разденусь, нижнее бельё скину — ти посмотри», — говорит. «Ланно, — говорит, — пошмотрю». Скинул енерал — правда, вше женское. «Э, — говорит, — эта беда!».

Джэ, поутру встали. Джэ, падо яхать к нима. «Ну, — говорит, — прощай, Голь кабацкая. Шиди, — говорит, — счастливо ния па три». — «Э, пу ланно, — говорит, — прощай!» Джэ, пояхали, отпихнулись.

Она говурит: «Слышал, Голь кабацкой что говурел?» — «А, слышал». — «Ах, ти, дикой ти, дикой, — говурит, — вот таперя и надо-т[ь] тебя хорошенько драть. Именно я охто твоя — именно твоя баба. Еще я чибя омманываю о войне, а ти веришь». Прияхали сару. Какие слова говурел Голь кабацкой, вше выписанные на гумаге. Вжяли этого Голь кабацкого, на двенадцать пушках расстреляли, и старуху вмеште. И купец со своей женой уяхал в свой дом.

[Стали] жить да быть, поживать до таперя.

13. ПАМФИЛ-ВОР

Не в котором царстве, не в котором государстве живал-бывал сар. Ну и зял полетел на другое царство на ковре-самолете. Прилетел сару. Сар его принял. У етого у сара есь три вешши: морзого кобель, и златокрылый сокол, и восьминогой конь.

И ляг спать. Так ему не спится. Под головами пухова подушечка вертитса, и соболиное одьялко с плеч катится. И вдумает себе умом: «Как бы эти три вешши были у меня!» Зял поутру стал и полетел под свое царство. Прилетел и сожывает сех своих княжей, боярей, и думных сенаторей, и приближенных, и [в]сю свою половицу удалую.

«Ну, что, княжи, бояре и думные сенаторы, и ся моя половица удаляя! Я другое царство летал на ковре-самолете и видел, другом городе есь три вещи: морзбого кобель, и златокрылый сокол, и восьминогой конь. Если хто эти вещи мне достанет, тому отделю полжитья, и полбитья, и половину город людей». Княжи, бояре, и думные сенаторы, и приближенные министери — се отклонились: никак невозможно достать. Один был у них Пáнфил-вор. Подходит приближешепьско и кланетса понизешеньку и отвечает: «Ваше сарское величесво, не прикажите казнити, а прикажите слово молвить».

Ну, хорошо. Ну, сар отвечает: «Ну, говори, что тебе нужно?» — «Хоть я верное слово не даю, а постараюсь». Ну, сар на это отвечает: «Ну, что тебе нужно — проси». — «Давай, — говорит, — мне сто людей».

Сар отдает ему сто человек. Из ста человек стал выбирать под свой рос, под свою красоту и под свою толщину. Выбирал-выбирал и выбрал пятьдесят. Из пятидесятих стал выбирать. Выбирал-выбирал и выбрал двадцать пять. Из двадцати пятих стал выбирать. Выбирал-выбирал и выбрал двенадцать. И подобрал так се равно, как один человек — сам тринадцатый.

И отвечает сару: «Давай мне тринадцать лошадей». Сар отдаст ему тринадцать лошадей, и всяли на этих лошадей и пошли. Идут, идут и пришли к этому городу: через море етот город видится. Поставили шетры и стали почевать.

[В] друг сар положил им черёз калиновый мос. И послал человека: какие люди прияхали? Памфил-вор увидел, что етот человек едет. Едет сам на коне и отвечает швоей швите, что «ребяты, как он будет, с коня сдерните и его дерите. Он к вам станет отвечать, что „какие люди прияхали: с бую, или с дракой, али с пущею пальмюю?» А вы к нему отвечайте, что „мы прияхали не с бую, не с дракой, не с пущею пальмюю, а прияхали мы у твоего сара украсти три вещи: морзбого кобеля, и златокрылого сокола, и восьминогого коня».

Де ражъяхался етот человек — они выскочили и сдернули с коня и стали драть. Он к ним отвечает: «Какие люди прияхали: с бую, или с дракой, али с пущею пальмюю?» Они к нему отвечают: «Нет, мы при-

яхали не с бую, не с дракою и не с пущею пальмою, а прияхали у твоего государя украсти три вещи: морзого кобеля, и златокрылого сокола, и восьминогого коня». Дотудова драли — на ней¹ трою оммер. Жяли на коня посадили и черезовой подпругой подтянули, то есь как полумертвого, и коня плетью остягнули. Конь донес пустую душу.

Сар спрашивает: «Какие люди прияхали?» Он к нему отвечает: «Не жнаю — люди, не жнаю — дьяволы. Я дояхал — они меня с коня сдернули и стали драть. Я к ним отвечаю: „Вы какие люди, прияхали: с бую, али с дракой, али с пущею пальмою?“ Они ко мне отвечают: „Мы прияхали не с бую, не с дракой, не с пущею пальмою. Мы прияхали у твоего государя три вещи украсти: морзого кобеля, и златокрылого сокола, и восьминогого коня“».

Де сару делать нечего. То есь, как стал вечер, у морзого кобеля поставил семерых: караульте, почь не спите. У златокрылого сокола поставил семерых: караульте, ночь не спите. У восьминогого коня тоже поставил семерых: караульте, ночь не спите.

Де самый этот Памфил-вор по часам смотрит: дошлб. И пошел через калиновый мос пешком. Пришел морзову кобелю² — се семеро уснули. У всех головы спересекал — эту вещь зял. К восьминому коню пришел — се семеро уснули, у всех головы спересекал. Эти се три вещи зял.

И шмотрит: у сара свет видится. Думает себе умом: «Ах, как бы забраться мне сарскую комнату!» Первую комнату вошел, другую вошел, третью вошел, четвертую вошел, и пятую, и шестую вошел, и сямую вошел, и вошьмую вошел, и деветую вошел, и десятую вошел, и в одиннадцатую вошел, и шмотрит шёлкой:³ двенадцатой комнате сар сидит, читает книжку, а етог давешной драной сидит на штуле перед ним и рассказывает к нему сказку.

Он смотрел-смотрел, замечал-замечал: как быдто сар эд[р]емнул — у него из рук книжка покатилаь. Он ту пору воскочил, етого драпого поймал и голову сорвал и бросил под стол. И сказал: «Ваше сарское величесво, спать захотели». И шял на место драпого на шул и стал к нему сказывать сказку.

Как этого человека драд, как ети вещи украл, как етих людей убил — се на сказке рассказал. И поклонился: «Ваше сарское величесво, еще есь повеь сказывать; можем рассказать поутру, вы шибко спать захотели». Сар на это сказал: «Ничего, можете рассказать поутру». И вышел, поклонился.

Ну, хорошо. Де сар поутру стал, под стол зглянул: у человека голова сорванá, под столом лежит. Морзову кобелю пришел: у сех головы пересеканы. Нигде нет ета вещь. К златокрылому соколу пришел: нигде нет ета вещь, у сех головы пересеканы. К вошьминому коню пришел: нигде нет ета вещь, у сех головы пересеканы. Де делать нечего.

Думал, думал швоим умом и шделал бал, созвал етих людей. И шмотрит: се находятя, как один человек. «Ну, — умом думает, — це-как вора найти». Де вечер стал, люди разошлись.

У етого у сара есь три дочери. Друг старшая дочь сказала: «Ну, что, папенька, сделай бал, пусь моего дня ангеля. Я ли, не я ли — етого вора поймаю». Сар сделал бал и послал человека по етих людей: «У сара дочь именинница, зовет вас на именины». Шу, Памфил-вор отвечает: «Хорошо, идем».

Де пришли. Сяли. Сидели-сидели — друг Памфил-вор отвечает: «Позвольте до ветру со швоей швитой». — «Э, — сар отвечает, — ничего, — говорит, — подьте».

Де вышли на двор. Памфил-вор отвечает: «Мне чего-то тяжелит, девка знак положила какой-то». Искали, искали, искали и нашли приплетенный голове золотой волосок. У етого у Памфила-вора были такие

¹ Так в рукописи.

² Что такое «морзобо кобель», рассказчику неизвестно (Собир.).

³ Шёлкой.

же золотые волоски, и каждому своему человеку [в]сем приплел по золотому волоску.

И вошли. Де, то есь как вечер стал, люди стали се собираться, он зади приосталса. «Ах, — девка поймала, — вот, тятенька, хто ходил и наши вещи воровал». — «Ах, — говорит, — найди какой признак, тагды уличай». — «А вот, — говорит, — у тебе приплётен голове золотой волосок». Сару поклонилса: «Пожволь пошмотреть мою швиту: вера такая, что се таскаем по золотому волоску». Сар пошмотрел: правду. И вора не могли пайти.

Ну, хорошо, друг у сара середная дочь сказала: «Сделай поутру бал, дня моего ангеля пусь, и созови этих людей, а я ли, не я ли — вора поймаю». Ну, хорошо. Де поутру стали. Сар послал по этих людей человека, что «у сара середная дочь имениница — зовут вас на именины».

Де, пришли. Шáli. Пошидели. Де Памфил-вор отвечает, что «ваше сарское величество, дозвольте до ветру со швоей швитой». — «Ага, — сар говорит, — ничего, подьте». Вышли на двор.

«Ох, — Памфил-вор говорит, — чего-то мне, ребята, тягостно: девка, верпо, знак какой положила. Крепитесь, — говорит, — ищите: нет ли у меня какой жпак?» Де стали искать. Пашли они под галстухом булавочку. У него были такие запасные булавочки, и каждому уткнул по такой запасной булавочке. Ну, хорошо. Де, как есь стал вечер, стали люди се расходиться. Он зади приосталса.

«Ах, — девка поймала, — вот, тятенька, хто ходил наши венци воровал». — «Ах, сударыня, найди, — говорит, — какой признак, тогда уличай». — «А вот, — говорит, — у тебе под галстухом булавочка». Памфил-вор поклонилса сару: «Вот, ваше сарское величество, вера такая: мы все таскаем по булавочке — дозволь рассмотреть». Сар посмотрел: правду. И вора не могли найти. Де люди разошлись.

Друг меньшая дочь сказала: «Пу, что, папенька, сделай бал, пусь дня моего ангеля, и созови этих людей. Я ли, не я ли — вора поймаю». Де поутру стали. Сар послал человека, что «у сара меньшая дочь имениница, зовут вас на бал».

Де пришли. Шяли. Пошидели. Панфил-вор скажал: «Чго, ваше сарское величество, дозвольте до ветру со швоей швитой». — «Э, — сар отвечает, — ничего». Ну, хорошо, вышли на двор.

«Ох, — Памфил-вор говорит, — чего-то, ребята, тяжелит: видно, девка знак какой положила. Крепитесь, ищите», — говорит. Искали, искали — даже ничего не могли пайти. Даже совшем дбнага раждели. Даже чисто, пикого не могли найти.

«Ну, — Панфил-вор отвечает, — ну, ребята, теперь се равно меня поймают. Стану я наказывать к вам. Вы от этого городу отдалитесь педалеко, дак живите. Буть может, прбйдут нешколько дёп. А друг, может, загромит гром. Вы хватайте кбней. Друг, может, загромит другой раз. Вы обселляйте кбней. А друг, может, загромит третий раз. Вы подготовтнсеся, с конца етот город палите».

Ну, хорошо. Вошли юрту, де как есь стал вечер. Люди стали се расходиться. Он зади приосталса. Друг девка поймала: «Вот, тятенька, хто ходил, наши вещи воровал». — «Ах, сударыня, — говорит, — найди какой признак, тогда уличай». — «А вот, — говорит, — у тебя, — говорит, — в рубашешном вороту шелкова иголка — вот мой и признак».

«Э, правду говорит. Я и ходил, — говорит, — наши вещи воровал. И, — говорит, — двадцать одного человека убил». Ну, хорошо. Де поклонилса сару: «Ваше сарское величество, мою швиту не дёржи, пусь они уйдут домой, а меня что хошь, то и делай». — «Ладно, — сар говорит, — хорошо». Жяли поймали етого Панфила-вора и засадили сорок сажен темницу. И стали его морить томной и голодной шмертью. Дают к нему по одной ложке воды утром и вечером и таскают к ему по одному сухару.

Де жили-жили — об онну пору сарская служанка принесла к ему

онну ложку воду и один сухар. Друг Панфил-вор отвечает: «Служанка, ты сару скажи: он мне смерть не находит, дак я сам найду». Пошла служанка сару скажала: «Панфил-вор отвечает, что „сар мне смерть не находит, дак я шам найду“».

Сар сказал: «Подьте, жовите его». Де прїжвали, пришел. «Ну, что, — сар спрашивает, — что, Панфил-вор, что ты говоришь?» — «Э, — говорит, — говору: чем мне так мучиться, дак я шам себе смерть найду».

— Ну, каку же, — говорит, — ты хочешь смерть шобе найти?

— А вот, — говорит, — ты устрой сарай и повешь, — говорит, — три петли: онну шелковую, другую полшелковую, третью, — говорит, — мочальную. А вот, — говорит, — я из трех-то, на которой угодно, на той и удавлюсь.

— Ну, ладно, — говорит, — хорошо.

— И, — говорит, — уштрой три штўпня.⁴

Де хорошо. Того же часу сар устроил. «Ну, — говорит, — если уштроили, ведите меня на петлю. Поведи, — говорит, — ты сам, и пусть ведут твои три дочери». — «Ладно, — говорит, — хорошо».

Де повялі. Он на первый стўпень ступил: «Ваше сарское величесво, у меня был досельный отцовский оргац, дожволь сыграть, проститься с белым шветом». Ну, сар отвечает: «Ничего, — говорит, — можно».

Сыграл — по сей сѣндухе ласно гром пошел. «Эй, — девки отвечают, — тятенька, онако омман». — «Э, сидь, дуры, — сар отвечает, — в наших руках!»

Де на другой стўпень ступил: «Ваше сарское величесво, дожволь другоряд сыграть». — «Э, — сар говорит, — ничего, сыграй». Сыграл — по сей сѣндухе гром пошел. «Эй, — девки отвечают, — тятенька, онако омман». Сар отвечает: «Сидь, дуры, — наших руках!»

Ну, хорошо. Де на третий ступень ступил: «Ну, — говорит, — ваше сарское величесво, дожволь третий раз сыграть, проститься с белым шветом». — «Ну, — сар говорит, — ничего, сыграй». Как сыграл, по сей сѣндухе ласно гром пошел. Девки отвечают: «Тятенька, онако омман». — «Сидь, дуры, — говорит, — наших руках».

«Ну, — говорит, сар отвечает, — ну, поди таперя на петлю». — «Ваше сарское величесво, — говорит, — оглянитесь назадь». Сар оглянулса: его швита город налит. Сар отвечает: «Уйми, — говорит, — швоих людей». — «Хорошо, — говорит, — с тем условием уйму, если, — говорит, — эти три вещи дашь да своих дочерей на три петли повесишь».

Де сар подумал умом: чем погибать селому городу, а лучше повесить своих трех дочерей и эти вешши отдам. «Ладно, — говорит, — хорошо».

Де повесил своих трех дочерей и отдает ему эти три вещи: морзбого кóбеля, и златокрылого сокола, и восьминоного коня. Де хорошо, эти вещи зял. И людей ўнял. И поклонилса: «Прощайте, ваше сарское величесво, что Панфил-вор приезжал, и твои три вещи зял, и полгорода спалил, и твоих трех дочерей повешил».

Де пояхал. Прияхал швой город и привез сару эти три вещи. Сар ему отделяет полжитья, полбитья и полгорода людей и дочь свою замуж.

И сказка кончена.

14. ПРО КУЧЕРА, ПРО ИЗВОЗЧИКА

Живет сар. На улице у него живет купец богатый. У этого купца три дочери. Ну хорошо.

Вдрук приехали иностранные кушцы и стали у этого купца свататься на дочери. Купец отдает замуж. Взяли, увезли. Немножко пожили —

⁴ Ступени (Собир.).

те же купцы приехали и стали свататься у купца на дочери. Тоже отдаст. Уехали.

Де приехали третий раз и стали свататься у этого купца тоже на третьей дочери. Отец отдаст, значит, — девка не хочет. Уехали назад.

Меж этим временем у сара родилась дочь. Де жили, жили; уж дочь подросла. Вдруг эти иностранные купцы приехали, вошли к самому сару. Сарь их принял. И эти купцы пакатили несколько ведер вино. И стали это вино пить. Стали пить. Пили, пили, и один, который сватался на царской дочери, пошел плясать и вывел царскую дочь. С ней стал плясать, она его хлестнула по щеке, хлестнула по щеке, люди все опьянели, все упали.

Эти купцы уехали и эту царскую дочь увезли. Поутру встали: те же купцы приехали, и вошли самому сару, и стали вино пить. Пили, пили, пили — все опьянели и стали плясать.

Де стали плясать. Один пошел плясать и стал выводить царицу. Она его обругала. Стал он выводить купеческую дочь — она его хлестнула по щеке. Хлестнула по щеке и высла.

А тут у них на улице живет кучер. И пошла этому кучеру и рассказывает: я так и так сделала. Он на это отвечает: «Ты, — говорит, — не думай, что они иностранные купцы, они разбойники». Ну ладно, хорошо. «Ты, — говорит, — возьми, — говорит, — с собою извозчика и поедь по этой дороге». Она взяла с собой извозчика, извозчик ее и повез.

Де ехать. Стала дорожка поглубже, и стала до колена, и стала до поясу, и стала человеческий рост. И заехали такой темный лес — только два следа выходят.

Де как-никак ехали, ехали, из лесу вышли. Вдруг стоит юрта. И зашла эта девка в юрту с этим извозчиком. Взглянула под кровать: пустые лежат сапоги. Стоит кучер, отвечает извозчик: «Ляг под эту кровать, закладись сапогами». Де заклалась сапогами.

Вдруг стук застучал, гром загремел. Вдруг вошли эти разбойники. Один сля на кровать. И другой тоже. И сказал один: «Одна панану обругала, дак попалася, а другая в наших руках».

Де стали водку пить. Пили, пили и эту царицу приволокли (пьяную, полумертвую вовсе). Носит она драгоценное платье, и стали ее раздевать. Скинули это платье. «Что, — говорят, — эту одежду куда?» — «Рвите, — говорят, — да дерите». Тут же и вырвали по мелким частям.

Носит золотой перстень. «Этот перстень, — говорят, — куда?» — «С кольцом совсем рубите», — говорит. Тут же и отрубил. Куда же палец деть? «Бросьте, — говорит, — под кровать». Бросили под кровать, этой девке в самый глаз. Взяла и в карман засунула. Они не чувствуют ее.

Де стали пить водку. Де все опьянели, и все упали без чувств. Де она как-никак крадчи от них высла. И взяла этого извозчика и поехала назад. Назад приехала домой и пошла к сару: «Так и так, — рассказала, — поутру, может быть, будут эти иностранные купцы — ты их прими; и станут свататься на мне; на мне, — говорит, — сосватаются, мы, — говорит, — поедем в церкву венчаться. Обвенчаемся, — говорит, — сядем, — говорит, — когда за свадьбу, ты, — говорит, — поставь на кухне двенадцать солдат».

Как раз поутру приехали эти иностранные купцы, и сосватались, и поехали в церкву венчаться. Обвенчались и сля за свадьбу. Сарь поставил двенадцать солдат. «Вот, — говорит, — видела я сегодня такой сон, — стала рассказывать. — Приехали, — говорит, — иностранные купцы и, — говорит, — стали пить водку. Один, — говорит, — пошел плясать и стал, — говорит, — выводить царицу — она его обругала. Потом стал выводить самую меня, а я, — говорит, — хлестнула по щеке».

Один отвечает: «Во сне чего не грезится». Она отвечает: «Не горячись, я про сон сказываю. Потом, — говорит, — взяла кучера и поехала по этой дороге. Шла, шла эта дорога, стала поглубже, и стала, — говорит, — она до колена, и стала, — говорит, — она до поясу, и стала, —

говорит, — человеческий рост. Потом, — говорит, — стоит юрта. Зашла, — говорит, — эту юрту. Под кроватью, — говорит, — лежать пустые сапоги. И заклалась, — говорит, — этими сапогами. Принесли, — говорит, — царницу пьяную и разделы, скинули драгоценное платье и сказали: что, эту одежду куда депем? Рвите дак дерите, — говорит. — Потом, — говорит, — носила золотой перстень. Взяли, — говорит, — отрубили с пальцем со всем. Бросили, — говорит, — под кровать. И упал, — говорит, — он в самый глаз ко мне». И выдернула, положила на стол.

Сарь посмотрел: царницы перстень. Взяли тот же час двенадцать солдатов этих купцов, всех расстреляли. Де пошли в их юрту; сколько было золота, серебра, все взяли.

Кончена.

15. ЧЕЛБУНЧУТ

Живет один человек. Етому человеку има Челбунчут. Сам со женой. У него шемь друзей, и живут эти дружья у него через реку. Сам ходит промышляет и, чего найдет, дружьям дает, и дружья у него богатые, а сам бедный. Ходит силлишки ставит: куропапечек добывает, етим и питается. А сама река мерзлая, то есь как зимнюю пору.

Хорошо. Друг об одпу пору пошел — добыл лисицу. Принес живую. Ну, ладно, хорошо.

Друг увидел дружей: идут к нему. Пришли. Ну, спрашивают: «Ну, что, друг, чем живешь?» Он к ним отвечает: «Ну, живу так да сяк». — «А это у тебя хто?» — лисицу говорят. «Это, — говорит, — моя собака». — А где ты ее нашел? Мы раньше ее у тебя не видали. — А вот, — говорит, — на сэндухе ее поймал, чужая, пришлая, и зял ее себе на руки.

— Ну, старик, продай-ко к нам.

— Э, купите, — говорит.

— Хорошо. Чего сенá?

— За семьсот рублей да за коня.

— Ладно, хорошо. Вбжьмем.

Де коня отдали и семьсот рублей отдали.

— Ну, кто же ей има, чем мы будем жвать?

— Ей, — говорит, — има «Туда да суда». Вот станете жвать — она к вам будет.

Де жяли, повели. Друг увидели: песец бегот. Ну, нужно отпустить собаку. Зяли отпустили — сэндуху ушла. Де стали кликать: «Туда-суда! Туда-суда!» Де нету, не пришла. «Ну, должно быть, — своим умом рассуждают, — хожяину ушла. Ну ладно, ну, пойдём. Может, она у хожяина».

Де ту пору самый Челбунчут увидел: они идут к ему. Стал деревянную лопату делать. Де дружья к ему пришли. Стали спрашивать: «Собака пет ле у тебя?» — «Нет, — он говорит, — нету».

Спрашивает: «Куды ушла?» — «А вот, — говорят, — мы отпустили ее за песцом, она ушла сэндуху». — «А вот, — говорит, — побегат да будет».

— Ну, а ты, — говорят, — кого работашь?

— А вот, — говорит, — я делаю лопату.

— А ее, — говорят, — для чего?

— А вот, — говорит, — я коня стану по хвосту колотить и скажу: конь, в... и мопет. А вот, — говорит, — у него станут деньги выпадывать.

Они говорят: «Не может быть!»

— А если, — говорит, — мне не верите, то подержимте пароль.

— Э, ну-тка, — говорят, — подержим. По чему? — спрашивают.

— А вот, — говорит, — по семьсот рублей да по корове.

— Э, другие бёрдят: ¹ за грех пробьем мы, должны платить.

Де один отвечает: «А что вы, — говорит, — трусите? Если, — говорит, — его правда выйдет, у нас несколько коней; его веру мы вожмем, и нам на его сойдется». Ну ладно. Де ударились.

¹ Жалеют (Примеч. собир.).

Он зял от них крадчи несколько денег, под хвос затолкал, и коня ударил лопатой, и сказал: «Конь, в. . . и монеты». Только деньги стали выпадывать.

Зяли заплатили семьсот рублей и корову. Ну, ладно. Де пошли домой. Стали делать деревянные лопаты, стали коней колотить по хвосту, стали приговаривать: «Конь, в. . . и монету». Ничего пету.

Де хорошо. «Значит, нас Челбунчут провел. Ну, что будем делать? Челбунчута рази мы ижводити стапем».

Ну, этим временем Челбунчут ужвал. Зял пошел, убил ету корову и начерпал ету кров на два мешка и зял ето своей жене навязал на брюхо да на шиину по мешку. Ну, и сказал: «Ну, что, жена, ешли дружья будут, ты шиди, не шевелись, а я шумею что доспеть».

Друг дружья, увидел, идут. Вошли, шяли. Он зял поймал пожик, уткнул своей жепе брюхо да спину — только кров вылилась. И отвечает дружьям, что «пошто шкорее дружьям чаю не варншь? Вот как, — говорит, — я свою жезу учу».

Они и говорят, что «мы ету веру вожем опеть». Один и говорит: «Убьем ли, что ли — опять беда, за грех». Там другой скажывает: «Ну вот, он как ли не убил — ужли мы убьем?»

Ну, ладно. Де их напоили, накормили. Де они пошли домой. Домой пришли. Выдернули пожи, своих баб спину да брюхо уткнули. Сех семерых убили.

До утра проплакали. «Эй, — говорят, — ижводити станем Челбунчута». Ну, хорошо. «Чего делать станем?» Стали советовать. «Пролуб спустим, выдолбим», — говорят, да. «Э, пролуб, — говорят, — выдолбим».

У етого у Челбунчута на улице живет одноглазый человек. Пришел етот Челбунчут к етому человеку: «Ну, дедушка, приди мне на день в работу». — «Эй, не буду», — говорит. «Нет, ты, — говорит, — у меня работу работать не станешь, только ты у меня, — говорит, — на товарищи. Приди да надень мою лопать, надень мои обутки, падень мою хуфайку, и падень мой малахай, и надень мои рукавицы». — «Ну, ладно, хорошо, буду».

Ну, ладно. Де увидел: дружья идут к ему. Привел шебе в дом етого человека. Де дружья доходят к дому и отвечают: «Ну, что, Челбунчут, мы к тебе в юрту войдем или ты к нам выйдешь?» Он к ним отвечает: «Идите, идите, и я к вам выхожу, и стречайте меня дверях». А между етим временем поймал етого одноглазого человека рот, чтобы он не кричал, и наместо шебя штал выталкивать.

Де жяли они его и поймали, как дверьми увидели, и понесли проруб. Он к им отвечает: «Я иной, Челбунчут [в] избе». Они говорят: «Нет, нет, ты Челбунчуту лопать носишь, ты и есь Челбунчут». Жяли к прорубе донесли и проруб спустили. Де ушли домой.

Ну, Челбунчут говорит своей жене, стал наказывать: «Ну, — говорит, — старуха, ты поди дружьям, я останусь эттак». Ну, хорошо. «И скажи: де вы у меня мужа убили, а вожмите меня собой: я вас штану кормить-поить». А де старуха пошла.

«Ну, что, дружья, вы моего мужа убили — вожмите меня собой. Я вас стану кормить, поить и зашивать». — «Ну, ладно, хорошо. Вожем». Де жяли.

Де етот Челбунчут ночное время пошел сухума и натыкался на тех (покойников). Стал копать. У, выкопал. У, смотрит: дорогую лопать ношат! Шертуки, бруки, сапоги — давай ражувать. Разул и сам оделса той лопатью. Пошел дружьям.

Пришел. Вошел юрту. Сидят семеро, се карты играют, тому сотню рублей положит, другому и сем семерым наклат по сотне рублей денег. Ну и сказал: «Ну, что, дружья мои, и не нашел вас дружнее дружьев. И спашибо к вам, что спустили меня в пролуб. И нет тогс лучше житье в пролубе, и нету богатея земля. Вот видите, какую я лопать ношу в пролубе». — «А пойдём», — говорят. Де пошли. Де пришли на пролуб. Де выдернул деньги, спустил проруб.

«Ну-тко, — говорит, — спускайтесь, дружья», — Чельбучут отвечает. Они говорят: «Э, душно будет». Там один скажет: «Он туды деньги спустил; кабы худо было, не спустил бы». Другой отвечает: «Правду говоришь».

Де оного стал спущать: «У, — говорит, — душно, вода». — «Нет, — говорит, — только сперва, дале хорошо будет, голову книзу дёржи». Де задушился. Потом другого стал спущать. Так да так, да сех семерых наслушал, и нхо богатсво сё зял, и со старухой стал жить, и так разбогател — первойо богач стал.

Сказка кончена.

16. [ШУТ]

Живал-бувал Чельбучуч. У него значит живут через реку шемь друзей. А на улице у него живет одноглазой человек. Этот Чельбунчун ходит, вше шилки ставит, курупашечок промышляет. А у него друзья очень богатые. Ланно. Джэ, аннезду пошел, об онну пору добыл лисицу в шилках. Привэл. Вдруг увидел: об онну пору дружья идут. «Здравствуй, друг!» — «Здравствуйте, дружья!» — «Ну, что, друг, кого промышляешь?» — «Ну, — говорит, — дружья, кого штану большего промышлять буду, акромс курупашечек?» — «Это хто она у тебя?» — «Это, — говорит, — моя собака». — «Чего, — говорит, — как она у тебя назвать: хорошая, пет?» — «Да, — говорит, — даже ней живу, она мне доход таскает». — «Ну, шделаай милость, продай к нам эту собаку». — «Собштвенно, — говорит, — для вас и продам. За шемьсот рублей да за лошадь дам». — «Ланно». — «Ну, дайте перва деньги принесите, лошадь проведите — тогда дам». — «Ланно, приведем и деньги принесем».

Деньги принесли и лошадь привели; отдает к ним лисицу, берет к ним коня и деньги. «А как мы его, чем будем звать эту собаку?» Он к ним отвечает, что имо к ней Туда-Сюда. Взяли повели; ну, смотрят: на виду шибко легкая. Вдруг увидели: песец бегот. Ну, где¹ собаку отпустить нужно. Взяли отпустили. Она за песцом не пошла — в шендуху. Стали кликать: «Туда-Сюда!» Она что будет — она к ним не пришла, пуще в шендуху убегла. Джэ, пришли домой. Джэ, день прошел — она нету. «Ну, наверно, — говорят, — ушла хозяину, надо сходить изведать». Пошли. «Ну что, друг, собака не пришла?» — «Нет, — говорит, — не пришла». — «А ти, друг, зачем нас омманул?» — «Как я вас омманул?» — «А вот, — говорят, — что ты ее там нахвалил, а ми сё за песцом послали — она песца не поганіла, а ушла в шендуху». — «Она, — говорит, — по первости не умеет, от сторонних людей, а подпривыкнет — всегда ней и будете промышлять пушнину».

Сам Чельбунчун вискочил на двор, отрубил дерево и заношил дом и стал чесать лопату. «Это про что, — говорят, — друг? Это для чего?» — они стали спрашивать. «Это я шделаю для того, чтобы когды буду лошадь свою колотить по хвосту и стану приговаривать: Лошадь моя, в...и монет! А наместо кала будут выпадывать деньги». — «Эй, не может быть того», — они отвечают. «А вот, — говорит, — если мне не верите, подержите, — говорит, — пароль». — «А по чему?» — говорят. «По шемьсот рублей да по корове». — «Агде у чебя корова?» — «У меня коровы нет, а я кладу лошадь вместе корови». Ланно. Ударились и как раз согласились на этом.

Он от них краччи подклял под хвос лошади своей денгги и стал колотить этой лопатой. И стал колотить, приговаривать: «Лошадь моя, в...и монету». И стали выпадывать много денгги. Вжял, берет с тех семьсот рублей и корову. Ланно. Они, значит, его веру стали исполнять — даже ничего у них не случается. Ну, стали советоваться, что «Чельбунчун нас совшем омманул, что Чельбунчуна надо изводить. Ну, завтра пойдем Чельбунчуну».

¹ Нужно: де.

А Чельбунчун в это время узнал и вжыл убил эту корову. Вжыл с него могут, маняло, вше вылил и разбил. Этот могут на два шделал мешка и старухе своей завязал на спине-то и на брюхо. «Ну, стуруха, ешли дружья будут, ти сиди и не швелелися, а я тебя утну пожом в спину дак в брюхо, стану тебя ругать, сто почто ти дружьям скорее чай не варишь».

Ланно. Джэ, поутру стали, увидели: дружья едут. Дружья пришли, вошли к нему в дом. Он вжыл поймал пожик и утнул старухе в шпину да в брюхо. Кровь вылилась. «Вот, — говорит, — как я свою жепу учу, а ви, — говорит, — тоже так делайте». О, дружья расшмеялися. Ну, ланно. То есть как вечер стал, дружья пошли домой. Один сказал так: «Ми его в веру вожьемем, так и сделаем». Другой сказал: «За грех ми их убьем, этак беда будёт». Там трэччий сказал: «Почему же он не убил, а у нас будто случится так?» Ланно. Посоветовали. «Ну, ланно, так сделаем, его за веру вожьемем». До домой пришли, утнули ножами в шпину и брюхо своим женам-то. И вшех убили. До утра вшю ночь проплакали. «Ну, — говорят, — ми таперя Чельбунчуна стаем изводить». — «Как изведем?» — «Ну, извести его никак. Только доведется утупить его в пролубь».

Этот Чельбунчун между тем узнал, что дружья хотят его извести. Приходит к этому онноглазому человекку. «Ну, дедушка, сделай милость, приходи ко мне на один вечер поработать». — «Нет, не буду совшем», — отвечает онноглазый человек. «Я тебе-ка дам денгги. Тп у меня работу работать не штанешь. Только оденься в моей одежде, что я пошу, и сиди у меня весь день». На это говорит: «Если ти меня просишь, сколько денег дашь?» — «Я чшбе, — говорит, — вшего дам триста рублей, только день прошиди у меня». Тот подумал умом: «Я день просижу да триста рублей получу». Джэ, денгги вжыл, пришел к нему, оделся в его одежду и сидит у него дома.

Джэ, сидит. Чельбунчун выходит на двор и видит: дружья к нему едут. Ну он воходит назад в дом. Они приходят к дверям и отвечают: «Что, Чельбунчун, ми к тебе будем или тп виждешь?» Чельбунчун этого онноглазого человека захватывает в рот и выталкивает дверями место себя. Ланно. Рот захватывает и говорит: «Сечас, сечас, дружья, вот сечас к вам иду». Витолкнул этого человека онноглазого, и они его поймали и повесли. Он к ним отвечает: «Я, — говорит, — иной, Чельбунчун избе». Ланно. «Нет, — говорят, — ти врешь, носишь Чельбунчупову одежду, и ти не оманывай». Вжяли в пролубь опунтили и ушли домой.

Немножко пошидели, между собой посоветовались, что он кричал, что «я иной, Чельбунчун в избе остался». — «А ми поидем изведем, что правильно остался, али как». Пошли; между этим Чельбунчун сказал: «Ну, старуха, — говорит, — положь под мос. А ти скажи, когда дружья будут: ви моего мужа убили, а меня вожьмите с собой, мея храните, а я вас буду кормить, поить». Ланно. Вдруг дружья пришли. Чельбунчуна опа запратала. «Ну, — говорит, — сто ви моего мужа убили, я вас штану поить, кормить, штану варить чайничок и обед приготовить». Ланно. Джэ, эту Чельбунчуниху с собой вжяли увели.

Вдруг этот Чельбунчун в ночное время вишол из-под мосту и пошел шухума.² И натыкался на кладбище, где лежат покойники. Давай копать.

Копал, копал, выкопал там несколько покойников и смотрит: ношят очень дорогие одежды. Ношят брукки, сертуки, сапоги, женщины ношят башмаки, шелковые плачья. Ланно. Давай вшех разувать. Вшех раздел, вшю одежду эту вжыл, пошел. Приходит, где спуцали этого онноглазого человека в пролубь. Эту пролубь вшю разгреб — и пролубь совшем талая, не мерзлая.

² Т. е. посуху, по сусе.

Приходит друзьям. Старуха его сидит, а друзья занимаются карточной игрой. Взял из кармана видергивал, všем шемерым наклал по сотне денег.

«Ну, друзья мои, не нашел вас дружнее своих друзейв. Спашибо, ви меня хоть пуштули в пролубь. Нет того лучше: самое хорошее жиччо в пролуби. Тут шибко хорошая жизнь. Вот видите, какую я одежду принес дороую. Лучше того, мои друзья, пойдѣте жить в пролуби». — «Лапно, пойдѣте, пожалуйста».

Э, пошли. Všе шемеро пошли, Чельбунчун вошьмой. Чельбунчун выдергивает дешги и спущает в пролубь. «Ну, — говорят, — Чельбунчун, ти привычной, спущайся первым ти». — «Нет, — говорит, — перво ви, а я свади буду идти, вас смотреть». Там один сказал: «Оннако Чельбунчун оманыват». А другой отвечает, что «он спуштул, сперва отпуштул деньги; каби нас он оманывал, значит, деньги би не отпуштул. Правильно, там хорошая жизнь».

Джэ, стал онного спущать. «О, — говорит, — душно, вода!» — «Нет, — говорит, — ти низ голову держи, там хорошо будет». Онного спуштул, потом другого, и так да так да všех шемерых спуштул. И ушел.

Ихо богатство všе взял и стал со старухой жить да быть и до таперя.

17. С ХВОСТАМИ ЛЮДИ

Жили-були старык со старухой. Старык ходит кажный день сечи мечѣт и сетьми питаѣтся. Вдруг об онну пору пошел сетям, сети смотреть, добыл кислого верблюда.

Джэ, поутру опять пошел к сетям — добыл человека, с хвостом человек. «А, — говорит, — боже милостивый, вчерась попал верблюд, а сегодня добыл какогo-то с хвостом человека». — «Ну, что, дедушка, я с хвостом, ти бесхвостой. Ти отколь рождешный, дедушка?» — «Я рожденный от Адама да Евы, поколение мое. А ти откуль?» — «Я тоже от Адама да Евы. Как, дедушка, расскажи, как живѣшь: бенно али как?» — «Ой, очень бенно живу я». — «Со мной чо, пойдѣшь?» — «Как я в пролубь спущуся?» — «Нет, я сам тебя спущу. Ти не бойся, воды не задушишься. И пазадь выйдѣшь как следует». Взял старика, повернул трое по солнцу и спуштул за собой. «Ну, старык, я пойду поперѣде, а ти иди позади».

Джэ, идут. С хвостом человек идет поперѣде. По жемле идут. Идут, идут — вдруг увидѣлся город. У-у, в городе люди ходят všе с хвостами. Эти с хвостами люди стали над ним смеѣться, что он бесхвостый, а ми с хвостами. Он закричал: «Зачѣм над ним смеѣться? Он, шей, напш брат. Какая порода наша, такая же и его». Привѣл к себе в дом. Разоставил ему všяко-разно закуски, všяко-разно заливки. Переночевал у него этот старык. Поутру стали. Отдаѣт к нему два мешка: в онном мешке золото, в другом мешке шеребро. «Ну, что, старык, ти со старухой?» — «Я со старухой». — «Ну, что, — говорит, — жена, пошли евой жѣсе ожерелля, чтобы она чибя поминала». Джэ, отдаѣт ожерелля. «Чибя, — говорит этот с хвостом человек, — я провожу, агде до той к тебе в сети попал пролуби. А ти сходи домой, а я чибя дождуся, опять сюда приди, ми с тобой пойдѣте, опять дам чибѣ злата, шеребра».

Пошли. Джэ, дошли до этой пролуби. Джэ старыка выпустил — старык ушел. Джэ, пришел старык старухе. «Ой, старык, чего ти потерался, я даже перепугалася». — «Молчи, старуха, шибко на хорошее я натыкался. Вот я на эдаких людей натыкался: чибѣ послал ожерелля, а мне дали даже злато, шеребро». Старуха ожерелля надела — všе вишеринки золотые, как золото блестят.

Старык пошел пролуби своей, агде лежала сечь. Идет. Пришел к пролубѣ. Как раз с хвостом человек тут дожидается. «Ну, старык, пришел?» — «А, пришел». — «Ну, пойдѣте». Старыка повернул трое по солнцу и спуштул в пролубь. Пошел. Джэ, идут. Джэ, город увидѣлся, где с хвостами люди. Видит: скрыпки в этом городе, в каждом дому

балалайки играют, танцы, игры. «Ну что, — говорит старык, — прежде я бул — этого не видел. А танери какие пошли скрипки, танцы, балалайки?» — «Вот, — говорит, — у них, покамест ми ходили чибе, а у них помер человек. Помер человек, и они его хоропят и, значит, радуются, веселятся». — «А зачем?» — говорит. «А вот, — говорит, — как по божьему указанию: бог указал, что, значит, помрет человек, то убавляются грехи, а ешли человек родится, то прибавляются грехи». На это старык отвечает: «У нас, — говорит, — так: ешли человек помрет, ми радуемся,¹ ешли родится, то мы радуемся». С хвостом человек на это отвечает: «Чего же, старык, ты говорел, что рожденный от Адама да Евы? Ты так-то врэш, когда живешь не по божьему указанию. Ну, хочь ти меця и оманул, я чибе вше же дам злата, шеребро: как слово чибе-ка дал, так и дам. Но в следующий раз ти мне не ходи». Джэ, старык, значит, вжял, пошел, пришел к этой пролуби, из пролуби вишол, пришел к своей старухе. «Ну, старуха, вот этак-то так, человек меня прогнал, говорит: больше мне не ходи».

Джэ, жили, жили. Старык разбогател. У этого у старыка родился сын.

Джэ, об онну пору сар жделал бал. И созывает вшех на бал. Старык со старухой пришел. Сидели, сидели на балу, у старухи царица увидела ожерелльё. Царица говорит: «Давно у меня почерялись ожерелля, ти, наверно, украла у меня эти ожерелля». Вжяли у старушки отняли это ожерелльё. И старыка со старухой посадили в темницу.

Джэ, жили, жили, жили. Об онну пору, в праздничное врэмо, царица стала надевать эти ожерелля. Ожерелльё только сто одела и сказала: «Неправильно ми вжяли это ожерелльё у этой старухи и старыка». Сар спрашивает: «Как неправильно?» — «Вот, — говорит, — таким случаем неправильно: мои ожерелля стоили каждая вишеринка по тысяче, а эти стоят по миллиону каждая вишеринка. Очень, очень дорогие. Надоть это ожерелльё возвратить». — «Зовите старыка», — говорит сар. Вивели старыка и старуху и привели. «Ну, старык, бери свое ожерелльё, это не наше. Ну, старык, продай это ожерелльё». — «Ну, лапо, купи». Сар отсчитывает за каждую вишеринку миллион рублей. Пускай. Деньги вжял старык — ожерелльё отдал. Старуха на старыка осердилась и старыка выгонила: «На что, — говорит, — отдал ожерелля, я би сама ношила».

Джэ, старык пошел. Шел, шел, вдруг видит: стоит юрта. Пришел к юрте. Вошел в юрту: человек сидит. «Здравствуй, брат!» — «Здравствуй, дедушка! Ну, чего, дедушка, куды пошел?» — «Э, бенный, нищий, заблудящий; куды юрту вижу, туды и иду». — «Ну, старык, отдохни у меня». Джэ, старык отдохнул. Поутру стал. «Ну, старык, поедем вместе куды-нибудь». — «Ну, поедем». Джэ, поехали с этим старыком. Яхали, яхали. Вдруг увиделся город. Приехали в этот город, в концевою юрту — хришянину. «А, здравствуйте!» — «Здравствуйте!» Ночевали у этого хришянина. Поутру стали. Этот уяхал, а старык остался у хришянина. Ходит по городу этот старык. Ходил, ходил, смотрит: в каждом доме вше люди плачут. Приходит обратно к хришянину. «Что, — говорит, — хришянин, я видел диво». — «Какое?» — говорит. «Вот, — говорит, — какое: в каждом доме утром станут, то ли жену найдут убитую, то ли мужа. А хто живой останется, сар того казнит и вешат. Ну, хришянин, я дам чибе деньги, поди на базар, купи енеральскую лопать». Отдает деньги. Хришянин купил, принес к нему. Этот старык послал этого хришянина. «Поди, этот против царского дворца поставь посох и эту гумагу завяжи за посох».

Пошел хришянин, завязал гумагу за посох и поставил посох против царских окон. Вдруг сар вишол как раз на улицу, увидел: гумага, завязанная на посохе. «Подьте, принесите!» Попили, принесли. Прочитал, что с другого городу приехал енерал сару на обед, а сам нахо-

¹ Должно быть: печалимся.

дится у христианина. «Подьте, ищите этого еперала: где он?» Джэ, разыскали этого еперала. Пришел сару на обед. Сар принимает. Джэ, стали разговаривать. Стал спрашивать, откуда приехал. «С другого городу, — говорит, — ваше царское величество, я сюда приехал трэчпий день, а чего же у вас на каждом дому плачут?» — «А вот, — говорит, — потому плачут, что в каждом дому муж жену убивает, нет — так жена мужа». — «Ах, ты сар, — говорит, — сам еще сар, а тово делаешь? А я лавтрашний день найду виновного и тебе приставлю». — «Как ти найдешь?» — «Ну, как-нибудь найду». — «Если ти, — говорит, — не найдешь, то будет твоя голова на плаху. А если ти найдешь виновного, то я как царь не нашел виновного — значит, сменяюся, а ти будь наместо меня саром». — «Ладно», — говорит. Джэ, как вечер стал, спать легли.

Он вжал отпер ящик, достал вию белую одежду и надел. Пошел. Вишел. Пришел к церковной ограде, сидит. Вдруг у покойника могила стукнула. Вишел человек. Смотрит: с пожом и с поворонкой. Видит: к нему идет. Подошел. Как к нему подошел, и спрашивает: «Ты охто?» — «Я, — говорит, — еретик. А ти кто?» — «Я тоже еретик. Ну, ми два еретика пойдем чью-нибудь кровь пить живую». — «Эгэ, — говорит, — пойдем». Зашли в онну юрту. Еретик таскает с собой нож и поворонку. Уткнул онного человека. Кровь насадил. Подает к нему. «Увжа, увжа, — говорит, — я таперя не буду, потом стану». Этот еретик выпил. Вишли из этого дома. Пошли в другой. Старик смотрит: еще утренняя заря скоро не будет. Опеть этот еретик человека убил, кровь насадил. «На, — говорит, — таперя ти випей». — «Нет, — говорит, — я не питану таперя, я пить захочу и чибе скажу». Еретик сам выпил. Джэ, вишли. «Таперя ми куда пойдем?» — «Увжа, увжа, — говорит, — таперя ми походим, ближ утренной заре в дома пойдем. Тут станем кровь пить чью-нибудь». Еретик на это говорит: «Если утренная заря застанет, нам до могилы не успеть будет добежать». — «Увжа, увжа, если ти так говоришь, то ми на дворе будем ходить». — «Э, — говорит, — походим. Быть может, на дворе найдем живого человека, его съедим».

Походили, походили — старычок заметил, что утренная заря скоро должна быть. Джэ, зашли они в один дом. Еретик вошел, человека уткнул, кровь насадил и подает этому старыку. Старык говорит: «Увжа, увжа, на дворе я стану пить, а в доме не стапу». — «Лашо, — говорит, — вше равно». Вишли на двор, смотрят: заря скоро будет. «Ну, — говорит, — пей». Смотрит: заря скоро будет, вжал ударил этого еретика в лицо поворонкой и побежал от него. Джэ, еретик поганил. Гонит вокруг город. Гонил, гонил, гонил. Против сарского дворца сверстались. Чуть-чуть заря занялась. И еретик, как карта, упал.

Джэ, народ стал вставать. Люди вше как встали, пошел старычок к сару. Сар спрашивает: «Ну как, нашел виновного?» — «Нашел». — «А где виновный?» — «Пойдем, — говорит, — я чибе укажу». — «Ну, давай-ка, укажи». Вишли. «Вот, — говорит, — кто лежит виновной». Лицо облитое кровью. Посмотрели: зубы вше железные. Ну, царское слово не отменяется. Этого старыка посадил саром, сам смеялся.

Старык стал саром, стали жить да поживать и до таперя.

18. АНТИУХА

Не в котором царстве, не в котором государстве живал-бывал Антиуха Антиусский — нада всема царями сар и надо всема королями король.

Де хорошо. И слышит: другом царстве у сара есь дочь по имени Штэрма-Стэрья, красавица уж неописанная. Ну, хорошо. Призывает сех своих бояре, приближенных министерей, думных сенаторы.

«Ну, что, князе, бояре, думные сенаторы и приближенные министеры, придумайте, пригадайте, присоветуйте. Я доходю по своей учепости: у сара есь дочь, красавица неописанная, по имени Стерма-Стерья,

а хочу я на ней яхать свататься». Ну, княжи, бояре, думные сенаторы, приближенные министры отвечают: «Ну хорошо, можно и свататься».

Де жял побежал на корабле. Де бяжал, бяжал. Подбежал тот город. Сходни выброшили, по сходням вышли. Де ражоставили шатры и стали почевать. Поутру стали и послали сару свата. Сар не отказыват. Де овенчалис.

Стали пировать, столовать двенадцать суток без пробуду. Де под свой город прибежали. Тоже стали пировать, столовать двенадцать суток без пробуду. Ну, хорошо. Де с такой радости обернул вес[ь] свой город красным бархатом.

Де бога просит, молебны служит, приклады прикладывает. «Поддай, бог, сына либо дочь — при бладоности на утеху, при старости на замену, при шмертном часу на помин душу». Де немножко пожили. Жена стала интересном положении. Дни, часы исполнились — родилася дочь.

Жяли окупали, окрестили, по имени дали Филипушта. Как на траву упала, так и по комнате швет стал от ея красоты. Отделили особную няньку, определили особную комнату и отдали няньке вошпитывать.

Де жили-жили — померла у пего жена. Обдернул свой город черным бархатом. Шнял с ней смертной патрет. И посылает людей, где бы подстал етот патрет какой-нибудь женщине, чтобы привежли к нему на жены. Де уяхали и еждали три года по вшем царсвам, по вшем королевсвам, и нигде не постал етот патрет. Прияхали назадъ. И рашпкажали, что нигде не подстает етот патрет.

«Ну, — говорит, — пожаййте другой раз. Хоть, — говорит, — якутка будь, хоть юкагирка, хоть и, — говорит, — чукчапка будь — де-нибудь бы только, — говорит, — подстал». Де уяхали. Три года еждали — даже нигде не подстал, назадъ прияхали. И рассказали: даже нигде не подстает. Ну-к, что же будем делать?

Де жили-жили, друг об одну пору на ум к ему пало, что «где-то у меня была дочь. Ну, зовите мою служанку, где мою дочь вошпитывали». Де прижвали служанку.

— Ну, что, служанка, где моя дочь, живая?

— Э, живая, — служанка сказала.

— Ну-тко, — говорит, — приведи.

Де служанка привела. Жял материн патрет подставил к ней: самый тут какой и был — се ровно как мать. Ну, и сказал: «Ну, что, служанка, пусь моя дочь живет у меня при дворце». Де стал держать у себя. Ну, подросла. Уж так подросла — даже стала целая невеста.

Ну, хорошо. И стал об оппу пору приступать доцери. Доць его отвечает, что «ето, тятенька, делаешь ты перед последнема годами, убьет тебя громом, а меня сожжет молоньей, ешли только шойдемся, а ешли не шойдемся, то помрем православной смертью». — «Да, — говорит, — не может быть», — он к ей отвечает. Ну, хорошо. «А вот, — говорит, — если ты мне не веришь, первой раз мы сойдемся — нас никто не ужнает, другой раз мы сойдемся — полгорода люди ужнают, полгорода не ужнают, а ешли третий раз сойдемся — вещь город ужнает». — «Да не может быть, чтобы нас ужнали». — «Да, ешли, — говорит, — так ты говоришь, наштели по городу крашны шукна».

Де вечер стал ставать. Он наштелил по городу красны сукна. Де спать лягли. Сошлися. Поимели дяла. Де поутру штали. «Ну-тко, — говорит, — поди: сукна пошмотри».

Де пошел. Штал шмотреть: се рно¹ как с бажару, как теперь поштелил. Пришел и рашпкажал швоей доцери: «Вовсе, — говорит, — с нова — ласно поштелил». — «Вот, — говорит, — значит, нас никто не ужнал». Де вечер стал. «Ну, — говорит, — по городу опеть, — говорит, — наштели сукна крашны».

Де шпать лягли. Поутру штали. «Ну-тко, — говорит, — поди пошмотри». Пошел: половину-то совшем гряже да болоте. а половина вовше

¹ Все равно.

совшем с вѣва. Пришел швоей дочери. «Вот, — говорит, — половина совшем гряже да болоте, а половина совшем с нова! — «Ну, вот, — говорит, — значит, полгорода люди нас ужпали — полгорода не ужнали».

Ну, хорошо. Де вечер стал. Наутро говорит: «Поди опять наштели шукна по городу». Пошел наштелил красные сукна. Дягли спать. Поутру штали. «Ну-тко, — говорит, — поди пошмотри». Де пошел. Даже совшем гряже да болоте. Пришел и раппикажал своей доцери. «Ну, вот, — говорит, — значит, весь город нас ужнал».

Де етот Антиуха Антиусской приживает се свои княжи, бояре, думных сенаторей и приближенных министерей.

— Ну, что, княжи, бояре, думные сенаторы и приближенные министеры. Я к вам загаду загадку: ешли хто мою загадку отганет, тому отделю полжитья и полбитья, и пол-имения швоего, и половину город людей, и послй мой шмерти тот сядет на царсво на мое. А ешли хто не отганет, вокруг мой дом поставленные двенадцать тышинок — вот у того и будет головка на тышинке штотать.

— Ну-тко, — говорят, — какова твоя загадка, послушаем.

— А вот, — говорит, — моя загадка: муж жену не видит, и жена мужа не видит, ложу не имею и без ложки не бываю, пью швою кров и ем швое тело.

Те хочь и жнают, а говорить не шмеют, де как его боятсья, а говорят другое. Другое скажет — он посекот у него голову.

Де другом царсве живет Омполор Корольчицкой. Ну, хорошо, и он об онну пору «поеду, — говорит, — я Антиухову загадку отгадывать». Шял на корабь и отправилшя. Подбязал под Антиуху город, сходни выброшили, по сходням вышли. Де приходят Антиуху.

— Здравсвуй же, Антиуха Антиусской.

— Э, здравсвуй, Омполор Корольчицкой. Ну, что, Амполор Корольчицкой, я тебе загаду загадку. Ешли ты мою загадку отганешь, тебе отделю полжитья, полбитья и пол-имения швоего, и половину город людей, и пошлй мой шмерти шядешь на сарсво. А если не отганешь, твоя головка будет на тышинке штотать.

— Ну, хорошо, — говорит, — какова будет твоя жагадка — такова же будет отгадка. Ну-тко, — говорит, — загани.

— Муж жену, — говорит, — не видит, и жена мужа не видит, ложу не имею, бяз ложки не бываю, пью швою кров, ям швое тело.

— Хорошо, — говорит, — ты ложу не имеешь и без ложки не бываешь, пьешь швою кров и ешь швое тело; а вот, — говорит, — доць твоя шидит у теба, а ты, — говорит, — имеешь ш ней дяла.

— Нет, — говорит, — я тебе не так загадал. А ты, — говорит, — не так отгадал. А приажжай поутру, дак отгадывай.

Жял шапку, поклопился и вышел. Шял на кораб и убежал под свое царсво.

Прибязал под свое царсво. Берет на три года воду, и берет на три года еду, и берет на три года дрова, и оставляет уставшого² сенатора, что «ешли будет Антиухова шила по меня, штанут шпрашивать меня, а вы к пей отвечайте, к Антиуховой шиле, сто „под ваше сарсво вчерась убязал, дак ешо не прибежал“. А если станут с вами вояваться, вы с имá не противьтесь, а их провожайте хлебом да солью. Они с вами тожны пя будут воявать. Потому они не будут воявать, что на хлеб, на соль ражбойники жла не думают».

Де Амполор Корольчицкой отправилсья, де Антиух ждал-ждал — не может дожждаться. Отправляет людей, что «зовите Ампула Корольчицкого». Де те прибежали под его город: «Давайте Ампула Корольчицкого, де он?»

Ну, хорошо. Они к нему отвечают, что «под ваше царсво убежал, да еще не прибежал». — «Ну и что же, — говорят, — составим войну!» Они

² Старшего.

с їма не противятся. Провожают их хлеба да солью. И Антиухова шила не воюет.

Де прибежали Антиуху. Антиух спрашивает: «Где Амполор Корольщицкой?» — «Да, вот, — говорят, — под наше сарсво убежал, да еще не прибежал».

Антиух отвечает: «А вот, — говорит, — ночесь я выходил дб ветру, а вот, — говорит, — упала бура, его кораб ражломало. Народ вещь притонул море, а он, — говорит, — поймался за онну корабельную доску, а спасется либо нет», — говорит. Ну, хорошо; как это слово Антиух сказал — друг упала бура и стала Ампула Корольщицкого кораб ломать. Кораб вещь ражломало, народ вещь притонул, Ампулор Корольщицкой поймался за онну дошшечку, и штало его пошить море.

Де ношило-ношило его несколько время. Де ношило-ношило — и выбросило его на берег. И пошел сегома, и не жнат ни пути, ни дороги. Друг видит: город увиделся. И пришел етот город. И сар его принял с чесью и с радосью и не жнает, где ему место дать. Ну, сар спрашивает: «Какой человек, отколь к пам зашел?» — «Эй, — говорит, — несчастной морской утопленник». И штал у етого сара жить.

У сара есь дочь по имени Лўшница-королевна. Ну, хорошо. Де жили-жили, живут. Об онпу пору сар отвечает: «Ну, что, сарица, отдадим мы свою доць етому человеку научить всяким к ражным наукам?» Ну, сарица отвечает на ето: «Ну, какой мы можем давать свою доць морскому утопленнику, кому он научит ее?» Ну, сар отвечает: «Я смотрю, он человек умной и ученой». Ну, сарица говорит: «Сам жнаешь; ешли хочешь отдачи, так отдай, пусь ею обучает». Де отдали. Определили ему особную комнату.

Де жили-жили. Об онпу пору сар сделал бал и сожвал вещь народ и его [Омполора] месте и дощерью шо швоей. Де скрипки заиграли, и гормонии и мўжыки. Де он пошел плясать, Амполор Корольщицкой. Де Лўшницу-королевну вывел, де вместе пошел плясать. И как-опа не пляшет, и как смотрит на его красоту. Он ей хлестнул по шоке и сказал: «Не смотри лице красоту, а смотри, — говорит, — ног наступание».

Де сарица стала ругаться: «При нашем виде он так ее бьет, а без нас к чему же быть?» Сар отвечает на ето: «Мы отдали к ему обучать, а что угодно, пусь то и делает». Ну, хорошо. День прошел. Народ весь разошелся.

Де жили-жили. Между етим временем Лўшница-королевна стала интересном положении. Ампулор Корольщицкой послал свата. Сар не отказыват. Овенчались. И штали пировать, столовать двенадцать суток без пробуду.

Де жили-жили — Ампулор Корольщицкой отвечает: «Я, — говорит, — побегу под свое сарсво, где, — говорит, — был у меня город». Сар отдает людей и кораб. Сяли на кораб, побяжали.

Де уж два-часы исполнились — Лўшница-королевна времом захворала, родила се девоцьку. Упала бўра — шпустили шмертной якор: де уж жделать нечего, кораб уж ражбить хочет.

Де Ампулор Корольщицкой слил хрустальную боцьку и посадил свою жену хрустальную бочку и положил сглобье тысяцу рублей. Ноги положил пятьсот рублей. Написал гумагу: «Ешли хто найдет, за перьём тысяцу рублей, а за прогон пятьсот рублей». И спустил ее моро етой боцьке. Как спустил, так и утихла бура.

С такой печали обдернўл свой кораб черным бархатом. Побежал. Де подбежал под свое сарсво. Сходни выбросили и по сходням вышли. И пришел свой город.

Бяз него у етого у ставшого сенатора родилася девоцька. Ну, Ампулор Корольщицкой отвечает: «Ну, что, уставшой сенатор, у теба девоцька и у меня девоцька. Пусь они растут месте, а я побегу свою жену разыскивать». Жял на три года воду, и на три года еду, и на три года дрова и отправился.

Де ети две девоцьки подросли и стали играть между собой. Друг

об одну пору Ампула Корольщицкого девоцька уставшого сенатора девоцьку изобидела. Уставшой сенатбр отвечает: «Ах, кака путная будёшь, несчастного отца дитя!» Выкопал к ей могилу, дак пошел да живу-то каменьями обклат.

Де вецер стал. Ноць стала. Друг бегут гости-корабельшыкы мимо этот город. Прослышали голос, что плачёт человек у церкви. Сходни выброшили, но сходням вышли. И побежали на этот голос. Прибежали могиле —нутри человек плачет. Жяли каменья отброшали и ее выдержнули. Принесли шебе на кораб. Ну, ладно. И отравились куды нужно.

Де бежали-бежали, подбежали они в Ольдодом. Сходни выброшили, по сходням вышли и пришли они Ольдодому. Ну, Ольдодом их принял: «Ну, — спрашиват, — где же вы нашли ету девоцьку?» — «Мы, — говорит, — нашли Ампула Корольщицкого городу обкладенная каменьями, а вот каменья отбросали, а вот жяли мы ее собой».

— Ну, продайте мне-ка ее.

— Купи.

— Ну за чево дантё?

— Э, — говорят, — санá не большая.

— А чего такое?

— Пятьсот рублей.

Хорошо. Отсчитывает к им деньги, пятьсот рублей, и берет эту девоцьку. Те, как эту девоцьку отдали, шяли на кораб и отравились куды нужно.

Де этот Ампулор Корольщицкой бегал-бегал — се припасы кончились. Даже никакой не мог найти признак и прибежал свой город. И спрашивает, что «уставшой сенатбр, где моя девоцька?» — «Он[а] зади теба померла». Де плакал-плакал: чего станешь делать, нёгде зять!

Де берет на три года воду, на три года еду, на три года дрова, и шал на кораб, и обдернул швой кораб черным бархатом, и заперса особную комнату в корабле. Клик прокликнул, что «беж мого пожволения хто жакнет ногу — у того секу ногу, хто засунет руку — у того отсеку руку, хто засунет голову — у того отсеку голову. Хто скажет ко мне слово, у того тянуть буду язык».

Де бегали, бегали, бегали. Шполнилишь три года. Де се скончалось. Подбежали они под город Вольдодом. Сходни выброшили и по сходням вышли. Стали рубить лес. От Вольдодома вышла эта девоцька во двор и приходит домой и отвечает: «Ну, что же, батюшка Вольдодом, что под паше сарсво подбежали такие-то печальные люди, кабы их пожвать на обед». — «Э, хорошо, — говорит, — приготовь обед и пожови».

Жяла обед приготовила и пошла и отвечает: «Ах, какие-то печальные люди, что мой батюшко Вольдодом зовет вас вольной дом, а шебе на обед». Они ту пору на нее закричали — она от них испужалась и побежала и упала. Расшибла нос до крови и стала плакать и стала говорить: «Швет мой батюшко Ампул Корольщицкой, швет моя матушка Лущница-королевна, поили да кормили, а не думали: такие печальные люди на мя стапуг кричать да кровётъ».³

Ампулу Корольщицкому уши пал этот говбр. И сказал, что «отпείτε мою комнату», и выскоцил, и хватил эту девоцьку охапку, и поймал.

Этот Вольдом как услышал эти слёжы — протіву его ворот штоял дуб; и шорвал этот дуб, и пешет этот дуб. «Хто, — говорит, — мою девоцьку прогпевил? Так етим дубом и запибу». Ампулор Корольщицкой отвскает: «Сделай милось, не горачись. Шам я тебе несу, войдем твой дом. Ты мне расскажи, где ее разыскал». — «Ладно, хорошо, войдем», — Вольдодом отвечает. Де вошли.

— Ну, скаживай: где же ты ее ражышкал?

— А, вот, купил у гостей, у корабельшыков за пятьсот рублей. Я спрашиваю: де вы нашли? Они мне говорят: нашли твоим городу,

³ Реветь? (Собир.).

обкладенная камнями. Вот, камни отбросали, вот вняли собой и привезли сюда.

Де Ампулор Корольщицкой отвечает: «Ну, что, батюшко Вольдодом, сядем месте на кораб. Первос счастье нашлось тибя, а, будь может, найдется другое». Де шяли на кораб, побежали. Де бежали, бежали.

Де подбежали ночью время Амгула Корольщицково город. Сходни выброшили, по сходням вышли. Городу се люди шпят. Видят церкви швет.

«Ну, что, батюшко Вольдодом, — Ампулор Корольщицкой отвечает, — куды же мы пойдём? Пойдём дома — али куды?» Вольдодом отвечает: «Нет, дома не пойдём, а пойдём мы церкву. А какой церкви может гореть свет ночью время?»

Де пошли церкву. Вопли. Стоит женщина, богу молитса. На престоле ляжит гумага: на одной стороне лежат тысяча рублей, на другой стороне лежат пятьсот рублей. Жял гумагу поймал Ампулор Корольщицкой, прочитал: это Лушница-королевна штоит богу молитса, лежат па одной стороне тысяча рублей, на другой пятьсот. Поймал ее и стал ее селовать, миловать.

Де между тем временем утро штало, ночь прошла. Люди се стали. Они из церкви вышли. Де Ампулор Корольщицкой вошел свой дом и стал спрашивать у уставшого санатора, что «где моя девоцька?» Он к ему отвечает, что «я раньше вам говорил, что она померла». — «А ты, — говорит, — зачем оманываешь? Ты, — говорит, — ее живую обклад камнями». Жял этого уставшого санатора на двенадцатих пушках рашстрелял.

Друг от Антиуха прибежали люди, что «третий год стал — разыскиваем Ампула Корольщицкого. Антиуха убило громом, а его дочерь сожгало молоньей». Ампул Корольщицкой отвечает: «Что меня разыскиваете?» Они к нему отвечают: «Мы гоним его слово, что ты отганул его загадку, посадить тебя на его царство».

Он посадил Вольдодом на свое царство, доць свою отдал к ему замуж, сам убежал под его царство, и сял на яго царство, и стал надо всима сарами сар, надо всима королями король, и стал жить да быть да и до ныне.

19. АНЧИУХ

В некотором сарстве, в некотором государстве живал-бывал Анчиух Анчиуской — надо вшема сарами сар, надо вшема королями король. А сам холостой. Слышит: в другом городе у другого [царя] есть дочь по имени Штерма-Штерия.

Думает умом, что «я поеду к ней свататься». И потому он едет свататься, что она такая красивая, что по белу свету нет ее крашнее. Хорошо. Пояхал. Сосватался. Сар, конечно, не отказывает. Ланно. Обенчались. И стали пировать, столовать двенадцать суток без пробуду. Джэ, бога просит, приклады прикладывает, молебен служит: «Дай, бог, сына либо дочь — при старости на замену, при бладости на утеху и при смертном часу на помин душу». Немложко пожили. Жена стала у него в интересном положении. Нни, часы ее исполнились — родилася дочь. Вняли, искупали, окрестили, по имени дали Пилупусто. Ланно. Как отвели к ней служанку воспитывать, особую комнату к ней отделили. Ланно. Джэ, живут. Джэ, жили, жили, жили — у Анчиуха жена померла. Он внял с ней, с мертвого, снял патрет и по вшем сарствам, по королевствам послал ее патрет, что «какой-нибудь жепщину, поставнет если патрет, приведите мне на жены». Ланно. По вшем сарствам, по вшем королевствам возили, этот патрет показывали — нигде не постав.

Джэ, второй раз посылает, тоже что «пусть будет хоть ламутка, хоть чукчанка, хоть якутка», что «этот портрет где поставнет, мне привезите — кто ни бул, какого низкого звания не бул бу». Хорошо. Ланно. Джэ, об ону пору совшем тоже нигде не поставо и опять прияхали

назадъ. Ланно. Джэ, об онну пору приляг он на подушку и стал читать книжку. Читал, читал, и вдруг ему на ум пало: «Где-то у меня была дочь». Кликнул¹ эту няньку. «Сто же, нянька, — говорит, — есть ли у тебя моя дочь?» — «Ешть». — «Где она, приведи-ка мне!» Привела. Уж даже целая невеста стала: так выросла. Вжял видернул материн пагрет, подставил дочери — как тут и було, как вше ранно мать. «Ну, чего же, служанка, — говорит, — вожьму на тебя² дочь, буду держать при дворе». — «Ланно, — говорит, — бери, ланно», — говорит. Джэ, хорошо.

Джэ, держит у себя дочь при дворце и стал дочери делать такие наступи, чтобы доиметь дела. А дочь не стала соглашаться. «Ну, — говорит, — что мне, папенька, я по своей учепости дохожу, ешли ми согрешим, перед нашей шмертью убьет чебя громом, а меня сожгет молоньей». — «Не может быть, — говорит, — того». — «Ну как не может быть, как, — говорит, — не может быть? А вот, — говорит, — если ти так говоришь: когда ми лягом спать, ми первую ночь сойдемся, нас никто не узнает. А на второй раз сойдемся — полгорода люди узнают, полгорода люди не узнают. А если на трэчью ночь сойдемся, нас вещь город узнает». — «Да, — говорит, — не может быть». — «Если ти мне, — говорит, — не веришь, то пойди по городу наштели красные сукна». — «Ланно. Хорошо, — говорит, — так и сделаем, насколь проверю я твою правду». Ланно.

Джэ, вечер стал — пошел по городу, наштелил красные сукна. Джэ, спать лягли. Поутру стали. «Пади, — говорит, — посмотри на сукна». Пошел по городу: совшем чистые, даже петна нету. «Ну вот, — говорит, — нас никто не узнали в эту ночь». Джэ, день прошел. Вторая ночь наступила. «Поди, — говорит, — поштели тоже красные сукна». Пошел, поштелил эти сукна. Поутру стали, ночь прошла. «Ну-тко, — говорит, — посмотри». Пошел. Значит, половина даже вше в гряже и болоче, а половина вокше новое. «Ну вот, — говорит, — нас полгорода узнали — полгорода не узнали». Джэ, вечер стал. День прошел. «Ну, — говорит, — пойди, поштели красные сукна по городу». Пошел, поштелил. Джэ, спать лягли. Ночь прошла. Утром стали. «Ну-тко, — говорит, — поди посмотри». Пошел. И даже вше в гряже и болоче утунули. «Ну вот, — говорит, — об нас весь город узнали».

Ланно. Джэ, жили, жили — так к нему стало совестно, так к нему стало думно! И призывает вшех своих княжей, бояров, думных шенаторей и приближенных министеров. «Я, — говорит, — вам загадку загацу. Если хто мою загадку отганет, тому отделю полжиччья, полбыччья и пол-именья своего. И после моей смерти тот сядет на мое царство и будет па[д] вшема царями цар, над вшема королями король. А если хто не станет — вокруг мой дом стоят двенадцать тынинок, а если хто не отганет — у того голова будет стоять на тынинке». — «Ну-ко, — говорят, — какая твоя загадка?» — «Вот я ложи не имею и без ложи не бываю, пью свою кровь и ем свое тело». Ланно. Хоть они и знают его загадку, но не хотят, бердят.³ А там вокше говорят к нему иное, а он снешет голову и поставит на теинку.⁴

Вдруг с другого городу повзжает Омпол Коральчической его загадку отгадывать. Приезжает к нему. «Ну сто, — говорит, — Омпол Коральчической, прияхал ти ко мне отгадывать загадку?» — «Э, — говорит, — прияхал; какая будет твоя загадка, такая будет моя отгадка». Ланно. «А если ты мою загадку отгаишь, то тебе отдаю полжиччья, полбыччья и пол-именья своего, и после моей шмерти сядешь на царстве, будешь над вшема сарами сар и пад вшема королями король. А если, — говорит, — не отганешь, то вокруг мой дворец двенадцать тынинок с голо-

¹ В рукописи: кликнула.

² Т. е. от тебя.

³ Здесь: боятся.

⁴ Т. е. тынинку.

вами, опна только пустая. Твоя головка будет стоять на тынинке». — «Ланно, — говорит, — загани». — «Вот я ложе не имею и без ложи не бываю, пью свою кровь и ем свое тело». Ланно. «Хорошо, — говорит, — ти, конешно, ложе не имеешь, без ложа не буваешь, пьешь свою кровь и ешь свое тело. Вот у тебя кто сидит, самая твоя дочь, ти с ней имеешь дела, об том и загадывашь». — «А ти, — говорит, — значит, чибе я не так загадал, а ти не так отгадал; а приезжай поутру да отгадай». Ланно. Хорошо.

Он садится на кораб, этот Омпол Коральчической, и убегает под свое сарство, берет он па три года воду, на три года дрова, на три года всякие-разные продукты и оставляет вмешто себя устаршего пенатора и говорит: «Если я поеду его загадку отгадывать, он мне чуху намнет, а мне век не отгадать, а моя головка па тынинке будет. Ну, я лучше побегу по шинему мору, а ти, старший пенатор, остапья у меня; а если будет Антихуова сила, а ты с нима не противься, а проводи их хлебом да солью, потому что па хлеб на соль разбойники зла не думают». Ланно. Убежал. Этот, значит, Анчиух ждал — он не прияхал, и посылает силу: где Омпол Коральчической, стали-прибежали под его город. «Где Омпол Коральчической?» — говорят. «Он под ваше сарство убежал, так еще не прибежал». Ланно, пускай.

Джэ, те, значит, убежали домой и сказали Антихуу, сто «под наше царство убежал да еще не прибежал». Ну, па это Анчиух отвечает: «Я почесь выходил на улицу — упала в то времо бура, а его короб разбило, вше притунуло, а он вжялся за онну корабельную доску, и он па доске спашётся али нет». Как это слово покончил, вдруг упала бура и стала разбивать его кораб, и вше стали тунуть. Омпол Коральчической поймался за онну доску. И стало его таскать по мору. Вот таскало, таскало, таскало и виброшило на берег; он пошел пешком около берега.

Шел, шел, шел; вдруг увиделся город. Пришел в город, в этом году сар. Приходит сару во двор. Сар его встречает. «Здравствуйте!» — сказал. Он поклонился и тоже сказал: «Здравствуйте!» Сар спрашивает: «Хто ви такие?» Он ему отвечает: «Я несчастной такой морской утопленник». Ланно. У этого сара есть дочь по имени Лушница-королевна. Ланно. Сар отвечает об онну пору: «Что же, — говорит, — сарица, я его смотру: этот человек шибко ученый и шибко умный». Ланно. «А ми, — говорит, — отдадим свою дочь этому человеку обучать вшыким-разным наукам». Ланно. Отвели к ним особую комнату. Джэ, жили, жили.

Об онну пору сар сделал бал и призвал вшех людей. Пошли, значит, скрипки, пошли вшыка-разпа музыки — стали вше танцовать. Он, значит, Омпол Коральчической, плясать и эту самую Лушницу-королевну вивел, пошли с ней танцовать. Они стали плясать; как она смотрит и штесняется, не так пляшет, а смотрит на его красоту. Он плевалда ее по щеке: «Не смотри, — говорит, — лице красоту, а смотри ног наступанье». Сарица стала ругаться: «Такой несчастный утопленник при пашей глаз изневаживает нашу дитю, а без нас к чему-то будет?» Цар па это отвечает: «Раз, — говорит, — ми отдали ее обучать, а пусть что угоппо, то и делает». Ланно. Как сарицу сар переправил, ну, па это перестала ругаться. Джэ, стали жить.

Жили, жили, жили; вдруг об онну пору эта Лушница-королевна стала в интересном положении. Он стал па ней свататься: ему как совестно, как стала от пего. Сар, конесно, не отказывает. Джэ, ланно, обвенчались. Он говорит: «Дай мне кораб, то ешть как я король, у мшия где-то було сарство». Ланно. Отдает к нему, значит, кораб и людей.

Шял на кораб и побежал. Бежал, бежал, а так пришла [пора] этой Лушнице-королевне мучаться шер[е]ди мора. Ну, как стала мучаться, у ней родилась дочка. И как родилашь, так сразу упала бура, то ешть сине моро не влюбила эту погань и вокше даже кораб разбить хочет. Джэ, делать нечего, стали на шмертной якорь, дже вокше кораб разбить хочет — такая бура. Джэ, думал, думал — делать нечего, спуш-

тил ее в хрустальную бочку, наклал всякие-разные закуски и всякие-разные напитки, положил с головы тысячи рублей, в ноги положил пятьсот рублей, написал гумагу: ешли хто найдет, за перем тысяча, а за прокорм — пятьсот. Ланно. Как, значит, пуштил на шинее моро, так и бура утихла. Лапно. Обдернул свой кораб черным бархатом. Побежал.

Побежал под свой город. Схонни вибросил, по схонням вишел, и пришел в город свой, и стал, значит, рассказывать этому старшему шенатару: «Вот так и так случилось у нас, так и так случилось». А как раз у этого старшего шенатора родилась девочка. «Ну, что же, — говорит, — устаршой шенатор, у тебя девочка, у меня девочка. Пусть эти две девочки раштут: у тебя дочка, и у меня дочка — как две сестры растут пусть. А я, — говорит, — побегу мать разыскывать». Джэ, побежал он, берет на три года воду, на три года дрова и разные продукты.

Ну, между тем этого Омпала Коральчического дочка подросла и у старшего шенатора. Джэ, как есть они стали играть, эта Омпала Коральчического девочка этого старшего шенатора дочку обидела. Этот старшой шенатор поймал её живую и понес, у церкви обклял камнями. Лапно. Джэ, в самую ту же ночь бегут гости-коральчицики и услышали: в городе плачет человек в ночное времо. Берегу приворотились, схонни виброшили, по схонням вишли и побежали город, где плачет человек у серка, обкладепная камнями. Взяли каменья отброшали и хвачили, на кораб привезли. И вжали с собой и убежали. Подбежали они под город Вольдодому. Лапно, Вольдодом принял. «Ну, что же, — говорит, — агде ви нашли эту девушку?» — «А вот ми нашли Омпол Коральчическом городе». Ланно. «Ну-тко, — говорит, — продайте мне». — «Ланно, — говорят, — за пятьсот рублей». — «Хорошо», — говорит. Отчитывает к нима деньги, они девочку отдали, девочку вжали⁵ и куда надо убегли. Ланно.

Джэ, Омпол Коральчической вше три года сбегал, продукты скончались, прибегает под свое царство. «Ну, что же, — говорит, — где, старший шенатор, моя дочка?» — «Твоя дочка, — говорит, — померла». — «Где померла?» Он говорит: «Померла у церкви». Ланно. Плакал, плакал, плакал — делать печего, садится на кораб, берет на три года воду, на три года дрова и на три года разные продукты. И с той печали обдернул кораб свой черным бархатом и заперся в особую комнату. И сказал: «Хто без моего позволения скажет мне слово — у того тяну язык, хто засунет руку — у того секу руку. Хто засунет ногу — у того секу погу». Джэ, бегали, бегали, бегали они — подбежали под самый город Вольдодом.

Схонни вибросили, по схонням вишли и стали рубить лес. А как раз у этого Вольдодома его дочка увидела: они рубят лес. И приходит этому Вольдодому: «Что же, — говорит, — батюшка Вольдодом, над наше царство подбежали какие печальные люди, рубят лес, а каби их позвать на обед, чтобы с нами пообедали!» — «Пожалуйста, — говорит. — Ти приготовь обед и их позови». Вжала обед приговвила. Ну, пошла. «Ну что же, — говорит, — какие вы печальные люди, подбежали под наш город, а наш батюшка Вольдодом зовет вас в вольный дом, на обед». Они в ту пору на нее⁶ закричали. Она сперепугалась и побежала. [Упала] и расшибла пос до крови. И стала плакать. «А, — говорит, — швет-батюшка Омпол Коральчической, швет моя матушка Лушвица-королевна, пошли да меня кормили, а не думал, что такие печальные люди на меня станут кричать!» А как Омпол Коральчической услышал эту говору, закричал: «Отпирайте комнату!» Комнату отперли, он вискочил и поймал ее в охапку и понес.

Вдруг этот Вольдодом вискакивает со своего дворца, и против его дворца стоял дуб; и сорвал этот дуб и идет. «А, — говорит, — кто мою девочку прогневил, так вас вшех этим дубом прошнбу». На это Омпол

⁵ Описка; падо: деньги взяли.

⁶ В рукописи: на него.

Коральчической отвечает: «Эй, — говорит, — батюшка Вальдодом, сделай милость, не горячись. Сейчас я чибе-ка ее несу, а только Расскажи, где ти ее разыскал». Ланно. «Ну-тко, — говорит, — Расскажи».

«Ланно, — говорит, — Расскажу, а ты ко мне зайди, обедать буду и стану рассказывать. Вот, — говорит, — я купил от гостей-корабельщиков за пятьсот рублей». — «Агде, — говорит, — эти гости-корабельщики ее достали?» — «А вот самой, — говорит, — рассказывают, сто твоём городе нашли обкладенной каменьями у церкви». — «Ну, — говорит, — батюшка Вальдодом, первая счасшье нашлося с тебя, а, будь может, второе тоже найдется через тебя. Садись, — говорит, — на кораб и побегём по пинему мору». Ланно.

Хорошо. Шяли и побежали. Обдернул свой кораб алым бархатом. Ланно. Чэ, бежали, бежали, бежали, подбежали они к Омпол Коральчическому городу. Схонни вибросили, по схонням вишли. Смотрят по часам: самая полнось. Народ вещь спит. А церкви швет виппо. Ну, Омпол Коральчической говорит: «Что, батюшка Вальдодом, куды пойдём, в дома аль куда?» — «Ну, — говорит, — зачем нам в дома идти, когда народ вещь спит. А вон в церковь какой-то швет, какой удивительный в носное времо». Ланно. «Ну пойдём, — говорит, — в церку». Церковь зашли — стоит женщина, молится богу. Лежат на престоле на онной стороне пятьсот рублей, на другой стороне — тысяча рублей, и лежит гумага. Омпол Коральчической подошел, поймал гумагу, стал читать. Как раз его гумага, и как раз его жену в ту же ночь виброшило в этот город. Джэ, тут нашлися. Джэ, народ стали будить. Народ разбудился весь. «Где, устарший шенатор, моя девочка?» — «Я тебе раньше говурал, что она померла». — «А где, — говорит, — померла? Она, — говорит, — вот». Как раз этого старшего шенатора на двенадцати пушках расстрелял.

Вдруг с этого с Анчиуха прибежал кораб, что, значит, Анчиуха убило громом, а дочь ее сожгло молоншьей. А требует этого Омпол Коральчического посадить на сарство, так сто он отганул его загадку. Джэ, этот Омпол Коральчической отдаёт этому Вальдодому свою дочь взамуж, этого Вальдодома посадил на свое сарство, а сам побежал на его сарство шясти и стал над вшема сарами сар, над вшема королями король.

20. ШВЕТОГОР-БОГАТЫР

В некотором царстве, в некотором государстве живал-бувал сар. У пего ни сына, ни дочь. Джэ, бога просит, приклады прикладывает, молебны служит: «Дай, бог, сына али дочь — при младости на утёху, при старости на замену и при смертном часу на помш душу».

Джэ, жили, жили. У него жена стала в интересном положенни. Нни, часы исполнились — стала мучаться, мучалася двенадцать суток, и эти двенадцать суток грома грэмали, молоншьи сверкали, и було жемлетрясение. Как двенадцать суток исполнилось, родился мальчик. Взяли его, окрестили, по имени дали Ильюшенька. Джэ, жили, жили; год прошел, другой и трэччый прошел. Исполнилось всего двенадцать лет, а этот Ильюшенька с урупа не встает, ходить не может.

Джэ, об онцу пору пошли они, сар со сарицей, гулять; вдруг к нему зашли двое, оба странники. «Ну, что, Ильюшенька, ми чибе пришли, дай к нам милостыньку». — «Эй, — говорит, — рад я вас поить, накормить — даже с уруна встать не могу». — «Ну, как-нибудь спушиться и нас напои, накорми». — «У меня даже сила нету, а вот, — говорит, — сколько угонно пища есть — пейте, ешьте: все готовое». — «Нет, — говурят, — ми своими руками не станем распорядяться, ти стань да нас накорми, напои». — «Я вам, — говорит, — говору, что у меня сила нету». Они вжяли друг на друга посмотрелись сами собой и черпнули ему полстакана воду и подают ему. Подают к нему полстакана воду; он как эту воду выпыл, почувствовал силу и с уруна спустился, к нима разо-

ставил всяка-разна закуски, всяка-разна напитки: «Пейте, кушайте сколько угодно». Они вжали ровно с вишеринку по одному кушку отломили, в рот засунули шибе, а напитками не запивали. Он отвечает: «Кушайте, гости!» — «Нет, нам, — говорят, — довольно. А только у чибя вжали по одному вишеринку». Вжали они вишли.

Этот Ильюша позадь их вишол; где они ушли — очес, мать — гулять, пошел за нима. Сарица отвечает: «Ласно, наш Ильюшка идет». Сар отвечает: «Может ли быть, чтоб наш Ильюшка шел, когда двенадцать лет он не мог ходить?» — «Нет, — говорит, — ласно, наш Ильюшка идет». Царь говорит: «Ласно, наш Ильюшка». Пришел к оссу и матери в сад. Сар сказал: «Как ты пришел?» — «Да уж сам, — говорит, — не знаю, а только позадь вас, ви ушли, приходили два странника, дали мне полстакана воды — как будто с того и случилось: я почувствовал шибе силу». Сар встает ст радостью, созывает бал: вшех своих княжей, бояр, думных шенаторей и приближенных министров. Джэ, шидели, шидели с той ст радостью. Вечер стал — люди разошлись. Ильюшенька сказал оссу-матери: «Дайте благословенье: пояхать добрых людей посмотреть, сам себя показать». Очес отдает лошадь, отдает саблю, и лук, и стрелы: «Ну, — говорит, — мое дитячко, не проливай кровь христианскую проливай кровь басурманскую».

Джэ, пояхал. Едет. Яхал, яхал, вдруг видит: стоит шачер, ходят два лошади, пьют воду лединную, едят пено белоярово. За столбик лошадь свою связал, воходит к нема в шачер. Шпят два богатыря. Вишел назадь, лошадь свою отпустил, вошел, онному лег в палистенку. Спали, спали, спали. Один утром стал, вишел на двор, приходит и стал будить своего товарища: «Стань, — говорит, — ты не знашь, не ведашь: какой-то прияхал богатыр; наших лошадей его лошадь поганила, его лошадь пьет воду лединную, ест пено белоярово, а наши лошади из моро воду пьют дак траву едят». — «Э, вот, — говорит, — ведь он спит», — один сказал. Вжали его с палистенку, брошили наземь: «Такой, — говорят, — невежа, безо вшыкого позволения лежишься на чужую ложу». — «Домашние хожяева, — говорит, — давайте воду омуться». — «Ми чибе еще будем воду подовать!» — говорят. Один отвечает: «Виходи на улицу, будем воеваться!» Он отвечает: «Ви какпе люди?» — «А ти, — говорят, — зачем спрашивашь?» — «Нет, — говорит, — мне надо узнать». — «Если ти хочешь узнать, то ми два сарские сына». — «Два если сарские сына, очес, — говорит, — дал благословенье, что „не проливай кровь христианскую, а проливай кровь басурманскую“. Как же я с вами буду воевать?» Вжали они оба его, виброшили на улицу.

Он — так Ильюшинке показалось за досаду за немалую, за досаду великую — видергивает свой тугой лук и калену стрэлу, стрэляет во мать во сиру землю. Стали грома грэметь, молопши сверкать, стало жемлетрясенье. Ну, один сказал: «Что, вот ти на войну напирал, а он стрэлой штрэлил, да то случилось, а он би нас убил». — «Ну, — говорят, — что, Ильюшенка, вот ми вожем со Соловьем-разбойником, да состоять не можем». — «Где он, Соловей-разбойник?» — «Ми выезжаем Соловья-разбойнику на поединок, а Соловей-разбойник швистнет — а ми сразу улетаем на сто верст, а ти как будешь: с нами идешь [на] пару воевать?» — «Если Соловей-разбойник не православной, то обязательно иду». — «Конесно, — говорят, — он не православной». Ну-тко, пояхали Соловья-разбойнику.

Увидели: едет Соловей-разбойник. Соловей-разбойник едет, Соловей-разбойник швистнул — оба они на сто верст улители. Он, Ильюшенька, как яхал, так и едет. Как ражьялся Соловья-разбойнику, видергивает свой тугой лук и калену стрэлу и стрэляет во мать во сиру жемлю — грома стали грэметь, молонья сверкать, и стало жемлетрясенье. Соловей-разбойник с того, с испугу, низ упал. Ильюшенька как ражьялся — и Соловья-разбойника хвачил живком и на лошадь привязал в торока. Джэ, едут. Воротился назадь — лежат товарищи без чувства. Стал с нима отваживаться; отваживался, отваживался, отваживался —

отводился. Отдохнули. «Нут-ко, — говорят, — таперя поедемте. Таперя поедемте, агде ваше сарство».

Джэ, Соловья-разбойника вежет. Соловья-разбойника привез. Сарские сыновья сказали: «Этот Ильюшенька нас от Соловья-разбойника впас». Ну, ланно. На это сар сказал: «Он если вас избавил от Соловья-разбойника, то, значит, я за него даю дочь свою замуж». И женился.

Джэ, жил, жил, жил. Вдруг об онну пору говорит: «Я поеду, прогуляюся». Жёну свою оставил. Яхал, яхал, вдруг видит: чего-то блетит. Подъяхал — гора. Гора випя золотал. Стал на эту гору попадать. Попадал, попадал и попал. И пояхал по этой горе. Вдруг нашел тропиночку. Поганил эту тропиночку, что куда пошла эта тропиночка. Послуже, поглубже, поглубже, и стала такая глубокая — в человечесий рост. И едет по этой тропинке. Вдруг видит: по этой тропинке к нему кагится гора. Как к нему ближе подкатилась эта гора, он расчувствовался: человек. Как к нему подъяхал, этот человек Ильюшенку поймал и с лошадью, со вшем в карман положил. Он вжял в кармане его внутри бултыхался, видернул с кармана перочинный ножик и стал карман резать. Карман отрезал и випал.

Тот, значит, в кармане поворотился, стал искать в кармане табакэрку. Табакэрка не тут-то була. Воротился назад. Нашел этого Ильюшенку: сидит у табакэрки. «Что, Ильюша, зачем мою табакэрку вжял?» — «А я, — говорит, — у чибя не вжял, когда ти меня с лошадью, со вшем положил в карман, а я випал, и табакэрка випала». — «А ты, — говорит, — зачем у табакэрки сидишь?» — «А я, — говорит, — его откряваю, да отпереть не могу». — «Ну, — говорит, — Ильюшенка, побратаемся. Будем как два брата, и поставим шачер, и будем почевать». Поставили шачер. «А ти, — говорит, — меня узнал, Ильюшенка?» — «А чибя, — говорит, — как звать?» — «Меня, — говорит, — по имени Шветогор-богатыр». — «А ти куда ездидь?» — «Я, — говорит, — по швету никуды не ежду, только по этой золотой горе хожу: больше мепя сыра земля не подымает». Ланно. Шветогор-богатыр вошел в шачер, разоставил вшыка-разна закуски, вшыка-разна нашитки. «Ну, Ильюшенка, — говорит, — кушай сколько угонно». Джэ, сидели — посидели, посидели.

Вдруг разъяхался старычок. Ильюшенка выскакивает: «Здравствуй, дедушко!» — «Здравствуй, Ильюшенка. Что, Ильюшенка, делаешь, хто у чибя в шатре сидит?» — «А сидит, — говорит, — Шветогор-богатыр». Ланно. Джэ, воходит старык в шачер. «Здравствуй, Шветогор-богатыр!» — «Здравствуй, старык! — Шветогор-богатыр говорит. — Что, дедушко, за какой надобностью прияхал сюда?» — «А вот, — говорит, — только вас посмотреть. Как ви живете и какую имеете силу в шебе, то есть как есть Шветогор-богатыр». — «А я, — говорит, — дедушко, вот какую силу имею: каби утвержденное було кольцо, я би вшы би жемлю перевернул». — «А вот, — говорит, старычок головкой покачал, — ну, таперя ти так говоришь; подальше вот лежат мои перметы, эти перметы принеши сюды». Шветогор-богатыр вишол. «Ой, дедушко, — говорит, — их можно онним мизинчиком принести». — «Ланно, — говорит, — принеши». Пошел. Стал их эти поппинать перметы — даже напшлу их поппял, еле-еле. «Ой, дедушко, — говорит, — какая этакая тягость у чибя?» — «А вот, — говорит, — ти хвастаешь вшы жемлю поппял, а вшего трэччью час[ть] поппял жемли». Ланно. Джэ, как это слово сказал, старычок без вести потерялся.

Шветогор-богатыр и Ильюшенка пошидели и поразговаривали то и другое, вдруг слышат: человек чешот дрова. «Это, — говорит, — что такое, Ильюша? Что, удивительно? Я первый раз слушаю». — «Это, — говорит, — по-нашему чешут дрова». — «Ми, — говорит, — пойдём на эту стуконню, посмотрим, как чешут дрова». Джэ, пошли. Шли, шли, вдруг видят: стоит гробница. «Ильюшенка, хто он такой?» — «Это, — говорит, — гробница». — «Она, — говорит, — для чего?» — «Это, — говорит, — значит, помирают люди — этта кладут». — «О, боже милостивый, не мо-

жет быть, чтобы человек помер». — «Как эдак у нас бывает», — Ильюшенка отвечает. «Ну, — если ты так говоришь, а попробуй, — говорит, — ты ляг на эту гробницу». Ильюшенка ляг — совшем большая и совшем широкая. «Ну-ка, — говорит, — таперя я лягу, посмотрю, как бывает». Шветогор-богатыр ляг. «Ну-тко, — говорит, — как раз как тут и було». Самый по нем сделанная. «Ну-тко, — говорит, — закрой крышкой». Крышей закрыл. «Ну, — говорит, — Ильюшенка, мне очель душно стало, открывай крышу». Ильюшенка стал тянуть — пикуда не идет, не отдирается. «Тяни, — говорит, — сильнее». Ну, нету, не может, не отнимается. Вдруг железный обруч паскочил. Так да так, до двенадцати обручей, вше железные, наскочили. «Ну, Ильюша, — говорит, — я, вишно, умер; против моего роту виroyте диру, пойдет пена черная — ты это отгребай; эту как отгребешь, потом придет пена белая. От этой от белой пены трэччю час[ть] стакана випей. А ешли полстакана випьешь, те с моей горы пикуды не уедешь». Ланно. Джэ, против его роти вирубил диру — пошла пена черная. Он стал его отгребать. Отгребал, отгребал, потом пошла белая. От этой белой пены выпил трэччю час. Как эта белая пена перестала идти, так¹ под самой этой гробницей учутилась могыла. И сразу эта гробнице шяла в могылу. И могыла покрылась. Пояхал Ильюша с горы. Как с этой горы спустился, так и его конь по колено в жемлю спустился.

Яхал, яхал, яхал. Где его жена була, прияхал под город. В этом городу как раз прияхал Идол Погашый, и шделал лабаз, и сидит на лабазу, и этих двух сарских сыноней убил. И этот Идол Погашый просит сарскую дочь шибе на жены, а сар не дает. А у сара ест каждый день по лошаде и по человеку. Ильюшенка говорит: «Я пойду к нему, где он сидит на лабазу, посмотрю на Идола Поганого». Идет к Идолу Поганому Ильюшенка. «А, здравствуй, Ильюшенка». — «Здравствуй, Идол Погашый! Ну, что же, Идол Погашый, чего ты прияхал суды?» — «А я, — говорит, — прияхал: сватаю у сара дочь». — «А как оя, — говорит, — чибе дает али как?» — «Ну, — говорит, — день дает и день не дает совшем». — «А ты много ли хлеба кушаешь?» — «Я, — говорит, — каждый день ем по лошади да по человеку». — «А ты, — говорит, — огалдашь, так и жену шьешь?» — «И он, — говорит, — не будет в широк перьях». — «А меня сар послал тебя покормить мною, меня поешь». — «Увжа, увжа, — говорит, — я еще таперя сытой, потом стагу». Ильюшенька стал по калиновому мосту похаживать — калинова мос поскрипыват. «А чего, — говорит, — Идолище Поганое, у чебя какой тут костыльк стоит?» — «А вот, — говорит, — у сара бул сын, его имо Великан, это он меня костыльком подарил». — «А каково було би тебе этим костыльком стегнуть?» — говорит Ильюша. «Имеешь ли ты меня пошевелить?» Ильюша хватил этот костылек, стегнул его по голове, и голова отлетела. Джэ, убил.

Джэ, пришел домой. «Ну, — говорит, — таперя мне надо яхать, агде мать, очес були: надо яхать со женой». Джэ, пояхал со женой. Оссу, матери прияхал. Очес, мать обрадовались: сын вернулса, сын прияхал со женой — и так соштарылись. Они с той стороны стали молиться богу: как поклонились — и обе умерли (мать и очес). Ильюша сел на отцовское сарство, и стали жить так быть да поживат до таперя.

Егор Семенович Киселев

21. ОТСТАВНОЙ СОЛДАТ

В некотором сарстве, в некотором государстве жил-был сар. У этого сара — ни сына, ни доч. Бога просит, молебны служит: «Дай, бог, сына либо доч — при старости на замену, при бладоcти на утеху, при смертном часу на помин души!»

¹ В рукописи: как.

Жили-жили — родилас доч. Как эта доч родилась — на ней по комнате швет стал: така крашивая. Жили-жили — эта доч большая стала. На улицу иде — и водят двенадцать нянек и двенадцать мамок. И от солниська чёрным чудом накидывают, штыбы сольничко ее не прогрвало, её красоту: така крашивая.

Вот ей исполнись несколько лет. Об одну пору она говорит отцу: «Тяинька мой любезной, тятинька мой сердесной! У меня есь двенадцать нянёк, двенадцать мамок. Я, — г-т, — сходила за город погуляла бы». Ну, он г-т: «Ланно, за город поди, погуляй! Только долго не ходи». <...> Она посла — шь пянькам и мамкам — и видит: <...> по мору прибрёл корабель под бёрёг и остановилса. Она к ним говорит: «Ну, — г-т, — двенадцать няпёк, двенадцать мамок! Я к вам... Я схожу на бережёк: там погляжю». Они г-т: «Не хади, отец будет ругаццы!» — «Нет, я схожу!» Ну, она посла. Как на корабель зашла, доходить стала — упал туман, ничего не видать. И деўку потеряли <тут>, доць и кораблик потеряли. Ходили-ходили, ходили-ходили — ницего ниту. Туман обнёсло — ни деўка, и не корабль.

Пришли, сару сказали: «так-то, сар!» Сар послал людей — питу искать, ниту. Кораблей послал — ниту. Ланно! До такой тоцьки дошло, сто посылает: «Берите на три года еду, на три года воду, на три года дроу — ишшите мою доч». Ездили-ездили — некто ничего не могли найти. На второй раз тоже посылает — тоже: «На три года еду берите, на три года воду, на три года дрова». Вшё скончалось, прияхали — ницего не нашли.

Вдруг у него есть один: основной¹ солдат. Он без ёго разные заданья решает, и [царь] ницёго вопросы не решает без нёго — вшё вмешьте шь ним. Ну, он г-т: «Ваше сарское величество! — г-т. — Хотя я верного слова не дам, по я крепко постараясь!» — «Кого тебе надо?» — «Мне, г-т, — надо только на три года еду, на три года воду, на три года дрова и шемь человек. Больше ничего не надоть».

Вше нагрузились и поехали. Ехали-яхали, яхали-яхали, долго ле, коротко ле — остались на три дни еда, на три дни вода, на три дни дрова. И видит: острох какой-то. Падъезжает к этому острову; остров высокой — сходя выбросили, по сходям высли, нашел тропинка: когда-когда ходил человек! Ну, он г-т: «Ребята! Я пойду с двоима — вы останьтесь ждите. Трэттей день если я не приду, зна[чит], уезжайте! Значит, не ждите больше: мы не живые вшше».

Пошьли. Вот пошьли, вот вдруг увиделса дом: огромнейшой стоит дом. Вошьли этот дом — ничего нет, токо... Ну, он г-т: «Ну, робяты, чёго ж? Сами знаете: у нас продукция, вишь, ниту — на исходи. Я с ад-нём пойду, а один пусь останется обэд варит».

Они ушли — он сзади их: мясо шечкой нашёк, крупу спустил; только закипело — вдруг стуки застучели, громы загремели. Ёо-о! Знасыт, это оны приехали. Вдруг входит великан.

— Здравствуй!

— Здравствуй!

— «Великан предлагает» пообедать вмешьте!

— Э-эй, — г-т, — браття[м] мало, — г-т!

Швырнул толь — ничего не чувствует. Учувствовалса — пустой котелок, пустой. Снова мясо нашёк шечкой, заправил; только закипело — товарищи прияхали. Вошьли: «Ну, обэд готов?» — «Готов! Чёго нашли?» — «Ницёго не нашли!» Обед — обедать стали.

«Ну как, — г-т, — основной,² — г-т, — у тебя обед, — г-т, — сыро!» — «Ну, сыры, — г-т. Я позади вас, — г-т, — сразу, закипятит его, — г-т, — шуп уварилса». Ну ланно!

Переноцевали. На второй день, который ходил, он осталса. А который оставалса — он пошёл с ним. Тот, г-т, думает: ««Как бы суп» сыро не сварить!» Тозе сзади навешал, мясо шечкой нашёк, крупу спустил. Только

¹ Т. е. отставной.

² Т. е. отставной солдат.

закипел — стуки застучели, громы загромили. Вдруг — воходит великан:
— Здравствуйте!

— Здравствуйте! «Похоже можно было бы» пообедать вместе — брат-
тя[м] мало будет, г-т.

«Великан ударил его» — ничего не чувствует. Очувствовался — тоже
пустой котелок. Также соскочыл — раз-раз, паразал, на!.. Только ищѐ
не закипало — товарищи приехали. «Ну, обед готов?» — «Готов». Обедать
стали. Отставной солдат г-т: «Робята! Какой интерес? Почему это у вас
всегда обед сырой? Как это... завтра посмотрите; у меня сырой не бу-
дет — завтра я остаюсь, вы <...>. Какой иптерес? Нихто у вас не бы-
вает?» — «Нихто не быват».

— «Хм!»³ Ну ланно!

Утром встают — посылает он йих: «Подьте!» Он сзади йих думат:
«А чего <...> мне? У меня тозе <...> Обед целый будет? Хх!» Мясо пещ-
кой напек, крупу спустил — и заправил. Только закипело — вдруг стуки
застучели, громы загромили. «Ну вот, — г-т! — Не ушел я, — г-т, <...> —
они уж домой приехали! Конечно, — г-т, — будет сырой!» Вдруг — вохо-
дит великан:

— Здравствуй, отставной солдат!

— Здравствуй, — г-т.

— Кого бы, — г-т, — пообедать было?

— Хорошо, садись, — г-т, — пообедаем!

Во-от! Обед сварился. Этот обед шьял, и другой навесил — «ребятам»
будет. По куску шьяли, он поставил две лозки, две торелки. По куску
шьяли, по два шьяли. «Ну, — г-т отставной солдат. — Закуска, — г-т, —
моя, а заправка, должен быть, — г-т, — твоя!» — «Хорошѐ!» — гут. Вынял
из кармана ключи, пошел шьтену, там кого-то открыл — <...> девять бу-
тылок водку. Приносит. Теперь стали пить, теперь стали вино.

Отставной солдат хоть пьѐт, но не так сто: у него чего-то подозритель-
ной есть на это. Ну, пили-пили — шесть бутылок выпили. Остались три.
<...> тот уснул. Ну, шедмую бутылку выпили — тот упал. Ну, он схватил,
видит: «убил великана».

Отвязал ключи, пошел. Открыл. Шветліца! Два тигра завязанные.
Йих обѐх раз — уби-ил! Три ключа. Искал-искал замок — нашел. От-
крыл — ищѐ шьветлее шьветліт: два лева-жвера связаны. <...> — уби-ил.

Тречей ключ! Надо где-то... кто-то ещѐ есть где-то комната! Где
искать? Ну, искал-искал-искал — еле-еле нашел. Открыл — два <...> швя-
занные — два медвежонка! Он их вжал — убил. И шидит эта же деўка,
золотым гребнем чешется.

— Ох, — гут! — Зачем, — гут, — пришел: убьѐт ведь!

— А пет, — г-т, — я вперед убил! Давай, — г-т, — поменяемся кольцом —
кольцам.

— Давай, — г-т!

Она свое отдала к нему, он свое к ней отдал. «Ну, ты — г-т, — выходи,
я переденусь да, — г-т, — выйду». Слышит он, сто там⁴ рѐв, в коридоре.
Вискакиват — ребята бутылку отымаются!⁵ «Ну, ребята! Не отымайтесь
бутылку — пейте пополам: чѐго надо было, то нашли. Подьте собираться,
буде пошли».

Деўку вивели: краса-авица такая! Пошьяли. На корабль пришли —
вот ребята здут: яхат. На корабль шьяли, ѓт берегу десять вѐрст отбе-
жали, деўка говорит: «О-о! — г-т. — Я, — г-т, — именник забыл[а]. На
окошьяки». Ну, от г-т: «Как?» — «Ну, забыла, — г-т. — Мылашь и, — г-т, —
жлябыла». Которо от него опа вжяла. Этот думат, <что> ежели не воро-
тимся, то могут наговорить, что «мы нашьяли»: доказать-то нечем! У ней-то
виту<...>. Он г-т: «Кормовщик, к берѐгу!»

— Нет, — г-т.

³ Недоуменно.

⁴ С улыбкой.

⁵ Мягкий смех.

— Кормовщик, к берёгу!

— Нет, — гут!

— Кормовщик, к берёгу!

— Нет! — г-т.

Ну, чего будешь делать? Выскакиват — скачѣ моро, назадъ.

Приплыл, на берѣг вышел, пошел — правильно, на окошке лѣжит. Взял в карман положил, пошел дальши. Они уж ушли там, ёго не ждут. Шел-шел, шел-шел, шел-шел — перебѣшьпилился.⁶ Шел-шел — ноги... подошвы прошоркал. Пошел на коленах. Шел-шел — колены пропюркал, пошел на руках. Шел-шел — руки прошоркал, пошел на локтях. Шел-шел — локти прошоркал, пошел на испине. Шел-шел — шпину прошоркал — пошел на брюхе, и до такой точки он дошел <...>. Хадили, не хадили п ляг — вшѣ! Совшем.

Уснул или не уснул — вдруг слышит: кто-то толкается <...> — прошнулся; глаза поднял: старичѣк.

— Здравствуй, дедушко!

— Здравствуй, отставной солдат! Ну давай, вставай, пошьли!

— Некак бы, дедушко, я встал, некак!

— Ну, вста-апеш!

Пошли. Ну, <...> ну, вроде ничѣго! — поднялсы. Пошел — дошли. Вот дом. Вошли. Старик... Смотрит отставной солдат: старик навешивает [котелок над огнем]. Шечкой напек <мясо> — и спустил. Ну вот! Ну.

— Я столько дней не ел — так он навешал! <...>: мне же мало совшем, куда оно!

— Чѣго, — г-т, — думаешь, отставной солдат? Мало навешал, да?

— Я, — г-т, — думаю!

— Ну, скушай, — г-т! Ешли мало, еще навешу: у меня, — г-т, — котелок-то маленькой!

Отставной солдат сварил — вшѣ! А этот старичок⁷ ... Стал основной солдат кушать: кушял да кушал, кушал, кушал: «Ой, дедушка, накушялся!»

— Ну кушай, — г-т, — ты же ел мало!

— Нет, дедушка, хватит!

— Ну вот, чего же <делать>? Кого ты, — г-т, — никого не мог съесть!

Лавно! Лежит. «Твои люди, — г-т, — неда-авно дояхали только; я, — г-т, — видел их!» Ладно!

— Ну, — г-т, — чего, — г-т, — ты делать шьтанеш? Жьдѣшь поживѣшь?

— Ну, пожил бы! Надо, — г-т, — яхать туда! Как-то, — г-т, — добиратцы надо.

— Ну? Возьми каня! Возьми саблю. Только если женисси, может быть, ты не сказывай бабе, что у тея есь шашька. Смотри, то плохо будет!»

— «Лавно», — г-т! Он пояхал там — у самого-самого концѣвой в доме пристал, у старушки, у старичка. И спрасиват: «Здравствуй, дедиско! Дравствуй, бабушка!» — «Эй, милешькой, какие тебя <...> завели?» —

«Эй, голубушка, нищий я да заблудящий... А бабушко с дедушкой», а где, — говорят, — у цара усла доч — она присла?» — «Присла-а! Вот сегодня, наверно, у них будет... завтра буде смотрѣньѣ — послезавтра узѣк венцу-у». — А-а... дедушко-о! От я напишу записку — ты упеси и прѣти царского дворца постав на палку эту записку».

Написал — он упѣс и проти сарского окна поставил. Сар окоско глянул и г-т: «Тѣтѣяс принесите записку!» Принесли: просит вот⁸ такой-то генерал на обед. «Подьте позовите!» Пошли; приезжают: «Вот теба зовѣт, пойдѣм!» — «Пошьли!» Он цара знает — цар ёго не знат. Измѣтилси.⁹ Вот!..

⁶ Т. е. «переобессилился», обессилел.

⁷ Обрыв речи; оговорка исполнителя: еду сварил старик.

⁸ Таинственно.

⁹ Т. е. измучился (с фырканьем и смешком).

— Ну, — г-т, — ваше сарское величество, где, — г-т, — сказали, у вас доч? Тералась? Нашли или нет?

— Нашли! — г-т.

— Кто нашёл?

— Вот, — г-т, — кормовщик нашёл.

— Хорошо-о, — г-т.

— А вот мне, — г-т, — одно жалко: сто у меня был, — г-т, — отставной солдат — ёго, — г-т, — говорят, сто он утонул.

Ланно!

— Хорошо, — г-т. — Где, — г-т, — ваша доцерь? Приведите, — г-т, — её сюда!

Ее привели. Она сразу, как ёго увидела, и на грудь упала: «Вот, — г-т, — остовной солдат сам. Вот, — г-т, — ёго перстень: мой, — г-т, — у нёго, а тот, — г-т, — ... вот, которого я, — г-т, — правильно, забыла, и он, — г-т, — ходил по перстень. Ёго, — г-т, — не дождались, а дорбгой кормовщик сказал, сто, мол, «он утонёт, а ты иди, иди за меня замуж». А я, — г-т, — вынуждена была, — г-т, — слово дала. Шас, — г-т, — я за кормовщика не иду, а иду, — г-т, — за отставного солдата». За этого¹⁰ ... кормовщик[а] на дверях пушкой расстреляли, а <...> основного солдата — поженидишь они, стали жить они.

Жили они долго ле, коротко ле, вдруг <поимела> дело эта женщина — шкурвилашь! — шь королём с каким-то.

Ланно! И вот он послал шилу, этот король, стали воевать. [И надо было собрать войско]. Ну, отставной солдат г-т: «Зацем! Я один выеду!» Он как выедёт — так просто улица <...>. И между этем разговором уже даже король <...> этой девке сказал, сто «именно скази, сто — чем воюет твоей отставной солдат? Какая у нёго [сила]?» — «Он один выезжает, у нёго <...> будёт опасна сабля. <...>».

Вот оне <...> лягли, она у нёго и спрашивает: «Чем, — г-т, — ты воюешь?» — «Ну как чем? Чем бы то не был!» — «Ну, — г-т, — неужли, — г-т, — жена, — г-т, — у мужа спрашивают — ну как, — г-т — не скажет! Сказать, — г-т, — надо!» — «Знаешь, чем? — г-т, — одной своей пашкой!»

Ну ланно! Он резбспалса крепким-могутным богатырским сном — она вишла, эту сашку унёсла, а ту пашьку к нёму привёсла. Утром тот [король] напал на силу, этот схватился, кинулса, поячал, а куда? Никуда!

Взяли добыли отставного солдата, царицу с саром в тюрьму посадили. <...>. «Король» г-т: «Чёго <...> твоего отставного солдата?» — «А вот, — г-т, — мы коня за хвост завяжем да коня отпушьтим. Пушьть конь пиаает, а мы смеяться будём!»

Ланно! Вот они так и шделали: коню за хвост завязали, коня плеттю остегнули — копь тчем скакнуть, а он летит постепенно. И волбк-волок — п к тому старику доволоок. Этого старика того звали Ванюшька. «О-о, — г-т, — бедняжку убили, — г-т, — опи!» Взял принёс. Первый раз брызнул — кожичка натянулась, другой раз брызнул — кров заиграл, третче брызнул — на гúзно встал.

— А чёго, — г-т, — ты — г-т, — хвастал?

— Да чёго я? — г-т.¹¹ — Ну сказал, — г-т.

— Я же, — г-т, — предупреждал. «Теперь», — г-т, — как? Ты пойдёшь?

— Пойду, — г-т!

— Ну уж, воевать тебе нёчёго больши!

— Ланно, — г-т!

— Ты, — г-т, — у них конюшьню жерэбенком оборотись золотым и стань!

— Ланно!

— А там потом, — г-т, — видно будет: сам исправишьса дальши, сам знаеспь, — г-т, — хорошо!

¹⁰ Т. е. за это.

¹¹ Оправдываясь.

Вот он пошел конюшню, стал: и как будто бы у кобылы жеребёнок родился золотой. Нисего не знает <...>, вдруг приходят — и бегут сказать королю: «Ой! У нас кобылица — жеребёнка родила!»

— Какого?

— Золотого!

— Ну где золотой?

— Посли-и!

— Ну золотой!

И баба этого посла: «Ну-у! Это же не жеребёнок: это шмерть твоя!» — «Ну как шмерть моя? Ну как это от кобылы родится шмерть моя?» — «Нет, это шмерть твою, — г-т! — И вшэ! — этому королю отвечает. А у них есть [при] штарости служанка, у этого короля живёт: стара, шта-ара — ну, така пожилая: она знает вшэ.

И эта женщина [жена] приказала этому королю жеребёнка убить. И привели этого жеребёнка, завязали за столбик. Вдруг приходит эта служанка. Жеребёнка г-т, <зазывает>: «Служанка! Жив буду — тебя замуж возьму, иди-ко сюда!» Подосла. «Когда стану меля убивать, ты около меня стой. Чувствуй: кто, — г-т, — на тебе башмак <...>. И потом — ляжиться станешь — брось к ним под кровать». — «Ланно!»

Убивать стали — пришли убивать: три раза ударили по лбу, и три раза к ней кто-то упал. Жеребёнка убили, уволокли та бросили. Опа вечером ляжиться стала — и насла три косточки. И бросила к ним под койку. Ланно! Выспались, утром встали. Служанка встала, у неё [короля] жена стала. Тот ставать стал король.

— О-ой, жена, иди-ко сюда!

— Чёго такой?

— У наш под койкой уже шветы вёрисли!

Взглянула: «Да это, — г-т, — не шветы — это шмерть твоя!» — «Да до которой точке, — г-т, — будет шмерть моя? Ну как шмерть моя будет? Жеребёнок — шмерть, шветы — шмерть!» — «Нет, смерть твоя, и вшэ!..»

Приказала служанки выбросить. Служанка так откопала — нигде [чтобы] не сорвать ничего там. Вишла на улицу, выпёсла — вдруг <...> цветочик: «Знаешь? <...> сообрази — мимо окошка <есть> жарко ожеро. Брошь это ожеро меня <...>. Вшэ!» Ланно! Да, она вжяла, <...> унёсла и брошила.

День проше-ол, лёгли-и, выспались, утром встали — служанка усла тоже это, работать, эта. Он [король] окошком взглянул и г-т: «О-о, — г-т, — жена! [У] нашего <окошка> плавают лебедь! Я, — г-т, — пойду, паверно, его хватать! — эту лебедь!»

Та г-т: «Это, — г-т, — не лебедь — шмерть твоя!» — «Ты, — г-т, — ... докудова, — г-т, — будет шмерть моя? Жеребёнок — шмерть, шветок — шмерть и лебедь — шмерть! Нет, я пойду!» Обулса, пошёл. Не послушал — она гонит: «Шмерть твоя, шмерть!» — «Нет! Ничего подобного!» Пошёл. Во-от, он около рук тут, плавает у него. Хвата-ат — не мógот: вот-вот — в руки не доходит. Билишь-билишь — лебедь висла с озёра. Он за ни-им тут! Вот лебедь к мо-ору — о-он за ним к мору, этот идет. Ну вот — радом, поворотится — тоже вертит; ну вот поймашь! «Может быть, ище туда — и поймаю!» Лебедь мо-оро спустилася на водешку — он за пе-ей! Вот ище ближе: вот — и отойти-то беда: жалко, и вот-вот поймать только — тю-тю! Ну ниту! Ну, ище пошел дальши — поглубжи: до колёно; више — до поясу, так дошел — до горла. И думат: пяс воротиться? — ну чёго воро... , вот руку так — раз! Роптянул — и только поймай! И он мольчит — как <...>. «Вот рукой поймаю — и выйду. Только ушпеть — и вшэ!»

Лебедь поплавала-поплавала, на берёг высла, <...> об землю ударилса, розвернулса — отставной солдат. Этот уже утонул.

Приходит, берет шляпку и выходит, и эти королевских — чёго ешьть [в] городе люди — стал всех хлэстать, вшех вычистил; приходит к сарице со царом, из тюрьмы выдёргиват и говорит: «Ну как? — г-т. — Чёго прикажите свою доч сделать? Того и сделаем». Они г-т: «Сам знашь, чёго

хочешь!» — «Ну, тогда мне, — г-т, — одно». Составили столбик <...>, рэмень повешил на этот столбик, под низом выкопал яму, оттуль вилку-ножик — и падысь надписал: «Ахто станет мимо прахадить, вилку уткните, своим ножом отрежьте и кусок [в] яму бросьте!» Вот. Жёнился на этой служянке, и стали они жить да быть, поживать да до топеря. Ух! Ну больше хватит! Ёх!

22. [ДЕВУШКА, ВСТАЮЩАЯ ИЗ ГРОБА]

Ну, значит, сар был. И сказывал, сто у него была доть. Она сказала, сто «я умру и одьяволею! Ви отседа викутите¹ с этого города». Они взяли вше и викочевали с этого города. Она памэрлá, её похаронили. А отту[да] недалёку — здесь живут люди — учас[т]ки. Пояхали однижды шемеро по паштáм. Это был короткой депь, они... пришлошь [в] этэм дому ночевать.

Собак вечером накормили; шестеро лягли пб полу, а шемой лёг за чивал. Эти шесчero уснули, и он слышит: хто-то идёт.

В колидор дверь открывается — не закрывши — в юрте, и видит: вошла деўка — в белой лáпоче. И как она на этот стих упала — он в ту пору вискочыл, <...> — и пошёл он. Он слыжит: в рев, крик, плёзы — сзади его!

Ну, утром встали — пояхали. Ни одбго чёловека из шиштерых ниту: вше — как будто выпаханы: пустá кров и вше, по стенáм, везде эта кров. Эта девка шъела их вшех и усла обратно.

Жил один старик. Этом же поселке.

У него есь сын — оцень маленькой. Старик собиратцы яхать по пастьáм. Этот сын гут: «Я пояду сейчас с тобой меште!» — «Нам, — г-т, — здесь... я такого маленького не возьму!»

Ну, плакал-плакал парень — парня жал. Немножько попоя[х]али, парень отвечает: «Тятя, мне с. ть охота!» Он п... л. Немного — попоя[х]ал: «Тятя, мне с. ть охота!» И до такой точки с этем шъ парнем проволынился — и прислось ночевать [в] этэм домú. Вот!

Этом дому нечеват стали — отцу ... вецер стал — отцу г-т: «Чячя! — гут. — Я заговору, — гут, — семь углох ... три угла да дъвери, а ты, — гут, — четвёртый заговарывай! И стружкы много настружй». Отец стружкы настрогал, этот парень три углы заговорыл и дъвери: «Дъвери из дъвери, — г-т, — вперёдь пустите — назад не выпускайте!» Старик пошел — «пазад не выпускайте!» Старик пошел угол заговорил — тоже адян.

Ланно! Парень го[в]урит атцу: «Тятя! — гут, — ты ляг, — гот, — палистенку — я лягу на край».

Парень сразу уснул, а старик не шьпит. Слышит старик: идёт. Чёрны дъвери открылишь, не закрылись, открылись и юрте <...>. Парня толкает — парень «кричит»: «Мольчи!» «а сам знай» храпит. Он встал — смотрит: деўка — присла до полу-мбсту — и оштановилашь. Поставила — и полетела на них прям! В ту пору парень соскочил да к ней. Прихватились. Он отцу закричал, г-т: «Топи живой огонь!»² Он затопил. Билишь-билишь с этим парнем, пришли на первой угол — угол как камень: не могли. На другой пришли — такой же, на третчей — такой же, к дъерам — так же.

Старикому угол подошли — и угол <...> с собой в[мести] <...> — выломали дом этот. Ланно! И усли. Старик сутки шидит, двои шидит, трой шидит — парня ждет: ниту. Вдруг слышит: люди разговаривают где-то. Вдруг идёт парень с девкой. «Тятя, — гут, — есь?» — «Есь!» — «Не бойся! — гут. — У этой деўки он всю худобу выбил». И пришьли, шяли на нарты, прияхали домой — сар эту дочь за этого парня замуж отдал. Вот!

¹ Т. е. выкочуйте.

² Т. е. огонь, добытый трением.

Жил-был крестьянин. То есть купец богатой — жилец. У него — такой богатой — полё кобней, полё коровей, полё оленей. У него не сына, не доч.

Казной день ходит — всё ходит, проверяет, проверяет. Вдруг об одну пору пошёл — и нашёл Нага-[п]чицу: совсем нагая, [в] ранах. Она говорит к нему: «Воспитывай меня три года. Я тебе пользу бсэнь хорошую принесу». И вот он её принес домой — Нага-пчица огромнейшая, большая.

И он за три года полё коров, полё оленей и поле коней — всё па неё прокормил.

«Ну, — гут, — щас садись на меня, — гут, — попробуем подниматься, сколько земли виденцы будет — высота».

Он шёл на неё. Паднималишь, паднималишь, паднимались, паднимались — она г-т, сто «посмотри, сколько высота? — земле». Ну, он г-т: «С хорошую... с поштёлю. Постелешь мех, — г-т, — вот олений — на этот кусок — примерно вот так». — «Ну, ище, — г-т, — три месяца ище откармливай — и палетим». Ну чёго? Ну пошёл — у него был менной котел — он пошел его и продал. Ну, три месяца откормил. «Ссас, — гут, — бери — три аршина холст — и завязывай глаза, и палетим». Взял он три аршина холст, завязывал глаза — и полетели. Летели-летели-летели — долго ле, коротко ле — шяли. «Отвяжи глаза, — гут, — город ждещь». Отвязал глаза — город. «Пади, — г-т, — цару. В слутсье тсего, — гут, — меня просить будёт, ты, — г-т, — скажи, что „у тебя ес[т]ь подголовна табакэрочка — ровно три шшелчка входит. Это дашь — то дам“. За инё не давай».

Пашел. Ну, как знает он [царь] ёго — купес раньше был хорошей, все его знают, приняли с чещью, с радощью.

— Ну, сказывай, на чем прия[х]ал: на корабле или прилетел?

— Я, — гут, — прилетел на Нагой-птицы.

— Ну продай к нам.

— Ланно, — гут. — У вас ешь, — гут, — под подуской табакэрочка — ровно три шшелчка входит — это дай, то дам. Царь выдёргиват носовой платок, ляг на подушку — ляжал три цаса: «Некак нельзя», — г-т.

Приходит — приходит к Нагой-птице.

— Ну как?

— Некак, — гут, — нельзя.

— Ну ланно! Ссас, — г-т, — мы полетим — сар со царицей станут стоять на балхоне; я, — гут, — так запою — он, — гут, — не узнат, когда заплачет, не узнат, когда заплашот. Ты, — гут, — отдирай аршин холсту... холст и бросай к ним — сто «ваше сарское величество, при нўжды времё годитцы слёзки подтерты!» И завязывай глаза — дальше летим.

Ланно! Он шял. Отдирает аршин холст, видит: сар с царицей стаят на балхоне; и она [птица] так запала — и он не узнал... не узнали, когда заплясали, не узнали, когда заплакали. Он отдирает аршин холст и бросает к ним: «Васе сарское величество! При нўжды времё годитца слёзки подтерты», — и глаза завязал, полетели дальше. Летели-летели, долго ле, коротко ле — вдруг шяли. «Щас, — гут, — поди той жо сар. Тождё торговать станет [меня] — отдавай: что „у тея есь подголовна табакэрочка, ровно два шшелчка входит — это дашь, то дам“».

Пошел. Приняли с чещью, с радощью — не знает, и где место дать.

— Ну, рассказывай, на чом ты приехал: на корабле, или...? на лошадыях, или на чём прилетел?

— А я, — гут, — на Нагой-птицы.

— Ну продай!

— Ланно! У вас есь в подголовье табакэрочка — ровно два шшелчка входит, это дай — то дам.

Он [царь] выдёргиват носовой платок и ляжитцы. Лежал два цаса: «Некак нельзя», — гут.

Ну, выходит — приходѣт.

— Ну как?

— Не дал! — г-т. Гут: нельзя!

— Ну ланно, гут! Тоже я, — г-т, — так запою — и сарь со царицей, — г-т, — не узнат, когда заплачет, не узнат, когда запляшет! Тозе отдирай аршин холст и бросай к ним — что «ваше сарское величество, при ну́зды время годицы слёзки подтерть!»

Шял — полетел. Видит: сар с царицей стоит на [к]рыльце... на балхоне! — он[а] так запала — он не узнал, когды заплясал, не узнал, когды заплакал... заплакали! Он отдирает арсын холст и бросает: «Васе сарское величество, — г-т, — при ну́зды время, годится слёзки подтерть!» — и глаза завазал. Полетели дальсы.

Летели-летели — долго ле, коротко ле — тоже шяли: город.

Э! Ланно! «Ссас, — гут, — эсли станут просить, то скажи, сто „у тея есь подголовна табакэрочка — ровно один щелчок воходит; это дашь — то дам“». Пашьли. Пошел.

— Ну? Рассказывай, на чём прилетел?

— Я, — г-т, — прилетел на Нагой-пчице.

— Ну, продай!

— Ланно! У тея есь подголовна табакэрочка — ровно один щелчок воходит; это дашь, то дам.

Тот выдѣргиват посовой платок — ложится. Полежал с час врем: «Дам», — гут. «Пасли? — к Ногой-чице!» Этот пашѣл по неб — Нагапчица к нему говурит, этому хозяину, сто «ты пойдѣшь — дб дому не открой эту табакэрочку. Домой дойдѣшь — около дьверей открой. До тех пор — кўсять охота будет, устанешь — возьми повѣрты-повѣрти: сытый будешь и отдѣха¹ будешь. До тех пор не открой не в какую!»

Ланно! Распрошгались — пошел, пешком. Она осталась уаб...

Шел-шел, шел-шел — долго ле, коротко ле — исти захоцѣт, пить захочот: перевѣрнѣт, повертѣт «в руках» — и отдѣхнѣт, напивши и выпивши как будто — и вшо идѣт. Вдруг осталошня² пошленнѣе времѣ вот идти, и думает: «Чего жо я? Эсли я своѣ производство вшо сгуби-ил, каку-то онцу табакэрочку вжял — ну сто и шь ней? Я открою!» Взял открыл. Посыпались с одной стороны кони, олени, корови — всё посыпалось тут! Вот он назад закладывал-закладывал и — ничего не мог. И обклялся совщем. Делать нечего тут. Вдруг какой-то человек сму сбоку:

— Здравствуйте!

— Здравствуй.

— Чѣго делаешь?

— Вот складываю, да не могу!

— Ну, я складу!

— Склади!

— Ну — найми!

— Ну, я кого тебе дам? У меня дома не охтѣ не осталось — она жепал!

— Не-ет. Ты тчѣго дома не знашь, то дашь?

— От... Ну как у меня, хто осталось? У меня зна... ничего не осталось. Охтѣ?

— Нет, — гут, — ты не знашь!

Он думал-думал: «Да ну-у, ланно! Дам!» Тот раз-раз, повѣртел-повѣртел — вшѣ. «Ну щас, — гут, — дб дому не открывай!» Домой доходит — жена виносит на правой руке рѣбѣнка — сына; он поцоловал и заплакал. Она гут: «Чѣго плачешь? От тебе же такая осталась!» Он, значит, ѣго ужѣ. Встал³ эту коропочку и-и... уже — вшѣ тут посыпалось: и олени, и кони, и корови — вшѣ!

¹ Т. е. отдохнувший.

² Очень оживленно.

³ Т. е. достал.

Э! Ланно! Долго ли, корóтко ли — жили-жили — этот парнишко большенькой стал, с ребятишками играть стал; и нет-нет да и изобидит — ребятишэк.

— А-а, — гат, — какой пúтной будёт: отес твой теба Морскому цару óтдал!

— Я пойду скажю!

Через порог выходит — всё забывает! На второй день пойдет — тоже изобидит, того же парнишку. «Ну кукой⁴ путный будёт? Твой отец, — гут, — теба Морскому цару óтдал». Через порог выходит — всё забывает. На третей день пошел. Также изобидел. И идет и тьвердит: «Я, — грит, — дойду — скажю».

Воходит и кричит: «Ну, тьянька мой любезной, — гут, — тьянька мой сердесной, если вправду ты, — гут, — меня Морскому цару óтдал, то óтдай, — г-т, — я пойду! А то напустит паволпень: чем, — г-т, — вшему городу погинуть, то лучше я, — г-т, — один пойду». Ну, сыпервó сказал, сто... отес, сто «нет—нет», ну, потом уже соглашился. Ну ланно! У нёго... утром встает — и у них ешь... собираетцы — и пошел. Вót оп — встал пошел. Вдруг — <...> к нему встречу старушька: «Эт-тому сыну йма Иван-царевич! Чего, — г-т, — Иван-царевич, полóжил головку на праву сторонку, потупил ясные очы во сырой землю? Идешь — не <...>. Мозет, я твоему горю помогу?» — «Ну, старуха, — гут, — под чёмные глаза не насыпай хрущатá песка. По онной ноге наступлю... По онной ноге наступлю, по другой роздеру — шпíнё море подару». Тая же старушька сарафанчык придёрнула, кокошьник... Он встретил — старушку.

— Здравствуй, Иван-царевич! Повешил ты головку на правую сторонку, потупил ясные оч во сыру землю. Идешь не <...>. Может, я твоему горю помогу!

— Ну, старая, — гут, — под чёмные глаза не насыпай хрущатá песка. По одной ноге наступлю, по другую роздеру — шпíнё море подару!

Тая же старушька сарафанчык придёрнула, кокошьничок привернула:

— Здравствуй, Иван-царевич! Чёго идешь, полóжил головку на правую сторонку, потупил ясную оч во сырой земли, идешь не слова не <...> — можэт, я твоёму горю помогу?

— Ну, старая, — гут, — под темные глаза не насыпай хрущата песка, по одной ноге, — г-т, — наступлю, по другую роздеру — шпíнё мбрё подару!

Тоже эта же старушька сарафанчык подвёрнула, кокошничэк подвернула.

— Чёго, Иван-царевич, запецалился? Полóжил головку на праву сторонку, потупил ясную оч во сыру землю, идешь — не слова <...>?

— Ну, старая, — гут, — бúde не поможешь, вот так тебя и роздеру!

— Давно-о, бы, — гут, — помогла я! Шас, — гут, — пойдешь — бует, — г-т, — озеро; нáд озером бует, — гут, — холм — ты над этим озером, — г-т, — ляг! Как полнбч, — г-т, — дойдёт — прилетя двенадцать калпíц, об камышók ударяццы — двенадцать дёвиц: дёйка дёйки лучше! А сзади, — г-т, — прилетит тринадцатая. Станут купаться потихоньку и помаленьку — ты, — гут, — у них как-нибудь да крылышки-то запрач!

К нему дащьги нету,⁵ он в карман руку бросил, достал носовой платок и óтдал к ней. Бабушька посла на кабак, стала вóточку попивать, Ивана-саревича на пёзенках поминать.

Пошел — правду, ожеро.⁶ Он ляг над этим ожером: правду, в холм. Прилетели двенадцать калпíц, об камышók ударились — розвернулись: двенадцать дёвиц-дёвиц! Стали купатцы — потихоньку и помаленьку.

⁴ Т. е. какой.

⁵ Т. е. дать нечего.

⁶ С улыбкой.

Сзади прилетела тринадцатая, розьвернулашь: тоже деўка. Стала купаться потихоньку и помаленку.

Вот он полз-полз, полз-полз, полз-полз; подполз — и крылышка за- пратал у ней. Эти покупались, перенные. «Ой, — гут, — сестрицы, меня, — г-т, — подождите!» Они вишли, стали подтыкаццы, она висла — стала искать: крылышки ниту. Вот искала, вот искала, искала-искала — крылышки нету. «Ну, — гут, — сестрицы, завтра об эту пору прилете- тите, — гут. — На моей полочке лежат золотые крылышки — их при- несите».

Э! Ланно! Они улетели, а они сзади их — шяла это же озеро и стала купаться — потихоньку и помаленьку.

— Ну, <...>, — г-т, — если старше меня, — гут, — то будь, — гут, — мой отец, буде му[ж]ской природа. Будь как моя ровня — то будь мой сужено. А из женского полка ешли, — г-т, — то, буде меня далеко старши — то будь моя мати, а как мой ровня — будь моя шестра.

— Я, — гут Иван-царевич, — за пратал крылышки.

— Дай, — г-т!

— Нет, — г-т, — не дам!

— Ну дай! — гут.

— Нет, — гут, — не дам!

— Знаешь, — гут, — ты мене дай, а я чебе, — гут, — дам кулубок.⁷ Куда кулубок покатится, туда и ты иди. Вот, — гут, — ты <...> кулубок подёт мбро — и ты, — г-т, — за ним моро. В морэ, — г-т, — станут стоять двенадцать палат. У вшех, — гут, — двенадцать палатах двенадцать тын- нок, и на каждой тынёнке — по голове по целоветцеской. Тебе, — г-т, — станут говорить, сто «удалой доброй млодец, зайд-ко попить-погулять, позавтроковать!» Ты им сказы, сто «я на вашу жемлю прошел — при- шел, дак ходьба-гульба не отойдет!» А дальсе, — г-т, — станет стоять тринадцатая — это я тут, — г-т, — буду, это мне, — гут, — тут найдешь!

Ланно! От! Она улетела, он... кулубочык дала — пошьяла за кулу- бочком, пошел. Кулубочык моро — и он моро. Видит — моро спустилсы — видит: двенадцать палат. У-у-у! — окошком! Деўки до половины ви- лезают:

— Удалой доброй млодец, зайд-ко попить-погулять-позавтроковать!

— Эй, деўки, деўки! — г-т. — На вашу жемлю вошел, дак, — гут, — ходьба-гульба не отойдет!

А сам идет дальши. Вдруг — кулубочык подкатилса, он к дверам. Во- ходит: «А-а! Я, — г-т — жду-у теба!» Те напоила его, накормила — роздеваццы стал.

— Нет, — гут, — не роздевайшя!

— А цыво?

— Морской сар, — гут, — узнал. Сходи, — г-т, — за заданьем к утру.

Пошел.

— Если, — г-т, — станет говорить, сто поздно, ты, — гут, — го[во]ри: «я слова не давал, хто слово давал да в срок не исполнил — с того взыскавай».

Пошел.

«Здравствуйте!» Он: «Здравствуй».

— У, как так, — г-т, — поздно!

— А я, — г-т, — тебе строка не давал, срока не исполнял; хто, — г-т, — стрóку давал, в строк не исполнил — с того взыскавай!

— Ну, — гут, — завтра меня к úтру доспеешь — пробьешь, — г-т, — ви- ску, чтобы рымные рыбу ловили, по ниццим, па бедным таскали — и мне на обед. Ешли не дошьпеешь, не виполнишь это задание, то твоя го- ловка станет стоять на тынёнке вот: тринадцатая тынинка пустая.

Пошел; идет — опечалилсы. Воходит: «Ну, чёго задумалсы?» — «А вот, — говорит, — завтра пробей виску, стобы рымные рыбу ловили, по ниццим, по бедным таскали — и сару на обед». — «Э-э, Спасу помо-

⁷ Т. е. кулубок.

лись, да, — гут, — спать ложись: утро вѣчера мудрѣе буэт!» Он Спасу помолился, спать ляг.

Полноц дослѣ — она высла на улицу, лизнула ставку,⁸ выскочили двенадцать солдат, с копьями, с ружьям, со вшѣким разным орудьем: «Сто, хозяйка, прикажешь делать?» — «К утрую, — гут, — делайте... пробейте виску, стобы рымные рыбу ловили, и по нищим, по бедным таскали, и сару на обед».

Пришла легла. Утром будит: «Ставай, — гут, — поди; скажи, сто служба обслужена». Пошел.

«Служба, — г-т, — ваше сарское величество, исполнена». — «Исполнена! — г-т. — Знаю!»

Приходит домой, шидит. И вечер стал. «Ну, поди, — гут, — щас <...> дас[т]!» Пошел.

— Ты пришел?

— Ага, пришел!

— На завтра, — г-т, — мне сострой сѣркву, с воскѣвыми попами, с воскѣвыми дьяконами, с вискѣвыми иконами — стобы вше пели и служили под один голос.

Приходит; запечалилсы.

— Чѣго? — гут.

— Вот, — г-т, — завтра сделай сѣркву; чтобы вше пели и служили — под один голос.

— Ну, — гот, — Спасу помолишь да спать ляжись: утро вечера мудренее будэт.

Спасу помолилсы, спать ляг.

Полноч достала, она ви[шла на улицу], лизнула ставку, выскочили двенадцать солдат, с копьями, с ружьям, со вшѣким-разным орудьем: «Сто, хозяйка, прикажешь делать?» — «Поўтру сделайте, — г-т, — восковую сѣркову, — г-т, — с воскѣвыми попами, с воскѣвыми дьяконами, с воскѣвыми иконами — чтобы вше пели и служили под один голос!» — «Ланно, хозяйка!»

Присла, легла.

Утром будит: «Поди! Поди! — гут. — Служба обслужена».⁹ Пошел: «Служба обслужена!» — «Ну, хорошо!» — гут. И стал [Иван-царевич] поколачивать молоточком пятничкй — кружочки. Он пришел — он [Морской царь] и упустился да у него на плечо и ляг. Он колотил-колотил да трѣснул его межъ ўши — этим молотком этого сара: шьто «где работают, тут не мешают, а где заворожняют, тут мешают!» — и вышел. Пришел.

— Ну, как, так сделал?

— Так!

— Молодес!

Ланно! Просло долго ле, корѣтко ле. «Ну, — гут, — <...> прошел, поди, наладь!» И пошел.

— Мне, — г-т, — к утру вот к завтраму сделай ковѣр-самолет, стобы пѣ небу летал и по жемле бегал!

— Ланно! — г-т

Пришел. «Чѣго, г-т?» — г-т. Г-т: «Завтра сделай ковѣр-самолѣт, чтобы пѣ небу летал и по жемле бегал». — «Спасу помолишь да, — гут, — спать ляжись: утро вечера мудренее буэт!»

Спасу помолился, спать лѣг. Полночь достала — она винысла перстень, лизнула — выскочили двенадцать солдат с копьями, с ружьям, со вшѣким-разным орудьем: «Сто, хозяйка, прикажешь делать?»

— К утрую, — г-т, — сделайте ковѣр-самолѣт, сто[бы] и пѣ небу летал, и по жемле бегал.

— Ланно, хозяйка!

⁸ Т. е. вставку перстня.

⁹ Усмешка исполнителя.

Приходит — лягла, утром встала: «Поди!» — г-т. Пошел: «Ваше сарское величество, служба обслужена!»

— Хорощё! — г-т. Знаю, — г-т, — чьи хитрости да мудрости — Думы Премудрой...

— А чьи бы да, — гут, — не были!

Ланно! Вечер стал. «Пади!». — гут! Пошел.

— Иван-царевич! Пришел?

— Ага, пришел!

— К завтраму жеребенка объезды!

— А-а-а! ¹⁰ Ланно: наше, — г-т, — робячей дело! ¹¹

Приходит — в сьмешках.

— Чёго? — гут. — С чем пожаловал?

— Да, — г-т, — завтра, — гут, — велит, — гут, — жеребенка абъездить!

— Ага, хорош-то, — г-т, — будет твой жеребонок!

Утром встаёт — будит, г-т: «Вставай, поди! Где, — г-т, — щас, — г-т, — ты пойдёшь, он, — г-т, — будёт на четырёх столбах завязанной. Огнём палить станот, — г-т, — дымом дышит станот. Ну, как ты, — г-т, — к нему подойдешь? Тут, — гут, — лежит пятипудовой молоток. Возьми, — гут, — этот молоток, да норовись; да меж уши-то, — г-т, — тресни — удáр[ь]! И — наверх шядь, — г-т.

— Ланно!

— А приедешь когда, — гут, — у столба, — г-т, — у этого останотится, сразу — пачипудовая палка ляжит — глаз, — г-т, — проткни один, ¹² г-т, — да приди. ¹³

Ну, посёл — правду: ¹⁴ огнём палит, димом дышит; на чэтерёх столбах завязанной.

Ну, подоччи ¹⁵ некак. Правду: видится — молоток! Схватил этот молоток да мешь уши ударил. <...> стал [жеребёнок] его таскать — по дола-ам, по гора-ам, по хрэбта-ам! Таскал-таскал-таскал-таскал-таскал <...> — падвёз! Пришли к етому столбу — правду: пятипудова палка! Схватил эту палку, глаз проткнул — и домой пришел.

— Ну, как? Так сделал?

— Так!

— Ланноё!

И вечер стал, ляжитцы он. «Нет, не ляжишь!»

— А чёго?

— Пади, службу налбжит!

Пошел. Что «Иван-царевич, ты пришел?»

— «Я-а!» — глаз завязанной [у царя].

— Знаю, — г-т, — чьи хитрости да мудрости — Думы Премудрой!

— А чьи бы да, — гот, — не были!

— Ну, — г-т, — завтра я, — г-т, — тея поведу браттям — на жаркое!

Ланно! Пришел, плачот.

— Чёго — г-т.

— Завтра, — г-т, — повезут к братчам на жаркое!

— Угу, — г-т, — пора!

Ночовали. Утром встали: «Ты, — г-т, — сегодня поедешь ¹⁶... Ты возьми — ты, — г-т, — я тебе дам, — гот, — три аршина [холста], где, — г-т, — наказывашь, там поцювствуешь <...>. Исполнишь — ишполнис; вше! Где, — г-т, — повезет он тебя, — г-т, — одноглазым, одноногым, одноруким. Тебе, — гут, — заставят швечку держать. А сами, — гут, — стацут карты играть — тры года станут, ¹⁷ — г-т, — швечку держать и тры

¹⁰ Радостно.

¹¹ С ухмылкой.

¹² Со смешком.

¹³ Ухмылка, сдавленный смех.

¹⁴ С улыбкой.

¹⁵ Т. е. подойти.

¹⁶ Далее резкая смена интонации.

¹⁷ Повышая голос, будто наконец вспомнил.

года ста[нут] карты играть. Играют-играют — тебе, — г-т, — <лихо> будет: ты свечку уронишь. Скажут: „Иван-царевич, спишь <...>?“ Ты скажи: „Нет!“»

— А чего?

— Новая берёза выросла! — эту думу думаю! [...] ¹⁸

Ланно! Оне побегут пштитать — три год — ты три года шьпи. Потом придут. <...> опять заставят тебе свечку держать. Тебе лихо будет — ты молча уронишь. Скажут: «Иван-царевич, спишь <...>?»

— Нет!

— А тчего?

— Думу думаю!

— Кукую?

— Живых людей больше али мёртвых?

— Мёртвых!

— Нет, живых!

— Нет, мёртвых!

— Они, — г-т, — напытают, у кого правда будет идти. Они побегут, — гут, — ты шьпи! Потом, — г-т, — они прибегут — заставят, — гут, — теба мытьса. До трох раз, — г-т, — меня поминай: сто Дума Премудрая одна! Вот! Чу!..

Утром встал, пошел. Ланно, пошел.

— Чёго повёз тут?

— У-у! — гут, ска[зал] одноглазой, однорукой. — О-о! братча на жаркдѣ, братча на жаркоё!

— И-и, робяты! Жарко-то жаркое, да неутилимоё!

Бросил к ним — уяхал сам.

— Ну?

— Чёго?

— Мы станем карты играть, ты свечку держи!

— Ага, свечку!

Иван свечку дёржит

— О-о, <...> свешку!

— Иван-царевич, спишь <...>?

— Не-е! ¹⁹

— А чёго?

— Думу думаю!

— Какую думу думаешь?

— Стоячэго леса больше или лежачэго?

— Стаячэго! — гут.

— Врэ-ёшь: лежачэго!

— Не-ет, стаячэго!

— Ну, Иван-царевич! Буде наша правда будет, то <...>.

— Ну, чёго жделашь?

Те побежали — пытат. Три года бэгали — три года шьпал. Прибежали: «Ну, Иван-царевич, правда — твоя правда! Новая берёза выросла: у Думы Премудрой новая берёза выросла! — этим больше!»

Опять стали карты играть — опять стал держать. Держал-держал-держал — о-о!.. <выпустил> свечку — падать стала.

— Иван-царевич, спишь?

— Не-е-е!

— А чёго-о?

— Думу думаю!

— Какую думу думаешь?

— Живых людей больше али мертвых?

[— Живых!]

— Мертвых!

¹⁸ Пропуск: Иван-царевич думает, какого лесу больше, стоячего или лежачего; пропущен спор, результат счёта и т. д.

¹⁹ Возмущенно.

— Не-ет, живых!
— Не-ет, мёртвых!

— Ну, Иван-царевич, мы побегём! Буде наша правда будет — <...> Нё-как!

Бегали да, бегали, дабегались, — г-т, — до три года, прибежали: «Иван-царевич, правд, твоя правда: у Думы Прæмудрой <голуби> — стадо гáлу-биц пропал — этим мёртвых людей больши стало!... Иди, Иван-царевич, мойшя!» У-у, станут!... «Йсти стам — варить! Жярить стам!»²⁰

Ланно! Стал мыться. Помылса — обтираццы стал первым холсом: «Э-эй, — г-т, — прощай, — г-т, — отец-мать, прощай, красно солнце! Прощай, белой швет, и прощай, Дума Прæмудра!» Вше-е мольчат! Второй раз: «Прощай, — г-т, — отец-мати, прощай, красно солнце; прощай, белой швет, прощай, Дума Прæмудра!»

— Иван-саревич, чёго говоришь?

— Не-ет, говуру: прощай, отец-мать, и прощай, красно солнце, и прощай, моя Дума Прæмудра!

— А Дума Прæмудра — кто твоя?...

— Полубовничка моя!

— Ну, Иван-царевич! Скорее убирайся отседова: ми эшьли тебá убьем — то от Думы Прæмудрой живие не будет!²¹ Обулса — там, ну, как бы то не было выбросили — побежал домой. Бежал да, бежал да, бежал да, бежал — прибежал нóчу. Так жо утром. Напила-накор-мила — ляжиццы стал.

— Не-е! Ляжиццы не стам!

— А чего?

— Побегом! Оба!

— Уже сар узнал, ты г-ришь?

— Под нас, — г-т, — подкоп выкопал — чтобы нóчу, — г-т, — мы — шго-рели вше; сгорэли! А ми, — г-т, — сядем на онного коня — и это, — гут, — корову да коня <...> опустим и юрту запром. Сяли на коня — побежали; корову да коня туда спустили <...>, этот дом стал горэть, корова да конь стали мететь;²² тот [Морской царь] г-т: «Вот, — г-т, — щас сгорели!» Ланно! Оны етем делом — оны эти — бежали-бежали — мужя овернула дячком, шямоё шея попом, а коня — сэрквой. Утром пошел это тот искать цар — видит: кости <лежат>, — выгрэбать стал; пошел выгрэбать — видит: конскоё да коровьё. «Ага, — г-т, — Дума Прæмудра ночесь що убежяла! Погоните!» — гут. Едут. Пояхали — трóй. Подъезжают: церква, поп, дьячок...

— Здравствуй!

— Здравствуйте!

— Здесь не видали?

— Не-е! Мы некого не видали! У нас редко живая проходит, не токмо што человек пройдёт!

— Э-эй! — дак поп-от гут. — Э-эй! Я, — г-т, — вашему цару давно-о-давно, — г-т, — знакомой был! Я к вам, — г-т, — посылку с вами пошлю. Ну вы, — г-т, — это не делайте! Не ворочайте до мэста!

Набил туда суму конского да коровьё говно — полное! — и послал! Там довезли.

— <...> Нашли?

— Не-ет! <...>. Нашли ище, — г-т, — поп-от г-т, что, «давно у вас, с армии знакомой был, посылку послал».

— Ну ташшите!²³

Приташили посылку, рáзвил этот — конскоё да коровьё говно. «Ага-а, — г-т, — Дума Прæмудра и была! Щас, — г-т, — наверно, я сам по-гоню!»

²⁰ Т. е. станем.

²¹ Исполнитель усмехнулся.

²² Т. е. мычать.

²³ Энергично, громким шепотом, предвкусая.

Они ту пору убежали. Бежали-бежали-бежали-бежали — паконец Дума Премудрая г-т: «Ссас сам гонит. Где, — г-т, — наказывал, встань: коня, — гот, — дошпею лешиной,²⁴ тебя ястреком, а самую шею вшыка-ражными полями шь шветами. И оп всё ровно, — гут, — меня найдёт. Где, — г-т, — <...> до трох шветов — до трох раз колотить будет. Трет-чэй раз буде ударит — то я рожвернусь. Вот ту пору успай с ладони, — г-т, — выхватить меня». Ну, каня — этим дошпела... лешиной, а самую шеба — разныма полями, вшыко-разными шветамы, а мужа — ястреком. Лавно! Видит: едёт. Крѣчит: «Ребята, стойте, вот <они> есты!» Дьэ, искать стал он их.

Искал ды, искал да, искал ды, искал ды, искал ды — и нашёл: само точно и е. Шёл — нигде никого не сбравл ничего — положил на ладонь. Ястрек шиди-ит²⁵ на <дереве>; «Где, — г-т, — Дума Премудрая; хорошо, да жили, — г-т, — ласково да ходили — развернись, — гут, — на этот шьет!» Ударил — ничего, светочки. Ястрек сиди-ит на <вершине>. <...>. «Ну, — г-т, — Дума Премудрая! Хорошо да жили, — г-т, — ласково да ходили. Не ругались, не бранились — рожвернись на этот швет!» Ударил цветочек — ястрек с <вершины> слетел. Дже, дже летат ястрек. Дьэ... «Ну, — гут, — Дума Премудра, пошледней раз я так! — г-т. — Хорошо да жили, — г-т, — ласково да ходили, — г-т, — ну развернись на этот швет!» То-олько сто хочет ударить — ястрек выхватил. С ладони. «Ну, — г-т, — робя... Э-э! — гут. — Хоть бы тебе, — гут, — Иван-царевич, Дума Премудрая, — гут, — сегодня у колодеца забыл! Ну, ребята, — гут, — больше вшо; больши Думу Премудрую не поймаем! Вшо, — гут, — больши!»

Тут они воротилишь — эте рожвернулись²⁶ сзади их.

— Чего, — г-т, — слышал, чёго говорят?

— Ага, — г-т, — слышал!

— Вот щас, — г-т, — сзади тебя, — г-т, — у твоей матери, у твоёго отца, — г-т, — родилася доч! Вот твоя сестра, — гут, — она, — г-т, — маленька. Со вшыми поздравайся, только, — гут, — шь ней, — г-т... — губы к ней не давай! Ешли ш ней губы дашь, то и меня забудёшь!

До колодца дошли: «Я, — гут, — больше с тобой не пйду. Буде, — г-т, — розрешат отец с матерью, до меня и приди! А не розрешат, дак, — г-т, — я не буду!» <...>.

Пошел! Домой пришел — обрадовалишь. Отец, мати, <...> шептричка ползат. Ну, со вшыми поздоровалса — ш ней не здоровалса. Эга девчонка — он когды уснул крѣко — ползала-ползала шестришка — его пацеловала. Он <...> про эту и забул, да-а.

Дума Премудрая ждала, адала, здала, здала — не могла доздатся. Послá этот город, концовой дом. Присла концовой дом — живет дедушько да бабушька.

— Э-эй, дедушько да бабушька! Вы не знаете: <про таких-то говорят>, что сын ушел — он пришел аль не?

— Ка-ак? Вот, — г-т, — не так давно пришел! У короля, — гут, — сваталса, сса²⁷ он делает смотрины — завтра пйдут к венцу!

— Голубушка! <...> поди! Со жениховой-ти да с невестинной-ты стороны по горсточке муку украдь да припеш!

— Ладно!

Посла старушька со жениховой да с невестинной страпы украла. Мучку принёсла — стала [Дума Премудрая] делать гáлуба да голубичку. Галуба, галубочку доспела.

«Бабушька! А где шидят жених да невеста, войдешь, дак <...> туда тóлкни — сама вйди». Послá. В самой шидят невеста да жених мешге, и он[а] тóлкнул[а] туда и вйсла — обратно. А он[и] побежал[и] — га-

²⁴ Т. е. сделаю лешиной, деревом.

²⁵ Мечтательно.

²⁶ Т. е. расколдовались.

²⁷ Т. е. сейчас.

луб да голубочка! Галубичку-то погонил. <...>. А Иван смотрел царевич и ... вдруг кусок упал! Тут и галубок подхватил — галуб... Галубочка погонила:

— Галуб, — гут, — дай ды кусочек!

— Галубочка-а!

— Галуб, — г-т, — дай ды кусочик!

— Не да-ам, — г-т.

— Иди, — г-т. — Какой путной будешь! Как, — г-т, — Иван-царевич Думу Премудрую у колодица забыл, так же и ты меня до порогу забыл!

Тот [Иван-царевич] заслушался. И второй [кусок] уронил. Тоже галуб подхватил.

— Э-эй, галуб-уб, — г-т, — дай, — г-т, — кусочик!

— Не да-ам!

— И кой, — г-т, — путной будешь, — гут. — Иван-царевич Думу Премудрую у колодица забыл, так же, — г-т, — ты меня до порогу забыл!

Вдруг из-за стол выходит:

— Ну, галуб да голубушка, выйдемти на улицу!

— Выйдем!

— А где Дума Премудрая?

— Вот, ждешь!

— Когда присла?

— Вот недавно.

— Ну поведи́те ²⁸ меня!

Те поведи́ — вше́ бросили и повели. Там дошел. «Ой, я тебя за мертвого пшитала». И он г-т: «Я тея за мертвую пшитал».

Он берет эту Думу Премудрую, ведет к своему, где смотренё, и г-т: «Вот, — гут — я, — г-т, — на этой [новой] женщине жени́ся — а вот, — г-т, — кто меня, — г-т, — Дума Премудрая спасла. Я, — г-т, — за нее... я, — г-т, — шь ней жени́ся».

Ту из-за стола, эту за стол — и обвенцались, стали жить, дак быть, поживать да до топеря!

24. ХРИШЬЯНИН

В некотором сарстве, некотором гошударштве жил-бул хришьянин. У него ешь три сына. Самому младшому [имя] Иван-дурак. Сказал [однажды] к нему отес: «Я помру, и три дня приходиче мне на могилу. Первую придёт старший, вторую — стренний, третью — Иван-дурак, меньшóй». С той же ночи отес помер. Похоронили его. Ну, вечер настал, надо старшему идти. Старший сказал: «Он мне кого, мёрт[в]ый, даст? Я не по́йду».

Надо стреннему [идти]. Стренний тожо говорит: «Он мне кого даст, мёртвый? Я не пойду». Меньшóй сказал, Иван-дурак: «Ну, я пойду!» [...]. Видит: отес из могилы вишел. «Старшóй сын, ты?» — «Нет». — «Стренний сын, ты?» — «Тоже нет». — «Иван-дурак, ты?» — «Я», — гот Иван-дурак. «Чего брачча говорат?» — «Брачча говорат, сто „он мне, мёртвый, кого дас?“» — «Ну ладно», — сказал отец. Швырнул-гаркнул молодеским покрикком, богатырьским пошвистом: «Где моя лошачь?!»

Конь бежит — земля дрожит, из нóрок пиль столбом, иж ... гóловни вылетают, и перед Иваном-дураком как [в] копана стала. В онно ушко влез — напилса, наелса, из другого вилез — из кóску [в] кóску до приливного мосту — утром зору посмотри́чь.

Вжал лошачь погладил... по желёным лугам [отпустил гулять] и скажал: «Ковда спрошу, будь готова». Пришел домой, брачча его спрашивают: «Чего дал очес?» — «Ничего не дал», — гот.

На вторую ночь стреннему надо идти. Ну, Иван-дурак говорит:

— Пора твоя, идти тебе!

— Он мне мёртвый кого дас?

²⁸ Т. е. поведите.

— Раз не идешь, я пойду, — Иван-дурак сказал. Пошел Иван-дурак на могилу. Видит: сидит очес на могиле. Спрашивает очес его:

— Странный сын, ты?

— Нет, — гот Иван-дурак. — Я, Иван-дурак.

— А чего, — гот очес, — странный сын [не пришел]?

— Он говорит, сто «мёртвый мне кого дас?» — гот Иван; сам швыркнул-гаркнул молодецким покриком, богатырским пошвиштом: «Где моя лошачь?!» Конь бежит — земля дрожит, из норок пыль столбом, из... головни вылетают. И стала лошадь перед Иваном-дураком как [в]копанная. Онно ушко влез — напилса, наелса, из другого вилез — стал из коску [в] коску до приливного мосту — утром зору посмотретьь. (Будто такой штал он крапивою).

Очес тоже из могилы вышёл и сказал: «Иван-дурак, ты?» — «Я», — сказал он; сам швыркнул-гаркнул молодецким пошвиштом, богатырским пошвиштом: «Где мой Шивко-бурко?» Конь бежит — земля дрожит, из норок пыль столбом, из... головни вылетывают.

Приходит домой — брачья спрашивают;

— Кого очес [дал]?

— Никого, — сказал он.

Несколько вре́мо прожили, приходит веш[ть], что у цара ешь дочь по имени звать Принце́за, [и] сар повешил двенадцать венцо́х. «Охтё эчи двенадцать венцох перескочит, то мою дочь, — говорит сар, — отдаю заму́ж».

Сар послал по вшем сарствам, по вшем королевствам [бумагу]: «И кто би да не перескочну́л эти венцы — хоть бенной, хоть богатой — ше ровно́, дот¹ даю заму́ж». Ну, вше съезжаются сари-короли и шильные-могучие богатыри, [но] некто не могут перескочнуть. Друг об онно пору эти брачья наража́тса стали — посмотретьь этот город. Ну, Иван-дурак сказал: «Возьмите меня с собой, брачча?» Они его хватили с печки, сдёрнули, давай драчь: «Ты бенный, худой, ешли чебя сар услышит, то скажнит, свешит, и к нам [в] глазах не увиде́чь». Они уехали, его брошили.

Он [Иван] сказал [своим] невескам: «Дайче мне каку-нибучь фуражку? Я пойду с гора за грибами, можечь, там каку-нибучь грибы нарву́». Сам за лес завернулса, швыркнул-гаркнул молодецким пошвиштом, богатырским покриком: «Где моя конь?» Конь бежит — земля дрожит, из норок пыль столбом, из... головни вылетывают, и перед Иваном-дураком стала как [в]копанная. [В] онно ушко влез — напилса, наелса, из другого вилез — такой стал молодес — из коску [в] коску до проливного мосту — утрену зору посмотретьь.

Стал коня седлачь. Клял он потнички на потнички, пверх ковричек шедёлочко черкасское, подчагивал двенадцать подпрут шелковых, шелкоо разного, шелкоо шумечинского.² Шелк не рвётса, булат не гнётса — не для красоты, а для богатырской крепости.

Как яхал — шразу шесь венсов перескачил и [в] онну минуту ускачал, некто его ни видал. Прияхал [к] своей фуражке, лошачь отпустил: «Ходи, моя лошачь, ходи по зелёным лугам и, когда спрошу, бучь готова!»

Самие плохие грибы на́рвал и принёс домой. Невеш[т]ки стали ругаться, сто плохие грибы на́рвал да принёс. Он к ним отвечает: «Невески, невески, грибы нарви́, дак и то не угуди!»

Брачча прияхали — стал он их спрашивать: «Хто перескочнул?» Они сказали: «Какой-то богатырь перескочнул, не знаем, какой».

На второй день тоже поехали эти же ребята, эти же двое. Иван-дурак сказал: «Вожмите миня с собой?» III пёчи схвачили и давай его тоже драчь: «Только пускай сар услышит — скажнить, свешить велит, к нам глазах не увидеть!» — сказали брачча.

¹ Т. е. дочь.

² Или: шемудинского (собр.).

Брошили [его], уехали. Он к ним, невескам, сказал: «Дайче каку-нибудь фуражку? Я тоже пойду [с] гбри за грибами». А сам за лес завернулса, швиркнул-гаркнул молодеским покриком, богатырским пошвиштом. Конь бижит — земля дрожит, из норок пыль столбом, из ... голловни вылётываюч.

«Где моя лошачь?» Разбежалась лошачь, перед ним как [в] копаная. [В] онно ушько влез — напилса, наелса, из другого вилез — такой стал молодес — из коску [в] коску до приливного мосту — утром зору посмотричь.

Стал коня шеллачь. Клал он потнички на потнички, сверх ковричек седёлочка черкасского, подчагивал он двенадцать подпруг шелкових, шелка разного, шелка шемичинского. Шелк не рветса, булат не гнётса — не для красоты, а для богатырской крепощи.

Как яхал — сразу девячь венцох перескокпул и онну минуту усккал, нехто его ни видал.

Прияхал свой фуражке — лошачь отпустил: «Ходи, моя лошачь, по зеленым лугам, когды спрошу, бучь готова!»

Самие гадские гриби на́рвал и принес невескам. Невески стали ругаться, сто плохие грибы на́рвал. Он к нимá отвесаат: «Невески, невески, грибы нарви — дак и то пи угоди».

Брачча прияхали — спрашивать стал: «Хто перескакнул эчи венсы?» — «Не знаэм, — гот, — какой-то богатырь перескакнул — и онну минуту перескакнул, нехтб не увидал».

На третий день стали — тоже брачча поехали. Ну, Иван-дурак скажал: «Возьмите меня с собой?» С печки ждернули, схвачили, давай драчь: «Только сар услышит — скажнить велит и к нам [в] глазах не смотреть».

Когда они уехали, он сказал невескам: «Дайче мне каку-нибудь фуражку? Я пойду с гора за грибами. Может, к вам каку-нибудь грибы нарвú».

Сам за лес завернулса, сам швыр[к]нул-гаркнул молодеским покриком, богатырским пошвиштом: «Где-й мой Шивко-бурко (его ронной конь)?» Конь бежит — земля дрожит, из роту пламя пуццо. Разбежалась лошадь перед Иваном-дураком — как копаная. Онно ушько влез — напилса, наелса, из другого вилез — обулса, оделса. Такой стал молодес — из коску [в] коску до проливного мосту — утром зору посмотричь. Стал коня шеллачь: клал он потнички на потнички, коврички на коврички — сверх ковричок седёлочка черкасская, подчагивал двенадцать подпруг шелкових, шелкова ражного, шелкова ражного, шелкова шемичинского. Шелк не рветса, булат не гнётса — ради богатырской крепощи. Шял на коня, коня плéччу поштягнул. Конь его рашшердяется, от земли отделяется — ниже облака ходячего, више дерева стоячего. Сразу двенадцать венцох перескакпул, и у Принцезы вилетел перштень [в] самый к нему в лоб. Прияхал [к] своей фуражке, лошачь отпусти[л]: «Ходи, моя лошачь, по желёным лугам, [когда спрошу] — бучь готова».

Самый гадски гриби на́рвал и принес невескам. Брачча прияхали, стал он их спрашывачь. Они говорят: «Нихто не мог перескакнучь, только один богатырь перескакнул». Покуда он с нимá разговаривал, он свой лоб завязал плохой трапкой, стобы не видали перштень.

«Ну, брачча, не я ле бул?» С печки сдёрнули, давай его драчь.

Несколько времени просло, эта же Принцеза подходит и своему отцу и говорит: «Чатенька мой любезный, чатенька мой сердесной! Завтра дошпей бал из самого с первого народа, из богатых! Я буду шебе сужьденного искачь».

Поутро отес послал гумагу, сто «приезжайте мне на бул,³ дочь будет себе искачь сужьденного». Вше съяхалишь сари-короли, шильные, могучие богатыри. Давай она [Принцеза] понносичь (кого-нибудь — чай

³ Т. е. на бал.

ли, чѣ ли). Понношила, понношила и не могла найтти себе суженого. Вечер стал, они [гости] уехали. Она тоже подходит своему отсу: «Завтра дошпей бал из сырого народа, из среннего!» Посылаэт [царь] чело[в]ека и гумагу: «Приезжайте из среннего народа миня на бал». Поутру приехали. Тоже стала понносичь. Понношила, понношила и не могла натти суженого. Вечер стал, ражъяхалишь.

Дочь-то говорит отсу: «Чаденька, чаденька, завтра дошпей бал из самого из бенного народу». Послал гумажку сар: «Приезжайте мне на бул». Ну, приехали вше, бенный народ [в]ше, и Ивапа-дурака тоже привезли. Иван как пришел, сял за печку. Вот она [Принцеца] стала понносичь к ним [гостям]. Понношила, понношила и вшем поннесла. «Э-э, — гот, — забыла: за печкой Иван-дурак ешь!»

Брачча закричали: «Не хватайша за него, замараця!» Она выволокла его [Ивана-дурака] и посадила за стол: «А, Иван-дурак, — гот, — что ты лоб дошпел?» Он к ней отвечаэт, сто на лишину наделса. [Она] жяла ободралá у него лоскуток, эту трапку, и друг у него в лобú этот перштень! «Вот, — гут, — чаденька, мой суженый!»

Сар на это сказал: «За такого плохого я не дам свою дочь! А ешли хочешь идти, выйдиче из этого дома, жделайте шебе дом и живиче». Она сказала: «Ты же говорэл, сто „кто перштень нашел, за того выдам замуж“».

«А ешли, — гот сар, — Иван-дурак засунёт ногу [в дом], ногу ушеку, ешли руку засунёт — руку ушеку, ешли голову засунёт — голову зашеку!»

Немного пожили — эта дочь приходит своему отцу. Немного пошидела и вернулашь обратно и говорит Ивану: «Две сестры надо мной гáлятса: мол ми за хороших ушьли, а ты за плохого ушьла [замуж]».

Из своих двух зятевьех посылаэт [царь] из двух королевских сыновей. . . «Ешь шь[в]инка-золотая щетинка с двенасати порошятами. Охто это вещь достапет, тому отдилю, — гот отес, — полбичча, полжичча и половину город людей, и пошьле мойй шмерчи тот шядёт па сарство».

Она гувурит Ивану-дураку: «Не пойдеш ты, случайно, [в]меште ш пимá?» Он скажал: «Попросю у отца какого-нибудь, да коня, с гбра пойду за грибами».

Она пошла к отцу и говорит: «Не прикажи кажничь, прикажи слово молвить». — «В чем дело?» — гуврит. «Мой, — гот дочь, — Иван-дурак заказывает, сто „пошьliche мне какого-нибудь да коня, сто пойду за грибами“». — «Пошьliche, — гот отес, — какую-нибудь ему плохую водовозку».

Приволокла она к нему [Ивану] лошадь. Оп [в]жял иé, пошел, за лес завернулса, ш пет да пет⁴ шкуру [содрал]: «Чайки и вороння, ешьте и меня споминайте». Сам швёртнул-гартнул молодеским посвистом, богатырским покриком.

Копь бежит — земля дрожит, из рóту пламя пущено, из норок пыль столбом, из ж. и головни вылётываюут. Разбежалась лошачь — перед Иваном как копаная, онно ушко влез — напилса, наелса, из другого вилез — обулса, оделса. Такой стал мóлодес — из коску в коску до проливного мосту — утром зору посмотречь. Стал коня селлачь. . .

И как яхал — и ш[в]инку-золотую щетинку с двенасати порошятами . . ., и обратно вернулша, и стал па ихой дороге ночевачь.

Приехали они [царские зятевья] к нему. Иван-дурак гот: «Зравствуйче, два королевских сына, два сарских зятевья! — он их знаэт, они его не знаюут. — Куда путь держиче?» Оне к нему отвесаюут: «Нас сар послал, сто ешь ш[в]инка-золотая щетинка с двенадцати порошятами». Оп гот: «У меня они!» — «Не продадите ли к нам?» Оп гот: «Не продажная, а заветная». — «Много ли завет?» — «С-т руки по пáлсу!»

[Зятевья] першикли свои палсы у рук и отдали к нему. Он к ним это и отдал, сто привёз.

⁴ Т. е. с пят до пят.

Он [Иван] приехал свой кубылячине. Лошачь отпустил: «Ходи, моя лошадь, ходи по зелёным лугам, [когда спрошу] — будь готова». Жена спрашивает: «Куда ты ходил?» — «По лесу ходил, обратно пришел».

Жена пошла к отцу своему. Отец сделает бал, сто его зятёвья привезли ш[в]инку-золотую щетинку с двенадцатью порошьятами. Приходит она обратно к Ивану-дураку, сто мол привезли ш[в]инку-золотую щетинку (она рассказывает мужю).

Немного пожилы — она тоже уходит к отцу и сразу приходит обратно и говорит, сто, мол, «мой очес посылает своих двух зятёвьев, сто ешь золоторогий олень. У чя, — гот Прынцеца, — шила не берёт идти меште с ними?» Он сказал: «Поди, попроси у отса какого-нибудь да коня. Я тоже погуляю».

Посла она к отцу и говорит: «Мой Иван-дурак заказывает, сто „пошли какого-нибудь да коня, я тоже погуляю“». Очес сказал: «Одайче плохую водовозку».

Ну, привела она её. «Ну, ланно, — гот он, — я с ней по городу погуляю и обратно приеду». А сам за лес завернулса, с петы до петы [шкуру содрал]. «Чайки да вороння, еште, меня, Ивана-дурака, да поминайте меня», — гот Иван. Сам швиртнул-гартнул молодеским пошвистом, богатырьским покриком: «Где моя лошачь?»

Конь бежит — земля дрожит, из порок пыль столбом, из ... головы вылетывают, и перед Иваном-дураком стала как копаная. Онно ушко влез — напилса, наелса, из другого вилез — такой стал молодес — из коску [в] коску до проливного мосту — утрону зору посмотречь. Клал он потнички на потнички, шверх ковричек шедёлочко черкасской. Подчагивал двенадцать поддуг шелковых — шелкого разного, шелкого шумегинского. Шелк не рветса, булат не гнётса — не для красоты, а для богатырской крепости.

И поехал Иван, и хвачил этого золоторогого оленя. И стал на ихой дороге обратно почевать. Они ещчэ идут — и видят у дороги. Он как их увидел, поштавил шачёр.

— Здравствуйте, два королевских сына, два сарских зятёвья! — он их знает, они его не знают.

— Куда же путь держиче? — он говорит.

Они говорят, сто «сар нас послал, сто ешь золоторогой олень». Он [Иван] гот: «У меня этот золоторогой олень».

— Не продашь ли к нам?

— Не продажной, а заветной, — гот Иван.

— Много ли завет?

— С ноги по пальсу.

Ну, он отдал золоторогого оленя. И он вернулса кобулячине [своей]. Лошачь отпустил: «Ходи, моя лошадь, ходи по зелёным лугам. Когда спрошу — будь готова!»

Приходит жепе — она гот: «Куда ходил?» — «Раже уедешь на такой лошаде!»

На [в]торой день жена уходит своему отсу. Отец жделает бал, стоб достали золоторогого оленя. Жена приходит своему Ивану-дураку, [жалуется], сто «мои две сестры надо мной галятса: ты за плохого усла, а мы за хороших [вышли замуж]». Иван-дурак говорит: «Ничего, будет времо — и ты погалища нан ними».

Ланно. Немного просло времени. Она тоже уходит к отсу и бистро обратно вергыватса: «Мой отес посылает двух своих зятёвьев, сто ешь за тридеситима горами, за тридеситима морами, в подсолынином государстве, что ешь сбсна, живая-мёртвая вода под нее. Кто, — гот, — это достанет к нему, — гот, — полжичча-полбычча, половину город людей, и пошле моёго шмерти тот сает на сарство». Жена гут: «И у теба шила не берет с нима меште яхать?» — «У отса, — гот [Иван], — попроси какого-нибудь да коня? Я тоже поеду с гора за грибами».

Посла она к отсу и говорит: «Мой Иван-дурак заказывает, пошлешь какого-нибудь да коня». — «Отдайте к нему храмую водовозку». Приволокла она иё через плечо (конь совшем не идёт). Жял он этого коня, водовозку, за лес завернулса, с пёты до пёты [шкуру содрал]: «Чайки да воронья, еште и меня поминайче». Сам швиртнул-гартнул молодеским пошвистом, богатырским покрикком: «Где мой конь?!»

Конь бежит — земля дрожит, из норок пыль столбом, из ж. и головни вылётывают, и перед Иваном-дураком стала как копанная. Оппо ушко влез — напилса, наелса, из другого вилез — такой стал молоде — из коску [в] коску до проливного мосту — утрону зору посмолечь. Шял он на коня, коня плеччу оштегнул: кожку пробирает до тела, тело пробирает до кошти. Конь его рассержяется, от земли отделяется — ниже облака ходячего, выше дерева стоячего. . .

И упал, где живая и мёртвая вода. Хвостом засалил и поволок обратпо (сосну с живой и мёртвой водой). И стал на ихой дороге начёвать. Разоставил шатёр и увидел: едут они, два сарских зятевя. Поздоровалишь они. Он их знает — они его не знают.

— Куда же вы путь держите? — он спрашивает у них.

— Нас сар, — гот они, — послал, что есь живая и мёртвая вода. Он говорит, что «она у мея».

— Не продашь ли к нам?

— Не продажная, а заветная.

— [М]ного ли завет?

— Со шпини по пруту.

Но отдали они к нему по пруту (полоски кожи со спины). Он отдал к ним (живую и мёртвую воду) и вернулся обратно к жене.

Он эту кубулячину мимо царские окна проволоч и отвесает: «Чайки да воронья к вам гоштинес послали».

Пришел он к жене. Жена спрашивает: «Где бул?» — «Погулял по городу и обратно пришел». Жена уходит к отсу и пезадолго приходит обратпо: «Ну, Иван-дурак, — гот жена, — сходим к моему отцу? Мой отец жделает бал: привезли живую и мёртвую воду!» Упращивала, упращивала опа [своего мужа] — но и соглашилса Иван-дурак. Он к ней сказал: «Одень плаччо золотокóвеноё, стобы нигде не погнулошь, [а] я заде буду». Она когда усла к отцу, он зади не за лес завернулса, швиртнул-гартнул молодеским пошвистом, богатырским покрикком: «Где моя лошадь?»

Конь бежит — земля дрожит, из норок пиль столбом, из . . . головни вылётывают. Ражбежалась лошадь — перед Иваном-дураком как копанная, оппо ушко влез — напилса, наелса, из другого вилез — обулса, оделса, токой стал молоде — не [в] сказке сказачь, не згатке згадать: из коску [в] коску до спинного моску. Расчесал свои кудерсы ровпо до поясу и ражъяхалса сару во двор.

Сар выходит его стречачь. Не знает Ивана-дурака. Воходит он в дом: он жену видит, а жена его не мбог видечь. Провели его передно место. И стал спрашивать этот Иван-дурак у сара: «У нас вежь⁵ была: мешьшяя дочь Принцеца вишла замуж или нет?» Сарь отвечаёт, сто «отдал я свою дочь за Ивана-дурака, которого я его юрту не пуцаю (дом, юрта — это оно и то же), а две дочери видал за королевских сыновей. И вот, — гот сар, — первый раз достали они мне ш[в]инку-золотую щичину двенасатима порошятами».

Ну, Иван-дурак говорит: «Это не они достали, а я достал! Прикажи им перчатки шнячь». Они [королевские сыновья] перчатки шняли — уже пёрсты пету. Тогда он видёргиват из кармапа эти пальцы: «Вот — они мне-ко дали!»

Потом сар говорит, сто достали золоторогого оленя. Иван отвечает: «Тоже я достал и к ним отдал. Прикажи, почему они шидят сапогах, пушкой шнимут». Сопоги шняли — уже ноги парат без пёрстох. Он

⁵ Т. е. вещь.

[Иван] видѣргиват из кармана эти два пальса, тоже к нему [царю] даѣт.

«Живую, мѣртвую воду хто достал?» — спрашиват Иван-дурак у сара. Он отвесаѣт, сто они достали. «Прикажи, — гот [Иван], — посему они [в] рубахах шидят, посему не шнимают?»

Когда приказал сар рубашьки шняпти, уже посмотрѣли — спины парат, уже киснуть начали.⁶ Тогда он видѣргиват из карману эти два прута: «Вот, — гут он, — они!» Эти [два прута] к нему отдал. Тогда сар приказал этих двух швоих зятьѣв вывешти оттуда, а Ивану-дураку сказал: «Ты больше из моего дому не видѣшь!»

Женщина ище тогда узнала своего Ивана-дурака, что он ждѣшь,⁷ и соскочила, и поцалов[а]ла. И вот [стали] жичь да бичь, поживачь да топерѣ.

И сказке конес!

⁶ Т. е. загнили.

⁷ Т. е. здѣсь.

25. ПРИНЦЕЗА

Жил-был крестьянин. У этого крештьянина три сына: два женатые, грѣчей нежатой. Его называли Иван-дурак. Вдруг отец к ним сказал: «Сыновья мои троѣ. Я помру — первую ночь пускай придѣт старший брат, вторую пускай сренней брат, а третью ночь пускай мѣньшей брат придет — Иван-дурак».

Ланно! Ваял умер — похаранили его. Иван-дурак г-т: «Ну, старший брат, поди! Шегодни тебе идти!» А он г-т: «Мне мѣртвой кого даст, я, — г-т, — кого пойду?» — «Ну!... Сренней сын... брат, поди». А он гот: «Мне мѣртвой кого даст, я кого пойду?» — «Ну, тогда я сам пойду!»

Идет — отец шидит на могилѣ.

— Здра[вствуй]. Чѣго старший брат не пришел?

— Сказа, г-т: «Он меня, отец мѣртвой, кого даст?»

— А шренней?

— Так же ответил, что «он мне, мѣртвой, — кого даст?» А я пришел.

Ну ланно. «Задрожало тут», взял отец швыркнул-гаркнул молодецким покриком, богатырским посвистом, конь бежит — жемля дрожит, изо рту пламя пуцено, из дыри гловни вылѣтывают. Иван-дурак бпно в ушко влез — обулса-оделса, из другого вылез... Одно в ушко влез, обулса-оделса, из дрѹга вылез¹... Такой стал мблodeц — из кбску в кбску до приливного мбску² — утром збру посмотришь.³ Взял лошадь погладил: «Ходи, моя лошадь, по желѣным лугам, когда спрошу — будь готова».

Приходит домой. «Ну, — спрашиват, — отец кого дал?» Он гот: «Мѣртвой мне кого даст?»

На второй день: «Ну-ко, стренней брат, поди!» — «Э-э, мертвый, — г-т, — кого даст?» — «Ну, я пойду!»

Идет — отец тоже на могилѣ шидит.

— Чѣго сказал сренний брат?

— Сказал: «Я, — г-т, — не пбйду — он мне кого мѣртвой даст?» Я пришел, — г-т.

— Ну ланно!

Швыркнул-гаркнул молодецким покриком, богатырским пошвьистом. Конь бежи — жемли дрожи, ижо рта плама пуцено, из дыри гловни вылѣтывают. В одно ушко влез [Иван-дурак] — напйлся-наелса, из другого вылез — обулса-оделса. Взял лошадь погладил: «Ходи, моя лошадь, по желѣным лугам, когда спрошу — будь готова».

На третий день встал: дье, его очередь — он сам пошел. Тот сидит на могилѣ: «Иван-дурак, ты?» — «Я!» Швыркнул-гаркнул молодецким покриком, богатырским посвистом: «Где мой Шивко-бурко?» [Конь бежи — жемля дрожит: ижо рта плама пуцено, из дыри головни [вылѣтывают],

¹ Припомвная.

² Т. с. мозгу.

³ Формула проговаривается очень быстро и нечетко.

из норок пыль столбом. Разбижалась лошадь — перед Иваном-дураком как вкопанная. Одно ушко влез — напилша-наелша, из другого вылез — обулса-оделса. Такой стал молодец — не в сказке сказать, ни в розгадке отгадать, не пером написать: из коски в коску <...> моску — утром зору посмотрёт. Расчёл свои кудерьцы ровно до поясу.

Взял лошадь погладил: «Ходи, моя лошадь, по зелёным лугам, когда спрошу — будь готова».

Приходит домой.

— Ну, отец кого дал?

— А он, — г-т, — мёртвой, мне кого даст?

Ладно! Вдруг слышат: происходит, что у цара ес[ть] дочь: дви вышли замуж — тречья принцеца!.. Цар положил двенадцать венцов: «Кто эти двенадцать венцов перескочыт, тому я свою принцецу замужь отдам».

Ланно! Эти брачья г-т: «Мы пойдём!... смотрят!»

— Эй, братья, меня возьмитё с собой!

— А сам Иван-дурак, ты куды, лези за печкой!

Стали его драть: «<...> слышать, к нам в глазах не увидеть!».

Ланно! Они уехали, он г-т: «Ну, невестки, — г-т, — дайте мне, — г-т, — какую-нибудь фуражку, я, — гот, — пойду с гора за грубами! Мбёт быть, вам, — г-т, — каки-нибудь грибы нарву!»

Отдал[и] к нему фуражку. Пошел. За лес завернулса, фуражку скинул: «Чайки да вороны, ешьте, меня, Ивана-дурака, поминайте!»

Сам швыркнул-гаркнул молодецким покриком, богатырским пошви-стом: конь бежи — земля дрожи, изо рта плама пущено, из дыри головы вылётывают, из норок пыль столбом. Разбывжалась лошадь, перед Иваном-дураком — как вкопанная. Одно ушко влез — напилса-наелса, из другого вылез — обулса-оделса. Такой стал молодец: коску в коску до приливного мосту — утром зору посмотреть. Стал коня шедлать: клал он потнички на потнички, <...> седельшко черкасское, подтягивал двенадцать подпруг шелковых, шелку разного, шелку шемединского. Шёлк не рвётся, булат не гнётся. Не ради красоты, а ради богатырской крепости. Шёл на коня! Как яхал — сразу шесть венцов перескочыл, одну минуту, даже никто и не заметил. Приехал к своей фуражке — лошадь отпустил: «Ходи, моя лошадь, по зелёным лугам, когда спрошу — будь готова». Самые гадские грибы нарвал — понес.

Пришел! Стали невестки ругаться: худые грибы нарвал. «Эй, невестки, грибы нарви — нарви, дак и то не угодил!»

Братья прияхали.

— Ну, браття, сказывайте, охто перескочыл?

— Ну не знам, — гат. — Сколько раз скакали, — г-т, — не могли, один, — гат, — богатырь на коне сразу шесть венцов перескочыл.

— Браття, не я ли был?

Схватили шь печьки и давай драть!⁴

Ланно, утром встали. Тоже поехали. Он, — гут, — тоже отвечает: «Эй, невестки, дайте мне кукую-нибудь фуражку, я — гут, — пойду с гора за грибам». Ну — отдали фуражку, пошел. За лес завернулса, швыркнул-гаркнул молодецким покрыком, богатырским пошви-стом, конь безит — земля дрожит: изо рту плама пущено, из дыри головы вылётывают, из норок пыль столбом. Разбикалса лошадь, перед Иваном-дураком как вкопанная. Одно ушко влез — напилса-наелса, из другого вылез — обулса-оделса. Такой стал молодец: из коску в коску, до повинного моста — утром зору посмотреть. Стал коня шедлать: клал он потнички на потнички, <...> седельшко черкасское, подтягивал двенадцать подпруг шелковых, шелку разного, шелку шемединского — шелк не рвётся, булат не гнётся. Не ради красоты, а ради богатырской крепости. Сял на коня, как яхал — сразу девять венцов перескочыл и одну минуту ускакал — никто его не видал. Прияхал к своей фуражке — лошадь отпустил: «Ходи, моя лошадь, по зелёным лугам, когда спрошу — будь готова». Ланно!

⁴ Со смехом.

Пошел — грибы нарвал, принес. Стали невески ругаться: грибы плахые. Грибы нарви, дак и то не угоди!

Прияхали брачя.

— Ну, брачя, сказывай, хто перескочыл?

— Вот один богатырь, — г-т, — девять венцов перескочыл — за одну минуту ускакал, не могли его даже перехватить.

— Брачя, не я ли был?

С печьки ждёрнули — давай драть! <...>. — «Ладно!»

На третей день встают — тоже пояхали. «Э-эй, брачя, возьмите зе меня с собой посмотри!» Ш печки сдёрнули и давай драть. «Только <...> царь услышит — скажнить велит, к нам в глаза не увидеть».

Они уяхали. «Ну, невески, дайте мне куку-нибудь фуражку: я пойду с гора за грибам: мозет, какие-нибудь грибы нарву». — «Да ты, — говорит, — вше фуражки у нас кончил. Ни одной фуражки не осталось!» Те пошел. Да лесу дошёл — швыркнул-гаркнул молодецким покриком, богатырским посвистом: «Где мой Шивко-бурко?» Конь бежи — земля дрожит, изо рта плама пуцено, из дыри головины вылетывають, из норок пыль столбом. Розбижалась лошадь — перед Иваном-дураком как вкопанная. Одно ушко влез — напилсы-наелса, из другого вылез — обулса-оделса. Такой стал мблодец — из коски в коску, до «приливног» моста — <...> зору посмотреть. Расчэсал свои кудерьици — ровно до поясу. Стал коня шедлат: клал он потнички на потнички, шверх ковричэк шедёлышко черкасское, подтягывал двенадцать подпруг шёлковых, шёлку равного, шёлку шемединского — шелк не рвётцы, булат не трётцы; не радí красоти — радí богатырской крэпости.

Коня плеттю остэгнул, как яхал — <...> двенадцать венцов перескочил, и у принцезы вылетел перстень сáмо к нему в лоб.

Прияхал на свое место, коня отпустил: «Ходи, моя лошадь, по зелёным лугам, когды спрошу — будь готова». Те стал драть: отдираць этот перстень, никак не отдираццы! Плохую тряпку выдернул и завязалсы. Прияхал — самые гадские грибы нарвал. Пришел домой — невестки стали ругаццы: ⁵ плохие грибы нарвал. «Эй, невестки-невестки, вот, на лесину наделсы и лоб весь сжег!» Да! Браття прияхали.

— Ну как, браття? Кто перескочыл?

— Да вот, — г-т. — один хто-то перескочыл — и перштень вылетел не знаем куда!

Ланно! Это ... доць подходит к своему отцу, г-т: «Тяинька мой любезной, тяинька мой сердесной! Завтро доспей, — г-т, — из самого изь первого народу, — г-т, — бал! Я, — гот, — стану суженого искать!»

Поутру он [царь] призывает всех князей-бояров, думных шенаторов, приближенных министерей: «Приезжайте мне на бал, <...> шари ⁶-короли, шильные-могучие богатыри».

Искала-искала, пскали-искали — нигде не могла увидеть: ниту! Две сестры рожьехалсы. «Ну, — г-т, — тяинька мой любезный, тяинька мой сердесной, завтро, — г-т, — дошьпей второго народа!»

Поутру то зе сделал из второва народа. Искала-искала, искала-искала — не могла найчи.

«Ну, — гут, — розьяхалсы, — ну, чячинка, — г-т, — завтра доспей с самого из пошлённёго народа». И утром встала — заказалсы, что «приезжайте — самые вше», и Ивана-дурака вмеште увели, уволокли там. А он там пришел — и за печьку. Где опа и понносит. Где понношила-понношила, понносила-понносила — нигде не замэчала! «О-о! — гут — Вон, — гот, — за печькой Ивана-дурака надо, — гот, — достать, я его не накормила!» Взяла выволокла, за стол посадила.

А дедушко и г-т: «А чего, — гот, — ты лоб дошпел?» — «Да вот, я, — г-т — ... мои браття ездили, я, — г-т, — на личину пошел, на личину, — г-т, — наделся и лоб, — г-т, — бердёл!» Она хватила та ободрала: «Вот, —

⁵ С усмешкой, сквозь улыбку.

⁶ Т. е. царя.

г-т, — тьянька, мой любезной тьянька, мой сердесной. вот где мой сужённый, вот, — г-т, — мой перстень — в самое лбу!» — «Та-ак, — г-т — ... за эдакого плохого я не отдам тебя!» Ну, он гут... Она г-т: «Обещанье было! Ты же говорил: где перштень ... кто перескочыт двенадцать венцов, тому и дадут мене замуж. Ты, — гот — ... — это твоя обязанность! Ты долзеен отдасти меня!» — «Ну ланно, — г-т, — ешли ты хоцешь идчи-то, вот ви от меня доштейте шебе особую юрту — и живите. Мне стобы Иван-дурак если руку засунет [в мой дом] — руку перешеку, ногу засунет — ногу перешеку, голову засунет — голову перешеку». — «Ну ничего, я вшо равно, — г-т, — иду за него и вшэ!»

Братча уехали. Эта Ивана-дурака она вжала, пошли [в] юрточку и стали жить оне меште двоё. Она казной день ходит... а у ней — эти две шестры — за двум королевским сыновьям замуж; две шестры, Тьяньца и Живанца.

Приходит: «Иван-дурак! — г-т. — Мои две шестры, — гут, — надо мной гаятцы, сто „мы за хороших выпши, а ты за плохого усла“. Мой отец, — г-т, — <...> йих, — гот, — уважает ... вшэ, — г-т, — хорошэ». — «Ну ничего, — г-т он, — пусь!»

Вдруг об одну пору⁷ приходит: «Мой Иван дорогой!⁸ Мой отец, — г-т, — посылает своих двух зятевьёх: есь, — гут, — за тридесатью морамн, за тридесатьма горами, тридевятом царстве, в подсолнечном государству есь, — гут, — [ш]финка-золотая щетинка с двенадцатыми порошятами... Ей, — г-т, — велит достати! Чёго, — г-т, — у тебя шила не бирэт?» — «Да пу, — г-т, — откуда, — г-т, — у меня шила возьмёт?⁹ <...>»

Ланно! Они уехали. А он сзади их говорит к ней: «Пади, — г-т. — у отца попроси, — г-т, — какому-то водовозку, мозет быть, даст мне какого-нибудь да водовозку», — г-т.

Посла — и видит Иван-дурак — она его волокот через плечо просто: «Ну, цего, — г-т, — ты куда, — г-т, — на ней?» — «Ну, я ттёго? — г-т Иван-дурак. — За лес завернусь да, — гот, — обратно: мне-то, — г-т, — нечего делать-то!»

Он за лес пошел, за лес завернулса. Ободрал её [кобылу] <...>: «Чайки да вороны, еште, меня, Ивана-дурака, помпняйте!»

А сам швыркпул-гаркпул молодецким покрыком, богатырским поспостом. Конь бежи — земля дрожит: изо рту пламя пушено, из дыры головы вылётывают, из норок пыль столбом. Розбежалась лошадь перед Иваном-дураком — как вкопанная. Одно ушко влез — напилса-наелса, из другого вылез — обулса-оделса. Такой стал молодец: из коски в коску, до проливного мосту — утром зору посмотреть. Стал коня шедать: клал он потнички на потнички, пверх ковриччэк седельшко черкасское, подтягывал двенадцать подпруг шёлковых — шёлку разного, шёлку шемедицкого, шёлк не рвётся, булат не гнётцы — не ради красоты, ради богатырской крепости. Шял на коня. Как яхал, сразу швырку-золотую щетинку шь двенадцатыми поросятами хватил и стал обратно повернулса — на ихной дороге ночёвать. Они еще первый день едут, а он уже объехал и обратно едет. И поставил шатёр, и стоит. Видит: едут. Он йих знат — онп его не знают.

— Здравствуйте, два королевских зятевьё!

— Здравствуйте!

— Куда вы путь дёржите?

— Да-й, — г-т, — цар нас послал, сто где-то еште швинка-золотая щетинка с двенадцатью поросятами.

— Э-э, опа, — г-т, — у меня!

— Мозет быть, к нам продать?

— Не-е! — он гот, — не продажная, а заветная!

⁷ Скороговоркой, радостно.

⁸ Любяно.

⁹ С явной усмешкой, иронически.

- А много ей завет?
- Со шпiны прут!
- Ну-у! — г-т. — Ну как, больно будет?
- Зачем! Больно будет? Можете одетые сидеть! Зачем к вам больно будет? Не бу-удет!

Отрезали... — прут со спины снял от них от обоих, полджил, это отдал: «Поезжайте, ладно!»

Ланно! Он взал поячал. Прияхал до этой, своей кобылятины, лошадь отпустил: «Ходи, моя лошадь по зелёным лугам, когда спрошу — будь готова». Сам поволок через плечё эту кофьялятину. Мимо царской стол... полаты проволока — <...> кричит; кричит: «Ваше сарское величество, чайки да вороны к вам гоштинаец послали!»

Приходит к жене.

— Ну, где, чего?

— Ну, а чёго? — гут. Она [кобыла], — гут, — пропала, я ее приволок да к отцу бтдал. Бросил, — гут, — там!

Посла-а — отцу, шестрам. Пришла, г-т: «Э-э-э, — гот, — мой Иван-дурак! — г-т. Отец, — г-т, — делает бал». — «Ну цъ... кукой?» — «Его, — гут, — два зятя привезли, — гут, — швинку-золотую щетинку с двенадцатью поросятами». — «А-а!» — «Мои, — г-т, — две шестры, — гут, — надо мной галятцы, что „ты за худого выпшла — мы за хороших“».

Ланно! Жили-жили — вдруг об одну пору приходит... посла отцу и приходит: «И[д]и, — гот, — мой отец посылает их, — г-т, — говурит, сто есть за тридешатью морами, в тридевятом сарстве, в подсолнесном государстве ещъ живая и мёртвая вода. А тсего? — г-т. — У тея шила не берёт?» — «Да ну-у! — гут. — Откуда у меня шила возьмет? Ты попроси, — гот, — у отца! Скази, сто „мой Иван-дурак заказыват почтение какому-то конйшка“: я поеду с гора за грибами».

Посла. «Э-эй! — гот. — Тяинька мой любезной, — гот, — тяинька мой сердесной, не приказъни казнить — прикажни слово молвить. Мой, — гот, — Иван-дурак заказыват, — гут, — сто „пошли мене какого-нибудь да конйшка, я поеду с гора за грибами!“» — «Каку, — гот, — ёму падо путную? — гот. — Отдайте <...> водовозку, вон, онну, — гот, — и так её коццел». Пошёл. Посла — [Иван] видит: ведёт. Приволокла. Вперёд посёл — за лес завернулса, <...>. Сам швыркнул-гаркнул молодецким покрикком, богатырским посвиштом, конь бежи — земля дрожит: изо рта пламя пущено, из дыры головни вылётывают, из норок пыл столбом. Разбежялась лошадь — перед Иваном-дураком как копаная. Одно ушько влеа — напилса-наелса, с другого вышел — обулса-оделса; такой стал мблodes: с коска в коску, до <...> мосту — утром зору посмотреть. Стал коня седлать: клал он потписки на потнички, шверх ковричэк седельшко черкасское, подтягывал двенадцать подпруг шелковых, шелку разного, шелку ашмединого — шелк не рвется, булат не трется; не ради красоты, а ради богатырской крепости.

Шял на коня, как ехал, стал эт[у] живую и мёртвую воду хватил и стал па йихпой дороге ночёвать, а они еще встречу не едут. Розоставил шатёр и видит: едут. Подъезжают. Он йих зпат — они его не знают.

— Здравствуй, двоё королевских зятевя! Здравствуйте, два королевские сыновья... два сарские зятевя!

— Здравствуйте!

— Куда вы путь дёржите?

— Да вот, — гут, — по живую и по мортвую воду нас цар послал.

— А она у меня! — гут.

— Ну, мозэт продашь?

— Не-е, не продазна, а заветна!

— А много ли завету?

— С ноги по пальсу!

— Больно будёт?

— Потому? Мбготе шидеть... в сапога-ах! — вас нехто раздевать не будет!

Отрезали. Во-от. Ланно! «Навэрно, — гот, — вы её не довезитэ, я, — гот, — к вам помогу; город увидитса, да, — гот, — брошу! А вы, — гот, — её не довезетэ: вам, — гот, — тяжело», — гот. Он поехал — окол города её бросил. Они только собираются — он уж ей довёз, брошил им — обратно уехал свою кабылятину. Своёго коня отпустил: «Ходи, моя лошадь, по зелённым лугам, когда спрошу — будь готова!»

Поволок через плечё кобылятину. Мимо сарской стод. . . полаты приволок он: «Ваше сарское величество! Чайки да вороны к вам гостинес послали!» Приходит домой.¹⁰ «Ну как, куда хадил?» — «А я за лес завернулса, и она пропала, я ей отцу вон бросил».

Посла-а. Приходит она отцу своему. Отец делает ба-ал: сто ее зятевья привезли живую и мёртвую воду — и две шештры — над пей галятса.

Приходит, гот: «И[д]и, — гот. — Мой отец делает бал! — гут.¹¹ — Привезли, — гот, — живую и мёртвую воду, две шестры, — гут, — надо мною галятцы, что „мы за хороших вышли — ты за плохого“. — «Ничего-о, время будет, — гут, — ты погалишьса над ним».¹²

Жили-жили — об одну пору пасла тоже отцу, и приходит: «Ну, — гот, — Иван-дурак, мой отец, — гот, — посылает: есь, — г-т, — в некотором зарстве, в некотором государстве, в тридцатом сарстве, в саду Шиманском, есь златорогой олень — по него. Чёго, — г-т, — у тебя шила не берёт?» — «Откуда, — гут, — у меня шила возмёт — в такую, — гут, — даль!»¹³ Э! Ланно! «Ну попроси, — гут, — у отца: моэт, даст, — гут, — «лошадь», скажи, сто [поехать] с гора за грибами!»

По-асла. Ну, г-т: «Тятенька мой любезной, тязьпка мой сердесной, — гут, — не приказни казнить, — гут, — приказни слово молвить», — гут. — А в чем дело? — гут.

— Мой, — гут, — Иван-дурак заказывает: «Поищи мене какого нп е да конёчка — я поеду. С гора за грибами!»

— Дак кого? — гот. — Он вице коней, — гут, — концил! Отдайте вон», — гот, — < . . . ».

Ну еле-еле [конь] сбижал! Приволокла дак и даёт.¹⁴ Вжял повел. За лес завёрнулса; шкуру содрал: «Чайки да вороны, ешьте, меня, Ивана-дурака, помпнайте».

Сам швыркнул-гаркнул молодецким покриком, богатырским посвистом: «Где мой Шивко-бурко?» Конь бежи — земля дрожит: изо рту плама пушено, из дыри головни вылетывают, из норок пиль столбом. Розбежалась лошадь — перед Иваном-дураком как [в]копанная. Одно ушко влез — папилса-наелса, из другого вылез — обулса-оделса. Такой стал молодец — не в сказке сказать, не загадке сгадачь, не пером написать: из коски в коску, до < . . . » мосту — утром жору посмотрэтъ. Росчесал свои кудерци — ровно до поясу.

Стал коня седлать: клал он потнички на потнички, шверх ковричэк седёлышко черкасское, подтягывал двенадцать подпрут шелковых, шелку разног, шелку ашемеднянского — шелк не рветцы, булат не гнётса — не радй красоты, а радй богатырской крэпости. Сял на коня, коня плетку остегнул. . . Кожю < . . . » проберает до чёла, чёло доберает до крости — кош его россерзается, от земли отделяетцы: ниже облака ходячего, више дэрэва стоячего — и упал, где златорогой олень. Хватил этого златорогого оленя и понес обратно. И стал он йихпой дорогой почевать, где они едут. Розоставил шатёр и стоит. Едут. Он йих знает — они его не знают: богатырь токой.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! . . . Куды вы пáрами?

— Да вот, — гот, — нас цар послал где-то златорогого олень [достать].

— А он, — гот, — вот у мэня!

¹⁰ С улыбкой.

¹¹ Чмокает.

¹² Тихо.

¹³ С недоумением и возмущением.

¹⁴ Сквозь смех.

— Ну, мозет, продашь?
— Не-е! Непродажной.
— А кокой?
— Заветной.
— А много ле завет?
— С руки по пальцу!
— Ну как — с руки по паль[цу]? Больно будёт?
— Не-е-ет! Еще можешь сидеть в перчатках, вас некто роздевать не будет!

Ну ладно! Отдали — [в] карман [положил], поехал. К своей кобылятине приехал: «Ходи, моя лошадь; когда спрошу — будь готова». [Сивку отпустил]. А поволок через плечо эту кобылятину. Мимо царской стол... полаты проволок: «Ваше царское величество, цыпки да воробы к вам гостинес прислали!» Пришёл домой. «Куда ходил?» А он гот: «Я завернулса за лес — она [лошадь] упала, я ей приволок». Посла-а отцу! Немного погодила — присла.

— Ну, — гот, — Иван-дурак, сходим, — гут, — моему отцу на бал! Привезли, — гут, — золоторого оленя, и он делает, — г-т, — бал.

— Ну, — гут, — ты же, — гут, — сама слышьяла? Сто Иван-дурак если руку засунут — руку перешекут, ногу засунут — погу, голову — [голову].¹⁵ Мене же, — г-т, — жить-то надоть!

— Ну-у, — гот, — может быть, не будет, — гот. — Ну пойдём, — гот, — как-нибудь.

— Ну-у, я, — гот, — не пойдю! Поди, — гот, — ты, я не пойду! Мне, — г-т, — жить надо их!...

Ну, так баяли-баяли — всё ровно переборола она ёго. «Ну, — он гот, — чёго, — гут, — там тогда делать? Надень, — гот, — платье златокованное, чтобы нигде не погнулось. А я, — г-т, — позади буду».

Ланно! Она усла — он сзади её за лес, швыркнул-гаркнул молодецким покриком, богатырским посьвистом: «Где мой Шивко-бурко?» Конь бежи — земля дрожит, изо рту плама пушено, из дыры головы вылетывают, из норок пыль столбом. Розбегаясь лошадь — перед Иваном-дураком как [в]копанная. Одно ушко влез — напилса-наелся, из другого вылез — обулса-оделса. Такой стал молодец: из коску в коску до <...> мосту — утрому зору посмотреть. Росчёлал свои кудерцы — ровно до поясу. Клал он потнички на потнички, сверх ковричек седельшко черкасское, подтягывал двенадцать подпруг шёлковых, шёлку разного, шёлку шимедиинского — шёлк не рвётцы, булат не гнётцы, — не ради красоты, а ради богатырской крепости. Шял, плетью [коня] остегнул, падезжает к сару во двор. Встречают — богатыря такого — проводят ёго [в] перенё место — садятся. Садят. Он видит жену ё... Он жену знат, а жеса его узнать не мбгот.

— Да! — гут. — Ну, ваше царское величество, порасскажите своих дочерей, — гут, — как?

— Да вот, — г-т, — дьве дочери, — г-т, — у меня вышли, — гут, — скажу, — гот, — за королевских сыновей. Вот, — гот, — скажу, что опи зятевья. Вот чёго захочели, — г-т, — то и мне достали. А вот третьья, — гут, — принцеза, — гут, — у меня дочь, сама младча, — гут, — вышла за какого-то, — г-т, — за Ивана-дурака. Я, — гот, — даже Ивана-дурака в дом не пуцаю!» Х-х!.. (которо он тут).¹⁶

Ланно!

— А, — гот, — кого у вас, — гот, — в перву очередь достали?

— А вот кого перву очередь, — г-т, — достали, — г-т...¹⁷ — швинку-золотую щ[ет]янку шь двенадцатими поросятами! — гут. — Вот, — гут, — они достали!

— Нет, — г-т...¹⁸ Прикажи, — гут, — пощему, — г-т, — они в рубашьках

¹⁵ Сквозь ухмылку.

¹⁶ Другим голосом, сквозь усмешку, тихо.

¹⁷ Глубокая пауза — вспомнил.

¹⁸ Неуверенно.

шидят. Пушь, — г-т, — снимут рубашьки: это, — г-т, — не они достали — я достал!

В рубашках шняли — приказали шьпина парйт! Он выдёрьгиват: «Вот, — г-т, — они мене дали — это, — гот, — я к ним достал!» Ланно! посидели немножько.

— Ну, ишбэ кого достали?

— Вот, — гот, — достали мене живу-м[ертву] воду, — г-т, — мене достали. Зивую и мортвую, — гут.

— А хто достал?

— Ани-и.

— Прикази, — г-т, — пащему ани? Пусть с ног снимут сапогы.

Шняли — перстни¹⁹ парат. Выдёрьгиват: «Вот, — гот, — они мене дали это — я к ним достал! А в третей раз, — гут, — кого достали?»

— Да вот, — г-т, — златорогого оленя достали! — гут.

— Потсему, — г-т, — они — перчатках? Пусть их снимут! — г-т. Сняли — перстей вот здесь и нету. Выдёрьгиват: «Вот, — г-т, — оне дали! Это, — г-т, — я к ним — это же, — г-т, — мало того — я к ним отдал! А потому, — г-т, — ваше сарское величество, вы, — гот, — с Иваном-дураком? ... Ивана-дурака в дом не пуцаете?»

— Нет! — гут.

— А почему вы с ним разговариваете?

— А он где?

— А я, — г-т, — он — разве не Иван-дурак, что ль? Я и есть самой, — гот, — Иван-дурак.

Жена набежяла — обняла и гот: «Хоть худой, да, — гут, — мой Иван. А тсей, — гот, — горе-горе, — гут, — муж Григорий, хоть худой бы, да лучче бы был бы Иван!» «Царь» он их всех выгонил — обоих зятевьёх. Ивану гот: «Ты больши, — гот, — отсюда не отбйдёшь! <...>».

И, стали они ... паженились, и стали они жить дак быть дак поживать, дак до топеря.

Всё! Фух! Фу-ух!

¹⁹ Персты — т. е. пальцы.

26. [СЕМЬ СИМЕОНОВ]

В некотором сарстве, некотором государстве жил-был сар. У этого цара находище... живёт крестьянин, он — денной пищи не имеет. Каждой день ходит сару милостинку просит. Сар раз даёт, два даёт, три даёт, тьсетыре даёт.

Об одну пору цар сказал к нему: «Поди саркву, проши бога — мозет, даст тебе либи дочь, либи сына: при старости на утеху,¹ при младости на утеху, при смертном часу — на помин души». Ну, согласился старик, пошел в церкву, богу просит, молебны служит: «Дай, бог, сына мни либи дочь: при старости на замэну, при бладости на утеху, при смертном часу — на помин души».

Жили-жили — об одну пору жена стала у него интересном положении. Он так смотрит жесу — как ему от людей неудобно стало. Он подальше шделал себе домичёк и стал особо жить.

Вдруг родила жена одбого; потом второго, потом третчего, потом четь-вёртого, потом пятого, потом шестой, потом шембого. Как шемого родила, и сама в тот день померла — сразу.

И отес — из-за этого — и отес умер. Остались зты ребятишка совшем одни — голые. Жили-жили — об одну пору этот сар, — г-т, — ... посылает людей: «Проведайте: где-й этот старик у нас потералса?!»

Пошьли — старик удавленник лежит: удавился, не выкормить детей; мать умэрла, а эти ребятишки вше на ёя лежат.

¹ Оговорка исполнителя — вместо «на замешу».

Ланно! Вжали их вошпитывать. «Ну как, робяты? — сар отвечает. — Знаете шебе имо?» — «Ми не знаем не йму, не изотчества». — «Ну ланно! Пушкой — шемь Шимейнох. Общее имо!»

Ланно! Вдруг — большие стали, ббльшенькие стали. Отдали к ним² в конюшну, одному купцу! Дье, у этого купцу роботали-роботали, и один гут-ут браттам: «Брат Семейён. — гут. — Я, — гут, — схожю, скажю, — гут, — завтра, придет он, што ты нас худо пойишь-кормишь, я один могу заработать в день сто рублей!»

Утром приходит: «Ты, — гот, — худо нас пойишь-кормишь Я, — гот, — один могу заработать в день сто рублей!» — «Я, — гут, — пойду цару скажю». — «Ага, пойдн, — гут, — скажи!» Он пожёл³ пожаловалса зару — цар вызывает: «Здравствуй!» — «Здравствуйте!» — «Ну, брат Семейён, ты сказал: „Я могу заработать сто рублей“». — «Я-а, я сказал. Он нас пойит худо, крмнит, я могу один заработать <...> сто рублей». — «Ну как ты заработашь?» — «Я, — гот, — могу заработать: [дайте] ружьё да шпирт». Ну, цар подумал-подумал: «Дайте ружьё да шпирт!»

А другому брату Симеону [говорит]: «Подходит, брат, тее⁴ робота?» — «Подходю-у». — «Какая удаця есь?» — «Один брат доспёт ружье — а я стрёлко и убью-у! А гди бы то ни была!» Трэттему гут <...>: «Подходит, брат, тебе робота?» — «Подходю-у». — «Какая есь удаця?» — «А где бы то не было — я принесу — она еще будет <живая>». Четвьёртому гот: «Подходит, брат, тебе к работе?» — «Подходю-у». — «Какая удаця ешь?» — «Я за онну ночь допшею <...> столбик!» — «Да, — сар подумал, — это удача».⁵ Чэтверых оставил — троих послал туда, где конюшню!⁶

Ланно! А этому отдал — зелёзу сдоволь. Утром встали — уже стоит <...> столбик. Другому отдал ружье сделать — он сделал. Трэттему... Где? «А где? На сталоб попади, сматри!» Он на столоб попал — смотрэл-смотрэл-смотрэл — спустился. «Кого увидел?» — «Я, — гот, — видел: за тридесятами морами, за тридесятами горами, тридевятом сарстве, в подсолнесно[м] государстве, в саду Шиманском сь [п]ташечка: через пёришько золотинная, через пёришько серебряная». — «Ну, брат Семейён, давай стрели!» — «Ага, ланно, стрёлю!»

У этого ружьё хлопнуло — и тот почерялсы. Черезь три минуты припёс — «страдает еще, ещё живая. «Да, — сар говорит, — это удача».

Из тех из троих один г-т, брат Симейён: «Завтра, — говурит, — я стану г-т: «Ты, — гут, — нас худо пойишь-кормишь, я могу заработать сто рублей». Гы! Ну вот!⁷ Утро приходит: «Ты, — г-т, — худо нас пойишь-кормишь, я, — г-т, — один заработать могу сто рублей!»

Пошел сару пожаловалса — сар кликнул: «Ну, брат Семейён, правду?» — «Правду! Я могу зароботать <сто рублей>». — «Ну, какая удача у тея ешь?» — «У меня удача: чёго? — гут. — Я кого захочю, то украду!» Х-хы! Сар подумал-подумал: «Тожи удача!» Второму говорит: «Подходит брат тебе к работы?» — «Подходю-у». — «Какая удаця ешь?» — «Я кораб — лобая вода будёт — потоцлю воде, за сто вёрст уведу!» — «Удача! Это удача!» Трэттему говорит: «Подходишь браттему к работы?» — «Подходю». — «Какая удача есть?» — «Карабель доспею с однем окном!» — «Тоже удаця!».

Вдруг об одну пору, жили-жили, у этого сара умерла жепа! Некоторо времо прошьло, и он гут: «Ну, брат Семейён, попади на этот столб — посмотри: какая бы девка, какая бы баба мне в каком-нибудь городу может мне <досталась>, ту и возьму себе замужь. Какая крашивая!» [Едва] Симиён попал. Смотрэл да, смотрэл да, смотрэл да, смотрэл да — спустился.

² Т. е. их.

³ Т. е. пошел.

⁴ Т. е. тебе.

⁵ Задумчиво, обстоятельно, негромко.

⁶ Т. е. на конюшню.

⁷ Сквозь смех.

«Ну, видел?» — «Видел!... Видел!.. У цара Федула — дочь прекрасна Командула!» — «Ну, надо к ней послать!... Вора, и по дну кораб вешти, и это — корабель с одним окном». Вору гут: «Кого тебе надуть?» — «А мене, — гут, — надуть двенадцать, — г-т, — «манганов», стобы вше наполненные с товаром было — со всяким-разным товаром. И самые первые сто-не⁸ гадские,⁹ <...> — да китайки нагрузите. А самые дальние хорошие. И потом у нашего купца, которо я роботал, есть, — гот, — кошечка и скрипочка. Это, — г-т, — мне очень нужна она!» — «Дади-им!»¹⁰

Все нагрузились это и пошли город. Бежали-бежали, под город подбежали, сходни выбросили, по сходням вишли; стали хадуть тут. И приходят, «он как продавец. Люди все говорят, что» иностранные прияхали, с таким-то грузом, продают хороший матерьял, вше-о! Потом он играет: скрипочка играет — кошечка пляшет.

Ну, а вдруг об одну пору сар вызывает ёго: «Ну-ко, приди-ко суда, заходи! Зайди!» Зашел. «Откуда вы?» — «Мы иностранные, ездим с матерьялом, торгуем, <...> с такого-то городу». А видит он: дочь-то ходит, дочь прекрасна Командула. «О-о-о! Я не взял «скрипочку и кошечку» — стал «бы» играть!» — «У вас, — г-т, — есь, газетка, скрипочка и кошечка?» — «Е-е-сь; у нас, как же!» — «Ну принесите!» — «Принесу!» И ён принес. Стал скрипочку играть — кошечка стала плясать. Ха-а-а! Ну — залюбовались вше! Ну как же: скрипка играет, а кошечка пляшет! Ну, сар: «Ну, завтра приходи ещё раз!» — «Приде-ом, чёго тут!»

Ланно. Утром встал: «Ну, робяты, — г-т, — я уйду щас. Мбэт быть, дочь прекрасна Командула придет — где гадкой матерьял, тут пуштите: пусть выбератцы — и дъвери закройте! Я приду — потом. Пузь¹¹ выбератцы. Ну, хороший матерьял не показывайте: вот тут пускай она копаццы — вшо!»

И утром встал, — хм!, — побежал! Ну — воходит, поздравствуйте: «Здравствуйте!» — «Принес скрипочку и кошечку?» — «Прине-ос!» А дочка, прекрасна Командула, г-т: «Ну, я пойду к вам на корабель, сто-нибудь куплю». Он: «Пожялуйста, пожялуйста! Там есь — продают — кого хотите». Взял стал играть скрипочку. Кошечка стала плясать. Ну — вше удивилиши. Ну, сар этот говурит: «Ну, не мозет ли будет, не продашьте к нам?» Он г-т: «Ну продамте, <...> засем продавать? Ну, так я могу вам оставить, и вшо! Ну только, — гут, — знаете чёго? Она же моя привисяная! Мы¹² мбоготе окно закрыть цюгунными ставеньями покрепче, ворота все заперте тоже покрепче — тогда она только будет плясать. Покуда не привыкнёт. Ссас, ссас-то от меня, — г-т, — останется, она не будет плясать! А вот это, — г-т, — шо, — г-т, — чугунными закроете — тогда, — г-т, — она будет плясать;¹³ скрипочка играть ста [нет]». Ну ланно! Приказал [царь]: «Закрывайте!» Ну, «До швиданья!» — «До швиданья!» — «Я потом зайду?» — «Зайди». Вышёл — ушёл. Тот приказывает ворота вже¹⁴ закрывать.

На кораболь пришел: «Ну как? Дочь прекрасна Командула ждесь?» — «Ждесь!» — «Ну-ка отцяливайте!» Отця [лили].

А там — играет! Скрипочка играет — кошечка пляшет. Кричат хозяйку — «не видно» хозяйку. И ворота ломать стали, и окна ломать стали! «Чёго случилось?» — «Война!» — «Как война?» — «Хозяйку унесли!» — «Кто унесли?» — «Вот — катер унес!» — «Какой? Как катер унёс?» — «Ну, унёс!» — «Ну дайте, у нас огонь есь — катер: огнём палил, дымом дышил <...>. Пузь найдет!» Послали! Эти йдут. Видят: катер. Огнём палит, дымом дышит. «Ну, брат Семён, как же ты хотел

⁸ Т. е. что-нибудь, какие-нибудь.

⁹ Т. е. гадкие, плохие, дешёвые.

¹⁰ Басом.

¹¹ Т. е. пусть.

¹² По смыслу нужно «вы».

¹³ Сквозь усешку.

¹⁴ Вероятно, «вше».

уведать?» — «Посто-ой, уведу!» Он выходит на пал[убу], хватает за нос («чук!») — корабель утопил. Те как бежали — да мимо пробежали. А он сзади выплыл — плывёт!

Плыли-плыли — и подплыли под свое сарство, сходни выбросили и по схонням вишли. Приводят сар[у] эту сарскую дочь, прекрасну Командулу, и стали они с ней жить дак быть, поживать да до топере.

27. ПОСТАВИЛ ПЛЁНОЧКУ НА ПЕТУХОВУ ЖЁНОЧКУ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был сар. У него не сына, не доч. Богу просит, молебны служит: «Дай, бох, сына либи доч: при старости на заману, при бладошти на утеху, при шмертном часу — на помин души».

Жили-жили — об онну пору жена стала [в] положенее. Мисяцы исполнился — родился сын. Окупали-окрестили, йма дали Иван-царевич. А он растет не по годам, не по месяцам — как пшенисное тесто на опары приздымаццы, так и он кверху.

Вдруг об одну пору — он подрост — отдали его учиться. И у него есь два товарища — министерские сыновья — тоже с ним стали училцы. И покуда оне училищ, это времо у короля родилашя доч; и этот сар поехал и написали бумагу, стобы виришли¹ — и замуж вжалиша.

Вот эти робяты училишь-училишь, училишь-училишь — и, как говорится, выучилишь. И у этого у Ивана-саревича — отец помэр. Он шел на ёго сарство. И стал об одну пору пересматривать у ёго дохумент. И нашел он эту бумажку. «Ага! — гот, — значит, где-то ешь у мепе жена-а!»

Он сацище — и поехал. И эте же два ёго министерские сыновья — вмешьте поехали. Они спрашивают: «Куда поехал?» Он гут: «Я поехал туда — отец мой, когда молодой был, поставил плёночку на петухову жёночку. Эсли жёночка попала — жёночку возму, а жёночка не попала — плёночку сыму!»² Они усмехнулись и говорят: «Может ли быть до этой³ поры плёнка лежать остала — жёнка бы не скисла?»⁴

Ланно! Пояхали дальши. Яхали-яхали — он тут гот: «Робяты! Ну-ко давайте чай пить будём!» — «Давайте!» Стали дров искать. Искали-искали — не могли не одну палку найци. И он ходил-ходил — нашел... чёго-то такой... и — пришел чайник сварил. Товарищи приходят. Говурят: «Как сварил чайник?»

— Божьим мосла-ам!

— Ну как ты мбогошь божьим мосла-ами сварить? — г-т.

— А я сварил божьим мосла-ами!

Ну и отвечает: «Мы доедем — королю позялуемся».⁵ Лан[но]!... По-ехали дальши.

Яхали-яхали — и увиделсы город. «Вот, — гут, — у короля, — гут, — одно окно прикашы!»⁶ Ну, думают: «Мы доедем — позялуемшя. Ну как?... Куда там?» Дояхали! Стали шидечь. Вот, говорят... стали свататься — они... он даёт вроде по накандашки, а он же не знат: желих-то приехал!

Ну тогда они стали на него жаловаться: «Мол он, — гут, — говорит, сто мы спрашиваем у него, что куда поехал?» Он гут: «Отец мой молодой бул, да поставил плёночку на петухову жёночку; если жёночка попала — жёночку возму, а жёночка не попала — плёночку сыму!»

Ну-у, король отвечает: «Не может быть, — гут, — чтобы плёнка лежать осталось, жёнка бы — не искисла». Ну он г-т: «Пока стоит — плёнка — а не знаю, — г-т, — жёнка попала или нет!» Потом отвечает,

¹ Т. е. выросли.

² Усмехается.

³ Возможно, «до эдакой».

⁴ Усмехается.

⁵ Смешок.

⁶ Т. е. перекошено.

сто «потом мы поехали — прислошь шяй пить. Дрова не могли надти, а он, — гут, — отвечает: „Я сварю, бозьим мослами!“ Мы у него спрашиваем! — „Ну как, — гут, — он мógот божьим мослам сварить?“» Он выдёрьгиват из кармапу ть палóчку и подáл к нему: «Вот как, — г-т, — я сварил!» А король прочитал, посмотрэл на эту палóчку и сказал: «Дейшвительно сварил», — гут. Ланно!⁷ «Потом, — гад,⁸ — увиделсы когды ваш город — и говорит: „Вот — робяты, — г-т, — у короля овно окно прыкашь!“» — «Ну как овно окно прыкашь? — гут. — У мене окны вше прамы!» — «Нет, — гут, — прыкашина чуть у тея тут шидит — за столом». Пошлы мэрить! Встать второй раз: «Прыкашь, — г-т, — вше ровно прыкашь!» Второй раз пошлы тожé. Смерли — в точь-и-в точь! «Ну, — г-т, — вше ровно прыкашь!» Тречей раз пошлы: «Ну где, — г-т, — как же?» Тут посырэзнее стало, винно, у них.⁹ Ну, он отведаёт ёму: «Видишь, — гут, — как? У вас, — г-т... — ваша дочь, — гут, — прыкашь? И значит, окно овно прыкашь: она же под окном сидит! Прыкашь немножко — знат, окно ей прыкашь!» Ну, король подумал: «Правэльно!¹⁰ Раз она прыкашь под которым окном сидит, значит — окно прыкашь!» Ну, потом¹¹ оп гут: «Ну-ко!» Вот выдёрьгиват бумажку и подоёт: «Вот, — гут, — моя плёночка, а вот, — гут, — шидит моя жёночка!» Король прочитал эту: «Дештвительно жь! Вот же его плёпка, а вон его жёнка — оба остались!» Ну, они сказали к нему, сто... а к ним — сто «я-а за вас не отдаю, а у нас вот было с ихим отцом такой договоренпошь: отдат эту доч за него замуж!» Он приехал домой, стали оне перовать-столовать двенадцать суток без пробуду; нищие, бенные, подзамочники, <...> бочки выкатили. Стали жить дак быть, поживать да до топеря.

⁷ С усмешкой.

⁸ Т. е. говорит.

⁹ С усмешкой.

¹⁰ Игтонационно: как я, дурак, не заметил!

¹¹ Смех.

28. ФЕДОР БЕРМЯТИН

В некотором сарстве, в некотором государстве жил-был сар. У этого сара не сын, ни доч. Жил-жил — об одну пору — призывает своих князей-бóяр, сдумных сенаторов, приближённых министерей: «Присдумайте, пригадайте, присоветуйте! Как достаста скрипатл¹-венец в Вавулонском городе, где живут вавулонские зьмей?» Вше откажалищ. Тому,² — гут, — все отказалищ, сто не достаста.

Второй раз призывает князей-бóяров, думных сенаторов, приближённых министерей: «Придумайте, пригадайте, присоветуйте — как достаста? В Вавулонском городе вавулонские жьмей скипатр-венес. Тому отделю пблжиччá, полбычча, пол-именья своего и половину людей — вот». Вше отказалищ.

На тречей раз тозе призывает князей-бóяр, думных сенаторов, близинных министерей: «Придумайте, пригадайте, присоветуйте: как достаста в Вавулонском городе, где вавулонские жьмей, скипотр-венес?»

Вдруг выходит один — Фёдор Бермятин: «Ваше сарское велисэство! — гут. — Хотя бы верного слова не даю, а постараюся! До меня сохрани моего отца и матерь». Цар согласилса. И спрашивает: «Сколь... кого тебе надо?» — «Мне катерь, — гут, — надо и три чёловека. Больше того не надыть».

Ланно! Садатцы на катер — поехали. Подъехали они ноцью, где вавулонские жьмей шпят. Он пошел саркву, надел скипотр и венес на себя и стал богу молиться.

¹ Т. е. скипетр.

² Т. е. потому.

Вдруг кто-то к нему отвечает: «Фёдор Бермятин! Вставай, это... хватит!»³ Жмеи встают!» Он как служил, так и служит. Второй раз: «Фёдор Бермятин, — г-т, — перестань служить! Жмеи встают!» Он как служил, так и служит. Третей раз <...>: «Фёдор Бермятин, перестань служить!» Он поклонился — вишол. Пошел — уже пароходе у него людей вшех шьили, один остался; и пошли они пешком. Шьли-шьли, шьли-шьли они — долго ли, корóтко ли — вдруг онбго встретил человека — старик.

— Здрасьте, — говорит он <...>.

— Здрасьте!

— Куда пошел?

— Идём! Жьмеи вот чуть не шьели нас!

— Знаешь чёго? — гут. — Верóвки вас погонят, — гут, — норóвьсь на пóлдень. — гут, — головой упасти! А товарища не страхуй! — гут. — Я пошел!

Тут веровки погонили их: вóт гонить, вот гонить. Как наштигли — п с ног и до головы совшем бьвили ёго! Он упал... норóвьсь и упал на полден. Чувствуе шебе: веровка развиваетце! Рожвилишь — он встал, снова пошёл. Шёл, шёл, шёл, шёл — долго ли, коротко ли, видит: стоит дом. Воходит этот дом — видит: старик, слепой, одноглазой, однорукой, одноногой.

— О-ó! Русская коска,⁴ — г-т, — [у] самóго выросла.

— Да-а, — гут.

Ланно.

— Фёдор Бермятин, — гут, — я тебя йисти стану!

— А йешь! — гут.

«Ведро, — гут, — навешьша!» — ведро навешилось.

Ведро закипело. «Ну, Фёдор Бермятин, розувайшь, мойшь! Потом йшьти стам!» Фёдор Бермятин розулса: «Эй, — гут, — не хотел я, — гут, — скрипатр-венец, — г-т, — до белого сара снясти, да, — г-т, — сьмаю!»

Ланно! Говурит (мыться стал — помылса, обтиратцы стал): «Ой, я, — гут, — презде, — гот, — без глаз, да с глазами да, — гот, — делал, без рук, да с руками бы делал, без ног, да с ногами бы делал! Тогда, — г-т, — прислося самому розуватцы!» Отвечает — тот, Идоло погано: «Сёго, — гут, — говуришь, Фёдор Бермятин?»

— Не-е. я, — г-т, — говору: без глаз, да с глазами делал, без рук, да с руками, без ног, да с ногами!

— Меня вилещишь глаз?

— Вилещу!

— Кого тебе нады?

— Мне пóлной алгуй — óлово.

— Оловó?

— «Алгуй, навешьша!» — алгунь навесилсы. «Олово, налейса!» — олово налилось. — Ищё кого надо?

— Трос нады, — гут, — мне — канат. Веровки хорошие, — г-т, — шьтобы чибя завазать!

— Ищё кого надо?

— Шило нада! Веровки увеличь!

— Ну, веровку убавь!

Заставил ёго мотать: мотал да, мотал да, вязал да, вязал да: вшако-разно он ёго — и завязал. Дяготь сварилса! Дяготь нагрилса, нагрелса — он взял да снова в глаз и налил! Тот забилса — да половицы все и выдернул.

— Фёдор Бермятин, — г-т, — ты ягде?

— Я на двирé! — он стены вйломал.

— Фёдор Бермятин, ты ягде?

³ Т. е. хватит.

⁴ Т. е. костка, кость.

- Я... избе! — вторую выломал.
 — Фёдор Бермятин, ты егде?
 — Я на дворе! — он четвертую выломал.
 — Фёдор Бермятин, те ягде?
 — Я побижал!

И тот погопил! Фитимо совшем. Бежал да, бежал да, бежал да, бежал да, бежал да — ножичок вытянул это... тот — Идола поганда стрелил: «Фёдор Бермятин, — г-т, — своёму белому цару, — г-т, — редкость увешай!» — А полюбился — надо бы! Смотрит: «О-ой, крашивой ножик!» Только перстик⁵ подбожил и — прильнул! Ножик отвечает: «Хозяин, — г-т, — беги: держку, да худо!» — потом этому. Тот догонять стал — он [Фёдор] перштик посередине отрезал да дальши! «Ну, — гот, — Фёдор Бермятин! — гут. <...> г-т, ты в Омолонском городе, — гут, — Омолонскую змею омманул! Омманул ты, — гут, — Старичица-оплеталиша, омманул ты, — гут, — меня, Кривого розбойника — не омманешь, — гут, — на Золотой горе Прекрасного сара!»

Чёго? Ушел!

Шел, шел, шел, шел — долго ле, корбтко ле — видит: стоит дом — хорошей дом! Вошел в этот дом. А! Пустая краваная лопать⁶ лежит. Дава-ай мыть! А хозяин — ниту дома. Мул, мул, мул⁷ — вшю перемул — рожвешил⁸ на улицы. Вдруг стукы застучали, громы загрэмели, смотрит: прияхал мушшина кокой-то — ну, богатыр! А этот вжал под койку запратакса. Вдруг воходит мушшин. — Ой, какой, — гот, — хорошеёй чё-ловек, — гут — лопать-то намыл, — гут, — вийди, чего запратакса?

— Я-а, — гут, <...>.

— А чего, — гут, — прачесся?

— Ну, — г-т, — голову убьёшь.

<Стал раздеваться> — женица. Дже, «Жить станем?» — гут. «Ага, станем, станем, — гут он, — жить!» Самому — <...> надо идти как-то домой.

Ладно! Жили-жили — жена⁹ стала у него — эта баба — интересном положении. Вдруг родилса сын.¹⁰ Родилса сын; немножко побжили — она тоже еждит воёвать. Кааной дещ еждит воюет: и воюет, воюет, воюет — вшю дорогу! Вдруг — об онну пору — говорит Фёдор Бермятин, сам про шебя: «Пойду лес — лодку делать: побегу! Надо яхать». Она выедет воюет — он ту пору уходит лес да лодку делает. Лодку дошел — это ветка, вот она у меня вот здесь.

Ланно! Мезду этим делом у них мальзык взросленькой стал. Ну, об одну пору она уехала — он пошел. И поцеловал сына. Он его хоп за шею! Вот биться, вот отбиваться, вот отбиватце! Выстукивалса — <стук>-громы загрэмели. Отпустил! Восла — ничего; ничего-о не говорит!

На второй раз уехала. Думает: «Не буду прощатцы, щас пойду!» До порога отошел, взглянул: ух, жялко стало! Пошел поцеловал. Тоже за шею, тоже держит так же. Громы загрэмели, молнии засверчали — парень отпустил. Воходит, гут: «Ну, — гут, — Фёдор Бермятин, ты, — г-т, — бежать хочешь».

— Э-э-э! За чем я от тея побегу!

— Парень, — гут, — часто на тея смотрит. Как ты, — гут, — не бегай — побегу догнаю.

Ланно! Джебъ. Переночёвали — и уехал, не стал он прощатцы. Вышол <— лодку толкнул и поехал. Над ним на коне пролетела жена и> отвечает, г-т: «О-оу, Федор Бермятин, — г-т, — ты сто крадты ушел? ¹¹ Ребёнок, — г-т, — будет пол-ту твой, ведь пол-ту мой», — и пролетела. Немного погодила — прилетела, робёнка-то розодрала: «На вот, — г-т, —

⁵ Т. е. пальчик.

⁶ Т. е. кровавая одежда.

⁷ Т. е. мыл.

⁸ С усмешкой.

⁹ Сквозь смехок.

¹⁰ Смешок.

¹¹ Т. е. крадучись.

пол-ту твой, а пол-ту мой — пошерёдке», — <...> убила робёнка-то, роздоралá да пол-ту к нему в лодку бросила. «Ну, — г-т, — Фёдор Бермятин, — г-т, — наказывать стану! Хоть, — г-т, — как чшжол, да. Нпмножко, — г-т, — поёдешь — глаза завяжи. Лодку падать станут чёго — ты, — гот, — так и выбрасывай, так и выбрасывай! Да что-нибудь три раза по одному уподёт — это кармап положи!»

Ланно. Где яхать? Где яхать? Где яхать? Немнозко попоыхал — яхал-яхал — глаза завязал. Дёрнуло его биструю такую речку, и чувствует: кто-то падат. Так выбрасыват, выбрасыват, выбрасыват. А <...> по одному разу — три штуки упали. Он кармап положил. Попоыхал — глаза отъязал. Поймал — посмотру, г-т: поймал — три камня: брелльян-камень, яхонт-камень, драгацен-камень.

Вышел — лев-жверь да жмей-полоз дерутся. У него — ружьё. Он мётиса-мётиса, да жмея-полоза убил, стрелыл-да. Вдруг — этот кричит, лев-жверь: «Эй, кукой, — г-т, — православной человек <...> живот меня?» — «Я, — г-т, — Фёдор Бермятин».

— Куда, — гот, — пошел?

— А — домой, — гут, — к своёму, — г-т, — белому сару!

— Ну, — г-т, — на мне паедешь или, — гут, — ветке поедешь — три года будешь яхать, а на мне поедешь — третчей день взойдешь. Давай, — г-т, — садись на мне, глаза завяжи, и поедем. Я тея попесу сам: ты меня избавил.

Нёс, нёс, нёс, нёс — долго ле, коротко ле. «Ну, — г-т, — отвежи глаза, ссас город увиделса». Город увиделса.

— Ну, — говорит, — пить станете, — го-рит, — там, гулять станете, — г-т, — но не скажи, — г-т, — только, что «я на леве-жвере яхал».

— Не-е-е, зачем, — гут.

— Только ня хвастай, — г-т.

— Ланно!

Ушел. Спростилса, ушел.

О-о, там приняли — принес три камня: брелльян-камень, яхонт-камень, драгацен-камень и — скрипарт и венес. «Ой, — г-т, — те царь не знает, где мешто даты!» Дашпили¹² бал, сталл вше хвастать: кто там добром, кто там жонами, кто там... — ну, чем ни е было. К нему г-т: «Ну, Фёдор Бермятин, ты <месяц, — гут, —> проездил, похвастайся сем-нибудь!» — «Ну-у, я сем стану, — г-т, — хвастать!»¹³ Шидел-шидел — и вдруг у него и вискочило: «Ви, — г-т, — кого хвастали? Я, — г-т, — сто — сто лев-жверь я один, — г-т, — похвастаю». — «Вот, — г-т, — это бе-да-а», — это сар.

Немного погода кричат, что лев-жверь идет, так людей сразу всех ест. Кто попалса, так вшех ест. «О-о! — он [Фёдор] гут, — ваше сарское величество! — гут. — Дайте мне боцьку шпирту». Сар г-т: «Бери!» [С]хватил эту бочку шпирту и пакатил к нему встречу. Дья, этот пдет...¹⁴ <...>

— Эй, лев-зверь, ты воротись! Это не я хвастал!

— А хто хвастал?

— Русска хмэль!

— Как русска хмэль?

— Ну русска хмэль!

— А где она?

— Вот! Ну-ка!

Открывает кран: «Ну, пей! Вот русска хмэль!» Лев пил да, пил да, пил да, пил да — ну упал, и ляжит шпит. Он [Фёдор] пошел, вытесал палку — и стал этой палкой ёго бить.¹⁵ Бил да, бил да, бил да, бил да. «Ну, — думает, — ладно!» И палку у него загрёб и у него шял да шидит. Лев-жверь подвёрнетцы — «ой!», пишевелитцы — «о-ой!»

¹² Т. е. доспели — сделали.

¹³ Далее — сквозь смех.

¹⁴ Сдерживаемый смех.

¹⁵ Смех.

— Тчёго, — г-т, — больно?
 — Ага, больно!
 — Вот, — г-т, — ты меня сегодня самого измучыл. Вот, — г-т, — ты не знашь, чёго... из-за чёго больно?¹⁶
 — Нет!
 — Вот это — русска хмэль. Ты пойдешь, на дерво наткнешься — я тея поддержу; там пойдес, наткнешься — я тея поддержу... Вот, ты чувствуешь?
 — Не чувствую!
 — Ну вот, я также не чувствовал.
 — Ну, Фёдор Бермятин, хвастай до смерти мною!¹⁷
 Ладно! Говурит — пошел к цару. Цар к нему одному отставил полжитча, полбиття, полвина свой город, половина людей город. И стали они жить да быть да до топере!

¹⁶ Ехидно.

¹⁷ С ухмылкой.

Иван Николаевич Чикачев

29. КОТ-БАЮН

Жил-бул хришянин. У него сын. Этот сын ходит по городу и робэтишек обидит. Об онну пору сар его призвал и дал такую гумату к нему, чтобы этого парня нигде не принимали. И написал ему в этой гумате прозвище — Ванька Беспригульной.

Пошел он, значит. Подошел в один город. И зашел в онну палату. Там живет девка. И стал у этой девки жить. Услышал сар, призвал этого парня и сказал: «Что ти без разрешения живешь здесь? На чебя задача — поди туда, есть в лесу связанной на железных цепях кот-баюн. Этого кот-баюна приведи». Ланно. Пришел к девке, значит, он. Рассказал. Девка сказала ему: «Спасу молись, спать ложись. Утром вечером будет мудренее». Утром стал, значит. Она дает к нему три прута: железной, менной, оловенной. И дает большие счесы (щипцы). И сказала к нему она: «Пойдешь лес — будет завязанный кот-баюн. Вожьми этими счесами и зажми его рот. Первым прутом дери — оловянным. Когда изломается этот прут, вожьми, дери железным. Изломается железной, дери менной. Когда будет менный прут гнутья, этот кот-баюн возмолится, скажет, что „я буду служить чебе“. Ти его вожьми и приведи».

Пошел этот парень в лес, видит: связанный кот-баюн на цепях. Направо пойдет — песню поет, налево пойдет — сказку сказыват. Зажал этими счесами ему рот и стал драть оловянным прутом. Прут у него изломался. Он взял железный прут. Стал драть — прут изломался. взял оловянный,¹ стал драть — прут гнетя, не ломается. Тозна,² значит, кот-баюн возмолился: «Отпусти, — говурит, — меня, я буду у чебя служить». Он тозна его взял отвязал и повел. Повел в город к этой девке.

Сар его призвал: «Как, — говурит, — привел кот-баюна?» Он говурит: «Привел». — «Приведи, — говурит, — мне». Он привел цару этому кот-баюна и сказал: «Кот-баюн, покажи свою храбрость». Тут стал он равкать, огнем палить, дымом дышать. Сар испугался и сказал: «Убери, — говурит, — своего кот-баюна». Тот убрал, вжал себя. Немножко пожили — опять призвал его. «На чебя, — говурит, — есть задача. Поди, — говурит, — в лес, принеси не живое и не мертвое». Пошел в лес, поймал воробья, и принес этого воробья, и стал подавать.

¹ Описка собирателя; надо: медный.

² Т. е. тогда.

сару. Сар потянул руку — он отпустил этого воробья. И воробей улетел. Сказал сару: «Вот тебе не живое и не мертвое».

Немножко пожил. Призвал сар его. «Поди, — говорит, — туда, сам не знаешь куда, принеси то, неведомо что». Пошел вон. Видит: гора. В этой горе дыра. Вошел в эту дыру. Стоит дом. Дом запертый. Немножко от дома запертался и ляг. Видит: идет старык, сам с ноготок — борода по полу волокется. Вошел в этот дом и сказал: «То, неведомо что, приготовь обед!» Ниоткуль, значит, вше сварепное, приготовленное на стол попадало. Пообедал этот старык и ушел.

Этот парень сзади его пошел в этот дом и сказал: «То, неведомо что, приготовь обед». Вше попадало на стол. Шял обедать этот парень. И сказал: «То, неведомо что, обедай со мной». Там отвечает человек: «Какой, — говорит, — хороший хозяин: приглашает с собой обедать! А я, — говорит, — у этого старыка работаю трэччий год, и не разу не приглашал». Этот парень говорит: «Тозна, — говорит, — пойдем со мной?» А тот отвечает: «Пойдем». Парень говорит: «Ти как пойдешь?» А там отвечает: «У чебя в кармане». Парень в кармане ищет — ништо нету. Пришел в свое сарство, в свой город.

Сар его призвал. «Как, — говорит, — нашел?» Парень отвечает, говорит: «Не нашел». Тозна сар ему сказал: «Завтра утром чебя будем казнить. Повесим, — говорит, — на петлю». Парень ему сказал, сару: «Сострой, — говорит, — дом, чтобы этот дом весь город люди поместился». Состроили этот дом. Люди припли тут, весь город вошел в этот дом, а сара еще нету. Парень сказал: «То, неведомо сто, разоставь стулья!» Ниоткуль эти табуретки попадали, и вше люди ушались — вшем людям места хватило. Цар пришел. Шял. Парень сказал, говорит: «То, неведомо что, разоставь пусуду». Пусуда разоставилась. И разные закуски. Цар стал пить — и такие продукты цар нигде не видал. Некоторые продукты ест, иные в карманы кладет — докучит обзарился. Люди вше напильсь, наелись. Парень сказал: «Все напильсь? Все наелись?» Отвечают: «Все». Парень сказал: «То нету, собирай все». Все собралось. Сар в это время вишол и удавился. А парень пошле егой смерти шял на его сарство. И стал саром. И эту девку, у которой жил он, ее вжял замуж.

И стали играть свадьбу двенадцать суток без пробуду — нищие, бѣнные, подзамочники, подтюремщики бочками катили.

30. ХУДАЯ ДЕВКА

Жил-бул старик со старухой. У него три дочери. А от них недалеко живет сар. Эти две девки в проходную моются, наряжаются сару на баби,¹ а трэччья из них плохая совшем. Мулись, мулись и пошли. Вше три сестры. Идут. Видят: человек молоко переливает. Припли этому человеку. Этот человек говорит: «Пасынови дочерья, помогите мне молоко перелить». Джэ, шестры говорят: «Ми сару на баби идем, да чебе какой станем молоко переливать, руки пачкать?!» А трэчча помогла к нему перелить молоко. Пошли дальше. Видят: человек сору да кумыс переливат. «Пасынови дочерья, — говорит, — пособите перелить сору да кумыс». — «Ми, — говорят, — сару на баби идем, да чебе какой станем сору да кумыс переливать?!» А трэчча шестра к нему помогла. Пошла дальше. Видят: человек в болоче тонет. Пасыновним дочерям говорит: «Видерните из болота». Они говорят: «Ми сару на баби идем, да чебя какой станем видергывать?» А трэчча шестра, эта плохал, видернула его. Дал он к ней три прута: менной, оловенной, железный. «Когда, — говорит, — уедет сар в серку венчаться, ти вожьми железный прут и поди в поле, есть там холм, ударь этим прутом по холму. Узнашь, чего будет».

¹ Т. е. царю в жены.

Пришли эти девки сару. Жял сар эту онну девку-то замуж, а другая шестра у них служанкой. А эта плохая шестра лежит за печкой.

Сар пояхал венчаться. Прияхали в серку. Стали под венес. Эта плохая девка висла, вжяла железный прут, посла этому холму, ударила по холму — вдруг стала одётая, крашивая и золотые караты. Шяла на эти караты и пояхала в серку. Прияхала и восла в серку и стала в углу. Вше люди засмотрелись, и сар засмотрелся, и венчание прекратили. Отложили до утра. Эта девка висла наперед, шяла на карату и уяхала. Караты потерялись, сама стала такая же плохая, легла за печкой, лежит. Прияхал сар и эти девки. Она спрашивает у них: «Как, — говорит, — шестра, венчалася?» Она к ней отвечает: «Нет, — говорит, — какая-то девка приезжала и к нам венчаться не дала». Шестра говорит: «Не я ли була?» Виволокли эту девку, стали бить: «Ты эдака худая, да такие говори говоришь. Хочь бп тебя сар сказнил». На второй день пояхали венчаться. Посла эта девка к холму, ударила оловенным прутом и стала такая крашивая и хорошая, стали у ней золотые караты, пояхала на этих каратах в серку. Восла и стала на вчераснее место. Вше люди засмотрелись — и сар смотрит и дивуется. Тоже свадьбу прекратил. Она вишла, шяла и уехала. Караты потерялись, сама пришла и легла за печку. Прияхал сар и шестры. Она спрашивает: «Шестра, — говорит, — венчались?» Она к ней отвечает: «Нет, — говорит, — какая-то девка не дала венчаться». — «Шестра, — говорит, — не я ли була?» Виволокли эту девку, стали бить, даже голову проломил. «Хочь бы тебя сар сказнил». На другой день пояхали венчаться. Сар вжял смолу. Прияхали в серку. Вжял это он смолу, вимазал пол, агде эта девка стоит. Посла эта девка, этому холму ударила серебряным прутом, стала крашивая, стали золотые караты. Шяла и пояхала. Прияхала в серку. Восла и стала на вчераснее место. Сар как увидел, и побежал к этой девке. Девка вискочила, а башмак прильнул к этой смоле и остался тутака. Сар вжял башмак и говорит: «Чия нога подойдет этот башмак, ту и замуж вожьму». Стал этот башмак возить по вшем городам и каждой девке надеват на погу.

Никому не пригодился. Кому большой, кому и не воходит. Сар задумался. И анезду ходил по своей комнате и увидел эту девку за печкой. Виволок эту девку. «Не эта ли, — говорит, — девка?» А че девки кричат: «Не хватай, замарашша, она худая!» Виволок сар эту девку. Стал надеват башмак. Надел — так тут и було. «Значит, — говорит, — эта моя суженая. Завтра будём венчаться». Утром стали. Пояхали венчаться. Она к нему говорит: «Ти поедь, а я буду сзади». Сар уяхал, она посла этому холму, ударила серебряным кнотом и стала така крашивая, стали золотые караты, и прияхала в серку. Стали венчаться. Обенчались. Прияхали домой. Стали играть свадьбу двенадцать суток без пробуду. Нищие, бенные бочками катили.

31. БЕЛОМОНЕТ-БОГАТЫРЬ

Жил-бул сар. У него дочери и сын. Сыну имо Ивап-саревич. Немножко пожили — сар со сарицей умерли. Они немножко поплакали, сидят вечером. Друг на палату поннялся человек. «Ивап-саревич, ти есть?» Он говорит: «Есть!» — «Дай старшую сестру замуж». Он говорит: «Не дам». — «Добром дашь — добром вожьму, худом дашь — худом вожьму». Лягли. К утру стали — увжа старшая шестра нету. Стали плакать.

Стал вечер, гоже поннялся человек на крышу. Тоже говорит: «Ивап-саревич, дай шереннюю шестру замуж». Он говорит: «Не дам!». Лягли. Утром стали. Шеренняя шестра уже нету. Тоже стали плакать.

Вечер стал. Тоже поннялся человек на крышу. «Ивап-саревич, дай меньшую шестру замуж». Он говорит: «Не дам!». Лягли. Шестру повалил палистенку, сам ляг на край. Завязжал за шестру ремень, протянул за дверь, завязал колокольчик за ремень. Лягли. Немножко

услыли. Друг колокольчик зазвенел. Бросил руку палистенку — шестра уже нету. Встал. Пошел конюшню, стал коня выбирать. За гриву поймать — шея рвется. На шпину положит руку — шпина ломается, за хвост поймат — хвост рвется. Пошел пешком. Идет. Видит: волк бегот. Почянул лук — на него. Он говорит: «Не стреляй меня. При нужном делу гождусь». Он стралы склал. Пошел дальше. Видит: два ворона лечат. Почянул лук — ворон говорит: «Не стреляй, — говорит, — при нужном времо гождусь». Пошел дальше. Видит: песец бегот. Почянул лук — песец говорит: «Не стреляй меня, при нужном времо гождусь». Пошел дальше. Видит: стоит палата. Висла его старшая шестра. «Иван-саревич, — говорит, — зачем пришел? Почему пришел сюды? Мой муж убьет чебя». — «Твоему мужу охто имо?» — «Гром Громович». Там нашла, накормила. И повалила.

К вечеру стук застучал, гром загремел: прияхал Гром Громович. Вишел его Иван-саревич встречать. «Здравствуй, зятенек!» Он отвечает: «Здравствуй, суринок!» Развели они разговор. «Куды пошел, Иван-саревич?» — «Я, — говорит, — искать пошел шестер своих». Он к нему отвечает: «Твоя шестра близко живет». Он пошел дальше. Видит: стоит палата. Вишла его шеренняя шестра. Так. «Здравствуй, Иван-саревич! Зачем шюда пришел? Мой муж убьет». — «Твоему мужу имо охто?» — «Вихор Вихорович». Напоила она его. К вечеру стук застучел, гром загремел: прияхал Вихор Вихорович. Вишел Иван-саревич встречать. «Здраствуй, зятенок!» — «Здраствуй, шуринок!» — «Куды пошел?» — «Я пошел искать шестер». — «Твоя меньшая шестра живет близко». Пошел дальше. Видит: стоит палата. Вишла его меньшая шестра. «Иван-саревич, зачем пришел? Мой муж чебя убьет». Напоила его, к вечеру стук застучел, гром загремел: прияхал ее муж — Ветер Ветрович. «Здраствуй, зятенок!» — «Здраствуй, шуринок!» — «Куды пошел?» — «Я пришел, — говорит, — к меньшей шестре». Спрашивает Иван-саревич: «Ты, — говорит, — куда ездить?» — «Я — говорит, — воюю трэччий год с Беломонетом-богатырем». — «Давай, — говорит Иван-саревич, — мне коня, я поеду». Ветер Ветрович говорит: «Он чебя убьет». — «Пускай», — говорит.

Пояхал Иван-саревич. Видит: стоит пачор. Ходит конь. Конь ест траву белояровую, пьет воду ледянную. Богатырь храпит — вещь пачор дрожит. Атпуштил коня своего Иван-саревич. Иван-саревича конь прогонил этого коня с той воды и с той травы. А сам Иван-саревич вошел ему в пачор и затолкал за палистенку. Беломонет-богатырь когда проснулся, и вишел на улицу. Смотрит: чей-да конь его коня прогонил. А пачор нету. Диво стало ему. Пришел в пачор, сгленул: у него в палистенке человек шпит. Виволок его за онну руку, за онну ногу. Иван-саревич и говорит: «Беломонет-богатырь, подавай воды омуваться». — «Зачем буду я, — говорит, — давать?» — «Ти би мне прияхал, я бы чебе подал. А я, — говорит, — прияхал — ти должен подашти». Беломонет-богатырь из себя бул умный человек. И подал ему воду. Иван-саревич говорит: «Беломонет-богатырь, подавай полоченцо». Тот ему подал.

Пояхали в чистое поле. Стали рубиться саблями. Никоторый никоторого. Стали тыкаться копыями. Никоторый никоторого. Поченулися через лошадиные шеи. Никоторый никоторого. Стали рукопасным боем, недолго ходили — у Беломонета правая нога поддомился, левая раскочилася, и упал Беломонет-богатырь на землю; а Иван-Саревич шиял через Беломонет-богатырь, и [тот] говорит: «Иван-саревич, парй белые груди и вынимай речиво сердце». А Иван-саревич и говорит: «Очес благословения не дал. А лучше ти будь меньшей брат, а я буду старшой». Беломонет-богатырь говорит: «Не буду братоваться. Пари мои белые груди и вынимай мое речиво сердце». Тозна Иван-саревич расстегнул золотые булаты богатырские, вше пристежки молодеские и увидел на груди большой крест. И сказал ему: «Беломонет-богатырь, — говорит, — будь меньшим братом». Тогда Беломонет-богатырь побратовался, стали

жить. Иван-саревич и говорит: «Беломонет-богатырь, ты с кем воюешь?» — «Я, — говорит, — воюю трэччій год Ягой-бабой». Пояхали воеваться они с Ягой-бабой.

Сильно рубит пилы Ягой-баби — у ней как из земли выходит. А сама Баба-Яга сидит на железной ступе и железным пестом правит. Наконес Иван-саревич и поганил эту Ягу-бабу. Яхала, яхала на этой ступе и в землю провалилася. Иван-саревич тоже за ней провалился. Пошел по дире; видит: кузнецы куются. Иван-саревич и говорит: «Кого кудте?» Они говурят: «Яга-баба нас¹ замучила, трэччій год куем шилу железных людей». Иван-саревич говурит: «Научите меня ковать». И этим молотком у вшех у кузнецов головы вирвал и пошел дальше. И нашел эту Ягу-бабу. И эту Ягу-бабу тоже убил. И назад воротился он. Так.

Вишел из этой дилы. Пришел своему Беломонету-богатыру. Беломонет-богатырь уже женился, живет со женой. Немножко пожили. Иван-саревич осердился чо-то па него. Вишол, поставил свой шачор и сидит один шебе и думат: «Пойду послушаю, Беломонет-богатырь про меня чо-нибудь-то баат. Ешли про меня баят — убью». Пошел слушать. Беломонет-богатыр и говурит своей жене: «Ой, душенька, кака ти крашывая!» Она к нему отечат: «Я некрашивая. За мором есть Марфита-саревна, она мулась в моро, и ее пену принесло, и той пеной я мулась и штала крашивая». Пришел Иван-саревич назад. Поймал своего коня, пояхал Марфиту-саревну искать.

Яхал, яхал, яхал. Увидел: штоит город. Прияхал в этот город — стоит трехэтажная палата. Вошел в эту палату — сидит Марфита-саревна, даже от самой швет: така крашивая. И поженился он на ней. Она уезжает верх на корабле — торгы торговать, животы наживать. А этот Иван-саревич остаеся один. Она к нему говурит: «Иван-саревич, чибе если скучно, вот мой именник-перстень. Положь его на подушку и смотри, в этом перстне увидишь вше. Как я буду еждить, как буду торговать, как буду животы наживать. И вот чибе двенадцать амбаров: одиннадцать ходи, двенадцатой не ходи, лычком завезевный, говешком запечатанный. В тот амбар не ходи. Ешли пойдешь — чибе смерть и мне шмерть». — «Зачем я буду ходить?» Она уяхала.

Он смотрит в это перстень и видит, как она ходит торгы торгует, животы наживат. И он ходит по этим амбарам, любитесь вшем ее богатством, золотом и шеребром. Подошел к этому амбару. Шпул двери. Двери изломались — и увидел в этом амбаре: человек вешится на ребре. Стоит конь, ест месо. Стоит собака, ест шёно. Стоит человек и говурит: «Иван-саревич, ти агде-нибудь слышал али видел, стобы да конь ел месо, собака ела шёно?» Иван-саревич вжял и перебросил: месо бросил собаке, шёно — коню. И упал обморок Иван-саревич.

Долго ли лежал, коротко ли лежал, учуствовался — никто нету, ни город и ништо. Стоит пель, и на этом пене кукушка кукует. Стал он плакать. Немножко поплакал и пошел. Видит: однобокый китык стоит. В этом китыке сидит Марфита-саревна, Идол Поганой лежит у ней на коленях. Она у него вошки ищет в голове, он у ней титьку сосет. Она говурит к нему [Иван-саревичу]: «Эх, собака, видишь, как съел?» Он [Иван] говурит: «У баби волоша долги, да ум короток». Вжял эту Марфиту-саревну и повел. Недолго пошли, [в]друг Идол Поганой налпчел на крылатом коне и ударыл Ивана-саревича. Иван-саревич в обморок упал. Долго ли лежал, коротко ли лежал, учуствовался — никто нету. Стал, пошел. Видит: однобокый китык стоит. Сидит Марфита-саревна, и Идол Поганый на коленях. Она у него вошки ищет в голове, он у ней титьку сосет. Она говурит к нему: «Иван-саревич, видишь, как, собака, шъел?» Он говурит: «У баби волоша долги, да ум короток». Вжял, повел. Друг Идол Поганый налпчел на крылатом коне, ударыл Ивана-саревича и до шмерти убил.

¹ В рукописи: его.

Коски его отбелели, песцы растаскали. Друг песец прибежал. Полюхал коски его и говорит: «Эх, ушкап хотел добро дошпеть, я побегу к нему». Побежал ушкану. Нашел. Говурит: «Ушкан, ти Ивану-саревичу хотел добро дошпеть?» — «Хочел», — говурит. «Вот, — говурит, — Иван-саревич умер». Ушкан говорит песцу: «Ти пойди к коскам, а я пойду к ворону». Побежал ушкан к ворону. Нашел ворона. И говурит ушкан: «Ворон, ти хотел добро дошпеть Ивану-саревичу?» Он говурит: «Хочел». — «Вот, — говурит, — Иван-саревич умер». Полетел ворон к ворону. И говурит ворону: «Полечим, — говурит. — У сара есть озершо со живой-молодой водой. Тут стоит над этим озерком застава. Я шяду с битончиком на это озершо, а ти голову под крыло да побегу сару во двор». Прилетели над это озершо. Один ворон шял с битончиком на озершо, а другой ворон голову под крыло и побежал сару во двор. Один солдат говурит: «Черной лисица бегот». Другой: «Черной соболь бегот». Трэччий говурит: «Ми убьем да сару в честь попадем». И побежали за этим вороном. А который сидел на озерке, битончик черпнул и полетел, и озерко засохло. Ланно. А который бежал сару во двор, и тот улетел. Стали солдаты ругаться. Этот говурит: «Ти говорел». Другой говурит: «Ти так говурил». Ругались, ругались и вше убиллись.

Прилетел этот ворон Ивану-саревичу, первой раз бризнул — кости сrostлись, второй раз бризнул — кожа наченулась, трэччий раз бризнул — Иван-саревич на гузно шял. «Ху-у-ху-у, — говурит, — крепко спал, да бодро стал!» Вот они к нему и говурят: «Больше нас не кличь. Вот наше добро».

Пошел Иван-саревич, видит: стоит юрта. Пришел — сидит Яга-баба. Напоила его, накормила и говурит Яга-баба: «Прохрани у меня кубул, я чибе дам жербенка — вибери сам». Поганил этих кубул. Пригонил на чистую полянку и сидит. Солнце посло на утро — Иван-саревич уснул.

Разбудился. Кубулы нету. Дэ запечалился. Недолго посидел, вдруг слышит: лес щелкается — кубулы бегут, зади волк гонит. Пригонил кубул, и волк говурит: «Иван-саревич, вот мое добро». Приганул этих кубул Ягой-бабе. Иван-саревич говурит: «Вот, прими кубул».

Старуха выскакивает из избы на двор. И бьет кубул этих. И говурит: «Суки ви, б...л почто не убежали? С Иваном-саревичом, оннако, спать хотели!»² Присла Баба-Яга и говурит: «Иван-саревич, вибери коня!» Выпол. Стоит три жербенка. Два хорошие, а трэччий солком³ в ранах. Он не жял хороших, а вжял этого раненого жербенка. Повел этого жербенка на моро. Стал ее муть рассольной водой. Мешес моет, второй моет, вдруг у жербенка стали расти крылья. Трэччий мешес уже крылья выросли. Шял на этого жербенка, стал летать. И полетел; видит: стоит однокорый китык. Сидит Марфита-саревна. Идол Поганой на коленях лежит, она у него вошки ищет, а он у ней титьки сошет. Она к нему [Ивану] и говурит: «Видишь, как, собака, съел?» Он к ней и говурит: «У бабн волоша долги, да ум короток». Вжял бабу за руку, посадил на коня, и полетели. Недолго полетели.

Вдруг налетел Идол Поганой на крылатом коне и хочет ударить Ивана-саревича, конь кричит тому коню: «Ти, — говурит, — старший, да песешь онну душу, да и ту не православную. А я меньшей, да несу две души, да оба православные. Ти, — говурит, — лети ниже меня и брошь Идола Поганого в огненное моро». Отгуль он полетел ниже и брошил Идола Поганого в моро, а Иван-саревич вжял этого коня, сам шял на этого коня, а баба сидит на своем. И полечели. Увиделось царство. Прилетели. Как було сарство ихо — с двенадцатыма амбарами, и именник-перстень на пудушке.

Стали они жить да быть, добра наживать да лиха избывать.

² Традиционно в образе кобыл показываются дочери Яги.

³ Т. е. целком.

Жил-был холостой сар. На улице старик и старуха у него. Об онну пору у старухи стала нога пухнуть. Немноско прошло — эта нога (колени) у ней лопнуло, и родились у ней шемь сыновей. Очес, значит, жял, положил в корзинку и унес в чистое поле. Сделал из коры загородочку и положил тут этих сыновей. Когда шеют хлеб в городе и наносят на них, эту, значит, они лижут. И потом, значит, от леса потекет сок — они тоже сохнут его. Об онну пору этот холостой сар ездил на охоту и натыкался на этих сыновей. Собрал их и привез их в город.

Спрашивает он них: «Откуда вы родились или пришли?» Они сказали, что «ничего мы не знаем». Сар их прозвал Семь Семеонов. У первого спрашивает: «Какая есть удача?» Он сказал: «Плотник». Второго призвал, спросил: «Какая у тебя есть удача?» Он сказал: «Смотреть». Трэчего призвал, спросил: «Какая удача?» Он сказал: «Стрелять». Четвертого призвал, спросил: «Какая у тебя удача?» Он говорит: «Таскать». Пятого призвал, спросил: «Какая удача у тебя?» Он сказал: «Шатры шить мастер». Шестого призвал, спросил: «Какая удача у тебя?» Он сказал ему: «Воровать». Шеммого призвал, спросил: «У тебя какая удача?» Он говурит ему: «Концы концов схранивать мастер».

Немвожко пожпли. Сар призвал плотника и сказал: «Сострой столбик вишипой до пеба». Ланно. Утром стали — увжа столбик состроен, верхний конец не видится.

Призвал второго, который смотрит; пришел, понялся па эту столбик, пемпожко посмотрел, спустился обратно и сказал цару: «За тры горами, за тры морами есть гора, на этой горе лежит пчица — череж перышко золотая».

Призвал, который стрелять мастер: «Давай, — говурит, — стрельни и убей эту птичку». Он понялся на эту столбик и по этому направлению стрэлил. И, который смотрит, и сказал он, что убил.

Призвал, который таскать мастер. Он, значит, пришел, цар сказал ему: «Пршнеси эту пчицу». Череж две минуты этот парень принес эту птичку — увжа еще дрыгает.

Немножко пожпли. Сар тоже призвал того, который смотреть мастер. «Посмотри, — говурит, — может, агде-пибудь есть мне девка на жены». Он, значит, понялся, посмотрел и спустился, сказал сару: «За тридесатыма горами, за тридесатыма морами, в тридевятю царстве есть у цара дочь. Эту дочь можно, — говурит, — вжясти чибе в жены».

Призвал вора давесного. «Вот, — говурит, — есть девка, украдь и принеси мне». Он ему сказал, сару: «Сострой кораб с двенадцатыма комнатами и нагрузи разные дорогие товары, и вожьми с собой который швей шатры и который схранивает концы концов, и побегом под это царство».

Призвал плотника этот сар и сказал: «Сострой кораб с двенадцатыма комнатами». Поутру плотник состроил кораб. Цар нагрузил разные д[о]рогие товары и вшех этих людей жял с собой. И побежали.

Подбежали под это царство. Которой мастер шить шатры, вжял небольшой кусок мануфактуру, тряхнул — сопились несколько шатров. Разоставил эти шатри по всему берегу. Цар удивляется, что какие пришли как много люди. В[ы]ходят из этого городу этому кораблю няньки и мамки. Они к ним с корабля продают товары. Они этот товар купили и унесли этой царской дочери. Она спрошила: «Б[ы]где ви напли?» Они отвечают: «Продают на корабле». Она, значит, вжала няни и мамок и посла на корабль покупать товары. Присла на корабль, спросила: «Что ви продаити?» Они к ней ответили: «Продаем товар». Вор сказал: «Заходи в посленнюю, двенадцатую, комнату, там есть хорошие товары». Когда она засла в комнату, вишел этот, который шит шатры, рукой махнул — шатры вше снялися и корабль побежал. Недолго бежали по мору, увидели: сзади гонят погоня. Также на своем

корабле дымом дышит и огнем палит. Цар сказал: «Ну, — говорит, — подходит к нам смерть».

Вышел этот, который схоранивал концы концов, пошел на корабль, на нос, затопил этот корабль и повел по-под воде. А та занняя погоня досла до того места, агде патерался корабль, и с того места ворочился.

Этот сар подбежал под свой город, вишли. Пришли в свой город. Тогда сказали эти Шемь Семеонов: «Наша служба отслужена».

Сар стал жениться на этой девке.

Столовали, пировали двенадцать суток без пробуду.

Петр Николаевич Новгородов

33. КРИВОЙ БРАХТА

Жили два купеческие сына, один был богатой, а второй бедной. У бедного была жена и дети. Он помирал с голоду со всей своей семьей. Просил от брата, да брат-то ничего не дает. Однажды только пришлось за глаз получить продукты только на день. Брат говорит: «Давай-ка, один глаз вытащу — и дам продукты на день». Отдал один глаз вытащить. Взял на один день продукты и прожил один день. И на второй день пришлось отдать другой глаз. И стал с этого слепой. Со женой распростился и пошел, не знает куды.

Руками шупает, ногами идет. Под руки к нему попался какой-то дом; зашел [в] дом, а там людей не слышно. [У]лягся на печки и слушает. Вечером слышно: черти полно набрались в этот дом. Завели разговор, охто за день что сделал.

А Кривой Брахта говорит: «За два нии я сделал: богатый у бедного брата два глаза вытащил; да это-то не беда, он скоро [может] излечить. Ночью трава отсырит, но выйдет на улицу, глаза протрот сырой травой, а глаза здоровенькие станут. А сегодня я пророботал — опять расскажу: там ведь купеческая дочка заболела. Она сумасшедшая стала. Но это тоже можно скоро излечить: принести книги и ладань, перед нею положишь — тогда она излечится».

С этим легли спать и больше не рассказывали.

А человек вишел на улицу, нашел мокрую траву, постирал глаза — и глаза хорошо стали. Недалежко города [у]видел. Вот он туда идет и думает, чего Кривой Брахта рассказывает. Подошел к городу-то, что там, рассказали, дочка болеет. Натаскал книги и запалел ладань — дочка стала совсем здоровенькая. Купец бедному человеку нагрузил три [в]оза золота (три наргы).

Приходит домой — жена и дети еле живы. Думает, что как-нибудь [бы] брата своего также сделать без глазу. Посылает жену брату, просит два ушата измерить золото, которого привез. Послал брат два ушата, он золото измерил и под обручи подоткнул три червонца. Сей-час брату стало удивительно: он [же] был бедный и слепой.

Приходит брату, спрашивает: «Откуда ты взял золото?» — «Дай-ка, брат, два глаза выткнуть, тогда я вам скажу, откуда это взял!» Витащил два глаза у него и направил его на тот дом, где черти живут. Он дошел до того дома, а черчи его убили. А бедный брат, собрав богатство брата, жил вечно хорошо. . .

34. ВАНЮШКА

У старика было три сына: двое-та умные, а Ванюшко дикой. Дали Ванюшке коров на поля гонит[ь] и кормить. Ванюшко угонил коров. Нашел старичка, отдал коровья быка. Купил гусли. [В] гусли играл с утра до вечера. А коровы все время танцевали. Возвратилися к ним [коровы] голодные.

Поутру отец дает свиной кормить. Ванюшка увел [их] под окно купеческой дочери. Заиграл гусли. Свины стали танцевать. Купеческая дочка от Ванюшки попросила свинью:

- Продай, Ванюшка, свинью.
- Да не продать вам, эти заветные.
- Завет-та от чего?
- Левоу пазухи покажи!

Ванюшка посмотрел — тут золото пятно.

Ванюшка играет гусли. Его свиньи танцуют, а девкина свинья не танцует.

- Продай, Ванюшка, другую свинью!
- Да не продажные, заветные.
- Завет от чего?
- Левоу пазухи покажи!

Тут золотые волосы.

Опять Ванюшко играет. Свиньи танцуют. А деххина не танцует.

Дехха спрашивает:

- Почему мои свиньи не танцуют?
- Как вы были, три [свиньи] танцовали.
- Продай, Ванюшка, третью свинью!
- Непродажная, заветная!
- А завет-то от чего?
- Да правое коленко кормить.¹

А тут серебряное пятно. Ну и Ванюшка узнал три знака девки...

Утром купец объявляет: «Узнайте моеу дочери три знака!» Вот все стали собираться, идет министр и Ванюшко. На крыльце потолкали[сь] и вошли оба. Некоторые некого не узнали. А министр два знака сказал; а Ванюшка все три знака сказал. Отец подумал: «Ванюшка бедный, а министр богатый». Повалили всех троих на одну кровать. Министр, Ванюшка да девка купеческая легли вместе. Девка с первого раза поворотилась министру; а у Ванюшки были конфеты в карманы. Ванюшка сказал министру: «Я с.ть хочу». — «Полно, брат, в доме вонько будет!...»

Ванюшка подошел к окну, пригнулся на окно, наклеил конфеты на окно и платочком закрыл, а министр говорит: «Я, брат, тоже с.ть хочу!» — «Не ходи, брат, на мое окно, а ты — на свое!»

Ну, на министра правду случилось.

«Это все свое-то съем!» — говорит Ванюшка. Пошел Ванюшка, конфеты съел и опять ляг с ними. Министр говорит: «Ну, Ванюшко съест мою!» Ванюшко на это не хочет. Пришлось министру самому съесть. Министр был усаытым, усы свои замазал и стоит у дверей, думает только, [как] выскочит[ь]. Как двери отперли, министр выскочил, а Ванюшка с девкой месте легли. Утром Ванюшку женили с этой девкой.

Ванюшко взял ружье и гусли. Пошел на охоту. Поп едет на кобылы. Красивая [п]тичка сидит на лесине. Поп подъехал Ванюшке и сказал: «Убей-ко эту тичку ко мне». Ванюшко стрелил — убил. Ванюшко пошел хватил. Ванюшко вытащил гусли и заиграл, а поп начал танцовать, до тех пор танцовал, да и [п]тичку оборвал, и сам оборвался до крови. Кобыла в лес убежала.

Поп дошел до городу, тут сказал: «Ванюшка меня до крови сбил!» Начали Ванюшку судить. Повели на петли. Поднялся на первую ступень и сказал: «Разрешите <напоследок себя> [по]веселить!» Некоторые молчат, а поп да министр не хотят. Дальше Ванюшка прошел да еще просил — все сказали: «Можно веселиться!» Поп да министр не хотят. Поп себя связал — стул со спиной — волосами. Ухватился руками за стул. Ванюшка гусли заиграл. Народ весь танцовал, а поп не утерпел, начал со стулом танцовать и человека по человеку убивать. Всего семерих убил. Тогда Ванюшку сняли с петли и попа повесили на петлю.

А Ванюшко остался <навек> жить богато...

¹ Так в рукописи. Целовать?

Живет на острове один старый король, имя — Скрибис-Скрибисин. У него дочь Мелокрица Скрибицев[н]а. Приезжают два короля, сватаются на этой дочери. Один Видон-король, а второй Додон. Видон был православный, но только на лицо плохой. А Додон был не православный, но только красивый. Отец отдал дочерю за Видона-короля, за православного. Уехали в свой город.

Через скорое время родился у них сын. Дали к нему имя Баба-королевич Видонович. Юпошо прекрасное, храбрый воин. Подрос он лет до пяти.

Милокрица Скрибитьевна говорит мужу Видону: «Я почуюла в себе мальчика лутче и кр́асе Боба-королевича, только желательно заречного зайца выпить кровешку; для нас много силу не затрудняет: возми одиннадцать юнников (ребятишек), сам будь двенадцатый, переезд по коленову¹ мосту, за рекой убей мне зайца». Видон-король переехал за рекой, но только успел зайца убить, а уз Додон-король коленовый мост разбил и Видона убил.

Баба-королевич остался маленькой, но не знал, отец где, и никому не объявлял.

Приезжает дядка Ценбулка, живет за Сумним-градом. Вот он нашел дядю на улице и собрался бежать, с дядькой Самбулкой сяд на лосядь. Вот они когда подбегали в Сумним-град, он был не в силах, не смог не лосяди сидеть, свалился с лосяди, упал на землю.

А Додон-король догнал уже, и хватил его, и привез обратно к матери; посадили в тюрьму. Дают по одной лозки воды и по одному сухарю. У него была нянька-мамка, и вот таскала от себя продукты тайно, и все время отпрашивался у нее, чтоб выпустила его на волю, и все думает как-нибудь сбежать.

Один раз нянька-мамка двери не докрыла и замки не доперла. <Бова> все разломал и собрался безать. Но безал он по край море, уже увидел: кораб бегот. Крисел² он, сапкою махал. Иной гребет, иной табанит, а кошка схребет на свой хребет. Кормовщик берегу не приворачивал. Забрался Баба на корабль и сам насел³ рулить. Кормовщика голову сорвал и воду бросил. Подбезали под город, остановились около города, некоторые ушли в город, а он [Бова] все время гушли играл. Няньки-мамки стирали белье и отпустили [в воду].⁴ Теперь приходят [в] город няньки-мамки [к] Друзневне-королевне: «Мы слышали гусельника на корабле и белье вше отпустили». Сейчас Друзневна-королевна идет своему папаше Салтану-королю, чтобы купить этого гусельника. Сейчас приезжает Салтан-король на корабельный пристань и купил этого гусельника за восемьсот рублей. Поехали к дому — спрашивает у него: «Расскажи, мальчик, ты чей сын, царский или королевский?» — «Нет, я никакой: отец — попомарь, мать — попомарица, на солдат платье мыли да этим меня воспитали!» Тогда его привозит Салтан-король и садит его [в] конюшню.

Вот Друзневна-королевна услышала его гусли и позвала к себе обед приготовить или закуску. Приготовил обед. Когда подносил тарелку, тогда она его поцеловала. Стало к нему совестно, он же кинулся на сторону и ушибся, [т]ак что ничего не помнил. Когда [в] чувствие присол — уже у нее на кровати. С того времени стали жить месте.

День настанет — он ходит погуливать. Приходит [к] Друзневне-королевне и спрашивает от нее: «Почему [в] саду невесело, люди плачут и коровы мечат?»⁵ Тогда рассказала Друзневна-королевна: «У нас околó

¹ Т. е. калинову.

² Т. е. кричал.

³ Т. е. начал.

⁴ Так заслушались.

⁵ Т. е. мычат.

города война — приехали два молодые короля, хотят взятти меня за-муж: один — Молковрун-король, второй — Адыр Адыревич».

«Но я тоже поеду, — говорит, — с ними собираюсь [сразиться], да лошади у меня нет». Ведет Друзневна-королевна в старой омбар и дает дедушкину лош[адь] со вшей богатырской сбруей. Когда саял на лош[адь], Друзневна-королевна спросила от него имя. «Поминай меня, Бабу-королевича и Видоновича — юнича прекрасного, храброго воина».

Через скорое времо убил Адар Адаревича, а Молковруна живого отпустил. Теперь он приехал обратно жене своей, а жены дома нет.

Приходит один мужик небольшого роста, черненкый,⁶ приносит, покет, велит отнести, куды сам не знает. Вышел на дорогу — старичок кашу варит: «Зайди, миленькой, похлебай кашеньки!» Выпил [Боба] три ложечки и больше не помнит ничего. Когда [в] чувство присол, уже ни каши и ни старичка, а сам голодный посол дальши.

Увидел зайца со зайчатами — хотел убить да поесть. Заяц расплакался с упросом: «Ну как-нибудь не бей меня, я [с] годуюсь тебе при нузном времени». Насол щуку на край море: еле живая, вся оборванная — хотел ее покушать. Тозе оказалась с упросом: «Не бей меня, а лутче к морю [отнеси], я [с] годуюсь при нузном време». Сейчас находит ворону, хотел убить, но тозе с вазным упросом: «Не бей меня, я тозе тебе <сгожусь!»

Сейчас доходит в какой-то город, отдает покет Адеру-королю; [тот] прочитал покет: «Ах, то есть моего сына [убийца]!» Посадили в тюрьму. Сидит в тюрьме, а приходит к нему Лучница-королевна: «Возми, брат, меня! Хоть брата моего ты убил, а отец все станет думать за сына». Скресёл на ней: «Убирайся вон от меня!» Долго сидит и думает: «Когда-то был у моего отца завоеванный от сильных богатырей мед-самосед.⁷

Вдруг однажды прикатилось под руки тязолое; вот он хватил этот мед-самосед и бросил [в] тюремные двери — и дверь разломал. Вышел на улицу и начал бежать; бежит дальше; выбежал на морской берег, тозе увидел: корабль идет. Стал кричать, стал шапкой махать; иной гребет, иной табанит, кошка скребет о свой хребет, кормовщик к берегу не приворачивает. Забрался по ледином на корабль, у кормовщика голову сорвал и бросил воду. Начал сам рулить.

Добезали до городу, около берега остановились, спустил якорь, да вишь, пёкем поднять. [У]видел на берегу старого старика: «Расскажи, дедушка: это какой город?»

— Это город Молковрунова, Молковрунов зениться хочет.

— А кого берет, дедушка?

— Берет он Друзневну-королевну; Молковрун-король страдает свадьбу три года, а Друзневна-королевна страдает поменьки⁸ Бабы-королевича и велит Бабу-королевича вспоминать. Да, милепкый, я боюсь, однако, не пойду к ним. Там ходит Бобины лошад, много народа истоптала!

«Но, дедушка, спасибо за рассказ!» — вытащил из кармана денежку и отдал старику. Якорь поднял, гостей-корабльщиков отпустил. Идет обратно этот же город.

Вдруг повстречал своего Черлатка.⁹ «Но Баба-королевич! Не сердись на меня: за всю свою вину дам я тебе три ягоды разного сорту. Когда съешь, тогда будет тебе известно [их свойство]».

Баба на это согласен, только велит, поклониться; когда Черлатка поклонился, тогда он между крыльце придавил кулаком до самой мерзлой земли.

Доходит до городу, съел он ягодку — совсем он стал к народу незнакомым (переменился). Заходит к малковрунскому повару, где свадьбу

⁶ Т. е. Черлатка.

⁷ Т. е. меч-самосек.

⁸ Т. е. поминки.

⁹ Слугу.

исправляют: «Дай-ка для Бобы-королевича милости!» Тут они заспорились — у повара голову сбравал. Донесли Молковруну: «Какой-то новый человек был, нашего повара убил». Тогда приходит Молковрун: «Здесь поминку не страпается, только свадьба страпается; поди-ка Друзевне-королевне: она дает милости».

Идет дальши. Подходит за окно Друзевне-королевне, попросил для Бобу милостину. Дала к нему милостину и спросила: «Как ты Бобы узнаешь?»

— Да он есть меня знакомый, мы сейчас с ним гуляли и вот только разошлись!

— Ну-ка поди приведи мне Бобу!

— Да я <ведь> сам Боба, кого я потом приведу!

— Нет, <тот> на лицо иной был!

— Приведи-ка Бобину лошадь да принеси трехмесячного мальчика, я положу под правою копуту, да он мне не потрогает.

Принесла трехмесячного мальчика и привела лошадь; положил под правую копуту мальчика, а лошадь не потрогала. Приложила уши и приласкала как хозяйна.

Съел хорошую ягодку и стал красивой, как презной Боба-королевич. Сейчас Друзевна-королевна и Баба-королевич усуетовались безать. Сяли на лошадь и побезали. Побезали они далеко, остановились ночевать, долго спали — утром встали. Увидели: молковрунская сила. Хочет их догнать. Баба-королевич посадил зену на лосядь и отправил, а сам остался воевать, но только не <пожалели> — за скорое время убили Бабу-королевича.

Когда лезал мертвый, кости были ростосканпные. Прибегаает одномичной зайц, признает Бабину тело умершее и кости ростосканпные. Начал кости собирать и начал товарищей созывать. Приплыла щука — принесла два сустава кости, а ворона принесла живу-мол[о]ду воду. Начали брызгать этой водой — тело narосло и Баба стал живой.

Вот теперь Баба идет пешком, без лошади, не зная куды. Увидел город. Пришел Адыру-королю (вторично), теперь думал дальше не идти, думает, что на Луснице-королеве зениться. Через скорое время зенился. Свадьбу приготовили. Созывает людей всех, сколько есть в городе, угощает и спрашивает: «Из города все пришли или остались еще кто?» Одна старушка сидит, два мальчика держит, еле начали только ходит[ь]. Да и говорит: «Все-то все, но только одна девушка не пришла, к ней придти-то нельзя, только послала два мальчика, вот который у меня сидят». Баба-королевич берет этих мальчиков, выводит на улицу. «<...> здесь находитесь, охто у вас мать, охто у вас отец?» — спрашивают.

— Мать наша Друзевна-королевна, отец наш Баба-королевич.

— Маму найдете?

— Да как же не найдем?!

Сейчас его берут за руки и доводят до матери. Друзевна-королевна была во слезах. Сейчас ее Баба-к[оролевич] ведет на свадьбу, и играют свадьбу с Друзевной-королевной. А Лусница-королевна остается без ничего.

Сейчас Баба-королевич идет по улице — встречает бугатыря. спрашивает: «А ты, брат, е какой?»

— Я, брат, Тарас!

— А ты чей сын?

— Я дяски Сынбулкин!

— А где дяска Сынбулка?

— Да он помер!

— А где мать твоя?

— Да она твоих мальчиков дерзала!

Сейчас дает Лусницу-королевну за него (за Тараса — своего брата).

— Ну, брат Тарас, пойдём розыскивать Додона-короля?

— Да он, брат, близко зивет!

Пошли к нему, нашли его да напали, всего его истыкали железом, но только не убили. Сейчас заделались они докторами, идут больного лечить. Воходят во отцовской дом. В отцовском доме золотая занавеса висит, а Додон-король под занавеской лежит.

Подходит Баба занавеси, раздирает занавесу с края до другого, а мать говорит: «Больного лечит [ь] — то лечите, золотá занавеса висит — то — некогó весить!» Виталил на пол, Баба наступает на ногу, а за другую раздирает на две части. «Да, — говорит Баба, — отлил волку коровью слезу и заступил за отца».

36. С ХВОСТОМ ЧЕЛОВЕК

Около море жил старичок. На море рыбачил сетями. Около него жил купец богатый. Один раз [старик] на море замотал сечь, добыл кислóго кита. Сечь всю порвал. Купец помог к нему сечи исправить. Второй раз замотал на море сечи. Дббыл с хвостом человека. Он живой и разговаривал по-нашему: «Дедушка, мне не бойся, я ведь тоже человек; распутай от сечи и отпусти обратно меня в море, а сам подожди меня!» Старик хотя боялся, но все-таки распутал, отпустил обратно морю и стал его дожидать. Через скорое время опять же приходит с хвостом человек — приносит маленькую сверточку, но едва на руке видно, и сказал старичку: «Приходи ко захтру и, когда пойдешь, старухе скажи, через месяц пусть тебя ожидает».

Идет старичок домой, несет эту маленькую сверточку, а купец на пути стоит, спрашивает у старичка: «Дедушка, кого же ты изловил?» — «Ну, я маленькую сверточку добыл в сечи!» — «Покажи, дедушко, ко мне!» Купец посмотрел: там же золото лежит! Купец взял золото к себе. старичку наградил хлеба и мясо и коровьего бика [дал] дотащить до дома. Старичок пришел старушке, оставивши продукты у старушки, распростился со старушкой: «Дождидай меня через месяц».

Утром приходит спнему морю — с хвостом уж человек давно его дожидает: «Дедушко, пойдём ко мне домой!» Старик говорит: «Да я боюся; ты ведь воде живешь?!» — «Дедушка, не бойся, сперва-то вода, а потом-то по земле!» Ну, старичок был согласен и идет за этим человеком. Сперва была вода, а потом стала земля. По дороге лежат разные рыбы, отворили рты: хотят старика съести. Когда цыкнет [на них] с хвостом человек, тогда рыбы уходят на сторону.

На дороге стоит один дом. Старик подошел к этому дому — там люди полно, и все плачут. Ну, старик не старик.

Приходят городу. Там уже люди все с хвостами, даже этого человека жена тоже с хвостом. Но стали над стариком смеяться, что он без хвоста. Старик рассердился: «Ты меня привел разве людя[м] изгаляться?!» — «Ну, дедушка, я тебя пушу особую комнату!»

Старик живет особой комнате. Продукты таскают к нему. Ну, денегко прбзил и обратно собирается. И [с] хвостом человек его до берега доставить [взялся].

Приходит жена своего дома хозяина, которая была с хвостом. Посылает она старушке свои бусы. Каждый камешек стоит по тысяче рублей. А мужик полкуля золото дает к нему.

Доходят до аниминишнему дому, которого они видели тот раз. А там народу! Мúзики играют и танцуют. Старик у стало удивительно, спросил от товарища: «Да вот какое диво: прошлый раз все плакали, а теперь музыки играют да танцуют». Человек говорит к нему: «Прошлый раз у них ребенок родился — они к нему не рады, то-то и плакали, а теперь у них человек помер». Старичок говорит: «От нашего у вас совсем разное». А человек говорит: «Мы от Адама и Евы рождены, у нас вера такая. А ты, дедушка, от кого рожден?» Старик говорит: «Я тоже от Адама да Евы!» Вот они заспорились, и со сердца старика доставил до берегу. Выбросил ему полкуля золото на берег, сам

ушел обратно, а старичок с кулем — домой. Приносит купцу золото, а купец ему наградил, чем он нуждался, а старушке — бусы. Старушка надела эти бусы на себя.

От них недалеко в городе была царица, у нее бусы потерялись, а весть прошла: там старушка носила бусы. Старичка посадили в тюрьму, а старушки бусы отобрали и унесли царице. Царица посмотрела и сказала, что «эти не мои, мои-то камешек по сто р[ублей], а эти-то камешек по тысяче р[ублей]». Старушке бусы возвратила, а старичка из тюрьмы выпустила и больше старичка наградила. Но и старичок ничем до смерти не нуждался. Ел сыто, жил хорошо.

Иван Иванович Чикачев

37. СТАРИЧКОВО ПАРЕНЬ

Жил-был старик со старухой. И у них сын. Старик со старухой помер. Остался этот сын. Вошел в отцов амбар и нашел гребень. По вечерней заре обвел: «Будь, — говорит, — на утренней заре моя добрая лошадь. Хвост и грива стобы до полу волоклись». Ляг спать. Утром стал, вышел на улицу. Стоит лошадь: хвост и грива до полу волокётся.

Шял, поехал. Приехал над озером — стоит человек. «Здорово!» — говорит. Он молчит. «Здорово!» — говорит. Он тоже молчит. Хлестнул его по щеке: «Чего, — говорит, — не говоришь „здорово“?» — «Ну, — говорит, — здорово!» — «Зачем, — говорит, — стоишь над озером?» — «Мой очес, — говорит, — три озера вышывал воду; я два вишил — грэччий не мог». — «Будь мой, — говорит, — брат». — «Ланно», — говорит. Шяли, поехали. Над холмом человек стоит. Приехали. «Здорово!» — говорит. Он молчит. «Здорово!» — говорит. Молчит. Хлестнул его по щеке. «Зачем, — говорит, — ты меня хлещешь?» Он говорит: «Зачем мне „здорово“ не говоришь? Зачем над холмом стоишь?» — «Мой очес три холма подымал; я две поднял — грэччью не могу». — «Будь мой, — говорит, — брат». — «Ланно!» — говорит. Шяли, поехали. Видит: на небе лук тянет. Подъехал. «Здорово!» — говорит. Он молчит. «Здорово!» Он молчит. Он его тоже по щеке. «Зачем, — говорит, — ты меня хлещешь?» — «А почему, — говорит, — „здорово“ не говоришь? Зачем на небо тянешь лук?» — «Мой очес три стада гусей ронял — я две ронил, грэччью не могу». — «Будь, — говорит, — мой брат». — «Ланно», — говорит. По-ехали.

На такое ровное место приехали — нигде бугра нету. Поставили палату и стали жить. Которой стоял над озером парень, того оставили специально мясо варить. А сами трое уехали оленей стрелять.

Ланно. Он три штегны мяса наварил — и стукнуло чего-то на улице. Он говорит: «Как, — говорит, — брачка рано приехали?» Вдруг восла старуха. Два железные посоха, глаза в гною, слюны и сопли чекут. «Здорово, — говорит, — бабушка!» — «Здорово, миленькой!» Он ее напоил, накормил. И она стала просить у него на дорогу. Он говорит: «Много не дам, мало дам: брачко ругать будут». Она хватила его бить этими железными посохами. Он упал без чувствия и ничего не помнит. Разбудился, говорит: «Крепко спал, да бодро стал». Посмотрел: мясо три штегны уже нету нигде, вше куды-то девало. Только что начал мясо варить — брачка приехали. Воскочил старичково парень: «Почему, — говорит, — не наварил мяса?» — «Я, — говорит, — шпину у огня пригрел и уснул». Лягли спать. Утром стали — остался тот, который над холмом стоял.

Он три штегны мяса наварил, тоже четвертый начал. Вдруг опять стукнуло на улице. Вдруг восла старуха. Два железные посоха, глаза в гною, слюны и сопли чекут. «Здорово, — говорит, — бабушка!» — «Здорово, миленькой». Он ее напоил, накормил. «Дай, — говорит, — мне на

дорогу». — «Много не дам, мало дам: брачча ругать будут». Хватила с ним драться: была, была парня, и он без чувства упал. Потом он учувствовался: «Крепко спал, да бодро стал». Ланно. Не она сторона мяса нету — все унисла старуха. Только начал варить — и брачча прияхали. Старичково парень воскочил: «Почему, — говорит, — не наварил?» — «Я, — говорит, — шпинку пригрел-то, ничего не чувствую». Поутру остался, который на небо лук тянул.

Три штегны только наварил, четвертую начал. Вдруг что-то стукнуло. «На, — говорит, — брачча прияхали». Вдруг восла старуха. Два железные посоха, глаза в гною, слюны и сопли чекут. «Здорово, — говорит, — бабушка!» — «Здорово, миленькой!» Он ее попоил, накормил. «Дай, — говорит, — мне на дорогу». — «Много не дам, мало дам: брачча ругать будут». Хватила с ним драться. Была, была парня, и он без чувства упал. Потом он тоже учувствовался. Посмотрел: мясо ничего нету, все унисла старуха. Только начал варить — и брачча прияхали. Старичково парень воскочил, говорит: «Зачем не наварил?» — А я, — говорит, — шпину пригрел, да ничего не помню». — «Я завтра посмотрю — я наварю».

Поутру остается старичково парень. Вше уяхали — он остался. Шидит. Наварил три штегны мяса и начал четвертую. Вдруг стукнуло. «Наверно, — говорит, — брачча». Вдруг восла старуха. Два железные посоха, глаза в гною, слюны и сопли чекут. «Здорово, — говорит, — бабушка!» — «Здорово, миленькой». Напоил, накормил. «Дай, — говорит, — на дорогу». — «Много не дам, мало дам: брачча ругаться станут». Хватилась драться с ним. Он вырвал железные посоха — ну и давай ее мекать самого. И бросил за чувалом. А за чувалом була дыра, никто не знал. Она упала этой дырой: выходит — и уходит. Брачча прияхали: от мяса наварил — четыре штегны. «О, — говорят, — наварил брат мяса!» — «А почему, — говорит, — вы не могли?» Они молчат. «Не приходила ли к вам старушка такая?» Они только за рот поймали. «Подьте, — говорит, — за чувалом какая лежит кокора». Они пошли, за чувалом там увидели дыру: она упала той дырой.

Они убили корову, викроили ремни и стали спускаться дырой. Спустились. Пошли скрозь землю, пошли: стоит юрта, в этой юрте сидят семь девок, качают зыбки — четыре [девки] красивые, а три плохие. Старичково парень спрашивает: «Кого качаете?» — «Маму, — говорят. — Мама ходила еду искала — кто-то избил». Старичково парень говорит: «Это я», — говорит. Вжял мать, брошил в огонь — со зыбкой, со вшем. Три дочери убили, а четырех жяли замуж. Пошли обратно. Вше вышли дырой, только остался старичково парень посленним. Они втянули его жену этой дырой и ремень отрезали — старичково парень обратно улител.

Вот он и пошел. Увидал: из-под кокорки выходит дымочек. Пришел: старик сидит. «Дедушка, — говорит, — здорово!» — «А, здорово!» — говорит. «Ну, к тебе, — говорит, — пришел, нет ли где какая-нибудь лошадь?» — «Есть, да, — говорит, — плохая». «У меня брачча, — говорит, — брошили, да я остался». — «Я, — говорит, — дам тебе лошадь и колотушечку. Когда, — говорит, — она тебя вынешет па дыру, этой колотушечкой ее¹ поколочи и под седло затни эту колотушечку. Она сама придет».

Шял как на коня — только в ушах воеет. Выпесли его на дыру. Он колотушечкой поколотил и колотушечку затнул под седло. Вошел — как раз брачча вше спят, а его жена порозну. Он у вших персек головы и оставил жену и онну женщину — работницу. Жить да быть и до тапера поживают.

¹ В рукописи: его.

Зил-был царь, у царя жена; однезду царь поехал Морскому царю <...>. Его жена стала интересном положении, родился его ребенок — растет не по годам и не по месяцам; как пшеничное тесто квёрху — и так эс он за ним. Морской царь его не отпускает, царя, говорит, что «чего дома есть, то дай». Он говорит: «У меня ничего нету». Он [Морской царь] говорит: «Ешь». — «Если ешь, то дам». Он и отпустил. Приехал жене — вѣсла на улицу, вынесла ребенка; он его поцоловал и заплакал. Сын вирос, има сыну — Иван-царевич. Морской царь напустил наволение. Стопил он весь его город. Говорит [Иван-царевич]: «Тятинка мой сердечный, ни с чем вшему городу погинут[ь], лутче я один пойду!» Мать сострапала к нему подорожники, и сразу спустился сын мору. Идет левая и правая дорога. Пошел по левой. Вдруг к нему старуха: «Иван-царевич, куда пошел?» — «Не попадайся, — говорит, — под чѣмные¹ глаза, не насыпай, — говорит, — глаза хрущатá песка». И — заулоч-переулоч, кактан передернула — та же старуха: «Иван-царевич, куда пошел? Я, — говорит, — помогу твоему горю. Откуда, — говорит, — пойдешь — будет дорога, станет стоять холмишек, под холмичкóм озеркó. Ляг, — говорит, — на пóлден; прилетят дванадцать калшиц — тринадцата свади, станут купаться. У тринадцатой крыличка золотые — их как-нибудь украдь, она станет искать и не найдет, станет приговаривать: „Если моя ровня, будь мой суженый“». [...] ² Он стал на ноги: «Я, — говорит, — Иван-царевич». Отдал к ней крылички, она дала клубок: «Куда клубок покачется, туда за ним иди. Станут стоять дванадцать палат, тринадцатая свади — заходи самую дальнюю. И из двенадцати <...>. Станут говорят[ь]: „Иван-царевич, зайти сюда!“ — ты говори: „К вам пришел — ходьба-гульба не отойдет“». [...] ³ И говорит [тринадцатая]: «Заиди мне самую дальнюю палату».

Он к ней пришел, немного посидел — сказала к нему: «Поди Морскому царю, он даст тебе службу...». Морской царь отвечает: «Обучи захтра жеребенка». Он [Иван-царевич] отвечает к нему: «Это ребячая игра». Пришел — отвечает к ней [на ее вопрос]: «Что дал?» — «Захтра жеребенка учить». Она к нему отвечает: «Жеребенок пеутамимой⁴ — он не коня даст, а самого шиба».⁵ Утром стал, пошел; стала к нему наказывать, говорит: «Огнем станет палит[ь] и дымом душить. Станет лежать трохпудовый молоток и пятипудовая палка. Приди и этой палкой ут[к]ни глаа, он немного опарашится. Ту пору на него шядь и бей этим между уши молотком. Станет таскать чебя по горам — ты так и бей молотком: принесет к это тому стóлбу — и ты вот тут заведи и приди [ко] мне».

Приехал, обучил и пришел к ней, говорит: «Обучил». — «Ляг, — говорит, — отдыхай». Утром стал, пошел царю. На третий день говорит [Морской царь]: «Пробей реку, что рыбу ловили и чѣрпали сака́ми, приносили царю». Иван-царевич задумался; приходит к ней: «Велит, — говорит, — мне пробить реку». — «Богу помолишь и спать лежись: <утро вечера> мудренее бывает».

Полночь досло — вѣсла на улицу; ливнула ставку, перчень вишли двенадцать богатыров: усы за́виты и лоби засканы. «Сто, — говорит, — хозяйка, прикажете делать?» — «Пробейте реку к утру». Лягла присла. Утром стали: реке рыба вольная. Она к нему отвечает: «Иван-царевич, поди царю, говори: служба кончена».

Пришел, сказал царю: «Служба кончена!» Он отвечает: «Знаю, чьи мудречти!» Он [Иван-царевич] говорит: «Чьи да мне не были!» — и пришел. Ляг спать.

Опять пошѣл. Говорит [Морской царь]: «Захтрасный день доспей церку — с воскойма попами и с воскойма деконáми, стобы декона пели,

¹ Т. е. темные.

²⁻³ Исполнитель пропускает, как предсказанное осуществилось.

⁴ В пояснении и далее «неутылимой», т. е. неуголимый — дурной (Собир.).

⁵ Т. е. себя.

печкие подшивали». Пошёл обратно. Пришёл, говорит зене: «Вели сделать церку!» Она говорит: «Богу помолись и спать лежись: утро вечера мудренее бывает». Полночь досло — висла на улицу, лезнула стахху перчинь: ⁶ «Станте мне семдесят лобов и семдесят воёвх!» Вискочили двенадцать богатыров: усы завиты и лоби засканы. «Что, хозяйка, прикажете делать?» — «Сделайте церку, с воскоима попами и воскоима деканами, чтобы декана пели и печкие подшивали». Присла и легла. Утром стала: стоит церка, попи поют, декана подбивают. «Поди цару, — говорит, — и говори: „слузаб отслужена“; он тебе отвечает, сто „Думы Перемудрой [мудрости]“; ты, — говорит, — говори: „Чьи би да не б́или“, — и приди обратно церкви, подколачивай каздной гвоздик трехпудовым молотком. Буде царь лягот тебе на плечо — ты его удар <...> молотком. Он скажет, что „Иван-царевич, как вы неосторожно работаете“; ты говори: „Агде работает, тут не мешаает, агде добро роняет, тут мешаает“, и выйди из церкви, приди мне». Он к ней пришел.

Пошел Морскому царю. Морской царь отвечает: «Захтрасный день Ивана-царевича повезу братчем на жеркое⁷». Иван-царевич задумался, пришел Думы Премудрой, говорит: «Меня Морской царь захтра повезет на жеркое». — «Богу, — говорит, — помолись и спать лежишь». Утром стал, пояхал. Дала к нему полотенцу — подпоясился по нагому телу; и дала три узла: «Третий узал когда отвежишь — и меня вспомяни». Пояхал, привез Морской царь братчам, говорит: «Братча, сего на жеркое».⁸ Он говорит: «Ребети, жёрного и неутилимого».⁹ Заставили Ивана-царевича три года железную свечку дерзать, сами стали пёшку играть.

Он держал свечу и на пол уропил, они говорят к нему: «Иван-царевич, какую думу думаешь?» Он говорит: «Стоячего лесу боли [и]ли лежачего?» Он спорит, говорит: «Стоячего»; они говорят: «Побегом спитать; лес буди в речь твою — кровь на пол не капнем». Убежали спитать, он ту пору намаялся и стал спать. Прибежали обратно: «У Думы Перемудрой прочи[в] двора виросла новая береза — правильно Иван-царевич сказал, что у Думы Перемудрой виросла новая береза».

Опять стал держать свечку, думал-думал — свечку уропил. «Иван-царевич, какую думу думаешь?» — «Мертвых людей боле али живых». [. . .] Он говорит — мертвых. «Иван-царевич, побегом спитать, буди в речь твою — кровь на пол на каплю», — убежали спитать. Обратно прибежали: «Иван-царевич, правда твоя: у Думы Премудрой была голубица, голуба снесла, и голубь пропал — поэтому мертвых больсе стало».

Ведро навесили [над огнем] и говорят Ивану-царевичу: «Будем чебя, — говорит, — [варить], роздевайся»; он говорит: «Ладно. Которое давала [Дума Премудрая] полоченца, то полоченца стал отвязывать, говорит: «Прощай, красное солнце и родина моя!» Они говорят: «Чего говоришь?» — «Я говорю, сто „прощай, красное солнце и родина моя, Дума Перемудрая — полюбовница моя!» Они к нему говорят: «Ешли Дума Перемудрая твоя жена, то ми отвёжбм обратно: она даже у нас пешла не оставит». Привезли [его] обратно.

Ту пору Морской царь под их[и]у палату доспел подкоп и спустил бочку порох, стобы Дума Перемудрая сгорела ночью. Она догадалась; стал вечер — пустила палату коровью бика и коровью бабу, шала на коня с Иваном-царевичом, пояхали. Сзади их загорела иха палата, коровий бик заметил.¹⁰ Морской царь говорит, сто «стыдно, Дума Перемудрая, ты сгорела!» Она овернула самую шпба старим попом, Ивана-царевича дичком.¹¹

Утром стали. Морской царь пошел на иху палату, проверил их

⁶ Т. е. лизнула вставку перстня.

⁷ Здесь и далее «на зеркое», т. е. на жаркое.

⁸ В тексте «говорат» и «меня».

⁹ Т. е. жирного и неутолимого — дурного (по С. Б.).

¹⁰ Т. е. замычал.

¹¹ Т. е. дьячком.

кошьё,¹² [в]друг попала к нему коровья голова. «Правда, Дума Перемудрая меня обманула», — говорит царь. Послал погоню розыскать эту Думу Перемудрую; нашли старого попа и дечка: «Не видали ли вы Думу Перемудрую и Ивана-царевича?» Они: «Редько к нам птица залетает». Этот старый поп и дичок послали царю посылку: «Ми, — говорят, — давно были знакомы с Морским царем». Послали суму с пустым с конским гомном. Привезли царю: «Не видали Думу Перемудрую. Попа и дьячка видали. Они послали посылку тебе-ка». Он посылку рассмотрел: пустое конское гомно. «Самая,¹³ — говорит, — была Дума Перемудрая, падо мной пагалилась; погоню сам». Погонил — Дума Перемудрая увидела во сней,¹⁴ самою шиба овернула разнами полями, Ивана-царевича овернула соколом. «Ну, Иван-царевич, меня викопат [Морской царь] из земли ягодой и колотить будет на руке. Ты с лешины¹⁵ [слети] летай окол рук. Он два раза ударит — я еще буду ягодой. Третий раз замахнется — ти вихвочи».¹⁶ — «Ладно», — говорит. Овернули шиба.

Прибежал Морской царь, викопат эту ягоду, стал катать на лодони. «Ну, — говорит, — ми меште да жили, меште да дружились — рождвернишь на этот свет!» Сокол слетел. Он ударил еще ягода, другой раз приговорел: «П[о]рожверпичь на этот свет». Сокол летает около рук, а он не видит, обзарился на ней. Третий раз замахнулся — сокол вихвочил. Морской царь отвечает Ивану-царевичу: «Стобы тебе-ка Думу Перемудрую у колодица забыть!» Привернулась [она] к нему, говорит Ивану-царевичу: «Слушай, Морской царь чего тебе говорит; ты еще меня забудешь». Он говорит: «Нет». Подлетели под отцов¹⁷ город; Дума Перемудрая остаеся — Иван-царевич пошел отцу. Приговаривает Дума Перемудрая, сто «сзади чебя родилашь у матери сестричка, и ее не цалуй; буди поцелуешь, то меня забудешь». Ушел он, со вшема поздоровался — ш ней пет. Ляг на орун и уснул. Маленькая сестричка его поцеловала — он проснулся и Думу Перемудрую забул.

Пошел царь царю и висватывает дочь царя за сына. Стали играть евадбу. Дума Перемудрая присла самую концовую избу: «Бабушка! Давно было, сто Иван-царевич ушел? Он живой или мертв?» Она отвечает: «Уже смотрение делают». Дума Перемудрая говорит бабушке: «Подди украдь со жениховой стороны муку». Сходила старуха и украла, сострапала она [Дума Премудрая] голуба и голубицу. «Бабушка, — говорит, — поди и голуба да голубицу пушти». Бабушка пустила. Как раз жених есть перогп. [В]зглянул¹⁸ под порог и уропил кусок на пол. Голуб подбежал, вихватил. Голубица говорит: «Голубь, дай мне!» — «Не дам». — «Как путный будешь? Как Думу Перемудрую забыл [Иван-царевич], так же ты меня». Этот жених услышал — [в]торой кусок нарочно уропил. Голубь опять пришел. «Дай мне!» — «Не дам». — «Какой путный будешь? Как Иван-царевич Думу Перемудрую у колодица забыл, так же ты меня до порогу!» Жених вышел из-за стола, вывел голуба¹⁹ и голубицу: «Откуда, — говорит, — пришли?» — «От Думы Перемудрой».

Они побсикали наперечь,²⁰ он позади. Прибежали Думе Премудрой, пришел — Думу Перемудрую поцеловал. Привел отцу-царю Думу Перемудрую: «Чачепка мой любезный, чачепка мой сердечный, которая вывела меня на свет, ту, — говорит, — я раньше забыл; телеро я [ее] беру».²¹ Старую невесту вивели из-за стола и посадили за стол Думу Перемудрую. Пошла пьянка. Нисшие и бедные бочками катили, а подчюремпики и подзамоч[и]нки бочками викатывали.

¹² Т. е. костьё, кости.

¹³ В тексте «самый».

¹⁴ Во сне? Воочию?

¹⁵ Т. е. с лешины, с дерева. В тексте «с лишвыны».

¹⁶ Т. е. выхвати.

¹⁷ В тексте «под отцово».

¹⁸ В тексте «сзглянул».

¹⁹ В тексте «голубу».

²⁰ Т. е. наперед, впереди.

²¹ В тексте «есте беру».

39. ЦАРСКАЯ ДОЧЬ ПОТЕРЯЛАСЬ

Жил-был царь в городе. Город был большой. Народу было много. Были в том городе волшебники. У царя была одна дочь. В одно время один волшебник говорит царю, что «твоей дочери исполнится двенадцать лет, и она потеряется». Царь первое время, конечно, не верил, но волшебник убедил его точно. Царь говорит волшебнику, что «я тебя и дочь свою обоих посажу в темницу, чтобы ты ее караулил». Так они и сделали. Посадили их в темницу, а на улице поставили часовых.

Так они и жили. Когда дочери исполнилось двенадцать лет, в двенадцать часов ночи волшебник почувствовал, что он один, а дочери царя нет. И никак не заметил, куда она ушла.

В одно время в городе один человек похвалился, чтобы найти эту царскую дочь. Дошло известие до царя. Царь вызывает этого человека. И спрашивает: «Правду ли ты похвалился найти мою дочь?» Он говорит: «Правда». — «Ну, — говорит, — найди».

Этот мужик говорит царю, что «дай мне корабль, на три года топлива, на три года продуктов. И девять человек команду людей». Царь все это исполнил. Сели на корабль и побежали по морю. Бежали долго или коротко — этот человек говорит, что «нужно остановить корабль». Корабль остановили. Берет он с собой лодку и два человека. Приехали на берег. Вышли и стали ходить. Ходили они три дня, искали разные признаки. На третий день нашли в лесу дом. Зашли в дом: стоит одна койка, и стоит печь. Решили они тут жить. Назавтра этот мужик оставляет одного человека приготовить обед, а вдвоем идет.

Домашний сидел, заварил обед и сидит около печи. Вдруг к нему заходит один человек. Говорит: «Здравствуй». Он говорит: «Здравствуй». — «Ну, — говорит, — меня будешь кормить обедом?» — спрашивает приходший.¹ Домашний говорит: «Обед не мой, а общий, поэтому кормить не буду». Только это сказал — то [лишь] и помнит. Очувствовался, что печь угасла, а кастрюля пуста, без еды. Встал и затопил снова печь и заварил обед.

Приходят его товарищи и спрашивают: «Обед готов?» Он говорит: «Нет. Я, — говорит, — угорел и лежал без чувства». Обед сварился, пообедали. Сейчас на завтра берет этого оставшегося человека и оставляет вместо него второго. Двое ушли, а третий остался.

Опять второй заварил обед. Снова приходит вчерашний человек. «Здравствуйте», — говорит. «Здравствуй», — говорит. Приходший спрашивает, что «обед варишь?» — «Да», — говорит. «Меня будешь кормить?» Он говорит: «Нет, обед не мой, а обед общий». Как сказал — то [только] и помнит. Очувствовался: печь угасла и кастрюля пуста.

Снова встал, затопил печь и заварил обед. Приходят его товарищи, спрашивают: «Обед готов?» — «Нет, — говорит. — Я, — говорит, — угорел, лежал без чувства».

Назавтра, на третий день, отправляет этих двоих, а сам остается дома. Он тоже заварил обед. Приходит к нему человек. «Здравствуй», — говорит. «Да — говорит. — Здравствуй». — «Будешь меня кормить обедом?» — спрашивает приходший. «Да, — говорит, — буду. Только, — говорит, — закуска моя, а заправка твоя». Садятся они за стол. Домашний ставит им обед, а приходший ставит водки. Стали они пить. Домашний меньше пьет, а приходшему больше паливает. Пили, шли и опьянели. Приходший стал проситься на улицу, а домашний не выпускает. Между ними получился спор, и дошло до драки. Домашний приходшего убил. Снял у него с руки перстень и нашел в кармане три ключа.

Взял один ключ, походил по комнате, нашел одну щелочку, ключ воткнул — и дверь отворилась. Зашел в комнату: спят два медведя. В этой же

¹ Т. е. приходший.

комнате нашел опять щелочку. Воткнул второй ключ — и дверь отворилась. Зашел в комнату: снят два льва. Взял третий ключ, нашел опять щелочку. Воткнул ключ — и дверь отворилась. В этой комнате сидела царская дочь, которая потерялась. Он выходит с этой девкой обратно к своим товарищам. Сейчас опять начали варить обед. Эта девка говорит этому мужику: «Ты, — говорит, — меня избавил, я [за] тебя замуж выйду». И они поменялись перстнями.

Этот мужик стал перед обедом мыть руки. Снял с руки перстень и положил на окошко. Помылся, после пообедали и поехали на своей лодке на корабль. Приехали на корабль и побежали по морю на корабле. Тогда он почувствовался, что забыл перстень в этой избе. И стал просить, чтобы корабль остановили. Они его не послушались, корабль не остановили. Он решил спуститься с корабля на море и поплыть на берег. Так и сделал. Приплыл на берег и пошел в этот дом. Взял свой перстень и пошел в чистое поле.

Сейчас, когда корабль бежал по морю, начальник корабля просил эту дочь выйти за него замуж. Дочь говорит, что «я дала слово тому, который избавил меня». Он стал ей угрожать. «Если ты не придешь ко мне замуж,² то убью или утоплю в море». Она с испугу дала ему слово. Они прибежали в город в тот, с которого потерялась дочь царя. Пришли царю. Тут ее муж говорит: «Вот, — говорит, — дочь твою я нашел». Царь с радостью согласился отдать за него замуж свою дочь.

Тот мужик, который ушел в чистое море, ходил-ходил и начал голодовать. Стал он есть мышей, червей и все то, что попадетсся ему. Вот один раз он вышел на чистую поляну и пошел дом. В этом дому жил один человек. Зашел в дом, поздоровались. И рассказал он ему всю свою жизнь. Домашний пригласил, и стали вместе жить, как два брата.

Домашний каждый день ездит. Дает ему ключи, оставляет. «В девять комнат ходи, а в десятую не ходи». Он ходил во все комнаты и открыл десятую комнату. Когда комнату открыл, заиграли разные музыки. Послушал и закрыл. Пр-ходит его товарищ и спрашивает: «Открывал комнату?» Он говорит: «Нет». — «Ну, — говорит, — хорошо, десятую комнату не открывай. Если ты откроешь, то придет мой отец и нас живых не оставит». — «Ладно», — говорит.

На второй день опять уходит этот товарищ. Он пошел в комнаты и опять открыл десятую комнату. Открыл, музыки заиграли, и опять он закрыл. Приходит его товарищ: «Ну, — говорит, — комнату открывал?» — «Нет», — говорит. «Ну, хорошо. Если ты откроешь, то придет отец и нас живых не оставит».

На третий день опять его товарищ уезжает. После его заходит опять в десятую комнату. Долго слушал музыку и обратно закрыл. Опять приезжает его товарищ и спрашивает: «Комнату открывал или нет?» Он говорит: «Нет». Сидят они. Вдруг вечером застучало на улице. Входит к ним в дом старик: «Что, — говорит, — вам было пужно и [зачем] меня звали?» Тот, который пришел, поклонился к нему в ноги и сказал: «Прости нас. Я, нищий, бедный, заблудился. И случайно комнату отворил». Старик ничего не сделал с ними. И стал почевать с ними.

А этот прихожий мужик стал собираться в свой город, в котором он жил. Сын этого отца говорит: «Я тебе дам коня». На это отец говорит: «Твой конь плохой, лучше я отдам мой конь. Мой при нужном времени избавить может». Так и сделал. Домашний парень говорит: «Я тебе дам саблю». Отец говорит: «Твоя сабля плохая, лучше я дам свою саблю. Моей сабелькой, выйдешь на улицу, махнешь — и за десять километров все будет очищено». Он поехал, простились. Старик говорит: «Еще раз пригодюсь».

Вот он приезжает в город, в котором он жил. Приходит царю и спрашивает: «Кто вашу дочь нашел?» Царь говорит: «Ее нашел начальник корабля, за которого она и отдана замуж». Он говорит царю: «Не он на-

² Т. е. «не выйдешь за меня замуж».

шел — нашел я, потому что вот у меня ес перстень, приведи ее и спроси». Приводят царскую дочь и спрашивают: «Кто тебя нашел?» Она говорит: «Вот тот нашел, у которого перстень на руке. Этот начальник корабля мне угрожал, хотел убить или утопить в море, а потому я дала согласие». Царь велел этого начальника расстрелять. Расстреляли. Этот взял царскую дочь замуж.

Так они жили и жили. В одно время один король с одного города через письма познакомился с этой девкой, царской дочерью. И стал высылать войска в этот город. Как приедут войска, то этот мужик выходит со своей саблей: махнет — и очищает на десять километров все, что никакая сила с ним³ не стоит.

Один раз этот король пишет письмо к этой бабе, царской дочери. «Ты, — говорит, — узнай у своего мужа, чем он воюет. Если увидишь наглядно, то отправь мне». Один раз она спрашивает у своего мужа: «Чем, — говорит, — ты воюешь, что никакая сила не стоит?» Он ей говорит: «Меня подарил один старик одной саблей, которая очищает на десять километров».

Однажды ночью эта жена пошла к кузнецам и велела сковать точно такую же саблю. Они сковали. Взяла припесла домой. Взяла ту мужеву саблю и на место ее повесила новую. А тую мужеву саблю через знакомого товарища отправила королю. Тот король получил эту саблю и выехал сам с войсками, и подъехал к этому городу. А тот мужик берет эту новую саблю. Махнул, но ничего нет. «Ну, — подумал, — сейчас мне смерть». Король подъехал и изрубил этого мужика на мелкие куски.

У этого мужика была служанка, которая собрала все его кости, склала в бочку и завязала кошу в хвост. Этот копь пошел прямо к старику, к хозяину. Этот старик взял, разбил всю бочку. Собрал все кости, склал как есть. Взял живу-молоду воду, обрызгал и оживил этого мужика. Этого мужика омрачил жеребенком таким красивым, что в мире такого нет. И отправил в этот город, в котором он⁴ жил. Этот жеребенок прибежал в этот город и стал бегать по городу. Один раз король увидал. И говорит своей жене: «Вот, — говорит, — жена, такого красивого жеребенка взять бы к нам на забаву». А жена говорит: «Это, — говорит, — не жеребенок, а мой муж старый. Пужно его убить».

Это услышала служанка. Выходит на улицу и говорит этому жеребенку, что «хотят тебя убить». Жеребенок говорит: «Если тебе меня жалко, то, — говорит, — когда будут рубить, то, может, отлетит кусок в сторону — то ты его запрячь. Когда разойдется народ, то, — говорит, — этот кусок унеси и положи около дверей захода, где ходит король». Так и сделали.

На завтрашний день король идет заход. И около дверей выросла такая яблоня,⁵ которую никто в мире не видал. Король приходит обратно к жене. «Вот, — говорит, — жена! Такую красивую яблочку пужно взять и поставить дома». Жена говорит: «Это не яблоня, а муж старый. Нужно изрубить». Выходит служанка и говорит этой яблочке: «Тебя, — говорит, — хотят рубить». Яблочко говорит: «Если тебе жалко меня, то, когда будут рубить, то, может, отлетит в сторону какой-нибудь кусок. То его запрячь. И когда разойдется народ, то унеси на то место, где купается король». Так и сделали.

На третий день пошел король купаться: на том месте плавает лебедь, такой красивый, которого он увидел первый раз. Он подумал, что «если мне идти жене доложить, то она все равно не разрешит взять. Лучше попытаюсь сам». Он раздевается и сабельку кладет на берег. Поплыл за этим лебедем. Лебедь от него поплыл в море все дальше и дальше. Лебедь, когда увидал, что берег далеко, слетел и полетел на берег — на то место, где была одежда и сабля. Взял и развернулся мужиком. Берет

³ Т. е. против него.

⁴ Т. е. король.

⁵ В рукописи: такая яблочко.

саблю и одевает на себя. И говорит королю: «Когда ты убивал меня, то было тебе хорошо. Сейчас моя очередь». Король подумал, что если он поплывет в море, помрет, и выйдет на берег — все равно помрет. Вышел на берег. Мужик нарубил этого короля.

Мужик приходит царю и рассказал про свою жену. Тогда царь велел поставить в воротах и выстрелить на пушках. А после чего этот мужик женился на этой служанке. Жили-были до теперя.

40. КУПЕЦ

Жил купец с женой и сыном. Он ездил за границу и привозил товары, какие были пужные. Один раз он уехал и потерялся. Мать и сын долго его ждали, но не могли дожидаться и решили ехать искать его. Вот они поехали за границу. Преезжают [в] ихние деревни и города искать отца. Искали его долго в каждом селе и в каждой деревне, но не могли его пайти.

Приезжают в одно село и репили почевать. Сын пошел¹ поить коней, а мать пошла на квартиру. Когда сын поил коней, он нашел на дороге пояс. Когда он надел пояс и сел на коня, то конь его не повез. Нанонл коня и взял пояс к себе.

В этом селе одна приласкалась к ним собачка, которая ни на шаг от них не отходила. Сейчас мать с сыном поехали, тогда собачка пошла за ними. Ехали, ехали они и заблудились.

Ехали сквозь темный лес по узкой дороге. Еле приехали. Выехали на чистую поляну. Стоит дом трехэтажный. На самом верхнем этаже были двери, задавленные камнем. Этот парень взял камень и не мог поднять. Когда одел пояс тот, который нашел, то сразу поднял. Отворил дверь и зашли в дом. Стоят семь коек; и решили они жить в этом дому.

Назавтра приезжают семь человек. Этот парень выходит к ним навстречу. С тех преезжих самый передовой идет к ним навстречу. Не «прости» и ни «здорово». Сказали парню: «Почему ты зашел без нашего разрешения в деревню?» И стали они драться. Парень схватил преезжого за ноги и разбил о крыльцо. Остальные шесть человек пришли и поклонились в ногу: «Ты ничего с нами не делай». Они² стали жить вместе с преезжими.

С тех преезжих один из них был Гришка. Он говорит, что «мы были шайка бандитов, грабили людей, убиваем их». И спрашивает: «Ты будешь в нашей шайке?» Парень говорит: «Буду». Гришка говорит: «Тогда ты будь старшим начальником, потому что ты убил у нас самого старшего начальника». А заместителем у них — это Гришка. Вот они ездят каждый день; кого найдут, убивают, и никакая сила с ними не стоит.³ Сейчас Гришка позавидовал этому парню и решил его пзводить.

Когда он решил пзводить, в то же время познакомился с его матерью. К пей и говорит: «Ты заболел. А мы твоего сына отправим за яблоками [в сад], с которого он обратно не вернется». Так и репили. Мать «заболела». Сын приходит к матери: «Что, мама, с тобой случилось?» — говорит он. «Вот, сынок, я заболела, и ты помоги моему горю. Есть, — говорит, — здесь один сад, с этого сада привези яблоки — и я буду здрава, буява (веселая)».

Сын поехал на коне. Конь говорит хозяину, что «я, — говорит, — по этой дороге много таскал человек: перед уносил, а обратно не приносил». А хозяин говорит: «Они не приехали, а я — буду». Подъезжает он к садовому огороду. В дверях лежали два льва, которых поймал за обе уши,⁴ треснул их головам и разбил обе головы. Заехал в сад, набрал себе яблок, обратно поехал. Увидел в саду и на стороне — увидел дом. Из

¹ В рукописи: пошел пойти поить коней.

² В рукописи: дни.

³ Т. е. не может против них устоять.

⁴ Т. е. за оба уха.

этого дома выходит один старик. Старик говорит: «Почему ты заехал в наш огород и без всякого разрешения украл яблоки?» Парень его оплел плетью и голову снял.

Заходит в дом. Видит: стоит старуха и копается железным ожигом в огне. Вот они схватились драться с этой старухой. Долго они боролись, и оба свалились с ног. Когда свалились с ног, то начали драться лежа. Парень увидал у старухи на левом мизинце перстень. Ударил по этому перстню. Перстень вылетел — и старуха умерла.

Заходит он в комнату. Сидит девка и парень — брат и сестра. Они к нему говорят: «Зачем ты сюда зашел? Старуха все ровню тебя убьет». Он говорит: «Я уже ее убил». Тут они обрадовались. Ему говорят, что «ты нас избавил». Эта девка дала ему слово прийти за него замуж. Эта девка говорит: «Мы, — говорит, — с одного города брат и сестра. Это старуха нас взяла на дити.⁵ Осталось, — говорит, — три дня. Эта старуха хотела женить меня на старике, а сама хотела выйти за моего брата замуж». Указала ему свой город и сказала: «Найдешь нас в этом городе». Простились и разошлись.

Когда он взял перстень, одел себе на руку, то чувствует, что наполнивину сила стала больше. Сейчас садится на коня и едет дальше. Обратпо домой.

Гришка говорит жене, что сын едет живой. Вот он приехал. Гришка снова говорит этой жене: «Ты спроси у своего сына, откуда и как он имеет такую силу, что никто, никакая сила не стоит». Мать сейчас спрашивает у сына. «Ну, — говорит, — сынок, расскажи: как и откуда ты имеешь такую силу?» Сын говорит: «Когда, — говорит, — мы искали отца, то, — говорит, — что в одной деревне нашли пояс. Одел на себя — то, — говорит, — меня конь не понес. Второй раз, — говорит, — когда я ездил в сад, в этом саду я убил старуху. Взял у нее перстень, одел себе, и сила стала больше прежнего».

Гришка говорит жене: «Ты отправь сына в банк и попроси его, чтобы перстень и пояс оставил». Сейчас мать сыну говорит: «Ну, — говорит, — сынок, ты долго ездил, долго воевал, наверно, у тебя тело запотело, иди в баню вымойся и белье переменяй». — «Ну ладно», — говорит он. Пошел он в баню, берет с собой пояс и перстень. Мать его просит: «Оставь их мне. Придешь — будет готово». Он послушался мать и оставил. Ушел в баню.

Приходит Гришка, берет себе пояс и перстень. Парень пришел к себе из бани и спрашивает: «Мама, дай мне пояс и перстень». Она молчит. А Гришка говорит, что «это у меня». Парень подумал, что «сейчас мне смерть». Гришка спрашивает у жены: «Что буду делать?» Жена молчит. Гришка говорит, что «сломаю руку и ногу и оба глаза выставлю; чего, — говорит, — это хватит!» Она говорит: «хватит». Сейчас Гришка сломал по ноге и руке и оба глаза выставил.

Сейчас этот парень полежал немного в доме и ползет на улицу из дома. Подумал, что «все равно: чем помереть дома, лучше умру на улице». Раньше та собака, которая приласкалась к нему, она выходит за ним на улицу, идет впереди и лает. А парень идет по этому лаю.

Шел, шел, и привела эта собачка к одному городу. Из города выходит один старик и собрал его к себе на квартиру. Вот он живет у него. Один раз говорит этот домашний старик, что «завтра у нас будет на улице праздник. Соберется весь город. Будут выпивать и закусывать, на улице будут столы и стулья. Ну, — говорит, — ты, старик (звал так парня), пойдешь». Он говорит, что «пошел бы, но меня не примут». Домашний говорит: «Ты иди, тебя примут».

Назавтра собрались все на улицу. Стали выпивать и закусывать. Подпоят к нему закуску и выпивку. Выпивали и опьянели весь парод. И стали хвастаться — кто чем. К этому [парню] говорят, что «ты, старый старик, может быть, ты знаешь что-нибудь?» Он говорит: «Ладно,

⁵ Т. е. детьми.

расскажу». Сейчас он начинает рассказывать всю свою жизнь. Как он начал и как он кончил. Они разошлись. Когда они разошлись (та девка с братом были как раз в этом городе), сейчас эта девка начинает рассказывать своему отцу, царю: «Вот это тот человек, который нас избавил».

Сейчас царь вызывает его. И стал спрашивать. Вот он ему все рассказал. Когда рассказал, то эта царская дочь говорит отцу, что «я ему дала слово идти взамуж. Все равно пойду замуж — хоть он безногий, безрукий и безглазый, мое слово не отменяется». Вот они стали жить вместе. Она стала хранить его. Один раз ночью они проспали. Утром встали. Девка и говорит: «Я, — говорит, — сегодня видела сон. Вот, — говорит, — у нас течет речка. В этой речке ты, — говорит, — мыл ногу и руку, и у тебя рука и нога срослись». Он говорит: «Не надо верить сон, сон — это пустое». Она говорит: «не пустое, а правду».

Взяла его и повела на эту речку. Стала мыть ему ручку и ногу. Мыла, мыла — рука и нога срослись. Сейчас они проспали ночь, встали утром. Она опять ему говорит: «Я, — говорит, — опять видела сон. Вот у нас течет ручеек. В этом ручейке ты мыл глаза, и глаза срослись». Он говорит: «Нельзя верить сон, сон — пустое». Вот она повела его на этот ручеек и стала мыть глаза. Помыла — и глаза срослись. Сейчас опять переночевали ночь. Стали утром. Жена и говорит: «Опять я видела сон третий раз. Вот, — говорит, — у тебя есть собачка. Ты эту собаку убил. Из-за этой собаки вышел твой отец». Когда это услышала собака, то она не дала покою хозяину. Тогда хозяин рассердился, схватил нож и зарезал собаку. Когда зарезал, то перед ним очутился его отец.

Когда отец поехал за границу, волшебники омрачили [его] собакой. И если бы не эта девка, то он пропал бы собакой.

Сейчас он рассказал отцу про мать. И решили они ехать к ней на расправу. Отец с сыном поехали. Приезжают в почное время, когда они [мать с Гришкой] спали. Отец остался в дверях. А сын прошел в спальню. Парепь разыскал свой пояс и нашел свой перстень. Одед их. И разбудил этого Гришку. «Ты, — говорит, — меня убивал — хорошо было. Сейчас я тебя убью». И тут он его убил. А отцу говорит: «Ты, — говорит, — как хочешь, а я на мать руку поднимать не буду». Отец ее берет за косу и привязывает коню за хвост. Поехал, и тут душа у нее вышла. После чего они поехали в город, где отец женился. И стали жить в этом городе и живут до тецера. Только.

Анна Николаевна Шкулева

41. ТРИ СЕСТРЫ И ЛЮДОЕД

Жил-бул хриштянин. У его три дочери. А недалеко от них человек живет — неизвестно какой. На шендуху поедет (это человек-от) — медведем обертываются, а домой приедет — человеком.

Аннезду пошел к старыку. «Онцу, — говурит, — девку дай на жепы: оптому жить надоело». Так. Старик отдал старшую дочь. Он привел ее домой этот человек. И дал ей ключи: двенадцать амбарам ходи, а в тринадцатый не ходи — который лычком завезенный, говешком запечатанный. Ну, он усхал на шендуху.

Она вше амбары обошла и думат: «Что в этот амбар я пойду? Сто в нем ешь?» Пошла. Амбар открыла. Стоят две бочки: в одной золото, а другой — жива-молода вода. Она в золото перчик¹ спуштила, и перчик в золоте у ней. Она его сребла, скребла — вше в золоте. Тряпницей завезала. Муж прияхал. «Чего, баба, перчик дошпела?» — «Лучинки щипала да отрезала». — «Давай излечим». Перчик развязали, трапку-то, — перчик в золоте. Он догадался, что она в этот амбар ходила, в который он

¹ Т. е. перстияк — пальчик.

не велел. Шъел жепу-то, вше мясо висосал и коски за чувал наклал. И опять пошел к старыку. «Дай, старик, дочь». — «Увжа, как дочь? — отвечает старик. — Ты ведь вот вжял дочь». — «Я знаю, вжял; она худое сделала — я ее шъел». Старик испужался и отдал шерешнюю дочь. Он опеть ее дома привел, как ту же самую. Этот тоже наказывал, как той же. И сам уяхал на шендуху. Она опеть посла к этому амбару, то же самое амбары открыла, эти же бочки два стоят. Онно — золото, друга — жива-молода вода. Опеть в золоте перчик спустила. Скребла, не скребла — перчик в золоте. Опять пришла домой, тряписсой завязала. Муж прияхал: «Чего, баба, перчик дошпела?» — «Лучинку щипала да отрезала». — «Давай излечим», — опеть заръвел на нее. Развязали — перчик в золоте. Опеть шъел, коски за чувал наклал.

Пошел к старыку. «Старык, дай девку». Старик ничего не сказал, заплакал. Обе со старухой заплакали. Догадались: другую девушку шъел. Отдали посленную, щичего не сказали.

Привел домой и наказывает то же самое, что двум старым женам наказывал. Сам уяхал на шендуху. Она вше амбары обходила и пошла в этот амбар самый, агде две бочки стоят. Так. Посмотрела в бочке ту и другую, вжяла щибинку и спустила — которая со золотом-то бочка, в ту и спустила. Посмотрела: щибинка в золоте. Она вишла да на амбар брошила. И домой пришла.

Муж прияхал. Смотрит этой бабе на руки: у ней руки хорошие, не завязаны тряпщей. Он ее любит, почитает. «У, — говорит, — баба, завтра я поеду на промушел». Она говорит: «Ланно». Утром шталц, он уяхал на промушел. Она жяла, оппой шестры коски разобрала и опшого человека подобрала. Принесла живу-молоду воду, отпрыснула косточки — косточки страшлися. В другой раз отпрыснула — кожичка начанулось, в грэччий раз отпрыснула — кровинка заиграло. Четвертый раз опрыснула — шестра ожила, шренняя шестра. Вжяла и положила в сумку да хлебами обклала кругом. И витащила в чулап. Муж прияхал. Она его² чаем напоила и гуврит ему: «Муж, ти би сходил к нашим да посылочку унес». — «Ланно, давай; налажена посылка?» — у ей спрашивают оп. «Налажена давно, — она отвечат, — вон, в чулапе сумка, бери ее да пеши нашим». Вжял из чулана сумку и унес старыку, старухе. Брошил через порог: «Нате вам, девка посылку послала». И сам ворочился домой. Баба его штретила и смеется, думат про шебя: «Шестру отправила домой».

«Муж, ты когда поедешь на промушол?» — спрашивает его. Отвечает он: «Завтра поеду». Ланно. Утром стали, он уяхал опеть на промушол. Опеть собрала шестрины кости и живой-молодой водой отпрыснула. Косточки срослися. Другой раз отпрыснула — кожичка начанулась. В грэччий раз отпрыснула — кровинка заиграла. В четвертый раз отпрыснула — шестра ожила, старша-то. Она ее вжала, положила в сумку, да хлебами обклала кругом, да випесла в чулан. Опять муж прияхал из промушла, чаем напоила она его и гуврит: «Ти би сходил к нашим да посылочку унес». — «Ланно, давай. Налажена ли посылка?» — «Давно налажена — в чулане сумка». Вжал эту сумку, принес старыку, старухе, через порог брошил: «Нате вам посылку, девка послала!» И сам ворочился домой. Баба его встречает и думат про шебя: «Опять шестру отправла».

Опять его спрашивает: «Муж, когда поедешь на промушол?» Он отвечает: «Завтра». — «Ты когда приедешь, я посылку положу на дворе. Ти к нашим унес!» — «Ланно, Мария, унесу!» — «А ти меня не шевели, я буду рукавицы пить на избе». — «Ланно, ланно, Мария, унесу».

Они живут очень дружно. Он уяхал, она после его осталась, принесла чугунную ступу, надела на ее плаччо да курму, подвязала платком, ви-нешла у трубы чувальной и поставила. И сама вишла на двор, со сумкой, и винесла песколько хлебов, легла в сумку, заповоралась и лежит шибе, радехонько. Муж прияхал, пил или не пил чай — неизвестно, понес

² В рукописи: ее.

сумку. Идет со сумкой — сумка очень тяжелая. Нес, нес сумку и брошил. «Ах, шьисти би на пенок да шьисти би сладкий пирожок!» Она из сумки отвечает: «Вижу, вижу, бачушке скажу!» А он думат: котора стоит у трубы, да та отвечает. «Мария хорошая, Мария пригожая, више видит да слышит». Принес сумку, через порог брошил к старику, старухе: «Нате вам, девка посылку послала». И два ковша холодноу воду выпил. Ворочился домой, пошел. Видит: эта его жена на трубе стоит. «Поди-и, Мария, простудишься», — говорит он ей. Ступа стоит. Еще раз закричал — ступа стоит. Еще раз закричал — ступа стоит. Дошел до дому, обзадорился, схватил за плачко и дернул за плачко. Полетела ступа чугуная да к нему на лёнь да и убила до шмерти.

42. ХРИШТЬЯНИН

Жил-был хриштьянин. У него один сын. А на улице живет фармазон-учитель. Он учит тридцать два ученика. Тридцать два ученика мудренее его, поэтому он их отдает родителям. И вжал этого учить. Несколькo дней проучил этого сына. Зовут его Иван. Он мудренее вшех выучился. Старык каждый день ходит, просит сына. Каждый день он не отдает его. «Он еще онну строчку не знает», — говорит он. Один раз приходит старык. Он говорит: «Завтра дам. Ходь недоучен на онну строчку». Старык отвечает: «Пусть недоучил, пусть на меня помучится, меня хоть живой-трепущей птичкой покормит». Старык уходит домой. Позади него он его [сына] посадил в тюрьму.

Ночь настала. Он обернулся мушкой из тюрьмы, шкребся, вишел из тюрьмы. И приходит к отцу. «Пу, — говорит, — отец, меня завтра проси. Он, — говорит, — скажет: „Я завтра дам“, а ты не отступай. Он вытащил носовой платок и рассыпает из платка тридцать тры клубочка. Они покатыся под порог, эти клубочки, — вше как один, вше парные. Он, — говорит, — скажет: „Вот твой сын в клубочках-ти есть — узпувай да берп“. Ты смотри: как они покатыся, эти клубочки, одини станет на ребро цемного — и ти хвати этот клубочек и говори, что „не дам“. Он станет тебя целовать, миловать, скажет: „До утра ослободи, я тебе завтра дам“. Ну, не давай меня». — «Ланно, — говорит, — дитятко мое, я не дам». Значит, этот парень в тюрьму опять пошел.

Утро стало, старык приходит к этому учителю, просит сына — он не отдает. Витащил свой платок, рассыпал из платка тридцать тры клубка, покатылись вше, как один. «Узпувай, — говорит, — твой сын агде есть?» Старык замечает: одини немножко на ребрушко стал. Старык вжал его в карман: «Не дам, — говорит. Вот мой сын». Он его стал целовать, миловать. «До утра, — говорит, — оставляй». Старык оставил до утра.

Опеть ночь настает, другая, опеть же из тюрьмы шкребся, шкребся этот парень — выходит. Опеть приходит родителям. «Ну, — говорит, — тятелька, меня завтра возьми». — «Ланно, дитятко, возьму». — «Зай-дешь, — говорит, — будешь просить меня — он, — говорит, — скажет: „Пойдем на улицу“. Отойдите на онно крыльцо, и будет стоять тридцать тры молодца — вше как один. Он скажет: „Узпувай: твой сын этта есть?“ Ты стой, примечай: с левой стороны трэччий человек левой бровью цемножко дернет — ти его и возьми. Это буду я. Если хочешь ти меня смотреть, то меня не отдавай больше». — «Ланно, — говорит, — дитятко, не дам». И опять в тюрьму ушел.

Утро стало. Старык идет учителю-то. Пришел. «Выйдем, — говорит, — на улицу». Значит, вишли. Заднем крыльце стоит тридцать тры молодца. «Ну, — говорит, — узпувай: этта есть твой сын — возьми». Старык смóтрэть: стоит с левой стороны трэччий человек, левой бровью передернул. Он его вжал. «Вот, — говорит, — мой сын, его я возьму». Опеть стал учитель целовать, миловать старыка: «До утра оставь». Старык опеть оставил до утра. Трэччья ночь настала. И опеть мушкой обернулся да стал скребтись из тюрьмы. Пришел родителям. «Ну-ка, — говорит, — очес, меня завтра возьми; послеппий день. Если завтра не возьмете, он

меня изведет. Он, — говорит, — тебя выведет на улицу, и станет стоять тридцать три лошади — все обузданные, оседланные, как одна лошадь. Он скажет: „Узнувай: агде есть твой сын?“ Ты стой, примечай: с правой стороны трэччья лошадь правой копытой дернет. Ты вожьми его, говори, что „этот мой сын“. Больше не отдавай меня учителю: если отдашь, больше меня не увидишь. Может, меня возьмешь, шядеешь на лошадь — узду скинь». — «Ланно, — говорит, — дитятко, вожьму, больше не дам».

Утро настанет. Приходит учителю старык, просит сына. Он говорит: «Выйдем на улицу». Вышли на улицу: стоят тридцать три лошади, все обузданные, все оседланные, как одна — как сын говурел, так и есть. «Узнувай: агде есть твой сын?» Старык смотрит, примечает: с правой стороны трэччья лошадь правой копытой дернула. Старык берэт эту лошадь. «Это, — говорит, — мой сын, я не дам больше». — «Ну, — говорит, — вожьми». Отдал лошадь старыку. Старык шял на лошадь, по узду не снял, едет шибе с уздой. Недалеко переди сидит ворон на дубу. Слетел ворон, у старыка голову снял и сам на лошадь шял. Он и есть учитель. Ну и шпарит лошадь уздой-то. До тех пор обещишлел лошадь, до пены дошла. И прияхал домой да и повешил за кэнтос, чтобы лошадь удавилась, и сам едвая домой вошел: обещишился. Он только вошел — жена вышла на улицу. Увидела: эта лошадь вешится за кэнтос, давится. Да и роздернула кэнтос, развязала лошадь. Тут увидела: лошадь уже убежала. Пришла домой. Да про шибя и говорит: «Хочь устал, но зачем скотину так удавляешь?» Она не знает, что он изводит кого. Он услышал это слово ее и сказал: «Дэ, съела», — да височил на улицу и погашил лошадь.

Обернулся вороном; а тот увидел его, парень-то, — ястребом обернулся, да и полетели: ворон ястреба поганил. Летят через один город. Над речкой нянька-мамка царские воду черпают. Этот ястреб обернулся перстеном и упал в ковшик к пянькам-мамкам-ти. А ворон сял над речкой. Нянька-мамка принесли перстень царской дочери. Она надела правый ожик — как раз. Этот ворон (фармазон-то учитель-то он и есть) развернулся человеком, в кощтовую юрточку к старушке онной пришел.

И написал этой сарской дочери записку, учитель-то этот: «Я давным-давно на корабле бегал и утупил перстень на этой реке. Мне, — говорит, — пришлите этот перчень». Она его не дает. Он у ней днем на руке — на почью муж у ней. Он ей говорит, этот перштэнь, Иван-от: «Ты не давай, как раз завтра у цара будёт вечер. Все соберутся у цара на вечер. Этого фармазона тоже позови на вечер». Приглашат на вечер этого фармазона. Он, бессовестной, пожаловался цару на дочь: «Я давным-давно на корабле бегал и утупил перстень на этой реке; няньки-мамки черпнули ковшом — припешли вашей дочери, и она мне не отдает».

Она надела на правый ожик как раз этот перштэнь. Ночью легла — перштэнь очутился человеком и стал ей наказывать, он говорит: «Давно бул мой учитель, я выучился мудренее его, и он меня изводит. Завтра будет у цара вечерка. Он пригласит этого фармазона тоже. Очес тебя позовет. Ты с первого посла не ходи, и другой посол еще пошлет по тебе — ты не ходи, трэччего посла пошлет — ты разозлишь и со злом пойдешь туда. Так, как будешь выходить, они будут сидеть выпивать за столом. Так и снимай перчень и бросай прямо под стол, а не на стол. Он рассыпется на мелкие жемчуги по полу, три жемчужки покатаются к твоим ногам-чи. Приступи их и стой. Этот фармазон не посовештится, что компания сидит, и обернется вороном, и станет клевать эти жемчужки. А ты не отступай, так и стой на трех жемчужиньках. Он вшех выклюет и закричит: „Ку-куру! Иабул ворога!“ Ты тогда одерни ногу — увидишь, чего будет».

Значит, утром стали. День настал. Сар посылает посла по дочери — она не пошла. Другого послал посла — она не пошла. Трэччий раз посылает — она пошла с большим злом и понесла перштэнь. Прамо заходит: они выпивают сидят все за столом. Она прамо бросает ему под стол

перчень: «Если ваш-да, вожьмите!» Рассыпался перчень на мелкие жемчуги. Покатились три жемчужины ей к ногам. Она наступила. Фармазон обернулся вороном и стал клевать по všему полу. И všех выклевал до онной. Заръвел: «Куруку, избул ворога!» И шьял на окно. Она отдернула погу, где было три жемчужинки, — вишол добрый молодец. И схватился с окна ворона и шею вивернул. «Така твоя мать, не ти меня избула, — говурит, — а я тебя избул».

И тут же женился на этой дочери. Столовали, пировали двенадцать суток без пробуду.

Аграфена Николаевна Щелканова

43. [МЕДВЕДЬ И ТРИ СЕСТРЫ]

Жил беннай селовек. Бенпой он бул, дитятко, пребенной. Було у него три дочери — три красависы. Жил в сѣндуге человек, он к этому человеку гриззал и часто гостем бул. Люди говрѣли, будто он среди людей бул сѣ ранно как человек, а в сѣндуге он медведем белым буват. Оборочалня он в белого медведя только в сѣндуге. Прияхал он сватать к бенному человеку старшую дочь. Ему ее отдали. Повез он ее в свою юрту. Юрта у него большая, просторная. Он дает к пей двенасать ключей и говорит: «Ты ходи-ка в анбары, а в тринасатой анбар не ходи, там к тебе нечего делаць. А не послушашь миня, тогды сама пеняй-да на сябя». Эттак он к ней скажал, сказывал и уяхал в сѣндугу ставить капканы. Когды он уяхал, она посла смотреть анбары. Там было много рыбы, мяса. К ней осень хочется пойти посмотречь в запретной анбар. Думала она, гадала да посла туда-да. Зашла и видит: две пошудины стоят, в онной зива-молода вода, в другой — друга вода. Сунула она палес в онпу бочку-то — и палес стал у ней золотой. Испужалась она, бенная, а куды денесся: ни отца, ни матери — никого-да нету к ней. Она его, палес-от, вжяла да завязжала.

Вот погода приеззат муж и спрашивает: «Ты ходила в запретной анбар?» Она к нему говорит, что «не-е, не ходила, а чѣ мне-ка тама-ка делаць?» Муж спрашивает к ней, чѣ «ты палес забердѣла?» Она к нему говорит: «Да я лучины-те щипала-да и бердѣла палес-то». Он посмотрел на палес — и съел её.

На другой день он едет сватать теперя [в] торую дочь. Старик-то бенный поплакал, да кого делать стапешь. Привез он втору зѣпу-то и наказыват, стоб она в тот анбар не ходила. Дал к ней двенасать ключей и уяхал в сѣндугу. Она посла смотреть анбары и тозе зашла, не витерпела, в тот анбар и сунула палес в воду-ту — палес стал вѣкшу золотой. Она испужалась. Мула, мула палес-от, да не отмула... Он ее тозе съел, а коски склал в анбаре.

Поехал теперича свататься к послешней дочери-то. Люди баяли: она, Марья-то, вокшу умная, вразумительная була. Привез Марью-то и наказыват к ней: «Не ходи да в тринасатый анбар-от». Дал к ней двенасать ключей и уяхал сам в сѣндугу. «Если не послушасся, то будет тебе, как к твоим сестрам ропным», — сказывал он. Осталась Марья она и пошла в анбары-ти. Тоже засла в тот анбар, [в] зяла палочку и поклала в воду-то молоду. Палка-та стала шибко золотой. Она ее спрятала. Погодя [в] зяла коски сѣстрины-то, омочила их — и сестры-чи ожили. Она их спрятала.

Приехал муж и спрашивает: «Ходила, Марья, в анбар тот?» Она к нему говорит: «Не ходила». Видит он: все ланно, анбар лычком привязан, как було.

Назавтра Марья говорит к нему: «Сходи-да, проведай-да моих ропных». Он соглассе к ней дал. Она стала загатавливать гостинцы к отцу. Вжяла большу катомку и посадила туда шештѣр-от. Муж взял катомку и понѣс. Марья-да стала на кришу и кличет к нему: «По дороге не ешь гостинсы, не смотри в катомку!» Муж-от рад, мол «зинá у миня ловкая

да рабочая и всё за мной видит», и отвечает к ней: «Не треложься, доведу как ешь всё».

Приехал к отцу, привез к нему гостинец, а сам кинул его за порог. Приезжает домой, в юрту-то, Марья его спрашивает, как там рошны зивут. Он к ней говорит: «Я ни заходил к ней, молча за порог кинул гостинец и домой к тебе пошел». Она вожу рада за этого. Назавтры она к нему говорит: «Налови много рыбы, надо ко мне домой чира отправить: отец-от, бенный, сам-от не могот». — «Лаппо, — говорит оп к ней, — завтры я пойду сети ставить, может быть, кого-нибудь добуду».

Назавтры поехал он на виску рибачить. Марья стала катомку собирать. Приезжат ёйный муж-от — она к нему и говорит: «Завтры рано поеду в сендугу капканы ставить, ты меня не дожидайся...» Она говорит к нему: «Бери эту катомку и увези его до отца моего бенного да скорее в юрту-да сам приезжай, а то ко мне скучно будет одной сидести». Он к ней обещал всё жделать, как она к нему наказывала, и пошел спать-от. Назавтры оп рано вжал катомку и пошел к отцу. Маша села в катомку-ту. Он не знал и сам принес к отцу-ту её. Отец да её сестры стали её омнимать-селовать. Стали зить хорошо. Я у них була, чай пила. Она лиха-то проживают, добра-то наживают.

44. [МАЧЕХА И ПАДЧЕРИЦА]

Зили-были старик да старуха. Старуха-та була вренная, зло по шибя имела. У старика була она дочь, и у старухи була она дочь. Старуха старикову-ту дочь не любила, хулила се вшо времо. Каждый раз старуха била старикову дочь, а свою близе к серсу имела. Онажды говорит старику: «Шил моих нет, отвежи своего ребенка в юрту, пусть она живет». Запечалилша старик-от, а к нему делачь нечего. А в той юрте пужанка жил, та юрта пужала.

Вот повез старик свою ребеночка в юрту. Девка-та плачет, слезами заливатца. Старик и говорит к ней: «Подбегот к тебе мишка-вострушка — ты к ней не залей ничего, сто она спросит, всё давай. Если голова к тебе покажется, ты не шмейся, она теба смешить станет».

Вот девка-то и приехала в юрту. Тёмень когды наштала, она не испужалась, загла огонь, затёплила печку и стала страпать ляпёшки. [В]друг чё-то зашумело — она молчит, бенная, хоть к ней и страшно шибко. Подбегает к ней мишка-вострушка и просит от ней ляпёшки. Девка к ней дала ляпёшку. Погодя ещё она мишка-вострушка прибегают и ужо просит от неё. Девка к ней тозе дала ляпёску. Погодя глядит она: и голова катится и приговариват: «Штупи, штупи ступеньки, лепи-лепи лепеньки...». Крашна девиса молчит и не шмётся. Потом она подосла к ней, к голове-то, и ударила ее позём-то. И поги [б]ла голова. Из няё жлато-серебро пошпыалась. Она его штала клапти к себе. Много жлата.

Наутро старуха говорит старику: «Пойди да проведай дочь-то свою». Она про себя имела, сто дочь-то съел пужанка... Погодя собачка залаяла: «Дед везет дочку, да злато-серебро по дороге бренчит». Старуха стала ругаться на собачку и штала бить да пинать ее, бенную. Собачка [в]шо рано в своё лает, и хвос [т] у ней виляет. Старуха говорит к ней: «Ты ни говори „злато-серебро“, а говори „пусты кос [т]ка“». Старуха висла и видит: старик приехал со своей дочерью, и натаскивают оне злато-серебро домой. К старухе стало завинно. Она говорит старику: «Вежи мою дочь [в] юрту, где пужанка».

Ланно. Повез старик старухину-то девку-то в юрту. Старик ничего к ней не скажал, не дал к ней напутствиё. Ланно, дело к ночи подвигасса. Девка стала себе еду готовить, стала печь затёплять, да ничё у ней-то не выходит. Мать ронна к ней дала на дорогу ражну еду: рыбу, юколу, барчú, пряники. Стала она исти. И прибегают к ней миска-воштрушка, просит она у ней пойти. Девка к ней ничего не дала да ешчё ругаться на неё штала: «Самой-мало, а ты ешчё у меня просишь». Миш-

ка-воструска ничего к ней не сказала и убизала. Вот шидит она и думат, как бы жолото натти да сэрэбро. [В]друг стук да гром гремит. Этта гона катится и приговариват: «Лепи-лепи лепеньки, штуни-штуни шту-пеньки...». Девка зашмеялась, и голова-то ее шъела.

Наутро старуха будит рано старика: «[В]ставай, лодарь, вежи, вежи мою любпму дочь со златом да со сэрэбром». Собачка-то и говорит: «Иди, старик, вежи пусты кости». Старуха накинулась на нее: «Ни гаври ты „пусты коски“, а гаври „злато-серебро“». Поехал старик и привез пусты коски. Старуха тут же умерла.

Стали старик с дочерью зить-позивать, лиха проживать. Я у них в юрте була, чай пила.

Разные исполнители

45. ШНЮ-ШНЮ, БИЧОК

Жилл-були старик со старухой. Один раз они зарезали бичка. Старуха пошла на улицу кишки мыть. Идет обратно, кричит старику: «Старик, отвори двери». Он говурит: «Дровна складываю». Она опять кричит: «Старик, отвори дверы». Он говорит, что «в станах¹ вопечку ищю». Старуха вернулась обратно. Пошла по дорожке с этими кишками. Друг кишки обернулись бичком. Она сделала саночки, пояхала.

Шню, шню, бичок —
по дорожке бежит;
дуга швистит,
боран дрожит;
саночки не наши,
хомут не свой —
погоняй, не стой!

Яхала, яхала, видит: юрточка стоит. Вошла: и сидит старуха с девкой. Которая² прияхала-та старуха, говорит: «Моего бичка пуштите-да ночевать». — «Ланно, — г-т, — пуштим». Штаруха спать легла с етим. Утром встали — хожяева говорят: «Твоего бичка наши бички заели». Она г-т: «У меня чо — бичок бул? Ушканчик ведь». Впшла, вжала бичка, пояхала.

Шню, шню, бичок —
по дорожке бежит;
дуга швистит,
боран дрожит;
саночки не наши,
хомут не свой —
погоняй, не стой!

Видит: юрточка стоит. Вошла: старуха с девкой сидит. «Моего ушканчика пуштите-да ночевать». — «Ланно, — г-т, — пуштим». Лягли спать. Утром встали — хожяева-то г-т: «Наши ушканчики твоего ушканчика заели». Она г-т: «У меня, — г-т, — чо — ушканчик бул? У меня песешик бул ведь». Впшла, пояхала.

Шню, шню, бичок —
по дорожке бежит;
дуга швистит,
боран дрожит;
саночки не наши,
хомут не свой —
погоняй, не стой!

¹ Т. е. в станах.

² В рукописи «который».

Яхала, яхала — вдруг бегот ушкан. «Бабушка-а, меня посади-да». — «Варнак, сядь назад». Яхала, яхала — вдруг песеник бежит. «Бабушка, меня посади-да». — «Варнак, сядь назад». Яхала, яхала. Вдруг лисица бегот. «Бабушка-а, меня посади-да». — «Варнак, сядь назад». Вдруг медведь бежит. «Бабушка-а, меня посади-то». — «Варнак, сядь назад». Медведь шял и сани раздавил так. Она г-т: «Я, — г-т, — пойду чаперя в лес — сани делать. Ви, — г-т, — смотрите, моево бичка не ешьте». — «Не-ет, — г-т, — не ставем исти».

Она ушла. Они сзади его вжяли, этого бичка, шняли шкуры с плеч да до пат, набили шкуру-то траву и сами унешли бичка, ушли. Старуха сани сделала, пришла, запрягла бичка в хорошие сани. Шяла и поет:

Шню, шню, бичок —
по дорожке бежит;
дуга швистит,
боран дрожит;
саночки не наши,
хомут не свой —
погоняй, не стой!

Бичок стоит, не шевелится. Она второй раз:

Шню, шню, бичок —
по дорожке бежит;
дуга швистит,
боран дрожит;
саночки не наши,
хомут не свой —
погоняй, не стой!

Бичок стоит, не шевелится. Она вжяла да его утнула посохом. Бичок упал. «А-а, — г-т, — эти варнаки, вишно, мово бичка шьелли». Поплакала-поплакала, да делать нечего.

Жить да быть, да и таперя поживает.

46. КОРОЛЬ СО СЫНОМ

Дьэ, сын женился. У него была крашивая жепа. Эту жепу украл Страйчик.¹ Он [сын] жил, жил и на другой женился. Он и опять украл, этот Страйчик. Посадил ее [в] палату. А первую посадил омбар.

Этот королевский сын пошел палату, и его жена шидит на койке. Стал он мёште с ней ложиться. Она и говорит: «Ты, — говорит, — с кем ложицца?» Он к ней отвечает: «С тобой, ты же моя жепа!» Пула его ногой и сказала: «Дороже чеба ешь² у меня Страйчик». Он вишел.

Пришел к отцу. Ходил-ходил, у отца правую ногу наступил и вишел на улицу. За ним вишел отец и говорит: «Чего говоришь?» — «Вот, — говорит, — чаченка мой любезный, ходил я жене, и она мне говорит, что „дороже чебы у меня ешь Страйчик!“» Отец к нему отвечает: «Поди вожьми лошадь, самую хорошую, и поезжай; кажного жверя, кажную птицу — увидишь и спрашивай, что Страйчик-человек — ешь или нет».

Он поехал. Казного жверя, казную птицу — увидит и спрашивает, что Страйчик-человек — есть или нет. Они к нему отвечают, что «мы не знаем».

Дьэ, он поехал. Видит: стоит палата. Вошел палату. Шидит палате старуха. «Бабушка, — говорит, — я спрашиваю от чебя: что Страйчик-человек — есть ли нет?» Она отвечает: «Есть. Чебя съешь, да [не] наешься».

¹ От «стратить» — погубить, погубитель?

² Т. е. есть.

Дэ, он поехал. Видит: опять палата стоит. Вошел палату: шидит старуха. «Бабушка, — говорит, — Страйчик-человек — есть ли нет?» Она к нему отвечает: «Есть. Чебя съест, да не паешься. Сейчас ты поедешь — станут стоят [ь] на дороги два молодца со саблями, радо будут убить тебя с кошем, со всем. Ты ведь поедешь или нет?!» Он к ней отвечает: «Поеду!» — «Потом едешь-едешь — попадется дыра; поедешь по дыре — стапет лежат [ь] лев-зверь, радо чебя зглатить, с кошем, шо вшем — чо, поедешь ли нет?» Он к ней отвечает: «Поеду!» — говорит. Написала ему письмо и говорит: «Когда будешь до двух молодцов доезжать, тогда положи это письмо перед конскими ушами, они на это письмо зглянут и сторону отойдут. Потом стацешь доезжать до лев-зверя — тоже так жделай; он на письмо зглянет и сторону отойдет!»

Дэ, парень поехал. Видит: два молодца стоят, рады его убить с кошем, со всем. Он полбжил перед конскими ушами это письмо. Они на письмо зглянули и сторону отошли. Он поехал дальше. Попалошь дыра, спустился он эту дыру. Ехал-ехал и увидел: лев-зверь лежит, радо его с кошем совшем съест. Опять он полбжил это письмо перед конским ушами. Лев-зверь взглянул и сторону отошел.

Вдруг видит: стоит палата. Вошел палату. Шидит старуха. Парень говорит: «Бабушка, я чебе приехал; скажи мне, Страйчик-человек есть — ли нет?» Она отвечает: «Есть, мой сын — чебя съест [мне], да не паёсса!» Парень говорит: «Запрачь меня!» «Ладно», — говорит. Он это письмо, которое вез, полбзил стену и запратался. Одну суму на голову, а другую на ногу.

Вдруг Страйчик вошел: «Ой, маменька, какой у чебя неловкой дух!» Мать к нему отвечает: «Перед тобой мукиной мешок тряшля». Ляг он на орун. Вглянул на стену и увидел письмо. Вжал и стал читать, и зашмеялся, сказал: «Маменка, дай человека»; который парень запратался, тот сбросил одну суму под порог, другую перёд.

«Здорово, брат!» Другой отвечает: «Здорово!» — «Ми будем два брата». — «Ладно», — говорит. Страйчик говорит: «Ты двенадцать омбаров ходи — два не ходи и палату!» — «Ладно». Страйчик уехал.

Этот королевский сын говорит, что «он мне не велел идти два омбара и палату — я сперва пойду палату и потом два омбара». Пошел палату. Вошел: стоит кровать, он рожденся и ляг. Слышит: двери отворились. Вошла его [вторая] жена и стала с ним ложиться. Он спрашивает: «Ты с кем лежишься?» — «С тобой!» — она отвечает. Он спрашивает: «Я кто?» Она говорит: «Ты мой муж, Страйчик!» Вот он ее стал бить; бил-бил — ногу переломил, руку переломил и глаз выставил и выпел.

Пришел к омбару. Двери открыл. Стоит царский конь. Пришел другому к омбару: — шидит его первая жена, голову чопот. Така крашивая — от пустой ее красоты вещь амбар жжет. Вошел, и обнял, и поцеловал. «Шиди, — говорит, — скоро будем вместе шидет [ь]».

Пришел палату обратно: шидит Страйчик. «Ах ты дурак, рожевайся. твоя голова на плаху!» — «Э-эй, — говорит, — сейчас скажешь „пей-ешь“ — мне тук не пойдет: сейчас придут воры и украдут — ты станешь говорит [ь], что „он украл“ — всё мне станет думаться!» Этот Страйчик опять уехал.

Он пошел и коня вжал и поехал. Другому к омбару приехал, и жена закричала: «Э-э, ты поехал, а я осталась?!» Он отвечает: «Не остапещя!» Посадил ее на коне и повез домой. Видит: Страйчик гонит. «Э-э! Страйчик съести хочет». Она отвечает: «А что — не знал да меня воровал?» Брошила гребень: «Будь, — говорит, — коштная гора, стоби Страйчик [у] не пройти и не проехать!» Он двою-трою грызнул и с дыры вискошил.

Еще пуце погошил.³ «Эй, — говорит, — Страйчик шести хочет!» Бросила кремён: «Будь каменная гора — не пройти и не проехать Страйчику!» Двою-трою грызнул и с дыры вискошил. Еще [в] два раза пуце

³ Т. е. погнался.

погоди́л. Брошила огниво́: «Будь огóнная гора! Не пройти и не проехать Страйчику». Страйчик остался.

Приехали домой. По́лден досло — висла на крыльцо, швис [т]нула-гаркнула молодецким покриком: «Где мои шемь воево́х? Шта́йте передо мной, как лес перед травой!..» Стали перед ней: усы за́виты, лóби за́скаты, с топорами, с молотками. «Что прикажешь, хожашка?» — «Около́ ночи сделайте палату — царскую ви́ше,⁴ царской краси́вее, чтобы около палаты шидели разны́е птицы, чтобы пели разными голосами, [в] палáче внутре́ чтобы была разная закуска, разная прику́ска!» «Ладно», — говорят.

Утром стали — уж палата готова. По́лдень досло́. Висла на крыльцо, швис [т]нула-гаркнула молодецким покриком: «Где мои шемь воево́х? Встаньте передо мной, как лес перед травой!» Стали перед ней, как лес перед травой: усы за́виты, лóби за́скаты. «Что прикажешь, хожашка?» — «Около́ почи сделайте речку, чтоб нищие-бóнные ходили — ловили рыбку».

Утром стали — речка готова. По́льдень досло́ — висла на крыльцо, швис [т]нула-гаркнула молодецким покриком: «Где мои шемь воево́х? Шта́йте передо мной, как лес перед травой!» Стали перед ней, как лес перед травой: у́сы за́виты, лóби за́скаты, с топорами, с молотками. «Что прикажете, хожашка?» — «Около́ ночи сделайте кораб на двенадцати цепах, чтоб по́ пьбу и по́ жемле летал».

Утро стало — кораб готов. Сказала музу:⁵ «Поезжай по сво́его отца!» Он поехал. Приехал. Вошел палату: шидят два короля, карты играют. Он вжал своего отца, посадил на кораб и приехал домой.

Жена его не любит так мужа, как любит мужого отца: сделала к нему отдельную комнату, и стали они жить вёшело и хорошо.

⁴ Т. е. выше царской.

⁵ Т. е. мужу.

47. САРЬ СО САРИЦКОЙ

Зил-был сарь со сарицкой — сарь со сарицой то есть. Ну! И у них была доть — красавица: скатным жемтиком плачет, златым шёребром здышпит (Вы эдакую сказку слушали?) <...> Ну, златым серебром сдышит, скатным жемчугом плачёт — красавица! И у нее был брат. И потом у нее была служанка, она ей обслуживала: вшо к ней поштель штелила, вшо — и, это самое, к пей то-друго папносила, вот когда помостея, полотенцо и так далее. Ну и потом, значит, отес с матерью — эти царь с сарицкой — померли: ну, долго жили — померли. А оне остались: брат со шёстрой и эта служанка.

Брат однёздо пояхал в городь. А к нему пришло, значит... пишьюмо пришло с другого города: сто его товаришь женился, зовёт на свадьбу — брата-то. Ну, он уяхал; и там, значить, и — на свадьбе обычно пьют-та! — и он, азначить, и [в] голову к нему ударила эта самаё... водка, и говорят, что, мол, «я прияхал на крылатом коне, и у меня шёстра красавица, златым сёрёбром здышит, скатным земтюком плачит».

А сарь, значит, в том городе был холостой, без жены — в котором городе он-то вот прияхав, на швадьбу-ту, в том городе-те — сарь-то без жены. Ланно.

А сарь это прислушивается: что «сколько живу и первой раз слышу: такая ес [т]ь дёвннца, сто кратным жемчуком плацёт, златым серебром здышит».

Ну, сарь, долго не думая — и отправляёт корабель за этой девотькой — за этой дёвнцкой... Лапно. А это-о — того оставил, этого парня-та, которой вот приехал на швадьбу-ту, к его оставил.

Ланно! Дье, приезжает этот корабль к этой девице, и говориты: «Тебя, — г-т, — брат зовет!» Говорят эти люди-то, «конечно» прияхали, да: «Теба́ брат зовет!» А не говорят, сто «сар послал нас». Ладно. А она,

знащить, подумала-подумала: «Ну, — го-рит, — быть может и — чего-то так надоть! — и-и собралась вшо, монатки, так некоторые цемного собрала, свои вещи — и собралась яхать с нима. И вмеште эту служанку со собой взяла — по, к пей, дье, без нее так плохо: к ней падо чего-нибудь патавать, паниносить. Ладно! Дья — поехали.

Этот корабль, значиты-ы, дорбогой... ну, [в] путё — они по мору едут — агде-та остановился, около припайка. И сказали, сто «мы здешь будём...» — эта девица сказала, сто «я буду почёвать только на берыгу, на бёреге». Поставили, значит, шитёр ш этой служанкой и стали почёвать на бёреге. А оны, эти корабель-то — па воде остался. Нотевать стали. И эта, служанка-та-ну, к ней же, <...>, как близкая, как шёстра — долго не думая, и её, значит, эту, котора скатным земтюгом плачёт, златым шёрёбром здышёт, ту дёвитцу, раздела одной комбинашке, и глаза-те, два-те, выкопала, и сабе карман полóжила, и сама преставилась как на месте этой хорошей девки, и её бросила околó припайка. Во-от. Ланно.

И потом, значит, корабль-то подходит к нимá, но их надо же собрать — вишь, уже день стал! — яхать надо к цару. Шу — а они, значиты-ы, эту девку взяли на месте той девки. (Ну, конечно, рассказ рассказывается такно в сказке). Ну, эту девку... не знал, сто, мол, она куда ушла ли, того ли, и эту паместо её хватили и посадили на место этой красавицы. Ланно.

Подъезжают цару. Дье, вышли, значит, ну, думáет сарь, что такая она: скатным жемчугом будёт плакать, златым сёребром вздыхать — ну, как и брат-то сказал. Ну, ничего ниту у этой девки: ну, не злато-серебро, ни скатной жемчуг. Ну, как просто так — дёвптца. Ладно.

Сарь, значит, а думáет: «Ну, он совсем так, тсего <...> нáврал», — думáет сарь-то. Ну: «Это нехорошо же», — думáет. Ланно.

Долго ле, коротко ле времо просло — вдруг однёздо самой с концевой юртúшьки старичок пошел на рибалку: шётку метать. Бепной, значит, со старушкой жил вдвоем, шичего у ших не хватаёт — пошёл шетку метать. Шетку закинул — домой пришёл. И потом, знатит, проверать пошел шетку: и эта шетка ниту: куда-то ей шнесло ветром — в море. Давай искать сетку. Ну, эту сетку онну отпустите — другую-то, видать, ниту у него больше-то заменить (ну, так, бенно живёт) — стал искать эту сетку. По припайку ходит. И нашел как раз эту девку, которую вот безглазая и совсем раздетая, нашёл. Она сама живая. Собрал ее как да-а... ну, кикими да мóстями он, значит, за старухой, видать, сходил ли, чего ле — ну, в общем, ей доставил домой, сабе юртúшьку.

Одсли, вымыли, всё передели — эта девка, значит, у ших стала находиться, у этых у старитька со старушькой. Де она, значит, и плакать-то не плачёт — чем? что у пей глаза-те же ниту! А только здышот златым шеребром. Пусто злато-серебро. Де, старик, знатиты, накупил лóпоть к пей, и сабе купил продукты — то-ино — это на злато-шеребро: она же, ну, здышит-то златым серебром!

Дье, старик, в общем, «как бы то де, как бы хател, так топерь нажил!» Де, эта девка го-рит: «Ти, — го-рит, — меня, как, — г-т, — лопать, — г-т, — хорошую покупай, — г-т, — дедушько». Де, она, значит, у ших и живёт. Ланно. «Ти, — гут, — счас, поди, — гут, — однёздо к нему — один раз — говорит. — Ти, — гут, — поди, и купи, — гут, — на базаре хорошую, — гут, — и матерьял, и, — гут, — для вышивки шитки, — г-рит, — купи, — говорит ему, — дед, — г-т, — поди». Ну, у старика-то есть дёнёг-то: она же златым серебром здышит! Дед пошел и накупил, значит, разные шитки и материал. Ланно!

Де стала она совшем шылепая сама, без глаз, и стала, значит, вышивать. И вишила такоё, значит, и полотенсы — оно, значит, и — даже нигде не продается и даже токого нигде не видать, такое хорошее вышила — сама совшем шылепая. «Ну, дедушько, — гут, — ти, — гут, — дед, и, — гоурит, — и у тдара, — говорит, — это полотенцо, — гут, — разложь, — гут, — на кухне — ну, в прихожей то есть». Ну — говорит: «Тут

лабегут, — гут, — няшки, мамки, — гут, — сто, мол, „продай к нам!“ (Ну, ужо оно же хорошо) — А ты, — гут, — скажи, сто не продажоё, оно заветноё. Только, — гут, — отдай, — гут, — саритце». А она, значит, знает, что которая служанка шь ней была, она, мол, за тсаром, как да будушвому знат она, эта девка — дёвица. Ланно!

Старик, дед, пошел с етим с палатенцом. . .

Ээ! Еще. . . Э!¹ . . . «заветное. Она, — гут, — скажот, что мол, „тчего завет?“ — ты, — гут, — скажи, шьто „человечий глаз“. Когда, — гут, — она тебе человекчей глаз подас[т], сарица, а тогда, — гут, — ты к ней палатенце отдай!»

Ланно! Де пошё-ол, дед идё-отъ, пришел к цару. О-ой, де тут прибежали на кухли: «Чего, дед, ти, чего, зачем пришел?» — «Ну, — гут, — я пришел, говорить . . . у меня, — гут, — есть, — говурить, — есь палатенце такой, — гут, — охто его купит, — гут: вот посмотрите, — гоорит, — и позовите, гут, эту самую царитцу, — гут, — пусь, мо-т,² она, — гут, — купит, оно, — гут, — у меня так-то не продажоё, а, — гут, — заветноё».

Де, сарицу пбзвали. «Ну, чего, — го-рыть, — и кукой завет, — гут, — дедушкю, — гут? < . . . » Хорошо полотенцо, — гут». Ну, он гут: «Человечий глаз, — говорит, — а я просто за деньги, — г-ть, — его не продаю!» А она побежала. . . посла, значит, в свою спальню и принесла к нему человекчей глаз. Он, значит, карман полбжил и пошёл к этой дёвице, домой.

Приходит и: «Ну, тчего, — гут, — как, дед, — гут, — как дела?» — гоорит (эта дёвица-то). Ну, он гут: «Хорошо», — говорит. Он к ней глаз подал, она подставила — и он тут и бул: ну, её же! Во-от. И стала, значит, скатным жемтюком плакать и златым серебром здыхать — а пушише у старика прибавились денег: скатной земтиг. Здесь. . . у неё одиш-то глаз ниту, а второй поставила, да и есть. Э, второ-т ниту, то есь! Ланно!

Де, «Ти, — гут, — дед, завтра, — гут, — поди и, — гут, — на дешьги, — гут, — па эти-те, — гут, — купи, — гут, — ещё больше, — гут, — матерьял! Большого разьмера ну, матерьял, гоорит: шьтобы, — гут, — так было размэр с покрывало — такой материал купи — и, — гут, — разные нитки купи, гут, много!» Он пошел и купил, значит, разных шиток и матерьял. Она с етим таперя, значит, стала вышивать — хорошо вышила, ещё с одним глазом-то: таперя чем больше, тем лучше вышила. Де, вышила, значит, покрывало — негдэ такого ниту [в] мире. Ладно.

«Ну, — гут, — дедушкя, ти опять поди, — гоорить, — и-и у тцара на кухне ты, — гут, — разлаживай [в] прихожой, скажи, что, мол, оно не продажоё, а заветноё». Ланно! «Ну, они, — гут, — царике венць отдадут — и ти, — гут, — тоже, — гут, — к ней скажи, сто завет — человекчей глаз, я только за человекчий глаз отдаю». Ланно!

Дье, старик пошел, идё-от по улице — пришёл к цару. «Чёго, дедушкю, — гут, — пришел, опять, наверно, — говорят, — ти чёго-то, — гут, — принёс хорошего?» — «А я-а, — гут, — принес, — го-рит, — вот, — гут, — покрывало, — говорит, — принёс, а тот раз, — г-т, — приносил полотенцо!» Шу-ко, молчат: хорошоё, очень даже! Они, значит, эти няшки-мамки говорят, сто, мол, «продай, — г-т, — к нам!» «Нет, — говорит, — оно не продажоё, а заветноё: завет, — гут, — человекчий глаз». Они царицу покликнули — кликнули. Ну вот. Он говорить: «Только, — гут, — я, — гут. . . охто человекчий глаз дает, — гут, — я того только это. . . отдаю, — гут, — покрывало». Она посла в спальню, эта царитца, и подала к нему человекчий глаз. Он карман полбжил и ей покрывало отдал.

Пришел домой. «Ну, — гут, — как дела, — гут, — дед?» — эта дёвица спрашивает. Он гут: «Хорошо, — гут, — вшо нормально». К ней подал глаз — она поставила и стала с двумя глазами. Стала, значит, златым серебром здыхать и скатным жемтюгом плакать. И у него, значит, еще больше стало денёг.

¹ Вспомнила, что недосказала.

² Т. е. может.

«Ну, — г-т, — дед, де, прожили этак недельку, навэрно, ты, — гут, — дед, пойдн ссяс³ и, — го-рнть, — купн, — гут, — мне солдатскую форму: стобн, — гут, — мне одеться, — гут, — солдатом. Пояс, — гут, — солдатской купн, н сапогн, н форму солдатскую». Ну, у нёго денёг-то есть — это злато-то щерабро, она же здышит — да вот оно у ннх денёг-то полно! Ланно, пошел. Купнл, значит, как она к нему велела — [э]ту форму купнть солдатскую н сапогн <...> н шляпу купнл. Рэмень купнл солдатской.

Де нарядилась эта дэвнцн солдатом н посла, значит, по улнцы, кнрпычьной мост пергнбаецы — такой стройной солдат. А она сама дэвнцн — ну вот, которая скатным-то жемчуком плакала, плачет-то, она. Де, пошла, н-н дед-то ш ней идет, провожает её. «Дед, — говорит, — тн, — говорит, — меня, — го-рнть, — вечёром, — го-рнть, — вот... шнбко, — го-рнть, — поздным вечером ты, — го-рнть, — ищн мепя, — г-т, — изьбнтую». Она будщёму знала, чего будёт. «Тн, — г-т, — меня, — г-т, — изьбнтую ищн, — гоорнть, — н найдн н, — г-т, — меня, — г-т, — домою прнвезн. Я, — гот, — буду нзбнтая». Он сказал: «Ланно!» Ну, распроснлнсь, он ушел домою — она ушла... пошла дальшн. Прнходнт, значит, к етому к сару н гостн, где служанка-то вот её-то, ушла за царя-то ведь. Ну, вот это самое, на месте спуталн, что на место её-то увеали-то.

Ну вот, прнходнт она н гостн. А эта, значит, узнала ее, что она как-да выжнла, н она, значит, узнала ее. Во-от. Ну, она вид не показыват, а другн-то думают, что ну, солдат есь солдат — прншел кой-то к нмн в гостн, а она-то заметнла, узнала. И подгов[о]рела, значит, своих подчнненных, которые у ннх работают — у цара — эта царнца-та: «Когда, — гут, — этот солдат выйдёт, вы ёго бейте, — говорнт, — н ну, бейте!» Вот.

Она, значит, н вщё покушяла, чай поплла н распрншнлась — посла: «До швнданнел» Пошла, значит, э-н этн как послушалншя эту царнцу-ту, н вышльн за несколькн этнх подчнненных н стали сол[дата] — ее бнть. Избнлн, значит, н, в общем, до потерн сознання.

Старнк, значит, — поздновато стало вечёром — н старнк думает, что «она мне сказала, что ищн — найдешь меня нзбнтую, — ну, надоть идтн нскать». Пошел, значит, ходнл-ходнл, значит, ну нашел её — по городу вшо обходнл — нашел её нзбнтую. Ну, прншес — прнвел ее лн, там прннёс лн домою н прнзвал, значит, лекарей, дохтурей, значит, чтобы ее нзлечнт. Ну она, значит, скатным земтюгом плачет, златым серёбром здышот. Ну её, значит, через недельку лн, две лн, значит, ну её полечнлн, она снова стала хорошая — н потом говорнт к нему: «Тн ещё лучше мене-ка найдн форму, прнвезн, это... купн — солдатскую, н солдатскнй ремень, н солдатскн сапогн — ещё той формы лучше стобн была!» Он, значит, пошел н-н, это самое, купнл к ней еше лучше форму, рэмень, шляпу, сапогн.

«Ну, — гут, — дед, — говорнт, — щас, — гут, — тн мепя, — гут, — найдешь, — гут, — совсем без разговору: я буду немая, — говорнт она к нему, — совсем, — гут, — разговарнвать не буду». Ну, он, — гут, — ну — дед-от г-т: «Ну беда, — г-т, го-рнть, — а я, — гут, — чего буду ж делат, — го-рнть, — с тобой?» — «Ну, — гут, — тн, — гоурнт, — у тебя, — гут, — денёг есть, — говорнт. Я, — говорнтэ, — тебе, — говорнт, — скажу щчас. Тн, — говорнт, — протн, — гут, — сарскнх окон это тн — заставь, — гут, — сделать золотую палату — стобн, — гут, — была только супрнтв сарскнх окон. И, — гут, — положь, — гут, — там, — гут, — меня па койку! <...>, а я, — гут, — буду там ляжать, буду, — гут, — немая. И, — гут, — ходн меня-ко, — гут, — [в] день раз». — «Ладно, — го-рнть, — сделаю», — говорнт дед.

Он, значит, этот... оделашь эта дэвнцн солдатом, он купнл ещё по её прнказу — эту форму — н оделась н посла. Прншла, значит, к сару

³ Т. е. сейчас.

в гости. Ну, она, значит, ушла, вот эта царица-та, и говорит: «Счас! — гут, — этот солдат пойдёт — когда, значит, выйдет, — говорит, — своим подчиненным сказала, — и, — го-рит, — ви ёго бейте и пинайте, — говорит, — по груди особенно, — говорит, — пинайте! И тчёго, — гут, — из роту выкатитце, выпадет, — говорит, — мне принеситё; никуда, — гут, — не давайте!» — «Ладно», — сказали.

Ладно. Она, значит, шёл, пошидела, значит, поразговаривала со цором — и посла. Этот солдат-от, девица-то, посла, ну, посла. Висла, значить, — и вышли за ней, значить-э, подчиненные (эта сарицы-та их подговорила, что «подите и бейте ее, пинайте») и стали ее пинать и бить. И по груди стали пинать. И пнули, значит, по груди ее — из груди у неё выкатилось золотое яичко со с сопочкой. А они, значит, эту схватили, и пошли, и к этой царице принесли, она его на грудь одела. А она осталась немая, эта девица.

Старик, значит, долго думал, задумался, значит, зацеплялся, как она сказала, что мол «я немая буду», как она предки узнала — думает старик, переживает, со старушкой плачут оба. Вот. Старик, значить-и, вечером пошёл, поздно. И нашёл ее — только скатым земчуком плачет, а немая: злато-то серебро нету, потому что вот это яичко-то выкатилось со с сепочкой-те.

Ладно! Он заставил там людей, этот... ну —, как-до, в общем, сделал по её приказу золотую палату и положил ее на койку этой палате. Вщё передел в женской одежде — как девица стала, женщина. Ладно! Он ходит в день раз к ней, все ее навещает, этот дед.

Де, долго ле, коротко ле прошло времени — вдруг, он, этот... сарь! А этот, значит, цар смотрит, что-о на дворе... на небо солнце, а на земле как будто другой — тчёго такой, сто за диво это-то, какое шьветит такой яркой? — это золоту-то палату проти их окон.

А оп, значить-э, этого парня-то, который-то сказал вот ждесь, что «у меня шефра-то есть — златым серебром здышот, скатым жемчуком плачёт», — он его посадил [в] сорок сажень чемницу, что он потому так наврал: они привезли совцем токую женщину — простую! Ну, вот! Он, значит, сидит, ее-те брат, сорок сажень чемнице. По одному сухарчику дают в день и по одной столовой ложке воды. А шефра-то вот его-то вот в самом деле вот она в палате золотой-те и лежит. Вот.

Ладно, сарь пригляделса, присмотрелса, сто мол, «ну, чёго такой, сто за диво это-то? Оно не было такой — я, — говорит, — пойду сходяю», — сарь! И пошел, значит, эту палату — оказывается, там лежит красавица, от девка: скатым жемчугом плачет — а немая сама, не разговаривает.

Де, сарь, значит, стал, значит, казной день эту палату ходить к этой девице, этот сарь. Ходил-ходил, значить, — ну, конечно, вы меня извините: такой рассказ — и она стала беременная, эта девка, этой палате. И-и — долго ле, коротко ле прошло, зна, — она родила сына. Вот.

А дед, значит, вшо навещает: почти что казной день (у которого она-то жила!) Ладно! И этот, родила сына, этот, значит, мальчик подрастает, подрастает, значит. Ну этот сарь, значить, так и казной день к ней и ходит: [в] день по два раза, [в] день по разу — к этой девке. Ну, она, значит, так скатым жемчугом плачет — а злато-серебро литу, потому что она немая.

Де, этот сын, значить, стал похаживать, побегывать стал, значить. Ладно! Де, царь, значить, и говорит: «Вот, ты, — говорит, — мой сын», — говорит сарь к нему. Во-оть. «Ну, — думает — царь задумался, значит, — ну, у нас [в] городе такая не была девица, значить, — ну, чего-то он думает так, себе, себе думает цар, сто такая, — откуда она наслася — скатым жемчугом плачёт!» Ладно!

И эта служанка, котора-то ([я] говорю «служанка» — царица та вот была ведь, да эту, с сопочкой-то велела вот принести-то, говорыла: на грудь-то одела-то сразу-ту! — она, значить, и стала муться⁴ — и по-

⁴ Т. е. мыться.

вешила... это самое... на гвоздик повесила эту сепочку-ту, на штену. На штену повесила — с этим, шь яичком-то. А парпийшко-то этот воскочил, которого в палате-те родилса-то — он ведь большешкой стал! — и воскочил, и сразу увидел это яичко со цепочкой-те и вихватил: «Это, — гут, — мамино». Вот.

И того же часкú сразу двери закрыл. В руке зажал, да вышол... И принес эту палату. Игра-аёт у матери, это, на груди этим, этим-тем, этой сепочкой — этим яичком, со сопочкой яичко, де, на сопочке. Де игра-ает, играёт. Играл-играл — и как де, значить, суда на рот положил. И она, значит, эдак здохнула — и яичко в рот ускочило к ней. И сразу, значит, она шала⁵ — а сарь сидит около её. Шала — и стала, значит, златым серебром здыхать, скатным зёмтюгом плакать. Вот, и шё к етому сарю рассказала: «Вот и, — гут, — я и есь, — гут, — которой брат похвастался мною. Вот. Меня, — гут, — дед нашёл — и вот, — горит, — я вот и, — го-рит, — самая та и есь, — гут, — дёвйтца, которой, — гут, — брат мой, — гут, — мпого хвасталса! Вот. А эта, — говорит, — «ей» которая у вас, — гут, — щас находится, ваша жена, — гут, — называется царитцой — это, — гут, — моя была служанка! О-от».

Ну, сар удивилса, значит, чёго. Ну, немножко просло, значить, — он взял эту... вивел ижь этой палаты шебе, значит, эту дёвйтцу с этим мальтиком, и эту, стару-ту царицу, котора ее-то была служанка — ну, велел он своимь подчинённым унаштожить! О-от! Ну, коротсе говора, убить ли, тсего ли — в обшом, ну, стобы она не была там с нимá! И эту дёвицу вжал замуж, и она, значит, скатным земтюгом плачет и златым серебром здышот — и, значит, он этого брата вивел из темнитцы, и-и ёго, значит, сделал своимь приближённым министром. Он, значит, так похудяет, этот парсень. Вот! «Оказывается, — гут, — у тея в самом деле была пёптра!» От! И стали они жить да поживати — и сказка копец. Вот!

⁵ Т. е. села.

48. НАСТАШША ЗАМОРИЯВНА

Живал-бувал сар. У этого сара жена не була. Бул он холостой. Об ону пору сар призывает своих думных сепаторей, вшех приближенных министеров: «Придумайте, пригадайте: отчего солнце выходит ясно, закататся красно?» С перешнего штола до сереннего вше кланяются, что «ми про это не знаем ништо». День проходит, другой, третий проходят. На четвертый день вызывает вшех своих думных сепаторей, приближенных министеров: «Присоветуйте, пригадайте: отчего солнце выходит ясно, закататся красно?» Вот. Станет с перешнего стола его самый приближенный министр на резви ножки, на сафьян сапожки: «Я чебе скажу: хриштянской сын похваляется разузнать эти дела, отчего солнце выходит ясно, закататся красно». Хриштянский сын со сереннего стола стает на резви ножки, на сафьян сапожки: «Я это дело не узнаю, не ведаю». Сар отвечает к нему: «Если не пойдешь, будешь повешен. Вот. Хотя пойдешь — пошлю; хотя не пойдешь — пошлю». Идет домой хриштянской сын к отсу, к матери. Повепил голову на праву сторонку, потупил очи ясно во сыру землю. Идет — ни слова не рычет. Приходит к отсу. Хриштянин спрашивает: «Дитятко мой любезной, дитятко мой сердешной, об чем так запечалилса?» — «Приближенный министр на меня наврал, что я будто похвалялся разузнать, зачем солнце выходит ясно, закататся красно. Этого я сном своим не знаю. Не слыхивал, не видывал этого».

Ну, вше-таки чем погибать, отираваться с божьей помощью, отправляется в дорогу. «Маменька родимая, исправляя подорожнички. Дай благославенне с головы до сырой, до сирой земли».

Утром стает раненько хриштянский сын, отправляется в дорогу. Идет.

Шел, шел по край моря, нашел щуку — половина в море, половина на берегу обсохла лежит. «Пропусти, — говорит, — меня, щука!» — «Солнцу дойдешь — спросишь, за чего меня бог наказует?» — «Спрошу». Шел, шел, несколько врэмо шел: один мужчина стоит, пустой безмен вешает, на точку ставит — не стоит. Хриштянской сын говурит: «Пропусти меня, товарищ». Он сказал: «Солнцу дойдешь — спросишь, за чего меня бог наказует?» — «Спрошу». Шел, шел, нашел онну женщину: чан из чана воду да молоко переливает. Хриштянской сын сказал, что «пропусти меня». Она отвечает: «Солнцу дойдешь — спросишь, за чего меня бог наказует?» — «Спрошу». Шел, шел — нашел девочку. Вкрут куштик гоняет плишечку. «Пропусти, — говорит, — барышня, меня!» — «Солнцу дойдешь — спросишь, за чего меня бог наказует?» — «Спрошу».

Шел, шел, нашел: холмишок стоит золотой. Вкрут холмишок пошел. Как раз двери в этом холмушку. Двери открыл — от свету на колени пал. Увидел: впереди сидит старушка, на золотом верочешко, на золотом стулошке, золоту кудельичку предет. Поклонился в ноги. «Здраствуй, матушка!» — «Откуда чибе, какие ветры тебя завяели?» — говурит старушка. «Я пришел — на меня наврали, что будто бы я похвалялся, [что знаю], зачем солнце ясно сходит, заходит красно». — «Ну миленькой, спасу молись, спать ложись». — «Ну, бабушка, я устал, исть захотел, пить захотел». Она к нему дает кусочек один. Он подержал, думает шибе: «Я если это поем, жив не буду — мало мне». Она сказала: «Миленькой, кушай, и это не скушаешь». Половину съел — полувипу не мог. «Ну, бабушка, положи этот кусок половину». — «Ну, — говурит, — надо кушать». — «Нет, бабушка, больше не хочу исти». — «Тя же думал, не наештиса?» — «Нет, бабушка, только глаза не сыты». Как стоял, так и уснул.

Учухался: он спит на прострыне, спит под соболиным адьялом. «Вот, миленькой, ты пришел — солнце знашь чей сын?» — «Нет, бабушка, я солнце совшем не знаю, чей сын, али где оно находится. Не знаю». — «Этот мой сын», — бабушка говурит. «Ну, бабушка, ты знаешь ли, отчего, если он твой сын, отчего он ясно сходит — закатается красно? Это надо узпать». — «Нет, я не знаю. Вот. Завтра воскресенье — он придет в баню мугься, я тогда у него спрошу». — «Ну, бабушка, еще чибе-ка есть просьба: первый раз, когда я из дому выхожу, нашел щуку, лежит по край моря. Половина обсохла — половина в воде. Я сказал: „Пропусти!“ Она мне отвечает: „Если дойдешь, спросишь: зачем меня бог наказует?“ Я сказал: „спрошу“. Потом шел, шел, одному мужчине пришел — безмен на точку ставит, на точке не стоит. Я сказал: „Пропусти!“ Он сказал: „Солнцу дойдешь — спросишь, зачем меня бог наказует?“ Я сказал: „спрошу“. Потом шел, шел — онну женщину нашел. Чан из чану воду да молоко переливат. Отделяет воду и молоко отдельно — не может отделить. Я сказал: „Пропусти!“ Она говурит: „Солнцу дойдешь — спросишь, зачем меня бог наказует?“ Я сказал: „спрошу“. Шел, шел, нашел барышню — вокрут куштик гоняет плишечку. Я сказал: „Пропусти меня!“ Она сказала: „Солнцу дойдешь — спросишь, зачем меня бог наказует?“ Я сказал: „Спрошу“. Вот. Она сказала, старушка, па это: «Скоро утро будёт, сын придет, я с него спрошу это». — «Хорошо, бабушка». — «Я чибя в сундук запру, — говурит старуха, — пока из бани не будёт, сундук дырку не открывай». Утро настает. Парня валит в сундук, дырку ледничкой затыкает. «Пока я сундук не стукну, дырку не открывай, предупреждаю».

Утро настает. Выходит старушка, говурит к нему: «Ну, дырку не открывай. Сын доезжат». Приехал, заходит в избу. «Здраствуй, матушка! Фу-фу, матушка, какие у тебя незнакомые духа?» — «Дитятко мой сердешной, дитятко мой любезной, только вот волоски чесала. Я и бросила волошша в огонь — это те духа. Ну, иди баню, баня готова». Идет в баню — сын ее, солнце. Баню уходит. За несколько врэмо из

бани заходит. «Ну, дитятко мое сердешное, дитятко мое любезное, хочу я от тебя спросить: долго ли будешь здесь ты?» — «Нет, долго не буду». — «Нет, несколько у меня вопросов есть: вчерасний день я от скуки пошла гулять, шла-шла — над мором лежит щука. Я сказала: „Пропусти!“ — „Нет, — говорит, — не пропущу“. Нет, я повторила. „Ну, ланно, солнце дойдешь, спросишь: зачем меня бог наказует?“ Я сказала: „Спрошу“. Шла, шла — нашла онного мушину: вешает пустой безмен, на точку ставит — не стоит. Я сказала: „Пропусти“. — „Дойдешь солнца — спросишь, зачем меня бог наказует?“ Я сказала: „Спрошу“. Потом шла, шла, нашла женщину: чан из чапа воду и молоко переливат; отделяет молоко и воду, отдельно делает — не может. Я сказала: „Пропусти меня“. Она мне говорит: „Солнце дойдешь — спросишь, зачем меня бог наказывает?“ Я сказала: „Спрошу“. Потом шла, шла, пошла — вкруг куштик девочка плишечку гоняет — их рука не хватает. Я сказала: „Пропусти меня!“ — „Солнце дойдешь — спросишь, зачем меня бог наказует?“ Я сказала: „Спрошу“. Пошленный раз спрашиваю: на швете ти родился крапивоу у меня, зачем ти ясно всходишь — закаташша красно?» — «Вот, матушка, на первое я отвечаю: щука в моро много корабль топила, много людей ела — за это ее¹ бог наказует. Когда ее растаскают чайки, воронья по мелким частям, тогда его бог простит. Вот. Потом мушину ти нашла: этот мушина пустой безмен вешает, ставит на точку. Он бул купец, дорого продавал, недовес давал, поэтому его бог наказует. Когда пустой простой безмен станет на точку, тогда сго бог простит. Потом эта женщина була купчиха, молоко с водой продавала. За это ее бог наказует. Когда воду и молоко отделит отдельно, тогда ее бог простит. Потом, значит, эта девочка родила мальчика и убила. Когда эту плишечку поймает, тогда ее бог простит. Вот. Потом ти сказала, что крапивога меня родила. Я тоже думаю: на швете не должны меня крапивога, а оказывается, есть меня крапивога. Как полдень дойдет, из моро выходит Насташша Замориявна — мою красоту покрывает. И за этого я задоруша² и красно закатаюсь. Она, Насташша Замориявна, с двенадцатыма мамками-няньками выходит. Ну, мамешка, вше». И двери хлопнули — уехал.

Старушка открывает парню. «Слышал наш разговор?» — спрашивает его. «Слышал, бабушка». — «Понял вше?» — «Понял, понял, бабушка! — «Сейчас отправляйся обратно, который раз стоб тебя не пришлось мне приходить мое благословенне». Она и к нему говорит, что «до этих ти дойдешь до людей и до щуки; когда их пройдешь, тогда отвечай». Она дала ему подорожнички три кусочка. Он в руках держит: «Нет, нет, бабушка, не думай, не думай!» — к ней³ говорит. — «Ну ланно, бабушка, отправляюсь с богом». — «Хватит чибе», — говорит бабушка.

Дэ, он приходит к барышне, которая плишечку гоняла. «Пропусти!» — сказал. «Чо, спрашивал там у солнца?» — «Ничего, пока пройду». Пронел немножко: «За то чибя — ти давно родила мальчика и убила. Когда эту плишечку ти поймашь, тогда чибя бог простит». — «А, ти близко нету, я и тебя убила би». Дальше идет, приходит к женщине. «Спросил там у солнца?» — «Спросил, пропусти!» Немножко прошел. «Давно ти купчиха була, продавала молоко с водой, за то тебя бог наказует. Когда у тебя молоко и вода отдельно будет, тогда тебя бог простит». — «А, — говорит, — ти близко нету, и чебя би продала». Приходит мушине. «Чего, у солнца бул? — спрашивает тот. — Спросил, меня зачем бог наказует?» — «Спросил; за то тебя бог наказует — ти купец бул, продавал двойной ценой и недовес. За то чибя бог наказует. Когда пустой безмен станет на точку, тогда чибя бог простит». — «А, ти, — говорит, — не близко, и тебя би я продал би». Пр[о]ходит дальше. Щуке приходит своей. «Ну, — говорит, — спрашивал меня?» —

¹ В рукописи: его.

² Т. е. задорюсь.

³ В рукописи: к нему.

«Спрашивал, спрашивал!» Немножко его прошел. «Вот ты давно в море буда, плавала, движение имела, много корабли топила, много людей ела, поэтому чибя бог и наказует. Когда чибя чайки, вороння растаскают, тогда чибя бог простит». — «Ты не близко, — говорит, — и тебя би съела».

Приходит в свой город. Сар с чешшью, с-т радаштью его встречает, хриштинанского сына. Утром собирает своих думных сенаторей, приближенных министеров, у хриштинанского сына спрашивает сар: «Что, добился?» — «Да, добился. В старину було сказано: ложность⁴ хоть какого человека виручает, так же и мепя виручила. Узнал я, солнце за-чем ясно всходит и закататся красно. Как полдень дойдет — из мора выходит Насташпа Замориявна, с двенадцатыма мамками, няньками, его красоту покрывает — из этого задорится, красно закатат».

День проходит. Мешец проходит. Два проходят мешцеца, три проходят. На четвертый мешос призывает сар думных сенаторей, приближенных министеров вшех: «Присоветуйте, пригадайте, как достать Насташпу Замориявну мише на бабу?» С перенного стола его самой приближенной министр стает на резви ножки, на сафьян сапожки: «Знамо дело, который эт узнавал, тот и достанет — хриштинанской сын должен достат, по-моему». Сар очень бул рад к этому: «Совершенно правильно сказал, — говорит сар, — ой да молодец!» Хриштинанской сын со серенного стола стоит на резви ножки, на сафьян сапожки: «Не прикажи казнить — прикажи слово молвить: не смогу». — «Ешли, — сар отвечает, — завтрашний дещ ешли не будешь в дороге, будешь повешен на петле». Хриштинанскому сыну делать нечего — стает со стола и говорит: «Мне, значит, суждено. Только как раньше уезжал я один, так не поеду. Завтрашний день я вам задаще даю, — говорит хриштинанской сын, — мое заданье такое: давайте состройте кораб, пагрузите разныма товарами драгоценными и с разныма винами. Сошейте палатку со вшем, значит, со зачашками⁵ снизу и сверху, из мачерпалу, стобы блестяло, как другое солнце. Товарищей давайте мне четверых, больше не нузно. К утру стобы это вше було готово».

Утром вше кораб состроили — разныма товарами драгоценными. Самые драгоценные товари наверх положили, а худшие — подальше. Разные чашки, разные ложки погрузили. Утром стают. Отправляются в дорогу. По своей учености знает, доходит — мис на мором стоит под самый под полдень. Подъезжает к этому мису. Схоння виброшили, по схонням вишли. Он ставит эту палатку, раскладывает: вше товары драгоценные наверху кладет, худшие — подальше. И разоставляет вше чашки, вше румки на столик. Четверых по четырем углам жемли за-капывает и им в руки веревки дает: «Я когда скажу, — робетам своим приговариват, — тогда тяните веревки крепче».

День живут, два живут. На четвертой день выплывает из мора Насташпа Замориявна с двенадцатыма мамками, няньками, удивляется: «Вот какое чудо, вот какое диво — никогда не було такое крашное! Кто там построился, надо посмотреть». Выходит на берег — он к ней настречу: «Здрастуй, барышня!» — «Здрастуй, здрастуй!» Этот хриштинанской сын говорит: «Заходи да пожалуйста!» — «Нет, я в море живу, не захожду». — «Нет, прошу, потому сто нашу жизнь ти не видала, и я буду у вас на море». — «Будешь, да?» — «Если успею, сейчас с вами буду. Если ви не будете, тогда нет, не буду». — «Ну давай, идем!» — сказала Насташпа Замориявна. Заходит. Он к ней наливает самый спирт крепкой. Випивает. Немножко пошидели. Еще наливат. «Насташпа Замориявна, ти хочешь посмотреть: у меня товары разные драгоценные есть?» — «Мозно, мозно, посмотрим». — «Пу, давай еще выпьем!» К ней крепкой — сам шибе слабой наливат. Подходит товарам: «Ох, какие хо-

⁴ Так в рукописи.

⁵ Т. е. застежками? затяжками.

рошие, а!» — говорит Насташша Заморьявна. «Нет, нет, это плохие, плохие, — говорит христианской сын, — дальше хорошие».

Она стала смотреть — он вылез на улицу. Робэтам говорит, своим товарищам: «Подтягивайте помаленьку, незнамо». Она говорит: «Почему у нас палатка суживается?» — «Это с пьяных глаз. У меня тоже узка, даже я едва залез с улицы». — «Да здесь что-то плохие у тебя пошли товары». — «Нет, дальше есть. Ну, если товары чибе не ндравятся, то чашки, ложки разные драгоценные есть, их посмотрите. Ну, давай еще выпьем!» Наливат к ней крепкую, шибе — слабую. Пьет. «Нет, как, — говорит, — у нас сузилась палатка!» — «Нет, с пьяных глаз. У меня тоже суживается». Насташша Заморьявна смотрит чашки, ложки драгоценные, выбирает.

Он вылез на улицу: «Робэта, — говорит, — покрепче тяните». Заходит в палатку. «О, — говорит, — наверно поздно стало, мне пора идти». — «Нет, — говорит, — рано. Если не верится, я пойду солнце проверу». Вышел. «Давайте, робэта, сколько у вас силы есть, тяпште!» Затагивают. И сам потянул вместе. Затянули. И у ней содоху не стало — вше затянули. Кричит: «Христианской сын, как умел хватать меня, так умей и избавлять. Прорезь продушину мне против роту!» Прорезал у ней продушку против роту. Повесли на кораб — принесли на кораб. Отправились в свое царство, вибросили схонни, вишли.

Пришли сару. Сар с тешью, ст радостью встретил — город обдернул красным бархатом. К ней отделил комнату. Она говорит: «Христианской сын, этого палатку от меня отведи». Христианской сын палатку с ней снял — були тринадцать, а учутилась опца. Вот. Сар к ней приближается: «Ну как бабе?»⁶ — «Нет, не за что не хочу, — говорит, — я за чебя. В том я не хочу, потому что подвенешная одежда в моро осталась».

Сар недолго думал — собирает своих думных сенаторей, приближенных министеров: «Присоветуйте, пригадайте: как эту одсжду достать?» Тот же его приближенной стает на резы ножки, на сафьян сапожки: «Тут не долго думать и не долго собираться, конечно, должен, — говорит. — Два раза свое задание исполнил — должен трэччий раз свое задание исполнить. Знаю дело: христианской сын вше это должен достать». Со сереннего стола стает христианской сын на резы ножки, сафьян сапожки. «Ну, все-таки я не могу достать никак». Сар на это отвечает: «Ешли завтрашний деть ты не будешь в дороге, будешь на петле». Христианской сын подумал: «Чем при штарости лет при материпой и отсовой [жизни] ждес на петле вишпты, лучше того в дороге помирать».

Приходит к отсу, матери. «Последнее мне задание; страпай подорожнички». Сострапали подорожнички. Отправляется в дорогу. Пошел куда глаза глядят — ни пути, ни дороги не знат. Долго ли он шел, коротко ли шел — устал. Приходит к онному дубу, и приляг. Дождь идет, непогода. Слышит: на дубу хто-то кричит. «Там, может, хто-то страдает». — думат. Поднимается на дуб: там лежат Нага-пчицны дети. Уж они замерзают. Со шибя спимает пальто, их закрыват. И спущается обратно с дубу. И лежит. С дубу крик понесся, по-человечески: «Хто нас спас? Вашему гору мати папа помогот». Лежит.

Вдруг смотрит: вше небо покрыло как морок, как туча кака-то. Пчица прилетела и па дуб шяла. И говорит человеческим языком: «Хто моих детей спас, скажи свои нужды». Христианской сын говорит: «Я спас». Нага-пчица говорит: «В чем дело, кака нужда у тебя — об-скажи мне». — «Мое такое горе: Насташша Заморьявны в моро остался сундук, сар волею и неволею послал миня достать этот сундук подвенешной одеждой». — «Парень, трунно, трунно доставать, — Нага-пчица говорит. — Ну, корми меня три года чем ни попало: нужно ожиреть мне, без жиру там не полетишь». Кормил он ее чем ни попало три

⁶ Т. е. зовет замуж за себя.

года. «Ну-тко, — говорит, — опутывай шибя канатами ко мне на шпину». Стал вязать он. Несколько веревками опутал, только руку оставил у шебя, стобы работали руки. Полетели под верх, к небу. Летела, летела и спрашивает у него: «Сколь земли винно?» — «Полземли винно». Еще летят. Ещо спрашивает: «Сколь земли винно?» — «Только с тарелку большую винно». Летела, летела, спрощила: «Сколь земли винно?» — «Нисколько». Стала спрощила: «Сколь земли винно?» — «Нисколько». Стала к нему приговаривать: «Сейчас я полечу под пиз и упаду в моро, раздвоится вода и моро, увидится сундук, на железных на четырех столбах привязанной железными канатами. Эта хватай и рви, пока нас вода не застала, а то нас обем шмерть, если не сорвешь». Полители вниз, где сундук лежит — она знат.

Упала в моро — вода раздвоилась, увиделся сундук на четырех столбах, привезанной железными канатами. Он не обробел и за дужку хватил и железные канаты сорвал. И выплули — пока вода сообщалась. Он паверху, на воде. Поплыли берегу. Плули, плули — Нага-птица сказала: «Совшем не в силах плуть». Хриштинской сын спрашивает у ней: «В чем дело, зачем сила нет?» — «Источала». За шибя подкиндейку отрезал — в рот к пей. Поплула. Неможко поплула — опять без силы стала. Вторую подкиндейку отрезал с ноги и в рот к ней. Кое-как доплула до берегу. Вылезла на берег. «Ставай!» — хриштинскому сыну говурит. «Не в шилах, как штану, у меня же ноги нет!» — «Куда девал поги?» — «Да чибе же скормил». — «Неужели?» — «Правду, правду», — хриштинской сын говурит. Харкнула — выблевала две подкиндейки его. И на место положила, зализала — и этим выздоровелся, с ногами стал. «Ну, как дойти до гнезда? Ну, копесно, — говурит, — не в силах идти, корми еще полтора года». Стал кормить полтора года. откормил. Гнезду своему, детям своим долетели. Здесь хриштинской сын распрощился с Нагой-птицей и отправляется к сару.

Приходит к сару. Приносит сундук. А сундук у ней запертой, и сундук к ней приставил — хозяйке. С тремя железными обручами он заключенный. Насташша Замориявна говурит сару: «Снимай эти-ча обручи». Он рубил, пилил, вше меры притребил — и ничего не мог сделать. Хриштинской сын дома сидит. Пишет письмо Насташше Замориявна хриштинскому сыну: «Явился в шесть часов вечера».

В шесть часов вечера он явился к ней. «Ну, хриштинской сын, как ти умел этот сундук доставать, так и умеи разбивать». — «Нет, нет, Насташша Замориявна, извини, никак не разбить мне». — «Если ти не можешь, вше швое волшебное поручаю чибе». Винула из карману кольцо. «Ти знашь, ми тринадцать девушек були; как эти девушки, куды исчезли — отвечай мис». — «Ничего не знаю», — он говурит. «Это я она, — отвсчает она ему, — если ты не знашь. Больше ничего не буду рассказывать. Вот я чибе дала кольцо, полночь дойдет — выйди на уличчу, лизни ставку, из того выйдут двенадцать молодцов: усы завитые, лоби заскаты, до локоть руки тоже заскаты. Чего не знашь, с них спрашивай, притом ешли хочешь, мою одежду подвешенную из сундука достать их заставь. Они достают. Ешли ты меня доставал, трудился — будь тысецкой. Завтра будем со саром венчаться». — «Нет, нет, я хриштинской сын, как я буду — министра будут тут!» — «Нет. Я никого не принимаю, кроме тебя».

Идет домой. Сар визывает из дома его в восемь часов вечера. «Вот я раньше созывал вшею свою полицую удалую; а сейчас, как ти надежный, поэтому я визвал тебя одного. Сундук ти достал — никак его открыть. Во сто бы то ни стало приллагаю, стобы бул завтрашний день в двенадцать часов сундук открытой: ешли не открось — скажню». — «Нет, нет, я не могу. Попросите Насташшу Замориявну», — хриштинской сын ему говурит. «Как же ты, хриштинской сын, сарыцу хочешь заставлять? Нет, попадет за это слово чибе!» — «Ничего, завтра со мной будёте рассчитываться!» — и выходит. Приходит домой хриштинской сын. Лежится спать, ничего не думат.

Как раз чего-то он пробудился двенадцать часов ночи. Не знает, зачем он пробудился. Как-то ему не спится. «Нужно сундук отперти, мне хана». — думает он. Подумал: «А где-то у меня перстень был, — на ум запало, — мне Насташша Замориявна давала». Вибегает на улицу, лизнул ставку — выскочили из той ставки двенадцать молодых: усы завитые, лобик заскатые и руки до локоть. «Сто, новый хозяин, прикажешь делать?» — «Сундук нужно отперть, мне здесь смерть». — «Ничего, давай лежишь спи, у нас в руках — вше это будет готова». Утром стает, идет Насташше Замориявне.

Спрашивает она: «Как сундук?» — «Ничего, отперли». Хриштинской сын спрашивает: «Венчаться будете севонья?» — «Будём, будём, — Насташша Замориявна отвечат, — ти будёшь тисецкой». — «Если примут, обязательно», — говорит он. «Кареты когды подъедут, ти будь там. Оденья, сто у тебя есть; если у тебя нету, я тебя сама одену». — «Насташша Замориявна, ниту, ниту у меня, откуда должен быть, потому сто я за тобой весь век свой кончил. Ти одены!» — говорит.

Недолго собирались, под венец снаряжались — подвели карету золотую. Сар там в карете сидит. Она хриштинского сына одевает. Сар говорит: «Насташша Замориявна, зачем ти этого хриштинского сына одеваешь?» — «Почему не одевать его, вещь век кончил который человек. Я хочу им тисецкого». — «Нет, у нас у самых есть», — сар к ней говорит. «Нет, нет, я хриштинского сына беру». — «Ну, ничего, тогда бери». Шляли в карету, поехали. Раздели хриштинского сына, как сара — не хуже.

Приехали в серку. Венчают митрополит их. Под венец поставили. Подходит митрополит сару, спрашивает: «Желаешь Насташшу Замориявну?» — «Желаю», — говорит. К ней подошел: «Желаешь за него, за сара?» — «Нет, не желаю». — «Почему?» — тот спрашивает. «Зачем же я буду желать, когда несколько не трудился человек и чужим трудом пользоваться». И хриштинского сына берет за леву руку: «Вот мой суженой. Он за мной труд кончил». И обенчал митрополит хриштинского сына с Насташшей Замориявной. Сар свою корону сымает и на хриштинского сына одевает. «Ти будь саром, — говорит, — на мое место садись, на престол». Хриштинской сын двенадцать суток без пробуду столовал, пировал; нищие, беньные, подзамочники, подтюремщики бочками катили.

И сая на сарство, стал саром. Жили-були до таперя.

49. КРЕСТ-ЦЕПОЧКА

В некотором сарстве, в некотором государстве жил-был сар. И жил у него на улице старик со старухой. У него родился сын. Они жили очень бенно. Вот. «Старуха, я пойду к сару, стану просить пятьдесят рублей». Там караульные доложили: «Старык пришел». — «Чо тебе надо, старык?» — говорит. «У меня родился, — говорит, — сын, надо его воспитать». Купил он соску, пеленку, покрем. Немного прожили. «Опять пойду, — говорит, — сару просить сто рублей». Караульные доложили: «Старык пришел». — «Чо тебе надо, — говорит, — старык?» — «Дайте, — говорит, — сто рублей». Вот. Отдали. Пошел на кабак и купил разлого всего, закуски. Немного тоже времени прошло. «Пойду, — говорит, — к сару просить двести рублей». Так. Сар дал. Пошел на кабак, купил он шпирт, купил золотую румку и купил такие закуски, которые только сар ест. Вот. Старик этот одной рукой улицу пашет, другой рукой — дом. Вот. Министори старыку говрят: «Зачем ты покупаешь только такие закуски, которые только сам сар ест?» Старык говрит: «Приедет он мне гость». — «Он чибе не будет, он самым приближенным министрам не ездит». Вот. Старык говрит: «Ударымся по сто рублей».

Утром стали — приехал сар. Старык к нему румку. Сар к роту подвел да назад поставил на стол. Вторую румку налил старык — тоже к роту подвел да на стол поставил. Трэчью золотую румку старык

налил — сар сразу выпил. Сар отвечает: «У меня, — говорит, — есть просьба: почему первый, второй раз налил такую румку, а почему трэччий раз другую?» — «Первая румка, — говорит, — для меня, вторая румка для сына моего, а трэччья для чебя». — «Старик, дай мне этого сына, — говорит, — и сам живи у меня»: Старик согласился.

Сын вырос, играет. И вот-от первый раз пришла от министрера жалоба, что «вас сын ломает министрерские окна и похваляцца ходит сар-девице сходить на крест по допочке». Вот. Сар в огне спалил (письмо). Второй раз пришла такая же жалоба. Сар тоже в огне спалил. Трэччий раз пришла жалоба — сар сына кликнул. Сын отвечает: «Я не был, — говорит, — не играл и не похвалялся сходить».

Эной парнишка собрался в путь. Вот. Вдруг к нему идет старушка. «Вот, — говорит, — пойдешь — от сарского окошка пойдет дорожка. Станет стоять амбар с двенадцатыми замками запертый. Ломай ти их руками». Он их разломал, шял и пояхал. Вдруг идет к нему старык. Старык ему дал кольцо: «Станешь яхать — станет стоять палата. Выйдет, — говорит, — девка с саблей. Ти вот этой перчан положи коюю на лоб». Он этого не сделал. Она побежалась на него с саблей. Он рукой загородился — она увидела. Дала она ему второе кольцо. «Станет стоять палата, станет сидеть, — говорит, — сидеть девка на золотом стуле, золоту кудельку плести. Эти кольца завяжи, на стол положи, а сам у порога постой. Она сама потом станет, чибя напоит». Он тоже этого не сделал. Она дала ему трэччье кольцо. «Яхать станешь, — говорит она ему, — станет стоять палата, войдешь в палату — станет спать девка. Эти кольца ти на стол положи, сам уйди и лежи в лесу». Он тоже этого не сделал.

Он пришел, на один копец камень связал и ударил её по груди. Она соскочила, стала и увидела эти кольца. Вот. «Сегоня оставайся, — говорит, — у меня, а я поеду. Без меня они чего будут делать — голоса не давай». Уяхала она. Они спрашивают: «Иван-царевич есть?» Он отвечает: «Есть». Так. Она пряхала и крест-цепочку привезла. И он уяхал.

Вдруг идет к нему старык. «Куды ездил?» — спрашивает. «К сар-девице по крест по допочку. Достал», — говорит. «Продай мне, — говорит старик, — а я дам чибе посошок». Отдал крест-допочку. Иван-саревич говорит посошку: «Поди, старыка убей, крест-цепочку принеси». Крест-цепочку принес посошок. Так. Он дальше пояхал. Вдруг идет к нему второй старык. «Продай мне, — говорит, — крест-допочку. Я чибе дам топор». Ланно. «Посошок, поиди, — говорит, — старыка убей, крест-цепочку принеси». Посошок ушел, старыка убил, крест-цепочку принес. Ну, вот, так. Также к нему идет старык. «Продай мне, — говорит, — крест-допочку, а чибе дам пер[е]меты». — «Посошок, поиди, — говорит, — старыка убей, крест-допочку принеси». Посошок ушел, старыка убил, крест-допочку принес. Также едет к нему старык. «Продай мне, — говорит, — крест-допочку — я чибе дам три прута: менный, железный и оловенный».

Не дояхал он до города и построился. Встроил палату. Посошок к нему отвечает: «От цара, — говорит, — трое идут». — «Двоих убей, — говорит, — одного приведи!» Сар заказывает: «С моих лугов сойди». — «Если дашь дочери свою за меня замуж, то сойду». Так. Посошок опять кричит: «От сара идут шестеро». Сар заказывает: «С моих лугов сойдись». — «Если дашь дочери свою за меня замуж, то сойду».

Посошок кричит: «От сара, — говорит, — идет сила». Иван-саревич отвечает: «Воюй; если сила не поберет, то кричи мне». Кричит посошок. Иван-саревич перметы отворил — выяхали люди. После этого пряхал сар и привез с собой дочь. Иван-саревич спрашивает у него: «Народ чибе жалко, как нет?» Он отвечает: «Жалко». — «Поди, посошок, — говорит, — оживи». Посошок вшех оживил.

И вот с этой дочерью уяхал в свое место, отцу. И до таперя, она-нако, живут.

Живал-бывал сар. Сына не было — дочь. У этого у сара в его государеве все есь. Но только нету скипартр и венес. А этот скипартр и венес находится Вавилонском городе у Жмеи Вавилонской.

Оипо прекрасное время сар призывает всех своих князей и бояр. и сказал к ним: «Княжья мои и бояре, и думные сенаторы, придумайте думу и пришеветуйте совет. Кто бы съездил Вавилонский город и достал бы скипартр и венес? Отделяю полцарсва, и пол-именья своего, и половину людей города». От переднего стола и до среднего ответу не было.

На другой раз сар спросил: «Княжья мои и бояре, думные сенаторы, кто бы съездил Вавилонской город и достал бы скипартр и венес? Отделяю половину царсва, половину имения и половину города». От переднего стола и до среднего ответу не было. На третий раз сар сказал: «Княжья мои и бояре, думные сенаторы, придумайте думу, пришеветуйте совет, кто бы съездил Вавилонский город и достал бы скипартр и венес. Отделяю половину сарсва и половину имения, и дочь свою замуж отдам, и после своей смерти на царсво посадю». Из среднего стола выходит Федор Бермятин, кланяется: «Я съезду, и я достану». Спросили у него: «Много ли тебе народу падо?» — «Полторасто человек».

Из полтораста выбрать стал и сто выбрал, пятьдесят отбросил. Из ста выбирал, выбирал — выбрал пятьдесят. Из пятидесяти выбирал, выбирал — выбрал двадцать пять. Эти двадцать пять человек под один рос и под один лик, как Федор Бермятин. Сам двадцать шестой. Сяли на кораб, побежали.

Подбежали они под город Вавилонской ночью. Сходни выбросили, по сходним вышли. Берет своего слугу верного и отправляется, где находится скипартр и венес. А остальным сказал: «Не шпите, караб не обсушите».

Федор Бермятин приходит церкву: жял скипартр и венес и привязал шебе на крыльда под одежду. И завет свой заветил, чтобы до белого сара его не развязать. «Когда помирать буду, тогда разведу». Сам стал стнхп служить.

Служит Федор Бермятин — андел ему с небеси благовестит: «Федор Бермятин, перестань служить. Передь шел — тебя никто не видал и не слышал, пазадь пойдешь — тебя всяк увидит и услышит». (Значит, ночью). Федор Бермятин не служит, служит.

И второй раз андел господень ему с небеси благовестит — тоже не слышит. Третий раз сказал: «Последний раз сказал, — говорит. — Передь шел — тебя никто не видал и не слышал, пазадь пойдешь — тебя всяк увидит и услышит». И в городе Жмяя ражбудилась.

Федор Бермятин перестал служить, пошел. Ход его приходился мимо жменного окошка. Жмяя окном высунулась до половины и сказала ему человеческим голосом: «Что ты вперед шел — и не зашел, и пазадь идешь — и не заходишь?» Федор Бермятин тогда зашел к Жмее. Жмея тогда яму сказала: «Стапем играть в пешки». — «Потём¹ же игра?» — «По подшетине».²

Федор Бермятин согласился, принесли серебряную шахматцу и золотые шахматы. Ну, и стали играть. Федор Бермятин выиграл — не ударил ее рукой, а ударил шахматцей.

Другую игру штали играть. Тоже Федор Бермятин выиграл. Тоже так же ударил шахматцей. Третью игру штали играть: до половины игры ужнал Федор Бермятин, что его игра на выигрыше. Ну, тогда Федор Бермятин штал обдумывать: «Что же я сижу, со Жмеей играю и Жмею обыгрываю?» И уронил пешку на пол — царошию. Пешку пока брал, пока поднял — она у него хоботами ноги заплела.

¹ Т. е. почему, на что. В рукописи: по тем.

² По пощечине.

Тогда сказал Федор: «Бей меня по штеке, я эту игру проиграл, потому что я обронил пешку на пол». Ну, Жмея шкажала: «Твоя игра на выигрыше, ты меня бей». Ну, Федор тогда шкажал: «У нашего у белого сара такой закон: хто пешку обронит, тот и игру плотит. Ешли же ты меня не веришь, у меня ссь список³ на корабле. Уволь ты меня, — говорит, — на кораб сходить». — «Уволяю тебя, — говорит, — на три минуты».

Федор Бермятин пошел и до порогу три раза упал: хоботами-те ноги заплетены. Тогда слуга шкажал: «Ты, Жмяя, уволила его на три минуты до корабля — до дверей шел и три раза упал; на кораб пойдт — и сколько времени пройдет? Ты у него хоботы расплети и уволь его на три часа. И меня в поруки вожьми». Жмяя согласилась. Хоботá рашплела, уволила его на три часа и слугу на поруки вьяла. Пошел Федор Бермятин.

Федор Бермятин как на двор вышел, в ту же минуту слугу съела. Федор Бермятин пришел на кораб своим товарищам. Товаришши уснули, кораб обсох. Товаришшей разбудил, кораб столкнули и побежали. Во время отхода жмея штали палетьвать — они штали с пушек палить. Де. побежали. Жмея воротились. Бежали, бежали.

Подбежали они под город под нажвaniem «Жолотая гора». Велел он остановиться. Сходпи выбросили, по сходням вышли. Берет собой пятерых: «Походимте по этой горе, поищем какие-нибудь редкости — везти белому сару». А остальным шкажал: «Не шпите, кораб не обсушите». Ходили они, ходили и ничего не могли найти — воротились назад.

Сзади их товаришши уснули; прилетели жмен, их съели, изгрызли кораб, и некак стало бежать, пешком остались.

Да вот они и пошли пешком по этой горе. Пришли они к ошному сару. Но сар прижвал швоих княжей и бояр: как же его, Федора, судить, потому что он обманул Вавилонском городе Вавилонскую жмею?

А один князь говорит: «А его кажнить надо». Другой говорит: «У него кишки на клуб мотать». Третий говорит: «Живым огонь бросить». Ну, сар тогда шкажал: «Я спрошу у своёго отца, у старика».

Ну, отец, старик, спросил: «Хто его шкажал кажнить, приказ, значит, дал? Именно за чего певинного человека? Его скажнить! Потом у другого, который шкажал кишки на клуб мотать, — у того вымотайте. Ахто говорил: живком в огонь бросить — его бросить».

Призывает себе Федора и говорит ему ошному по шекрету: «Отсель вы пойдете — станут лежать веровки, и обойти места не будет эти веровки, придется вам через идти. Пойдешь через — эти веровки соскочат и вас с ног до головы запутают, и ты норовися упасти головой на полдень, а товаришшам не скажывай».

Распростился со стариком — пошли. Шли, шли и пришли к этим веровкам. Обход нигде пайти не могли. Пришлось им переходить через. Веровки соскочили и их с ног до головы запутали.

Ну, Федор Бермятин все-таки упал головой на полдень, и упал без чувства — ничего не помнит. Когда он очуствовался, тогда уже веровки были назади. А у товарищей уже уж кости не были. Федор Бермятин пошел, тогда веровки его погонили. Федор Бермятин побежал. Неподалеку стояли два дуба: Федор Бермятин прямо к ним и за них. За дубы завернулся, а веровки налетели на эти два дуба и завали их от вершшы и до комлю.

Послышался голос: «Прощай, Федор Бермятин, оманул ты Вавилонском городе Вавилонскую жмею, оманул на золотой горы Золотого сара, оманул меня, Старичишша-оплетаишша (это веровки-то кричат ему), сделался я бесчеловешно.⁴ Станет меня дождем мочить и солнцем сушить. Не оманешь ты Кривого разбойника».

³ Т. е. указ.

⁴ Бестелесно (Примеч. собир.).

Федор Бермятин пошел дальше: шел-шел, видит: юрта⁵ во всё дерево срублена на его пути. Стал проходить эту юрту, чтобы не зайти. Но никак не может пройти эту юрту, юрта всё перед ним. Ну, пришлось ему войти в эту юрту ко Кривому разбойнику.

Вошел: Кривой разбойник из угла в угол лежит. «Ага, слыхом не слыхать и видом не видеть — русская коска во двор сама зашла. Здравствуй, Федор Бермятин, обманул ты Вавилонском городе Вавилонскую жмею, на Вавилонской горе⁶ — Золотого сара, обманул ты этого Старичишша-оплетайшша — не обманешь меня, Кривого разбойника. Теперь раздевайся, я тебя кушать стану».

Федор Бермятин стал раздеваться и стал ражважывать скипартр и венес: «Не хотел тебя развяжать до белого сара, а пришлось танеря развезать с крыльцев». Тогда Кривой разбойник шкажал: «Чего говоришь, Федор Бермятин?» Федор скажал: «Я ничего не говорю. Но только говорю: когда был я своим городе, будто я да дохтуром не был, безногих я, — говорит, — с погами, безруких я, — говорит, — с рукамп, безглазых я, — говорит, — с глазами [делал]».

— А, ты еще дохтур! — шкажал Кривой разбойник.

— Да, когда-да бул.

— Ну, у меня вот глаз цету: жделаи мпе — я тебя отпушу.

— Ну, давеча бы скажал — давно бы с глазом был.

— Чего же тебе-ка надоть? — ражбойник шкажал.

— Большой котел с оловом, чтобы кипел.

Ражбойник шкажал, что «павесься, котел с оловом», и котел навесился. «Танеря дай мпе капаты и папарью».⁷ Тогда шкажал ражбойник: «Упадите, канаты и напарья». Упали. Федор Бермятин зял напарью и стал вертеть дыру на мостине (на половице).

Ражбойник шкажал: «Что, Федор, делаешь?» Федор ответил: «Диру верчу: тебя связать капатами к этой половице». — «А па что меша ты хочешь привязать?» — «Значит, лекарство будет садкое. Ты будешь биться и меня убьешь — лучше я тебя и завяжу». Ражбойник согласился.

Федор штал этого ражбойника привязывать к половицам канатами. Привязал — напарьей его уткнул, ражбойника. Ражбойнику больно стало — ражбойник пошевелился и капаты вырвал.

Тогда Федор сказал: «Не стану лечить, а лучше меня ешь». Ну, ражбойник уговорил Федора и дал слово даст хорошие капаты, чтобы не сорвать. Тогда Федор его завязал крепко и уткнул напарьей. Ражбойник пошевелился и не мог канаты сорвать.

Тогда спросил Федор у Кривого разбойника, [который] больной глаз и здоровый — чтобы узнать. Ражбойник ему шкажал. Федор взял котел с оловом и налил на здоровой глаз. Разбойник закричал: «Съел, собака, съел! Юрта, держи Федора!» Федор агде шоркнется об юрту, тут и прильнет: юрта держит. Федор, когда прильнул к юрте, отрезал одежду — отлепился.

Это время ражбойник не мог сорвать канаты, а выдернул две половицы. А под половицами были идоловы головы (значит, оп раньше идолов убивал да ел, бросал. Идолы — дьявола). Федор тогда залез в идолью голову. Ражбойник закричал: «Федор, агде ты?» Федор ответил: «А я в идольей голове». Ражбойник тогда стал выбрасывать эти головы окпо. Выбрасывал, выбрасывал и Федора вместе выбросил.

Федор тогда ему скажал: «Я па дворе, разбойник». Ражбойник его погонил, ну и не мог догнать. Напоследок шкажал ему: «Прощай, Федор. Обманул Вавилонском городе Вавилонскую жмею, обманул на Золотой горе Золотого сара, обманул Старичишша-оплетайшша. Обманул ты, — говорит, — меня, Кривого ражбойника. Не обманешь ты Прекрасного сара. На вот, тебе-ка, Федор, подарок от меша». Федор оглянулся и уви-

⁵ Т. е. изба.

⁶ Так в рукописи; надо: на Золотой горе — Золотого сара.

⁷ Большой бурыв (*Примеч. собир.*).

дел: около его лежит ножичёк. Ножичёк маленький. Черень, убранный разными драгоценными камнями.

Федор на ножичёк зарится, а рукой поймать боится. И приклонил свою руку правым мизинчиком на черень. И тогда ножичёк прильнул ему к мизинчику. Ножичёк закричал: «Хозяин, беги, дёржу Федора, да плохо». Федор выдернул свой нож и отрезал у себя палец, и ножичёк остался. И тогда Федор ушел от разбойника.

Вот, и пошел Федор дальше. Шел, шел и увидел палата. Вошел в палату: стоит стол и на столе закуска, тарелка, вилка и ложка. И лежит на кровати кровавая одежда. Зял с тарелки кусок съел и зял одежду, вымыл эту кров и сам за печку запрятался.

К вечеру стук застучал, гром загремел. Разъехался Прекрасный сар на крылатом коне. Вошел в палату, совсем в крове одежда. И сказал: «Ха-ха, — говорит, — хороший человек был, мою кровавую одежду вымыл». Ну, и сказал: «Федор, чего ты причесься, выходи, не бойся». Федор вышел. К вечеру поужнали, стали ложиться. Прекрасный сар сказал: «Федор, у тебя одежды нету, ложить со мной». Утром стали, Прекрасный сар одел кровавую одежду вымытую, а вчерашнюю кровавую покинул. Ну, Федор опять стал ее мыть. Ну, и стали жить: Прекрасный сар всё приезжает в кровапой одежде, и Федор моет.

Де, вечером однажды и приехал, лягли. Федор к сару прижался и учуял что-то мягкое и спросил: «Хозяин, что у тебя мягкое?» Он ответил: «На войне меня поранили, и стало дикое мясо». На другую ночь Федор усумнился и положил руку — и узнал, что женские груди. И он был что не мужик, этот Прекрасный сар, а женщина. Ну, и стали жить, ну, и потом она стала беременная. И все ездит, воюет. Вечером, значит, прияхала. Ночью, значит, родила мальчика. Утром уяхала воевать, Федор остался няичить.

Когда мальчику исполнилось полгода, Федор задумал бежать. Стал делать лодку в ясу. Доспел лодку. Утром, когда она уяхала, нарядился, пошел, чтобы с мальчиком проститься, и мальчик поймал его обоими руками, и Федор не мог отбиться. Мати прияхала, тогда отпустил. Она вошла, взглянула на того и на другого и сказала Федору: «Что, Федор Бермятин, мальчик на тебя так часто смотрит — ты не убежать ли хочешь?» Федор тогда к ней сказал: «Я не знаю ни пути, ни дороги, куды могу бежать».

Поутру уяхала, а Федор не простился с мальчиком — за двери, а мальчик сзади заплакал, а Федор не воротился. Сял в лодку и уяхал.

Ну, яхал он по мору. Дело было к вечеру; летит Прекрасный сар на крылатом коне, повстречался и сказала ему: «Убежал ты, а свое на что покинул?» — и пролетела. Недолго время сзади нагонила, принесла ребобка, падвос разодрала и бросила ему сверху. Упала половина ребенка в воду. «На, половина твое — половина мое. Прощай, Федор Бермятин, начто убежал, сказал бы: „Я в свой город поеду“ — и я бы довезла». А Федор «прощай» да не говорит. «Ну, Федор Бермятин, прощай. Ты едешь и сам не знаешь, куда едешь. Я тебя научу, ты доседешь. Ты те-перя поедешь, подъедешь ты к каменному мысу, дернет тебя дырой сквозь этот мыс невольно, быстерью. Это время глаза завяжи. Чего лодку тебе падать стаецт, всё в воду выбрасывай. Последний раз упадет тебе три раза в лодку — ты в карман запихай и глаза развяжи. Тогда на волю выедешь. Ну, прощай, Федор Бермятин». Федор и «прощай» не говорит.

Пояхал Федор Бермятин и дояхал до каменного мысу. Дырой дернуло сквозь мыс — глаза завязал. Лодку стало падать, он в воду стал выбрасывать. Три раза упало, в последний раз — в карман положил и глаза развязал и выяхал на волю. Пояхал по вольному свету и подумал: «Что я в карман положил, что мне в лодку падало»? Три драгоценные камня.

Ну, вот он и пояхал по мору этому. Яхал, яхал — и видит: около берега стоит дуб. Вышел он из лодки и пришел к этому дубу. У дуба утоллок (утоптанное место). Залез на дуб и сял на дуб.

Это же время с одной стороны прибежал лев-звер, а с другой стороны — змей-полоз, и стали драться. Дрались, дрались — жмей-пóлоз едолеп льва. И хочет, значит, его убить. Тогда лев увидел на дубу Федора и скажал: «Что, Федор, сидишь?» Федор шнял со шебя ружье и штрелил в жмея, и попал в крьльда, и жмей упал.

Тогда лев вышел, пришел Федору и скажал: «Чего хочешь, Федор? Чего хочешь, тем и заплачу тебе». Федор тогда ему скажал: «Донеси меня до моего городу». Лев приказал ему завязать глаза и посадил на себя и понес. У Федора только в ухах завоело: не знай, по небу летит — не знай, по жемле бегёт. Войло, войло — лев остановился: «Федор, раж-вяживай глаза». Федор ражвяжал глаза и увидел город. Лев ему скажал: «Знаешь ли этот город?» — «Знаю». — «Ну, поди, и не говори, что „я на льве ехал“. Если скажешь прямо, я тебя съем».

Федор пошел и пришел город сару. И отдал скипартр и венес. Сар его принял с чесью, с радосью, отделил ему полцарсва и половину города людей, и половину имения, и дочь замуж.

Вот и стали они столовать, пировать двенадцать суток беспробудно. Нищие, бедные бочками стали катить. Пошла хваш[т]ня: иной хвастает молодой женой, иной хвастает силой своей, иной конем. Федор ничем не хвастает. Федору же говорят: «Федор, ты что же ничем не хвастаешь, в Вавилонский город еждил и скипертр и венес привез — чего ты не перевидал?» — «А чем мне-ка хвастать? — Федор ответил. — Омманул я в Вавилонском городу Вавилонскую жмею, омманул на Золотой горе Золотого сара, омманул Старичишша-оплетаишша, омманул Кривого разбойника, омманул я Прекрасного сара и сюды на льве-звере приехал».

Немного прошло времени — пошел крик, айдан — чего такое? Тут закричали: «Лев-зверь пришел, людей давит и [з]-за этого люди айдаит. Пускай Федор Бермятин свою лошадь уйма». Ну, Федор Бермятин скажал: «Пойду я свою лошадь уйму». Федор взял сани, на сани положил три фляги спирт и поволок.

Ну, лев летит ему навстречу, пасть разинул и хочет Федора разорвать, Федор же ему скажал: «Что, лев, ты сделался, обомейся!»⁸ Лев скажал: «Я тебя разорвать хочу: ты мною хвастал». Федор скажал: «Не я хвастал — русская хмель хвастала». — «Не может быть, чтобы русская хмель хвастала, она не с языком». Но Федор ему скажал: «Ну, пей, лев: напьешься — и сам ты не узнаешь, чего сделаешь».

Лев выпил флягу, выпил и другую, выпил и третью. Упал без чувствия. Федор отсек лесину подлиннее и посучковатее и стал льва бить этой лесиной. Бил-бил и у этой лесины все, значит, сучки покоячил. Зял эту лесину загреб, подле него в землю закопал и стал лес этот ломать, который около их. Обломал лес сухой и сырой, пришел и подле льва лег.

Лев спал, спал — разбудился. Лев пошевелится — всё у него болит: ногой пошевелит — нога ё, головой пошевелит — голова ё, тушой пошевелит — туша ё. Напоследок стал Федора звать: «Федор, Федор!»

— Что тебе нужно?

— Федор, ты есь?

— Есь.

— Чего я сделался? Чего у меня всё болит?

Федор ответил: «Посмотри на лес». Лев взглянул на лес: лес весь обломленный. Федор скажал: «Вот, ты, — говорит, — бегал, на лес натыкался, лес ломал». — «Нет, я, — говорит, — не помпо. Ну, Федор Бермятин, — лев ответил, — правду, русская хмель — беда. А не верил, а теперь поверил. Поди и всем хвастай, что „я на льве ездил“».

Федор пришел в город и скажал, что «я лошадь унял». Стал жить Федор. Сар помер, после саря Федор сял на сарсво. Стал жить да поживать, да приплода поджидать. Де, сказка кончилась.

⁸ Обумейся, опомнись.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь: высоко жить — ветром соймет, если низко жить — водой соймет, на таком ровном месте, как хлеб на скатерте.

У него было три сына. Двум сыновьям имена неизвестны, а третий сын — Иван-царевич. Царь сам глазами недовольный (значит, был сам глазами слепой).

В обо одну пору царь призывает княжи, бояри, вшю свою полиницу удалую, придумных сенаторов, приближенных министров [и говорит], что житё за тридесяти морами, и за тридесяти горами, и тридесятю царстве живет Царь-девица. У ней имеется глазная надобье. Он <...> вшем министрам прилаживал, что [бы] достали все эти лекарства и лечили его глаз.

С перенного стола до серенного, от серенного до пошленного все говорят, что «ми ничего не знаем». С перенного стола выходит его старший сын и говорит, что «чаченка, я поеду, дай благословение!» Он сказал: «Дитятко, если хочешь ехать, то бог с тобой!» Он [сын] пошел отцову конюшню и выбрал себе лошад, и поехал.

Едет себе — над камень приехал. Тут надпись есть — три дороги: «По правой дороге поедешь — то конь будет сыт, сам будешь голоден; по середочной дороге поедешь — красну девицу на прохлад; по левой дороге поедешь — перёд уедешь, назад не будешь!» Он подумал себе, что «я поеду по шередочной дороге, где живет красна девица».

Дья, он ехал; приехал: стоит палата. Вишла из палаты красная девица: из коски [в] коски до продольного мозгу сама красавица — утро [м] зору посмотрет [ь]. Брала его белые руки, садила его за столы дубовые, за скатерчи браные и за есса сахарные, заставила вшыкие-разные закуски.

И он сидит и говорит: «Я дйкой дурак: дальные дороги поехал — п без почтели и без одеяла!» Она и говорит, что «если не моргашь¹ меня, то ляжис со мной». Он говорит: «Хорошо!»; и легли меште и поговорили. Она к нему сказала: «Подвин [ь]се полистенку!» Он двинулся и упал в подполье. Она тут в подполье [в] день по ложке воду дает и по одному сухару.

Между этим время отец потерял сына долго — один раз тозе призывает своих княжи, бояри, вшю свою полещицу удалую и вшех приближенных министры: «Придумайте, пригадайте и присоветуйте, кто же могут съездит [ь] Царь-девице по глазно надобье и розыскать моего сына».

От перенного стола и до серенного, от серенного до пошледнего вше говорят: «Ми легко не знаем». От серенного стола выходит его серенный сын и говорит: «Чаченка, дай благословение, я поеду — съезжу к Царь-девице по глазно [й] надобности и своего брата рожищу!»

Сын пошел к отцову конюшню себе выбирать лощед. Лощед вжал и поехал. Тоже над камнем приехал — три дороги е, на них надписи: «По правой дороге поедешь, то конь будет сыт, а сам голоден; по середочной поедешь — красной девицы на проклад, а левой поедешь — перёд уедешь, назад не будешь». Он тоже думал: «По которой ехал брат, по той же поеду и я».

Тоже едет, и приехал: стоит палата. Видит: из палаты вишла красная девица: из коски [в] коски до продольного мозгу, и красавица — утреннюю зору посмотрет [ь]. Брала его за белые руки, садила за столы дубовые, скачерти браные, за ести сахарные и вшыкие-разные закуски. Стали они разговаривать, и парень тоже говорит: «Я дурак, что дальнюю дорогу без почтели и безо одеяла!» Она говорит: «Если не моргаешь меня, ляжи со мной меште». — «Ну, да хорошо!»; и легли меште. Поговорили. «Под-

¹ Не брезгаешь?

винчесь к полистенку!» — и тоже его двинула в подполье. Корм ему дала по ложке воды и по сухору.

Отец в ту пору тоже ждал-ждал сына — и почерал² долго. Между этим время прошли три года. Царь об одну пору тоже призывает свои княжи, бояри, вшю свою полиницу удалую и приближенных министров: «Придумайте, пригадайте, присоветуйте, [кто может] съездить Царь-девице по глазоно надобью и моих двух сыновей разыскать!»

От перенного стола до серенного, от серенного по посленного вше говорят, что «ми ничего не знаем». От посленного стола выходит его меньшой сын Иван-царевич и говорит: «Чаченка, мне дай благословение, я поеду Царь-девице и розыскать двух своих брачьев!» Отец к нему говорит: «Я чеба не отпушту, пошленного сына; и еще ты не в летáх!» Он говорит: «Дай благословение, и дашь — поеду!» Царь на это подумал, что «дикую дичю³ не благословлю, то хуже будет — я лучше благословлю!» Отец-то заплакал: «Бог с тобой! Лучше поезжай!» — и благословил.

Сын вишел и пошел отцову конюшню выбирать шебе лощед. На шпину положит — то шпина ломается, а на шею руки брошит — и стапет ломаться, и не по шебе выбрать лощед.

Вишел он с конюшни — закручинился и запечалился. И повесил голову на правую сторону, и идет шебе, запечалился. Вишла к нему одна старушка и говорит к нему: «Чего, Иван-царевич, запечалился?» Он говорит к ней: «Укази мне лощад где-нибудь; если жив буду, чеба не забуду». Старушка вжала его за руки и повела. И привела его, дала ему отпирать три замка: «С деда здесь была лощад, нужно отпирать три замка».

Иван-царевич три замки отпер, и висла лощед; Иван-царевич подошел к лощеди и говорит: «Ты отслужила к отцу моему и деду моему — послужи мне верой и правдой!». Лощед на него брыгнула и его пнула ногой, и он улетел три нища конские, и справился, и опят[ь] пришёл, поклонился лощеди: «Лощед моя добрая, ты отслужила отцу моему и деду моему — и послужи мне верой и правдой!» Также лощед его россердилася и пнула его, и он улетел два нища конские, справился да тоже пришёл и поклонился тоже лощеди: «Лощед моя добрая, ты отслужила отцу моему и деду моему, так же послужи мне верой-правдой!» Она на него брыкнула и пнула, да не могла пошевелеть его с мешта. Дьэ, он стал, лощед погладил, дьэ, обшедлал и поехал.

Приехал, где братья его поехали, те три дороги [где камень] с надписями. Также: «По правой дороге поедешь...»

Он думает, что «братья уехали по средней дороге, красной девице на проклад, а я по этой дороге не поеду. Я поеду по левой дороге: пускай перечь уеду, а назад не буду — одно яйцо, агде не киснет»,⁴ и решил по левой дороге ехать да поехал.

Его лощед россердилася, от сырой земли отделилася — више дерева стоящего, ниже облака и таскала его по горам и по лесам; он был не в летах, и сейчас виша лопачишка ободралась. И он был как бесчувственно. Потом он чувствовал, где лощед остановилося, и с лощеди опустился, лощед завязал и пошел посмотреть мешто.

Пришел одному дубу и смотрит: кто-то лежат. Пришёл он — Ногой-читцы⁵ дети. Они были маленькие и замерзшие. Он схинул со шсбя халат и укутал этих детей. Они к нему сказали, что «мама будет лечить, а ты запряхься». И он под дубом спратался, лежит.

Дьэ, увидел: лечит Нага-читца, и прилетела, и сказала, что «детушки мои, однако, пропали». Они говорят: «Мама, ми живые, какой-то человек пришел и нас укутал своим халатом». Она его и стала звать. Он вишел — она к нему сказала:

² Т. е. потерял.

³ Т. е. дитю, дитя.

⁴ Калька части известной якутской пословицы; смысл — была не была.

⁵ Т. е. Нагой-птицы (Нага-птица, Ногай-птица).

— Здравствуй, Иван-царевич!

— Здравствуй, Нага-читца!

— Куда ты пошел, Иван-царевич?

— Я пошел от своего отца Царь-девице по глазою надобью.

— Иван-царевич, долга песни петь, через три мора лететь — ты спас моих детей, я тебя попесу через три мора!

И положила она на шею три пуда мяса, и еще посадила Ивана-царевича на шею, и понесла. Подымалась, подымалась, подымалась и — поднялась и полетела; летела, летела, летела — одно море и одну гору перелетела и сказала: «Иван-царевич, ести охота, дай пуд мяса!» Пуд мяса отпустил, и сказала: «У, брат, глаза отворились!» — и опять полетела.

Летела, летела — одно море, одну гору перелетела и сказала: «Ести охота». Опять пуд мяса отдал, опять полетела. Летела, летела — море да гору перелетела и сказала: «Иван-царевич, ести охота!» Последний пуд отдал ей. Дъэ, летела, летела, дъэ, «ест охота!» — сказала. Со шеба отрезал пинкиндей и к пей отдал кушать.

Дъэ, летела, летела и на земле шяла и к нему сказала, что «ми недавно летели — ты мне как кусную еду дал ести!» — «Я свою пинкиндейо дал!» Она назад виблевала и к нему назад налепила на ногу, и сказала: «На час прощай; ты будешь ходить три года — я до тебя буду отъедаться».

Дъэ, он от нее пошел. Сам не знает, куда идет. Шел, шел, дождь пойдет, — говорит, — лето; снег пойдет, — говорит, — зима; и видит: стоит одна юртушка. Вошел юртушку: одна сидит старая старушка, и говорит старушка: «Долго не видать русская косточка — сама во двор вошла, четвероногий зверь редько пробегат, крылатая птица редько пролетает!»

«Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, Иван-царевич!» Она его напоила и накормила. Он ее спросил: «Не знаете ли ви Царь-девицу?» — «Я не знаю; меня подальше живет моя сестра, может, она знает — ты захтра к пей дойдешь!»

Он у ней проснулся и пошел утром; шел, шел — тоже видит: стоит юртушка. Вошел эту юртушку: сидит тоже старушка и тоже говорит: «Ху-ху, видом не видать, русская косточка сама во двор вошла! Четвероногий [й] зверь редько попадает, крылатая птица редько пролетает!» Иван-царевич сказал: «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, Иван-царевич!» — отвечала старушка. Она его накормила и напоила.

«Бабушка, не знаете ли ви Царя-девицу?» — говорит Иван-царевич. Она к нему сказала: «Не далеко меня живет сестра моя, она знает», — и сказала к нему: «Лежись спать».

Ночевал, [в]стал, и утром Иван-царевич тоже пошел. Видит он: стоит переди юртушка. Входит в юртушку: сидит старушка. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, Иван-царевич». Стала его поить и кормить, и мешти спрашивать: «Зачем ви суда пришли?» [Отвечает], что «я пришел: чаченка мой слепой, и вот он меня послал к Царь-девице по глазою надобью». — «Она живет близко, но только не взятчи. Она сюда часто ездит, а ми у ней на заставе штоим. Она если увидит у меня и человека, то так убьет тебя и меня».

Она его накормила и напоила, и положила его в ящик (спратала), и сказала, что она захтра будет здесь, у ней день роздения, будет бани мыться.

Немозко просло время, и как гром загремел, молни засверкали — едет Царь-девица. Прияхала со своими нянками и восла во юрту старушки; и раскричалась на старуху: «У тебя не ловкый дух что-то! Охто-то у тебя пришел или охто был?» Старушка ей стала извиняться, что «у меня не охто не был, я часала голову и брошила волощье огонь — вот отчего и не ловкый!» Она висла, помылась бани и обратно уехала.

Дъэ, старушка у Ивана-царевича спросила, что «ви видели, какя она красавица — понравилась ли тебе она?» — «Да видел, дъэ, [в]завиль красавица!» И старушка стала к нему наказывать: «Когда за-

едешь, ночью поедешь — на окружку городи пустые проволоки будут, пустые висятся колокольчики, и вше они побракают, охто их трогает; это «перескочи» поосторожнее: если забракуют — узнает, и меня, и чебя убьют».

Старушка Ивану-царевичу дала свою лощед и говорит: «Доедешь до городу и ее перву ворота зайдешь — один волк лежит, будет волк спать пьяшой. [На] лощед[и] заедешь во двор, то лощед постав головой на двор; овторые ворота зайдешь — там медведь будет спать, тоже пьяный; третьи ворота зайдешь — лев-зверь будет спать, тоже пьяный — эти вше ее короульшики будут. А ее ворота четвертая будет, полые (отворонные) будут».

Она ему, царевичу, дала бутылочку — всячти живу-молоды воды: «У ней живо-молодо вода будет под подушкой; эти вы возьмите тихо-почко и ничего не урбдай больше».

Дья, он нарадился и поехал. Приехал он городу: проволоки пустые натянуты и висят колокольчики; он ударил лощед — и даже не задела проволоки (перелетела). Приехал к воротам; как старушка говорела, так и он лощед поставил головой на ворота (поворотил). Волк лежит спит, забыль пьяный; а Иван-царевич подвигается подальше — там медведь лежит пьяный спит; проходит дальше — дальше спит лев-зверь, и тоже пьяный.

Дья, зашел он в ворота. Царь-девица там же спит — тоже пьяна. Дья, он подошел и чихоночко из-под подушки вжал живую-молоду воду, в бутылочку свою налил. Потом он пошел назад и поставил; и назад ворочился к кровати, и подумал, что «я чаченке доеду — дак чего буду сказывать, что я Царь-девице был и достал глазной надобность? А еще скажет: какой знак ты принеешь? То мне этого ничего не будет, или — ничего... однако, не так». И подходит кровать, и у ней скинул перчинь с руки, и надел шебе, потом ее поцоловал и, дья, пошёл обратно.

Дья, лощед вжал и поехал, где были проволоки, туды доехал; трестпул лощед — проволоки немпозко [задел], и колокольчики вше забракили, а городища вше соскочили, шум пошел — что кто такой был?

Ту пору Иван-царевич уже подъехал старушке. Старушка от него берет лощед и другую, отдохшую⁶ лощед дает ему. Поехал, доехал до другой старушки. Эта старушка вжала его лощед и дала ему другую. Поехал и доехал до третъей старушки. Она от него тоже взяла усталую лощед и дала отдохную лощед. Он уехал дальше...

Царь-девица об этом и Ивана-царевича узнала и погонила, да приехала к первой старушке и говорит, что «старые люди такие-шекие вше на заставе: невежу какого пропускаете?!» — сказала. «Я сама не знаю, что откуда человек приехал, да меня бил, да брошил!»

Царь-девица прояхала дальши, и приехала другой старушке, и на нее раскричала: «Бабушка! Кого видала, охто проехал?» — «Кто-то, какой-то человек проехал, меня бил да брошил! Ви, матушка, куда поехали не хорменном плачье?» Она посбвстилась и ворочилась обратно...

Теперь Иван-царевич доехал до Ногой-птице, и опять она его на шебя посадила и полетела над морамн и <...> эти три мора перелетела — только три часа. И Нагой-птица его, где ее детей оставила, дотуда она довезла и тут оставила, где Ивана-царевича была своя лощед. Ногой-птица сказала ему: «Прощай ты, Иван-царевич, еще один раз увидимся!» Иван-царевич вжал свою лощед и уехал дорогой, и с дороги поехал по той дороге, где его братья поехали — их искать.

Приехал «туда, где его братья», видит: палата стоит и две лощеди ходят, а братьев не видать. С палаты вишла красна девица и прекрасавица, стала его встречать, брала его за белые руки, садила его за столы дубовые, скачерти браные, и закуски разные ставила она, и стали разговоры разговаривать. «Я ездил в дальные дорогу, но без постель, безо одеяла», — говорит Иван-царевич. «Если не моргаешь, то со мной

⁶ Т. е. отдохнувшую.

лежишь», — отвечает красна девица. Ложились вместе. Она говорит: «Ляг полустенку!» — «Я не лягу: приезжий человек полистенку не лежит!» — говорит Иван-царевич. Пospорились, но все-таки правда стала его. Она легла полистенку.

Разговаривались, и он ей говорит: «Подвиньтесь!» Она подвинулась и упала тоже в подполье. Иван-царевич сразу соскочил и сказал: «И так вы моих братьев двинули палистенке да в подполье, а теперь я вас двинул!»

Иван-царевич первый раз вытащил одного старшего брата из подполья и охтурой раз вытащил сереннего брата. И так они оба похудали — пустые кошты. Они увидали и так обрадовали! Потом эту девушку вытащил. Они четверо тут побеседовали и хлѣс[т]ко поехали домой.

Эту девушку вжали за собой. Иван-царевич эту взял себе в жены. Ехали, ехали, и ночевать пришлось в поле, дорогой. Они на поле поставили пичѣр. Каждый отдельно — или Иван-царевич с женой меште, а два брата меште в один шечѣр — и спали.

Они проснулись. Два брата встали рано, а Иван-царевич, как ешь усталой, он спит еще. Два брата встали и советовалища. Говорат, что «если ми чаченке доедем вше трое, то чача не будет любить нас двоих; он, меньшой сын Иван-царевич, раньше был любимый и теперь еще пуще будет любимый». И они его решили убить и пришли оный, спешаго брата убили. И [у] которого была жива-молода вода, ее они вжали у него; также они взяли золотой перчень, которой надел серенний сын на рѹкн. И красну девицу, или жѣцу брата Ивана-царевича, также взял к себе в жены он же, серенный сын.

А убитого брата Ивана-царевича они вше кошты выколочили, и сложили в сумку, и «его» лошеди завязали в хвост. Лошед его треснули, и она пошла помаленько, и сами уехали к отцу. Там они отцу доехали и живой-молодой водой отцово глаза вылечили, и там они вше нахвастали: как будто на вше сами ходили и достали это глазное надобье. . .

Лошед его ходила, ходила и приволокла кошты [к] Нагой-птице. Нога-птица сказала своим детям, что «значит, вашего избавителя убили его брачья!» И она стала каждую коштечку подкладывает[ь] по коштечке. Подклала да и живой-молодой водой бризнула. Первый раз бризнула — натянулась кожа; второй раз бризнула — заиграла [кровь]; третий раз бризнула — и Иван-царевич соскочил на ногн и сказал: «Ой, долго спал и бодро стал!» — «Кого станешь спать — чеба убили твои брачья! Я знала раньше и у тебя от бытылочки отлила [в] пузырѣк капли. Прощай, еще раз увидимся!» — и распроцались.

Иван-царевич с кошем меште поехал домой. Он там доехал своему отцу домой и отцу-то не вошел, а ушел к одной старушке. Дѣз, они живут об одну пору, отцу не ходит.

В городе кричили, ревели, говорят: плават кораби, пришлыла, — говорят, — Царь-девица; схонню вибросили к ней, и она по схонне висла в город. Она с собой своих два мальчика вывела за подруки и с берегу до царских ворот настелила сукно красное, и потом она закричала, что «дайте виновника, кто ездил!»

Царь говорит старшему сыну, что «ты ездил поперечь!»⁷ А тот стал мыться, стал чесаться и пошел по красному сукну, помаленку идет к берегу. Видя [это], ребятишки Царь-девицы говорят: «Мамаша, папаша ли идет вот или охто?» — «Ваш папаша этого не будет, дерите его!» Ребятишки стали его драть, и он назад ушел, ворочился.

Царь тогда середнему сыну сказал: «Ты, — говорит, — поди». Он тоже стал мыться да часаться, мылся, часался да по красному сукну пошел навстречу Царь-девице, помаленку идет. Ребятишки говорят: «Мамаша,

⁷ Т. е. первым, вперед.

это охто: папаша ли, аль охто?» — «Тоже не ваш папаша, его дерите!» Ребятишки взяли да его драть — тоже ушел обратно.

Пришел — отец им говорит: «Где мой меньшой сын, куды удрался? Орозбойником удрался — поищите его и пошлите».

Иван-царевич, находясь в городе, услышал и побежал Царь-девице, и красное сукно стал рывать, и ту и другую сторону стал брошать, и говорит, что «нищие, бедные, этим пользуйтесь и поминайтесь Ивана-царевича». И там ребятишки сказали: «Мапаша, это папаша идет ли?» — «Правда, это папаша — подите к нему!» И они вше поздоровались и поцеловались, и пошли вше домой.

Иван-царевич к ней сказал, что «ми будем овенчаться!» — «Нет, теpero ми венчаться не будем: я ехала на корабли и море где-то утупила сундук с подвенесным плачьем; когды достанешь этот сундук, тогда буду с вами венчаться», — говорит Царь-девица.

Иван-царевич поехал к Нагой-птице и приехал к Нагой-п[тице]. Говорит, что «жениться хочу! Приехала жена и море утупила сундук — как его достать?» — «Не печальца!» — и опять она его посодила, и полетели на море. Как среди мора долетели, и сказала: «Я моро нерну, и, пазад когда вишлаву, ты успевай сундук хватить за дужку!» Дьэ, она моро нернула, и она увидала дужку сундука, а Иван-царевич в одну пору хватил сундук за дужку и вытащил. И ворочились обратно и [на] место Ногой-птицы, что пропалися, и сказала она: «Пропчимся навеки: больше не увидимся!» — и поехал.

Приехал с сундуком меште домой город, жене. Пошли они с Царь-девицой овенчаться. Столовали-пировали вшего двенадцать суток без пробуду, и нищие-бенные бочками катили.

Взяла своего мужа, и уехали свое царство; и которая была старушка приближенная, то ее она вжала меште матерью;⁸ мужа своего посадила на свое царство, и он, Иван-царевич, стал царом.

⁸ Вероятно: вместо матери.

52. СОБАЧКА

Жил один старик. У него была собака. Эта собака в сендухе ловила любого зверя — песца ли, чего ли. В одно время она изловила сохатого. Старик язык занес в избу и собаку запустил в избу. Лег спать. Так случилось, что эта собака съела этот язык. Старик вдрог проснулся и рассердился, стал ее бить и выгнал ее на улицу. Эта собака закричала, закричала человечесьим языком, сказала ему, что «я всё тебе помогала, всё тебе дала, но теперь вы живите сами собой, не считайте меня своей!»

Этот собака¹ пошел от старика; бежал, бежал, бежал — и вдрог видит юртушку, которая будто вертится молча. «Юртушка, остановись, встань к лесу задом, ко мне передом». Юртушка услышала это и к лесу задом стала, к нему передом. Снимает собачью шкуру, овёртывается человеком и входит в эту избу.

В этой избе сидит старая старуха. «Здравствуй, миленький!» — «Здравствуй, бабушка!» Ставит ему всякие-разные закуски, всякие-разные запивки. Затаскивает ему одеяло соболье, стала ему в голове искать и добрых вестей спрашивать: «Куда ты пошел и откуда ты пришел?» — «Я ищу, где людей много!» — «Что ты говоришь! Я знаю, где есть людей [много]. Но только ты никому не говори, что от такой-то старушки слышал».

Ночевал. Проснулся — и от этой старушки пошел. И вышла старуха провожать, дала ему медную деньгу: «В нужное время она тебе пригодится».

¹ С этого места собака — существо мужского рода, это — парень.

Опять он побежал, и опять он увидел юртушку, вошел. Сидит старуха. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, миленький!» Принесла всякие закуски, всякие напитки и одеяло соболье, тоже [стала] в голове искать. «Откуда пришел, куда пошел?» — «Я ищу, где людей много!»

Проснулся и пошел дальше. Старушка вышла его провожать и дала перстень серебряный — ставка ломаная. И говорит: «Возьми себе, он когда-нибудь пригодится». Также одел собачью шкуру и побежал. Шел-шел, бежал-бежал и видит: стоит рубленый дом, вокруг этого дома висят двенадцать струн, на этих струнах висят двенадцать колоколов. Собака не мог перепрыгнуть через колокола, но кое-как перепрыгнул, ни одного колокола не задел.

Зашел в дом: сидит один старик. «Здравствуй, старик!» — «Здравствуй!» Стали пить-разговаривать. Старик собаки боялся. Собака спрашивает: «Не знаешь ли, старик, хороших жен? Я хочу жепиться». — «Ляг, отдыхай, я знаю хорошую женщину. Ближе от меня живет царь, у него есть дочь, которая ежедневно приезжает: ходит мыться в баню. Я вас запроу в сундук с дырой, через которую вы можете посмотреть: если понравится, возьмете в жены». С этими словами он запер его в сундук, сделал дырку, чтобы подглядывать.

В полночь приходит царская дочь, моется в бане, а потом приходит к старику и говорит: «Что, дедушка, слуга [мой], у вас что-то худой запах: или кто ходил, или кто есть — дух скверный». — «У меня никто не ходил, никого нет, а сам чесал волосья и бросил в огонь, отчего и запах».

Потом она уехала. Собачка через дыру [всё] видел и хотел сейчас же ехать за ней. Но старику не хотелось ехать. Унимал он его [собачку], но он не хотел [пождать]. И старик дал ему табакерку [и сказал], что «вы ее не открывайте до города, и открой — тогда увидишь, что будет». Собака взял табакерку и пошел. До города дошел да видит и слышит: коровы мычат, кони ржут, люди кричат. Он открыл табакерку и поставил на расстанях. Кто где стоял, тутака все заснули, как открыл табакерку. Царская дочь приехала из бани, еще не успела одеться — так и заснула раздетая совсем. Спит. В это время собака зашел к ней [и овладел ею]. Вдруг дочь проснулась и погналась за ним, а собака побежал. И не может убежать от нее. [Тогда] опустил в карман руку, достал медную деньги, которую дала ему старуха, и бросил: «Сделайся такая гора, чтобы ей не попасть ко мне». Вдруг сделалась такая гора, и она осталась за горой. Собака прибегает к старику, где прежде был. «Ну что, товарищ, как дела?» — «Дела плохие: я сделал самоуправно».

«Царь на высоте в три печатных вышины [?] повесил три посовых платка: кто их достанет, тот возьмет дочку замуж. Вам это достать — ...» — «Это нам ребячье дело». Пошел он опять в царский город, приходит опять к царскому двору, видит — правда: висят три посовых платка. Овертывается он соколом и достает их. Приходит к царю и платки кладет на стол. Царь ему отвечает: «Заповедь-то исполнена, но сейчас я вам даю новую заповедь: построить дом». — «Смогу ли, не смогу, но постараюсь». Выходит на улицу, вынимает из кармана перстень — ставка поломанная, лизнул эту ставку. Выходит из этой ставки двенадцать молодых: лоби засканпые, подола заткнутые, усы завитые. Говорят ему: «Что, новый хозяин, прикажете делать?» — «Приказываю, чтобы вы ставили такую царскую палату...»

Встает поутру [и видит], что действительно стоит такая же палата, как у царя. Приходит к царю [и докладывает], что вторая заповедь исполнена. Сыграли веселую свадьбу, нищие-бедные, потюремщики, подзамочники бочками катили.

Я в вечерку у них был, водку пил, по усу бежало, но в рот не попало.

53. КОНЕК-ГОРБУНЕК

(Присказка)

Не на небе — на земле
старик жил в одном селе.
Низко жить — водой поймет,
высоко жить — ветром швееет.
На таком на ровном меште —
как хлеб на шкаторге.
Это не сказка, это присказка.
Сказка напнется —
очивка-обурка
от вёсного тубырка.¹
Кто мою сказка дослушат,
тому соболь да куница,
красная девица.
Охто мою сказку не дослушат,
до порогу бежит —
ползади отволітсья,
за порог завалітсья
да шелу зади отволитсья...²

¹ Вероятно: от Сивки от Бурки, от вёсего Каурки.

² Т. е. ползада и целый зад.

54. ТАТЬ И БОРМА

Живал-бувал хришянин со старухой. И у него сын. Дә, живут. Да этот сын ходит, то-другой находит-приносит.

Дә, в онну пору этот сын ходил; ходил вшё лето странствовал. Дә, аннезду идет и видит: человек идет на коровьем бике, волокот сено. Он против него остановился, скинул свои убутки и положил. Этот, который сено волок, против убуток и остановился. «Я, — говорит, — сходю: кто тут видится?» Бика оставил и пошел. Пришел — убутки. (Его они уже знают, парню этому имо Тать). «Эти убутки, — говорит, — винно, Тать оставил, я у него хочь убутки возьму». Дә, когда он ушел по эти убутки, этот парень пришел к коровьему бикю, бика заколол, алык сорвал. И этого бика, значит, кожу содрал, мясо загрел и с этой головой сам на шебя надел и ушел, в болото ляг. Этот мужик пришел, говорит: «Ой, алык сорвал да бик ушел». Стал его смотреть, смотреть: «Э, воака лежит». Не мог до него дойти — шел, шел по болоту. «Ух, к чорту, — говорит, — я докуда до него дойду, я брошу», — говорит. Бика брошил. Этот воз шена вжял и поволок. Этот парень вжял это мясо, эту кожу содрал и домой принес сзади него. Эту кожу повешил на вешельню. И сушится. О, живут.

Ходил, ходил; об онну пору идет откуда-то домой. Мать его пошла по воду — старушка-то эта. Он жял деревиночку и стал эту кожу покаличивать. И стал приговаривать: «Не я, — говорит, — бичка убивал, а мне тятенька велел». Эта старушка вошла в избушку и говорит своему старику: «Ну, старик, какого-то своему сыну велел убить бичка — коровьего бика?» — «Да когда я стану говорить?» — «Эта вот говорит наш сынок, что „не я бичка убивал, а мой тятенька велел“». — «Да я никогда не велел!» Жяли его, с этого вигонили.

Он пошел по городу. Ходил, ходил, ходил — пришел в онну юрточку. Живет мужик с бабой. «Ну, брат, — говорит прихожжий, — станем вмеште жить». — «Можно жить», — говорит домасний. «Ну, а как ми станем питаться?» — прихожжа говорит. А домасний к пему отвечает: «Вот чем, — говорит, — я живу: когда у меня вше кончится, в сарскую казну пойду, один угол отвору, чего нужно помаленочку возьму, чем и питаюсь. Когда кончится, тогда опеть пойду». — «А станем вместе

ходить?» — «Станем», — говорит. Дэ, они стали жить вместе. И стали ходить сарску казну воровать. Раз сходили, другой сходили — этим и живут.

Дэ, об онну пору цар учувствовался, что царска казна стала убубляться.¹ Дэ, цар думал, думал, как вора найти. Об онну пору этот цар царской казне спустил смолу: кто будет воровать, и тот и прикипит.

Дэ, вот они жили, жили; об онну пору у них все кончилось — они опять пришли царску казну воровать. Дэ, этот Тать увидел этот, что спущенная смола: кто спустится, тот и прикипит. Как раз очередь подошла его. Этот Тать и говорит: «Ну, спустись ты, брат». — «Нет, — говорит, — твоя очередь». Немпожко они поспорили. Ну, он заставил его спуститься все равно. Тот спустился и в смоле прикипел. Он жял у него голову срезал и голову брошил, а туша осталась в смоле. Приходит он домой. Жена узнала, сто мужа убили. Вот она стала плакать. Вот он на ней и раскричался: «Не плачь, — говорит, — если плакать станешь, сейчас узнают. Вот, — говорит, — знай, вечером это туловище, от которого голова отрезана, станут на коровьем бичу волочить, приполокнут чибе; ну, ты увидишь — слезы не удёржись, плакать станешь. Божьми кувшин, и винеши этот кувшин, и упади, кувшин разломай и гуври: „Из чибя не пивать, не едать!“ и плачь по этом кувшине. Вот».

Как раз они сидят, как на коровьем бичу приволокли это туловище. В это время он шял под окошко и деревянную белку делает. Она плачет по купшине. Когда они вишли, пошли обратно с этим бичом — он к нима вышел, белку эту винеш, оморочил живой и отпустил эту белку. Белка побежала поле — эчи мужики поганили белку хватать. Он позадь их бика хватал, алык сорвал, бика заколол, бика выпластал и мясо все клал. Сидит. Эти люди бегали, бегали, эту белку гоняли, гоняли, гошяли — дэ, пришли. «Ну, товарищ, — говорят, — не видал нашего бика, куда ушел?» — «Эй, пошел дале, я когда вашего бика смотреть стану — что я, вашего бика смотрю сидю?» Дэ, эти люди эту тушу поволокли, никто не плачет, вора не могли найти.

Дэ, сар думал, думал, как вора найти. Вот придумал сар так: нищю вдовушку и послал по городу: «Ходи и у казного проси, коровьего мясо свежего проси. Кто дает, агде видишь, тут на дверях три рубишка положи».

Вот пошла эта старуха. Ходила-ходила по городу, просила-просила — ни у кого нету. Дэ, этой бабе пришла. Как раз этого парень нету. «Ну, — говорит, — тетушка, я хожу по городу, прошу миластыньку, прошу коровьего мяса свежего. Нету у тебя это?» Она висла и отдала к ней лопатку целую. Старуха висла и перед дверми три рубишка положила. И посла эта старуха сару с этим месом.

Вот она шла, а этот парень к нему откуда-то настречу: «О, бабушка, куды ходила?» — «Чеча[с], — говорит, — по городу ходила, миластыньки просила, сару несу. Устала», — говорит. «Эй, дай, — говорит, — бабушка, я помогу». — «Эй, крепишь, — говорит, — помоги нести». Взял эту лопатку, понес. Мальнико² понес — и старуху хлопнул и убил. И лопатку эту наверх положил на старуху — лопатка задавила. Ушел домой. Пришел, к дверям сглянул: ой, три рубишка. Побежал по городу, у вшех наклал по рубешку, у сара и сарицы тоже.

Дэ, сар этот здал, здал старуху — не мог дождаться. Дэ, послал старуху искать. Дэ, ходили, ходили — старуху насли: лопатком задавило. Ну, сар говорит: «У кого-то есть три рубишка, у кого она мясо насли. Подьте, — говорит, — ищите три рубишка». Вот пошли искать: у вшех нашли — у сара, у сарицы тоже нашли эти рубишки. Дэ, сар думал, думал, как вора найти. Сар придумал так: «Севоння я доспею бал, вшех я призову, — и такое, значит, сделал. — Постелю я на пол

¹ Т. е. убавляться.

² Т. е. маленько.

[сена] — кто ходил да воровал, тому шено в подошву прильнет, и полголовы будёт вистроганная, и пол-уша будет вистроганная». Вот жделал он бал.

Призвал он весь город. Стали они пить, стали они гулять. Пили, гуляли — и вше упали, и без памяти вше уснули. Этот Тать учувствовался у вшех попереде — вше к нему прилипли на подошви; побежал он зеркалу, сам себя зглянул: полголовы у него вистроганная и пол-уша. Он с этого [в]жял [в]шем министрам и сару и сарице вше наприлипал на подошви, полголовы вистрогал у вшех и полу-ушу вистрогал. Ну, да, пробудися вше. Да, сглянули: у них у вшех прилипло к подошви, у вшех полголовы вистрогана, пол-уши тоже.

Да, вот сар думат, как вора найти — никак не может вора найти. Вот онну пору сар придумал так: оделся он в лопате худой, грязной, как бродяга, и пошел по городу ночью. А этот парень раньше того купил перчатки с ногтями со железныма и сапоги с когтями со железныма. Когда этот сар пошел по городу этим бродягой — и этот парень тоже пошел по городу.

Так. Вот они шли и постречалися друг только. Этот Тать не знает, что это сар. Этот сар и говурит: «Здравствуй, хто чибе имо?» — «А мне, — говурит, — Тать. А чебе, — говурит, — хто имо?» — «Мне, — говурит, — Борма. Ну вот, — говурит, — Тать да Борма нашлись, пойддем сарскую казну воровать». Хляц по той да по другой щек: «Ах, ти, — говурит, — на сарскую казну покушаешься, как на бога! А вон, — говурит, — министра в окошко швет, пойддем к нему». Вот пришли они к палате министрской. Вот Тать говурит Борме: «Вот, — говурит, — попадай, Борма, на палату». Он попадал-попадал — не мог попасть. «Ну, — говурит, — тапер я штапу попасть», — говурит Тать. Ну, у него вше железное, он попал. И стал слушать оп.

Сидит министр, составляет такое, значит: «Завтра я дошпею ангел свой, призову я сара; первую румку налью — когда он выпьет, тозны его лопнет, по мелкому жерну розорвет. Сто он такой будет сар, что не может вора найти». Спускается он назад. «Ну, кого, — говурит, — слыхал?» — «А вот, — говурит, — того слыхал: министр, — говурит, — делает измену над сара, сто „какой он будёт сар, сто не мог он найти вора. Завтра я дошпею ангел, призову я сара, первую румку налью — когда он выпьет, тозны его лопнет, по мелкому жерну розорвет“». — «Ну, — говурит, — Тать, дай мне эти перчатки и сапогу. Я тоже буду попадать, послушаю». Вот он [Тать] скинул и отдал к нему — Борме.

Вот он стал попадать и попал. Видит: то, что он говурил, то и делают министр, ничега пной разицу пету. Спускается обратно он. Спрашивает другой у него: «Ну, сто, правду видел, слышал?» — «Да, — говурит, — видел, слушал: министр делает сару измену». Немножко от него отвернулся — сар в короце, этот Борма.

И этот Тать как увидел сара, и поклонился к нему в ноги. «Ну, сар, — говурит, — прости меня: я давеча чебя по щекам хлестал». Он к нему отвечает: «Если из этой беды ти меня избавишь, то я тебя прощу». — «Ну, — говурит, — теперь уведи меня домой, в свою палату. Убуй меня в одежду такой, как сам. Завтра чебя когда кликнут на именины, ти к ним скажи, сто я вчерасное времо прияхал с иного городу — барин. Если его вмешто зовите, тозны я, — говури,³ — приду. Если я приду, если они меня позовут, тозны нальют первую румку и станут подавать чибе. Ти, — говурит, — к ним ответь, сто первая румка пьет домашной хозяин. У вас дело будёт за спором. Ти, — говурит, — скажи, сто [в]черашнее времо с иного городу прияхал барин, у него спросите — в ихнем городе как водится. А я сумею сказать».

Увел он в свою палату, адел его, как он. Да, утром стали — от министра пришли караты: требуют сара на именины. Сар посылает обратно письмо министру: «Вчерашнее времо с иного городу прияхал

³ В рукописи: говорит.

барин, если вложите кличете, то приеду, если онного — я не буду». От министра обратно: почему не можно будёт, пусть приезжает. Вот они поехали на именные.

Приехали, шили; приняли их. Пошел у них разговор: то, шё там. У них первая заливка-закуска — спирт в румке. Министер стал, первую румку налил и понюхал к этому сару. Сар не берет и отвечает, сто первую румка пьет домашний хозяин. «Нет, — говорит, — сар, прежде у нас так было: первым пьет гость». — «А чаго, — говорит, — ми будём спориться, вот, — говорит, — вчерашнее времо с цного городу приехал барин, а спросите у него, как в ихнем городе водится». — «А вот, — говорит, — в нашем городе так водится: и первую румку выпивает домашний хозяин». Министеру стало от этого совестно. Подумал он, значит: вше равно она смерть — выпил он эту румку сам; как выпыл, у него лопнуло, треснуло и по мелкому жеру разорвалось.

Пошли эти того, значит. Этого парня сар вжал, увел в свою палату, отделил к нему полжичча, пол-имения и дочь свою замуж. И после сам шебя завещал на его сарство даром.

И жили, були, поживали. Я давеча у них бул, кашку хлебал, по усу бежало и рот не попало.

55. ПЕРСТЕНЬ

Старык один жил со старухой. Он пошел сеть метать на море. Из травы сеть-то свезена.¹ Он добыл онного человека из мора-то. И этот человек его кличет, говорит: «Вложите в море спустимся». В мору спустились. И спустились. И пошли в город. Там цар. У цара девка.

Друг этот старык-от свататься стал на девки-че. Старуху свою совшем брошил.

Дэ, цар говорит: «Мине три корабля пригони. Два корабля — золото да серебро, трэчча — драгоценна каменья». Друг, только ночью спать легли... этот старык-то перстень носит. Друг оп лизнул перчень. Вискочили из перстня три молодца: усы завитые, лобы заскотые. «Что, новый хозяин, прикажешь делать?» — «Миня, — говорит, — старухе унесите свой-то».² Ланно. Унесли они его. Дэ, старуха-то говорит, после этого старыка старуха-то за солдата замуж вишла. Эта старуха вжала этот перстень лизнула — вискочили три молодца. «Сто, нова хозяйка, прикажешь делать?» — «Старыка-то унесите, на море брошьте».

Она после старыка-то за солдата замуж вишла.

¹ Связана (Примеч. собир.).

² Т. е. своей-то.

56. [ПРО ИЛЬЮ]

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был хресьянин. Он молил: «Дай, бог, сына или дочь: при бладости на утеху, при старости на замену». Бог услышал его молитву, жена стала беременная. И кобыла в хотоне стала брукхатая. Жена стала мучиться, дни-часы подошли — и кобыла стала мучиться тоже. Мучилась она двенадцать суток. Все двенадцать суток грома гремели, молнии сверкали, была землетрясения. И кобыла тоже мучилась. Се двенадцать суток грома гремели, молнии сверкали, была землетрясения.

На тринадцатые суток сына принесла. Окупали, окрестили, дали ему имя Илья Муромец. Тридцать лет ног не имел. На матери груди руку положит — пятеницами запекается: такой богатырь.

Стало ему [думаться], как в поле выехать, [где] сбруя молодецкая. «Тятенька, маменька, давайте, — говорит, — мне благославление, съезжу, — говорит, — сам шебя покажу, людей пошмотрю». Шял на лошадь, поехал.

На шинее море прибежал, вынул из кармана подзорную трубу, посмотрел. Видит: два шатры штоят, две лошади ходят, шено едят, пьют воду медвяную.

Конь [Илья] на это к нему отвечает, что «видишь, чему быть. Ну, вяжи глаза», — на это хозяину отвечает. Только в ушах¹ глажка завязаны.

«Ну, — говорит, — хозяин, отвяжи глажа». Два шатра, правду, штоят, два богатыря, правду, штоят. Коня отпустил швоего. Ляг одному подле стенку. [Тот] вышел во двор. Видит: лошадь ходит нежнякаяма. «А, — говорит, — видно, на товаришша кто-то патыкался». Побежал и будит — тот говорит: «У меня нету».

Пришел свой шатер, баит: «У моя человек лежит». Выволоч его за волосенки: «Ах, — говорит, — ты такой-сякой, без хозяйского приказаша на чужую лошадь лезешь!» Тот [Илья] к нему отвечает: «Дай-ко мне воды помыться». Он ему отдал воды помыться. Он моется — товаришша выкликает: «Выйдем, — говорит, — на поединок».

Этому приезжающему показалось за досаду за немалую, вытащил из туду калену стрелу, натягивал тетиву шелковую, штрелял во мать во сыру жемлю. Громы гремели, молнии сверкали, была землетрясения. Свой шатер поставил, шидит швоем шатре. Видит: справились, оба один шатер ушли. Он побежал има слушать, чего баять станут.

«Вот, — говорит, — ты его накликал на поединок, — один-от говорит. — Мы вот от пустой стрелы сколько время лежали. Еще милосливой он, нас не убил. А мы пойдем, — говорит, — к ему с покорной головой. [Скажем ему:] давно мы бегали. Нашли Соловья-разбойника. До своего городу не допустил, свистнул — нас за двадцать верс унесло». «За это нам по дощери дал. Осталась дочь-прекрасавица — не дас ли за тобой?» — к ему говоря. [Илья] свой шатер ушел, как это выслушал. Они ему кланяется, он им место дает.

Ему и сказывают, что «давно мы бегали, нашли Соловья-разбойника. До своего городу не допустил, свистнул, нас за двадцать верс унесло — за это нам по дощери дал. Таперя осталася у него дочь, поедем — за тебя ли не дас[т]!» — его кличут. «Я место не знаю. Поведите — поедем».

Коня поймали, шатры разломали, сяли, поехали. Едут, едут се трое. Долго ли, коротко ли ехали, а они отвечают: «Соловей-разбойник, видно, спит. Таперя, — говорит, — мы где были бы, кабы не спал бы!»

«Останьтесь темном лесу», — к ним говорит, один ехать хочет. Осталась. Едет. Соловей-разбойника город увиделся. Соловей-разбойник вышел, свистнул — лошадь как шла, так и идет. Другой раз свистнул — лошадь как шла, так и идет. Третий свистнул — лошадь на четыре карачки упала.

Коня треснул: «Конь ты, конь, — говорит, — травяной мешок, кому смерть ворожишь?» Лошадь соскочила как вкопанная.

Показалось [Илье] за досаду за немалую. Выдергивал из туду калену стрелу, натягивал тетивочку шелковую, штрелил во мать во шыру землю. Громы гремели, молнии сверкали, было землетрясение Соловья-разбойника под город, и его убило, и всех людей убило от пустого грому. Давешним товаришшам назад воротился и девку не увидел.

Товаришшам приехал, до половины земли.

— Чего, товаришши, доспелись?

— Ночешной гром — куда пойдём? Ну, поедём, — говорят, — к нашему отцу.

Де, поехали. Они ведут его. Город увиделся: полгорода черным бархатом, полгорода красным обдернуто. Подъехали — чарь встречает чесью-радосью. Де принял его как следует.

Сар со сарицей веселится, отвернется — плачет и уливается. Он [Илья] стал по калинову мосту похаживать — калинов мос стал поскрипывать.

— Не лобы, — говорит, — видно, гости. Если не лобы гости, сейчас со двора.

¹ Возможно, «в утлах»?

— Любы гости, — говорит. Рады, веселимся, отворотимся — плачем, уливаемся.

— Почему же так? — тот к ему отвечает.

— Третий год, — говорит, — прижился у меня Идол на улице: дочь просит. День хочет дасти — день не хоцю. Утром, вечером, — говорит, — на паужню погоню.

— А како бы было, — говорит, — с ним познакомиться? — отвечает к ему [Илья].

— Я, — говорит, — не посылаю, а пойдитё — не унимаю. У меня, — говорит, — три сына были. Третий сын был, — говорит, — великант. Ш ним выехал на поединок: трои суток не допустил — третья шутки с конем, со всем сглотил.

Пришел он к нему. Полторы стены занял — лежит. «Здравсвуй, дедушка», — говорит. «Здравсвуй, миленькой», — говорит. «Сар, — говорит, — меня послал к тебе на вечернюю паужну». Он к нему испоткнулся: «Хо-хо, — говорит, — я еще сыт».

Ладно. «Ну, дедушко, — говорит, — сказывай: какво поживаешь у царя? Ну, чего, — говорит, — ты еду кончаешь у него?» Стал показывать по калинову мосту — калинов мост поскрипывает.

— Дедушка, это, — говорит, — у тебя какая рухлишка² в углу стоит?

— Это, — говорит, — великант шляп подарил.

— Много ли тягости? — говорит.

— Шешьдесят пудов, — говорит.

— А ну, я подыму ли?

— Надень, — тот к нему говорит. Надел.

— Дедушка, — говорит, — это какая чурочка у тебя лежит?

— Это, — говорит, — костылек великант подарил.

— Много ли тягости? — говорит.

— Девяносто пудов.

— Дай-ко, дедушко, я, — говорит, — подыму ли?

— Ну, подыми, — говорит [...]. А что, милой, — я говорю, — Илюшенька приехал?

«Оп, — говорит, — с тобой и разговариват, — другой-то отвечает. — Дедушка, — говорит, — щельгой-то, — говорит, — щелкнуть?» Он к нему говорит: «Смеешься ли, дядюшка?» Его через, да и железной проводил через.

Ну и пришел к этому сарю. Сар к ему отвечает: «Бери мою дочь». Обдерпул свой город красным бархатом. Вешелым пирком-свадебкой пировали-столовали двенадцать суток беспробудно. Нищие, бедные, подзамошники, подтюремщики бочками катили.

Де, ляг спать — не спится, ни грипчйтся: соболиное одьялко с плеч катйтся, подушка под головам вертйтся.

. Ходит по Жолотой горы Швятогор-богатырь. [...] Солил³ [Илья] крес — если сын родится, солил персень — если родится дочь, наденет этот персень.

Нашел этого богатыря. Этот богатырь вжал его со всем конем в карман поклат. Он ему перочинным ножичком карман выпорол, из кармана выкатился. Тот оглянулся: едет сзади товариш.

Друг на дороге им стоит [в]роди ящяка железного на двенадцать обручев. Этот богатырь Святогор отвечает: «Этот кто? — Вот, — говорит, — люди умирают — этаком кладут». — «Ну, я не знаю шмерти». Илья Муромеч говорит: «Ну, я лягу». Де, ляг. «Меня, — говорит, — шире, да и дбле».

— Ну, — говорит, — выди, да я лягу.

И се ляг тот.

— На, — говорит, — как по мне меряная длина п ширипа.

² В черновой рукописи: «ружьышка».

³ Т. е. сулил.

— Ну, выходи, — говорит.

Штал выходить — выдти не может.

— Ну, ты шильный, — говорит, — ломай да. Те, товарищ, — говорит, — душно стало. Это, — говорит, — про меня доспелая, видно. Де протів моих устов, — говорит, — прокопай диру. Пойдет, — говорит, — черная пена. Ты, — говорит, — эту пену сграблявай. Пойдет, — говорит, — белая пена — трет стакана вышей.

Прокопал диру. Черная пена пошла. Сграбил эту пѣну. Белая пошла. Трет стакана вышил. «Ну, — говорит, — прошай». И помер.

Сял на коня, пояхал. Конь до колена идет: шила-то яму пришла.

Долго ли яхал, коротко ли яхал. Шатер поставил. Спит шатре. Друг чего-то ему грудь тычет самом кресту. Пробудился и выбрался. Вышел на двор — такой богатырь. Копьями стали тыкаться, вострыма концами. Никоторый никоторого. Тупыма концами первернули. Тоже никоторый никоторого не могут. Бороться стали, поймались — это брошили.

Илья Муромеч бросил. Выстегнул у него златы булаты богатырские, се его пристежки молодецкие. Отстегнул, бай, — его хрес: «Ах, — говорит, — ты мой сын».

Приезжает своей бабе, и тут стал жить-поживать.

СХЕМАТИЧЕСКИЕ И КОНСПЕКТИВНЫЕ ЗАПИСИ

Семен Петрович Киселев

57. СОЛНЫШКОВО СЕСТРА

Купеческий сын увидел тринадцать девиц. Прячет крыло одной де-вушки. Девушка эта пошла с ним. По дороге они убили ворона, волка и медведя, но их не съедают. Приехали в город. Стали жить у города. Царь города холостой, он просит девку и купеческого сына к себе. Дает купеческому сыну задание: к утру изготовить ковер-самолет. Помогла девка: ночью лизнула перстень, явились двенадцать молодых, они все сделали. Царь тогда приказал пробить рыбную речку для царского стола. Опять помогла девка — речку пробили. Следующее задание: достать церковь с золотым деревом, там золотой орел парит и два зайца золотых. Девка уложила купеческого сына спать, сама стала писать. Утром говорит: «Вот тебе лук и стрела. В полдень стреляй и иди за тamarчиком. Он упадет в тальник. Там найдешь двери». Идет. Спустился, увидел девушку. Поклонился, передал письма. Она папоила, накормила его. Ночью стала писать письма. Велела передать красивому человеку. Он нашел ту юрту, передал письма тому человеку. Он обрадовался, что сестра жива. Уехал на двенадцать суток, обещался принести церковь. Купеческий сын заскучал. На одиннадцатый день стал бить посуду — всю перебил. Красивый человек приехал, церковь принес. Орел увидел купеческого сына, заплакал — жемчуги упали. Красивый человек велел купеческому сыну зайти в церковь. Катились три сутки. Приехали — служба отслужена. Последняя служба — принести солнце. Купеческий сын пошел в церковь, позвал солнце. Солнце пошло с ним к царю. Ему стало жарко. Солнце сказало: «Если тебе жарко, и людям так бывает». Он велел уступить царство купеческому сыну. Царь уступил.

Купеческий сын повенчался с девушкой, сестрицей солнца.

58. МАРТЫН-РАЗБОЙНИК

У царя родился сын Иван-царевич. А в городе объявился Мартын-разбойник. Царь приказал поймать его. Один министр обещался поймать. Стал жить у дороги, в шатре. Приехал Мартын, стал пить чай и вино. Затянули шатер, поймали Мартына. Посадили в каменную тюрьму. Иван-царевич, играя, уронил стрелу в тюрьму. Мартын просит освободить его.

Иван-царевич стал разбирать камни тюрьмы, на третий день освободил. За это Ивана-царевича выгнали из города, даже след выметали и распыхали.

Иван-царевич встретил Мартына в поле. Поехал в соседний город, стал сватать царскую дочь. Царь просит пригнать тридцать три лошади с золотой шерстью, тридцать три — с серебряной и еще тридцать три — с жемчужной шерстью. Мартын-разбойник всех их доставил. Иван-царевич женился.

59. КУКЛУ КУШАЙ И МОЕ ГОРЕ СЛУШАЙ

Жил царь с дочерью. Дочь заблудилась. Дошла до моря. Поплыла на доске. Доехала до другого берега. Нашла раненую девку. Вылечила. Пошли вместе. Дошли до города. Вошли в церковь. Там царевна стала читать волшебную книгу. Три дня читала, не дочитала, уснула. Дочитала девушка. Царь на ней женился.

Царевна пошла к одной бабушке. Уговорила старушку украсть от царского стола муки. Старушка украла. Царевна состряпала из той муки куклу. Стала рассказывать ей свое горе, свою жизнь. Кукла ожила и обещалась помочь.

Та девушка внезапно лопнула, умерла. Царь встретил царевну, повел к себе и женился на ней.

60. СОБАЧКА

Жил-был человек с собачкой. Охотился на сохатых. Двенадцать амбаров сохатых убил. Однажды собака съела пол-языка сохатого. Тогда охотник побил собаку и выгнал. Собака выскочила на юрту, крикнула через дымоход: «Если бил за пол-языка, то не поминай лихом».

Собака прибежала в одну юрту. Превратилась в красивого парня. Вошла в юрту старуха, хотела убить, но, поговорив, уложила спать. Рассказала ему, что у нее есть сестра и брат. В соседнем городе царевну обещали выдать замуж за того, кто достанет три платка с гвоздя. Утром старуха дала парню медную монету, сказала, что пригодится.

Парень обернулся собакой, побежал. Ночевал в другой юрте, там тоже рассказали о царевне и платках и подарили перстень. У третьей юрты натянуты двенадцать струн, парень перепрыгнул их и зашел в юрту. Он [хозяин юрты] оказался братом тех двух сестер, у которых ночевал парень. Он запер парня в сундук. Приехала царевна и стала мыться. Парень смотрел на нее и полюбил. Она уехала. Хозяин выпустил парня, отдал ему табакерку. Парень пришел в город, открыл табакерку и положил на дорогу. Все жители города уснули. В первой комнате он достал три платочка, а в двенадцатой комнате увидел спящую царевну, лег с ней и овладел ею. Царевна проснулась и погналась за ним с саблей на руке. Парень бросил медной монетой — монета стала каменной горой. Царевна побежала к первой старухе, она нарочно легла под бревно — царевна ее освободила. Другая легла под матню — она и ее освободила. Их брат, увидев царевну, повесился, но она спасла и его. Она помылась и уехала. Парень остался жить у брата старушки. Царь, узнав о похищении платков, объявил, что выдает дочь за похитителя. Парень достал дарённый перстень, лизнул [в]ставку — появилось двенадцать молодцов. С их помощью парень снарядил двенадцать кораблей, нарядился кучком и, приехав к царю, показал похищенные платки. Парня обвенчали с царевной. Ночью парень вышел на улицу, лизнул ставку — появились двенадцать молодцов. Снарядили корабли, поехали к бывшему хозяину. Тот сидит голодный. Парень дал покушать. Потом увез с собой. Приехал к жене и приказал, чтобы этого бывшего хозяина уважали и кормили так же, как и его самого.

Живут так до сих пор.

61. ГРОВОВЩИК

Живет старик со старухой. Очень бедный. Он гробовщик. Однажды он встретил братьев: бедного и богатого. Просит милостыню. Богатый дал 6 империалов. Старик спрятал. На другой день опять ушел. В его отсутствие жена продала горшок с деньгами проезжему купцу. Старику пришлось помириться. На другой день опять встретил братьев. Тоже выклянчил у богатого девять империалов. Старик на один империал купил мяса, остальные положил в шляпу. Налетели орлы на мясо и утащили шляпу с деньгами. Однажды братья пришли к нему в гости. Гробовщик все рассказал. Братья стали спорить о том, может ли человек разбогатеть от одной дробинки. Дети гробовщика играли куском свинца. Младший брат-бедняк отдал этот свинец гробовщику, говоря: «Вот от него разбогатеешь». Старик поставил сеть, добыл щуку. Старуха нашла в ее кишках драгоценный камень. Этим камнем стали играть дети. Проезжая кучиха стала покупать этот камень: на три, шесть, потом сто рублей, но она не дала. На следующий день приехал купец богатый и купил камень за десять миллионов рублей. С тех пор старики стали жить хорошо. Приезжают братья. Пригласили старика к себе в гости. Поехали. Заехали к купцу. У него нашли горшок с империалами. Потом поехали дальше. По дороге задумали поглядеть на орлиное гнездо. Там случайно нашли шляпу с восемью империалами. Старик стал богатейшим человеком. И живет до сих пор.

62. ДОЧЬ-СЕМИЛЕТКА

Жили-были два брата: бедный и богатый. У бедного умерла жена. Осталась дочь-семилетка. Однажды сосед-воевода позвал братьев отгадать загадки. Дочь-семилетка советует отцу, как поступить. Первая загадка — что на свете всего милее. Отгадал бедный: сон. Вторая загадка — что на свете самое быстрое. Отгадал бедный: мысль. Третья загадка — что на свете самое жирное. Отгадал бедный: земля. Воевода узнал, что бедному советует дочь-семилетка. Тогда воевода велел ей приехать к нему ни нагой, ни одетой, с подарком и без подарка. Она исполнила его приказ: явилась одетая в мерожки и принесла в подарок голубя, который при передаче улетел. Воевода жепился на ней и живет.

63. ДВЕНАДЦАТЬ РАЗБОЙНИКОВ

Жил крестьянин с сыном. Сын однажды пошел в лес, взобрался на дерево и увидел семерых разбойников. Они испугались и все убежали. Одного только поймал и отрезал ему язык. Забрал все их имущество и деньги и спрятал. Часть денег принес домой. Опять пошел искать разбойников. Нашел юргу, зашел. Приехали 6 разбойников. Крестьянский сын просится в разбойники. Его приняли в шайку. Парень очень силен, и разбойники его полюбили. Однажды у атамана он украл табакерку. Похвалили. Ищут они свой клад. Не нашли. Атаман решил: кто найдет, тот весь клад возьмет. Клад нашел крестьянский сын. Он захотел поймать своих товарищей. Отпросился домой. У царя выпросил кабак, стал целовальником. Напоил товарищей-разбойников и передал властям. Их посадили в тюрьму. Они решили убежать и показать парня. Есаул и атаман напустили в тюрьму воду, оба обернулись рыбой и убежали. Парень отрастил усы и бороду. Есаул и атаман собрали новую шайку и стали искать крестьянского сына. Зашли в кабак. Парень их угостил и незаметно утащил у атамана носовой платок. Парень стал проситься в шайку, и его как искусного вора приняли. Парень стал с ними разбойничать, потом опять отпросился домой. Приехал к царю, получил водку и обещался заманить разбойников в подкоп. Приехал к разбойникам и подготовил их. Всех напоил допьяна, позвал солдат, и всех разбойников убили. Крестьянский сын уехал домой и живет хорошо.

У царя родился сын, имя ему — Громобой. Вырос, поехал путешествовать. Едет в Киев. По дороге за недоброе предсказание убил старуху одну. Приехал в город. Гостит у боярина. Слышит там чудную, но печальную музыку. Боярин не хочет рассказывать о происхождении музыки, так как от этого рассказа Громобой будет плохо. Он рассказал о своей прабабушке, Наташе. Однажды ее матушка заблудилась. В лесу встретила святого Претислава. Святой объяснил, что ее мучает за плохое отношение к дочери Наташе. Тогда она вымолила свой грех молитвой и возвратилась домой. Она по-прежнему не любит Наташу. Опять заблудилась и молитвой вымолила свой грех. Святой Претислав предупредил ее, что если она не исправится, то провалится в землю. Мать по-прежнему ненавидит дочь. Она стала просить одну колдунью известить Наташу. Колдунья дала ей баночку. Мать ударила ею¹ дочь — Наташа окаменела, а мать ее провалилась в землю. И вот Наташу должен освободить Громобой: таково веление бога. Громобой выехал из города. Едет у каменной горы и слышит Наташин голос. Здесь он встретил нечистого духа и продал ему душу после смерти. А святой Претислав дал Громобой три травы. Громобой вошел в церковь вымаливать свой грех. Апостолы не соглашались. Еле приняли. Молится. Слышит тот же голос. Поговорил с ней. Громобой помог Святой Претислав. Он дал Громобой слезу-камень Наташи. Громобой бросил этим камнем в гору — и вышла Наташа. Они поженились. И живут до таперя.

¹ В рукописи: им.

Другие исполнители

65. ХЕДОР БИРМЕЧИН

Жил-был царь. Однажды вечером... приводят в его спальницу людей. Говорит, что «достаньте скрыпорт и венец». Все отказались. «Нам, — говорят, — не достать». — «Даю полбытья, полжитья, пол-именья своего, половину людей города и дочь замуж». Выходит один — Хедор Бирмечин: «Я верного слова не даю, а постараюсь». [Берет] на три года воду, на три года огонь и на три года дрова. Побежал, подбежал под город, когда змеи спят. Вошел в церкву, взял скрыпорт и венец, взял евангелье и стал читать. Ангел господень благовещает: «Довольно, — говорит, — читать: вперед, — говорит, — шел — никто не видал, назад пойдешь — [в]шак увидят, [в]шак услышат». Вышел из церкви — видит: змеи встали: «Хедор Бермечин, зайди в пешки поиграть!» Зашел он к ним. [Кто проиграет, того по щеке бить. Выигрывает Федор и бьет Змею по щекам]. Он пешку уронил [и сказал]: «У нашего у белого царя кто пешку на пол уронит, того по щеке хлещут». — «Я не верю, — она говорит. — Поди на кораб и привнеси документ от белого царя». Он пошел, нашел, сел на кораб и поехал. Змея [хотела догнать] и не могла. «Обманул в Омолонском городе Омолонскую змею и набил змею по щекам — не обманешь Кривого разбойника!» — она говорит.

Сел и уехал. Подбежал под один остров. Скрыпорт и венец надел на крыльца и пошел. Стоит юрта. Вошел в юрту: лежит Кривой разбойник. «Хедор Бурмычин, разденься: варить буду». Котел скипел. Хедор Бирмечин говорит: «Безглазых — с глазами делаю, безруких — с руками». — «Пожалуйста, — говорит, — излечи мне один глаз». — «Котел, — говорит, — свинца скипяти и толстые приготовь неревки». Всё скипело, и налил на здоровый [глаз]. Стал биться Кривой разбойник и три половицы выбил, и погнался за Хедором Бирмечиным. Говорит: «Хедор Бурмечин, премудрый человек, обманул ты ведь в Омолонском городе Омолонскую

змею, наплевал по щекам, обманул Кривого разбойника — не обманешь Старичищица-оплеталища».

Пошел, стали веревки его путать. Путали, путали и путали. Ангел сблаговестил: «Хедор Бирмечин, ляг на полдень головой!» Уснул и упал. Проснулся: ни одной веревки нет. Пошел. Видит: дорога; подошел. Узнал, что, видно, богатыри съезжаются. Стоит дуб, лег за дуб. Лев-зверь и Змей-полоз дерутся. Лев-зверь одолев Змея-полоза. [Хедор] прибежал и у Змея голову отсек. Лев-зверь спрашивает Хедора Бирмечина: «Куда ты пошел?» Он говорит: «Пошел к царю, понес скрыпорт и венец». — «Сядь, — говорит, — на меня, глаза завяжи платком. Доедешь к царю и мной не хвастай, не говори: на том звере ехал!» — «Да я не хвастаю». — «А у царя в ту пору будет пьянка. Если расхвастаешься мною, и пепел не оставлю!»

Лев-зверь принес к царю. [Хедор] отдал скрыпорт и венец. Дает царь полбытья, полжитя, пол-имения своего, половину людей, город и дочь замуж. Стала пьянка. Стали хвастать. Кто доброй лошадей, кто своей силой, кто молодой женой. Хедор Бирмечин говорит: «Ой, боже мой, я на том Леве-звере ехал, да я не хвастаю». Вышел на улицу. Лев-зверь приходит к нему и: «Что, — говорит, — мною хвастал!» — «Не я хвастал, а русская хмель. Если не веришь мне, принесу полтора ведра спирта — и ты чувствие потерлешь». Принес, и выпил. Стал падать. Хедор Бирмечин стал его бить чащиной (лесовой палкой), пошла кровь, Лев-зверь упал без чувствия.

«Правильно, русская хмель крепкая, правильно мною хвастал!»

66. ФИОФИСНОГО ЯСНОГО СОКОЛА ПЕРЫШКО

Жил-бул сар. У сара три дочери. Одна дочь живет одна, две сестры приходят к ней в гости. Она пошла по закуску — угощать. Они советуются: откуда у нее фиофисного ясного сокола перышки, как спускается к ней? На день улетает, а на ночь спускается к этой девке. Они прощидели и пошли домой, сестра пошла провожать. Вечер стал. Постелила кровать и прилегла. Фиофисного сокола перышко стало спускаться к ней. И накололось перышко на булавки. «Марфита-саревна, ищи меня при десеятом сарстве». Она пошла искать это перышко.

Идет, видит, что юрточка вертится. Ударила пососшком: «Юрточка, встань, улягся ко мне передом!» Юрточка открылась; сидит старушка и кудельку прядет. «Бабушка-сударушка, не видала ли фиофисного ясного сокола перышко?» Она говорит: «Давно пролетел». Пошла опять, и опять вертится юрточка. Пососшком ударила: «Встань, юрточка, улягся ко мне передом, к лесу задом». Юрточка встала, улеглась к ней передом, а к лесу задом. Вдруг старушка сидит, кудельку прядет. «Бабушка-сударушка, не знашь ли фиофисного сокола перышко?» — «Вот гусли-самогуды лежат и Марфиту-саревну поминуют». — «Бабушка-сударушка, я куды?» Она говорит: «Сейчас в сундук!» — и заперла.

Фиофисного сокола перышко приехал. Стали гусли-самогуды играть и поминать Марфиту-саревну. Вдруг старушка открыла сундук, и вышла Марфита-саревна. Эту старуху вместе матери посадили на лошадь, с ней вместе они уехали. Приехали в город. Только.

ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ, БЫЛИЧКИ

67. КАК ШВЕТ НАЧИНАЛША

Перво ниохто не был, ни людей, никого, бул только дух на небесах, и от этого духа основался человек, и он там жил, на небесах. Он думает, этот человек: должна ведь быть земля. Он посмотрел вниз — а там море — и увидел: чего-то чернеет одном мести. Вот он к нему жближился, этому месту, и увидел: гагара на море плаваает. Стал он ш ней баять (он-

тоже, этой гагара, как швятой). Гагара ему так рассказал: «Я стал от белой пены, от морского наволнения, а ти от чего стал?» — спрашивают. «На небесах есть дух — я от того духа. А ты знашь, агде жемля лежит?» — «Я думаю, жемля внутри есть, очень далеко». — «Как-нибудь не могошь ли достать жемли?» Нирнул этот гагара и не был долго, потом вышлул пустой. «Ешь жемля, думаю; шила не хватило, онако, дойти». Тогда дунул ему дух шилу-ту, прибавил шилу — он ш этого нирнул. Долго он не был и вышел потом — не мог дойти: шила не хватило. Ешшо дух добавил к нему. Он нирнул, гагара, треттэй раз. Долго-долго не бул и потом вышлыл и вынёс он жемлю на шибе. Эту жемлю дух у него жял и дунул по вшому швету. Ошну сторону загородил, другую дунул эту жемлю. Агде унало больше, там стали горы, курганы, а где меньше — суша, а моро мором осталось (загородил потом). Дух потом и говорит: «Станем мы строить престол». Дух строит свой — гагара свой. Потом у них стали апостолы, чтоб послать куда. Приходят духу апостолы. говорят: «Гагара строит стол повыше твоего столу». Дух послал апостола, чтоб гагара строил престол пониже. Гагара не соглашаеця. Другождь послал. Не соглашаеця гагара, апостола к себе не поддуцает. Тогда дух пришел сам. «Как ты више моего престолу строишь?» Но тот не захотел. «Я, — говорит, — жемлю на то доставал». Стало спорно у них. Тогда дух озлился, сдунул гагарин престол моро и сказал: «Будь ты Сатанаил!»

Гагара моро упал. Ему досадно стало, он и дрыснул раз и два. При том был апостол Архангел Гариил, он не дал ему третий раз дрыснуть — заткнул. А от того получились гадости разные, коварности, худые птицы, болезни. Вот откуда жемля и гадости разные.

68. КАК ПРОИЗОШЛИ ЛЮДИ

До этого века самым первым веком было то, что бог из камней сделал двух людей.¹ Этим людям не смог вложить душу, потому что они были сделаны из камня. Тогда бог решил сделать людей из глины. И он сделал Адама и Еву. Первый раз, когда он их сделал, они не знали ни стыда и ни холода. Однажды бог куда-то ушел. Тогда Адам и Ева ходили. Они нашли ягоды. Покушали их и узнали стыд и холод. Когда бог пришел и позвал их, они не пришли. Тогда бог их прогнал совсем. С этого времени начался век. Когда закончился этот век, тогда остался один человек. По имени Ной. Он был богомольный. Однажды Ной спал. Ему приснился бог. И говорит: «Я накажу народ. Они забыли всю веру. Перестали молиться богу. Я накажу их потопом». Утром встал Ной и стал делать ковчег. Он со своими сыновьями делал сорок лет. Сыновей их звали Сим, Хам и Иафет. Немного они пожили. Собрались тучи. И пошел дождь. Шел он сорок дней и сорок ночей. Земля покрылась водой. До этого этот Ной собирал от каждой птицы и животных по одной паре. Только отказался один мамонт. «Я, — говорит, — проплаваю». Ковчуг его стало таскать. Однажды почувствовали, что ковчег остановился. Он тогда выпускает чирка. Чирок летал, летал, но ничего не нашел. Так немного поплыли, и Ной послал опять чирка. Чирок летал, летал и в носу принес кусок земли. Немного погоды Ной выпустил всех птиц. Сыновья были женатые. Бог смешал их языки. И они не стали понимать друг друга. От породы Сима произошли русские. От Хама — якуты. От Иафета — юкагиры. Сейчас находят мамонтовую кость и говорят, что его наказал бог. И они вымерли.

¹ «Век мы насчитываем две тысячи лет» (Исполнитель).

69. ПРО СЕНДУШНОГО, СУШЭДКУ, ВОДЯНУ ХОЖАЙКУ

Велел Христос Адаму приготовить людей, рыбу. Вот он и приготовил сё это, Адам: этих людей, рыбу, птицу — и кроме того сделал лишнёе. Вот сё лежит готовое. Пора дошла — идет Христос проверить это. Тогда

придумал Адам: лишнёе, может, неладно будет Христу, куды-то девать надо сё это, запрятать. Он [в]жал этих людей лишниих, послал мольча на сендуху просто онного человека, онного послал воду, онного огонь нутро, онного послал особно угол. Пришел Христос, узнал: что-то лишно. Спросил. «Лишнёе что сделал? Человека, рыбу, птиц?» — «Сделал», — отвечает Адам. Христос не хотел вернуть этих людей и сказал: «Охто на шендухе — тот будет шендушной, охто воде — водяная хожайка, охто вгонь — огонной хожанин, охто за угол — тот сушэдко пускай будет». Рыба, винно, була лишняя онна. Жял он рыбу-ту убил, на мясо ражделил по кажное животное, приложил за шпоки кажному. Только.

70. КАК ПОЯВИЛАСЬ ЖЕМЛЯ

Была потопа, значит. Шё стопило — така вода була. Христос приказал: «Сё погибает». «От кажной животной, — сказал Христос, — сохранию по паре и Ной со вшей семьей — достальной сё пропадет». Ше животные согласилишь — один звэр не соглашился: этот звэр — мамонт. «Я, — говорит, — могу три года воде проплавать». Его шилой не пригласали — не хотел пойти в пару. Ной построил ковчег: там спасал он свою семью и от кажной животной по жёночке, по мужичку — и так три года плавал. А этот мамонт сам шебе плавал по воде. Стал третий год доходить — мамонт и пропал: не мог он проплавать три года. Охто у Ноя ковчегги были, те расплодились, а этот звэр пропал шавшем, только рога находим маминта-то: бог его проклял, что не соглашился в паре у Ноя быть.

71. [ПОСЛЕ ПОТОПА]

Как кончился первый свет. Все наши грехи смыло. Был потоп. Христос стал думать, как землю сделать. И наметил чирка. И сказал: «Спустись в море и достань землю». Чирок заплакал, и у него на глазу остались слезы; и он нырнул. Три года плавал и вынырнул и вынес земельку на носу, где остался след земли. По этой земле Христос сделал землю. Христос стал думать, как людей сделать. Адам и Ева в ту пору ходили в лесу. И согрешили. Адам и Ева <...> древо. Адам ходит и срывает листья и стыда прикрывает. С тех пор пошел стыд. И люди стали жить.

72. ПТИЦЫ ИЩУТ ЗЕМЛЮ

Христос послал птиц искать жемлю. Куропашку Христос послал первую. Она улетела, а назад не прилетела. Осталась зимовать. Христос ее проклял: «Чтобь тебя православные ловили на удавку!» Потом послал утку.¹ Утка шерая на родимую шторону полетела — на огонь упала,² дымом опалилась брюхом-ту, а турпана-музицькя — пусь на море щепеткьбь будет! — выкрасила, а сама только глазки успела выкрасить. После же послал чирка. Христос сказал чирку: «Поди жемлю ищи». Чирок нашел и на носу земельку принес ([позтому у него] буторок на носу). Когда летел, слезки³ и вылились.

¹ Подразумевается самка турпана (*Собир.*).

² Юкагирские огни, северное спяние (*Собир.*).

³ Т. е. слезки.

73. ПРО МАМОНТА

Чирок летал и искал землю. Он летал три года — никого не нашел. Потом другой раз полетел тоже искать жемлю — тоже не нашел. И полетел он третей раз и принес на носу земельку. Жяли эту земельку, размутовали.¹ Агде упало больше — тут стали едоми, агде меньше — положи стали места. И птицы начали летать сюда и детей выводить.

¹ Т. е. разбросали.

74. [МЕДВЕДЬ]

Медведь, в старину рассказывали, был человеком. Был человеком и обернулся медведем. Возьмешь ножик, наплюешь и уткнешь не лесяну; и жене скажешь: «Не хватай этот ножик руками до меня». В одну пору человек ухватился за ножик, обернулся и ушел медведем. Женщина однажды выдернула этот ножик. Он пришел, увидел ножик — нету его — и обратно не мог превратиться в человека. Так человек и стал медведем.

75. [МЕДВЕДЬ ПРОСИЛ]

Медведь просил пять пальцев себе у Христа. На это ответил: «Если я тебе дам пятый палец, то собаке дам лук да стрелы». Медведь не согласился: «Чем собаке дать лук и стрелы, лучше мне не давай пятый палец».

76. ПРО СОБАКУ

Были приготовлены тела человеческии. Христос пошел по души и оставил оп часовым нагую собаку, без шерсте. Пришел этой собаки Сатанаил и говорит: «Попусти меня! (Хочет, значит, к телам подойти). Ты, — говорит, — нагая, а я дам к тебе разпую такую шерсть, а я дам к тебе иду шякую». Собака согласилася. Он к ней сделал шерсть-то, дал иду. Она пьела и пропустила его к телам. Пришел Сатанаил, жял тсла, протыкал их, наплевал, разпую гадость напуцал дыры-ти, глиной замазал, ушел. Пришел потом Христос, увидел, что собака со шерстию, спросил: «Сатана приходил?» Собака сё к нему рассказала. Как к нему торопно, он не пермешил тела и вложил в них души и сказал: «Будет народ непрочной, умирать будёт, болезни будут». Собаке сказал Христос-от, что «за это тйба люди бить будут, на тйбе ездить, гонять, на морозе будепшь мерзануть».

77. ПЧЕЛА (БУДЕНИЦА)

В старину рассказывали, что убивать [ее] грех. Исуса Христа поймали евреи. Его привели на крест. Приколотили руками к кресту. По ладоням и по ноге гвозди прибили. Сказали: «Мы забыли приколотить гвоздь на сердце». Буденица села на сердце. Они увидали и признали за гвоздь. И отошли, подумав, что «мы прибили гвоздь».

Попы рассказывали, что если прибили бы гвоздь, то Христос не воскрес бы. И пели, что если три буденицы убьешь, то в тамошнем свету отвечаешь за душу.

78. О ГАГАРЕ

Досель это было. Говорит гагара ворону: «Ворон, попестри меня». Начал ворон ее пестрить — пестрил, пестрил . . . Посмотрела гагара в воду: «Ой, какая я красивая! Давай, ворон, я тебя попестрю». Завязала ворону глаза и давай его мазать. Глядит ворон: весь как сажей замазан. Села гагара на воду, а ворон как ударит ее в хвост, так и стала она к хвосту приплюснутая.

79. О СТЕЛЛЕРОВОЙ ГАГЕ¹

Веспой жепка (самка) снаряжает мужичка (самца) в путь и уж так-то его украшает, украшает, что для себя ничего не останется: накитнет, что попало, и так летит.

¹ У этой птицы окраска самцов очень пестра и красива; самки, наоборот, окрашены в скромный буро-рыжий цвет, — «будто опалены» (*Собир.*).

80. [О ВОСТРОНОСКЕ (ЗЕМЛЕРОЙКЕ)]

Востроноска, по общему убеждению, падает осенью со снегом с неба. Житель Русского Устья, Иван Червячков, говорит, что он сам видел это. На белом фоне падающего снега — темное. При осмотрении, на земле — на ней в этом месте оказывались востроноски. Упавши, она будто бы сразу бежать не может. В одном из рассказанных случаев он с братом возвратился с летовья и был около своей юрты. Ветра не было. Шел снег густыми хлопьями. В хлопьях он увидел темное. Подбежал к юрте и увидел на земле упавшую востроноску, которая собиралась бежать. Другой его же рассказ: Прокопий, его брат, отъехал от берега осматривать сети. На воде он почувствовал, что ему что-то упало на ногу. На берегу под погузком он нашел востроноску. Зимой она, говорят, лежит в траве под снегом. Летом ее вовсе не видят. Много их появляется осенью.

81. [О ПРИБЫТИИ РУССКИХ НА ИНДИГИРКУ]

Слышал я от старых, совсем старых людей, что ране река была вовсе юкагирская. Собрались люди с разных губерний и поплыли на лодках морем: от удущья спасались, болезнь такая. И доехали они до самой Индигирки и здесь поселились. А в России их вовсе потеряли. Люди были дворянских фамилий, дед мой был дворянин, и грамота у него была с золотыми буквами, да мальчишка изорвал. Как платить стал комиссару подати, в мещане записали. А сначала-то и вовсе ничего не платили. Узнали наконец про них и в России, царь прислал комиссаров подати собирать, а подать была четвертак чистый, двадцать пять копеек. Дальше — больше — и обжились люди. Была ревизия: приехали сюда, фамилии искали; ты из Воронежской губернии, будешь Воронежский, из Галуги — Галугинский. Позднее наши в России услышали, тоже поехали — семь человек; те — морем, эти — рекой сверху, тоже на лодках, да возле яру все и помёрзли. Юкагиры их нашли: все семеро так под одним одеялом и лежат.

82. [КТО ОТКУДА]

Киселевы, Чикачевы пришли с верху по Индигирке. Шкулевы пришли с колымской стороны. Щелкановы пришли морем. Шкулевы остановились на становище, а потому это место назвали Станчик. Голыжинские пришли, говорят, тоже с верху и обосновались на Гулянке. Название «Гулянка» происходит оттого, что там гуляли после питья водки. Косухино происходит от фамилии человека. Кузьмичево — от слова «Кузьма». Федоровское оттого, что есть протока Федоровское, от слова «Федор». Стариково — оттого, что стали жить старые люди. Лабазно — оттого, что впервые построили там лабаз. Брусово — по месту: летом виден брус. Толста — потому что бережья толстые. Горличко... от Стариково была налево курья — она, было, вроде горела, откуда и произошло и слово «Горличко». Осколково — угор откалывался, и осколки летели. Ганино — в улово метал сети Гаврила. Чирьково — с реки идет виска в озеро. По этой виске проходят чёры.

83. [О РОДЕ ЩЕЛКАНОВЫХ]

Первыми пришедшими в Русское Устье русскими, которыми оно и было названо «Русским», были Щелканов (дед теперешнего) и Чикачев. Щелканов говорит, что его дед был донской казак и бежал после разгрома Ст. Разина, будучи его родственником. Пришли они морем. Остальные жители пришли позже на плотах, сверху по Индигирке.

84. [О РОДЕ ЧИХАЧЕВЫХ]

Дед его деда пришел сюда с другим лицом морем. Пришельца звали Григорий Чихачев. Он здесь женился на вдове Прохоровой. Его мать помнит своего деда, по рассказам которого и объясняет свое происхож-

дение. Зырянин Григорий Чихачев, по рассказу Николая Гавриловича Чихачева, был черно книжник. У него было много книг, которые дед теперешнего Чихачева сжег: так их боялся («Книги из огня выскакивали»). У Григория Чихачева была привезена и шелковая одежда, которая после досталась дочерям. Он замерз, проехав в пургу мимо Русского Устья, и долго «не отгускал» нашедшего его, тоже «знающего» человека.

85. [О СТАРИННОМ ПОСЕЛЕНИИ]

Отсюда, с Русского Устья, вверх близко на устье виски Елонь, в старину, говорят, был город названием Гулянка. В настоящем это место сохранило только свое старинное название. Теперь-то тамука ничего нет, не живет. Место смывается водой, берег каждый год обрывается. Рассказывали старики еще до нас, что там стояли старые амбары, рубленные дома, которых тепер их совсем не видишь, даже и следов мало видно.

86. [О ПЕРЕСЕЛЕНИИ В РУССКОЕ УСТЬЕ]

Раньше в Русском Устье не было ни одного дома. Подальше от него есть место Гулянка на р. Елонь. Тут был город. И был водочный кабак. С Гулянки сто пятьдесят—двести лет тому назад перешли в Русское Устье. Об этом рассказывал мне старик Тимофей Иголкин. Умер семьдесят лет тому назад в возрасте ста с лишним лет. Он ходил с посохом и даже падал. В Русском Устье построили часовню. На м[ысе] Ожогоино, на Полоусном, была постоянная церковь. Там жил отец Лев «протоиерей». Говорят, он был длинного роста. Назывался благочинным. Он приезжал к нам. Однажды отец Лев приехал в Русское Устье, с ним приехали два попа <...>. В часовне стояла «Божья Матерь» с младенцем на руках. Она была большая икона. Благочинный, отец Лев, сказал, что «Божья Матерь» не должна стоять в Русском Устье. Ее перемещает в Пол-устье. Ее, «Божью Матерь», поставили в киот, для того чтобы служить. И они пришли служить в часовню. А тут вышли старики и старухи, пали на колени, стали молиться и причитать. «Ты, мать божья, не оставляй нас, не бросай нас». Не обращая внимания на них, попы стали служить. А потом благочинный сказал попам: «Снимите „Мать Божью“». Попы сказали: «Мы отказываемся снимать». Тогда благочинный подошел к «Божьей Матери» и схватил икону. В это время с благочинным случился удар, и он свалился на пол. После этого он сказал: «Не даю благословенья детям, чтобы снимать „Мать Божью“: она подсекла мои ноги. Возьмите меня и вытащите». Благочинного вынесли и повезли на нарте в то место, где он остановился. Положили его на койку. Немного он приподнял ноги, а катанки выбросило. На это благочинный сказал: «Везите меня домой, это плохая примета, и я скоро умру». Благочинный доехал до Ерги и помер. Когда «Мать божью» ломали, то она ничего не сделала — значит, бог улетел в небо. Она была чудная икона.

87. О ПЕРВОМ ПРОМЫСЛЕ ПЕСЦА

Был старик Лаврентий. У него было двенадцать сыновей, и всем им была работа распределена. Не оставалось самому младшему. Когда он подрос, он случайно видел, что упало дерево и задавило песца. Шкуру он опустил и принес домой. Старик сошил себе шапку — малахай. мех оказался теплым. Он нарядил этого сына специально ловить этого зверя.

88. [ГИБЕЛЬ ОХОТНИКА]

Мой пра-прадедушка Ермолай жил на Гулянке. Там был кабак. Тогда было около сорока дымов. Жена в летнее время жила в Русском. Он пошел на охоту. Вдруг он заметил около озера диких оленей. Он загонил в озеро — долго. И погонил на ветке. Не настиг. Скинул из груди икону и бросил в озеро. Икона была «Миколай-чудотворец». И сказал: «Ты,

святой, почему не дал мне настичь?!» Потом пришел в Русское. Потом пошел пить водку в кабак. Напился и пришел в Русское. Взял ветку дырчатую и стал переезжать реку. Не мог переехать и утонул. Его жена с печали три года не пела песни и не ходила на вечерку. С Гулянки в то время, через год, один папился пьян и поехал на лошади в Русское. Лошадь была дурная, разнесла и убила его. С того времени кабак сняли.

89. ЧАНДАЛЫ

«Чандалы» — народность, по сказаниям, самая старинная. Жили только летом, на зиму засыпали. Во время спячки у них текут сопли, до земли дотекают и замерзают. У которого изломается, этот человек умирает.

90. ПОЧЕМУ ПЕРЕВЕЛИСЬ ЧАНДАЛЫ

Они очень легкие на ногах, у них было очень много оленей. Они стали уж над ними издеваться: сдирали шкуру и отпускали живыми. Эти олени стали мстить им: сошлись в табуны и убежали. Чандалы, не имея возможности поймать их, вымерли. Постройки оставшиеся называются «чандалы». Постройки есть и теперь (одна около летн[ика] Щелканова — местность Толста́).

91. [О «ХУДЫХ ЧУКЧАХ»]

В четвертом году пошел я пасти сторожить. Перед прошел, иду назад, «виски» (речки) недавно стали, замерзли. Иду с пустыми руками, ружья нету, только ножик и «наживы» за поясом. Остановился: чего-то кричит охто-то. Стал слушать — у меня дрожь побегла. Де обратно прошел, две виски проломил. Домой пришел — лицо чернос, как сажа. Испугался. На другой день брат пошел и на бугре нашел три мышьих шкурки — мышей-то «он» съел. Признаем — чукча, значит.

Давно, давно на двоих товарищей один чукча натолкнулся. Стрелил стрелой — один товарищ заревел и смаху упал. Чукчи стали прыгать и смеяться. Другой товарищ в него стрелил, меж крылец (лопаток) попал, и чукча упал. Лицо у чукчи человекье. Завивается в ровдугу и в ремнях кругом. Бегает быстро. Кричит разное: и на песцовый лай, и на человеческий крик находит (походит). Только закричит — сразу дрожь берет. Ходят «они» с копьями и луками. . .

92. [О СЕНДУШНОМ]

Если человек заблудился, погибнет ли сойдет с ума, говорят, что его сендушный взял в работники или сторожа, а если женщина заблудится, значит, взял в жены или няньки. Сендушный креста боится, а карты любит. Знатоки были, с ним знались. Дают сендушному карты, спирт и просят песца им дать поболе. Вот тот им в пасти песца и наметает. Ездит сендушный на собаках, сам большой, здоровый. Как кто увидит его след и как перекрестит, то у сендушного нарта сломается. Не уйдет он никуда, к человеку этому придет. Тот должен очертить круг на снегу и стоять в нем. «Ты мне нарту испортил», — говорит сендушный. «Плати песцов, исправлю», — отвечает человек. «Обязательно уплачу», — говорит сендушный. «Ну, черт с тобой, езжай, твоя нарта исправна». И действительно, в пастях много песцов. Только вот кто знает с сендушным, на том свете к сатане пойдет.

93. [О МЕДВЕДЕ И СЕНДУШНОМ]

Медведь — он зверь страшной, по женщине он не тронет, если она обнажится до поясу и покажет ему свои титки. Однажды женщина заблудилась и попала берлог. Видит она: медведь лапу сохнет. Она мольчит сидит. Медведь вышел и ушел в мору, она тоже вышла и идет за ним. Он пос-

сал, посмотрел назад [на] женщина, а она гола до поясу. Он не тронул. Сёндушной человек, хозяйн тундры, тоже из медведя. Почему-то бог наказал е[г]о. Он нам не видно. Он крадет девушек, рыбу, мясо. Он заходит в юрту, но ты не видишь. Вот к тебе-то и заходил сендушной, когда ты вечером в интернате-то она сидела, половицы-те скрипели везде: в колёдорчике, комнатах, а тебе не заходи, в твою-то комнату.¹

¹ Обращается ко мне и напоминает мой рассказ, как от холода к ночи начали скрипеть половицы, по-видимому, по местам трескались, так как было очень холодно в нетопленных комнатах интерната (Собир.).

БЫЛИНЫ

94. ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

- Еще в те времена первоначальные
Жил Микита в Новотор-земле,
Жил Микита девяносто лет.
Состарился Микита, переставился.
- 5 Оставалось у Микиты сё житье-бытье, сё богатство,
Оставалась у Микиты молода жена Мельха Тимофеевна,
Во бладых летах Добрыня Никитич.
Отдавала его матушка грамоте учить,
Отдавала его матушка хитрым-мудрым трем учителям,
- 10 Хорошо ему грамота давалась.
Приходит Добрыня к родной матушке:
«Ох ты, гой еси, родна матушка,
Честна вдова Мельха Тимофеевна,
Дай мне благословение великое
- 15 С буйной главы до сырой жемли,
Яхать во чисто поле,
Штрелять-убивать гусей, лебедей,
Ту малу птицу шеру утицу».
— «Бог с тобой, мое дитяtko,
- 20 С буйной главы до шырой жемли,
Штреляй, убивай гусей, лебедей,
Ту малу птицу шеру утицу.
Доедешь, мое дитяtko, к Опочай-реке,
Изымут тебя жары петровские, солнопеки мезенские,
- 25 Захочется Добрыне покуратися,
Скидавай со себя сё светно платье,
Клади на луку на седельную,
Не скидавай со себя шляпу черную,
Насыпай ты шляпу черную хрущата песка,
- 30 Заплывай, Добрыня, во первую струю,
Не заплывай, Добрыня, во третью струю,
Что третья струя быстрым-быстра
Понесет тебя пещеры белокаменны,
К тому Змеищу Лиходеищу,
- 35 Той Беламарьи Изыславне.
Ты бери с собой, Добрыня, три паробка:
Первой тебе под тугой лук,
Другой тебе под вострб копьё,
Третий под востру саблю».
- 40 Пояхал Добрыня во чисто полё.
Штреляет, убивает гусей-лебедей,
Ту малу птицу шеру утицу.
Дояхал Добрыня к Опочай-реке —
Ижияли его петровские жары, те солнопеки мезенские.

- 45 Захотелся Добрыне покупатися,
Скидавает со себя сё светло платье
И кладет на луку на седельную,
Не скидавает со себя шляпу черную,
Насыпает шляпу черную хрущатá песка.
- 50 Заплывает Добрыня во первú струю, заплывает во вторую,
Не заплывает Добрыня во третью струю.
Тут спроговорят ему три паробка:
«Где ж твоя хвала богатырская, выслуга молодецкая?
Заплывай, Добрыня, во третью струю».
- 55 И спроговорит Добрыня Микитич блад:
«Где ж моя хвала богатырская, выслуга молодецкая?»
Заплывает Добрыня за третью струю.
Что третья струя была быстрым-быстра,
Понесла его в пещеры белокаменны
- 60 К тому Белозмеищу Лиходеющу
К той Беломарья Изыславны.
Надлетывает тут Змеище Лиходеюще:
«Хочешь, Добрыня, огнем спалю,
Хочешь, Добрыня, жмеям скормлю,
65 Хочешь, Добрыня, в воде утоплю?»
Сымает Добрыня шляпу черную,
Штреляет Добрыня в Белозмеищевы белы груди,
Шнимает у Жмеиница три чобота.
Падает Жмеинице во синё морé.
- 70 Выходила Марья Изыславна:
«Ждраслуй, Добрыня Микитич блад,
Еще сам ты есь будь мой суженой».

95. ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ-БЛАД

- Жил-то Микита девяносто лет Новотор-жемле,
Состарился Микита, переставился.
Оставалось у Микиты вше жиччо-быччо п вше богатество
Оставалось у Микиты молода жена,
5 Честна вдова Амелфа Тимофеевна,
Во бладых летах Добрынюшка Микиттов-блад.
Отдавала его матушка грамоту учить,
Еще тем хидрым мудрецам мудрым учителям.
Хорошо к нему грамота давалася.
- 10 Приходит Добрыня своей матушке:
«Ох ты, матушка моя, ты, родимая,
Дай мне благословение великое
Яхать-пояхать во чисто поле,
Стрэлять-убивать гусей-лебедей,
- 15 Еще ту малу пчицу серо учицу,
Искать-поискать братца назвапого,
Того було Илля Муровца».
— «Ох ти гой еси, мое дитятко,
Доедешь, мое дитятко, ко Почай-реке,
- 20 Иаымут тебя жары петровские.
Как те солнцепеки межёнские.
Захочется тебе, Добрыня, покупатися,
Скидывай ти со шибя вше шветно плаччо,
Золот чуден крест со цепочкою.
- 25 Клади на лугу на шедельную,
Набивай шляпу хручата песка,
Как не мало-не велико, девяносто пуд.
Заплывай ти, Добрыня, за перву струю,
Заплывай ти, Добрыня, за втору струю,

- 30 Не заплывай, Добрыня, за трэчку струю.
Трэчка струя быстрым-бистра,
Понешет тебя в пещоры в белокаменны,
К тому було Жмееницо-Лиходеюшпо,
К той було Марье Изеславной».
- 35 — «Вшэгды буду заплувать я за трэчку струю».
— «Ох, ты, бог с тобой, мос дитятко».
Пояхал Добрыня во чисто поле.
Стрэлать, убивать гусей лебедей,
Вшю ту малу пчицу, перо учицу.
- 40 Доехал Добрыня ко Почай-реке,
Изняли его жары петровские,
Еще те соллцепеки меженские.
Захотелося Добрыне покупатись.
Скидыват со шебя вшэ шветно плаччо,
- 45 Золот чуден крест со цепочкою.
Кладет на лугу на шедельную.
Набиват шляпу хрущата песка,
Как не мало-не много, девяносто пуд.
Заплувае Добрыня за перву струю,
- 50 Заплувае Добрыня за втору струю.
«Как не честь моя хвала молодецкая,
Как не вислуга моя богатырская,
Попробую заплувать за трэчку струю».
Заплувае Добрыня за трэчку струю.
- 55 Трэчка струя була быстрым-бистра,
Понесла его в пещёры белокаменные,
К тому було Змеюницо-Лиходеюшпо,
К той було Марии Изославной.
Как надлетывать Змеюницо-Лиходеюшпо:
- 60 «Хочешь, Добрыня, огнем тебя спалю,
Хочешь, Добрыня, дымом задушу.
Хочешь, Добрыня, жмеям тебя скормлю?»
Скидыват Добрынюшка с головы шляпу,
Стреляет Змеюницо во белы груды.
- 65 Пропарывает у Змеюнищи белы груды,
Еще падает Змеюницо во шине моро.
Подплувае Добрыня Марии Изославной,
Виходила Мария Изославна:
«Уж не этот ли мой, этот суженой?»

96. ДОБРЫНЯ МИКИТИЧ И МАРЬЯ ЕЛИЗАСТОВНА

- Жил Микита девяносто лет, состарился, переставился.
Оставалось у Микиты всё жиччо-быччо богатство,
вше количество,
Оставалось у него незна вдова Омельфа Тимофеевна,
Оставалось чадо милое, спорожденное,
- 5 Оставался Добрыня в девятих летах.
Отдавала матушка в грамотей учить
Тем хидрым-мудрым учителям.
Хорошо Добрыне грамота издавалась.
Он приходит к ронной матушке,
- 10 Еще кланяется ронной матушке понижечочко:
«Дай мне благословенье яхать во чисто поле,
Как штрелать убивать гушей-лебедей,
Еще ту учицу, переутицу».
Отдавала матушка благословенье,
- 15 Еще стала к нему показывать:
«Еще, дитятко мое, доедешь ко Почай-реке.
Изымут тебя жары петровские, соллцепеки меженские.

Скидывай со шебя вше шветно плаччо,
Клади па руку на шедельную,
20 Не скидывай со шебя пухову шляпу,
Набивай черну шляпу хрущата песка полным-полно,
девяносто пудов».

Еще стала к нему наказывать:
«Может, захочется тебе покупатися —
Заплувай, Добрыня, за первую струю,
25 Не заплувай, Добрыня, за вторую струю.
Вше вторая струя бистрым-бистра».
Давала к нему три парика, три слуги верные, неизменные:
Еще первую слугу под востру саблю,
Вторую слугу под востро кошь,
30 Еще трэччю слугу под тугой лучок.
Еще кланялся понижечонко.
Давала матушка благословенье с буйной голове до сирой земли.
Еще ехал да Добрыня во чисто поле.
Как штрэлял, убивал гусей-лебедей,
35 Еще ту було пчицу шеро утицу.
Он дояжал ко Почай-реке,
Изняли жары петровские, солнцепеки меженские.
Скидывает со шебя вше шветно плаччо,
Кладет па луку на шедельную,
40 Скидывает со шебя черпу шляпу, набивает хрущата песка,
Набил хрущата песка девяносто пудов.
Не скидывал со шебя пухову шляпу.
Захотелося Добрыне покупатися.
Заплувал Добрыня за первую струю,
45 Не заплувал Добрыня во вторую струю.
Еще спроговорели три слуги верные, неизменные:
«Еще не чеш, ты хожяин наш приласковый,
Ни чеш твоя, хвала молодецкая, ни вислуга богатырская!»
Заплувает Добрыня за вторую струю.
50 Повнесло их в пещору белокаменну.
Еще стали налетывать орленочки да воскурковать.
Еще спрогбурели три слуги верные, неизменные:
«Заплувай, Добрыня, за трэччю струю».
Еще заплувал Добрыня за трэччю струю.
55 Повнесло их в пещору белокаменну,
Еще тут струя бистрым очень бистрая,
Еще понносило их ко Марье ко Елизастановной.
Виходила Марья Елизастановна,
Подставила свой берчат рукав.
60 Воскакивал Добрыня во берчат рукав,
Еще кланялся понижечонко:
«Еще здравствуй, моя тетушка родимая!»
Еще расплакалася Марья Елизастановна:
«Несто прияхал мос дятятко родимое Добрынюшко?»
65 Чебя Змеина живком хватит».
Прилетат Змея огненный: «Виходи, Добрынюшка!
Если хочеш, Добрынюшка, я тебя живком хвачу,
Если хочеш, Добрынюшка, я чебя змеям скормлю,
Еще хочеш, Добрыня, дымом задушу».
70 Виходил Добрынюшка, ещо падал на коленички,
Ставал Добрыня на резвы ноги,
Еще поскакивать стал Добрыня белым горнаком.
Еще стали налетывать орленочки да воскурковать.
Он выдерживает черну шляпу,
75 Штрэляет Добрыня Змею во белы груди и пропаривает
белу грудь.

Еще стали слуги верные штрэлять из туга лука.
«Виходи, моя тетушка родимая,
Остался от Микиты один отрастель,
Чтобы не прияхать по ронную свою по теточку».
80 Приезжает ко своей ронной матушке,
Еще кланяется понижечонки:
«Еще здравствуй, моя ронна матушка,
Я привез свою ронну тетушку родимую».

97. МИХАЙЛУШКО И ЗМЕЯДИЦО

Жил-то Микита девяносто лет,
Состарился Микита, переставился.
Оставалось у Микиты вше жиччо-быччо, вше имущество.
Оставалась у Микиты молода жена,
5 Честна вдова Омельфа Тимофеевна,
Со тем було со чаду, со Михайлушком.
Отдавала его матушка в учелицо,
Хидрым-мудрым учителям.
Хорошо-то к нему грамота издавалася.
10 Приходит он к ронной матушке:
«Отпусти меня, матушка, во чисто поле
Штрэлять-убивать гушей-лебедей,
Малую птицу серо утицу».
Дает ему матушка благословенье
15 С буйной головы до сирой земли:
«Бери, мое дитятко, лошадь добрую,
Саблю острую, бери копье бурзуменское.
Бери, мое дитятко, двои фарточки.
Там изнимут тебя жары петровские, солнцепеки меженские.
20 Захочется тебе покупатися,
Скидывай ти, дитятко, вше шветно плаччо,
Клади на луку пошедельную.
Не скидывай ти, дитятку, черно шляпу.
Заплювай ти, Михайло, во перву струю,
25 Заплювай ти, Михайло, во хторую струю.
Не заплувай ти, Михайло, во трэччыю струю».
Ну как пояхал Михайлушко во чисто поле,
Он брал свою лошадь добрую,
Брал копье бурзуменское,
30 Брал с собой саблю вострую,
Брал с собой двое фарточки.
Вот как изняли его жары, жары петровские,
Солнцепеки изняли меженские.
Захотелося к нему покупатися.
35 Скидывает Михайлушко вше шветно плаччо,
Кладет на луку на шедельную.
Не скидывал Михайлушко черну шляпу.
Заплювает Михайлушко во первую струю,
Заплювает Михайлушко во хтору струю.
40 Ну, не чеш твоя, хвада молодецкая,
Ни вислуга твоя богатырская,
Заплювай, ти, Михайлушко, во трэччыю струю!
Богатырско его шерцу разгорелося,
Могучие его плечи рапшидалися —
45 Заплюват Михайлушко во трэччыю струю.
Трэччыя струя вшем бистрым-бистра.
Понесло его в пецоры белокаменные,
Разлетелось на него Жмеядицо-Лихорадицо:
«Хочешь ти, Михайлушко, я живком сгложу?»

- 50 Если хочешь ти, Михайлушко, я огнем спалю,
Если хочешь ти, Михайлушко, я жмеям скормлю».
Скидыват-то Михайлушко шутерну шлапу,
Насыпает эту шлапу хрущата песка,
Штрэляет Жмеядицо по белой грудэ,
55 Распикает у Жмеядица чоботы железные,
Роняет Жмеядицо на сирю землю.

98. [ОТРЫВОК]

- Давно же в Рязани, городом славе,
Еще нынче-то в Рязани селом стоит.
Еще жил-то в Рязани богатой гость Микита Новотор-земле.
У Микиты было чадо милое, спорожденное,
5 Да честна вдова Омельфа Тимофеевна.
Не может Добрыня на коне сидеть,
Не может Добрыня копьем шермовать.

99. АЛЕША

- Два коня, два коня да коня добрыя,
Два копя, два копя да бурзумёнския,
Еще две да сабли вострыя.
Приезжают они да ко могилочке: (2)
5 На могилочке лежит камушэк,
Тут на камушке-то написано;
Три дороженьки да написаны: (2)
Еще перва-то дорога Тугарину.
Приклоняются они да ко камушку:
10 «Мы поедем мы, слуга, да мы Тугарину»
— «Нам Тугарину яхать не выяхать:
У Тугарина девки заманчивыя, (2)
Нам за девьими гузнáми залежатися». (2)
— «Мы поёдём мы, слуга, на Вуяндину».
15 «На Вуяндину яхать не выяхать:
На Вуяндиной девки заманчитыя, (2)
Нам за девьими гузнáми залежатися», (2)
Мы поёдём Алешенька, блад, (2)
Мы поёдём мы Солнышку Владимиру». (2)
20 Пояхали да они Солнышку Владимиру, (2)
Приезжают они Солнышку Владимиру.
Алеша вéжет своего-то коня за золочено кольцо, (2)
Это тот-ли его слуга за медное кольцо, (2)
Приходíли они да Солнышку Владимиру. (2)
25 Испроговорит Солнышко Владимир-от:
«Еще первое место Алешиньке,
Еще первое место на переднюю кровать;
А другое тебе место подле вобраза;
Еще третьё-то место подлэ меня!»
30 Да садился этот Алешинька.
Приезжаёт Тугарин-то Солнышку Владимиру,
А несут его Тугарина во дóm:
Под одним-те концом тридцать богатырей,
Под другим-те концом да других тридцётъ.
35 Приносили Тугарина Солнышку Владимиру,
Посадили Тугарина на кровать Владимировой жене:
Еще ноги-то положил на коленки ей,
Еще голову-то ей на грудь положил.
Подносили Тугарину полведра вина,
40 Подносили Алешиньке полведра вина:
Алешинька-та да потихóньку цьет;

- А Тугарина-то да на один душок;
 А Тугарин-то на один дух выпиват. (2)
 Подносили-то Тугарину белú лебедь-то, (2)
 45 Подносили Алешеньке другу белу лебедь.
 А Тугарин-от он селком ее глотат,
 Только косточки-суставчики выплѣиват; (2)
 А Олешинька да потихоньку (помаленьку) ест, (2)
 Да половину-то да слуге дает,
 50 Половину-то он да слуге своему дает.
 Как Олеша спроговорит слуге своему:
 «Ты слуга, ты мой слуга, да слуга паревок!
 Ты не будь, не будь слуга Тугарина Змеевича,
 Еще будь ты, будь Алешиньки Поповича.
 55 Еще спомнишь-ли, Екимша,
 Еще спомнишь-ли, Екимша, вспомянушь ли?
 Как у нашего у света у батѣшка (2)
 У Левонтия попа да у ростовского,
 Была у него собачица жадная, (2)
 60 Еще жадная собака обжѣрчитая, (2)
 По подлавицам собака каталася (валялася), (2)
 Лебедину костьѣ грызла, подавилася; (2)
 Оттого этой собаке смерть случилася; (2)
 Еще завтра-те по утру Тугарину тоже будѣт. (2)
 65 Еще вспомнишь ли, Екимша, вспомянуешь ли? (2)
 Как у нашего у света, у батѣшка, (2)
 У Левонтия попа да у ростовскаго
 Была у него корова-то жадная, (2)
 Как помои-те хлебала, охлебалася,
 70 Лебедино костьѣ грызла-подавилася;
 Оттого этой корове смерть случилася;
 Еще завтра то по вѣтру Тугарину тоже будѣт!»
 А Тугарину-то показалася за досадочку,
 Он стрелял его да он булатным ножом.
 75 Этот тот его Екимша подхватлив был, (2)
 Этот тот его булатный ножик на полѣтех подхватал,
 На полетех те хватал,
 Еще тот-то Олѣша спроговорит:
 «Не хочу я его белу душечку губить,
 80 Не хочу я его да кровь горячую пролить, (2)
 Не хочу я да белы столики марать. (2)
 Выезжай ты, Тугарин, на войпу завтрѣ!
 Выезжай ты, Тугарин, в чисто поле,
 То твоя-то головушка на плáху пойдет!» (2)
 85 А не хто за Волѣшу не ручаѣтся;
 Один Солнышко-т Владимир-от ручаѣтся;
 А за Тугарина да весь город ручаѣтся.
 Выезжает Тугарин на чисто поле.
 «Посмотри-ка, слуга, выехал ли Тугарин на чисто поле?»
 90 Еще выскочил слуга да посмотреть ёго:
 Еще выѣхал да Тугарин на чисто поле, (2)
 Круг Тугарина змеи огненные,
 Змеи огненные да оплѣтаются. . .
 Он шел-то Олѣша во божью церковь, (2)
 95 Богу молитсѣ:
 «Еще бог ты бог, да бог спаситель мой!
 Принѣси ты тучу грѣзную,
 Еще вымочи да у Тугарина.
 Еще вымочи у Тугарина гумажны крылья!»
 100 А пришла-то туча, туча грозная,
 Еще вымочила у Тугарина гумажны крылья,

- Еще пал-то Тугарин на сыру землю.
 Поехал-то Олѣша Тугарину, (2)
 Приехал-да Олѣша Тугарину-те:
- 105 «Еще хочѣшь ты, Олѣша, тибя дымом задушу?
 Еще хочѣшь ты, Олѣша, так искрами засыплю?
 Еще хочѣшь ты, Олѣша, огнѣм-пламенем спалю?
 Еще хочѣшь ты, Олѣша, живьем тебя сглочу?
 Еще хочѣшь ты, Олѣша, головнями застрѣлю?»
- 110 Из дыры-те головни выскакивают.
 «На что ты, Тугарин, за собой силу ведешь?
 Я один да один как да пѣрстичѣк, (2)
 Ты, Тугарин, да за собой силу ведешь!»
 Он поворачивал коня да коня на круто, (2)
- 115 Этот тот-то Олѣша подвѣртлив был,
 Подвертывался да под конину грѣву,
 Отсекал он своей да саблей вострой,
 Отсекал он своей да саблей востренькой.
 А Тугарин-от упал, да земля на трое раскололася.
- 120 Как Тугаринову голову на вострѣ копьѣ соткнул;
 Своего-то коня да поводу повел,
 На Тугариновом-те коне он поехал-да,
 На Тугариновом-те коне поехал он,
 Своего-то коня да поводу ведет.
- 125 Этого Солнышка Владимира жена-то его да спроговорит:
 «Еще знать-то добра молодца по поездочке,
 Еще знать-то Тугарина по поездочке да по походочке, (2)
 А Тугарин-от едет, Олѣшину-то голову
 На вострѣм копьѣ везет». (2)
- 130 (Слуга): «Ты не ври, ты не ври да не вобмáнывай!
 Как Олѣша-то едет на Тугариновом копе,
 Своего-то коня да поводу ведет,
 Как Тугаринову-то голову на востром копьѣ (везет)».
 Приезжает Олѣша Солнышку Владимиру.
- 135 Он бросает эту голову стекольчато вокно:
 «Ты возьми ты, Солнышко Владимирова жена,
 Ты возьми-возьми Олѣшину голову.
 Тугарин-от привез тебе!»
 Еще тот-то Солнышко Владимир спроговорит:
- 140 «Еще первуѣ местѣ передне место,
 А друго-то тибѣ место подле меня, (2)
 Еще треть-то место, куды сам хочѣшь!»
 (Это своей бабѣ говорит, чтобы она легла с ним).
 «Как был бы ты да не мой бы дядюка,
 Я бы пазвал тебя я бы прямо сводничком.
- 145 Как бы не тетушка была бы, назвал курвой, б...ю!»

100. ПРО ТУГАРИНА ЖМЕЕВИЧА

- Олѣша да Ефимша разговаривали:
 «Ох ты гой еси, Ефимша, слуга верная,
 Ми поедѣм на Украйну-реку».
 Ефимшо-то отвечает:
- 5 «Ой ти, ласковой хожяиш мой, приветливой,
 Не поедѣм, не поедѣм на Украйну-реку,
 На Украйши баби заманчивые,
 Нам за бабьими гузнами залежатися будьот,
 Пойдет про нас славушка недобрая,
- 10 Недобрая слава, пехорошая,
 Ми поедѣм, ми поедѣм княжу Солнышко Владимиру,
 Ми посмотрим душечку кнегинушку Апраксию,

- Ми посмотрим Тугарина Жмеевича.
 Как поездочку держали княжю Владимиру,
 15 Как ражъехались они княжю Владимиру.
 Припешли тут Тугарина на дубовой на доске,
 В головах у него тридцать богатырей,
 В ногах-ти него други́ тридцать.
 Посадили Тугарина на часовую кровать,
 20 Склал тут Тугарин ножку под гузно,
 Белы ручки клегие в пазушок.
 Шидели на пиру гошти пьяны-вешелы,
 Принесли Тугарина полтрэчча ведра,
 Выпивает Тугарин единым духом.
 25 Белую лебедь на закусочку,
 Брошает Тугарин за онну цоку,
 Еще косточки, суставочки выплевыват.
 Принесли Олеше полтрэчча ведра,
 Сам он откушал и Ефимше подавал:
 30 «Ох ти гой еси, ти, Ефимша, слуга верная,
 Сам ти падкушай и сторону подай.
 Ти не будь, не будь Тугарина Змеевича,
 Ти будь Олешеньки Поповича.
 Ох ты вспомнишь ли, Ефимша, вспомятуешь ли,
 35 Как у нашего у швета, у бачушка,
 У Леонтия попа, сына ростовского,
 Как була, була собака жапшая,
 По хотонам-чи собака-то шаталася,
 По подлавицам собака волочилаша,
 40 Лебедино кошти грызла, подавилася,
 Помои-чи хлебала, захлебалася,
 От того же собаке шмерть случилася.
 А тому же Тугарину то же будьот
 От нашего плеча молодецкого,
 45 От нашего колена богатырского».
 Тут Тугарин темнеет, ласно чемная ночь,
 На буйной главе кудерцы дубровушкой шумит.
 Видергиват кинжалищо булатное,
 Стреляет Олешу во белы грудьи.
 50 Ещо в ту пору Ефимша у них подвертох бул,
 Не допускает до Олешиных белых грудьей,
 Вихвативает книжалищо булатное;
 «Ох ти, ласковый мой хожяиц, мой приветливой,
 Сам шутку отвичишь али мне велиишь?»
 55 — «Я сам не хочу и чибе не велю.
 Не хочу кровянить палаты царские,
 Не хочу сквернить столы дубовые.
 Еще завтра со собакой перэведаюшь,
 На том поле, на поле, на Куликовом».
 60 За Тугарина ручаются тридцать богатырей,
 За Олешиньку ручается его дядёка, Владимир князь,
 А вмеште с ним Ефимша, слуга верная.
 Пошел Олеша во божью церковь,
 Стал служить молебны великие:
 65 «Мать божья, пречиста богородица,
 Когда шьедёмся с Тугариным на поле на Куликовом,
 Нанеши тучу, тучу грожную.
 С тема були дождями со мокрыма,
 С тема була шнегами со белыма,
 70 Подмочи у Тугарина крыллия гумажные,
 Чтобы пал Тугарин на сыру жемлю».
 Шьехались они на поле, на Куликовом,

- Надлетывать Тугарин-от Змеевич.
Олешина молитва богу дохонная —
- 75 Упала туча грозная,
Со тема була дождями, со мокрыма,
Со тема була снегами, со белыма.
Подмочила у Тугарина крыльья гумажные,
Ещо пал-то Тугарин на сыру жемлю:
- 80 «Хочешь, Олеша, огнем тебя шпалю?
Хочешь, Олеша, дымом задушу?
Хочешь, Олеша, жмеям чебя скормлю?»
Тут спроговорет Олешинька Попович блад:
«За тебя ручались тридцать богатырей,
- 85 Оглянись, хочат тебя по плеч голову срубить».
Стал тут Тугарин поворачиваться,
Дакамеж Тугарин поворачивался,
Струбляет Олеша у Тугарина по плеч голову.
Пал тут Олеша на Тугариново коня,
- 90 Своего-ту коня поводу повел,
А Тугаринову голову на востром копье повез.
Виходила душечка княгинушка Апракшия:
«Знать-то ясного сокола по полеточке,
Тугарина Жмеевича по поездочке:
- 95 Едет-то Тугарин на Олешином коне,
Своего-то коня в поводу ведет.
Олешину голову на востром копье вежет».
Тут спроговорет Ефимша, слуга верная:
«Душечка, кнегинушка, ошибаетесь,
- 100 Знать-то ясного сокола по полеточке,
Олешиньку Поповича по поездочке,
Едет Олеша на Тугариновом коне,
Своего коня в поводу ведет,
Тугаринову голову на востром копье вежет».
- 105 Как разъяхался Олешинька Попович блад,
Стреляет Тугаринову голову.
«Не называть би чеба тетушку кнегинушку,
А называть тебя только сукой гончевою и бесхвостую,
А не называть тебя, дядёко, Владимир князь,
- 110 Назвать тебя только свонником».

101. ОЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН

- Еще були на пиру пьяны, вешелы.
Охто хвастал богатством, охто хвастал молодой женой,
Охто хвастал доброй лошадыю своей,
Охто хвастал своей силушкой.
- 5 У Тугарина були крыльшки гумажные.
Восставал Олешинька Попович,
На резвы ножки ставал Олешинька Попович:
«У Тугарина, — говурит, — була собачинка
жанная-прежанная,
По подлавицам ходила, лебедино кости грызла,
подавилася.
- 10 И, — говурит, — Тугарину это тоже будёт».
Вот Тугарин озлился на Олешиньку, ласно чемная ночь.
У Олеша була онна слуга верная.
У Тугарина на буйной голове кудерцы дубровушкой шумят,
Еще хочет у Олеша пронзить белу грудь.
- 15 Напес на Олешу свой вострый меч — пронзить белу грудь.
Не допускает слуга до Олешинных до белых грудей
И хватает его острый меч.

- Еще спроговорел Олешинька Попович: ¹
 «Тя хожяин, ти хожяин ти приласковый,
 20 Али ти Тугарину шутку отшутишь, либо я отшучу?»
 Еще спроговорел Олешинька Попович:
 «Я сам пе хочу и тебе не велю.
 Не хочу, — говорит, — я кровянить столы дубовые
 И не хочу сквернить палаточки клегинины.
 25 Еще завтра поутру со собашечкой переведаюсь,
 На том на поле, на Куликовом».
 Тугарин темнеет на Олешу, как темная ночь,
 На буйной голове кудерцы дубровой шумят.
 Выходил Олеша, пошел во божью церковь:
 30 «Еще нанеши, мать ти божья, пречистая богородица,
 Нанеши завтра поутру тучу грозную,
 С тема белыми снегами, со белыми, с дождями
 со мокрыми.
 Стобы промокли у Тугарина крылишки гумазные,
 Стоб упал би и упал Тугарин на сиру землю».
 35 Еще поутру съехались на том поле, на Куликовом,
 Вдруг упала туча грозная,
 С тема белыми снегами, со белыми, дождями со мокрыми.
 Еще подмокли у Тугарина крылишки гумазные,
 Еще пал-упал Тугарин на сиру землю.
 40 За Тугарина ручается тристо богатырѐв,
 А за Олешу ручается один слуга верная, неизменная,
 Да другой дяденько его Ефимча-то.
 Еще спроговорел-от Тугарин Змеевич:
 «Если хочешь, я тебя живком схвачу,
 45 Если хочешь, Олешенька, я тебя дымом задушу,
 Если хочешь, Олешинька, то я тебя змеям тебя скормлю».
 Он выдергивает копые вострое —
 Аживаются змеи огненные.
 Спроговорел Олешинька Попович:
 50 «Ай ти, — говорит, — Тугарин ти Змеевич,
 Вот, — говорит, — которы вчера ручались — тристо
 богатырѐв,
 Хотят, — говорит, — с тебя струбить по плеч голову».
 Оп, Тугарин, поворачивался назадъ —
 В ту пору струбил Олеша по плеч голову Тугарину,
 55 Еще пал-упал Тугарин на сиру землю.
 Еще Тугаринову голову на востром копые повез,
 Тугаринову лошадь в поводу повел.
 Вот выходит Арипушка-Маринушка:
 «Знать, — говорит, — доброго молодца Тугарина Змеевича
 60 По поездочке, по походочке:
 Олешину голову на востром копые везет,
 Олешину лошадь в поводу ведѐт».
 Вот виходит Олешин дяденько Ефимча-то:
 «Врѣшь, — говорит, — Мотя, ошибаешься,
 65 Знать, — говорит, — по поездочке, походочке
 Доброго молодца Олешиньку Поповича:
 Тугаринову голову на востром копые везет,
 Тугаринову лошадь в поводу ведѐт».
 Опеть виходит Арипушка-Маринушка:
 70 «Знать, — говорит, — доброго молодца Тугарина Змеевича
 По поездочке, по походочке:
 Олешину голову на востром копые везет,
 Олешину лошадь в поводу ведѐт».

¹ Надо: «Олешиньке Поповичу».

- Вот приходит опять дяденько Ефимча-то:
 75 «Врешь, — говорит, — сука-б. дь, ошибаешься,
 Знать, — говорит, — по поездочке, походочке
 Доброго молодца Олешиньку Поповича:
 Тугаринову голову на востром копые везет,
 Тугаринову лошадь в поводу ведет».
 80 Приезжает Олешинька Попович —
 Тугаринову голову на востром копые привез,
 Тугаринову лошадь в поводу привел.
 Еще спроговорел дядя-то Ефимча-то:
 «Кабы не була би, — говорит, — ти моя тетушка,
 85 Я бы назвал тебя сукой-б. . . ю,
 Сукой гончиватой да бесхвостой».

102. ИЛЛЯ МУРОВЕЦ

- Илля Муровец по кóраблю похаживат,
 Злаченные свои пуговки разглаживат,
 Во кажной во пуговке по индроку и по лютому льву.
 Его индрики раскричелишя,
 5 Лютые звери озверелишя.
 Подходил кораблик ко берегу,
 Выходил Илюша на сухой берег,
 Пошел Илюша по чисту полю.
 Как раз они с калигой повстречалися,
 10 Шветным плаччём поменялися,
 Стростками поменялися,
 Калигино плаччё было по-узко,
 Калигина стростка була по-легка.
 Подошел Идолищо поганому,
 15 Стал по калиновому мосту похаживать,
 Стал калиновый мост поскрыпывать.
 Тут спроговорэт Идолищо поганое:
 «Ой ты гой еси, Илля Муровец,
 Много ли хлеба кушаешь?»
 20 — «Я кушаю по три прошвири, по три церковные».
 Ударил этого-то Идолища поганого.
 Своей этой-то стросточкой,
 Сымает у Идолища по плеч голову.

103. О ТИТЕ ЦАРЕ

- Со во стой стороны, со низовною,
 Со во стой стороны, с полуночною
 Подымалася туча, грязь великая —
 Выезжает тут Тит, похваляется:
 5 «Иерусалимскаго я царства выжгу, выпьяню,
 Царя Тимофея в полон полоноу,
 Его божьи церкви на дым пуцу,
 Его вдовьи монастыри, девьи монастыри на глубь спуцу,
 Царицу-княгиню за себя возьму,
 10 Подо мной, под Титом, сорок царей,
 Сорок царевичей, сорок королей, сорок королевичей.
 Еще той мелкой сошки, ей счету нет,
 На все на четыре дальши стороны
 Отмечена сила по сту верст,
 15 Еще сам вот я, Тит, Тита брата зверь».
 Собирает царь князей-боярей, думных сенаторей:
 «Еще едет Тит похваляется, говорит:
 „Иерусалимскаго царства выжгу, выпалю,

- Царя Тимофея, — говорит, — я в полон полоню,
 20 Его божьи церкви на дым пуцу,
 Вдовья, девья монастыри на глубь спуцу,
 Царицу я княгиню за себя возьму,
 Подо мной, под Титом, сорок царей,
 Сорок царевичей, сорок королей, сорок королевичей.
- 25 Под всеми под ними по три тысячи людей,
 Еще той мелкой сошки счету нет,
 Отмечена силушка на все чтыре дальни стороны по сту верст,
 Еще сам вот я Тит, Тита брата зверь“».
- 30 От передняго стола до середняго,
 От середняго стола до последняго
 Ни от кого ни ответу, ни привету нет.
 Из средняго стола пошел колесом
 Свет по имени Данилюшко Игнатъевич,
 Вставал он на ноженъки на резвя,
- 35 На зелен сафьян сапожинки,
 Еще кланяется он понижешенько.
 «Еще служил я царям-царевичам,
 Служил я королям-королевичам,
 Теперь я, Данилюшко, старым старой девяноста лет,
- 40 спасаюсь я, Данилюшко, в теплой келейке,
 Еще в дале, во дале, во чистом поле
 Еще есть-то там дуб кракитовый,
 У того у дуба один отростель,
 У меня, у Данилюшки, одна дитя,
- 45 Свет по имени Михайлушка Данильевич,
 Молодым он молодой, лет двенадцати,
 Кабы был Михайлушко лет шестнадцати,
 Постоял бы Михайлушко за веру христианскую».
 Пошел Данилюшко в свою келейку:
- 50 «Наряжайся, мое дитятко, тебя царь зовет».
 — «Не знают меня ваши цари-царевичи,
 Не знают ваши короли-королевичи».
 Еще стал Михайлушко наряжаться,
 Еще стал Михайлушко вымываться,
- 55 Пошел Михайлушко к своему царю,
 Отворяет он вороточки на пятау,
 Еще клал Михайлушко поклон по-ученому,
 Еще кланяется он по-писаному.
 Тут спрговорит наш царь:
- 60 «Постой, Михайлушко, за веру христианскую».
 Наливает ему чару полтора ведра,
 Берет он чару единой рукой,
 Выпивает чару единым духом.
 Пошел Михайлушко в свою келейку,
- 65 Отворяет он ворота сильно-насилно,
 Закрывает ворота крепко-пакрепко,
 Приходит Михайлушко в свою келейку.
 Тут спрговорит Михайлушко своему отцу:
 «Уж зачем ты много рано хвастаешь?»
- 70 — «Я ведь с пьяных дел, дитятко, тобою призахвастался,
 Ты бери моего военного коня,
 Ты бери мою саблю вострую,
 Ты коси-руби силушку до шести суток,
 Шесть суток дойдут, поворачивай коня круто-накруто.
- 75 Приезжай в свою теплу келейку».
 Поехал Михайлушко к силушке безсчетной,
 Стал косить-рубить силушку безсчетную,
 Вперед махчет — часты улички,

- Назад махнет — переулочки.
- 80 Татар рубил, как лес клонил.
Шесть суток тому больше прошло,
Еще ранили Михайлушку крепко-накрепко.
Поворачивал коня круто-накруто,
Приезжает в свою теллу келейку.
- 85 Не стук застучал, братцы, во тереме,
Разбежался богатырский конь.
Выходит Данилюшко не дверями, не воротами,
Выходит Данилюшко каменной стеной,
Хватает Михайлушку на белы руки,
- 90 Понес Михайлушку в божью церкву,
Кладет Михайлушку под святые образа,
Зажигает свечу воску ярого,
Сам не подвигает стремячко вальянское,
Садится прямо с полу на коня.
- 95 Поехал он, Данилюшко, во чисто поле,
Срывает он дуб кракитовый из кореня,
Поехал Данилюшко к силушке безсчетной,
Еще стал дубом крошить-рубить силушку безсчетную,
Татар иврбил, как лес клонил,
- 100 Самого Тита живком хватил
И привязывал он коню в торока.
Приезжает Данилюшко в свою келейку,
Пошел Данилюшко во божью церкву:
Еще давно его дитятко переставилось.
- 105 Пошел Данилюшко к своему царю:
«Потухла свеча, — говорит, — воску ярого,
Померкло, — говорит, — наше красно солнышко,
Переставилось мое дитятко».
Кидался-бросался Данилюшко о кирпичевый мост,
- 110 Разбивался до смерти Данилюшко о кирпичевый мост.

104. ПРО ТИТА

- Как у князя Тимофея был почестен пир,
Про тех было про князей, про боярей,
Про ту полоницу всю удалую.
Вышибила окно стеклянное,
- 5 Падала каленá стрела на дубовый стол.
На каленой стреле ярлык написанный:
«Подымается туча, грязь великая,
Со той белостороночки восточной
Едет Тит, похваляется:
- 10 „Ерусалимский город выжгу, выплею,
Князя Тимофея полон вожьму,
Княгиню его за себя вожьму.
Подо мной, под Титом, сорок царей и сорок королей,
Под каждым царем по три тысячи,
- 15 Под самим Титом счету нет“.
Отмечена силушка на сто верс[т]
На все на четыре дальни стороны».
Тут спроговорит княж Тимофей:
«Еще кто бы съездил во чисто полé Титу сопротивника,
- 20 Постоял бы за веру христианскую».
От переднего стола ответу нет,
От середнего стола колесом пошла.
Тут ставал Данилишко Игпатьевич
На те белы ножки на резвья,
- 25 На те белосапожки зелен сафьян,

- Кланяется понизешеньку:
 «Я служил князьям княжевичам,
 Таперя Данилушко состарелся,
 Старим старик девяносто лет.
- 30 Не могу Данилушко на коне сидеть,
 Не могу Данилушко копьем шурмовать.
 В чистом поле стоит дуб рековистый,
 У сырого дуба один отрастель,
 Как у меня, у Данилушка, есть чадо милое.
- 35 Свет по имени Михайлышко Данильевич.
 Кабы был Михайлышко пятнадцать лет,
 Съездил бы Титу сопротивнику,
 А таперя, — говорит, — Михайлышку только двенадцать лет».
 Что ни стук застучал, братцы, во тереме,
- 40 Подводили карету златокवानу,
 Звать Михайлышко Данильевич.
 Приезжает Данилышка Игнатъевич:
 «Поди, Михайло, тебя князь жовет».
 — «На что зовет?» — «Про то не ведаю».
- 45 Тут расплакался Михайлышко Данильевич:
 «Еще кто про меня княжю сказал,
 Не знают про меня ни князи княжевичи».
 Тут спроговорит Данилышка Игнатъевич:
 «Пьянским я, — говорит, — делом призахвастался».
- 50 Пояхал Михайлышко Данильевич,
 Крест кладет по-ученому,
 Поклон дает по-писаному,
 Княжю, княгине по-особице.
 Подносили чару полтора ведра,
- 55 Берет чару единой рукой,
 Выпивает чару единым духом.
 Тут спроговорит Данилышка Игнатъевич:
 «Съежди, — говорит, — моя дитятка, к Титу сопротивнику,
 Постой за веру христианскую.
- 60 Поядешь, моя дитятка, во чисто полé,
 Руби и плени силу бесчетную,
 Из бела денька до темной ночки,
 С темной ночки до бела денька,
 Поворачивай копя круто-пакруто».
- 65 Пояхал Михайлышко Данильевич,
 Увидал он сильюшку бесчетную,
 Рубил, пленил с бела денька до темной ночки,
 С темной почки до бела денька.
 Молодецко его сердце разгорелось,
- 70 Богатырские плечá размахалися,
 Рубил, пленил из бела денька до темной ночки,
 С темной ночки до бела денька.
 В ту пору Михайлышка поранили,
 Не может Михайло на коне сидеть,
- 75 Не может Михайло копьем шурмовать.
 Поворачивал коня круто-пакруто,
 Разбежалась лошадь богатырская.
 Выскакивает Данилышка Игнатъевич,
 Берет его на белы руки, уносит свою келию.
 Он затеплил свечу воску ярую:
- 80 «Оживешь, мое дитятко, свеча горит —
 Умрешь, мое дитятко, так свеча сторит».
 Сам выходит не [д]верми и не воротами,
 Выламывает каменну стену.
 Пояхал Данилышка Игнатъевич —

- 85 В чистом поле стоял дуб рековистый,
 Сырвал дуб из корени.
 Увидел он силушку бесчетную,
 Стал он эту силушку дубом [помахивать],
 Переть махнет — переулоцьки,
 90 Назать перемахнет — часты улоцьки.
 Вшу он шилу дубом прибил,
 Самого Тита живком схватил
 И привязывал коню в торока.
 Привожит княжю Тимофею и бросает ему на колени.
 95 Приходит швою келию:
 Потухла свеча воску ярого,
 Переставился Михайлышко Данильевич.
 Тут спроговорит Данилышка Игнатъевич:
 «Чего, князь, сидишь прохлаждаешься,
 100 Померкло мое красно солнышко,
 Улетела звезда подвосточная,
 Потухла свеча воску ярого,
 Переставился Михайлышко Данильевич».
 Сам бросался, кидался о кирпичевой мос[т],
 105 Его косточки, суставчики не спозналися.

105. ДАНИЛЫШКО ИГНАТЬИЧ И ТИТ

- Как от той було стороночки восточной,
 Подымалася туча богатая,
 Туча грозная, гражь великая,
 Еще едет-то Тит, похваляется:
 5 «Русалимскую церку вижгу, виплиню,
 Русалимский монастырь весь на дым вожьму,
 Цара Тимофея в полон полоню,
 Царыцу-кнегину на шебя вожьму.
 Еще сорок царей, сорок королей,
 10 Под кажным царом по тры тысячы,
 Под кажным королем да по тры тысячы,
 Подо мной-то, под Титом-то, — щёту нет.
 Еще сам-то я, Тит-то, Тито брата звер!»
 Цар сделал пир да на весь он мир.
 15 Про вшѣх он про княжей, про боярей,
 Про ту полонницу вшу удалую.
 От парѣнного стола как ответу нет,
 От сэрѣнного стола да колешом пошел,
 Свет по имени Данилушко Игнатъевич,
 20 Он ставал-то на ноженьки на резвые,
 Как на те-то на сапожки зелеп сафьян:
 «Как служил я царам-царевичам,
 Как служил я королям-королевичам.
 Как тапероче Данилушко старым-старым.
 25 Старим-ти старик, девяносто лет,
 Не могу-то я, Данилушко, на коне сидеть,
 Не могу-то я, Данилушко, копьём шурмовать.
 В чистом поле стоял дуб, дуб раковистой,
 У сырого-то дуба один отроштель —
 30 У меня есть, Данилушко, чадо малое,
 Швет по имени Михайлушко Данильевич.
 Как таперича Михайлушко двенадцать лет.
 Кабы бул то Михайлушко пятнадцать лет —
 Он съездил би во чисто полѣ.
 35 Постоял би за веру хрыстианскую».
 Как не стук застучал, братцы, во черэмэ;

- «Поди-ка, Михайлушко, чебя цар зовет».
Тут расплакался Михайлушко Данильевич:
«Ужо хто про меня да как цару сказал?»
- 40 — «Пошто он зовет, про то не узнато».
Подвозили карату златокवानну.
Как не стук застучал, братцы, во черэмэ,
Как ражъехался Михайлушко Данильевич.
Он и крест-то кладет да по-учёному,
- 45 Поклон-то дает по-писаному,
Еще княжу, кпегипе по-особице,
Тут спроговорыт-то Данилушко Игнатъевич:
«Ох ты, бѳишя, ты, мое дитятко,
Еще пьянским я делом призахвастался.
- 50 Еще шъезди, мое дитятко, во чисто поле,
Ти постой-ка за веру хрыстианскую,
Как с бело-то денька до чѳмной ночки,
С чѳмной-то ночки до бела денька,
С бела-то денька до чѳмной ночки,
- 55 Потом поворачивай коня, коня накруто».
Полхал Михайлушко во чисто поле,
Как еджае еще на силушку бѳщотную,
Еще стал-то по силушке поездживать,
Как с бело-то денька до чѳмной ночки,
- 60 С чѳмной-то ночки до бела денька,
С бела-то денька до чѳмной ночки,
С чѳмной и ночки до бела денька.
Еще в ту пору Михайлушко поранили,
Поворачиват коня-да, коня накруто.
- 65 Как не стук и застучал, братцы, во черэмэ,
Как выскакыват Данилушко Игнатъевич,
Разбежалася лошадъ богатырская,
Еще брал он его во белы ручки,
Как уношит его во божжью цѳрку,
- 70 Кладет он его да под святы образа;
Затешил швечу воску ярову;
«Как буди оживешь, то швеча горы,
Ко будэ помрѳшь, то швеча сгоры».
Сам выходит не дверми, ни воротами,
- 75 Как виламывает каменну стѳну.
Не бѳрѳт он в руки саблю вострую,
Не бѳрѳт он копье борзумепское.
В чистом поле стоял дуб-да, дуб раковистой,
У сырого-то дуба один отроштень,
- 80 Сарывая дуб, дуб из корѳню,
Как еджае еще силушку бѳщотную.
Еще стал и по силушке поездживать,
Стал-то он дубом че помахивать.
Пѳрѳд он махнет — пѳрѳулучки,
- 85 Как назад-то махнет — часты улички,
Как зверино еще щѳрце возверылося,
Могучие плѳча размахалися.
Эту-ту же-то шилу впю-то скошил,
Самого-того Тита живком хвачил,
- 90 Он привезыват коню, коню в торока.
Как татарские жилы че не сѳрвутся,
Как татарские кошты не изломаются.
Как не стук застучал, братцы, во черэмэ,
Как ражъехался Данилушко Игнатъевич,
- 95 Брошился он это-то оп во божжью цѳрку —
Как потухла швеча-то воску ярого,

Переставился Михайлушко Данильевич.
Сам выходит не дверми, не воротами,
Как виламиваёт камешную стену:
100 «Ох ты, цар, пьешь, ешь да прохладяешша,
Ти не знаешь про несгодушку немалую,
Не малую, не великую:
Как померкло мое красно солнышко,
Улетела звезда поннебесная,
105 Переставился Михайлушко Данильевич».
Сам бросался, кидался о кирпиччѣвый мос[т],
Его косточки, суставчики не спозналися.

106. ДАНИЛЫШКО ИГНАТЬИЧ И ЧИТ

Едет Чит, похваляется:
«Еще тот город вижгу, виплию,
И того сара в полон полоню».
Тут сар призадумался,
5 Призывает своих княжей-бѣяре[й] и думных пенаторей:
«Хто би съездил из вас к Читу сопротивником,
Постоял би за вдов, за широт, за бежмужвенных,
И за веру христьянскую и за ту серку божью?»
Из перенного стола ответу нет.
10 Из серенного стола колесом посло.
Из занного стола тут вставал старим стар да девяносто лет:
«Если я, — говорит Данилышко Игнатъич, —
Еще съездил би я Читу сопротивником,
Не могу, Данилышко, на коне сидеть,
15 Не могу, Данилышко, копьем шурмовать.
Как есть, — говорит, — в чистом поле оно дерьво,
У этого дерьва один отрastель,
А у меня, у Данилышка, оно чадо миллое,
Швет по имени Михайлышко.
20 Он би съездил, — говорит, — Читу сопротивником.
Сего Михайлышко двенадцать лет.
Не моет Михайлышко на коне сидеть.
Не моет Михайлышко копьем владеть.
Було би, — говорит, — Михайлушко пятнадцать лет,
25 Он би съездил Читу сопротивником,
Постоял би за веру христьянскую».
Приводили Михайлышка за белы руки,
И отравили Михайлышка Читу сопротивником.
Тут показывае очес ронной:
30 «Ти поедешь, Михайлышко, во чисто поле Читу сопротивником.
Ты руби, плени с белá денька до чемной ночки,
С чемной ночки до бела денька,
А потом, Михайлышко, приворачивай коня назадъ».
Тут пояхал Михайлышко во чисто поле,
35 Он рубит и пленит, как траву косит,
С бела денька до чемной почки,
С темпой почки до бела денька,
С бела денька до чемна почки.
Тут Михайлышко поранили,
40 Приворачиват коня обратно,
Приезжат во висок черем.
Тут очес его ронной расплакался,
И отнес Михайлышко во божью серку,
И зажег к иконам воску ярову свечу.
45 «Как свеча моя гори и Михайлышко лежи!»
А сам пошел во чисто поле,

Сорвал дерево из самого кореня
И поехал Читу сопротивником.
И вижгал, виплелил вшю силушку,
50 И Чита самого живком привез.
Побежал во божью серку:
Швеча догорела, п Михайлышко переставился.

107. ПУРГА-ЦАР

Еще громы грэмэли, ещо молоньи сверкали,
Була землятряссение —
На пебе-че родился свечол мечец,
Еще на Руши родился силен богатырь —
5 Славный Сурович Иванович,
Яруславпой Воль Яруславсович.
Тут спроговорот он ронной матушке:
«Ох ты, мать моя родимая,
Не пленай меня в пелепочку камчатую,
10 Не клади мне сголовычко пуховые,
Набивай мне шляпу хрущата песка —
Как не мало, не велико — девяносто пуд.
А лучче съезжу я во чисто поле,
Штрелять стану, убивать гушей-лебедей».
15 Давала мать к нему благословенье великое,
Еще ехать во чисто поле,
Как штрелять-убивать гушей-лебедей.
Он яхал и поехал во чисто поле,
Как штрелял-убивал гушей-лебедей.
20 Он увидел на дубу пчицу ворона,
Он видергыват свой лук,
Как изтулчату киберчату калицу стрэлу,
Еще кладет он тетивочку на шелкову,
Еще хочет прострелить пчицу-ворона,
25 Еще хочет кровь пролить ко сыру дубу,
Еще хочет перья распорхать по чисто полю.
Тут спроговорел пчица-ворона:
«Не стрэлай, — говурит, — Сурович Иванович,
Моя черная мяша не исть будёшь,
30 Мою черную кровь не пить будёшь.
Не порхай мои перья во чисто полю,
Не проливай мою кровь по сыру дубу.
Я тебе скажу несгодочку не малую, не великую:
На Смородине-реке стоит Пурга-цар,
35 Не пропускает ни конного, ни пешего,
Ни казную птицу политучую,
Ни кажного зверя порискучего».
Не стрэлял Сурович Иванович черна ворона,
Поворачивал копя круто-накруто,
40 Еще яхал его силушку бесщотную,
Еще стал его силушку покачивать.
Его вострая сабля притупилася,
Его копье борзумецко призагнулося —
Он хватил татару, стал помахивать,
45 Стал татару приговаривать:
«Татарские жилы не отбрутятся,
Татарское тело не поторкается,
Татарские кости не проломятся».
Как перед татаром махнет — часты улицы метет,
50 Как назад махнет — переулицы метет.

- Ичичём¹ татаром силу вшю прибил.
 Еще белая рыба первужалася,
 Во глубокие стана собиралася;
 Еще волки, олени за круты горы попли,
 55 Еще зверь котобрас на гору бежал, сам шпину изломал;
 Вот пегасок-воронок он в лес побежал, само погу изломал.
 Вот Аринушка-Маринушка, его матушка, волшебница була,
 Выходила на красное на крыльцо,
 Узнавала через свое волшебство.
 60 «Еще на Руши родился богатыр,
 Еще на псебе родился швечол мешец,
 Еще по имени ему — Сурович Иванович,
 По другому — Яруславсович».
 Само Пургу-цара живком хватал,
 65 Поворачивал коня круто-накруто,
 Приезжает своей ронной матушке.

¹ Этим (*Собир.*).

108. СУРОВЕЦ ИВАНОВИЧ ПО ПРОЗВАНЬЮ ОЛЕГ ЯРОСЛАВЦЕВИЧ

- ... Увидал он на дубу черна ворона,
 Выдергивал из налушня тугой лук,
 Из тулицы калену стрелу,
 Клал он на тетивицу на шелкову,
 5 Хочет подстрелить черна ворона.
 Тут спроговорит ему черён ворбн:
 «Не стреляй меня птицу, черна ворона,
 Не пролей мою кров по сырú дубú,
 Не пропóрхай мои перья по чистú полú.
 10 Моим черным мясом не наистись,
 Моей черной кровью не напитись».
 На небе родился светёл месяц,
 На Руси родился силён богатырь
 По имени Сурович Иванович,
 15 По прозванью Олег Ярославцевич.
 «На Смородине-реке живет Пурга-царь
 Со своей шилой бешпчетной,
 Не пропускает ни конного, ни пешово,
 Ни ту было птицу пролетучую,
 20 Ни того было жверя прыскучово».
 Не штрелает черна ворона,
 Поворачивает коня круто-накруто.
 Приежжает своей матушке родимой:
 «Ох ты, матушка родимая,
 25 Не пеленай меня пеленки камчатские,
 Не клади мея столовесица пуховые,
 Пеленай меня пелепки богатырские,
 Давай мне в руки часту палицу
 Весом девяносто пуд,
 30 Во поездочку держать на Смородину-реку».
 Его вострая сабля затупилась,
 Борзомецкое копье призагпулось;
 Брал татарина за ноги,
 Стал татаринoм помахивать,
 35 Стал татарину приговаривать:
 «Татарские жилы не отбóрвутся,
 Татарское косьё не изломится».
 Вперед махнет — переулочек,
 Взять махнет — чáсты улóчки,

- 40 Кони и олени за круты́ горы ушли,
Белая рыба испужалася,
Глубокие борозды затолкалася.

109. ЦАРЬ ЕЛИЗАР

- «Вы почто вы не пьете, вы не кушаете,
На кого вы лиха думаете? (2)
На меня, на сара да на королевича, (2)
На королевцу, на царицу да на Марью на королевишну,
5 На сестрицу на свою да на родимáю!»
— «Не на кóго мы да лихá не думаём:
Ни на тебя, сара ни на королевича,
Ни на царицу на твою да на королевну,
Ни на сестрицу на свою да на родимáю.
10 Ещё хотим мы идти да под Бренчеть-город, (2)
Тому-то сару, сару Елизару, (2)
Да еще хотим полон полонить Марью Елизаровну, (2).
Со малым-то со чадом, со Михайлушком». (2)
— «Не полонить вам да царя Елизара, (2)
15 Ещё сар да Елизар хотёл-мудёл!» (2)
— «Еще дай ты нам силу охотную.
Не давай ты нам силушку невольную,
Еще дай ты нам силу охотную!»
Пояхали они да под Бренчеть-город (2)
20 Тому-то сару, сару Елизару. (2)
Еще хотят полон полонить Марью Елизаровну
Со милым со чадом, со Михайлушком.
Полонили они да под первóй горóд (2)
Красны девушки да все молодушки,
25 Ещё ниту в том числе Марья Елизаровна.
Полонили они да по другой город,
Красны девушки да все молодушки, (2)
Ище пегу в том числе Марья Елизаровна, (2)
Полонили они да во третьей город, (2)
30 Красны девушки да все молодушки,
. . . или в том числе Марью Елизаровну
Со милым-то со чадом, со Михайлушком.
Разостáвили они да бел полотняный шитер,
35
.
.
.
40 Елизаровну
. йлушком. (2)
. прослушал этогó,
. за досадочку,
. да он серым волком,
45 ней горлá повýдергал;
Он обертывался да белым горнаком,
У добрых ружей ремешечки повýдергал,
У тугих лукей тетивочки повыкусал,
У золоченых стрел перышки повырывал.
50 Он выскакивал белый горнок бел полотняный шитёр.
Еще стали они да хватать его, (2)
Еще нéкуды ему да повернутися. (2)
Этотот да он чадо милое
Спроговорит: «Да ты, моя маменька,

- 35 Ох ты, мать моя да родименькая,
 То откуль этот бел горночѣк поскакиват,
 Не твой ли родный дядика?»
 Белому горноку некуда повернутися.
 Отворяла Марья Елизаровна бел полотояный шитѣр,
 60 Убежал белый горнок во чисто полѣ,
 Он обертывался да черным вороном.
 В чистом поле черный вороп воскуркает,
 В чистом поле черный ворон воскуркает:
 «Лошидей хватай, силушка безсчетная!»
 65 А другоретъ черной ворон в чистом поле воскуркает:
 «Лошидей седлай, силушка безсчетная!»
 В третьей черной ворон в чистом поле воскуркает:
 «Ты руби-секи, силушка безсчетная!»
 Приехала силушка, вырубилa. (2)

Силу йху-то всю изрубил и Марью Елизаровну взял. Хотут воевать они; они за ружья поймают: ружья простыя совсем выломанныя. За луки доймают — луки выломанныя; побежали они во чисто поле; тутa их не знаю, настигли; не знаю, нет ли.

110. ПЛЕМЯННИКИ КОРОЛЯ ЯЧМАНА И ЦАРЬ ЕЛИЗАР

- Еще було-те, було два гостя богатые,
 Королевские два племенника.
 Не пьют, не едят, хлеба не кушают.
 Тут спроговорѣт к нема их дядѣко —
 5 Ячман король Ячманайлович:
 «Ви пошто ни пините, не едите, хлеба не кушаете?
 На кого зла лиха ви думаете?
 На меня, на дядю, на Ячмана короля?
 Али на чотку свою благоверную?»
 10 Али на шестру свою родимую?»
 — «Ми не пьем, не едим, хлеба не кушаем,
 На никого зла лиха ми не думаем.
 Ми хочем бежать под Бернец-город,
 Полон полонить хочем Марию Елизаровну,
 15 Со тем було чадом, со Михайлушком».
 Тут спроговорѣт их дядяко Ячман король:
 «Ещо цар Елизар он хидер-мудьор.
 Не мало раз я, король, бегивал,
 Не мало раз я, король, силу тѣрывал,
 20 Едва я сам, король, убегивал».
 — «Ох ти гой еси, наш дядѣко,
 Дай нам силушку сорок тысяч, вшыю охотную».
 Тут раздернулась занавеса барчатая,
 Выходила ихa шестрица родимая,
 25 Подходила своему дядѣко приближешенько,
 Кланялась она понизѣхонько:
 «Ох ти гой еси, мой дядяко,
 Отдай им силушку невольную».
 Отдает к ним силушку невольную сорок тысяч.
 30 Подбежали они под Бернец-город,
 Полопъ полонинили Марию Елизаровну,
 Со тем було со чадом, со Михайлушком.
 Тут ражъехался цар Елизарович,
 Стал он своей силушке наказывать:
 35 «Ох ты гой еси, моя силушка,
 Во первой раз черен ворон воскуркает —
 Еще вшыя моя силушка коней хватай.
 Второй раз черен ворон воскуркиват —

- Вся моя силушка коней шеллай.
 40 Трэччый раз черен ворон воскуркиват —
 Вся моя силушка татар плени,
 Татар плени, как лес клони».
 Обертывается он шерым волком.
 Побежал шерой волк во чисто поле —
 45 У добрых коней жилки вше повыдергал.
 Обертывается он белым горпаком —
 У тугых лучков тетивочки повинереедал,
 У калипых стрел верошки вше повыкушал,
 У ружей кремешечки повыдергал.
 50 Воскакиват белой горнак во белой шачер.
 Тут спроговорэт Михайлышко, чадо милое:
 «Уж какой тут, мамо, белый горначок?»
 Тут спроговорэт Мария Елизаровна:
 «Это ведь не белый горпак, твой дяди́ко».
 55 Ещо в ту пору от сна татары пробудилися,
 Стали белого горпачка похватывать.
 Ещо стал тут белый горначок поскакиват.
 Стало белому горничку тугешенько.
 Выскакиват к своей шестрице под берчат рукав.
 60 Виходила Мария Елизаровна из бела шатра.
 Випущала белого горпачка.
 Побежал белый горнак во чисто поле,
 Обертывается он черным вороном.
 Стал черен ворон покуркивать —
 65 Вся его силушка коней хватат,
 Второй раз черен ворон покуркиват —
 Вся его силушка конней шедлат.
 Трэччый раз черен ворон покуркиват —
 Вся его силушка татар пленит.
 70 Татар пленит, как лес клонит.
 Вшех татар она випленила.
 Итих королевских племешпиков он живком хвачил,
 У одного руку изломал и ногу изломал,
 У другого глаза оба выкопал;
 75 Посадил он хромого на слепого
 И отправил Ячману королю:

111. КОРОЛЕВСКОЕ

- «Королевски два племянничка,
 Что вы не пьете, пива не кушаете?»
 Тут стает на свои резвы пожечки,
 На сафьяновы сапожечки:
 5 «На кого вы зла лих думушку думаете?
 Или вы на короля или на королицу,
 Или на вольпицу на мою на удалую,
 Или на сестрицу на мою на родимую?»
 — «Мы-то думушку думаем не маненькую,
 10 Мы-то думаем думушку большую:
 Мы-то хотим поступить по Граждан-город,
 Мы-то хотим полепить Марью Елизаровну».
 — «Полноте, ребята, нам живым не быть,
 Не малый раз я поступал —
 15 Не мог поступить во Граждан-город,
 Не мог поленить Марью Елизаровну».
 Тут выходит его родна тетичка одна:
 «Ты отдай-то имя силушку охотную,
 Ты отдай-то имя сорок тысяч,

- 20 На прибавку ты имя двадцать тысяч.
 Отворяют они двери на двое,
 Поступили-то они по Граждан-город,
 Поленили они Марью Елизаровну,
 Как со тем была со чадом, со Михайлушкой.
- 25 Вдруг молодцам имя приустаточно стало,
 Тут натягивают шатер бел полотняный.
 Тут из них-то один изменщик есть,
 Побежал сару с вещами: ¹
 «Что пьешь, ешь, всемя прохлаждаешь,
 30 Ты не знаешь про свою Марью Елизаровну:
 Королевских два племянничка
 Поленили у тебя Марью Елизаровну
 Как со тем было со чадом, со Михайлушкой».
- 35 Надевает он шляпу на одно ухо,
 Надевает он кафтан на один бекрень,
 Еще стал он силушку показывать
 И наказывать, приговаривати,
 Обвернувшись шерым волком,
 Потом тут же белым горничком,
 40 Потом обернувшись черным вороном:
 Еще первый раз крутнул — силушка нарожайся,
 Еще второй раз крутнул — силушка иди,
 Еще третий раз крутнул — силушка щеки!
 Тут обертывается серым волком,
- 45 Побежал он во чисто поле,
 У хороших лошадей горла выдергал,
 У тугих луков тетивы переел,
 У хороших-то ружьев кремня выдергал,
 У хороших у копьев конца выломал.
- 50 Тут овертывается белым горничком,
 Тут выскакивает шатер бел-полотняный.
 Стал-то горничек тут поскакивать,
 Стали горничка тут подхватывать,
 Тут-то горничку ему туго стало.
- 55 Тут нагибается его Марья Елизаровна,
 Подставляет-то ему она косовечный рукав,
 Выскакивает горничек в косовечный рукав,
 Отпускает она его во чисто поле.
 Тут обертывается он черным вороном:
- 60 Первый раз крутнул — силушка нарожайся,
 Второй раз крутнул — силушка иди,
 Третий раз крутнул — силушка щеки,
 Как секиру руби, шильный лес клопи!
 Еще силушка то прикончилась.

¹ С вестями (Собир.).

112. ДЮК СТЕПАНОВИЧ

- Как издалече, из чиста поля,
 Из того из городу, из Хвалынского,
 Не ишло сокол вилетывал,
 Высезжал удалой добрый молодец
- 5 Боярский сын Дюк Степанович,
 Дюк на шивочке, Дюк на бурочке,
 Трой годочки, трой травочки
 На любименьком жеребеночке.
 Как у Дюка були три особенки,
- 10 На три кольчата кибирчата калины стрелы.

- Поутру рано Дюк стрелки стрелят,
 К вечеру поздно Дюк стрелки жбирает.
 Где стрела стоит, тут швеча горыт воску ярого.
 Вшем стрелкам цены ведаёт:
- 15 Каждая стрела по пяти рублей.
 Только трем стрелкам цены не ведаёт —
 Во ушках були стрелки садённые
 По камешку по латару, по яхопту,
 Пероныма перышками орлиныма,
- 20 Не того орла сизого, как того орла камского —
 Летает по шиню мору, выпархивает перья в шине моро,
 Бегают гости-корабельщики, собирают перышки орлиные,
 Вивожят каменну Москву князем-боярам на подарок,
 Старым старикам усы торжичь,
- 25 Молодым молодушкам порты кроить.

113. САДКО

- Еще жил Садко купец, гость богатой.
 Не мало раз Садко по мору бегивал,
 Морского цара ничем не даривал,
 Чужие дари-пошлины ничем не оплачивал.
- 5 Еще останавливал то корап серди шиня мора,
 Еще спроговорел Садко купец, гость богатой;
 «Ви, дружиннички храбрые,
 Еще сядем во единой круг, во большё место,
 Сделаем жеребьи легкие
- 10 Из чистого белого серебра,
 Еще брошимьте —
 Еще чей ли жеребий будет повертывати,
 Еще чей ли будет посередь струей,
 Еще чей ли будет жеребий, как ключ, ко дну».
- 15 Они шяли, дружиннички храбрые,
 Во единой круг, во большё место,
 Бросали жеребьи в шинё мору.
 Увжа вше жеребьи плавают,
 Садково жеребий, как ключ, ко нну.
 Еще спроговорел купец, гость богатой, Иван Васильевич:
- 20 «Не мало раз Садко по мору бегивал,
 Морского цара ничем не одаривал,
 Чужие дари-пошлины не оплачивал.
 Сам знаю, сам я ведаю —
 Еще сядемте, ребятушки,
- 25 Во единой круг, во большё место,
 И сделаемте жеребьи
 Из чистого, из красного золота.
 Еще брошимьте —
 Еще чей ли жеребий будет повертывати,
- 30 Еще чей ли будет посередь струей,
 Еще чей ли будет жеребий, как ключ, ко дну».
 Шяли они в единой круг, во большё место,
 Еще сделали жеребьи легкие,
 Из чистого красного золота,
- 35 Бросали жеребий в шине моро.
 Вше жеребьи плавают, Садково жеребий, как ключ, ко дну.
 Еще спроговорел купец, гость богатой, Иван Васильевич:
 «Сам я знаю, сам я ведаю —
 Еще сядемте, ребятушки,
- 40 Во единой круг, во большё место,
 И сделаемте жеребьи легкие,

- Из того из белого дерева, кипарис дрэва».
 Шяли они во единой круг, во большё место,
 Сделали они жеребьи легкие,
 45 Из того из белого дерева, кипарис дрэва,
 Бросали жеребий в шине море.
 Више жеребьи плавают, Садково жеребий, как ключ, ко дну.
 Еще спроговорел Садко купец, гость богатой:
 «Сам я знаю, сам я ведаю —
 50 Не мало раз Садко я по мору бегивал,
 Морского цара ничем не одарывал,
 Чужие дары-пошлины не оплачивал.
 С уделу Садку написано, от бога назначенное —
 55 Сделайте, — говорит, — бочку хрустальную,
 Брошайте меня, Садка, в шинее море».
 Сделали бочку хрустальную,
 Бросали Садка в шинее море.
 В ту пору Садку придремалось, приуспулася,
 60 Вот привиделось Садко сон-сновидение:
 Приходили Садку сорок невест:
 Попреди идет девушка-красавица,
 Позады нее идет девица-чернавица.
 Еще спроговорел морской цар:
 65 «Бери, — говорит, — Садко, девицу-красавицу».
 — «Не вожьму, Садко, девицу-красавицу,
 Вожьму, Садко, девицу-чернавицу».
 Видергывали Садко из шиня море,
 Побежал-то корап по синю мору.

114. САДКО

- «Собирайтесь, дружинки, во един кружок,
 Сделаем жеребьи лёгкие, из того, из чиста из золота.
 Бросим во море, во Холбинское.
 Чей будет жеребий сплывать поверх воды,
 5 Чей будет жеребий сплывать посередь воды?»
 Сей жеребий поплавливают,
 Садково жеребий, как ключ, ко дну.
 Ту пору Садок запечалился:
 «На роду мне, Садку, написано,
 10 Суждено мне, Садку, достовалося,
 Дари були, посланы не плачевал».
 — «Собирайтесь, дружинки, во един кружок,
 Сделаем мы жеребьи лёгкие
 Из того из чиста из серебра,
 15 Бросим чего во море, во Холбинское.
 Чей будет жеребий сплывать поверх воды?»
 Се жеребии поплавливают,
 Садково-то жеребий, как ключ, ко дну.
 Ту пору Садок запечалился:
 20 «На роду мне, Садку, написано,
 Суждено мне, Садку, доставалася,
 Дары були, посланы не плачевал».
 — «Собирайтесь, дружинки, во един кружок,
 Сделаем ми жеребьи лёгкие из того из дерева, кипарис дерево».
 25 Бросим чего во море, во Холбинское.
 Чей будет жеребий сплывать поверх воды?»
 Се жеребии поплавливают,
 Садково-то жеребий, как ключ, ко дну.
 Ту пору Садок запечалился:
 30 «На роду мне, Садку, написано,

- Суждено мне, Садку, доставалася,
 Дары були, посланы не плачевал.
 Сделайте бочку хрустальную,
 Спустите во море, во Холбинское».
- 35 Сделали бочку хрустальную,
 Спустили во море, во Холбинское.
 Сновидение Садку провидалося:
 Попереди идет девица-красавица,
 Позади идет девица-чернавица.
- 40 «Не бери, Садок, девицу-красавицу,
 Ты бери, Садок, девицу-чернавицу».

115. КАЛИГА

- Шел калига с гори на гору на высокоую.
 У калиги шуба гормажин сукна,
 У калиги шапка черных соболей,
 У калиги-то сапожки зéлений сафьян,
- 5 У калиги посошок кипарис дрэво,
 Кипарис дрэво — вшем дрэнам дрэво.
 Увидат калига: стоят три цара:
 Федошейко цар Федошеевич,
 Волотóмен цар Волотóманович,
- 10 Кудреванко цар Кудреванович.
 Выпадала книга «Голубельный цвет»,
 На-вокруг то книга сорок сажень,
 Вишину та книга три печатные.
 Спроговóрит калига:
- 15 «Федошейко цар Федошеевич,
 Ты бери-то книгу éдиной рукой,
 И читай-то книгу на éдинýй дух».
 — «Мне не вжать будет, не прочать будет».
 Спроговóрит калига:
- 20 «Кудреванко цар Кудреванович,
 Ты бери-то книгу éдиной рукой,
 И читай-то книгу на éдинýй дух».
 — «Мне не вжать будет книгу, не прочать».
 Спроговóрит калига:
- 25 «Волотомен цар Волотоманович,
 Ты бери-то книгу éдиной рукой,
 И читай-то книгу на éдинýй дух».
 — «Мне не вжать будет книгу, не прочать».
 Берет калига книгу éдиной рукой,
- 30 И читает книгу на éдинýй дух:
 Отчего зачался у нас белый свет,
 Отчего зачалось красно солнишко,
 И отчего зачались часты звездочки,
 Отчего зачалась мать плакунь-трава —
- 35 Оттого от поту от конiннова,
 И от въздыхания человекéго.

116. О КНИГЕ «ГОЛУБИНЫЙ СВЕТ»

- Не ковыль-трава в поле шатается,
 Не вéшна вода разливается,
 Шла калига по чистú полю.
 У калиги была шуба черных соболей,
- 5 Покрыта была шуба гармазин сукном.
 У калиги были посошок кипарис дрéва,
 У калиги сапожки сафьянные, гвоздочки булатные,

- У калиги чулочки шелковые.
 Увидала калига: три сара идут:
 10 Кудреванко сар Кудреванович,
 Болотопко сар Болотонович,
 Федосейко сар Федосеевич.
 Тогда выпадала с неба книга «Голубиный свет»,
 Долину была книга сорока сажень,
 15 В ширину была книга тридцати сажень,
 В толщину была книга печатна сажень.
 Тут спроговорит калига переходящая:
 «Кудреванко сар Кудреванович,
 Вожми эту книгу единой рукой,
 20 Прочитай ты эту книгу единым духом
 И расскажи ты эту книгу
 По-ученому и по-писаному».

117. КАЛИГА ПЕРЕХОЖАЯ

- Шла наша калига переходящая, переезжая,
 На калиге шубка гармажин сукна,
 У калиги кушачёк шелку разного шемахинского,
 У калиги строска кипарис древа.
 5 Не кобель трава в поле шатается,
 Не вешна вода разливается,
 Попадает калига на гору,
 На гору — гору высокую.
 Увидает калига: ходят три сара,
 10 Три сара — три саревича:
 Кудреванко сар Кудреванович,
 Федосейко сар Федосеевич,
 Олотбмин сар Олотонович.
 Выпадала книга «Голубельпой свет»,
 15 Долину книга тридцати сажень,
 Ширину книга двадцатих сажень,
 Толщину книга печатна сажень.
 Спроговорят калиге эти три сара:
 «Вожьми, калига, эту книгу,
 20 Читай эту книгу единым духом».
 Спроговорит калига единым духом:
 «Хоть и жять мне книгу — не поднять будёт,
 Не прочитать будёт;
 Хоть прочитать будёт — не рашкажать будёт».
 25 Спроговорят эти три сара:
 «Читай хоть три листа».
 Читал калига эти три листа,
 Три листа и ровно три года:
 От этой же книги зачался белой швет,
 30 И зачалася мать шыра-земля,
 И зачалося красно солнышко,
 И зачался свет светёл мешяц,
 И зачалася мать плакуп-трава
 И зачалася мать Ердань-река.

118. КАЛИГА ПЕРЕХОЖАЯ

- Шла то наша калига переходящая, переезжая,
 У калиги шуба кармазин сукна,
 У калиги стростка кипарис древо.
 Не кобель-трава в поле шатается,
 5 Не вешна вода разливается.

- Попадает калига на гору, гору высокую,
 Увидал калига: ходят тры цара:
 Кудрэванко цар Кудрэванович,
 Федосеев цар Федошеевич,
 10 Болотóмен цар Болотомонович.
 Как от той було сторопочки осточною
 Подымалась туча грозная,
 Выпадала книга «Голубельный швет»,
 В долину книга сороких сажень,
 15 В ширину книга трыдцатых сажень,
 В толщину книга печатну сажень.
 Тут спроговорэт калиге эти тры цара:
 «Читай, калига, эту книгу».
 Тут спроговорэт калига этичэм трэм царам:
 20 «Хоть мне вжять будьот — не поднять будьот,
 Хоть читать будьот — не прочитат будьот».
 — «Читай, калига, хоть и тры листа».
 Читал калига эти тры листы ровно тры года:
 Писал эту книгу сам Исус Христос,
 25 От этой книги вжялся белой швет,
 От этой книги красно солнишко,
 От этой книги как шине моро,
 От этой книги как плакунь-трава.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

119

- Соловей кукушечку уговаривал:
 «Полетим-ка, кукушечка, к нам во сирой бор,
 Во сиром борочке ми гнездичко совьем,
 Введем из гнездичка малых детушек,
 5 Чебе как веточка, а ко мне соловья».
 Соловей кукушечку уговаривал:
 «Полетим, кукушечка, в Казань-городок,
 Казань-городочек на краше стоит.
 Казанская реченька медом протекла,
 10 Мелкие ручьечки сладкой водочкой,
 По бережку камушки разноцветные».
 — «Врешь ти, врешь, молодчик, врешь, омманываешь:
 Сама красна девица в Казани була.
 В Казани була я, Казань видела».
 15 Казань-городочек на костях стоит,
 Казанская рёчешька кровью протекла,
 Мелки ручьёчки горячьми слезьми.
 По бережку камушки — буйные головы,
 Буйные головушки молодецкие,
 20 Молодецкие и вше солдатские».

120

- Грозный цар Иван Вапильевич,
 Он копил шилу ровно тры года,
 На четвертый год воевать пошел.
 Стал он своей силушке наказывать:
 5 «Ох, вы, дети, мои детипушки,
 Развоенные мои солдатушки,
 Нам горою идти — город не вжять будет.
 Ви копайте рви, рви глубокие,

- Нагружайте ветки с товарами.
10 Не зовите меня самым царом,
А зовите меня купшинечком прибогатеньким».

121

- На утреннем на сходимом красном солнышке
Собирались Ермаки во единой круг,
Во единой круг хлеба кушати.
Атаманом бул Ермак Тимофеевич,
5 Есаулом бул Ермак со Дунай-реки —
Лосташка, Лаврентий сын.
Тут плула-то, выплувала лодка коломенка.
Заражали тут они пушку менную,
Насыпали они пушку мелкого пороха.
10 Тут стрэляли вдоль по лодке киломенке.
Тут спроговорэт Ермак Тимофеевич:
«Ми убили, рэбаты, посла царского,
Утупили казну царскую.
Уж а где станем, рэбаты, зиму зимовать?
15 Уж а где станем, рэбаты, лето летовать?
Лучче гранемте, рэбата, под Кучум-город,
Ми кучумское-то царство вижгем, виплиним,
Ми Кучума-старика в полон полоним,
Ми Кучинуху-старуху за себя вожьемем,
20 За это нас государь-цар пожалует».

122

- Скакал тут Скопин горы на гору,
Он быстрые речки перепрыгивал,
Он круглые ожерья промеж ног пуцал,
Он гража, болота хвостом заштилал.
5 Приезжает Скопин во посольский дом, в юрту съезжую.
Садился Скопин на ремонтчату стул,
На ремонтчату стул, за дубовый стол, по конец стола.
Видергивал гумажечку гербовый лиш,
Видергивал чертаичку аркадскую,
10 Брал перо лебединое, он писал ярлычки-скорописемки
Тому королю, королю шведскому:
«Ти, шведской мой король, будь мой старший брат,
Дай мне вспоможенье великое:
Абкружила круг меня тварь поганая,
15 Не дает мне не пройти и не проехати.
Дай мне силушку иж трох жемель:
Иж первой жемли немцов-кашверцов,
Иж другой жемли, жемли греческой,
Иж тречной жемли, иж шведской жемли».
20 Выходил Скопин на швятую Русь,
Воходит Скопин во большу церковь,
Служил он молебны великие:
«Ох же, мать ти божья, пречиста богородица,
Еще та була, Шераня Шремудрая,
25 Победить-то эту тварь поганую».

123

Не злаченая труба в поле трубилашя,
Не скаченная жемчужинка прокатилашя.
Проглашил-то нас надежда православный сар.

- «Ох ви, дети мои, дети мои, детушки,
 5 Развоенные мои да ви солдатушки,
 Послужите ви, робэта, верой-правдою,
 Верой-правдою, робэта, неизменною.
 Ви достапьте, доступите вжять Смолин-город».
 Еще в ту пору робэта запечалились:
 10 «Как тапериче нам па швете живым не быть,
 Не видать-то нам, робэта, отца-матерей,
 Отца-матерей, робэта, молодых жен,
 Молодых жен, робэта, малых детушок».
 — «Еще дам вам воеводу неизменную,
 15 Швет любимого мово шурина,
 Швета Якова вам, да Люпопостовича.
 Тут пошла-то наша сила
 По горе, горе Покровской.
 Под славной город Смоленской
 20 Шел Илья сын Мирославской.
 На приступ стовал не крепко,
 Раздрожал полки не лапно.
 Велел схоня подрубити,
 По схоням скоро бегите.
 25 Адип маленькой папенок
 Ниоткуль он вибигаает,
 В пушку порох зажигаает.
 В пушка порох заражатся,
 Люто зельё раздрыватся.

124

- Как по три года Азов-город взаперти стоял,
 На четвертый год отпирается он без ключика,
 Без замочика и без притворочка.
 Выезжают два удалые елынчата,
 5 У добрых коней по колён ноги закованы.
 Присмотрели очи ясные во чисто поле,
 Во белых руках придержали сабли острые.
 Выезжает к нима навстречу Стеньки Разинова сын:
 «Победил этих двух елынчата,
 10 Победил я этих двух елынчата,
 Выводите мово отца Сенька Разина из заклятия».

125

- Появился здесь да детинушка, незнамой человек,
 Добра хóроший, да по городу погуливает:
 Как желен сафьян сапожки на шелковых на чулках,
 Алой бархатной кафтанец на в опном плече пошил,
 5 Борзуменсковой кушачок за один конец волочил,
 С призумептами черную шляпу на в опном ухе ношил,
 Еще стаперам офицерам-че поклон к нима не дает,
 Востраханскому губернатору под суд к нему не идет.
 Еще стали у детинушки-ту спрашивати:
 10 «Ти откуль взялся, детинушка, незнамой человек,
 Ти казанской, али москоской, али востраханской?»
 — «Не казанской, не москоской, я не востраханской,
 Я со Камень со реки, да Стеньки Разина сынок.
 Еще завтра-чэ поутру мой батюшко к вам в гости будет.
 15 Умейте его да встречать, умейте потчевать,
 Востраханский губернатор, больше денежки наши».
 Как поутру тут и ранним-ранешенько

- Насходило румено красно солнишко.
 Низ по Камень по реке легка лодочка плула.
 20 Как сидят в ношу грѣбцы, да удалые молодцы.
 В шарѣдине-че да сидел Стенька Разин атаман.
 Он кричал, братцы, ровэл да зычным голосом своим:
 «Увжа, где мой сынок, сын возлюбленный мой?»
 Еще в ту пору, как люди вше испужались,
 25 Еще старые да хоромы-то вше припадали,
 Новые хоромы-то поштилися,
 Востраханскому губернатору шмерть шлучилася.

126

- Чисто серебро у молодца минуется,
 Молодецкая любовь не забудется,
 Хоть забудется, любовь вспоминается.
 Братцы кланятца солдаты многобратные:
 5 «Рассуди нас, воевода, с Долгоруковыми:
 Переграбил Долгоруков наше жалованье,
 Хлебовое, солевое, многоденежное,
 Много соли, много хлеба, много денежек».

127

- «Ох, талан мой, участь горькая,
 На роду мне написано,
 С уделу мне досталось,
 Доставался мне Иструм-город».
 5 Во Иструме славном городе,
 На проезде большой улицы
 Стояла светла светлица.
 Посаженой бул российской граф,
 Черношлев Захар Григорьевич.
 10 Он по светлице похаживает,
 Табаку трубку покурывает,
 Сам к окошечку прикланиват.
 Как случилось мимо ехати,
 Как тому королю прусскому.
 15 «Ох ти гой еси, прусскѣй король,
 Прикажи меня поить-кормить,
 Прикажи меня повинуштить».
 Тут спроговорот прусскѣй король:
 «Уж какие люди страшные,
 20 Уж какие безбояжные.
 Сидят сами во поймань,
 Говорят речи не с уклонкою.
 Не приказываю я поить-кормить,
 Не приказываю повинуштить».
 25 Тут спроговорот российской граф,
 Черношлев Захар Григорьевич:
 «Ах, кабы мне сабля вострая,
 Я струбил би по плеч голови,
 Походил би я по могучим по плечам».

128

Пишот, пишот король шведской
 Восударни во двор:
 «Ти, российская наша восудариня,
 Отдай наш город Греждань.

- ⁵ Не отдашь ти наши города —
 Не гневайся на меня,
 На шведского короля.
 Я в твою жемлю ступлю,
 Все фатеры разберу.
¹⁰ Всех твоих любимых енералов
 По купеческим домам.
 Еще сам я, король шведской,
 Восударине во двор».
 Еще в ту пору наша восудариня
¹⁵ Запечалилась в Москве.
 На ту пору, на то времо
 Шеремечъев восподин:
 «Ти, российская наша восудариня в Москве,
 Не печалься, не тужи:
²⁰ В пушке пороху довольно,
 Пистолеты есть при нас».
 Тут российская наша восудариня
 Возрадовáлася в Москве.

129

- Пишот, пишот король шведской
 Восударине в Москву:
 «Шя, российская наша восудариня,
 Отдай мои, мои города,
⁵ Отдай Ригу, отдай Ревень,
 Славный мой город Грездань.
 Не отдашь мои города —
 Не гневайся на меня:
 Много шилы прикоплю,
¹⁰ На твою жемлю ступлю,
 Вше хачери распишу,
 И с конца конец пройду.
 Любимого своего япарала Шилимеччову
 Во двор, сам я, король шведской,
¹⁵ Восударине самой».
 Еще втупере наша восудариня испужалася,
 Покатилась буйна головушка у ней.
 «Не крушися, наша восудариня,
 У нас поруху довольно,
²⁰ Пистолеты при шебе!»

130

- Не яшен сокол летает —
 Казак Платов разъезжает.
 Он по крутой по горэ,
 Сам на вороном коне.
⁵ Шибко громко, громко проскакал,
 Только два слова сказал:
 «Развоенные солдаты,
 И онним словом, словом — молодцы,
 Не без мерышка пите
¹⁰ Да желеного вина.
 Без рощету, братцы,
 Получай государевой казны,
 Енеральской честь хвалы.
 Ой, так, люли-люли,
¹⁵ Усы, бороды обрил,

Через закон Платов ступил
 И у хвранцуза в гостях бул.
 Его хвранцуз не спрознал,
 За купчишка принимал:
 20 «Ох, ты, купчик, мой голубчик,
 Много злачиков бери,
 Про Платова расскажи!»
 — «Уж на сто вам казну терять,
 А нузно так его увидать.
 25 Казак Платов, братец мой,
 Отца-матери оной».

Его дочь пе сробела,
 За портрэттики хватела:
 «Ох, ты, паленька ронной,
 30 Этот ведь самый Платов, он!»
 На крылечко соскача,
 Зычным голосом вскричал:
 «Ви где же, мои рэбаты,
 Ви как донски казаки?
 35 Ах, ви, донски казаки,
 Дайте ворона коня!»
 На добра коня садился,
 Соколиком полетел.
 «Ти ворона, ти ворона,
 40 Ти хвранцузский король!
 Ни тебе было вороне,
 Меня, соколика, поймать,
 А лучше по полю гуляя,
 Да мишей тебе топтать!»

131

Александрo обещался
 К Рождеству домой прибуьт.
 Вше празнички настало,
 Александры дома пет.
 5 Его матушка ронная
 Она вшем сердцем крушит.
 Молода жена-супруга
 День и ночь она не спит.
 Тут двенадцать утитантов
 10 Ордена-знаки несут.
 Двенадцать епералов
 На кладбище на голове его несут.

БАЛЛАДНЫЕ ПЕСНИ

132

На пиру були пьяны-вешелы:
 Охто хвастает добрым конем,
 Охто хвастает молодой женой,
 Охто хвастает жиччьем-быччьем, богатством.
 5 Еще два братца, два волховника, ничем не хвастают.
 Тут ставал князь на рэзвы ножки:
 «А ви, два братца, два волховника,
 Почему не хвастаете ни жиччьем-быччьем, не богатством?»
 Они говурят: «Чем будем ми хвастать?»
 10 Еще у нас есть она шестрица Софья Волховнишна,

- Швэчол мешец не прошветил,
Красно солнышко не обогрело,
Добрые люди не уздрили».
- Тут ставал из шеряного стола Хвэдор, сын Колыческой:
- 15 «Ох ви, два братца, два волховника,
Ни густым ли местом хвастаете?
Еще я знаю вашу шестрицу Софью Волховнишну
В полунощную пору в одной сорочке без поясу».
- И вибегае Хвэдор на улицу,
- 20 Убегае к Софье Волховнишне во висок черем.
Говурит оп к пей: «На пиру були пьяны, вешелы,
Пьянским делом призахвастались».
- Говурит она: «Понапрасны, Хвэдор, хвастаешь,
А чепер к нам живым не быть».
- 25 Приезжали два братца во висок черем и кричат:
«Ох ты, сукин сын, Хвэдор Колыческой,
Виходи на улицу; ми убить хочем тебя,
А в доме кровянить не хочем».
- Тут выходит Хвэдор, сын Колыческой,
- 30 Подкололи на два ножичка булатные.
А Софья Волховнишна во шенях на петле качается.
Тут спроговорат два братца:
«Ми не ланно так сделали:
Лучче бы Хвэдора иной город сослали,
35 А шестрицу свою во крэпких руках дэргали».

133

- Шумит, гремит мать Щура-река, Щура бистрая.
Как сестра братца зарезала,
Бросала она мать Щуру-реку.
«Ох ты гой еси, мать Щура-река,
5 Ты вожьми моего братца милого».
- Тут Щура-река взволновалася,
Выбрасывала его на сухой берег.
Как шестра брала братца милого,
Бросала его во студень погреб.
- 10 Приезжает ее батюшка,
Стал он спрашивати:
«Уж, а где мой сын ронной,
А где твой брат ронной?»
— «Он уехал во чисто поле».
- 15 — «Ти не будь моя дочь ронна,
Будешь вечно прбклята».

134

- Еще есть-то у меня-то, у молодца,
На своей-те стороне есть-то два братца
Да три шештрицы, три родимые они.
Ббольшая моя шештрица с поля копей гопила,
5 Шередня моя шештрица коней обуздывала, (2)
Меньшая моя шештрица коней обшедывала, (2)
Восударыня родна матушка в руки плетку подала, (2)
Молода жена гарушечка у стремечка стоит. (2)
Она у стремечка стоит, чада милого дэргит,
10 Чада милого дэргит, в слезах речь говорит:
«Уж и когда ты, мой середешнинький, возвратно ожидать?»
— «Ожидай ты меня, молодца, через 33 года,
Когда вырастет трава около нашего двора,

- Когда разольется мати Волга на крутые берега,
 15 Когда вышлывает из Волги-реки сер горючий камешок,
 Когда на камешке выростать будет част ракитовый кусток,
 Когда на кустичке сокол совьется тепло шибе гнездо,
 Когда выведет из тепла гнезда малых детушек своих,
 Уж тожно меня, молодца, возвратно ожидай».

135

- У христянина богатого
 Були три сына любимые,
 Любимые, родимые.
 Приезжал младой полковничек,
 5 Привозил указ нерадосной,
 Нерадосной, немилосливой,
 Стобы с трох сыновей в солдаты вжать,
 Достольных-ти в казаки списать.
 Тут расплакался христянушко:
 10 «Мне большего сына жаль отдать,
 Шеренного не хочется,
 Меньшому сыну бог велел».
 Расплакался христянской сын:
 «Будто я чибе не сын ронной,
 15 Будто я чибе-ка пасынок?»
 Тут спроговорет христянушко:
 «На роду чибе написано,
 Суждено чибе, досталоса,
 Ох ви, дети мои, детишки,
 20 Ви подите во кузницу,
 Скуйте ви по ножичку,
 По ножичку, по прутуку.
 Стрежьте ви по жеребью.
 Ви пойдите на Неву-реку,
 25 Ви бросайте в Неву-реку.
 Уж которого жеребий ключ ко дну пойдет,
 Тот и во солдатушки пойдет».
 Как пошли они во кузницу,
 Сковали они по ножичку и по прутуку,
 30 Стрезали они по жеребью,
 Пошли они на Неву-реку,
 Бросали они в Неву-реку.
 Большого сына — поверх воды,
 Шеренного — пошередь воды,
 35 Меньшого сына — ключ ко дну.
 Расплакался христянской сын:
 «Ви пойдите к отцу, к матери,
 Еще я-то во солдатушки пойду».

136

- В пятнадцатом году
 Пошла вдова по воду.
 Приплували ко вдове
 Два удалых молодца.
 5 Один книгу читает,
 Другой вдову пытается:
 «Ох ты, вдовушка, вдова.
 Черноброва, хороша,
 Вийдешь ли замуж за мспя?»
 10 Она ему отвечает:
 «За тебя замуж иду
 И за другого дочь даю».

Взяла она зарезала любовника.
 Из ясных из очей умела чары паточать,
 Из его костей велела кроваточку струбить.
 Из его из тела пирог велела испекти.
 5 Собрала она гостей: «Ох ви, гости-воспода,
 Загану я вам загадку, умеете отгадать:
 Я во миленьком живу, на миленьком сижу и милым подчую».

 Из них она красна девица призадумалась и призаплакалась:
 «Ох ти гой еси, Маринка-безбожница,
 10 Оберну я тебя сукой гошчевою и бесхвостовою» —

И обернула.

Молодой казак на часах стоит, думу думает,
 Как жену убить да другу нажить.
 Тут спроговорот как его жена:
 «Не убей меня вечером поздо,
 5 Ти убей меня со полуночи.
 Пускай малы дети приусыплются».

 Вывожил ее на швятую Русь,
 Убил ее у сыра дуба.
 Тут спроговорот к нему
 10 Как княжна Анна, дочь Романовна:
 «Очец Роман, сын Иванович,
 Ти куды девал мою матушку?»
 — «Твоя матушка во божжьем церкви
 Богу молится и спасается».

 15 — «Ох ви, нянюшки, ох ви, мамушки,
 Поведите ви меня в божжью церковь моей матушке».

 Повели ее во божжью церковь.
 Во божьем церкву вше пустым пусто, вше пустошенько.
 Тут ростужилась и расплакалась
 20 Княжна Анна, дочь Романовна:
 «Очец Роман, сын Иванович,
 Ти куде девал мою матушку?»
 — «Твоя матушка в чистом поле,
 В чистом поле, как шветочки вьет».

 25 — «Ох ви, нянюшки, ох ви, мамушки,
 Поведите ви меня в чисто поле моей матушке».

 Повели ее в чисто поле.
 В чистом поле вше пустым пусто, вше пустошенько.
 У сыра дуба кровь разливана,
 30 Мурава трава вша утоптапа.
 Тут расплакаша княжна Анна, дочь Романовна:
 «Очец Роман, сын Иванович,
 Ти куды девал мою матушку?»
 — «Вот чибе есть твоя матушка».

 35 — «Чибе разве будет матушка,
 Мне будет лиходеюшка».

Еще ключница на ключника доказывает,
 Как живет-то, живет ключничок с княгинушкой,
 Как имеет-то дела ключник со княгинушкой.
 Призывает наш надеждушка военный князь,
 5 Призывает того ключника допрашивать.
 Как идет-то ключник не пошакнется,

- Голубой его кафтан да раздувается,
 Голубая его лента, лента машется.
 Как пришел-то, пришел ключник к самому князю.
- 10 Еще спроговорот надеждущка военный князь:
 «Ты скажи, скажи, ключник, правду-истипу,
 Еще вправду ли ты живешь со княгинюшкой?»
 Тут стоит-то, стоит ключник, не пошахнетя,
 Его резвы пожки не подломятся,
- 15 Ретиво его сердечко не угрогнетя,
 Его белое лико не изменится:
 «Я живу, живу с княгинюшкой да не первый год,
 Я живу, живу с княгинёй ровно да три года».
- 20 Еще в ту пору царю завидно стало,
 Показалась за досаду, за немалую,
 За немалую досаду, за великую.
 «Еще завтра тебя, ключничка, я разжалую,
 Я сострою тебе палату семиугольскую,
 Я положу да перекладинку да сосновую,
- 25 Я повешу тебе петлю шелковую,
 Поведу-то тебя, ключничка, на петельку».
 Как поутру тут рапым было ранёшенько,
 Восходило румяно-красное солнышко.
 Повели-то того ключничка на петельку.
- 30 Тут запел-то свою песенку любимую:
 «Ви, солдаты, вы, солдаты, новобранные,
 Новобранные солдаты, княжененские,
 Не ведите меня заулками, переулками,
 Поведите мимо палаты, мимо княжеские.
- 35 Пито, едено во палатушке, ухожено,
 У княгинюшки белы груди утреплёны,
 Уста сахарные уцалованы».
 Еще ключничок на петельке качается.
 Княгинюшка в своей спаленке кончается:
- 40 Подкололась на два ножичка булатные.
 Прослезился наш надеждущка военный князь:
 «Как знать бы мне, ключничка в иной город сослать,
 А княгинюшку душу во крепё держать».

Олепинька брат Попович
 Сам на камешке сидел,
 Свой булат ножик точил,
 Поросковюшку грозил.

5 Он хватал бенну Параню
 За русу из косу,
 Он хлестал бенну Параню
 По руменой по щеке,
 По жемчужной по серьге.

10 Он пинал бенну Параню
 Сафьянным сапогом,
 Беломенным каблуком.
 С вечера бепна Параня
 Очень трунная больна.

15 Со полуночи Параня
 Призвала себе попа, исповедалася,
 Сто во тяжки во грехах спакаялашя.
 На угоре, косогоре большой колокол звонят,
 Поросковью хоронят.

У богатого купца,
 У Сохрона молодца
 Сочинилася беда немаленькая:
 Не сто рублей пропали,
 5 Не тысяча серебра.
 Пропадала у него
 Дочь любимая его,
 Швет Евгеньюшка-душа,
 Сама очень хороша.
 10 Ну искали, поискали
 По амбарам, по домам,
 По пичейным кабакам.
 Нашли эту пропажу
 У Микого во дворе,
 15 Новой бапе на полку.
 Ее буйна голова
 До мозгу пробитая,
 Ее русая коса —
 Расстрепаны волоса,

20 Черепахово гребалка
 На окошечке лежит.
 Бел полоччино рубашка
 Вшя испачкана в крове.
 И ее-че виновничок
 25 По окошечком сидит,
 Таки речи говурит:
 «Ни ко мне ли гошти едут,
 Ни меня ли гошти зват?
 Подводите лошадей,
 30 Тройку ухарных коней,
 Я шяду, поеду
 Ко возлюбленной своей.
 Грудь белу распечатую,
 Сударушку оживлю».
 35 Укулинушка бежит,
 Шветно плаччишко шумит,
 Отварала ворота,
 Нагривала живота.

Ти, белилешка, белиленька, травка шелковая,
 Ни без ветру, ни без вихору травка шатається,
 Ко сырой земле приклоняється.
 Тут по мору, мору шинему,
 5 По шинему мору, по Хвалынскому
 Еще плаваєт черен корап.
 Во кáрабле сидят люди вше невольные,
 Белые ручки завязаны,
 Режвые ножки вше закованы,
 10 Ясные очи вше завязанные.
 Из них один певольничек бул напросте:
 По караблю похаживает, он богу возмоляється,
 Миколаю швету чудотворцу:
 «Как от той було сторонушки осточную
 15 Потянули би ветры буйные,
 Вынес би меня господь бог на швятую Русь,
 По обету бы построил церковь божию,
 Церковь божию, Микольскую,
 Шменил би я сэбе Миколая швета чудотвореца».
 20 Невольничкова молитва богу доходная,
 Потянули со остоку ветры буйные,
 Стало карабличок покачивать,
 Из карабля вше невольники в воду припадали.
 Вишел невольничок на швятую Русь,
 25 По обету построил церковь божию,
 Церковь божию, Микольскую,
 По обету он шменил Миколая швета чудотвореца.

Из-за гор-че белогори, из-за гор-че белогор,
високих гор,
 Из-за дол-че било дол, дол, дол, широких дол,
 Тут течет, братцы, бегот да мать Иордан-река.
 А у Иордан-реки було дёнушко золочено,
 5 У Иордан-реки були бережки прикрутые.

А как же те желты, мелки песочки були сыпучие,
 Еще тут падало мать Иордан-река на шине моро.
 Из Иордан-реки выплываозт шер горучий камешок.
 На камешке вырастаёт час-ракитовый кусток.
 10 Ох, как на кушточке швивает сокол чепло гнездо,
 Хорошо чепило гнездо сокол изукрашиват:
 Пошерэдь гнезда швивойот этто скатным жемчугом,
 Он поверху гнезда швивойот этто чистым золотом,
 По углам-ит садит как по камешку да ведь по яхонту.
 15 Под чеплым гнездом лежали ровно тры года.
 Как нехто-то не знайот про чепло гнездо,
 Про чепло гнездо не знали соколиное.
 О, как ўзнали про чепло гнездо соколиное,
 С того було дворца от царского,
 20 Ражвеяли, разгромили как чепло гнездо,
 О, как чепло это гнездо соколиное.

144

Из-под камешка речка разливалась,
 С бережочками поравнялась.
 По этой бистрой речке плула веточка.
 Ну, хорошо как, братцы, ветка изукрашенная:
 5 Еще нос-корма у ветки подзолоченная,
 И рытом бархатом ветка обколоченная.
 Во пошу сидит атаман с-т ружьём,
 Во кормэ сидит, братцы, есаул с копьём,
 Ну пошередь ветки лежит золота кажна.
 10 На кажне, братцы, красной ковричек,
 На ковру, братцы, сидит крашна девушка,
 Атаманова, братцы, полюбовушка,
 Есаулово, братцы, ронна шестричка.
 Сновидением она во шине видела:
 15 «Атаманушку-братцу быть убитому,
 Есаулушку-братцу быть пойманому,
 А золотой кажне быть похиченной,
 А мне, красной девушке, полоненой быть».
 Тут спроговурэл, значит, атаманушко-брат:
 20 «Ну, не может быть, — сказал он, — и уж так
 не шбудется.
 Ну, станем пить-попивать да зелена вина».
 А ну тут спроговурала да красна девушка:
 «Ну как пить-то ви, пить-то, только ви не спивайтися!
 Не может быть и не станется!»
 25 Вот и стали пить они зелена вина,
 Ну и шильно испилися.
 Вдруг награнула погонюшка несносная:
 Есаулушка-брата уж поймали его,
 А атаманушка-брата на копье держал.
 30 Тут спроговорэл атаманушка-брат:
 «Что прошай, моя душа красна девица,
 Полюбовушка моя любезная,
 Ну не верил я чибе, не верил чибе,
 Уж не думал, что так сбудется».
 35 И атаманушко-брат тут и помер.
 Поймали есаулушка, повезли его
 И посадили его, есаулушка, в тюрьму,
 И меня, красну девушку, вмеште с ним
 Посадили в тюрьму во глумную.

- По шинему мору, по Хвалынскому,
 Бегут, вибегают тридцать кáраблей,
 Тридцать караблей и тры карабличка.
 Из них один карабличек наперед бежит,
 5 Наперед бежит, как сокол летит.
 Во этом кораблике Гришков-атаман:
 «Грэбите, рэбэтушки, погрэбайте,
 Свои буйные головушки приклоняйте:
 За нами, рэбэты, тры погони:
 10 Первая погоня — офицеры,
 Втóрая погоня — гренадеры,
 Тречья погоня — дónские казаки,
 Донские, подольские и запорожские».
 Не ушпел тут молодец слово молвити,
 15 Не люта жмея в поле прэгрэмало —
 Швинцовая пуля прошвистела,
 Чугупное ядрышко пролетело.
 Ничего у кáрабля не вредило,
 Только вышибало онну доску,
 20 Доскою убило атамана.

146

- Еще пал, братцы, туман на шинё моро,
 Кручинушка, тоска на речиво сердце.
 Еще дáлече-далё, за шинё моро,
 Тут стоял, братцы, курганичок высокенькой,
 5 На курганичке огонечок яснехонько.
 По край огничка лежал удал добрый молодец,
 Прикрывает свои ранки, ранки кровяные.
 Глубокие були ранки — копьё вострого,
 Широкие були ранки — сабли вострого,
 10 Часты-мелки були ранки — каленой стрелы.
 Тут спроговорет удал добрый молодец таковы речи:
 «Ох, ты, конь, ты, мой конь, лошадь добрая,
 Ты сорви, подорви повод шелковый,
 Ты сломи, подлومي кол дубовенькой.
 15 Побегу ты, моя лошадь, к отцу, к матери,
 Расскажи ты, моя лошадь, отцу-матери:
 Хорошо ваше дитятко поженилося.
 В матерях-то у него — мать сыра-земля,
 В сватецьках у него — сабля вострая,
 20 Тысецкой у него — копьё вострое,
 В подшвечниках у него — калена стрела,
 Как невеста у него — гробова доска».

147

- Молодой казак со полку съезжает,
 Просит, просит полковничка:
 «Отпусти с полку домой,
 Может, скучилась, может, смучилась
 5 Миленька со мной».
 — «Я бы рад бы отпустить
 Со полку до дому,
 Ты ко мне скоро не будешь,
 У милой долго пробудешь.
 10 Напейся воды холодной,

Милую свою забудешь».
«Пил я воды, пил холодны,
Пил я, не напился.
Любил казак девчоночку,
15 С ней во сне влюблялся...»
Казак помер, молодой помер,
Помер мой надежда.
Оставил коня вороного,
Сбрую свою золотую.
20 «Вы отдайте мою сбрую
Вы братцу родному,
Но коня вы вороного
Ведите за мною...»
Коня ведут, тело несут,
25 Конь головку клонит,
Молодая сибирячка
Белы ручки ломит...

148

На роще зеленой пташки распевали,
Моего милого Саню дорогого,
Саню дорогого под турком збирали.
По городу ходит, в конюшню заходит,
5 Коня выбирает, сам коня сѣдлает...
(казак уехал, жена осталась и говорит):
«Пойду я на батшню, посмотрю кузаров,
Се кузары едут, нет моего милого,
Нет моего милого Саню дарагого».
(идет, спрашивает):
«Кузара, кузара, где моего милого,
10 Саню дарагого?»
— «Нет твоего милого, Саню дарагого,
Выбирай другого».
— «Хоша нет милого, не надо другого...»
— «Твоево милого под турком убили...»

149

Не с поля дует ветер, военный гром гремит.
Мой милый, любезный уехал на войну.
Я шяла под окошечко, и об нем весть я жду.
Прилетат пишмочко перадосное: будто мой-от миленькой
5 На войне убитой, под куштикком лежит.
Повернусь я пташечкой и к нему полечу,
Кости соберу, во жемлю схороню,
В монастырь войду и его вспомяну.

150

На горе-горе петухи поют,
Под горой-горой барабаны бьют.
На матушке на Неве-реке,
На Васильевском славном острове,
5 Молодой матрос корабли спастит, деревья смолит.
Тут завидела красна девица,
Взяла кубик зблotoй, пошла по воду,
Зачерпнула кубик, поставила,
Сама с мблoдцем слово мблвила:

10 «Не-х в пору, матрос, корабли снастишь, деревья
смолишь».

Потом еще в далёче-дале,
Тут в чистом поле,
Тут стояла кроваточка тесовая,
На кроваточке периночка пуховая,
15 Задернута занавеса берчатая.
Тут разлягши, разнемогося удал, добрый мболодец,
Перед ним, братцы, стояли отцы духовные,
На правой руке стояли его род-племен,
На белой груди лежала красна девушка.
20 Она плакала, уливалася,
Правой рученькой прикрывалася,
Тут спрговорет удал, добрый молодец таковы речи:
«Ох ты гой еси, красна девушка,
Ти вожьми кубик зблотый,
25 Ти сходи на Неву-реку,
Захотелось добру молодцу со льдом воды испить,
Ходи ти ровно три часа,
В первом часу вперед дойди,
Втором часу воды черпни,
30 В трэччом часу позадь приди.
Заставай ти мою душечку».
Взяла красна девица кубик зблотой,
Пошла она на Неву-реку,
В первом часу вперед дошла,
35 Втором часу воду черпнула,
В трэччом часу назадъ пришла.
Его душечку не застала — он уже нигде нет,
Она плакала, уливалася,
Правой рученькой прикрывалася и приговаривала:
40 «Не хотела твоя душечка со льдом воды испить,
Захотела твоя душечка приобщитися».

151

Двое храбрые яроя
На вбронных на конях.
На вбронных конях,
Сами ружьями грэмьт.
5 Подъезжает к избушке,
Тут живет молодая тут вдова.
«Ти, домовая хожяйка,
Пушти ночку ночевать».
— «Ах, любезные ярои,
10 Нельзя ночку ночевать».
Как воходят они в избушку,
Тут садятся на кровать.
Как один-от белолоб,
Как другой блáдых лет.
15 Белолова-то отвечает:

«Ти спрочи у ней, Ванюша,
Почему она крупит».
— «Три дня я печку не топила,
Меня плакать бог велел».
20 — «Ах, домовая хожяйка,
Ты об чем же так крушишь?»
— «Ми жили не у бога,
Что не зпали горести,
Вдруг послышалась война.
25 Я сыпа-то лишилась,
Вот и мужа вместе с ним».
Он один-то и отвечает:
«Я твой муж, вот твой сын,
Со страженья ми пришли».

152

Захотелось красной девице погуляти,
Как драгунское учение посмотри.
Надевала красна девица кунью шубу,
Золотую кунуру с метлеками,
5 Шеребряну шопóчку со крестами.
Напоили ее драгуны допьяна,

- Скидывали с красной девицы шубу кунью,
 Золотую кунуру с метлеками,
 Шеребряну шопочку со крестами.
- ¹⁰ Пустили красну девицу во несчасшю.
 Пошла краспа девица к воеводе:
 «Рассуди нас, воевода, со драгунами:
 Захотелось мне, красной девушке, погуляти,
 Как драгунское учение посмотрети.
- ¹⁵ Надевала я, красна девица, шубу кунью,
 Золотую кунуру с метлеками,
 Шеребряную шопочку с крестами.
 Напоили меня драгуны допьяна,
 Скидывали с меня, девицы, шубу кунью,
- ²⁰ Золотую кунуру с метлеками,
 Шеребряну шопочку со крестами,
 Пустили красну девицу во несчасшье».
 — «Не ходить бы красной девице ко драгунам,
 В драгунское учение не смотреть бы,
- ²⁵ Не была бы красна девица во несчасшье».

153

- От грома, от снегу два братца тут шли.
 Промокли, продрогли — пет питки сухой.
 В носное тут времо постучал в окно.
 Выходит настречу казак молодой:
- ⁵ «Зайдите, не бойтесь, домпчок новой,
 Во вшыакое времо стоит нагретой».
 Вокруг этот домик иконы стоят,
 Пред казной иконе лампаты горат.
 Над казной лампате тут швечи горат.
- ¹⁰ Большой-от столик стоит впереле,
 Огромпая скачерть на стол полстена,
 Русская закуска вшегды пред готьми,
 Нарезан хлеб ломчамп стоит на столе.
 Вприди пред иконой Сусанин-старик
- ¹⁵ На коленах стоит, оп просит и молит:
 «Спаши, Михаил, спаши Михаила».
 Вот его могила.

154

- Сто на дубе па високом, над широкою рекой
 Думал сокол сизокрылый край родимый посмотреть.
 Еще нет ему спривольно быть на родимых островах.
 Звылся сокол, звылся ясный, в шине моро полетел.
- ⁵ С полуночки бура дует, волны хлещет берега.
 Пойду, выйду я, бледная, рось пошледний посмотру.
 Бура дует, ветер гонит, волны хлещут берега.
 Там с волною сокол бьется в шинем моро далеко,
 Било чело его бело о крутые берега.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

155

Погодушки горны,
 От земли отдерни!
 Погодушка волновая,

Погодушка парусная!
⁵ Ничего в волпе не видно,
 Только винно было мачты,

Мачты корабельной.
Тут на мачте парусы белеют,
И парусы алеют.
¹⁰ Наш начальник во наряде,
Алом бархатом кафтане.
Наш начальник слово молвит:
«Приворачивайте, ребяташки.

Ко бережку, ко крутому,
¹⁵ К Татьянинному ко дворочку».
Татьянушка выходила
В онной тоненькой сорочке.
«Ох и, гости, в чем застали,
В том же и встречаю».

156

Лучина, лучина березовая,
Зачем ти, лучиношка, не ясно горишь?
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
— Лихая швокровушка водой залила.
⁵ Подружки-золовки, ложитися спать,
Вам некого ждять.
Мне, красной девице, кровать убирать,
Кровать убирать, вшю ночку не спать:
Мила дружка ждять.
¹⁰ Первой сон заснула — заря занялась,
Другой сон заснула — солнышко взошло,
Тречий сон заснула — миленькой идет.
На ножках в сапожках поскрипываёт,
Шоболья шубочка пошумывает.

157

Комарычки, кушливы комары,
Не давали мне, младой, ночку усыпать.
На расшвете, чуть заснувши, я, млада,
Вижу милого, вижу милого во шне:
⁵ Будто мой милой во висок черем зашел,
Ко тесовой ко кроватке подошел,
Шитой, браной положочек распахнул,
Начал младу меня целовать и миловать.
На яву али во шне милой представился, милой,
¹⁰ Мой милой, представился ко мне?

158

Я сидела, Ивановна,
Конец камешку дръсьве.
Любовалась, красовалась
Вшпой дубравой зеленой.
⁵ И глядела и смотрела
Вдоль по Яне по реке.
Получила известие
Через горных тонгусов
Про своего про служивого.
¹⁰ Поўжила Ивановна

Широкне рукува,
И сидела Ивановна
Конец камешка дръсьве.
И любовалась, красовалась
¹⁵ Вшпой дубравой зеленой.
Ожидала своего служивого.
Приезжает служивенькой,
Разбольшой его начальничек.
Повыщила Ивановна
²⁰ И поширила широкие рукува.

159

Не бела зара, зара занималашя.
Не красно солце, солце выкоталашя.
Више ельничку, више бережничку.
Више той белой горной осиночки,
⁵ Не яшень сокол со гнезда спорхат,
Молодой казак со полку съезжат,
Со полку съезжал, сам «прощай» сказал:

«Ти прощай, прощай, мой полковый строк,
Ти прощай, моя фатерушка,
¹⁰ За фатерушкой моя хозяйюшка,
За хозяйюшкой душа Аннушка.
Когда Аннушку любил, тожна счасливо жил,
Как от Аннушки отстал, тожна я в несчасшио упал».

160

Проходи, денек, скорее,
Наступай, ночка, темнее.
Сегодняшний день нам скука,
Со милым другом разлука.
⁵ Разлучает наш неволька —
Иркутская большая дорожка.
Ми по этой по дорожке
Немало разов езжали,
Много письма провозили.
¹⁰ Слуги верные не доносят,

Коливерты не доводят.
Ходит Ванюшка невешел,
Буйну голову повешил.
«Что ти, Ванюшка, невешел,
¹⁵ Буйну голову повешил?»
— «Меня матушка любила,
Недоросточкой женила.
Жена мужа невзлюбила,
Со кроваточки толкнула».

161

Зеленой дубочек на яр похилился,
Молодой чумача, зачем зажурился?
Чача, мама померла, парень не женился.
Пошел в чисто поле искать себе долю.
⁵ Не нашел он долю, нашел рыболовье.
Рыболовцы-хлопцы, соколы молодцы.
Они ловят рыбу, добывают рыбку.
Щука рыба монна, щука рыба грает,
Па дно не ныряет и корап обегает.

162

Ты почто, Лена-матушка, не проходишь?
Почто твой ледочек к шинему морочку не пронсит?
Еще я-то, добрый молодец, совшем я приубрался.
Со вшемя я распротился, только с онной,
⁵ С красной девицей, не распротился.
Ти, залетная мала пташечка,
Ти, заезжий добрый молодец,
Еще я би в повой горепьке сидел,
Уж еще би на любезную глядел.
¹⁰ Поглянулася походочка твоя,
Поговорочка сүшит, крушит молодца.

163

Ох ви, шнеги, ох ви, белые,
За что ви рано падали
На матушку на сыру-землю?
Ох ти, мышка, мышка серая,
⁵ Ох ти, девка, девка красная,
На что ты, девка, плакала,
Понапрасу девка, девка плакала,
Со милым дружкой расставалася,
Расставалася, не протилася.

- Еще я, бладо, в горэньке,
 Во горэньке, блада, я как сижу,
 Я да головушку чэшу
 Дорогой кошью, частым резным грабешком.
- 5 Как да с похмелишка головушка болит,
 И с перэною рэчиво серцо горыт.
 Еще охто би меня опохмелил молоду.
 Еще би двое—трое я по горэньке прошла,
 Рассказала бы про мать Волгу-реку,
- 10 Сколь Волга-река бистрымо на бистра,
 По Волге-рэке надсадочек плула.
 Во надсадочке немножко-то людей;
 Только-то шестеро грэбцов-че молодцов,
 Как о шеммóй кормовщик — кормой владет,
- 15 Как да вошьмой-то водолей — воду льет,
 Как да девятый кашевар — кашу варит,
 Как да десятой удал добруй молодец
 По надсадочку похаживаёт,
 Свой тугой лучок натягиваёт
- 20 На чечивочку на шелковую.
 Калину стрэлу накладываёт,
 И сам ко стрэлке прыговарыват:
 «Полечи, моя калиная стрэла,
 Више ти лесу, по поннебесу,
- 25 Више дэрэвца стоячего.
 Постэрэги ти серо-уточку под кустячком,
 И лебедь белую на тихой на воде,
 Красную девицу во високом черэму.
 Серая утица — то кушанно мое,
- 30 Лебедь белая — то закусочка моя,
 Красная девица — то суженая моя».

165

<p>Молодой майорушко
 По чисту полю ходит.
 Добрую лошадь
 Он за собою водит.</p> <p>5 «Почем ти, майорушко,
 По чисту полю ходишь,
 Добрую лошадь
 За собой ты водишь?
 Почему ти, майорушко,</p> | <p>10 Не женишься
 На красной ти на девице?»
 — «Неохота мне жениться
 На девице на красной мнс.
 Хочетя жениться мне</p> <p>15 На несчастной на вдовице мне.
 Вдова постельку стелила,
 Слезно сама причитала,
 Старого мужа поминала».</p> |
|--|--|

166

- Мать сына брашила,
 За худó учила:
 «Сын ты, мой сыпочек,
 Ясный соколочек!
- 5 Перестань ти, мой сыночек,
 К девушке гулять.
 К девушке гулять
 И гостинцы таскать.
 Велю чибя, сына, поимати,
- 10 Велю чибя, сына, велю приковати».
 — «Не куй, не куй, моя мати,
 В каменной палате.

Прикуй, прикуй, моя мати,
Ти к девьей у кровати.
15 Я у девьей у кровати
Рад век вековати.
Я у каменной палаты
Ночь не почевал би».

167

Там за реченькой слободечка була да,
Во слободочке молода вдова жила да,
У вдовушки дочь хорошая росла.
Уж какая уродилась красота да,
5 Красоту в лице неможно описать,
По примерычку неможно рассказать.
Лицо белое, щечки аленькой шветок,
Брови черные, развешелые глаза.
У ворот девка, девка, девка стоит,
10 Сама с молодцем речь говорит да,
Красавица говорэла с удалым:
«Перэстань, милой, в компаньицу ходить,
В компаньице перэстань те пусты рэчи говорить,
Без того про меня худа слава просла».
15 От худой славы замуж девка пошла.

168

У зори, зореньки много ясных звезд,
Что у темной почепьки — има счету нет.
Горé-то не на небе — во прошеччих днях.
На опцу я звездочку прилетнино смотру,
5 И глаз свой не сношу.
Из них одна звездочка с неба сорвалась,
Покатилась по небу и вечнош унесла.
Хто би эту звездочку снова возвратил,
Хто би мою милочку из заменил?

ИГРОВЫЕ И ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ

169

Ах, по мосту-мосточку,
По калинному, по калинному,
Тут и шел, пошел дитинушка
Молодепькой, приуборенькой.
5 На нем гóлевой, гóлевой кафтапец.
Свалки дуются, раздуваются,
Мошкалинова рубашечка белеется,
На шейке-че платок — алипшкой шветок,
Кармапыце другой — тальянской, голубой.
10 Во правой руке стросточка камышевая,
На стросточке лендушка похвитовая.
Молодец тропшию подпирается,
Похвитовой лендой похваляется:
«Ах, лендушка ала сударушка дала,
15 Дала, дала сударушка, пожаловала,
Пустила сухуту по моему животу,
Рассыпала печаль по моим ясным очам».

- По мосту, мосточку,
 По калиному, по малиному,
 Тут и шел, прошел детинушко молоденькой,
 Молоденькой, приуборненькой.
- 5 На нем галевой кафтанец, свалки дуются,
 Свалки дуются, раздуваются,
 Мошколиновая рубашоночка алеется.
 Как на шейке-то платок, будто аленький цветок,
 В кармане-то другой, гальянской голубой.
- 10 В правой-то руке стросточка камешевая.
 Молодец тростью подпирается,
 Сам похвидовой лентой похвалается:
 «Ах ты, ленточка ала, мне сударушка дала,
 Дала, дала сударушка, пожаловала.
- 15 Пустила сухоту по моему животу,
 Рассыпала печаль по моим ясным по очам,
 Призаставила злодейка пешеходою ходить,
 Пешеходою ходить, ручки пазушке носить.
 По чужой стороне, по ипой слободе».
- 20 — «Не воркуй, не воркуй, мой сизый голубой,
 Не садись, не садись на окошечко,
 Не кричи, не кричи жалобнешепько.
 И так моё сердечко надсялосё,
 Надсялосё, надорвалосё».
- 25 Хорошая жена мужа повысушила,
 Мужа повысушила, из карманица денежку повытащила,
 Из базару товару повыкупила,
 Шила юбку парчеву, телогрейку голеву,
 Заставила злодейка пешеходою ходить,
- 30 Пешеходою ходить, белы рученьки за пазушкой носить.

- Ну, вечер, вечер опоздал молодец,
 Да вдоль по улочке прошел,
 А любимую свою песенку
 На швисточках просвигал.
- 5 А душе красной девушке
 В черем веску подавал,
 Стобы да моя милая
 Не дремала бы, не спала,
 А стекольчатую окошечку бы
- 10 Она не заслаивала.
 Трое створчати ворочки
 Не заперивала.
 Вовсю до почку чемную
 До утренней зари,
- 15 А горела бы у ней швеча,
 Швечка воску ярого.
 Стала би дожидалась
 Удалого молодца.
 А первый я сон заснула,
- 20 А милецького нет.
 И хторой я сон заснула,
 Да миленького нет.
 Трэччий я сон заснула,
 Да мой милой идет.
- 25 Сафьянные его сапожки поскрипывают,

Калинный мос[т] похлапывают.
 «О чем, мой милешькой,
 Да о чем долго да не бул ты?»
 — «А с молодой у пас женишечкой
 30 Побранишичка була.
 Чебя, красну девицу,
 Сукой, б...ю назвала,
 Меня, доброго молодца,
 В стыд-бесчешо привела.
 35 Ай я вот жецу бил,
 Чуть до шмерти не убил». — «Ей, не бей, мой миленькой,
 Молоду свою жену.
 С молодой женишечкой
 40 Чебе с ней век вековать,
 Со мной, с красной девушкой,
 Да опну почку почевать».

172

<p>Шла девица за водой, За холонной, ключавой. За ней парень молодой, Вскричал девушке: «Постой! 5 Красавица, обожди, И белы ручки подожди! Здравствуй, Машенька моя, А я думал: мамниська твоя». — «Ах ти, дикой парень-полорот, 10 Не кричи во весь парод,</p>	<p>А мой батюшка у ворот. Нет ни чачи, нет ни мамы, Дома нету никого, Залежай, сержан, в окно». 15 Сержан ручку протянул, Ямцнк плечью отстегнул: «Не сержапска брала честь, По ночам в окошко лезть. Не простой бул дворянин, 20 По ночам ходил один».</p>
---	--

173

Яхали дворапа из Нова-города,
 Ивушка да на бережку стоит.
 Зачем, ивушка, не желена стоишь?
 Часто-то ивушку солнишком печет,
 5 Солнишком печет, мелким дождичком сечет.
 Струбили ивушку под самый корешок,
 Падала ивушка под крутой бережок.
 Жделали из ивушки два-то весла,
 Два-то весла, трэччу лоточку.
 10 Шяли опи в лоточку, пояхали домой.
 Красная девушка па вуличке стоит.
 Вшем-то робэтам по поклопу воздает,
 Оиному только пониже вшех.
 Потому пониже, что удалой молодец.
 15 «Как тебя, девушка, по имони звать?»
 — «Батюшка спашеял, ронна мамка родила,
 Поп крестил — Укулина имо дал».
 — «Девушка Укулина, ох ты, девушка,
 Выйдешь ли замуж за меля,
 20 За удалого молодца?
 Я чибе, девушка, гореньку струблю,
 Гореньку струблю, столик поставлю,
 Ножку выточу, ножку вызолочу,
 Горенька нова, печь муравчатая.
 25 Румочки по столику похаживают,
 Чарочки, походя, говорят,
 Ах, меня, молодцу, жепитися велят».

- «Женись, женись, молодец, женись удалой!»
 — «Рад-то я жениться, некого взять.
 30 Стару бабу взять — на печи надо держать.
 Молодую взять — в руку плеточку брать,
 Плеточку-шемихвосточку.
 Первой раз удару — будет шемь-то рубцов,
 Другой раз удару — будет четырнадцать,
 35 Трэччий раз удару — двадцать один,
 Двадцать один-то, я сам восподин».

174

<p>Ходил Ваня по базару,
 Закупал товару.
 Я куплю своим сударкам,
 Впём тром, по подаркам:
 5 Куплю Саше алу ленту,
 Маше — голубю,
 Анюшечке-разлушечке —
 Золоту цопочку.
 Я за эту за цопочку
 10 Поцелую щечки.
 Живет Саша в Казане,
 Маша во Рязане,</p> | <p>Анюшечка-разлушечка —
 В Тяхте-городочке.
 15 Из-под дуба желеного,
 Течет речка бистра.
 Не широка, не глубока,
 В пей вода холонна.
 Нельзя, нельзя воду пить,
 20 Нельзя почерпнуть.
 Нельзя, нельзя жену бити,
 Нельзя погубити.
 Хочь я дещ жежу бью,
 Вшию неделю плачу.</p> |
|---|---|

175

- Летал голубь, летал сизый со голубочкой,
 Удалий молодец с красной девецей:
 «Кабы ты, моя голубка, со мной, с галубом, была,
 Кабы ты, моя милая, со мной, с молодцем, жила,
 5 Я бы золотом обсыпал, жемчугом бы унизал.
 Я бы летнею порою во каретах прокатал,
 Я бы зимнею порою да Петербург город свозил
 На ямских на лошадях, на прекрасных на санях.
 Кабы сял на рученьку — не трохнется,
 10 Посадил бы на другую — не ворохнется».

176

- В деревне вживал, метелки вязал.
 В деревпе вживал, метелки, метелки,
 Метелки, метелки, метелки вязал.
 На вожике клал, в Москву отправлял,
 5 На вожике клал, в Москву, в Москву,
 В Москву, в Москву, в Москву отправлял.
 Продавши метелки, салоп ей купил.
 Продавши метелки, салоп, салоп,
 Салоп, салоп, салоп ей купил.
 10 Недовольна шельмовка подарком моим.
 Недовольна шельмовка подарком, подарком,
 Подарком, подарком, подарком моим.
 С тах пор я узнавши, как девиц любить.
 С тах пор я узпавши, как девиц, как девиц,
 15 Как девиц, как девиц, как девиц любить.
 Как девиц любить, как деньги копить.
 Как девиц любить, как деньги, как деньги,
 Как деньги, как деньги, как деньги копить.
 Прилесная дева в окошке глядит.
 20 Прилесная дева в окошке, в окошке,

В окошке, в окошке, в окошке глядит.
В окошке глядит, в окошке глядит,
Шветочком швелит, шветочком, шветочком,
Шветочком, шветочком, шветочком швелит.

177

- Во саду ли, в огороде
Девушка гуляла.
Сама ростом невеличка,
Лицом — круглолицка.
- 5 «Ваши щечки-румянички
Завсегда играют,
Молодого, холостого
Сердце замирает».
- «Детинушка бел кудрявчик,
10 Зачем редко ходишь?»
— «Рад бы, душечка, ходить,
Не в чем мне дарити.
Случай будет в город,
Привезу подарок:
- 15 Дорогой-от мой подарок:
Кумачу, китаек».
- «Кумачу я не хочу,
Китаек не пужко,
Если любишь, дружок, купишь
20 Два фунтика чаю.
- Два фунтика чая,
Головушку сахар.
Если любишь, дружок, купишь
Алого презенту.
- 25 На две шубки, на две юбки,
На две телогрейки.
Из остаток, из обрезок
Сосью себе шапку.
Буду шапочку носить,
30 Тебя, друга, поминать.
Будет шапка пропадать,
Тебя, друга, проклинать».
- «Будет, девка, модничать,
Говори как водится.
- 35 Щеголяешь,
Где берешь?
Дай расписочку,
С кем живешь?»
— «Я расписку не даю,
40 Не скажу я, с кем живу».

178

- Ваня белой, кудреватой,
Холост Ваня, не женатой.
Он почаству Кате ходит,
Понемножку денег пошит,
- 5 Когда руп, когда полтиньку.
Ш вечер Ваня вшех попозже
Принес денежки побольше.
Принес шиною бумажку,
- Коленкорову-то рубашку,
10 Грезанчин припеш на юбку,
Гранатур принеш на шубку.
Он ударил Катю в щечку:
«Стой ти, Катенька, не падай,
Стой ти, Катя, не шатайся,
- 15 О крылечко не хватайся,
Со мной, с Ваней, не щипайся».

179

- Патальюшки, Марьюшки,
городские девушки.
- Мария свату говурила,
Во послед любить велела.
- 5 Мария свату говурила,
Во послед любить велела.
«Ты люби, Марья-душа,
Марья, сердцем хороша».
- Ты люби, Марья-душа,
Марья, сердцем хороша».
- 10 — «Вшема сердцем возлюбляю,
Вшем народам объявляю.
Вшема сердцем возлюбляю,
Вшем народам объявляю».
- «Наши ближние суседки
5 Про меня, бладу, спрознали.
Наши ближние суседки
Про меня, бладу, спрознали,
К отцу и матери сказали.
- 20 Ещо с той тоски-кручины,
Ещо с той тоски-кручины
Не знай, куды детися,
С любовью расстатися.
Не знай, куды детися,
25 С любовью расстатися.
Пойду в поле погуляю,
Свое горе разбиваю.
Пойду в поле погуляю,
Свое горе разбиваю.
- 30 Я сорву во рву цветок,
Да совью милому венок.
Я сорву во рву цветок,
Да совью милому венок.
Бельма рудками совью,
35 Да алой лентой обовью.
Бельма рудками совью,
Да алой лентой обовью.

Надеженькой надозву,
Крепко к сердцу прижму.
40 Надеженькой надозву,
Крепко к сердцу прижму». — «Ти, надеженька моя,
Верно ли любишь ты меня?

Ти, надеженька моя,
45 Верно ли любишь ты меня?» — «Кабы я тебя не любила,
Я гулять бы не звала,
Цветы алые не рвала».

180

Я во саде гуляла, во зелёном ходила,
Сладкие яблочки щипала наливчатые.
Сладкие яблочки щипала наливчатые.
Я на блюдечке клала, на серебрянный поднос.
5 Я на блюдечке клала, на серебрянный поднос.
Во высок терем зашла, дружку милу поднесла.
Во высок терем зашла, дружку милу поднесла.
Мой милый не примаёт, не отказывает.
Мой милый не примаёт, не отказывает.
10 «Не чванься, не ломайся, друг сердешный, надо мной!
Не чванься, не ломайся, друг сердешный, надо мной!»
Понёжешенько поклон, сама с терему домой.
Понёжешенько поклон, сама с терему домой.
«Оставайся, черт с тобой!»

181

Говорела мене мать
За купещика отдать.
«Нейдú, нейдú, мамспька,
Замуж за купещика:
5 Купещик — первый плут,
Через год ходит манкрут».
Говорела мене мать
За побóмера отдать.
«Нейду, нейду, маменька,

10 Замуж за пономера:
Пономер — дитёк попов,
В камелофке протопоп».
Говорела мене мать
За кузнещика отдать.
15 «Нейду, нейду, маменька,
Замуж за кузнещика:
Кузнецик кузницу куёт,
Замараэтца придет».

182

Вше ми пєспи перепели,
Про комарыка не спели.
Полетел паш комарочек,
Он садился на дубочек.
5 Пришла бура, шура-бура.

Пришла бура, шура-бура,
Комарыка с дуба сдула.
Комарок, комарок, комарочек.
Комарок, комарок, комарочек.

183

Хор, хор, Христофор,
Стану в балалаечку играти,
Стану в звончатую играти,
Старого мужа разбужати.
5 Стань, стань, старый муж, пробудися!
Вот чибе-ка омоёчка — омойся,
Вот чибе-ка посох — помолися,
Вот чибе сухарь — подавися!

184

Разливалась мать Камышепка-река
И потопила все зеленые луга.
И ходила красна девка по лугам,

- Потеряла трое золото ключи,
 5 Со трѣма перстыми золочеными,
 Со другими подзолоченными.
 Кто отыщет мои трое золото ключи,
 Со трѣма перстыми золочеными,
 Со другими подзолоченными,
 10 Хоть и старѣй, хоть и бладей,
 За того замуж пойду.
 Я вечерш была да у кумушки была,
 И у шушедок во беседе сидела,
 Холостому стакан меду подала.
 15 Холостой-от за стаканец принимал,
 И о стакане златы персни обломал,
 Но за то меня, бладо, крепко целовал.
 И по улличке метелочкой метет,
 За метелочкой старик старѣй идет.
 20 В руке стросточкой помахивает,
 И золотыми ключми побрякивает
 Со трѣма перстыми золочеными,
 Со другими — подзолоченными.
 Увидала красна девка из окна:
 25 «Ви отдайте мои золото ключи,
 Со трѣма перстыми золочеными,
 Со другими подзолоченными.
 Я не пойду замуж за старого старика.
 Старѣй муж меня не отпустит погулять,
 30 Хоть отпустит, сам со мною пойдѣт».

185

- По новым сѣням похаживает,
 Сама перстиком пригразивает:
 «Ну подай, боже, ребети, мне до вечеру дожить,
 Мне дожждаться сына своего,
 5 Накучу я намучу сынку своему».
- Невестка оправдает: «Я не знаю пенние вину,
 Я вечер, бладо, у кумушки была,
 Холостому молодому стакан рому подала.
 Холостой, молодой за стаканец прищипал,
 10 Златой персти обломал.
 За то меня соловал, да миловал,
 На людях меня сестрицей называл,
 По без людях — сердце-лапушкой!»

186

- Ходили, походили каледушечки, каледушечки под окошечко,
 Випоградѣ красно-зеленое!¹
 У нас ножки жмет, они в избу хотят,
 У нас ручки жмет, они в избу хотят.
 5 Как хожяин на дому — как Адам во яру.
 Как хожайка на дому — как оладьи на меду.
 Подари мне, хожяин, ритым бархатом.
 Ритой бархат вожьем, по шебе раздерем.
 Подари мне, хожайка, золотой гривной.
 10 Золоту гривну вожьем и на вине прощем.

¹ Припев повторяется после каждого стиха.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД

Обычно свадьбы справлялись во время поста.¹ Начинаясь свадьба со сватовства. К родителям девушки-невесты приходит сват, выбираемый обычно не из родственников жениха. Сват останавливается у порога, в дом не проходит и не садится: «Я пока не сажусь, я пришел за большим делом, за сватаньем. Такой-то сватает вашу дочь за своего сына, просит вас не оскорбиться, просит породниться». Отец девушки, как правило, отвечал: «Какая она баба будет! Мужа не сохранит, не сможет его ни обшить, ни напоить и ни накормить».

Сват уходил, а через день-два приходил вновь и обращался к отцу невесты с теми же словами. Если родители были согласны отдать дочь, свата приглашали пройти в дом. Посоветовавшись с женой, отец обращался к дочери: «Как ты желаешь, хочешь ли выйти замуж за такого-то парня?» По обычаю, девушка, если даже была согласна, отвечала: «Как я могу идти против вас? Благословите, и я выйду замуж за того, за которого вы просватаете». Если девушке парень был не по душе, она могла ответить: «Как я брошу тятю и маму, я их должна же похоронить». Родители уговаривали: «Парень хороший, родители тоже хорошие, тебя он сохранит. Что мы твой век будем заедать? А лучше ты найди себе местечко, пока мы живы». Девушке приходилось соглашаться, и она кланялась родителям в ноги. Сват возвращался к отцу жениха и сообщал о согласии родителей невесты на брак.

Через некоторое время в доме невесты устраивали рукобитие. «Биться по рукам» вновь приходил сват жениха, для чего тот давал ему деньги. Сват протягивал руку отцу невесты, «здоровался» с ним, а невеста разнимала их руки. В руке отца невесты оставались деньги. Рукобитие могло проходить и так: на руку матери невесты клали принесенные деньги или шкурку песца, затем руку невесты, потом жениха, а сверху рукобитие скреплял своей рукой сват. Рукобитие узаконивало брачный договор сторон и позволяло невесте и жениху жить вместе, ожидая приезда священника и готовясь к свадьбе.

После рукобития в доме невесты устраивался девичник, на который приходят подруги, родственники, родители жениха. Перед началом его свахи и золовки моют невесту, одевают, расчесывают волосы, заплетают косу, украшая ее лентами. Принаряженную невесту сажают за занавеску. В это время «на столе расставляют всякие есы, что случится». Невесту закрывают от присутствующих платком, и сваха под руку ведет ее к столу. Невесту сажают за стол, в середину, а по обеим ее сторонам садятся подруги. Невеста сидит за столом, опустив голову, а подруги запевают первую из обязательных двенадцати песен, исполняемых во время свадебного обряда:

187

Душа Анна по горенке ходила,
Васильевна по горенке гуляла,
Сбирала подруженок месте всех
И садила она подруженок рядом сех,
Садилася сама выше сех,
Головушку клонила ниже сех,
Думушку думала больше сех:
«Ахти, на мне горечко пашло,
Я чужого свекра-батюшка
Как буду звать,
Мне чужого свекра-батюшка
Как буду звать?
Мине свэкрот-батюшкой

¹ Венчание, как и другие церковные требы, совершалось в Русском Устье один раз в году священником, приезжавшим ненадолго, обычно перед Пасхой.

Назвать не хочется,
Свекром называть будет вежливо;
Звать не звать: сегда свёкор-батюшка.
Чужую свёкру-матушку
Как буду звать?
Мине матушкой назвать не хочется,
Мине свекрой-то назвать будет вежливо».
Бросала ключи о дубовый стол:
«Уж теперича, мой батюшка,
Вам я не клюшница и не ларешница,
Таперя чужому свёкру-батюшке
Стала клюшница да ларешница».

188

У Сарфеи, у премудрой
Трое в колокол ударили.
У Марии сердце юкнуло.
Свет Мария, душечка, по гориньке похаживала,
Сбирала она подруги больше всех,
Головушку клонила ниже всех,
Думушку думала больше всех:
«Отдаёте меня в чужие руки,
В чужие люди не свойские.
Ещё полюбит ли свекорь-батюшка,
Еще полюбит ли свекровь-матушка?
Ах ты, ах ты мне горюшко нашло,
Мне чужого свекра будет батюшкой звать,
Мне чужую свекру будет матушкой звать.
Хоть звать, не звать — свекорь-батюшка,
Хоть звать, не звать — свекровь-матушка».

Затем две подруги просят родителей невесты благословить их расплетать ее косу: «Батюшка и матушка, пас благословляйте». Платок, которым покрыта невеста, держат за концы, закрывая ее от гостей, и подружки начинают расплетать косу под песни:

189

Дар я шлю, а сама к нему не иду.
У нашей Марии ножки ломит, ножки подгибает.
Падала туча на сыру-землю,
Падала Мария на дубовы столы,
Бросала ключи о дубовый стол:
«Теперь я тебе не ключница и не ларешница,
Чужому свекру-батюшке
Стала ключницей и ларешницей».

190

Семени мои сахарные,
Я немножко вас посеяла,
Ведь много уродилиса,
Как одно поле до Киева,
Второе — до Чернеево.
Ни черпа сурма возрыдала,
Ни бела лебедь воскликнула,
Между этими полями широкими
Тут расплакалась, растужилась
Душа красна девица

По своей русой косе
И по девьей красоте:
«Сейчас, теперь мне русу косу не плетывать,
Золотой кустик не переплетывать
Со Марьюшкой золоченой,
Со другою позолоченой».

Невеста плачет, закрыв глаза платком, а девушки поют:

191

Ах вы, соколы мои ясные,
А где же бывали, чего же вы слышали,
Кого же вы слышали?
— Уж мы видели диво-дивное,
Уж мы слышали чудо-чудное:
Белое лебедь на заводи
И серу утицу под кустиком,
Красну девушку высоком терему.
— Почто же вы ей не вжяли,
Не рашчесали русу косу,
Не ражложили косу надвое?
Ты коса, ты моя русая,
Ты краса, ты моя девья,
Отдам я свою красоту
Полюбовно своей подруженьке,
Пусть красуется подруженька
Красою моей русою,
Красою моей девьею.
Буди тебе века не надобно,
(Имя) буди тебе века не надобно.
Уж я выйду на краснó крыльцо,
Возмолюся свету господу:
«Нанеси, бог, тучу грозную,
С ветрами со буйныма,
С дождями со мелкима,
Унесите мою красоту
За горы, за горы высокие,
За доли, доли широкие».

Подружки продолжают расплетать косу, уговаривая плачущую невесту:
«Не плачь, не рыдай. Такова твоя судьба. Ты теперь ушла от нас и живи с мужем. Мы твои лоскутки сохраним, вместо тебя на свои волосы заплетем». Выплетенные из косы ленты подружки кладут на блюдо.

Девушки причитывают от имени невесты:

192

Я брошу, брошу камешок,
Я в огонь камень, во пламáчко:
Горит, горит — перегорит;
Бежит, бежит — перебежит,
Бежит брат к родной сестры,
Прижала его кус за навесу.
«Ты сестра моя, голубушка,
Ты не знаешь, не ведаешь,
Отдают нашу большú сестру
В чужи люди не свойские».
— «Ох ты гой еси, мой брат ронный,
Сходи во конюшен двор,
Выбирай лошадь добрую,

Наступчатую,
Съезди во чисто поле,
Секи, братец, засеку
С востоку до западу —
Не пройти бы, не проехати
Ни конному, ни пешему,
Нашей свашеньке с боярами,
Нашему тысяцкому с посвешниками.
Изведай, мой брат ронный:
Не пьет ли он зелена вина,
Не играет ли косью, картами?
Осударь ты мой батюшко,
Осударыня матушка,
У вас сердце каменное,
В оларет сердце положенное,
Грама замками запертое,
Ключи море спущены.
Вы меня избываете,
Как лиху траву из поля,
Меня, бладу, из терема,
Непошпелую яблоку,
Непоздрелую в поле сосонку».

193

Не вылетаи, утка, из острова,
Не распархивай перышки из гнездочка,
Не выходи наша Мария,
Наша Иваловна из терему.
«Я брошу, брошу камешек
В огонь-пламечко,
Как горит, горит, перегорит,
Как бежит, бежит, перебежит».
Бежит, бежит к родной сестре:
«Ты сестра, моя голубушка,
Ты не знаешь, ты не ведаешь,
Отдают меня в чужи люди,
Как в чужи люди не свойские.
Ой же ты, брат родной,
Ты секи, секи засеки
От востока до западу,
Чтобы не пройти ко мне и не проехать
Как конному, так и пешему,
Не моему, сударь, суженому,
Нашему тысяцкому с подсвечниками,
Нашей свашеньке с боярами».

После того как подружки расплетут косу, невесту за руку трижды обводят вокруг стола, а отец и мать благословляют дочь под «благословенную» песню:

194

Не стук стучит, братцы, во тереме,
Что не гром гремит во высоком —
Благословляется дочь у батюшки,
Благословляется дочь у родной матушки:
«Благословите меня по злат венец,
Благословите меня со суженым».

Бура была перед тучею,
 Падала бура на ширу жемлю.
 И падала Елена на дубовые столы,
 На чé било ¹ на скатерти на браные,
 На чé било на ясва сахарные,
 На чé било пиво медерное.
 «Штань, пробудись, родна матушка,
 Дай благословенье великое.
 Де развернися хрущатá камка,
 Стань, пробудися, родна матушка,
 Дай благословение великое».
 — «Дитятко мое, не бойся никого,
 Поди, бог с тобою».

Сваха уводит невесту за занавеску, где та и находится одна до утра. На этом девичник заканчивается.

В день венчания утром в доме жениха готовятся к поездке за невестой. «Жениха снаряжает его матушка, его омывает, чешет», сваха помогает. Жениху поют:

Хорош был жемчуг в ожерельях,
 Носить тебе по воскресеньям.
 Его матушка снаряжала,
 Его черные кудри расчесала,
 Ему кунюю шубу надевала,
 Его золотыми плащами застегала,
 Ему грозно наказала:
 «Поехал, моё дитятко, торги торговать,
 Поехал, мое дитятко, в орды воевать.
 Не бери, мое дитятко,
 Ни куницами, ни лисицами,
 Ты бери, моё дитятко, головами».
 Женихова свашенька горделива и спесива,
 Ножку на ножку переступывает,
 О сапог в сапог перехлопывает.

Жених с поезжанами, дружками ² и тысячником едет за невестой. В доме невесты его встречают «входной» песней:

На дворе, дворе, Ивановом дворе
 Выросло кипарис дерево.
 Солеталися девять соколы,
 Со десятой бел крыльчат сокол,
 Соезжались девять боярбей,
 Со десятой князь молодой.
 Выходила его суженая,
 Золотым кольцом обрученая,
 Она мылась и белилася,
 В чистом зеркальце смотрелася,

¹ На те было? Ср. комментарий к № 197 — вариант, записанный Д. Д. Тривинным.

² По словам Е. Н. Солдатовой (пос. Полярное Аллаиховского р-на), дружка у жениха был один и назывался «пошешник». См.: ИРЛИ, Р. V, колл. 268, п. 1, № 9, (21 мая 1977 г.).

Резным гребешком чесалася.
«Еще этот ли есть бел крыльчат сокол,
Еще этот ли князь молодой,
Еще этот ли есть мой суженый,
Золотым кольцом обрученный?»

Жених стоит у порога, а тысяцкий — главный поручитель жениха — подходит к родителям невесты. Его встречают песней:

198

Ох, тысяцкий — большой человек,
Слюбись, слюбись церковь божью,
Слюбись, слюбись золоточуден крест,
Выкупишь ли ты мою суженую!

Тысяцкий подходит к столу, за которым сидит брат невесты. На столе стоит блюдечко, в которое тысяцкий кладет копейку и придвигает блюдечко к брату невесты. Брат говорит: «Я не за это поил-кормил» — и отодвигает блюдечко. Тысяцкий бросает еще денег. Брат невесты повторяет: «Я не за это поил и кормил» — и вновь отодвигает блюдечко. Тысяцкий в третий раз добавляет денег, тогда брат соглашается «продать» свою сестру. Тысяцкий за руку выводит невесту из-за занавески и подводит к жениху. Собравшиеся поют «женихову опевку»:

199

Теща, моя, зять челом бьет перед тещею:
«Теща моя, теща ласковая,
Дай мой дар, дар мой вещь дорогой».
Выходила теща на красно крыльцо,
Выносила теща шубу кувьюю:
«На твой дар, дар твой весь дорогой».
— «Не этот мой дар, дар мой весь дорогой».
Теща моя, теща ласковая,
Дай мой дар, дар мой весь дорогой».
Выходила теща на красно крыльцо,
Выводила теща лошадь добрую.
Конь от селле золотой узде.
«Не этот мой дар, дар мой вещь дорогой».
Теща моя, теща ласковая,
Дай мой дар, дар мой весь дорогой».
Выходила теща на красно крыльцо,
Выводила теща красну девицу:
«Вот мой дар, дар мой весь дорогой».

Опевают и невесту:

200

Не вылетай, утка, из острову,
Не выпорхай перья из гнездичка,
Не выходи, наша душечка, из терему.
Зазрят, засмотрят свекор-батюшка,
Зазрят, засмотрят свекор-матушка,
Скоро ли запросят дороги дары,
Дары я шлю, сама к нему не иду.

Жениха с невестой сажают за стол, а тысяцкий подносит невесте «дары» от жениха: «гребень, зеркало, перстень, платье али платок,

мыло — на блюде или на подносе, закрытое платком. Зеркало поставят и гребень положат». Собравшиеся в это время поют:

201

Стремянами копь бьет, воды не льет,
Удилами пошевеливает,
Золотой уздой побрякивает,
Коня плеточкой остегивает,
Со дорожки приворачивает
Ко своим ко белым шатрам,
Ко своячинам, бояринам,
Ко своему ко красному крыльцу —
Выходила его суженая, золотым кольцом обреченая.

Затем невесту и жениха выводят из-за стола под «выводную» песню:

202

Катилось солнышко из-за лесу,
Шла наша душечка,
Шла наша Марья Киприановна по зад стола,
У нашей душечки, у нашей Киприановной
Сапожки высоки, сафьяны высоки,
Ножки ломит, ножки подгибат.
«Дайте мне коня, коня мне батюшкиного».
Батюшкин конь не несет, не везет.
«Дайте мне коня, коня матушкиного».
Матушкин конь не песет, не везет.
«Дайте мне коня, коня ладушкиного».
Ладушкин конь понес и повез.

Жених берет невесту за руку и подводит ее к родителям. Отец и мать невесты благословляют их иконой под песню:

203

Натуга, натуга тугой лук,
Разлука, разлука чужа сторона,
Разлучила, развела с отцом-матерью,
С родом-племенем.
Покатился колокол
Под амбарный под угол.

Вся свадьба с поезжанами и дружками едет в церковь. Жених с невестой едут на специально приготовленной для них разукрашенной собачьей нарте. На собаках алыкы (упряжь) обшиты зеленым и красным сукном. В нарядные нарты вместе с женихом и невестой садятся тысяцкий, дружки, свахи, два мальчика-«подсвешника».

В церкви тысяцкий расстилает перед женихом и невестой 3—4 м ткани, и начинается венчание. Над невестой венец держит сваха, а над женихом — тысяцкий.¹

После венчания свахи выводят молодых из церкви и усаживают в нарты вместе с тысяцким, дружками и мальчиком с иконой. Свадебный поезд отправляется в дом молодого, где уже находятся родители молодого.

Молодых встречают у дома хлебом-солью, родители держат икону: Собравшиеся поют:

¹ Подвечная свеча хранилась до смертного часа и клалась в гроб (Травил, л. 72).

Не были ветры, навяли,
 Не жданны гости наехали.
 Сокол летит, земля ютит.

Совершается обряд «благословенная булка» — родители благословляют низко кланяющихся молодых под песню:

205

Сокол летит, земля ютит.
 Благословляется сын у батюшки,
 Благословляется дочь у матушки.

После благословения молодых собравшиеся величают тысяцкого:

206

Ох, тысяцкий — большой человек,
 Слюбишь, слюбишь церковь божию,
 Слюбишь, слюбишь золоточуден крест,
 Выкупил ты нашу суженую.

Молодых вводят в дом, опевая:

207

Ох вы улочки, метитесь,
 Да городами становитесь,
 Городами с пригородочками,
 Да теремами с терёмочками.
 Хороброй ездил Егор-господин
 На добром своём на коне,
 На любимом своём бахмаче.
 Коня плеточкой постёгивает,
 От дорожки переворачивает,
 Переворачивает ко теще ко двору,
 Ко тёщиному ко красному ко крыльцу,
 Ко свояшням, ко боярыням,
 К шурнякам, ко белым шатрам.
 Выходила его суженая:
 «Уж не этот ли мой суженый,
 С золотым венцом обвенчанный,
 С золотым перстнем обрученный?»

В доме накрыты столы: первый — для молодых, их родителей, братьев и сестер, тысяцкого; второй — для родственников, третий — для посторонних гостей. На столах пироги с рыбой, оленье мясо, хюкола, барча, вардак, тельно, варка, гуся, а в центре — блюдо с лебедем, украшенным разноцветными лентами. Голова лебедя заложена под крыло. Вина, как правило, не было или было очень мало.

Молодых сажают за стол в передний угол: сваха со стороны жепиха берет его за руку и усаживает на стул с правой стороны, а сваха невесты, взяв ее за руку, усаживает на этот же стул с левой стороны. Новобрачную закрывают от присутствующих платком, и две женщины «крутят голову» молодой: убирают заплетенные косы под платок. Молодой стыдливо отворачивается, а певичы в этот момент поют песню, уже исполнявшуюся на девичнике:

Семена мои сахарные,
 Уж к чему вы много уродились,
 Уж немножечко вас я, млада, посеяла,
 Как с первого поля до Киева,
 До второго поля до Чернеева.
 Между этими двумя полями,
 Между этими двумя широкими
 Не бела лебедь в поле воскликнула,
 Не черна сурна в поле возрыдала,
 Тут расплакалась душа красна девица
 По своей по русой косе,
 По своей девьей красоте.
 Час таперите русу косу не чесывать,
 Золот кустик не приплетывать
 Со Варварушкой серебряною,
 Со другою позолоченой.

На столе перед молодыми стоит только один прибор, и они едят и пьют из одной тарелки и чашки. Молодого заставляли ломать махалы (крылья) лебеда. Если он не мог сломать, ломал тысяцкий или кто-нибудь из гостей. Во время пира молодых опевали:

209

Не скачен жемчужинка по блюдечку прокатилася,
 Свет душечка его Александра Петровна
 Словечушко ему промолвила:
 «Завтра у нашего Егора будет свадьба,
 Будет свадьба, будет беседа,
 Соберутся тут певичы песни петь —
 Не дари певич ни рублями, ни полтинами,
 Ты дари певич золотой гривной».

Этой же песней опевали тысяцкого, свах, гостей, и каждый «опеваемый» бросал на блюдечко деньги:

210

Не скачи жемчуг по блюдики кататься,
 Не скаченная жемчужинка прикатала,
 Ографена душа Шеменовна пригуляла,
 Полюбовное словечко говорила:
 «Еще завтра у Инокентия будет свадьба да беседа,
 Еще пожовут тебя, Инокентий, во бешеду,
 Станут тебе певичы песни пети —
 Не дари ты певичы не рублями, не полтинами,
 Ты дари, дари невис,
 Ты дари, дари невис жолотой гривной».

На свадьбе бывали и пляски: плясали «русскую» с платочком, притопывая, приглашая с поклонами в пару кого-нибудь из сидящих гостей, танцевали «польку». Танцевал и молодой.

Танцы обычно шли под плясовые песни:

211

По мосту, мосточку, по калиновому,
 Туда шел-пошел детинушка молоденький,
 Молоденький, придуборенький.

На пем голевой кафтанец,
 Сволки дуются, раздуваются,
 Матькалина рубашечка алеется,
 На шейке-то платок —
 Аленький цветок,
 В карманнице другой —
 Тальнипский голубой,
 Во правой ручке тросточка камышевая,
 На тросточке ленточка пофитовая.
 Сам с тросточкой помахивает,
 Пофитовой ленточкой похваляется:
 «Ах, ленточка ала, мне сударушка дала,
 Дала, дала сударушка, пожаловала,
 Пустила сухоту по моему животу,
 Рассыпала печаль по моим ясным очам».

Бывало, что во время пира свахи разбивали посуду — на счастье. Иногда кто-нибудь из гостей «нечаянно» разбивал что-либо из посуды — тоже на счастье.

В конце пира свахи отводили молодых в другое помещение, где для них была приготовлена брачная постель — «валили на поклеть». Ночью муж кричал «ура», а свахи, войдя к молодым, осматривали «поклеть» — простыню, которую утром показывали отцу и матери молодой и благодарили, если их дочь оказалась певичной. Родители в таком случае хвалили свою дочку.

Молодые начинали жить в семье мужа или родители отделяли сына, дав ему юрту, собак, сети, ружье и др. Невеста в приданое получала одежду, постель, посуду, невод, деньги — то, что мог ей выделить отец по своему усмотрению. Специально же о приданом ни во время сватовства, ни в другие моменты свадьбы родители невесты и жениха не договаривались.

ЗАГАДКИ

ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ, РАСТЕНИЯ И ЖИВОТНЫЕ

212. На бане полвишерного торбаска. — *Созвездие Большой Медведицы.*
 213. Бисерный торбасок на бане висит. — *Скопление звезд «уточье гнездо».*
 214. На избе выпитый хамячок. — *Созвездие «уточье гнездо».*
 215. На бане полхомяка. — *Месяц.*
 216. Не стукнет, не брякнет, а под угол подойдет. — *Темень.*
 217. Красное сукно тянется в окно. — *Солнце.*
 218. Со стенки не соскоблишь. — *Луч солнца.*
 219. На шпичку не повесишь. — *Луч солнца.*
 220. Через речку кармисло повисло. — *Радуга.*
 221. Заря, заряница, красная девица, посла по воду, ключи обронила, мешец крал, сонце видел — не сказал. — *Иней, роса.*
 222. Бежали бесы по каменному мосту, увидали зорю, пометались в воду. — *Сполохи, северное сияние.*
 223. Жаржал жеребед Вавилонской горе, кобылы услышали на вшей жемле. — *Гром.*
 224. Матушкину коробку с полу не подымень. — *Земля.*
 225. Батюшки кушак на шпичку не повесишь, матушкину коробку с места не подымень. — *Дорога, земля.*
 226. Батюшкин кушак на спицу не повесишь. — *Дорога.*
 227. От бани до бани протянулся волосок. — *Дорога.*
 228. Стал бы я, стал, до неба достал, кабы рот да язык — я бы все рассказал. — *Дорога.*

229. Перед дверьми связанный серогривый жеребец. — *Пурга*.
 230. Без клина, без топора мост мостится. — *Река замерзает*.
 231. Стоит палата, кругом мохната, одно окно и то мокро. — *Река, прорубь*.
 232. Рассыпался хряц — никому не слашть, ни понам, ни дьячкам, ни мудрым мудрецам. — *Ледоход*.
 233. Рассыпался горох на сто дорог. — *Весной лед ломает*.
 234. Безногой на угор попадат. — *Река весной*.
 235. Кто растет бес кореню, хто бес алово света, хто шумит бес буйново ветра. — Растет сосна бес алово светка, а растет камень бес кореню, а шумит вода бес буйного ветра (*вот значит быстерь*).
 236. Под мостом клей кипит. — *Медведь в берлоге*.
 237. Ни жимой, ни летом под шараем снег не тает. — *Беличье брюхо*.
 238. На пню снег не тает. — *Кончик лисьего хвоста*.
 239. На двор выйдет — калачом, в юрте будет — пирогом. — *Собака*.
 240. Принесли убутого, вынесли разутого. — *Песца упустили, так как сняли с него шкуру*.
 241. Через грядку не перебросишь. — *Перышко*.
 242. С полу возмаш, на пшичку не повесишь. — *Яйцо*.
 243. Под мбстом, мостом два плешивые сидят. — *Тельно рыбе*.
 244. Сквозь жемлю прошел, краспу шапочку нашел. — *Грибок*.
 245. Выросла, повиросла, из куста повилезла, с конца заддутилась, красным девкам поглянулась. — *Ягода морошки*.
 246. Из леса тянется, в узел вяжется. — *Сера*.

ЧЕЛОВЕК

247. На клубу шемь дыр. — *Голова*.
 248. Темном лесу медведи галапят. — *Вошки в голове*.
 249. Ни окошек, ни дверей — полна горница людей. — *Зубы*.
 250. Из стену стеной калыбася костяной. — *Зубы*.
 251. Между двумя горами лисица бьца. — *Язык*.
 252. С полу не подынешь. — *Слюна*.
 253. В чашках вода, за моро огонь добро ясно горит. — *Глаза*.
 254. Два соболя бегут, да пе сбгаются. — *Брови*.
 255. Упала древо в шинее моро, не жалко этого древа, а больно шинему мору. — *Соринка в глазу*.
 256. На сережке — пуговка. — *Ребенок сосет грудь*.
 257. Под подушкой перочинной ножичек. — *Мысль*.
 258. Летит стрела стрельская через немешки города, никто его не видит — ни царь, ни царица, ни красная девица. — *Смерть*.

ЖИЛИЩЕ, УТВАРЬ, ПОСУДА

259. Стоит бычище — проклевано бочище. — *Амбар с дверьми*.
 260. Старую старуху за пуп да за пуп. — *Дверь*.
 261. По сеням всяк — в избу никак. — *Двери*.
 262. Двое стоят, двое лезат, пятой ходит, сестой водит, а седьмой песенки жаводит. — *Дверь*.
 263. Ни у вас, ни у нас воровлева глаз. — *Чашечка у двери, подкладываемая под короткую дверь*.
 264. Два брата на одной подушке спят. — *Потолок и две матицы*.
 265. Попадья в дому а рукава на улице. — *Матка, матица — потолочная балка*.
 266. У нас да у вас поросеночек завяз. — *Пахля или мох между бревнами*.
 267. Стара старуха вешится на ребре. — *Решетка в избе над камельком*.
 268. Сидит девица в темнице, а коса на улице. — *Печь и труба*.
 269. Мать толста, дочь красна, сын воробей под небеса улстел. — *Печка, («чивал»), огонь, дым*.

270. На юрте стоит монах в вирвиретовых штанах. — *Труба*.
 271. Под одной рясой четыре попа. — *Стол*.
 272. Там скок, тут скок, угол лягот, не урхнется. — *Веник*.
 273. Перед нами верх ногами. — *Вилка*.
 274. На море, на акияне стоит баба в сарафане. — *Миска*.
 275. Утка в море — хвостна заборе. — *Ковшик*.
 276. На небе — дира, на земле — дира, на шередке — огонь да вода. — *Самовар*.
 277. На туше — уши; на голове пету. — *Самовар*.
 278. Чимом наливацца — ротом выливацца. — *Самовар*.
 279. На печь станет и не опалится. — *Чайник*.
 280. На старой старухе вошемдесят пять заплаток. — *Сито*.
 281. Лисичка лез, Алексей за хвост. — *Сковорода, сковородник*.
 282. На четырех столбах акиян держится. — *Блюдце с чаем на четырех пальцах*.
 283. Стоит корыто слитями набито. — *Чашки чайные*.

ЗАНЯТИЯ И РЕМЕСЛА

284. Бегут по дорожке доски и ножки. — *Лыжи*.
 285. Два волка бегут и не сбегиваются. — *Полозья*.
 286. Стоит поп на льду, продает ельду. — *Пешня и прорубь*.
 287. Гопеьский, высоконойкой се поля обегал, у стенки стал да не урхнулся. — *Прикол собачий*.
 288. Вшо поле обегал и у коштра сштонит. — *Палка для управления нартами*.
 289. На дворе губарка лает. — *Дрова рубят*.
 290. Вшу зисть кланялся и в лашках не бывал. — *Топор*.
 291. Лежит девица лицом под лавицу. — *Топор под кроватью*.
 292. Ножки каменные, головка деревянная. — *Сеть*.
 293. Кто хромает на обеих ног. — *Жердь на двух столбах для сушки сетей*.
 294. Два кольца, два конца — на середке сук. — *Ножницы*.
 295. За стеной, стеной калабашка костяной. — *Кидиран (инструмент для дубления кож)*.
 296. Старый старичок у огня спинку халит. — *Клейница (посуда для заваривания клея)*.

ПИЦА, ОДЕЖДА

297. Вйловато, перевйловато, раскораконато, посередке плешь, на ждоровье шьешь. — *Блины*.
 298. Берега железные, вода ключевая, рыбка плавает без костей. — *Сковорода, жир, рыба*.
 299. Из воды вышла — воды боится. — *Соль*.
 300. Из гуза в рот — сахарный кусок. — *Яйцо*.
 301. Из-под камешка вода дорога. — *Водка*.
 302. Ожицёк носит колпачок. — *Наперсток*.
 303. Под утесами колеса. — *Серьги*.
 304. На стрелке городок — семьсот воевод. — *Гребень*.
 305. Пять мальчиков, пять чуланчиков, разошлись мальчики в чемные чуланчики, каждый мальчик в свой чуланчик. — *Пальцы и перчатка*.
 306. За обедом — под столом, ночью — под кроватью. — *Ботинки*.
 307. Горностай кишки волочит. — *Опростанные оборы (развязанные шнурки)*.

РАЗНЫЕ

308. В городе рубят дрова, щебелки сюда летят. — *Письма по почте*.
 309. Зерно по зерну по белой тропинке, назадъ взглянуть — зубки скалит. — *Пишьмо*.

310. Мачу, мачу, о край колочу. — *Ручка с пером.*
 311. Под полом, полом сидит барыня с пером. — *Чернильница и ручка в ящичке стола.*
 312. Летит зверок через божий домок, сам говорит: «Моя силка горит». — *Колокол.*
 313. Старичек вишел, пузырек винос, пузырьком махнул — пузырек здохнул. — *Кадило.*
 314. Полдерева сухое, полдерева сырое, на середке золотое. — *Пос, мясоед, светлый день.*
 315. Из лесу взято, на коленях плачот. — *Балалайка.*
 316. Старый старик в углу завелса да лежит. — *Трубка.*
 317. Под полом ходит, сам не видится. — *Сушетка (домовой).*

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

318. Дошел скоро, а не споро.
 319. За лесом видишь — под носом не видишь.
 320. За петами — кисти.
 321. За хлеб, за соль завтра спляшем.
 322. Как тарбей на икру, чайка на селедку.
 323. Кому больно — тому памятливо.
 324. Лед толстой, труд людской, рыбка плавает по ину, я не хватаю ни онну.
 325. Лентяя все сквозь пальцы смотрят.
 326. На делу не сбудь, а после делу, хоть все унеси.
 327. Нашу да об пол брошú.
 328. Не расколупаешь дерево — не узнаешь.
 329. Не хвалишь, а лучше богу помолишь, похвалишься — подавинься.
 330. Он гол, как сокол, у гольиша одна душа.
 331. Пирог с крупой, так всяк с рукой, каша с маслом — всяк с ложкой. плеть с узлом — никто не поставит гузна.
 332. При худе — худо, а без худа — гаже того.
 333. Раннее на позднее наводит.
 334. Русь мудрена — жаболь не придумает.
 335. Сверх зла надо делать добро.
 336. Сверху — картина, внутри глинтина.
 337. Сказал бедняк: денег нет, чем сто рублей — лучше сто друзей.
 338. Скусная еда убирайся со стола, обгорела головня, не толкайся в пазух.
 339. Торопиться не годится, сзади развалится.
 340. У кого не болит, у того не сербит.
 341. Утух, как петух.
 342. Хлеб-соль на столе, руки свои.
 343. Хожлип лучше маштера.
 344. Што ни худой вкус — на зуб попадается, как худой человек — в пазух толкается.
 345. Цветно платье не загрязнишь, да не добудешь.

ЧАСТУШКИ

I

346

По горе, по крутой
 Шел охотник молодой,
 Встретил зверя — не убил,
 Встретил деху — сплюбил.

347

Ха, ха, чем я девочка плоха,
 Юбочка бурдовая,
 Сама я чернобровая.

348

У кого какой миленок —
У меня матчеревой,
Замечательной походке
Он качает головой.

349

Мой платочек носовой
На пружине веется,
Моя русая коса
Пошлѣдний год красуется.

350

Понапрасну, Ваня, ходишь,
Понапрасну пожки бьешь,
Ничего ты не получишь,
Дураком домой пойдешь.

351

На чужой стороне
Солнышко не греет,
Нету маменьки родной,
Никто не пожалеет.

352

По Русскому парень идет,
Глазки черные.
Глазки черные бросал,
Девку Анку завлекал.

353

Научилась у нас баба
Белу рыбку исти,
Как у вашей этой бабы
За пятами кисти.

354

У меня миланя Маня,
Маня старостина дочь,
Она встретит и проводит
Во глухую темну ночь.

355

Не ходи по коридору,
Не стучи заборами,
Я делами занята,
А не разговорами.

356

У меня есть два миленка:
В том конце и в этом,
Одного люблю зимой,
А второго летом.

357

Русско Устье на угоре
Баня новая стоит.
И об этой бане новой
Ваня Мала говорит.

358

Костя едет на лопате,
Две собаки в кореню.
— Ты куда, Костя, поехал?
— На займку по пешню.

359

Стариковская займка
Чем была украшена?
Травочкой зелененькой,
Девочкой хорошенькой.

360

Прежде были времена,
А сейчас моменты,
Дехки просят от чеба
За год элименты.

361

Не курите табаку,
Не дымите потолок,
Сейчас спички дорогие:
Две копейки коробок.

362

Из колодцы вода льется,
Вода мутноватая,
Муж напьется, подерется —
Жена виноватая.

363

Раз меня премировали:
Сразу дали день диньской,
Три пары ботинки дали —
Детский, дамский и музкой.

364

Хороша Русско займка,
Только улица грязна,
Хороши наши мальчишки,
Только пьяница беда.

365

Эта скамья не моя,
Моя-то дома новая,
Эта милка не моя,
Моя-то черноброявая.

366

Русском Устье не житье,
Просто наказание,
Какой дом-то ни войти,
Слышен ревнованье.

На займку подъезжать —
Видится курганчик,
На займке один парень —
Первый хулиганчик.

II

369

Я по Русскому иду,
Сворочу налево,
Канцелярию найду,
Кому какое дело.

370

Костыль черен в роте есть,
Никого не надо,
Артель наша помирай,
Не моя надсада.

374

Русском девушка ходила
И качала головой,
Она Юпику говорила:
Не расстануся с тобой.

III

375

Одна горка высоко,
А другая низко,
Одна милка далеко,
А другая близко.

376

Эх, милку люблю,
Другой записочку пишу,
Еще тречую люблю,
Найти время не могу.

377

Нинче новая права,
Нас попом не венчают,
Пожелаешь за меня —
Закдай заверают.

378

Прежде мохорочку курил,
А чепера — листовой,
Прежде я чибя любил,
А чипере — бог с тобой.

379

Написать письмо сумею,
Соловать чибя смогу,
Но за эту мою честушку
Не забудь меня прощу.

Ах, вы деххи! Ах, вы деххи,
Где вы подбелилися?
Мы у чети у Аксенья
Поливать училися.

372

Юпик шапочку нашыл.
Печку делать уходил,
Нашей Анне говорил:
Тебя на день полюбил.

373

Я по Русскому иду,
Снега по колено.
Сельсоветской канцелярии
Нет топить полено.

374

Утром рано пробудюсь,
Я пекарню удалось,
Две бутылки выпиваю,
Три буханки работаю.

380

Я по Русскому иду,
Вша меня качает,
Я гулять когда пойду,
Милая встречает.

381

Дует, дует ветерок,
Сушит мой платочек,
Я никем не занята,
Ходу, как светочек.

382

С неба звездочка упала
На сарайчик часовой,
Вша моя любовь пропала
И платочек посовой.

383

С неба звездочка упала
На холодную воду,
Вша моя любовь пропала
В сорок первеньком году.

384

Индибирка река замерзнет,
Вша рыбка на дно уйдет,
Серы гуси улечели,
Скоро лето не придет.

385

Индибирка, Индибирка,
Река благоданная,
Чибе рыбка попадает
На продукты данная.

386

Русском Устье магазине
Продавали земпера,
Их ребята всех купили
Дарить девок — красота.

387

Но земпера вы, земпера,
Ценой дорогие,
Если девушкам отдать,
Деньги не большие.

388

Полюбил чиба от сердца,
Полюбил я от души,
Что, скажи, моя родная:
Мня одеколоном падуши.

389

Хороши Русском ребята,
По-культурному себя ведут,
Черни шапочки оденут,
На вечерочку пойдут.

390

Я любила чечварих,
А чиба не петого,
Не любила я таких,
Как чиба проклятого.

391

Болит сердце не от боли,
От любезной от любви,
Болит сердце, болит грудь,
Прошу мыла не забудь.

392

Ты не стой у ворот,
Не машь курашкой,
Я чеперя не твоя,
Не зови милашкой.

393

На столе стоит чернило,
А в черпиле два пера,
Расскажи-ко моя мила,
С кем проводишь вечера.

394

Ты играй, моя гармошка,
Четырехугольная,
Расскажи, моя милая,
Чем ты недовольная.

395

Шаду я на лавочку,
Вожму бололаечку,
Как удару по струнам,
Приходи-ко, милой, к нам.

396

Воскресенье вечером
Лампочка горела,
Почто милой не зашел? —
Я чибе вилела.

397

О чем, милой, редко ходишь,
Печедневку один раз?
Если কাছে далеко,
Приходи, живи у нас.

398

Ох, ох, не дай бог,
Чем с тобой растаться,
Пожелаешь за меня,
Лучше будет записаться.

399

По Подгорной я иду,
Собаки лают на меня,
Пускай лают, про то знают,
Что миленок у меня.

400

Пуш, пуш говорят,
Славушку разношат,
Нам на двадцать пятой год,
Поговорат да брошат.

401

Из-под сопочки миска
Стрелил густорогого битька,
Быка стрелил — не попал,
У сопки вершок сорвал.

402

Презде польку танцевали
Городах и Москве,
А теперь польку тонцуют
Русском Устье и вижде.

403

Моя милка маленька,
Чуть повише валенка,
Валенчик убуеца,
Пузырьком надуеца.

404

Закурил бы табачку,
Да нет белой бумажки,
Посидел би радочком,
Да нет моей милашки.

405

Коля, Ваня, Мила, Жора
Отличились здорово,
Помогите, рассудите,
Мне любить которого.

406

Твой миленок закричал
На мою милашку,
Моя милка опоздала —
Выпивала бражку.

407

Сербияночка красива,
Сербияночка на ять,
Носит юбочку коротку,
Все коленочки видать.

408

Сколько звездочек на небе,
Ни одной светлее нет,
Сколько девушек на свете,
Но милее Фани нет.

409

Я Подгору заказала
И стою околь его,
А посторонние сказали,
Что я росочка его.

410

Ах, ты, милая моя,
Купи бутылочку вина,
Купи волку, купи долю,
Будь ты чухмарочка моя.

411

На столе стоит стакан,
На стакане — таракан,
Если хочешь познакомиться,
Купи на сарафан.

412

Что милой мой паделал,
Дуб зеленый спорубил,
Лучше б ты меня зарезал,
Чем другую сплюбил.

413

Вышивала я платочек,
Вышивала я другой,
На колени положила,
Выбирай, милый, любой.

414

Через речку быструю
Я мосточек выстрою,
Ходи, ходи, Ханя мой,
Ходи летом и зимой.

415

Вот из двух одна займка
Травочкой украшена,
Травочкой зелененькой,
Девчоночкой хорошенькой.

416

У меня миленок много,
Я могу их пересчитать,
Коля, Леня, Ваня, Вася,
Пятого забыла звать.

417

Цыган молодой,
Цыган чисто ходит,
Черный волос, красный пояс,
Меня с ума сводит.

418

Я помру — похороните,
Всю дорогу пойте,
Возле Сапиу ограду
Вы меня раскройте.

419

Дайте мне мово коня,
Которым я заведу,
Я поеду по бригаде,
Ханечку проведу.

420

Сапоги на мне худые,
Голеница до колен.
Хотел осенью жениться —
Поросенок околел.

421

Сахараночка, моя Панечка,
Уехал далеко,
У него сердечко поет,
И моему не легко.

422

Это стульчик не мой,
Мой-от дома, новый,
Этот миленький не мой,
Мой-от чернобровый.

423

Маменька ругается,
Братишка заступается:
Пусть моя сестреночка
Любовью занимается.

424

Встань-ка, маменька, пораньше
И послушай на заре:
Не твоя ли дочка плачет
На чужой на стороне?

425

Две старухи дружно жили
Под горой на камушке,
Толковали про любовь,
Это все о Ванюшке.

426

Я по мосту не хожу,
Хожу по острому ножу,
Я такими ухажерами
Огороды горожу.

427

Дорога подруга Груня,
Вспомни тебѣ вечера,
Когда мы четверо гуляли:
Груня, Толя, ты да я.

428

Я закрою печь заслонкой,
Чтоб пирог румянился,
Мне, молоденькой девченке,
Водопьянов кланялся.¹

429

Сам я печку растоплю,
Самовар поставлю,
Сербияночку свою
Работать не заставлю.

430

Неужели нас побреют,
Неужели повезут?
В белых шапочках оденут,
По виптовочке дадут.

431

Я Подгорну заказала,
Он играет барыню,
Сроду, сроду не забуду
Походочку Ванину.

432

Подгорная, Подгорная,
Широкая улица,
По тебе никто не ходит,
Ни петух, ни курица.

433

Говорили, гуси плыли
По Иртышу табуном,
До чего любовь доводит,
Что тераешься с умом.

434

Спойте, девушки, припевушки,
А мне не до того,
Запоручена головушка,
И болит сердце мое.

435

Эх, глазки мои,
Что мне делать с вами?
Как взгляну на народ,
Моргаете сами.

436

Далеко под облаками
Там летают вороны,
Ханечка, лети, лети
На все четыре стороны.

437

Сербияночка идет,
Дайте к ней дорогу,
Она шагом не идет,
Пляшет через погу.

438

Я в колхозе бригадирка,
Сердей,² ой, волнуется,
Моя первая бригада
С третьей соревнуется.

439

Через реку перебросу
Золотую свиночку,³
На кого я покидаю
Черноброву Санечку.

440

Все четыре ухажеера,
Все четыре, как один,
Вдруг военная тревога —
Все на фронт уехали.

441

С неба звездочка упала
Мамке на подушечку,
Я сына родила,
Купила побрякушечку.

442

Я цыганскую игру
Лучше милого люблю,
Когда я буду помирать,
Велю цыганочку сыграть.

443

Не ходи по коридору,
Не заманивай меня,
Я не глупая девчоночка,
Не выйду за тебя.

444

Мой конь вороной,
Сбруя молодая,
Садись прокачу,
Моя дорогая.

445

Меня маменька ругала,
Что флакончик пролила,
Мимоходом пришел милый,
Я без памяти была.

446

Эх, спойте же мне
Барыню веселую,
Кого любила — спроводила
На чужую сторону.

447

У меня на сарафане —
Петушок да курочка,
Вот приходит ко мне милой,
Говорит мне: дурочка.

448

У меня есть саночки,
Сверху лаковые,
У меня два милешка,
Оба одинаковы.

449

У меня есть саночки,
Строганы голяшечки,
Одну ночь ночую дома,
Три дня у милешечки.

450

Ветер дует по соломе,
Я хожу по колосу,
Узнавай меня, миленок,
Вечером по голосу.

451

Анна с горы катится,
У ней бордово платьице,
На груди зеленый бант,
У ней Валя музыкант.

452

Взглянь-ко, маменька, на небо,
Тоже потом и па меня.
Как по небу тучи ходят,
Так сердечко у меня.

453

Меня маменька ругала
За помаду, за духи,
Не сама я покупала,
Покупали женихи.

454

Я поставлю самовар,
Золотые чашки,
Меня любит гармопист
В вышитой рубашке.

455

Полька польку танцевала,
Увидал ее отец,
На работу не ходила,
Танцевать-то молодец.

456

Сколько лесу я рубила,
Крепче дубу не нашла,
Сколько мальчиков любила,
Лучше Пети не нашла.

457

Ой, ива, я во в реке,
Сельсовет на берегу,
Лет семнадцать девчонка
Крутит голову ему.

458

Голубое ленты, банды
Ты зачем развязывашь?
По секрету я люблю,
Ты зачем рассказывашь?

459

Дайте лодочку моторочку,
Поеду за реку,
Не моя ли милка ходит
На далеком берегу?

460

Я сидела у шестка,
Хлебала кашу из горшка,
За миленьким кинулась —
Каша опрокинулась.

461

Я на бочке сижу,
Ножки свесила,
Ко мне милый подошел,
Стало весело.

462

Станем травочку косить,
Котора сама косится,
Будем девочку любить,
Котора сама просится.

Чего лампа горит
Десятилинейная?
Не пойду за того,
Девчоночка семейная.

464

Эх, миленочка побили,
Миленочку больно,
А я вышла и сказала:
Ребята, довольно.

465

Ты прощай, Колыма,
И крутые горы,
Прощай, милая моя,
С черными бровями.

466

На столе стоит бутылка,
Полбутылки — кислый квас,
Вы не думайте, ребята,
Что девчонки хуже вас.

467

Милый, брось, милый, брось,
Я давно желаю врозь,
Милый бросил кланяться,
Теперь опять ласкается.

468

Ты мой дорогой,
Дорожила я тобой,
А теперь, мой дорогой,
Дорожу-то не тобой.

469

Не ходите, девки, замуж,
Замужем невесело,
Муж на улицу не пустит,
Скажет: Делать нечего.

470

Я одену бело платье,
Надевай, подруга, ты,
Мой уехал, твой бросает,
Мы обои сироты.

471

Лучше бы я тебя не знала,
Незнакомая была,
Не болело бы мое сердечко,
Жизнь спокойная была.

472

Прискучилось мне жить,
Рыбка не ловится,
Вот когда вода сойдет,
Вся рыбка к реке уйдет.

В синем море-окияне
Торосина небольшая,
Уж на этой торосине
Все страшные чудеса.

474

Мне не дорого ни золото,
Ни серебро, ни медь,
Дорога одна минуточка
С мотаней посидеть.

475

Я ходила, ходить буду
Вкруг завода нового,
Я любила, любить буду
Тебя, чернобрового.

476

Кто сказал, что бога нет,
Я его вчера видал,
Без штанов, в одной рубашке
Пятилетку догонял.

477

Эх, любовь, эх, любовь,
Любовь, любоваще,
Данай по-старому гулять —
На соцсоревнование.

478

Морска чайка синекрыла
В куржачине моется.
Почему-то шеед год
Мало рыбки ловится.

479

От амбару до амбару
Проволочный огород.
У нас в Горляшке заимке
Рыбзаводский весь народ.

480

В Русском Устье нова баня
Без окошечек стоит,
В поссовете председатель
Об ней мало говорит.

481

В Русском Устье тучи ходят,
В Чокурдахе гром гремит,
Кто мою милу полюбит,
У меня сердце болит.

482

У меня на сердце есть
Неизлечимая болезнь,
У меня на ретивом
Вода холодная со льдом.

483

В весенние дни
Звезды зарождаются,
Нынче девки проклятые
От нас отбиваются.

484

В Русскоустыинском селеньи
Три амбара пернесло,
У Егорова Петрушки
Трубочицу унесло.

485

В Колыме счастлива жизнь,
Кому счастливо проживать,
Как тебе-ка Алексею
От работы убежать.

486

Мой строительный топор
Дерево раскопцует,
Вот-то наш от-то Степанов
Марию целует.

487

У нас височка замерзнет,
Вся рыба реке уйдет,
Серы гуси улетели,
Значит лето не придет.

493

Рыбзавод, ты, рыбзавод,
Деньги не получает,
Про меня-то моя милка
Часто вспоминает.

V

494

Рубить клетки отправляли,
Мы надеялись на тебя,
На концу-то оказалось,
В Кирсиной лежит еда.

495

Джемпера вы, джемпера,
Цены дорогие,
Для тебя-то, мама-Утка,
Деньга налитая.

496

Подосла бы я к окошечку,¹
Ботиночки скрипят,
Позвала би я миленьочка,
Родители не спят.

497

Глянь-ко, миленький, на небо,
Так потом и на меня,
Какая бледная, худая,
Это все через тебя.

488

По Полярному иду,
Все меня качает,
Полярнинска больша бочка
Денежки кончает.

489

По Полярной заимке
Гусь-гуменник пролетел,
Вновь приезженький товарищ
Моей милой завладел.

490

Чем платочек вышивать,
Лучше полотенце,
Чем Щелкановых любить,
Лучше поселенца.

491

Ох, Индигирочка-река;
Твои крутые берега,
Ох, скоро, скоро уезжаю,
Прощай, милая моя.

492

Где я Дашин след увижу,
В обе стороны деру,
Моей Дашки-то следок,
Словно пестрый шахматок.

498

Через маленьку речушку
Полученца тянется,
Что хотите говорите,
А мне милый пдравится.

499

Не ходи, милой, к окошку,²
Не зови меня порой,
Насмеялся прежде мною,
А теперь я над тобой.

500

Вечёрник-от золотой,
Ходит парель молодой,
Не старинки поневай,
Все частушки сочиняй.

501

Заседания правленья
Вопрос разбирали,
Киселеву Евдокию
Центру наражали.

502

Кто до ночи прикатил,
Перед утром откатил,
Не знай парень, не знай кто,
Не узнаете никто.

503

По Подгорненькой иду,
Собаки лают на меня,
Пускай лают, про то знают,
Мой миленок у меня.

504

Огоньки-чи горят,
Каемки остаются,
Мы не любим тех ребят,
Которы задаются.

505

Старую баню истопили,
Новую водой снесло,
Вот, ребята, нам на радость
Мелким снегом занесло.

506

У Петрушки за амбаром
Двое целовались,
Вот Петрушка со женой
Долго любовались.

507

У меня миленок десять,
Я не знаю, чего делать,
Ношу брошу, так и быть,
Одного буду любить.

508

По Полярному поселку
Гусек серый залетел,
Ворошиловский Микулка
Моей Машкой завладел.

509

Я любила по пяти,
Любила по пятнадцати,
И любила целовать
Раз по двадцати пяти.

510

У меня коса большая,
Ленточка коротенька,
Про меня не думай, парень,
Я еще молоденька.

511

Ой, ребята, чо кричали
Про мою-то милачку?
Что стояла моя милка
На далеком берегу.

512

Мой платочек носовой
На талинке³ веется,
Присла милая с работы,
У печечки греется.

513

Я на бочке сижу,
Кача, качаюша,
Пойду с миленьким в совет,
Сразу повенчаюша.

514

Эх, сто за любовь,
Сундучка не отпереть,
Там лежит Санина карточка,
Охота посмотреть.

515

Моя острая литовка
Травочку добудет,
Моя старая любовь
Про меня не забудет.

516

Сколько звездочек на небе,
Но шветлее оппой нет,
Сколько девушек на свете,
Но милее оппой нет.

517

Сенокосная бригада
Косить собирается,
Без единого рубля
Бенная карается.

518

Чири-ри, чири-ри,
Чири-ри на озере,
И поэтому Серафим
Потерял положжья.

519

Вше частушки спетая,
Одына не спетая,
Если хотите онву,
То ударьте по окну.

520

Эх, яблочко,
На тарелочке,
Надоела мне жена,
Пойду к девочке.

521

Эх, яблочко,
С боку круглое,
Эх, маменька,
Жись да трунная.

522

Научилась Щербачиха
Белу рыбку исти,
Как у нашей Щербачихи
За пятами кисти.

523

Эх, ты Оля-Алексей,
Куды уезжаешь?
Ты свою-то хромоножку
Кому покидаешь?
— Я за нею не сижу,
Сашке-пекарю сдаю.

524

В Колуме счастлива жизнь,
Кому счастливо проживать,
Как чибе-ка, Алексею,
От работы убежать.

525

В Стариковой под горой
Стоит бочка под водой,
Под горой стоит ушат,
Семерик Огра спущат.

526

В Стариковой под горой
Налитая кружка,
Еще Някина Ограшка
Вше думат: игрушка.

527

За Петрушкин за амбар
Скопин завернулся,
Константинова Петрушка
Страспо усмехнулся.

528

Патроп менной заражал,
Пыж гумажную толкал,
Хотел гуся по голове,
Ан Черёмкина по ноге.

529

С пошелка Стариково
Протянулся волосок,
Долго, долго не слышала
Твой Дьячкова голосок.

530

Вн комарыки кусливы,
На людскую кровь приветливые,
Чего сильно развивайтесь,
Ветер дунет — почерайтесь.

531

У нас Скопин — басурман,
Положил Огру в карман.

532

Стужа ранняя пришла,
Пески замерзают,
Киселева Евдокня
Дундук надевает.

533

Мпый мой, милый мой,
Что ти тараторишься,
Два раза писал писемка,
Что со мной расходишься.

534

По поселочной заимке
Вспрой пулей пролетел,
От пустой-че от обиды
Зайти в юрту не хотел.

535

Русскоустьински ребята
В курточках да в папочках,
Вше в коротких пиджачках,
И от шпирту на боках.

536

Катя, Катя, Катерина,
Нарисована картина,
Катя с мужем подралась,
И картинна порвалась.

537

Мплая заглумая⁴
Меня до гроба довела,
Чем до гроба доводить,
Лучше брошпть, не любить.

538

Мама, дрбби,⁵ мама, дрбби,
А то я буду дрбнить,
Мама, люби, мама, люби,
А то я буду любить.

539

Чего лампа не горит?
— Керошина нету.
Чего мленький пейдет?
— Наверно дома нету.

540

У меня четыре горя,
Никому горя не дам,
Брошу горе в сине море,
Разделю напополам.

541

У меня тридцать мленков,
Я пойду топиться,
Прибегаю на реку:
Вше стоят на берегу.

Петя мой, Петя мой,
Что ты там балуешь?
Я сейчас же услышала,
Что с другой целуешься.

Рыбзавод ты, рыбзавод,
Деньги не получает,
Про меня-то моя милка
Часто вспоминает.

Мене Ганя изменил,
Я измене рада:
Ше рано когда-то
Разойтись надо.

Две кокушки куковали
Под горой на камушке.
Две девчонки горевали
Под горой на камушке.

Две кокушки куковали
Под горой на камушке.
Две девчонки горевали
По парнишке Ванюшке.

Две подружки дружно жили
Из окна в окошечко,
Полюбили онного,
Поссорились немножечко.

Марасанова Тамара
Высоко себя ведет,
Губя сахаром намажет,
В рот шеледки наберет.

Прежде были времена,
Вот тебе моменты.
Кошка прошит стукуря
Тозе алименты.

Кури, кури, милый мой,
По шпичке сбегая домой,
Если хочите гумагу,
Гумага в пазухе с собой.

Тара-тара, девка стара,
Никто замуж не берет,
Завезите за лесину,
Пускай волк ее дерет.

VI

Наш-то новый председатель
Часто любит разъезжать,
Будто все в командировке,
Будто визвали опять.

Баню новую срубили,
Сказали пурге: «Не песи!»
Серахиму заказали:
«Всем по стопке принеси».

Селиванов — казачёк,
Он почетный музичёк,
Сех он с радостью встречает,
Сех досыта угощает.

К Ваське старшему зайдешь,
Сам голодный и уйдешь,
У них сордопки па розне,
Как солдаты на войне.

Из сордонок кровь текот,
Барабанчики пэкот,
Барабанчик пригорел,
Васька старсой одурел.

На Полярном новости,
В Кузьмичево овощи.
На Полярном монные,
Только не голонные.
Они рибу не едят,
На трицаточке сидят.

Ништо ты, Ваня, песню пел,
Меня ударницу задел,
Про тебя да я спюю,
Кругом в марках облеплю.

559

Я катился по дорожке
На хрустальном колесе,
Мне попалась толстогуза,
Промотал я деньги все.

560

Старикова под горой
Стоит бочка пад рекой,
Стоит бочка и ушат,
Семерых Огра¹ спущат,
Запад батюшка пришел,
Семерик огрин ушел.

561

Караке² дорогу строил,
Ванька Шкуль по ней ходил,
Куприян песца заметил,
Песца белого убил.

562

А мой-от милый хитер, хитер,
На козе уехал в Питер,
А я мах не дала,
На собаке догнала.

563

Дорогой, куда поехал?
— Дорогая, по воду.
— Дорогой, не простудися
По такому холоду.

564

Ах, высоко голубь летает.
Крылом небо достает,
Хорошо милый ласкает,
Только замуж не берет.

565

Ах, я на лодочке каталась,
А под лодочкой вода,
Бело платье замочила,
Мне от мамушки беда.

566

Не ходи по коридору.
Не стучи заборами,
Я детям занята,
А не разговорами.

567

С Полярного Старикова³
Протянулся волосок,
Долго, долго не забуду
Тонко Ванни голосок.

568

Пришла в клуб, сидела,
Я стеснялася,
А гармошка заиграла,
Я не удержалася.

569

Пришла в клуб,
Носки выстрочены,
Не хотела плясать,
Самп выскочили.

570

Ай, не стой у ворот,
Не маши фуражкой,
Я теперь не твоя,
Не зови милашкой.

571

Поставила самовар,
Золотые чашки,
Ко мне миленькой придет
В вышитой рубашке.

572

Ах, вышивала я платочек,
На платочке буквы,
Прнезжали мне на свадьбу,
Я играла в куклы.

573

Ах, меня сватали ребята,
Коля п Володенька,
Я обоим отказала,
Говорю: «Молоденька».

574

Меня сватали ребята,
Под диван запрятали,
Сковородой заложили
Да сутки не тревожили.

575

На горе цветы алеют,
Будто красный огонек,
Мой миленок комсомолец,
Он хороший паренек.

576

Ах, на окошке два цветочка,
Голубой да аленький,
Мой миленок раскрасивый,
Только ростом маленький.

597

Ой, Семеповна, на юбку клеточку,
Выполний, Семен, да пятилеточку.

598

Ой, гора, гора, гора кирпичная,
Да у девчат любовь пятигодичная.

599

Ой, гора, гора, гора уютная,
Да у парней любовь пятиминутная.

600

Ой, гора, гора, под горой — ручей,
Провожал вчера, сама не знаю:
чей.

601

Ой, гора, гора, гора высокая,
А на той горе — четыре сокола.

602

Четыре сокола, и все красивые,
Но мне понравились глазенки
синие.

603

Самолет летит, колеса стерлися,
А мы не звали вас, а вы
приперлися.

604

Самолет летит, да всё шу-шу,
шу-шу,
А я залеточку да два письма пишу.

IX

605

Новый год настает,
Нам доход принесет,
Председатель наш колхоза
Много денег привезет.

606

С неба звездочка упала
Бригадиру на ремень,
Бригадира кто полюбит,
Тому лишний трудовдень.

607

По горитной тропочке
Истоптал подметочки,
Только новые пошил,
Кто-то милую отбил.

608

У воротного столба
Нету счастья никогда,
Либо ветер, либо дождь,
Либо милку долго ждешь.

609

Говорил мне Ванечка:
«Ты расти, матапечка».
Я росла, старалася,
Ване не досталася.

610

Милка пишет письмецо:
«Милка, носишь ли кольцо?»
Я ответ ему пишу:
«Распаялось, не ношу».

611

Только вырастет на камушке
Цветочек голубой,
Тогда я тебя забуду,
Мой любимый, дорогой.

X

612

Стойте ушки на макушке,
Слушайте внимательно,
Мы споем сейчас частушки
Очень замечательно.

613

Я иду, а трактор пашет,
Трактористка шапкой машет,
Я сказала: «Не маши,
Сотней трактор запаш!».

614

Еще надо лучше в гору,
Улица широкая,
Повела комбайник в поле
Маша черноокая.

615

А через реченьку я шла,
Уточки закрякали,
Все колхозники запели,
Кулаки заплакали.

616

Эх, в колхозе ворота
Специально узеньки,
Не пролезет к нам кулак,
Кулак толстопузенький.

617

Позабыла нынче я
Горе и заботушки,
Сына в ясли отошлю,
Сама на работушку.

620

И ой, беда, да ой, беда,
Да наш Иван сошел с ума,
Дак берет жен из молодых,
Да когда сам из пожилых.

621

Я иду, иду, иду,
Да берег осыпается,
Да я беззубого люблю,
Да лучше: не кусается.

622

А у моей у милочки
Да глазки, как у рыбочки,
Да как у рыбки у ерша,
Моя милка хороша.

623

А, мама, глянь-ко из окошка:
Кто-то тонет на реке,
Дак в белой вышитой рубашке,
Моя карточка в руке.

628

На зеленом сарафане
Лейты белые подряд,
Пойду завлеку
Всех полярновских ребят.

630

По Полярному идет
Да не моя — чужая,
Да черпурсая коса,
Да лента голубая.

631

А меня маменька ласкала,
По головке гладила,
Да сладким пряничком кормила,
Во солдаты ладила.

618

Я колхозная девчонка,
И в колхозе моя мать,
Я в колхозе научилась
Книги Ленина читать.

619

Я свою соперницу
Отвезу на мельницу,
Измельчу ее в муку
И лепешек напеку.

XI

624

А не ругай меня, мамаша,
Что сметану пролила,
Да под окопком шел мой Леша,
Да я без памяти была.

625

А куплю Ленина портрет,
Золотую рамочку,
Да вывел он меня на свет,
Темную крестьяночку.

626

Милый мой, и я твоя,
Укрой полой, замерала я,
Да я полой не греюсь,
Люблю, да не надеюсь.

627

А все частушки мы пропели,
Хорошо ли, плохо ли,
Да а сейчас мы вас попросим,
Чтобы вы похлопали.

XII

629

Что умею завлекать,
Это дело личное,
Не сказать, что я красива,
Просто симпатичная.

XIII

632

А через речку переброшу
Золотую рамочку,
Дак на кого я покидаю
Чернобровую Тапечку?

633

Пойду плясать,
Ноги стали больно,
Дак ну спасибо, гармонист,
Да хватит вам, довольно.

634

Погоди, милый, жениться,
Походи по улице,
Еще перина не готова,
Перышки на курице.

635

А у моего милого
Да волосы волнистые,
Ах, я его не променяю
За горы золотистые.

636

А на столе стоит бутылка,
Полбутылки — виноград,
Да прощай, мама, прощай, папа,
Я поехал в Ленинград.

640

Я гусинински кривульки
До единой изгоял,
А чернобровую девчонку
Да из руганья потерял.

641

По Полярному иду,
Щебінки шевелятся,
А сорок сажен не дойду,
Да кудерки боятся.

645

На Полярном есть гора
И Шаманова речка,
Там танцуют Катанок
И Мишихина Дуська.

646

Мы с тобой, подружка Нюшка,
Принапудрились мукой,
Что за лепший за такой,
Нас не любит никакой.

637

А я водичку потаскаю,
Золотую кадочку,
А по милом скушно будет,
Посмотрю на карточку.

638

А я топну ногой,
Я притопну второй,
Мост провались,
Потолок обвались,
На досках остануся,
Да с милым не расстануся.

639

А я сидела на диване,
Вышивала платок Ване,
Не дошила петый номер,
И сказали: Ваня помер.

XIV

642

Меня милый изменил,
А я измену не боюсь,
На измену найду смену
Да и сто раз позадаюсь.

643

А где же, где же красно лето,
Где мои семнадцать лет?
Было времечко — гуляла,
А теперь уж воли нет.

644

Голубые глазки злые,
Да голубые голубы,
А если ходят парой двое,
Но третий лишний не берись.

XV

647

Подружка моя,
У нас миленький один,
Ты ревнуешь, я ревную,
Давай лучше продадим.

648

Подружка моя,
Как мы будем продавать?
А не стыдно ли нам будет
На базаре с ним стоять?

КОММЕНТАРИИ

ПЕРЕДАЧА ТЕКСТОВ

Художественность и колорит текстов в значительной степени обусловлены особенностями говора русскоустыинцев. Фонетические его черты выступают, в частности, как выражение звукописи, неразрывно связанной с лексическим своеобразием. Но графические записи разных собирателей передают говор с различной степенью точности. Звукозаписям представлены только материалы экспедиции 1977 г.; транскрипция, естественно, не могла быть использована при их передаче вследствие ее нетрадиционности для фольклорных изданий (тем более что звукозаписям принадлежит сравнительно скромное место в корпусе). Звуки передаются приблизительно, обычными графическими средствами (при этом сложные звуки с призвуками сведены к простым — либо к основным, либо к тем, которые подчеркивают особенность говора; первое, как правило, относится к гласным, второе — согласным: «жемля» вместо [ж'э'мл'а] и [э'н'э'мл'а] и т. д.). В целях придания корпусу возможного единообразия (а также для облегчения пользования сборником читателями, не предъявляющими специально лингвистических требований к фольклорному материалу) ряд прочтений передается согласно орфографическим нормам, что соответствует общим принципам «Памятников русского фольклора». Отметим, что публикуемые по магнитофонной записи тексты сказок Е. С. Киселева и Е. Н. Портнягиной впервые передают с такой степенью точности живой импровизационный поток речи сказочника без обычных для изданий фольклора сокращений и поправок.¹ Ниже конкретно оговариваются принципы публикации текстов и правила их передачи.

1. Слова, звучание которых совпадает с нормами орфоэпии, передаются по нормам орфографии со следующими особенностями.

1. Различно фиксированные собирателями окончания прилагательных, причастий, числительных и местоимений в родительном и винительном падежах ед. числа типа «ево», «чёрного» пишутся «его», «черного» и т. д. (звук «в» часто является здесь сложным — с оттенком губно-губного «в» и фрикативного «г», — а иногда и сильно редуцированным; благодаря редуциации М. Ф. Дружинина фиксировала отсутствие согласного, т. е. «ео», «среинео», что, с согласия собирателя, при публикации не принимается в расчет).

2. На конце возвратных глаголов в 3-м лице ед. и мн. числа и инфинитива «-тца» и «-цца» передаются как «-тсья» и «-тсья» (в прошедшем времени в ед. числе, мужском роде они произносятся то с твердым, то с мягким «с», что разграничивается и в текстах — «ударилсья» и «ударилса»).

3. Оглушение и озвончение согласных, соответствующие орфоэпической норме, не передаются, а не соответствующие передаются, т. е. пишется «коробка», «немпожко», «вдрук» вместо «коропка», «немпошко», «вдрук» и т. п., но: «[п]тажечка» (пташечка); «ешли» (ежли), «щибинка» (щешинка). При оглушении «в» иногда появляется «х» вместо «ф», что фиксируется: «к захтрему», «дехха», «венцох» (мн. ч., род. п.). У Е. С. Киселева в слове «девка» звучит иногда не «ф», а краткое «у» [д'э'ука].

4. Нормативное упрощение групп согласных не отмечается (пишется «здравствуй», «солнце» вместо [здраствуй], [сонць] и пр.), а необычные упрощения фиксируются: «здрасвуй», «коска» (костка), «величесво». Если узнавание слова

¹ В корпусе текстов это номера 21—23, 25—28 и 47, в Фонограммархиве ИРЛИ, фонд МФ — соответственно номера 1846.01, 1844.02—03, 1845.01, 1843.03—1844.01, 1844.05, 1843.01, 1843.02 и 1850.08—1851.01. Расшифровки звукозаписей выполнены М. А. Никифоровой. Обращает на себя внимание в речи Е. С. Киселева и Е. Н. Портнягиной разница на уровне не только индивидуальности, но и говора: у Е. С. Киселева южные черты очень редки, тогда как у Е. Н. Портнягиной они занимают большое место (например, мягкость «т» в глаголах 3-го л. почти не встречается у Киселева и очень часто у Портнягиной). Звукозаписи свидетельствуют, что окончательного слияния северно-русских и южно-русских черт в говоре жителей Русского Устья не произошло.

в контексте затруднено, необходимые звуки вставляются в прямых скобках (это относится и к звукам в середине слова, и к выпавшему конечному «т»: «мос[т]», что характерно для некоторых северо-русских говоров, и к выпавшему начальному согласному: «[в]зят», «[п]тажечка»).

5. Фрикативный «г» не фиксируется. Встречается в некоторых словах, где требовался по старым орфоэпическим нормам («боуа», «боуатство» и пр.). Кроме того, у Е. С. Киселева — в некоторых словах, чаще глаголах, на месте «х»: «прияжали», «приюдит». В последнем случае звук редуцирован и иногда сходит на нет, поэтому в записях М. Ф. Дружининой (а иногда и в записях С. Н. Азбелева и Ю. Н. Дьяконовой) на месте его встречается пропуск, что сохраняется при публикации.

6. «Е», согласно правилам орфографии, не обозначается (пишется «идешь», «береза», «слезки» — вместо «идёшь», «берёза», «слёзки»), но слово пишется как слышится, если имеет варианты звуковой формы, — чтобы легче было узнать его: «шатер», но «шичёр», «шитёр» и т. д.

7. По нормам орфографии передаются случаи, когда после «ш» на месте пормативного «о» («ё») под ударением появляется «е» [э] (при этом «ш» выступает то как твердый, то как мягкий). Слово «пошёл», например, звучит как «по[ш]о[л]», «по[ш'о]л», «по[ш'э]л», а изредка и как «по[шэ]л». То же относится и к словам типа «шелк».

8. По нормам орфографии передаются слова «что», «чтобы», когда они произносятся с «ш»: «што», «штобы», а при несоответствии орфоэпической норме — как произносятся: «штобы», «стобы», «чтобы» (с обозначением мягкости «ч» — «ч').

9. При вариативной мягкости и твердости «ш» на конце глаголов 2-го лица ед. ч. (типа «идешь») «ь» сохраняется в написании.

II. Вариантностью говора русскоустыинцев и прежде всего его фонетики (общерусские и местные черты) обусловлено сохранение в текстах следующих диалектных особенностей.

1. Свообразие оканья: произношение «о» на месте «а» не только в первом предударном слоге — «розуля», «всё ровно», «робота», «мокой», «уподет» и пр., но и в других предударных слогах и даже под ударением — «розодрала», «крон» вместо «кран»; с другой стороны — случаи нарочитого аканья, приводящие к произношению «а» на месте редуцированного (орфографически — «о»): «яхант».

2. Употребление «и» вместо «е» на месте старого «ять»: «йисти» (есть), «ниту» (нет) и пр. (северно-русская черта), а также характерный для Русского Устья переход «ять» в «я» [а]: «яхать» (только так!), «дяла», «сясти» и пр.

3. Употребление «е» между мягкими согласными или после мягкого на месте «я»: «опеть», «месо» (опять, мясо).

4. Элементы еканья: «долго ле, коротко ле», «некак» и «некак», «негде», «брельянт», «правельно».

5. Взаимозаменяемость «о» и «у»: «говорит—говурит» (как одна из самых характерных черт).

6. Замена «ы» на «у» под ударением: «кобыла—кобула—кубула».

7. Появление «и» на месте «о»: «на двире» (на дворе), «либо ... либи».

8. Сохранение гласных полного образования в словах с исконными «е» и «о», «ь» и «ъ»: «рот»—«рота» (род. п.), «лед»—«леда»—«ледный», «на леве-жвере».

9. Появление после мягкого согласного в безударном положении «ё» [о]: «у нёго», «сёстра», «думаём», «на берёг»; появление под ударением «е» [э] вместо «ё» [о], что обозначается знаком ударения — «у неё», «везе́шь» (наблюдаются и варианты произношения: «вылетывают» и «вылётывают»).

10. Взаимозаменяемость шипящих и свистящих, «ч» и [т'] (как важнейшая особенность системы согласных): «взял—вжал—вжял», «змея—жмей», «ужё—узёе», «сила—шыла», «штобы—стобы», «тятенька—чяченька—чатенька».

11. Цоканье: «девоцька» и т. п.

12. Замена аффрикат простыми звуками: «церква—сэрква—серква», «величество—велишество [шш']—велитество», «величество—велисество» (в звукозаписи встречается даже «ш» на месте «ц»: «цветы (светы)»—«шветы»).

13. Поскольку шипящие и «ц» имеют как мягкие (обычно), так и твердые варианты, при передаче текстов мягкость и твердость их перед гласными обозначаются, по возможности, с помощью букв «а—я» («взял—вжал—вжял»), «е—о» («всё—вшё—вшо»), «э—е» («все—вше—вшэ»), «у—ю», что часто помогает определить значение слова; перед согласным мягкость шипящего и «ц» передается с помощью «ь»: «девоцька», «шьтобы»; долгий мягкий «ш» [шш'] передается буквой «щ»: «лощядь».

14. Твердость «ч» в конце слова обозначается через ликвидацию «ь»: «доч» вместо «дочь», перед согласным в середине слова — через «ъ»: «печъка».

15. Частое отверждение согласных, особенно «р», перед «а», «о», «у», «э» и в конце слова: «море—морэ—моро», «страпать», «берот», «говору», «жеребёнок—жеребонок», «царь—цар—сар», «тепер», «загрэмели—застучэли», «время—врэма—врэмю», «имя—има—имо», «имени—имони», «полден».

16. Замена «ы» «и» после согласных: «рыба—риба—римная речка», «вышел—вишел», «ты—ти», «дыра—дира», «у баби», «министеря».

17. Уподобление губных и переднеязычных согласных сонорным: «поннялся», «селло» (седло), «омманываю».

18. Мягкость «л» («солнышко» и «солнышко») и твердость «н» перед согласным («чаченка»).

19. Появление «т» («д») между согласными — не только в середине слова («человечей», «царитца», «стренный»), но и между словами («ст ребятишками» и пр.).

20. Выпадение «йота» и последующего гласного в глагольных формах (северно-русская черта): «знаэш» и «знашь», «знам»; «приздымацы», «навешиват»; случаи выпадения «йота» перед гласными передаются отсутствием разделительного «ь»: «дьякон—декана» вместо «дьяконы», «свини» вместо «свины» (иногда выпадение «йота» сопровождается удвоенным предшествующим согласным: «плеттю, плетчу, плеччу» вместо «плетью»).

21. Удвоение согласных безотносительно к «йоту»: «перелливает», «треттий—третчей—треччей» (иногда — с расподблением, что также сохраняется при публикации).

22. Частое отсутствие чередования $k || \check{c}$, $g || \check{ж}$ при спряжении глаголов: «пеку—пекошь», «бегу—бегошь, бегот».

23. Встречающиеся иногда окончания глаголов 3-го лица ед. и мн. числа на мягкий «т», а инфинитивы — на твердый, наречия с мягким согласным на конце, типа «сейчас» (все это сохраняется при передаче текстов, исключая записи С. И. Боло, где в инфинитивы возвратных глаголов «ь» вставлен без оговорок, невозвратных — в прямых скобках, а в глаголах 3-го лица и наречиях упразднен, поскольку такие особенности характерны и для заметок самого собирателя).

24. Древние или необычные формы инфинитива («взясти», «достастя», «пекти») и изменения в спряжении некоторых глаголов.

25. Глагольные основы инфинитива, оканчивающиеся на *-еть* вместо *-ать* и *-ить*: «мольчеть», «кричеть», «говореть», дающие формы: «крисел» (кричал), «говорел», «запалел» (запалил), «здышот».

26. Древнерусские глагольные основы, дающие формы: «погонить» вместо «погнать», «стрелил» вместо «стрельнул», «подтерть» вместо «подтереть».

27. Повелительное наклонение в форме «подьте», «ты украдь».

28. Пропуск предлога (при смысловой необходимости он вставляется в прямых скобках): «гусли играл [с] утра до вечера»; «я тебя замуж выйду».

29. Появление предлога там, где его не должно быть в соответствии с литературной нормой: «отдал к нему фуражку».

30. Употребление предлога «по» вместо «за»: «ходил по перстень».

31. Ненормативное употребление падежных форм существительных: родительного падежа в форме именительного («около море», «отдам конь») и винительного («из тюрьму выпустила»), дательного в форме именительного («и сказка конец»), очень редкое употребление творительного падежа мн. числа в форме дательного: «Давай, г-т, поменямся кольцом — кольцам» (северно-русская черта); некоторые особенности склонения: формы «по груди» (III склонение как I), «у баби», «ми-нистерн» и пр.

32. Необычные формы личных местоимений и особенности их склонения: «к нима, к има» (к ним, им), «с нима, с има» (с ними), «садись на мне» и пр.

33. Ненормативность рода существительных: «русска хмель», «лебедь» (то женский, то мужской род), и особенно местоимений: «ее (отца) затевья», родители «обе умерли».

34. Несогласование в роде определения и определяемого слова: «глазная надобье», «старичко парень», «на эту столбик».

35. Частое употребление слова «говорит» как вводного (в сокращенной форме «гот», «гут») и даже «гат», что сохраняется в написании); в случае произношения его с редуцированным («гът») вместо «гъ» ставится дефис: «г-т».

36. Отличающиеся от литературного языка ударения проставляются, если есть такая возможность (при наличии звукозаписи либо фиксации ударения собирателем, когда это не слишком перегружает текст): «нарвал», «ободрал», «около море» и т. д.

III. Графическая передача записей имеет следующие особенности, не относящиеся к передаче говора.

1. Опущены без какой-либо фиксации в тексте: а) несмысловые паузы исполнителя; б) несмысловые звуковые вставки (когда исполнитель затруднился в продолжении текста: «м...», «э—э» и т. п., а также крикание, хмыканье и пр.); в) обрывки слов, начатых верно и потом произнесенных полностью либо начатых явно ошибочно и сразу же исправленных: «Назавтра, г-т, мне построй сэр... сэркву», «Они ушь... уяхали» (по общему смыслу необходимо слово «уехали», а не «ушли»); г) слова, произнесенные исполнителем по ошибке, и слова с неправильным согласованием, получившие поправку исполнителя: «Мужа овернула дячком, а сэркву... а коня — сэрквой», «Ой, я тебя за мертвую пшита... пшитада»; но в случае, если слово, исправленное исполнителем, равноценно по общему смыслу тому слову, которым оно заменено, то при передаче текста оставлены оба варианта: «Видят: сар с царцей стоит на [к]рыльце... на балконе!..»

2. Отточием в угловых скобках обозначены места, смысл которых восстановить не удалось (из-за неясного произношения, дефекта звукозаписи, неразборчивости графической записи либо ее обесмысленности собирателем, недостаточно владевшим русским языком). Если передать дословно плохо слышимое в звукозаписи

или неразборчивое в тексте собирателя место не удается, но общий смысл понятен, в угловых скобках передается смысл такого отрывка.

IV. В передаче графических записей С. И. Боло, недостаточно владевшего русским языком (и в некоторых случаях — других собирателей), произведены следующие поправки.

1. Устранены очевидные ошибки в разделении слов: «под обручи» вместо «подо бручи» в записи С. И. Боло; «за лес завернулся» вместо «залеэ, завернулся» в записи студентов ЯГУ; «затвориченко» (т. е. затворник — обращение) вместо «затвори ченко» в записи Н. А. Габышева; «с-т ребятишками» вместо «стребятишками» в записи Д. Д. Травина; «сё ранно» (всё равно) вместо «сёрранно» и пр.

2. Устранены явные неправомерности в управлении и согласовании у С. И. Боло.

3. Исправлена пунктуация.

4. Отдельные небольшие прозаические тексты плохой сохранности даны в пересказе, максимально приближенном к оригиналу собирателя, что всякий раз оговорено в комментариях.

V. В случаях, когда понимание смысла текста затруднено из-за особенностей говора (или из-за дефекта графической записи), в прямых скобках добавляются необходимые для понимания слова и отдельные буквы (что не следует воспринимать как попытку реконструкции текста).

В прямые скобки заключены также названия публикуемых произведений в тех случаях, когда известно, что название дано не исполнителем, а собирателем, или когда оно дано лицами, готовившими текст к изданию. Названия песен опущены.

Круглые скобки используются в их обычной грамматической функции.

VI. Необходимые в некоторых случаях для верного понимания текста поправки отдельных слов всякий раз снабжаются приведением подлинного чтения в подстрочном примечании. В подстрочные примечания вынесены также объяснения слов, трудно узнаваемых даже в контексте из-за необычного их произнесения (в словоуказателе такие случаи не отражены), и сведения об особенностях исполнения того или иного фрагмента текста, даваемого по звукозаписи: «другим голосом», «сквозь усмешку», «тихо» и т. п.

СКАЗКИ

Сказки в корпусе текстов сгруппированы по исполнителям, здесь даются их характеристики, основанные на сведениях собирателей (преимущественно Н. А. Габышева).

Семен Петрович Киселев

С. П. Киселев (по прозвищу Хунай) (1885—1947) — самый крупный сказочник Русского Устья (принадлежит к коренным жителям). Исполнителями сказок были его родители Петр Михеевич и Аграфена Семеновна. Отец особо славился как рассказчик и, будучи приказчиком у купца, мог неограниченно пополнять свой репертуар. Сам же С. П. Киселев, по словам С. И. Боло, сказывал с 12 лет.

С. П. Киселев — мастер-исполнитель. Его сказки стоят на уровне с лучшими, известными науке. Сказочную ситуацию видит в красках и динамике, но передает ее более обобщенно, чем его сын Е. С. Киселев. Владеет всеми разновидностями сказки. Порой мир его сказок суров, порой пронизан сочувствием к герою. Любимыми его сказками были «Шесть Семеонов», «Бова», «Бырдия», «Хвэдор Бермечин», «Дума Премудрая», «Панфил-вор».

С. П. Киселев относится к традиционному типу исполнителей, он, по словам Н. А. Габышева, категорически отрицает полезность нового элемента в фольклоре, так как основной функцией сказителя считает знание старого, канонического материала в том виде, в котором он дошел до сказителя. Вместе с тем дает не мертвый пересказ, а согретый чувством и, по-видимому, верой в существование чудесного, поскольку он верил в сендушного, духа моря, сколикана и т. п.

Кроме публикуемых 26 сюжетов (два с повторными записями) и одного, вынесенного в примечания (см. комментарий к № 27), от него записано 8 нерусских сказок (см. перечень после комментария ко всем русским сказкам). Помимо этого в репертуарных списках С. И. Боло и Н. А. Габышевым указано 37 сказок, из которых явно нерусских — две. Таким образом, репертуар С. П. Киселева доходил до 70 сюжетов. Вполне вероятно, что часть репертуара ускользнула от внимания собирателей, но, с другой стороны, в репертуарных списках возможны повторения под иными названиями. Нерусских сказок только 10, но может быть фактически несколько больше, ибо определение по названию ненадежно. В репертуаре С. П. Киселева отмечены такие произведения: «Старушка, стряпай пирожки, а я пойду за рыбой» («Лиса и рыба»), «Дума Премудрая», «Нага-птица», «Лягушка (царевна)», «Царь Зара — Купеческий сын», или «Желишко» («Незнайко»), «Принцеза» («Сивко»), «Беломонет-богатырь», «Шесть Семеонов», «Насташа Замориявна», «Учитель-фармазон», «Панфил-вор», «Тать и Борма», «Во Печёнском городе Вепечён-

ский король», «Бова-королевич», «Хвэдор Бермечин», «Конёк-горбунок», «Султан», «Три девицы под окном», «Аладдин», «Сто во што, неведомо што», «Ивашка-Шивья рубашка», «Василиса Васильевна», «Поп», «Царь Без швету», «Селезень да селезёнка», «Уточка, пёрышки золотые», «Марфита-царевна», «Иван-дурак», «Идол поганый», «Чадо Одадания», «Девка-горбунка», «Церква со золотым дрэвом», «Колубочки», «Бырдия», «Три золотые».

1. Кот да петушок. АЯФ, № 779, л. 62—65. Косухино. 1946 г. Запись Н. А. Габышева.

Семен Петрович Киселев. Рис. Н. А. Габышева 1946 г.

ВС, 61 В.

Н. А. Габышевым записан и краткий вариант сказки от А. М. Чкачевой, 55 л. (неграмотной) — АЯФ, № 778, л. 28. Запись произведена с разбивкой всего текста на ритмические отрезки — столбцом.

2. Шю-шню бычок. АЯФ, № 780, л. 48—48 об. Косухино. 15.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Двуходовая сказка: «За скалочку — гусочку», «Звери в санях».

ВС, 170, 158. Блиско — Афанасьев, № 8, некоторое сходство — Коренной, № 4. Старуха не просится ночевать, ибо хозяева обязаны ее пустить по обычаю гостеприимства. На этом же обычае основан успех ее вымогательства.

3. Арко Аркович. АЯФ, № 780, л. 66—68. Косухино. 17.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Трансформация сказки о Кощее. В начале — сильнейшее влияние былии. По канонической схеме сюжета герой знакомится в поле (иногда в шатре) с воительницей-богатыркой, победительницей Кощея, будущей своей женой. Здесь сказка снижает героический облик женщины. Поэтому в шатре герой знакомится не с ге-

рошней, а с богатырем Арко Арковичем-Данилой Игнатьичем. Он и высватывает герою невесту — обыкновенную женщину. Это выступление Арко в роли типичного сказочного помощника героя по инерции повлекло и дальнейшие нововведения: Арко рассказывает, где и как погубить Кощея, дает волшебного коня и саблю. Вместе с тем на Кощея переносятся архаические черты: Кощей окружается слугами-зверями как верховный «хозяин», и смерть его стерегут не простые звери, а, видимо, «хозяева» звериных пород. Имя Арко (Марко?) не ново; см.: Ончуков, № 297 (Онего).

ВС, 302.

4. Отставной солдат. АЯФ, № 779, л. 91—96 об. Косухино. 14.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Контаминация сюжетов «Солдат находит исчезнувшую царевну» и «Неверная жена».

ВС, 301 Д*, 318.²

5. Из диво дивовес коробка. АИЭ, № 554, с. 152—175. Косухино. 8.V.28. Запись Д. Д. Травина.

Оригинальный сплав сюжетов «Конек-горбунок» и «Поди туда — не знаю куда». ВС, 465 А, 531.

Имеется краткий пересказ в записи Н. А. Габышева — АЯФ, № 780, л. 89. Главные различия: министров сын говорит не «Время саю», а «Слуга Тороп, подай кушать»; после соглашения с купцами коробку выбрасывает на берег волной; из трех замков отпирание второго пропущено; при отпирании третьего сразу увиделась девка — вероятно, линия супруги царя пропущена; щука обращается к нерпе, и та приносит ключи от сундука невесты; невеста рассекает героя на три части.

Формула приближения противника: «стук застучал на дворе, гром загремел на дворе», вероятно, заимствована из якутского фольклора. См., напр.: *Ойунский Д. А.* Нюргун Боотур Стремительный. Якутск, 1982, с. 80 (богатырь едет):

Только молнии за горой
Вспыхивали по следу его,
Только гром вдалеке
Громыхнул и затих...

В 1932 г. М. А. Кротов записал вариант начала этой сказки от С. П. Киселева — несколько сокращенный, но зато дополненный мотивировкой поступка царских сыновей. Эпизод с просьбой сына отпустить учиться в поздней записи дается более обрядно и психологически.

«Не в котором царстве, не в котором государстве живал-бывал царь. У этого царя два сына, а на улице у них живет хресьянин. У этого у хресьянина один сын. Эти два царские сына учатся в школе. Другой этот хресьянской сын отвечает отгу: „Ну, что, папенька, мне бы было поступить в школу!“ Ну, отец сказал на это: „Ничего, поступи“. И стал с нима вместе учиться. И так выучился, кончил всю грамоту по-латински, и по-немецки, и по-французски, и по-английски. А эти два царские сына до него дойти не могут. И стали меж собой советовать: „Как он этойкой учёной, даже он пуще нас, а как бы его надоть извести“.

Взяли написали гумагу и подписали его има и поднесли сару. Сар прочитал: похваляется хресьянской сын, что достанет из дива дивовес коробку...» (Кротов, с. 53—54).

6. Ивашко Пепелушко. АЯФ, № 453, л. 11—17. 20.III.41. Запись С. И. Боло.

Контаминация сюжетов «Нерассказанный сон» и «Слепой и безногий». Особенность первого в том, что герой, брат Пепелушки, не утаивает, а рассказывает предвещение, чем и вызывает гнев родителей. Для предвещения используется не сон, а птица. Умение понимать язык птиц определяет и выбор героя царем. Эта часть сказки имеет вариант: Афанасьев, № 247. Далее следует второй сюжет, где начинает действовать Пепелушко.

ВС, 705, 725, 671, 519, 518.

В 1946 г. Н. А. Габышевым произведена повторная запись сказки — АЯФ, № 779, л. 79—84. Изложение оказалось местами скомканным. С. П. Киселев перестроил сказку, в первом сюжетном ходе Пепелушки не оказалось вовсе, второй ход начался с того, что у героя первого хода от рыбы рождается сын и у кухарки — его помощник. В габышевском варианте Марфяда ходит за огнем к Яге два раза и только на третий раз попадает в засаду. Герой отдает товарищам две бочки серебра и золота, а себе берет Марфиду.

7. Подсолнешна Красота. АИЭ, № 554, с. 96—145. Косухино. V.28. Запись Д. Д. Травина.

Переплетение разных сюжетов и мотивов, объединенных схемой сюжета «Португей-прапорщик»: герой плывет, старик спасает, старик дает волшебные средства для победы, измена жены, старик дает волшебные средства для расправы, расправа (ВС, 301 Д*, 918). Сказка разделяется на четыре сюжетных хода. Первый ход — хвастовство богатством и проверка его — восходит к былинне о Дюке. Далее мотив,

² При ссылках на указатель ВС номера приводятся соответственно последовательности сюжетов в контаминациях. Номера в скобках указывают мотивы, не определяющие сюжета комментируемой сказки.

восходящий к «Садко»: корабли с драгоценными товарами, буря, герой спасается на доске. Второй ход — сюжет «Незнайко» с вкраплением мотива «Змей и царевна у воды» (ВС, 300₁). Замок с волшебником (надо бы — волшебницей) и влюбленность по портрету, вероятно, восходят к лубочной повести «Громобой». Об этом говорит и обилие именно здесь специфической фразеологии (см. вступительную статью). Третий ход — сюжет «Неверная жена». Четвертый — «Три царства». Третий и четвертый ходы — небрежное и малоудачное повествование. В целом же это — интереснейшая и впечатляющая попытка создания фольклорной приключенческой повести. «Кабы было утвержденного кольцо...» — былинный мотив. Имя Феодулы Командуловны взято из сказки «Еруслан Лазаревич».

ВС, 301 Д* [(?), 532, (300₁)], 318, 301 В.

8. Коток да кобелек. АЯФ, № 780, л. 69—71 об. Косухино. 16.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Сюжет «Волшебное кольцо».

ВС, (485 В*), 560.

Герой помогает полозу в борьбе со львом и получает благодарность — перепев эпизода «Сила хмеля» из сказки о Бермятине. Добывание украденного кольца у неверной жены оригинально, но более буднично. Кобелек плывет на коте: коток, очевидно, представляется не домашним, а сильным, диким животным.

9. Боба-королевич. АИЭ, № 554, с. 1—61. Косухино. 1.V.28. Запись Д. Д. Травина.

ВС, 707 В*. Сказка восходит к французскому сказанию о Бове. Через Италию, Балканы и Белоруссию появляется у нас как рукописная повесть не позже середины XVI в. Через полную лубочную редакцию повести в конце XVIII в. она переходит в фольклор (Кузьмина, с. 21, 23, 66, 109).

Ближайшие варианты сказки: Парилов, № 1; Кожемякина, с. 51—66. Некоторое сходство — Коргуев, № 35.

Терлашку разрывают, наступая ногой, как дикая женщина разрывает сына в «Бермятине». Калена стрела с ярлыком — былинный мотив.

10. Три амбара иглы. АЯФ, № 780, л. 49—50. Полярное. 21.IV.46. Запись

Н. А. Габышева.

Сюжет «Бегство от смерти».

В указателе ВС отсутствует.

Легендарная сказка. Ее смысл: от смерти не уйдешь. Модификация редкого сюжета «Ведьма и Солнцева сестра» (ВС, 313J*). Ср. Афанасьев, № 93. Мотивы коня и зайцев восходят к мотивам волшебных помощников Вертодуба и Вертогора у Афанасьева. Мотив девки с иглами (у Афанасьева — две швеи) неясен. Иглы ломать — ср.: чтобы убить Кощея, ломается игла.

11. Окошечко отворала? АЯФ, № 780, л. 57—58 об. Косухино. 18.IV.46. Запись

Н. А. Габышева.

Сюжет «Крестница богоматери». Мотив травы — местный.

ВС, 710.

Жестокость матери — отражение суровости быта.

12. О Голи кабацкой. АЯФ, № 779, л. 66—70 об. Косухино. 16.IV.46. Запись

Н. А. Габышева.

Сюжет «Спор о верности жены».

ВС, 882 А.

«Наросло дикое тело» — мотив «Бермятина».

13. Памфил-вор. АИЭ, № 558. 17.IX.28. Запись Д. Д. Травина.

Сюжет «Балдак Борисевич».

ВС, 946 А*. Отдаленный вариант: Худяков П. № 122 (Тобольск).

Сюжету придан героический характер: герой предупреждает противника о будущем воровстве и ему же рассказывает в виде сказки об уже совершенном, герой не пытается бежать и рискует жизнью. Царь созывает сенаторов... «и всю полоницу удалую» — влияние былевого эпоса на сказку.

Схематический вариант сказки под названием «Палкин-вор» записан Н. А. Габышевым от С. П. Шкулева, 1889 г. р., в Федоровском, 6.IV.46 (АЯФ, № 780, л. 7). Его отличие: герой не отдает украденного, и расправа следует прямо за поимкой.

14. Про кучера, про извозчика. Биркенгоф, с. 169—171. Русское Устье. 1930 г. (?) Запись А. Л. Биркенгофа.

Сюжет «Девушка и разбойники».

ВС, 956 В. Оригинальная версия.

Текст не вполне ясный. Речь идет, очевидно, не о царице, а о царевне, и увоза из царской семьи не два, а один. Смысл сказки: купеческая дочь оказалась умнее царской.

15. Челбунчут. ААН, № 171, л. 98—102. Косухино. 17.IX.28. Запись Д. Д. Травина.

В начале этой сказки помещен сюжет «Собака вместо лисы» (здесь наоборот); в этом, очевидно, сказывается влияние нерусского фольклора. Имя героя говорит о том, что сказка побывала в иноязычной среде (см.: Сатирические сказки Сибири, с. 32). Далес — сюжет «Шут».

ВС, — 1635 Н**, 1539, (1535).

Особенность сказки Русского Устья: соседи платят деньги не за волшебные предметы: чудесную лопату, плетку-живилку (последней совсем нет) — они платят только за науку. Конец сказки оригинален. Обман с конем понятен: кони в Русском Устье были.

Вариант сказки записан от И. И. Чкачева. В нем одежду герой собирает не с покойников, а с жен противников. Порядок эпизодов перепутан: обман с лисой, обман с женой, подставление вместо себя старика, обман с лошадыо, прорубь. См.: Сатирические сказки Сибири, с. 249—250. Опубликовано в другой вариант: от Е. И. Солдатовой. См.: Сатирические сказки Сибири, с. 253—254. Вариант ограничен одним эпизодом с коном и обманом с женой (последний яснее, чем в других вариантах). В конце герой просто убивает соседей.

16. [Шут]. В рукописи: Чельбунчун. АЯФ, № 779, л. 88—90 об. Косухино. 13.IV.46. Запись Н. А. Габышева. Сказка издана текстологически небрежно (см.: Сатирические сказки Сибири, с. 250—253).

Вс. — 1635 Н**, 1539, (1535).

Предыдущий вариант С. П. Киселева передает лучше эпизод с лисой и добавляет концовку сказки. Второй вариант богат в целом. Различны трактовки эпизодов. «Рот захватывает» — вероятно, волосы атакаивает в рот,

17. С хвостами люди. АЯФ, № 780, л. 63—65 об. Косухино. 17.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Двуходовая сказка-быличка. Первый ход — переложение «Сказки об Абд-Аллахе земном и Абд-Аллахе морском». (Книга тысячи и одной ночи. М., 1959, т. 8, с. 164—187). Второй ход — оригинальный вариант сюжета об упыре, опустошающем целый город.

В указателе ВС отсутствует.

Это не единственное переложение арабских сказок: также известен «Аладдин» в репертуаре С. П. Киселева. «Человек рождается на несчастье, а умирает на счастье, при рождении надо плакать, а при смерти — радоваться» — мотив арабской сказки. Н. М. Алексеевым в 1946 г. он засвидетельствован как самостоятельное русское поверье (АЯФ, № 770, л. 103). Это еще один пример соотношения в сказке веры и вымысла.

18. Антиуха. АИЭ, № 554, с. 181—209. Косухино. 10.V.28. Запись Д. Д. Травина. Фольклоризация некогда популярной древнерусской повести XVII в. об Аполлоне Тирском, восходящей к древнегреческому роману II—III вв., которая в составе «Римских деяний» пришла к нам из Польши (Соколова Л., с. 343; 344, 346). Сгладив свое фивольное содержание, роман проник даже в глубок (Снегирев, с. 113). Сказка была популярна (см. репертуары П. Н. Новгородова, Н. Н. Шкулева, Ф. М. Гольжинского).

Нам известны лишь две полные записи от одного исполнителя. Нами обнаружена вторая фольклорная версия повести (в ней только одна линия Аполлона): сказка «Ополон-царевич» в контаминации с сюжетом «Незнайка» (см.: Кожемякина, с. 30—41). Имя Аполлона не характерно для русских сказок, случайно оно появилось в сказке «Аполлон-вор» (сюжет «Балдак Борисевич», ВС, 946; см.: Худяков II, № 122).

«На три года дрова...» — только в сказке Русского Устья герой, отправляясь в плаванье, кроме пищи берет еще и дрова (отражение местного быта). Вольнодом размахивает дубом, в чем сказывается влияние былевого эпоса.

19. Анчух. АЯФ, № 779, л. 84—88. 13.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Вариант предыдущей сказки. Хотя между исполнениями 16 лет разрыва, не приходится говорить о каких-либо утратах. Первый вариант подробнее в целом, во втором больше теплоты, больше оценок, местами он даже подробнее. Очевидно живое сочувствие к женщине и ребенку.

20. Шветогор-богатыр. АЯФ, № 779, л. 73—78 об. 18.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Название неточное. Перед нами сказочное повествование про Илью по мотивам былии «Исцеление Ильи», «Илья и Соловей», «Илья и Святогор», «Илья и Идолице». При переходе в повесть эпическая мощь богатырства снизилась до похождения обычного сказочного героя, идейный смысл былии утратился, многие эпизоды выпали. Влияние эстетики сказки очевидно: герой — царевич, он женится на царской дочери в награду за подвиг, наезжает в город не ради спасения его от Идолица, а на побывку к жене, в конце герой с женой возвращается к родителям. Но степень подчинения сказочной эстетике далека от уровня «Бермятина» и «Анчуха». Кроме сквозной линии Ильи появляются и другие: Идол убивает царских сыновей, с которыми Илья встречал Соловья, и Идол сватается на царской дочери, которая, очевидно, жена Ильи, и др.

Исцеление Ильи более естественно, чем в былине, — не повелением странников, а испитием принесенной ими воды.

ВС. — 650 С*.

Егор Семенович Киселев

Сын С. П. Киселева. Родился в 1922 г. в Шевелево. Окончил три класса.

Егор Киселев (по прозвищу Снегирек) точно соблюдает всю сказочную обрядность, все общие места он повторяет, однако, проговаривает их скороговоркой, как бы по обязанности, так что на слух разобрать все слова весьма затруднительно. Местами его речь ритмизована. Несомненно, он обладает артистизмом: у него богатая интонация, и за ней угадывается характер персонажа, о котором идет речь, хотя Егор и не говорит на голоса. Склонен переводить повествование в диалог. Рассказывает он явно заинтересованно, сопровождая речь часто ирони-

ческими улыбками, подчас резко и густо крикает, заканчивая очередной период. Но в целом эмоционально сдержан. По отзывам знавших его людей, Егор Киселев — человек, знающий себе цену и с юмором. Р. В. Каменецкая так описала нам встречу с ним в 1972 г. на промысле: Егор Семенович — среднего роста, довольно крепкого сложения. Одет в современный рыбацкий костюм: брезентовые брюки и куртку и высокие резиновые сапоги-бродни, спущенные до колена. Русые с проседью волосы коротко острижены, в лице нет явных признаков монголоидности, кожа светлая. Лицо казалось бы обычным, если бы не голубые глаза, сначала недоверчиво-внимательные, а потом умно-лукавые.

Репертуар Е. С. Киселева, по записи Н. А. Габышева (АЯФ, № 769, с. 25), включает такие сказки: «Царь Зара», «Купец богатый», «Панфил-вор», «Селезень да селезенка», «Аладдин и волшебная лампа», «Поп», «Бурдия», «Три брата» (нерусская?; с таким названием записана нерусская сказка Н. М. Алексеевым). Сказка «Принцесса» имеет у него другое название: «Иван-дурак», сказка «Коло-

Егор Семенович Киселев. Фотография 1972 г.

бок» здесь названа «Дума Премудрая». Таким образом, репертуар Е. С. Киселева охватывает не менее 15 сюжетов. Но и сведения о репертуаре, и записи от него не были, вероятно, исчерпывающими.

21. Отставной солдат. ИРЛИ, № 31. Чокурдах. 17.V.77. Запись С. Н. Азбелева. Сюжеты «Солдат находит исчезающую царевну» и «Неверная жена».

ВС, 301 Д*, 318. Сходный вариант — Никифоров, № 103; сходные в первой половине см.: Азадковский, № 8; Шастина, № 11.

22. [Девушка, встающая из гроба]. ИРЛИ, № 28. Чокурдах. 17.V.77. Запись С. Н. Азбелева.

ВС, 307.

Оригинальная трактовка сюжета. Сказке придан характер былички: заговоры, живой огонь, героиня — то ли одержимая, то ли живой мертвец. Некоторое сходство — Смирнов, № 51 (Боровичский уезд).

23. Колобок. ИРЛИ, № 30. Чокурдах. 17.V.77. Запись С. Н. Азбелева.

Сюжет «Морской царь». Сюжетные звенья о заданиях царя герою осложнены мотивом избегания сна — из сюжета «Гусли-самогуды».

ВС, 313 В, (465 В).

«Нага-пчица» — народная этимология: совсем нагая. Нага несет героя не в иной мир, к волшебным хозяевам трех царств, а к обыкновенным царям обыкновенного мира, где купца хорошо знают да и саму Нагу торгуют за волшебную табакерку (демифологизация сказки). Мотив табакерки типичен для Русского Устья. Первое задание царя (ловить рыбу) — отражение местного быта. Братья Морского царя одноглазы, одноноги и одноруки, в чем отразились заимствованные, вероятно, от звенов представления о злых духах (мотив отмечен у ряда тунгусских этносов). Издательская посылка беглецов Морскому царю — прием героизации сказки. В конце сказки забывание героем героини трактуется как результат проклятия.

24. Христьянин. ЯГУ. Полярное. II.87. Запись студентов под руководством М. Ф. Дружининой.

Сюжеты «Сивко-бурко» и «Свинка, золотая щетинка». Второй сюжет рассказан в более правильном порядке, чем в тексте 1977 г.

ВС, 530, 530 А.

Формула седлания коня явно былинного характера. Вместе со сказочными героями съезжаются и богатыри (влияние эпоса). «Ногу засунет — ногу секу...» — формула, характерная для сказок Русского Устья (ср. сказку «Антиух») —

25. Принцеа. ИРЛИ, № 27. Чокурдах. 17.V.77. Запись С. Н. Азбелева.

Вариант предыдущей сказки. Несмотря на более позднюю запись, он «обряднее» и художественнее; вводится ряд психологических мотивировок. Но в сюжетных звеньях о заданиях царя и цене за диковинки есть путаница.

26. [Семь Симеонов]. ИРЛИ, № 29. Чокурдах. 17.V.77. Запись С. Н. Азбелева. ВС, 653.

Оригинально самое начало: подчеркнуто бедственное положение родителей и сиротство детей. В тексте противоречие: совет о детях дает царь, а на воспитание их отдает купцу. Командула Феодуловна — имя героини из «Еруслаца Лазаревича».

27. Поставил плечочку на петухову женочку. ИРЛИ, № 25. Чокурдах. 17.V.77. Запись С. Н. Азбелева.

Сюжет «Сосватанные дети».

ВС, 926 С*. Сходный вариант — Коргуев, № 54.

Сказка перенята от отца. Есть очень краткий пересказ, записанный Н. А. Габышевым от С. П. Киселева, — АЯФ, № 780, л. 85. В нем министерские сыновья названы королевскими (описка собирателя?). Кончается пересказ тем, что они очень возмущены хитростью героя.

28. Федор Бермятин. ИРЛИ, № 26. Чокурдах. 17.V.77. Запись С. Н. Азбелева. ВС, 485.

Упрощенный вариант. Ср. ниже более полный вариант Н. Г. Чихачева (№ 50) и комментарий к нему. Здесь же город назван то Вавилонским, то Омолонским. Произошло как бы замыкание сказочного космоса на местном материале: Омолон — западный приток Колымы. Реплика Кривого доказывает, что был и эпизод с обманом Змеи и что был и Старичище-оплеталище, а не просто веревки. Одноглазый великан здесь еще и однорукий и одноногий — гипербола уродства (см. комментарий к № 50).

Иван Николаевич Чихачев

Родился в 1910 г. Малограмотный. Член правления колхоза. Как исполнитель — в основном песенник. Материал заимствовал от отца, большого любителя песен и сказок. В его репертуаре М. Н. Алексеев называет «Аладдина». Насколько возможно судить по четырем записям, сказочник сохраняет традиционное волшебное начало, демифологизация текста у него слабая. Заметна схематизация сказок.

29. Кот-баюн. АЯФ, № 780, л. 5—5 об. Полярное. 2.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

В основе лежит сюжет «Поди туда, не знаю куда».

ВС, 465 А, (301 А).

Дыра и Сам-с-ноготь — мотив сказки «Три царства».

30. Худая девка. АЯФ, № 780, л. 23—24. Полярное. 10.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Сюжет «Золушка».

ВС, 510 А. Близкий вариант — Балашов, № 53, 25. Более отдаленное сходство — Красноженова, № 5.

31. Беломонет-богатырь. АЯФ, № 780, л. 16—22. Полярное. 8.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Контаминация сюжетов «Животные-зятья», «Благодарные животные», одного неизвестного и «Смерть Кошца от коня».

ВС, 552 А, 554, (?), 302₂. Известный сюжет — типа «Трех царств»: приобретение друга (мотив «убить сонного»), враг — Яга из подземного мира, где кузнецы куют воинов. Близко — Афанасьев, № 161.

Кошцем похищается не дева-воительница, а купчиха (снижение героического характера женщины в сказке).

32. Семь Семеонов. АЯФ, № 780, л. 4—4 об. Полярное. 2.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

ВС, 653.

Оригинален эпизод с птицей.

Петр Николаевич Новгородов

Родился в 1880 г. По семейному преданию, его прадед — крещеный якут, получивший фамилию от восприемника. Женился на русской. Отец Петра Николаевича уже не знал по-якутски. В 1938 г. П. Н. Новгородов переселяется из Русского Устья на Колыму. Неграмотный. Как исполнитель — сказочник (29 сказок). По словам С. И. Боло, «старик тихий, спокойный и очень хорошо рассказывает».

П. Н. Новгородов в его отношении к волшебному началу сказки — противоположность С. П. Киселеву; демифологизация в его текстах не наблюдается. Схематизм сказок, возможно, объясняется тем, что собиратель недостаточно владел русским языком. Заметен интерес исполнителя к социальным противоречиям: он выводит в центр богача, министра, попа; к ним беспощаден.

Репертуар: «Нагая птица», «Ивашко Пепелушко», «Дума Премудрая», «Солнышко», «Незнайко, царской сын», «Ворон Воронович», «Семь Семеонов», «Акоменелой парень», «Федор Бермечин», «Драгоценные камни», «Выслуженный солдат», «Нарта Пичикапулка», «Уточка», «Серой серемяга», «Царь Хидул», «Светогор-богатырь», «Царь Дибия», «Царь Салтан», «Золотая рыбка», «Гришцу и Миколку», «Три брата, три соловья», «У дикого брата три крылаты коня», «Ферофон-царевич», «Старик Ехрем», «Антиух Антиухинской».

33. Кривой Ерахта. АЯФ, № 446, л. 15—16. Походск. 2.XI.40. Запись С. И. Боло. Сюжет «Правда и кривда».

BC, 613.

34. Ванюшка. АЯФ, № 446, л. 17—19 об. Походск. 4.XI.40. Запись С. И. Боло. Сюжеты «Чудесные гусли» и «Приметы царевны».

BC, 592, 850.

Местами протупает рифмовка, которой могло быть и больше в живой речи. Если это не случайности записи, то перед нами черты балагурного стиля.

35. Боба-королевич. АЯФ, № 446, л. 2—12 об. Походск. 1.XI.40. Пересказ записи С. И. Боло.

BC, 707 В*, (554).

Вариант восходит к той же редакции повести о Бове, что и № 9 (от С. П. Киселева). Сюжет передан путано, без должного понимания, но здесь вводится ряд традиционных сказочных образов и мотивов: «мед-самосед» (меч-самосек), меняющие внешность человека ягоды, смерть и воскрешение героя с помощью благодарных животных. Наиболее фольклоризован здесь эпизод смерти Бовы. Ряд мотивов заимствован из других сказок: калинов мост («Бой на калиновом мосту»), Лучница («Антиух»), казнь Додола («Бермятин»).

36. С хвостом человек. АЯФ, № 446, л. 11—14. Походск. 2.XI.40. Пересказ записи С. И. Боло.

Сказка-быличка.

В указателе BC отсутствует, см. № 17 в нашем издании. Оба текста восходят к некоему третьему, но данный вариант не содержит контаминации.

Иван Иванович Чикачев

И. И. Чикачев (по прозвищу Замарай) родился в 1914 г. Малограмотный. Сказки слышал мальчиком от стариков. По отзыву С. И. Боло, «очень умный и спокойный молодой сказитель», способный сочинять экспромтом частушки и песни. От него у С. И. Боло записана конспективно еще и сказка «Чылбычын» (опубликована: Сатирические сказки Сибири, с. 249). См. комментарий к № 15, сказка С. П. Киселева в записи Д. Д. Травина. Кроме того, С. И. Боло записал от И. И. Чикачева нерусскую сказку «Молодой парень стрелы перит».

37. Старичково парень. АЯФ, № 780, л. 8—9 об. Полярное. 6.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Сюжет «Три царства».

BC, (513 А), 301 А.

Мотив добывания коня магией оригинален. Вместо Сам-с-ногтя здесь старуха. Под землей у нее не 3, а 7 дочерей (вероятно, местное влияние).

Есть более ранний вариант, записанный С. И. Боло 18.III.41. (АЯФ, № 453, л. 8—9). Вариант короче и путаней: есть перестановка и пропуск некоторых эпизодов. Героя вывозят на землю конь старика, как в сказке «Португей-прапорщик». Окончание: «Подоткнул колотушку под село и отправил коня обратно» — влияние шаманского образа.

38. Дума Премудрая. АЯФ, № 453, л. 1—5 об. 17.III.41. Запись С. И. Боло.

Сюжет «Чудесное бегство», мотив избегания сна за картами — из сюжета «Гусли-самогуды».

BC, 313 А, (465 В).

Вариант этот — местами более полный, чем у Е. С. Киселева (№ 23), а пропуски и сухость изложения — возможно, издержки фиксации.

От И. И. Чикачева записана конспективно также сказка «Хедор Бирмечин» (см. № 65).

Алексей Алексеевич Суздалов

К моменту записи ему было 26 лет.

39. Царская дочь потерялась. АЯФ, № 780, л. 39—45. Яр. 25.IV.46. Запись Н. М. Алексеева.

Сюжеты «Солдат находит исчезнувшую царевну» и «Неверная жена».

BC, 301 Д*, 318.

Интересен мотив зверей на страже у похитителя. Текст схематичен.

40. Купец. АЯФ, № 780, л. 35—37 об. Приморское. 24.IV.46. Запись Н. М. Алексеева.

Сказка — оригинальная переработка трех сюжетов с направленностью на демифологизацию (в тексте ряд неясностей — либо это результат плохого исполнения, либо исполнитель плохо усвоил сказку). Основа — сюжет «Звериное молоко», где вместо эпизода с трудной задачей герою присутствует фрагмент из сказки «Молодильные яблоки». В соответствии с направленностью на демифологизацию вместо

воинственной Царь-девицы появляются старик и старуха, с которой герой борется. Любовником матери («Звериное молоко») традиционно становится разбойник, но не традиционно, что герой становится во главе шайки. Спасение герою приносят не звери, а его суженая, обыкновенная девушка (опять демифологизация). И герой, и героиня сильны не своей, а заемной силой (пояс, перстень, сон про живую воду). Третий сюжет — «Царская собака»: жена превращает мужа в собаку, а волшебница (здесь суженая героя) — в человека. Начало неясно, но похоже, что превращенный мстит своей жене не столько за сына, сколько за себя.

BC, 449, 315, (551).

Сказка приближается к повествованиям типа «Бова» и «Шветогор».

Анна Николаевна Шкулева

Родилась в 1904 г., жила в Полярном. Малограмотна. В основном — песенница. Сказки переняла от отца, Николая Никитича Шкулева. По словам собирателя, сказки рассказывала плохо, однако в записанных сказках она хорошо входит в ситуацию, стараясь передать психологическое состояние героя.

41. Три сестры и людоед. АЯФ, № 780, л. 25—26 об. Полярное. 6.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Сюжет «Медведь и три сестры».

BC, 311.

42. Христьянин. АЯФ, № 780, л. 30—32. Полярное. 7.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Сюжет «Хитрая наука». Пропуск середины и механическая стыковка концов: раз узда не снята — сыном завладевает колдун. Обычно в тексте колдун завладевает потому, что узда попадает с лошастью к нему, сила-то в узде, а здесь узда остается у отца.

BC, 325.

Аграфена Николаевна Щелканова

43. [Медведь и три сестры]. ЯГУ. Полярное. 9.II.67. Запись М. Ф. Дружининой. BC, 311.

Текст отобразил живое, заинтересованное отношение исполнительницы к исполняемому.

44. [Мачеха и падчерица]. ЯГУ. Полярное. 11.67. Запись М. Ф. Дружининой.

Соединение двух редакций сюжета: по одному, мышка помогает обмануть медведя, по второму, вместо медведя — кобылячья голова. Вера в цужанку свидетельствована собирателями в Русском Устье. Отец предупреждает дочь. Такие предвещения характерны для былин. Это предвещение здесь приводит к некоторому снижению образа сиротки: получается, что она кормит мышку не по доброте, а по совету.

BC, 480.

Разные исполнители

45. Шню-шню, бычок. АЯФ, № 769, л. 41—41 об. Полярное. С. Н. Щербачков. 19 лет, 7.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Двууходная сказка: «За скалочку гусочку» и «Звери в саях».

BC, 170, 158.

В первом ходе явная путаница. Возможно смешение с неизвестным (нерусским?) сюжетом: старуха полощет кипочки убитого бычка, старик не пускает ее домой, кипочки превращаются в целое животное, старуха уходит с быком. Порядок в русской сказке, вероятно, был таков: ушкан, песешик, бычок.

46. Король со сыном. АЯФ, № 453, л. 18—20 об. М. П. Чикачева, 20 лет (образование — 4 класса), 21.III.41. Запись С. И. Боло.

Оригинальная сказка, вариантов в Русском Устье не записано, текст не вполне ясен. Вероятно, произошло слияние сюжетов «Смерть Коцея от коня» (похищается не одна, а две жены, похититель не погибает) и «Бегство от ведьмы». Окончание: героиня отстраивает место с помощью подвластных сил, как в «Морском царе».

BC, 302, 313 Н*, (313 С).

Братание со Страйчиком не мотивировано и обусловлено традицией. Кощей сначала добр и щадит героя: ведь герой его спасает! Жилье Страйчика где-то недалеко от людского (демифологизация!), что противоречит дальнейшим поискам героя. Различение жен на верную и предательницу оригинально и, возможно, отражает нерусский мотив.

В тексте 5 раз дана формула «Вштаньте передо мной, как лес перед травой». Вероятно, общеупотребительное и бессмысленное «как лист» — ошибка: источник ее — переход звука, изображавшегося буквой «ять», в «и».

47. Сарь со саршдой. ИРЛИ, № 32. Полярное. Е. Н. Портнягина, 1914 г. р., 22.V.77. Запись С. Н. Азбелева, Ю. Н. Дьяконовой (есть и повторная, более короткая запись Ю. Н. Дьяконовой, сделанная в тот же день).

Сюжет «Царевна и служанка».

BC, 437.

«Она будущему знала, чего будет» — введено предвещение событий в результате устойчивости сюжетной цепи эпизодов и знания ее наперед и исполнителями, и слушателями.

48. Насташа Замориявна. АЯФ, № 780, л. 10—15 об. Косухино. Е. Н. Щелканов, 1884 г. р., IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Двуходовая сказка: «Путешествие к солнцу» и сказка типа «Конек-горбунок». ВС, 460 В, 531, (301).

В сказке нет признаков демифологизации. Солнце представлено фактически богом. Щука, топившая корабли, — зооморфный образ хозяина моря. Пташка, которую ловит мать, — образ души, здесь — душа убитого сына. Нага-птица и перстенок со слугами — мотивы других сюжетов. Митрополит венчает не с царем, а с героем (проявление крестьянской психологии). Замечательны слова героини: «Зачем я буду желать (замуж за царя), когда нисколько не трудился человек и чужим трудом пользовался».

49. Крест-цепочка. АЯФ, № 780, л. 1—3 об. Полярное. П. Н. Рожин, 18 лет (малограмотный), 5.IV.46. Запись Н. А. Габышева (по-видимому, отчасти пересказ собирателя; ряд эпизодов неясен). Сказка перенята от матери, Матрены Галактионовны Чпкачевой.

Двуходовая сказка. Первый ход: царь становится кумом героя (в Указателе ВС отсутствует; некоторое сходство — Афанасьев, № 158). В основе второго сюжет «Поиди туда, не знаю куда», но обладателем волшебного предмета оказывается спящая Царь-девица («Молодильные яблоки»). Знаки, по которым героя узнают стражи дороги, необычны.

ВС (?), 465 А, (551).

Царь отправляет героя за цепочкой не из желания завладеть его женой (ее еще нет), а вследствие зависти министра к самому герою (снижается героический образ женщины). Зато образ главного персонажа героизируется более обычного: он ведет себя вызывающе со стражами дороги, с Царь-девицей (бьет ее!), требует женить себя на царской дочери (но на престол не садится, а уезжает с женой к своему отцу).

От П. Н. Рожина 8.IV.46 записана и срамная сказка. Содержание: старик срамно отвечает на покосе другому старику, наказывается срамом, он сбывает срам девушке, которая в конце концов от стыда задавилась (АЯФ, № 780, л. 34).

50. Федор Бермятин. ААН, № 171, л. 76—87. Н. Г. Чихачев, 56—58 лет, малограмотный, 6.VIII.28. Запись Д. Д. Травина.

Сюжет «Вавилонское царство».

ВС, 485. Точнее: ВС, 485, 1137, 485 А*, 485 В*.

Полная схема сюжета: герой по поручению царя отправляется в змеиное царство за короной, похищает ее и побеждает посланных в погоню змей; попадает к царю Золотой горы; встречается с Оплеталищем; ослепляет одноглазого великана; приживает с девой-воительницей ребенка и бежит от нее (она разрывает ребенка пополам); плывет тесниной; помогает льву в борьбе со змеем и доставляется львом домой; вопреки запрету хвастается львом, а перед самим львом сваливает вину на силу хмеля.

Все эпизоды генетически не восходят к восточно-славянскому фольклору. И. Н. Ждановым установлено, что первое звено восходит к Притче о Вавилоне и Сказанию о Вавилонском царстве. Им же высказана мысль о связи сказки с Повестью о королевиче Брунцвике (Жданов, с. 12). Нами выяснено, что к «Брунцвику» восходят, кроме эпизода, где лев борется со змеем, полудева-полудзея Вавилона, эпизоды с царем Золотой горы и с тесниной. Кроме того, фигура одноглазого великана и эпизод с девой-воительницей имеют параллели в «Брунцвике». По-видимому, вся сказка — фольклоризация древнерусских повестей с включением и чисто фольклорного материала.

Эпизод с царем Золотой горы — заимствование из «Брунцвика». Произошло слияние образов отца Африки и короля Астроила, которому герой на угрозы отвечает: «... а что ты, злый и прегордый, хочешь учинить надо мною, и то будет над тобою» (Петровский, с. 53), ср. вариант Н. Г. Чихачева. Один из вариантов сказки представляет царя стариком с песьей головой, требующим вернуть корону (Ончуков, № 58); в другом варианте только упоминается Золотая гора, на которой ночуют герой и его волшебный помощник на пути домой (Никифоров, № 40). В целом эпизод не нашел себе места в устной традиции русской сказки и не прижился.

Эпизод с Оплеталищем оказался более устойчивым, но он тоже на грани выпадения. Этот эпизод записывался 5 раз (Садовников, № 2; Ончуков, № 181; Романов, с. 212—214; Зап. Красноярск., № 26; Никифоров, № 40), в равной степени сохранности. В большинстве вариантов Оплеталище садится герою на плечи, заставляя носить себя. У Д. Н. Садовникова герой хоронит мертвеца и получает совет напоить Заплетая пьяными ягодами (о ягодах или яблоках говорится в записях Никифорова и Романова) и есть «на припоре солнца» (ср. в Русском Устье — падать на полдень). В Русском Устье фигура антагониста совершенно утрачена, хотя и названа: остались какие-то «веревки». Источник эпизода нам неизвестен. Есть параллель ему в античном мифе об ослепленном Орионе, посадившем себе на плечи сына Гефеста и заставившем вести себя к восходу солнца, от лучей которого он прозрел (*Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Л., 1972, с. 8). Го-

раздо ближе арабская сказка о морском шейхе, заставившем таскать себя на плечах, пока герой не догадывается опозить его (Книга тысячи и одной ночи. М., 1959, т. 5, с. 317—320).

Эпизод с Кривым разбойником (так он назван в Русском Устье) существует и как самостоятельная сказка (около 30 вариантов), известная также на Западе, на Кавказе, в Азии. Она очень близка к мифу об Одиссее и Полифеме. Фигура Одноглазого инородца для мифологического мира наших сказок и чужда их идеям (столкновение цивилизации с дикостью и посрамление пастуха-людоеда). Поэтому как самостоятельная сказка она нередко заменяет великана одноглазой женщиной или Ягой и подает пастушество как черту случайную (почему овцы в избе, а не на скотном дворе?). Родина мифа, очевидно, — Кавказ: у адыгов и абхазцев сохранились многочисленные сказания о встречах, соперничестве и даже о браках с одноглазыми великанами, а не только об ослеплении. Сказка об ослеплении, вероятно, заимствована именно от них — при длительных контактах восточных славян и адыгов в доисторическую эпоху. В сказку о Бермятине она, вероятно, проникла как замещение сюжетной линии великана из «Брунцвика» более знакомым материалом. Разбойник «из угла в угол лежит» — обрусение мотива: так обычно лежит Яга в своей избушке. Овцы заменены на головы идолов. «Юрта, держи Федора!» — здесь юрта дублирует традиционный для сюжета ножичек или кольцо.

Теснина. По одному из вариантов, проплывающему герою нельзя смотреть (Зап. Красноярск., № 26) — ср. вариант Е. С. Киселева: надо завязать глаза. По варианту Ончукова (№ 282), на плот герою падают камни, оказывающиеся потом драгоценными. То же у Е. С. Киселева. Эпизод заимствован из «Брунцвика», где герой плывет мимо священной горы Корбункул, от которой откалывает кусок — чтобы осветить себе путь.

Источник эпизода с девой-воительницей (у С. П. Киселева это богатырь, у Н. Г. Чихачева — прекрасный царь, воюющий на крылатом коне), которая днем воевала, а вечером родила, неясен. Подобная фигура девы-воительницы, победительницы Кощея и жены героя обычно присутствует в сказке «Смерть Кощея» (см. вступительную статью).

Эпизод «Сила хмеля» в сказке неустойчив в деталях, расправа со львом дается не всегда. Как верно отметила Е. А. Тудоровская, эпизод носит басенный характер (Тудоровская, с. 294), что волшебной сказке несвойственно. Но ее гипотеза о происхождении эпизода из древнерусских повестей о высокоумом хмеле неубедительна, ибо нет ни схождения сюжетов, ни общего идейного решения: там хмель — пагуба, а в сказке — спасение героя. Мотив хвастовства подан типично побылинному. См. также № 28, 65.

51. Иван-царевич и Царь-девица. АЯФ, № 453, л. 41—50 об. Е. А. Чихачева, 53 года, неграмотная, 24—25.III.41. Сказку переяла от старика Г. Л. Воронцова. Запись С. И. Боло.

Сюжет «Молодильные яблоки». Оригинальные мотивы Нага-птицы и зверей-сторожей у ворот Царь-девицы, бани у нее, перстня, женитьбы героя на губительнице его братьев, похищения братьями перстня и девицы. Возможно влияние сказки «Три царства». Мотив доставания сундука из моря напоминает сказку «Конец-горбунок» (см. «Насташпа Замориявна»).

ВС, 551, (301 А), (531).

Заметно влияние былин: «полинаца удалая», столы, этикет, скок лошади. 52. Собачка. АЯФ, № 453, л. 52—54 об. Н. Н. Шкулев, 85 лет, неграмотный, 28.III.41. Пересказ записи С. И. Боло.

Прежде всего, это местный сюжет о благодарной собаке. Известна «Сказка о собаке», где собака делается человеком, ухаживает за хозяйкой, находит девушку, женится и возвращается (см. в Приложении, № 60) с женой к хозяйке (см.: *Иогельсон В. И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900, № 9).

Далее следует версия сюжета «Молодильные яблоки» с тенденцией к снятию героического характера образа женщины. Поэтому во дворе за струнами оказывается не Царь-девица, а старик, который обещает герою добыть жену, дочь обыкновенного царя. В связи с этим появляются мотивы сватовства и брака через решение трудной задачи типа задач «Сивки-бурки» и свадьба в финале. Но тяготение над сюжетом традиции приводит к появлению сонной табакерки — героиня засыпает, герой овладевает ею, героиня гонится за ним, что естественно для этой версии. Герой спасается от девицы бросанием волшебных предметов.

ВС, 178? 551, 313 Н*, (530).

С. И. Боло сообщает репертуар исполнителя: «Лиса и петух», «Нага-птица», «Дума Премудрая», «Царь-девица», «Ивашка Пиполушко», «Кривой Ерахта», «Семь Семпонов», «Незнайко, царьской сын», «Хедор Бермечин», «Змей-полос и Лев-зверь» («Бермятин?»), «Мальчик-пальчик», «Боба-королевич», «Царь Салтан» («Три девицы»), «Ковёк-горбунёк», «Светогор-богатырь», «Громобой», «Антиух Ант.», «Хвостом человек», а также «Пол трявого (трефового?) короля», «Гришка да Мишка», «Николай-царевич», «Иван-царевич» (может быть, оба сразу?), «Ванька Четвертной», «Крестьянский сын», «Два министра», «Фарефон-царевич», «Золотое корыто», «Царь Фидул», «Серой сермяга», «Уточка», «Золотое яичко» (может быть, «Уточка и яичко?»), «У дикого брата три крылата» (крылата коня?), «Три дочери у крестьянина», «Два мороза (Багровый Нос, Синий Нос)», «Три свата» и 4 нерусские

сказки (Н. Н. знал якутский и эвенский языки). Итого 40 сказок. См. также две сказки А. Н. Шкулевой, перенятые ею от Н. Н. Шкулева.

53. Конёк-горбунёк (Присказка). АЯФ, № 454, л. 1. Полярное. П. Н. Чикачев, 78 лет, 23 III.41. Запись С. И. Боло.

Присказка к пересказу сказки П. П. Ершова (пересказ доведен до того, что герой увидел перо). Сказку П. Н. слышал в детстве от отца. Ср. с присказкой в сказке «Иван-царевич и Царь-девица».

54. Тать и Борма. АЯФ, № 780, л. 27—29 об. Полярное. В. М. Чикачев, 1889 г. р., 9.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

ВС, 1525 Д, 950, 951 В.

Ряд эпизодов в плохой сохранности (ср. Афанасьев, № 390).

Сплав сюжетов «Ловкий вор», «Дядя и племянник», «Царь и вор». По традиции вор устраивает подвох (здесь омрачивает деревяшку белкой), чтобы украсть тело товарища, а не мясо; рассыпается не сено, а золото, чтобы узнать вора по жадности; выстригаются волосы именно узанному (и пьяному).

55. Перстень. АЯФ, № 778, л. 20 об.—21. Полярное. П. Н. Черемкина, 1908 г. р., 7.IV.46. Переняла от матери, У. Т. Шкулевой. Запись Н. А. Габышева.

В Указателе ВС отсутствует.

56. [Про Илью]. ААН, № 171, с. 155—160. Федоровское. Н. Г. Шкулев-Микуня, неграмотный, человек бывалый, V.28. Запись Д. Д. Травина.

В рукописи название «Хрестьянин». Переложение в сказку былин об обретенни силы Ильней Муромцем, о победе над Соловьем-разбойником, победе над Идолпцем, о встрече со Святогором.

ВС, — 650 С*.

СХЕМАТИЧЕСКИЕ И КОНСПЕКТИВНЫЕ ЗАПИСИ

Семен Петрович Киселев

57. Солнышково сестра. АЯФ, № 780, л. 80—80 об. Косухино. Запись Н. А. Габышева.

Вероятно, сюжет «Поди туда, не знаю куда».

ВС, 465 А.

Отклонения от обычной трактовки: герой добывает жену не угрозой смерти, а захватом крыла одежды; уникально изготовление волшебного предмета — ковра-самолета; герой передает родным жены не знак, а письмо, и те тоже пишут письма; основной силой оказывается не жезл героя, как обычно, а само солнце. Мотив «дерево—орел—золотые зайцы (яйца?)» напоминает сибирский вариант мирового дерева.

58. Мартын-разбойник. АЯФ, № 780, л. 81. Косухино. 17.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Частично — сюжет «Медный лоб».

ВС, 502.

Насколько можно судить, волшебный сюжет переходит в бытовой.

59. Куклу кушай и мое горе слушай. АЯФ, № 780, л. 82. Косухино. 18.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Сюжет «Царевна и служанка».

ВС, — 533**.

Оригинально возвращение жениха с помощью куклы.

60. Собачка. АЯФ, № 780, л. 90—90 об. Косухино. 21.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Сплав сюжета «Преданная собака» (русских аналогий нет) и версии русского сюжета «Молодильные яблоки» (но герой едет не за яблоками, а выполняет трудную задачу будущего тестя; ср. вариант Н. Н. Шкулева: там нет такого финала). Бегство от Царь-девицы — как в сюжете «Бегство от ведьмы».

ВС (?), 551, 313 Н*, (530).

61. Гробовщик. АЯФ, № 780, л. 87—87 об. Косухино. Запись Н. А. Габышева.

Сюжет «Счастье и богатство».

ВС, 736.

62. Дочь-семилетка. АЯФ, № 780, л. 84. 18.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

ВС, 875. Близкие варианты: Шастина, № 25; Василенко, № 24.

63. Двенадцать разбойников. АЯФ, № 780, л. 86—86 об. 1946. Запись Н. А. Габышева.

Оригинальный сюжет. Ср. выше № 14 «Про кучера...» (герой типа пронического удачника?).

64. Громобой. АЯФ, № 780, л. 88—88 об. 1946 г. Запись Н. А. Габышева, конспективная, во многом неясная.

Фольклорная версия лубочной повести с тем же названием, восходящей к сказке» В. А. Левшина «Повесть о дворянине Заолешанине, богатыре, служившем князю Владимиру» (см.: Левшин, ч. 5—6). К этому же источнику восходит и баллада В. А. Жуковского «Двенадцать спящих дев» («Громобой» и «Вадим»). Есть публикация иной фольклорной версии повести: Балашов, № 3. «Громобой» назван в репертуаре Н. Н. Шкулева. Вероятно влияние повести на сказку «Подсолнечна. Красота» (№ 7) (см. комментарий к ней).

65. Хедор Бирмечин. АЯФ, № 453, л. 6—7. И. И. Чикачев, 17.III.41. Запись С. И. Боло.

ВС, 485.

Запись не вполне доброкачественная, чем, вероятно, объясняются неясности. Старичище-оплеталище упомянут, но показаны одни веревки. Есть пропуски. См. комментарии к вариантам Е. С. Киселева и Н. Г. Чихачева.

66. Фюфисного ясного сокола перышко. АЯФ, № 780, л. 38. Косово. П. Я. Портнягина, 64 года, 26.IV.46. Запись Н. М. Алексеева.

ВС, 432.

Был зафиксирован сказочный репертуар певца Федора Митрофановича Гольжинского: «Лазарь Лазаревич», «Марфита-паревна», «Федор Бермечин», «Панфилов», «Принцеза», «Дума Премудрая», «Ончо Ончихинской», «Шемь Семеонов», «Про попа», «Голубая кавалерия» и др. (АЯФ, № 778, л. 29). Ф. М. Гольжинский (1889 г. р.) жил постоянно в Федоровском, известен был как сказочник, сказки перенял от деда.

Д. Д. Травным от неизвестного лица записан пересказ «Золотой рыбки» А. С. Пушкина, весьма близкий к авторскому тексту (АИЭ, № 554, с. 209—216). Сказка прочитана по книге неграмотному исполнителю каким-то ссыльным. Основные различия: 1) первый дар рыбки — золотое корыто; 2) про старуху-дворянку сказано: «Старуха сидит палате, к ней служивые разливают чай»; 3) старуха «вольной сарисей» изображается так: «Старуха сидит палате. Палата как жар горит, шама сидит креслах, перед ней штоят солдаты, поят ее вином заморским, и закусывает сякой-ражной закуской. Старуха еще пуще старика заругала и велела солдатам у рук обрубить персты и угонила старика кунюшкою».

Н. А. Габышевым записано от русских исполнителей 9 сказок, перенятых от соседних народов (этническая и жанровая характеристики текстов устанавливаются не всегда точно). 1. «С аршин величиной человек». С. П. Киселев. Косухино, 18.IV.46. Эвенская (?) сказка. 2. «Дурак-сибиряк». С. П. Киселев. Косухино, 19.IV.46. Якутская сказка (варианты: *Полов А. А.* Якутский фольклор. Л., 1936, с. 181; *Эргис Г. У.* Якутские сказки. Якутск, 1967, т. 2, сюжеты якутских сказок, № 269). Заметно влияние русской сказки «Бой на калиновом мосту». 3. «Чукчи». С. П. Киселев. Косухино, 16.IV.46. Эвенская (?) сказка. 4. «Дутки-корба и Дильки-корба». С. П. Киселев. Косухино, 18.IV.46. Эвенская сказка; близко: «Умный Тулкани» (*Козлов Н. В.* Сказки народов Северо-Востока. Магадан, 1956). 5. «Самоеды». С. П. Киселев. Косухино, 18.IV.46. Эвенская (?) сказка. 6. «Сухари и калачи». С. П. Киселев. Якутская (?) сказка (вариант: Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. М.; Л., 1964, с. 268). См. комментарии к сказкам С. П. Киселева.³ 7. «Олька-Шемаха». С. П. Киселев. Косухино, 14.IV.46. Якутская (?) сказка. 8. «Голубая кавалерия». С. П. Киселев. 18.IV.46. Конспективная запись. Нерусская сказка. 9. «Молодой парень стрелы перит». И. И. Чикачев. Полярное, 6.IV.46. Нерусская сказка. Заметно влияние мотива быliny о смерти Святогора.

ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ, БЫЛИЧКИ

Почти все записи в большей или меньшей степени текстуально приближены. Это принадлежащие собирателям пересказы, иногда обобщенная передача рассказанного исполнителями.

67. Как швет начиналша. АЯФ, № 770, л. 121—121 об. Станчик. П. В. Кочевщиков, 26.IV.46. Запись Н. М. Алексеева и Т. А. Шуба.

³ Этот текст С. П. Киселева опубликован как русская сказка (Сатирические сказки Сибири, № 109). Между тем центральная часть сказки (с горностаем) явно заимствована, а Русское Устье не знает контаминаций с нерусскими сюжетами. Кроме того, характер раскрытия эпизодов не соответствует русской традиции.

Во время издания настоящего сборника появилась статья Н. В. Соболевой «К характеристике сюжетного состава русских сказок низовьев Индигирки» (в кн.: Локальные особенности русского фольклора Сибири / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Новосибирск, 1985, с. 55—62). Определение сюжетных типов сказок Русского Устья по указателю ВС произведено здесь частично и неудовлетворительно. Неполно раскрыто сюжетное содержание сказок «Дума Премудрая» И. И. Чихачева, «Котбаю», «Коток да кубелек». Дважды (для сказок «Старичково парень» и «Отставной солдат») указан сюжет 301 АВ, но 301 А — это сюжет с тремя царствами под землей, а 301 В — сюжет с тремя царствами на горе. Неверно атрибутированы «Христьянин», «Король со сыном», «Собачка» Н. Н. Шкулева, «Иван-царевич и Царь-девица», «Ивашко Пепелушко», «Беломонет-богатырь», «Отставной солдат», «Насташша Зморьявна». Две нерусские сказки — «Дурак-сибиряк» и «Олька-Шемаха» (первая имеет зафиксированные якутские параллели — см. выше) — определены как русские и к ним найдены якобы номера по указателю. Таким образом, неверно или недостаточно определена половина указанных текстов. Помимо этого неправильно прочитаны имена и названия, например: «Вольфодом» вместо «Вольдодом», «Настатта» вместо «Насташша» и др.

Космогоническая легенда о сотворении земли, очень близкая к тексту, записанному Е. В. Барсовым (см.: Барсов, с. 25—26). Однако здесь меньше христианского, и языческая основа видна более отчетливо. Неясно участие человека в миротворении (см. № 69). В конце текста краткий оригинальный вариант легенды о происхождении болезней и пороков.

68. Как произошли люди. АЯФ, № 780, л. 46—46 об. Приморское. Н. Г. Чкачев, 21 год, грамотный, 21.IV.46. Запись Н. М. Алексеева. Исполнитель слышал от деда, Н. Г. Чкачева.

Космогонические легенды о сотворении людей, Всемирном потопе соединены с легендой этногонической. Легенда о сотворении людей напоминает античный миф о Девкалионе: после потопа новое человечество произошло от камней, брошенных Девкалионом и его женой через голову. Любопытно, что райские яблоки здесь заменены на ягоды. Само слово «яблоко», по-видимому, вообще исполнителям Русского Устья было непонятно — в сказке А. А. Суздальова «Царская дочь» «яблоко» выступает в значении «яблоня» и как слово женского рода. В легенде о Всемирном потопе посланец Ноя (здесь чирок) приносит не ветку, как нужно по Библии (в другом варианте летит сокол, приносит ветку, ковчег останавливается на горе Арарат — АЯФ, № 772, л. 8), а немного земли. В этом можно видеть отголосок мифа о сотворении земли, где дьявол в образе птицы достает землю со дна моря. См.: Барсов, с. 25—26. Этногоническая легенда локализует космос на местности Русского Устья: других народов как бы не существует.

69. Про сендушного, сущэдку, водяну хожайку. АЯФ, № 770, л. 122 об. Станчик. П. В. Кочевщиков, 26.IV.46. Запись Н. М. Алексеева и Т. А. Шуба.

В этой апокрифической легенде о сотворении животных и хозяев стихий главной особенностью является то, что их творит не бог, как обычно, а Адам по поручению бога; Адам, таким образом, выступает как «культурный герой».

70. Про мамонта. АЯФ, № 770, л. 123. Станчик. П. В. Кочевщиков, 26.IV.46. Запись Н. М. Алексеева и Т. А. Шуба.

Апокрифическая легенда включает оригинальный мотив гибели мамонтов.

71. [Как окончился первый свет]. АЯФ, № 772, л. 3. Кузьмичево. П. Н. Чкачев, 86 лет, 11.IV.46. Запись Н. М. Алексеева.

Космогоническая легенда, близкая подобным легендам, записанным в Европейской России. По представлениям старожилых Русского Устья, мы живем в третьем свете.

72. Птицы ищут землю. ААН, № 171, с. 160. 17.V.28. Запись Д. Д. Травина.

Космогоническая легенда, в которой оказалась забытой цель поисков земли. Заметно сильное влияние нерусских легенд о происхождении птиц (чирок, турпан, ворон, гагара) и о их появлении на Севере. Еще Д. Д. Травин отмечал близость их к якутским легендам и бурятским сказкам.

Н. М. Алексеевым от русскоустьянцев записаны две подобные легенды; см.: АЯФ, № 772, л. 1—2, 5—6, № 770, л. 124.

73. Как появилась земля. АЯФ, № 770, л. 123 об. Кузьмичево. С. И. Шкулев, 57 лет, 11.IV.46. Запись Н. М. Алексеева и Т. А. Шуба.

74. [Медведь]. АЯФ, № 772, л. 1—1 об. 1946 г. Запись Н. М. Алексеева.

Подобные легенды отмечены у многих сибирских народов.

Ср. русские сказки на сюжет типа ВС, 555.

75. [Медведь просил]. АЯФ, № 772, л. 4. 1946 г. Запись Н. М. Алексеева.

Этническая принадлежность легенды неясна. Существует близкая, но более странная версия, опубликованная как якутская сказка (Эргис, № 35). Ср. также эвенкийские мифы: *Василевич Г. М. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору*. Л., 1936, с. 267, 278.

76. Про собаку. АЯФ, № 770, л. 122. Станчик. П. В. Кочевщиков, 26.IV.46. Запись Н. М. Алексеева и Т. А. Шуба.

В апокрифической легенде о происхождении болезней говорится также и о происхождении смерти. Очевидно, местными являются мотив получения шерсти и мотив наказания собаки: на собаках теперь ездят и оставляют их мерзнуть вне дома.

77. Пчела (будница). АЯФ, № 772, л. 1, 1946 г. Запись Н. М. Алексеева.

Апокрифическая легенда.

Вариант Русского Устья: Зензинов, с. 200. Вместо евреев здесь воины; обманутые пчелой, они пронзили Христу бок вместо сердца.

78. О гагаре. Русское Устье. 1912. Зензинов, с. 225, № 13.

Этиологическая легенда, возможно, заимствованная от соседних этносов. Некоторое сходство: Эргис, № 22.

79. О стеллеровой гаге. Русское Устье. 1912. Зензинов, с. 225, № 14.

Этиологическая легенда о происхождении птиц. Возможно, заимствована от соседних этносов.

80. [О востроноске (землеройке)]. ААН, № 171, л. 45—46. Русское Устье. 1928. Запись Д. Д. Травина.

Этиологическая легенда, объясняющая массовое появление животных выпадением из туч; напоминает подобные летописные сказания (см.: *Повесть временных лет*. М.; Л., 1950, ч. 1, с. 400 — о выпадении белок и оленцов за Югрой и за Самоядь).

81. [О прибытии русских на Индигирку]. Зензинов, с. 114—115. Косухино. 1912. Записан от старика Е. Голыжинского.

Предание о заселении Русского Устья, соединенное с семейным преданием. Документы под 1650 г. упоминают Василия Ивановича Голыгина, устюжанина, возможно, прародителя этого рода на Индигирке (Гурвич, с. 55). Помимо дворян среди переселенцев отмечены и дети боярские. Естественно, их было немного. Видимо, имело место и стремление тех, кто не имел таких предков, примыслить их себе (идеализация, подобная величанию жениха на свадьбе князем, а невесты — княгиней).

82. [Кто откуда]. АЯФ, № 772, л. 13 об.—14. Федоровское. П. Н. Чикачев, 1946 г. Запись Н. М. Алексева.

Семейное и топонимическое предание.

83. [О роде Щелкановых]. АИЭ, д. 554, с. 223. Русское Устье. И. Н. Щелканов. 1928 г. Запись-пересказ Д. Д. Травина.

Семейное предание. Известно, что на Индигирку в 1660-х гг. ссылали провинившихся казаков с семьями (Гурвич, с. 59). Вполне возможно, что предок Щелкановых после разгрома восстания С. Т. Разина бежал или был сослан сюда. Родство же со Степаном Тимофеевичем — скорее черта идеализации.

84. [О роде Чихачевых]. ААН, № 171, с. 88. Русское Устье. И. Н. Щелканов, 1928 г. Пересказ Д. Д. Травина в его комментариях к сказке «Федор Бермятин».

Семейное предание с чертами былички. И Чихачевы, и Киселевы ведут свои роды от зырян. А. Л. Биркенгоф и Н. А. Габышев полагают, что в действительности они происходили не от зырян, а от Дм. Зыряна, одного из открывателей Индигирки (Биркенгоф, с. 92).

85. [О старинном поселении]. АЯФ, № 453, л. 56 об. П. Н. Чикачев, 78 лет. 28.III.41. Запись С. И. Боло. Ср. также сведения А. П. Чикачевой-Стрижевой, приводимые в Приложении (с. 366).

86. [О переселении в Русское Устье]. АЯФ, № 772, л. 11—12. Федоровское. П. Н. Чикачев, 86 лет, 1946 г. Запись Н. М. Алексева.

Историческое предание в контаминации с легендой.

87. О первом промысле песка. АИЭ, № 558, с. 94, 1928. Запись Д. Д. Травина.

88. [Гибель охотника]. АЯФ, № 772, л. 13. Федоровское. П. Н. Чикачев, 86 лет, 1946 г. Запись Н. М. Алексева.

89. Чандалы. АИЭ, № 554, с. 92—93. Русское Устье. 1928. Запись Д. Д. Травина.

Варианты Русского Устья: *Гоголев З. В., Гурвич И. С., Золотарева И. М., Жорницкая М. Я.* Юкагиры. Новосибирск, 1975, с. 88—90. Вариант эвенкийский: *Василевич Г. М.* Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л., 1936, с. 282.

Налцо близкое совпадение с древнерусским сказанием «О человецех незнаемых в восточной стране». Приводим текст по Соловецкому списку: «В той ж стране есть иная самоядь, яко ж и прочии человеци. По зиме умирают на два месяца. Умирают же тако: как где которого застанет в те месяци, то ты [тутю] и сядет, а у него из носа вода изойдет, как от потока, да примерзнет к земли. И кто человек иные земли невидением поток той отразит у него и похмет с места, и он умрет, то уже не оживет. А не сохмет с места, то и оживет, и познает и речет ему: о чем мя еси, друже, поуродовал?» (Анучин, с. 232). Живут эти засыпающие в стране могоanzeев. По хронографу 1696 г. эти «дикие безгласные» люди жили за Обью «под самый Север» и засыпали на всю зиму (Анучин, с. 274). Представления о спящих, по-видимому, восходящие к самодийским сказаниям о полярных палеоазиатах, ныне окончательно слившихся с самодийцами, основаны на необычности жилища, землянки со входом через дымоход: нет обычного, как в чуме, входа — значит, жители не выходят, спят.

Д. Д. Травин и И. С. Гурвич отмечают существование в Русском Устье и легенды о «миравда», безголовых с лицом на груди (это второй осколок сказания «О человецех незнаемых»). Основанием для этого послужила верхняя зимняя одежда полярных палеоазиатов, скрывающая переход от головы к плечам (А. Олеарий, Д. Н. Анучин, И. С. Гурвич).

90. Почему перевелись чандалы. АИЭ, № 554, с. 93. Русское Устье. 1928. Запись Д. Д. Травина.

Предание о предшественниках и соседях, интересное нравственной своей направленностью. Возможно, заимствовано от соседей: бережное и уважительное отношение к добываемому зверю входило в систему мирозерцания многих сибирских этносов.

91. [О «худых чукчах»]. Кротов, с. 53. Запись М. А. Кротова от жителя Русского Устья Алексея Киселева.

Здесь совмещены черты предания, былички и легенды. «Худой чукча», или чучуна, некоторыми исследователями определяется как тупиковая ветвь неандертальцев, вытесненная человеком современного типа в глухие и безлюдные местности и сохранившаяся до сих пор. Ведь чучуна не говорит, а только свистит, он крадет вещи и возвращает, как бы не умея пользоваться ими, питается сырым мясом, одевается в целую шкуру, содранную с оленя. Но, скорее всего, такие рассказы — воспоминания о столкновениях с группами недружественных охотников, возможно, из каких-то одичавших родов: у чучуны есть лук и стрелы или копье, даже одежда из оленьих или рыбьих шкур. Подобные рассказы см.: *Гурвич И. С.* Таинственный чучуна. М., 1975; *Мезенцев В. А.* Человек ищет чудо. М., 1978. «Чучунаа» с одного из местных речений переводится как «белый», «отверженный» (Мезенцев, с. 28). И. С. Гурвич (с. 90) полагает, что чучуна — это одинокие зверобои, чукчи, унесенные льдинами далеко от родины. Известно также, что находи-

лись любители пошутить и поозоровать под образом чучуны. Рассказы о чучуне существуют не только у русских и не только на Индигирке, но и на нижней Лене, Яне и Колыме. О легендарных чертах чучуны см. во вступительной статье.

92. [О сендушном]. Русское Устье. 50-е гг. *Гурвич И. С.* Тайственный чучуна. М., 1975, с. 69. Записано от П. Чикачева, 90 лет.

Пересказ быличек о хозяине тундры.

93. [О медведе и сендушном]. ЯГУ. Полярное. В. С. Голыжинский, П.64. Запись М. Ф. Дружининой.

В быличке уникально замечание о зооморфном образе хозяина тундры.

БЫЛИНЫ

94. Добрыня Никитич. ААН, № 171, с. 61—63. Русское Устье. Н. Г. Чихачев, 4.XI.28. Запись Д. Д. Травина.

Былина «Добрыня Никитич и Змей» в той ее версии, где герой бьется со Змеем один раз и, убив его, освобождает русскую пленницу. В редакции Русского Устья имя ее — Мария Иязславна (в данном варианте искажение «Беломарья» — из «було Марии»; см. в следующем варианте, строки 34, 58), причем в наиболее полном тексте она — родственница не Владимира, как обычно, а самого Добрыни. О ее родстве с Владимиром в этой редакции вообще речи нет.

Варианты: перечень их — УСВ, с. 285—286.

Исследования: перечни их — Астахова, 1, с. 570—571; Добрыня и Алеша, с. 372; см. также: Чичеров, с. 14—18; Лихачев, с. 190—198; Пропп, с. 179—206; Рыбаков, с. 69—71; Робинсон, с. 130—137; Аникин, с. 7—164.

95. Добрыня Никитич-блад. АЯФ, № 777, л. 57—57 об. Косухино. С. П. Киселев, 15.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Та же редакция былины «Добрыня и Змей». В этом варианте (а еще определеннее в предыдущем) спасенная пленница как бы стремится стать суженой Добрыни, что, очевидно, следует отнести к плодам местного влияния сказочной традиции.

Публикация: РФ, 1, с. 219—221; (Былины Сибири, № 105).⁴

96. Добрыня Никитич и Марья Елизастовна. АЯФ, № 778, л. 33—34 об. Кузьмичево. Ф. М. Голыжинский, 11.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Наиболее полный вариант русскоустынской редакции былины о Добрыне и Змее. Строки 59—60, 72—73 — случайное перенесение из записанной здесь же былины «Князь Роман и братья Ливики».

Публикация: РФ, 1, с. 218—219; (Былины Сибири, № 104).

97. Михайлушко и Змеядицо. АЯФ, № 778, л. 1—1 об. Кузьмичево. С. Е. Чикачев, 11.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Неоконченный вариант той же былины с изменением имени главного героя (вероятно, под влиянием популярной здесь былины о Михаиле Даниловиче).

Публикация: РФ, 1, с. 221—222; (Былины Сибири, № 106).

98. [Отрывок]. АЯФ, № 769, л. 38. Приморское. П. Н. Черемкина, 24.IV.46. Запись Н. М. Алексеева.

Близкий началу русскоустынской редакции былины «Добрыня и Змей», этот отрывок, скорее, однако, принадлежит былине «Бой Добрыни Никитича с Ильей Муромцем». Ст. 6—7 являются местным перенесением из былины «Михаил Данилович» (ср., например, № 104 настоящего сборника, ст. 74—75).

Варианты: перечень их — УСВ, с. 285.

Исследования: перечни их — Астахова, 1, с. 592; Добрыня и Алеша, с. 390.

99. Алеша. Худяков I, с. 303—307. От выходца из Русского Устья в 60-х гг. XIX в. записано И. А. Худяковым.

Былина «Алеша Попович и Тугарин», основная ее версия, где герой встречается с врагом в Киеве.

Варианты: перечень их — УСВ, с. 287.

Исследования: перечни их — Пропп, с. 577—578; Добрыня и Алеша, с. 397; см. также: Халанский, с. 58—69; Соколов Б., с. 1—31; Скафтымов, с. 81—83; Путилов, с. 54—62; Робинсон, с. 145—148.

100. Про Тугарина Жмеевича. АЯФ, № 777, л. 55—56 об. Косухино. С. П. Киселев, 15.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Текст близок более ранней записи И. А. Худякова, которая в целом подробнее публикуемой, но в отдельных деталях менее полна.

Публикация: РФ, 1, с. 213—215; (Былины Сибири, № 101).

101. Олеша Попович и Тугарин. АЯФ, № 778, л. 35—36 об. Кузьмичево. Ф. М. Голыжинский, 11.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Вариант в целом несколько менее полон, но близок предыдущему текстуально и по составу.

Публикация: РФ, 1, с. 215—217; (Былины Сибири, № 102).

102. Илья Муровец. АЯФ, № 777, л. 52. Косухино. С. П. Киселев, 15.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

⁴ Помимо неточностей текстуальных эта публикация (как и последующие) содержит неточности в указании паспортных данных. Далее данное обстоятельство особо не оговаривается.

Контаминация былин «Илья Муромец на Соколе-корабле» и «Илья Муромец и Идолище». Первая представлена небольшим фрагментом (ст. 1—5) второй ее версии, а также следами в дальнейшем тексте (тросточка Ильи вместо богатырской палицы). Вторая былина, сюжет которой присоединен небольшой связкой (ст. 6—8), передана весьма сокращенно, что мешает установить, какая из версий ее легла в основу контаминации. «Калиновский мост» попал в текст, очевидно, из сказки, заместив, может быть, «кленовый мост» (в значении: пол, палуба корабля).

Публикация: РФ, 1, с. 227; (Былины Сибири, № 110).

Варианты: перечни их — УСВ, с. 280, 281.

Исследования: обзоры их — Илья Муромец, с. 469—471, 494—495.

103. О Тите царя. Зензинов, с. 221—224 (№ 12). Русское Устье: Лето 1912 г. Запись В. М. Зензинова.

Основная версия быliny «Михаил Данилович», представленная в Русском Устье особой редакцией: мотив самоубийства Даниила Игнатьевича присутствует только в пей.

Варианты: перечень их — УСВ, с. 290.

Исследования: Веселовский, 1—2, с. 3—60; Миллер, 1, с. 345—361; Плисецкий, с. 129—137; Рыбаков, с. 115—124.

104. Про Тита. ААН, № 171, с. 57—60. Русское Устье. Н. Г. Чихачев. 5.IX.28. Запись Д. Д. Травина.

Ближайший вариант той же редакции быliny «Михаил Данилович».

105. Данилышко Игнатьич и Тит. АЯФ, № 777, л. 43—45 об. Косухино. С. П. Киселев, 12.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Та же редакция быliny «Михаил Данилович», текст близок предыдущему. Публикация: РФ, 1, с. 224—226; (Былины Сибири, № 108).

106. Данилышко Игнатьич и Чит. АЯФ, № 778, л. 12 об.—13. Полярное. И. Н. Чихачев, 10.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Та же редакция быliny, вариант сокращенный.

Публикация: РФ, 1, с. 226—227; (Былины Сибири, № 109).

107. Пурга-цар. АЯФ, № 778, л. 31 об.—32 об. Кузьмичево. Ф. М. Голыжинский, 11.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Основная версия быliny «Суровец-суздалец». Мотивы, связанные с матерью богатыря и его рождением, в этой быline присутствуют только в вариантах Русского Устья.

Публикация: РФ, 1, с. 232—233; (Былины Сибири, № 116).

Варианты: перечень их — УСВ, с. 291.

Исследования: Веселовский, 3—11, с. 1—35; Миллер, 1, с. 328—361; 2, с. 69—86.

108. Суровец Иванович по прозванию Олег Ярославевич. ААН, № 171, с. 63—64. Русское Устье. Н. Г. Чихачев, 4.IX.28. Запись Д. Д. Травина.

Та же разновидность быliny «Суровец-суздалец», вариант неполный. Второе имя богатыря «Олег Ярославевич», более искаженно переданное в предыдущем варианте, отсутствует в записях из других мест.

109. Царь Елизар. Худяков I, с. 307—310. От выходца из Русского Устья в 60-х гг. XIX в. записано П. А. Худяковым. Пропуски текста, обозначенные точками, отражают, по-видимому, дефект рукописи (местонахождение ее неизвестно).

Былина «Князь Роман и братья Ливики» в ее основной версии. Окончание забыто.

Варианты: перечень их — УСВ, с. 292.

Исследования: перечень их — Астахова, 1, с. 623; см. также: Пропц, с. 408—419; Рыбаков, с. 150—153.

110. Племянники короля Ячмана и царь Елизар. АЯФ, № 777, л. 50—51. Косухино. С. П. Киселев, 15.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Полный текст той же быliny, в деталях местами несколько сокращенный сравнительно с предыдущим.

Публикация: РФ, 1, с. 222—223; (Былины Сибири, № 107).

111. Королевское. АЯФ, ф. 5, оп. 1, № 84, л. 8. Харгытыр. Н. Струков (уроженец Русского Устья), 18 лет, 17—18.VIII.31. Запись М. А. Кротова.

Та же былина, вариант в целом более краткий, но частично восполняет пропуск предыдущего варианта.

112. Дюк Степанович. АЯФ, № 764, л. 39. Полярное. П. Н. Черемкина, 7.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Начало быliny о Дюке.

Публикация: РФ, 1, с. 227—228; (Былины Сибири, № 111).

Варианты: перечни их — Астахова, 2, с. 742, 809; Пропц, с. 127, БПЗБ, с. 580; Неопубликованные записи, с. 182—183.

Исследования: перечень их — Астахова, 1, с. 583; см. также: Пропц, с. 477—507; Плисецкий, с. 196—247.

113. Садко. АЯФ, № 778, л. 30—31. Кузьмичево. Ф. М. Голыжинский, 11.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Былина «Садко в подводном царстве», представленная в Русском Устье, как и на Колыме, особой редакцией: здесь нет речи об игре героя на гуслиях, отсутствуют связанные с ней мотивы и эпизоды.

По сообщению Н. А. Габышева, в Русском Устье «считалось, что в погожий день исполнение быliny о Садко вызывает пургу и метель, а если петь ее во время пурги, то она обязательно должна стихнуть» (Габышев, л. 70).

- Публикация: РФ, 1, с. 230—231; (Былины Сибири, № 114).
 Варианты: перечни их — Новгородские былины, с. 391; Неопубликованные записи, с. 188—189.
- Исследования: перечень их — Астахова, 1, с. 626; см. также: Пропп, с. 87—109; Meriggi B. La byline de Sadko. — Revue des études Slaves, Paris, 1961, t. 39, p. 91—103; Акимова Т. М. Структура былинного цикла о Садко. — В кн.: Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1973, с. 153—166.
114. Садко. АЯФ, № 769, л. 37 об. Приморское. П. Н. Черемкина, 24.IV.46. Запись Н. М. Алексеева.
 Та же редакция былины, вариант фрагментарный.
 Публикация: РФ, 1, с. 231—232; (Былины Сибири, № 115).
115. Калига. АЯФ, № 778, л. 41—41 об. Полярное. А. Н. Шкулева, 5.IV.46. Запись Н. А. Габышева.
 Эпический духовный стих «Голубиная книга».
 Публикация: РФ, 1, с. 228—229; (Былины Сибири, № 112).
 Варианты: перечень их — Черняева, с. 266; см. также: Кирша Данилов, № 60; Романов, 5, с. 287—302, № 1-а—1-г; Черняева, № 54.
 Исследования: перечень их — Черняева, с. 264.
116. О книге «Голубиный свет». ААН, № 171, с. 55—56. Русское Устье. Н. Г. Чкачев, 6.VIII.28. Запись Д. Д. Травина.
 Отрывок того же стиха.
117. Калига переходная. ААН, № 171, с. 56—57. Русское Устье. С. П. Киселев, VIII—IX.28. Запись Д. Д. Травина.
 Вариант того же стиха.
118. Калига переходная. АЯФ, № 777, л. 49. Косухино. С. П. Киселев, 5.IV.46. Запись Н. А. Габышева.
 Повторная запись через 18 лет.
 Публикация: РФ, 1, с. 229; (Былины Сибири, № 113).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

119. Соловей кукушечку уговаривал. АЯФ, № 778, л. 7. Кузьмичево, С. Е. Чкачев, 4.IV.46. Запись Н. А. Габышева.
 В широко распространенной песне, рассказывающей о событиях Казанской войны (середина XVI в.), как в Русском Устье, так и в других местах преобладают балладные, лирические мотивы.
 Публикация: РФ, 3, с. 356, № 1; (ИП XIII—XVI, № 90).
 Вариант Русского Устья: Зензинов, с. 215—216, № 2.
 Другие варианты: издание и перечень их (а также комментарий и библиография) — ИП XIII—XVI, № 84—105 и с. 637—638; см. также: Богораз, № 90; Пушк., № 2 и с. 228.
120. Грозный цар Иван Вашильевич. АЯФ, № 777, л. 53. Косухино, С. П. Киселев, 16.IV.46. Запись Н. А. Габышева.
 Отрывок песни, известной в этой единственной записи, трудно связать с определенным историческим фактом. Здесь наблюдается, скорее всего, контаминация ряда мотивов, типичных для исторических песен XVI—XVIII вв.
 Публикация: РФ, 3, с. 356, № 2; (ИП XIII—XVI, № 273).
 Исследование: Соколова В., с. 30.
121. На утреннем на сходимом красном солнышке. АЯФ, № 777, л. 54. Косухино, С. П. Киселев, апрель 1946 г. Запись Н. А. Габышева.
 Объединение двух песен — «Ермак в казачьем кругу» (ст. 1—6, 14—20) и «Казачи убивают царского посла» (ст. 7—13), — бытовавших как самостоятельно, так и в контаминации друг с другом. Ср. также песню «Ермак у Ивана Грозного» (ИП XIII—XVI, № 364—368).
 Публикация: РФ, 3, с. 356—357, № 3; (ИП XIII—XVI, № 335).
 Варианты: издание и перечень их (а также комментарий и библиография) — ИП XIII—XVI, № 328—357 и с. 679—683.
 Исследование: Соколова В., с. 67—70.
122. Скакал тут Скопин горы на гору. АЯФ, № 778, л. 58. Косухино, С. П. Киселев, 15.IV.46. Запись Н. А. Габышева.
 Довольно редкая песня о ратных подвигах кн. М. В. Скопина-Шуйского (1586—1610), освободившего Москву от осады. Часть песни, сохраненная записями Русского Устья, охватила реальный эпизод этих событий — переговоры М. В. Скопина со шведами о присылке ими военной помощи. Начало песни было записано в Понехонском уезде М. Сухановым; у Кирши Данилова она представлена полно, но здесь присоединена к песне об отравлении М. В. Скопина. В отдельном виде песня записана в Прионежье от представителей семьи Рябинных.
 Публикация: РФ, 3, с. 357—358, № 4; (ИП XVII, № 33).
 Вариант Русского Устья — ЯГУ, запись М. Ф. Дружининой со слов Е. С. Киселева, 13.VII.81:

Скакал Скопин с горы на гору,
 Ищѣ озѣры перепрыгивал,
 Ещѣ мелки-че озѣра он хвостом застигал.
 Приежжаѣт Скопин да во посольской дом,

- 5 Во посольской-то дом да юрту шйеззую.
Он садился на стул да на ремончѣт стул,
На ремончѣт стул за дубовой стол.
За дубовой стол он садился, за стол да за дубовой.
Он выдергивал бумажечку — ербвой лист,
10 Он выдергивал чернилчичку аркацкую,
Он выдергивал перо до лебединое,
Он писал-то ерлачки скорописанни:
«Ох ты во еси, король да, будь мой старшой брат.
Еще дай ты мне силушку из трѣх жемель:
15 Как из первой земли, земли греческой;
Как из турѣй земли, земли турѣской;
Как с тречѣй-то земли земли немсов-калиберсов...»

Другие варианты: ИП XVII, № 31, 32, 60—63.

Исследования: Соколова В., с. 94—98, Азбелев, с. 68—74.

123. Не злаячая труба в поле трубилаша. АЯФ, № 777, л. 5—6. Косухино, С. П. Киселев, 14.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

В песне, известной только по двум записям в Русском Устьѣ (вторая запись дефектна), говорится о неудачной для России войне за Смоленск (1632—1634). Особенно ожесточенные бои происходили в 1633 г. у Покровской горы. Кн. И. Д. Милославский в этой войне не участвовал, но был воеводою во время войны 1654 г. Публикации: РФ, 3, с. 359, № 7 (ИП XVII, № 110; Исторические песни, с. 163—164).

Исследование: Соколова В., с. 150—151.

Вариант Русского Устья: Худяков I, с. 340; (ИП XVII, № 111).

124. Как по три года Азов-город взаперти стоял. АЯФ, № 777, л. 32. Косухино, С. П. Киселев, апрель 1946 г. Запись Н. А. Габышева.

В тексте объединились мотивы песен о взятии Азова в 1637 г. с описанием подвигов сына С. Т. Разина, требующего освобождения отца из «заклятия» (согласно преданию, Разин действительно был в турецком плену в Азове). Близких вариантов не обнаружено.

Публикации: РФ, 3, с. 362, № 11; (ИП XVII, № 356).

125. Появился здесь да детинушка, незнамой человек. АЯФ, № 769, № 52. Косухино, С. П. Киселев, 12.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

«Песня о сынке» является самой распространенной в разинском цикле. По мнению исследователей, «сынок» — это один из многочисленных лазутчиков, посылаемых Разиным в различные города.

Публикация: РФ, 3, с. 360, № 8.

Вариант Русского Устья: Зенаннов, с. 215, № 1 (текст сильно сокращен).

Другие варианты: издание и перечень их (а также комментарии) — ИП XVII, № 163—294 и с. 358—368; см. также: Пушк., № 3.

Исследование: Соколова В., с. 185—192.

126. Чисто серебро у молодца минуется. ААН, № 171, л. 76. Русское Устье. Н. Г. Чкачев, 4.IX.28. Запись Д. Д. Травина.

Своеобразие публикуемого фрагмента исторической песни является обращение солдат с жалобами на Долгорукова к воеводе (во всех остальных вариантах жалуются царю). Обычно происхождение песни относят ко времени не позднее первой трети XVIII в., поскольку в некоторых текстах царь — это Петр I.

Варианты и комментарий: ИП XVIII, № 164—170 и с. 306.

127. Ох, талац мой, участь горькая. АЯФ, № 777, л. 21—22. Косухино, С. П. Киселев, 17.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Самая распространенная песня из цикла о Семилетней войне. З. Г. Чернышев (1722—1784) — генерал-поручик. В сражении под Цорндорфом в 1758 г. он был взят в плен и заточен в крепость Кюстрин (в тексте Иструм-город). Тема конфликта между русским воеводо-узником и его противником восходит к ранним историческим песням.

Публикация: РФ, 3, с. 363—364; (ИП XVIII, № 348).

Варианты: Богораз, № 124; издание других вариантов и комментарий — ИП XVIII, № 325—369 и с. 318—321; см. также: Языковы, № 83—86 и с. 280; Селюкова, с. 62, № 3; Якушкин, № 353.

Исследование: Литвин, с. 210—211.

128. Пишот, пишот король шведской. АЯФ, № 777, л. 23. Косухино, С. П. Киселев, 18.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

129. Пишот, пишот король шведской. АЯФ, № 764, л. 64. Приморское. П. Н. Черемкина, 21.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Песня отражает событие 1780 г. (шведский король потребовал у Екатерины II вернуть часть территорий, отошедших к России по Ништадтскому и Абосскому мирным договорам).

Публикация: РФ, 3, с. 363, № 13; (ИП XVIII, № 419) — Т. А. Шуб свел две записи песни в один текст.

Варианты: Богораз, № 125; издание других вариантов (и комментарий) — ИП XVIII, № 410—436 и с. 324—326; см. также: Языковы, № 97—100 и с. 281; Якушкин, № 244.

Исследование: Соколова В., с. 214—215.

130. Не яшен сокол летает. АЯФ, № 769, л. 51. Косухино. С. П. Киселев. 12.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Текст песни представляет собой контаминацию двух сюжетов: «Платов во время битвы» (ст. 1—6) и «Платов в гостях у француза» (ст. 7—22).

Публикация: РФ, 3, № 15, с. 364—365.

Варианты: издание и перечень их (а также комментарии) — ИП XIX, № 71—73, № 131—170 и с. 224—225, 228—231; см. также: Языковы, № 127, 130—132 и с. 284; Пушк., № 8 и с. 229.

Исследование: ИП XIX, с. 11—13.

131. Александрю обещался к Рождеству домой прибудь. АЯФ, № 778, л. 33. Косухино. С. П. Киселев, 16.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Фрагмент распространенной песни о смерти Александра I.

Публикация: РФ, 3, № 16, с. 365.

Варианты: издание и перечень их (а также комментарии) — ИП XIX, № 181—194 и с. 232—233; см. также: Языковы, № 135, с. 229; Пушк., № 10 и с. 229.

БАЛЛАДНЫЕ ПЕСНИ

132. На пиру були пьяны-вешелы. АЯФ, № 764, л. 26—27. Полярное. И. Н. Чикачев, 7.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Одна из ранних и довольно редких баллад, возникшая, по мнению Д. М. Балашова, не позже XVI в. Неоднократно записывалась в Русском Устье. Т. А. Шуб опубликовал эту песню среди былин.

Публикация: РФ, 1, с. 233—234.

Варианты Русского Устья: Зензинов, с. 220—221, № 11; АЯФ, № 446, л. 25.

Другие варианты: Балашов, с. 77—79, 80—81; Якушкин, № 144, 608.

133. Шумит, гремит мать Щура-река, Щура бистрал. АЯФ, № 777, л. 16. Косухино. С. П. Киселев, 17.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Бытование баллады «Сура-река» (вар. Щура-река) у русского населения Якутии расширяет область распространения этой довольно редкой песни (ранее известны были лишь записи на Дону и в бывшей Сибирской губернии). Публикуемый текст отличается от всех известных печатных вариантов своеобразным развитием сюжета (река не принимает труп убитого сестрой брата и выбрасывает его на берег; сестра бросает тело в погреб; приезжает отец, ищет сына и, найдя его тело, проклинает дочь).

Варианты: Балашов, с. 110; Соб., 1, № 133; Листопадов, 3, № 171; Языковы, № 261—266.

134. Еще есть-то у меня-то, у молодца. АЯФ, оп. 1, № 84, л. 5. Косухино. С. П. Киселев, 4.IX.31. Запись М. А. Кротова.

Обычно подобная баллада исполнялась с зачином, мотивирующим отъезд героя. В большинстве вариантов отец прогоняет сына из дому; реке — молодец собирается на военную службу или просто на чужую сторону. Кроме отсутствия зачина публикуемый текст отличается составом действующих персонажей; наряду с героем в песне упомянуты: три его сестры, жена с ребенком и мать. В других вариантах чаще всего молодец провозжат только три его сестры, снаряжающие коня; младшая из них спрашивает брата, когда он вернется. Не имеет также аналогий и мотивировка возвращения героя. Некоторые тексты баллады имеют концовку: сестры, после того как проходит назначенный братом срок, идут его искать и находят убитым (Чернышев, № 141).

Варианты Русского Устья: АЯФ, № 769, л. 45.

Другие варианты: Чернышев, № 134, 141; Балашов, с. 112—113; Фольклор семейских, № 279; Красноярск, № 105; Чулков, 1, № 170; Киреевский, НС, № 1775, 2084, 2443; Соб., 1, № 254—261; 6, № 116, 370; Листопадов, 2, № 36; Пушк., № 22; Пермск., 2, № 210; Новикова, № 99 (с. 118—119); Путилов, № 24; Башкир., № 161; Серебренников, № 9; Языковы, № 244—245; Якушкин, № 303.

135. У христианина богатого. АЯФ, № 777, л. 20—21. Косухино. С. П. Киселев, 17.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Возникновение баллады связывают с принятыми в начале XVIII в. наборами в армию на 25-летний срок. Песня распространена во многих районах, за исключением, судя по публикациям, Сибири.

Другие варианты: Чернышев, № 79, 80; Балашов, с. 113—114, 115—116; Киреевский, НС, № 1993-а, 2038, 2329, 2424, 2436, 2682, 2921, 2956; Соб., 6, № 82—87; Листопадов, 2, № 50; Пинежск., № 107 (здесь же дополнительная библиография); Песни Печоры, № 2, 196; Песни Мезени, № 52—53; Карельск., № 17; Новгор., № 14; Языковы, № 171, 172; Новикова, № 77 (с. 103); Пермск., 2, № 309—313; Серебренников, № 10; Павлова, № 72; Потявин, № 29—32.

136. Во пятнадцатом году. АЯФ, № 777, л. 37. Косухино. С. П. Киселев, 16.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Небольшой фрагмент семейно-бытовой баллады «Мать хочет выйти замуж за сына», которую исследователи относят к древнейшему слою песен о кровосмешении. Обычно эта сюжетная ситуация конкретизируется введением ряда поздних мотивов и деталей, затрудняющих выявление основной темы.

Варианты: Чернышев, № 260; Балашов, с. 135—136; Соб., 7, № 732; Листопадов, 3, № 162; Новгор., № 154; Прибалт., № 61 (с. 43); Путилов, № 85; Якушкин, № 26.

137. Взяла она зарезала любовника. АЯФ, № 777, л. 16. Косухино. С. П. Киселев, 17.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Фрагментарный текст, относится к балладам типа «Мечь девушки».

Если в других вариантах тема «канибальское угощение» разрабатывается только как угроза, то здесь героиня осуществляет свой замысел в действительности. Думается, что нет достаточных оснований относить данный текст к песням Смутного времени и объяснять историческим прототипом Маринки-безбожницы Марину Мнишек, а саму песню — исторической, как поступил Т. А. Шуб. Стихи 11—12 заимствованы, скорее всего, из былинной традиции (ср. былины о Добрыне и Маринке: Добрыня и Алеша, № 26—30).

Публикация: РФ, 3, с. 358, № 5.

Варианты: Чернышев, № 255; Балашов, с. 141, 142; Потанин, с. 91—92; Гуревич—Элиасов, № 164; Киреевский, НС, № 1421, 2014, 2110; Шейн, № 750—753; Соб., 1, № 154—162; Языковы, № 270—271.

138. Молодой казак на часах стоит, думу думает. АЯФ, № 777, л. 48. Косухино. С. П. Киселев, 16.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Текст является контемплативной баллады а) «Донской казак убивает жену» (ст. 1—8) и баллады б) «Князь Роман жену терял» (ст. 9—36). Первая баллада возникла не ранее XVIII в., вторая относится к более ранним. Будучи близкими по содержанию, эти песни могли объединяться друг с другом (ср.: Прибайк., с. 128).

Варианты: а) Чернышев, № 224; Балашов, с. 144—145, 145—146, 146—148; Плотицкий, № 48; Фольклор семейских, № 141; Элиасов, № 103; Элиасов—Ярневский, № 85; Прибайк., с. 128, 129; Киреевский, НС, № 1340, 1815, 1851, 1903; Шейн, № 903—909, 912; Соб., 1, № 97—123; Листопадков, 3, № 164—165; Песни Мезени, № 16; Карельск., № 62; Пушк., № 25, 26; Новгор., № 9; Языковы, № 216—221; Пермск., 2, № 282—286; Новикова, № 157 (с. 249—250); Путплов, № 13; Павлова, № 34; Потявин, № 71; Якушкин, № 184, 262, 263, 459.

б) Чернышев, № 222—223; Балашов, с. 66—68, 68—72, 72—73, 73—75; Киреевский, 5, с. 126—127; 7, с. 30—36; Соб., 1, № 89—96; 7, № 735; Песни Мезени, № 253; Языковы, № 213.

139. Еще ключница на ключника доказывает. АЯФ, № 777, л. 46—47. Косухино. С. П. Киселев, апрель 46. Запись Н. А. Габышева.

Сюжет о Ваньке-ключнике бытует в двух редакциях: как старинная народная песня-баллада и как обработка стихотворения В. В. Крестовского (1839—1895) «Ванька-ключник» (1861). Публикуемый текст принадлежит, несомненно, к первой редакции. Из всех вариантов он ближе к записи В. Г. Богораза, хотя и претерпел значительные изменения. Ср. концовку данной песни и песни № 132.

Варианты Русского Устья: АЯФ, № 777, л. 34; № 444, л. 18.

Другие варианты: Чернышев, № 38—41; Балашов, с. 153—155; Богораз, № 117; Попов, с. 163; Потанин, с. 95—96; Гуревич—Элиасов, № 155; Фольклор семейских, № 434; Прибайк., с. 198; Киреевский, НС, № 1724, 1776, 1922, 2007, 2025, 2113; Шейн, № 875—886; Соб., 1, № 24—30, 46; Новгор., № 13; Языковы, № 280—282; Новикова, № 30 (с. 160—161); Гусев, № 531 (авторский текст В. В. Крестовского), № 690 (народная песенная переработка стихотворения); Кравчинская—Ширяева, № 199; Якушкин, № 153, 245, 304, 351, 469.

Исследования: Чернышев, с. 386—392; Балашов, с. 395—396.

140. Олешинька брат Попович, АЯФ, № 764, л. 44. Полярное. П. Н. Черемкина. 7.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Отрывок известной уже с XVIII в. баллады «Параня». В ряде областей бытовала в качестве плясовой. Из-за фрагментарности текста трудно сделать вывод, заимствовал ли образ Алеша Поповича из былинной традиции либо просто исполнитель дал убийце Парани имя богатыря. Следует отметить, что имя Алеша Поповича нередко встречается в ранних балладах (см.: Балашов, с. 75—76, 76—77). Т. А. Шуб опубликовал песню «Олеша Попович и Параня» среди русскоустыинских былин.

Публикация: РФ, 1, с. 217.

Варианты: Чернышев, № 29—30; Балашов, с. 161—162; Богораз, № 93; Чулков, 3, № 197; Киреевский, НС, № 1363, 2098, 2141, 2207; Шейн, № 433; Соб., 1, № 166—169; Песни Мезени, № 91; Якушкин, № 17, 406.

141. У богатого купца, у Сохрона молодца. АЯФ, № 778, л. 19. Полярное. П. Н. Черемкина, 7.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Во многих вариантах песня исполнялась как плясовая с особым зачином, не имеющим отношения к сюжету песни. Это дало основание считать песню возникшей в среде ярмарочных и рыночных певцов. В Русском Устье также бытовала песня, записанная С. Боло в 1940 г., со следующим зачином:

Под кудрявой зеленой
Сидит молодец такой,
Дерзят гусли под полей.
Розыграйте, гусли-муслы,
Я вам песенку спою
Про женидбу про свою.
Поженила молодца
Чужедальна сторона,
Макарьенска ярмарга.

Варианты: Чернышев, № 327; Балашов, с. 351—352; Сибирск., № 167; Киреевский, НС, № 1435; Соб., 1, № 247—252; Новгор., № 184; Пущк., № 32.

142. Ти, белиленка, белиленька, травка шелкова. АЯФ, № 777, л. 59. Косухино. С. П. Киселев, 15.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Баллада с христианским сюжетом. Варианты не обнаружены.

143. Из-за гор-че белогори, из-за гор-че белогор, высоких гор. АЯФ, № 769, л. 50. Косухино. С. П. Киселев, 12.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Другие тексты (указанные ниже) совпадают с русскоустынской балладой лишь в отдельных мотивах, сюжет же в целом аналогий не имеет. Уникален и зачин (ст. 1—9). В текстах Киреевского и Соболевского сокол (вар.: орел) либо, построив и украсив гнездо, мечтает о соколинушке (Киреевский, НС, № 2415, 2433), либо орел и орлица строят гнездо, украшают его, выводят орлят; буря топит гнездо; орел с горя разбивается о камни (Киреевский, НС, № 2524; Соб., 1, № 486).

Варианты: Киреевский, НС, № 2415, 2433, 2524 (текст № 2524 приведен Чернышевым, № 280 и Балашовым, с. 255—256; текст № 2433 в сборнике Новиковой, № 7 (с. 144); тексты № 2415 и 2433 — Языковы, № 318, 319); Соб., 1, № 486.

144. Ис-под камешка речка разливалась. АЯФ, № 778, л. 5. Кузьмичево. С. Е. Чкачев, 11.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Старинная волжская баллада «Разбойничья лодка». Ее возникновение относят к XVI—XVII вв. Была распространена среди сибирского казачества. Основные разновидности вариантов песни приведены: Чернышев, с. 406—407. Т. А. Шуб обоснованно относил балладу к историческим песням.

Публикация: РФ, 3, с. 361—362, № 10; (Балашов, с. 266).

Варианты Русского Устья: АЯФ, № 777, л. 2; ИРЛИ, № 43.

Другие варианты: Чернышев, № 103—105; Балашов, с. 266; Богораз, № 130; Гуревич—Элиасов, № 169; Элиасов, № 110; Прибайк., с. 184—185; Элиасов—Ярневский, № 13; Киреевский, НС, № 1269, 1671, 1826, 2108, 2453, 2480, 2511; Соб., 6, № 404—411, 415, 416; 7, № 777; Песни Печоры, № 50, 175; Языковы, № 253—259; Новикова, № 23 (с. 57—58); Потявин, № 14, 15; Нестеров, № 1; Якушкин, № 569.

145. По шивему мору, по Хвалынскому. АЯФ, № 777, л. 41. Косухино. С. П. Киселев, 16.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Примыкающая к балладам «разбойничья», или «удалая», песня с редким сюжетом. Нет оснований считать вслед за Т. А. Шубом песню исторической, а атамана Гришкова (вар.: Рычкова, Рыжкова) «военачальником петровского времени».

Публикация: РФ, 3, с. 362, № 12.

Варианты Русского Устья: ИРЛИ, № 38, 39; АЯФ, оп. 1, № 84.

Другие варианты: Фольклор семейских, № 38; Языковы, № 336, 337.

146. Еще пал, братцы, туман на шивё моро. АЯФ, № 777, л. 8. Косухино. С. П. Киселев, апрель 46. Запись Н. А. Габышева.

Одна из самых популярных песен балладного типа. Известна с различными зачинами. Русскоустынские варианты сохраняют следы эпической традиции прежде всего в описании вооружения раненого.

Варианты Русского Устья: АЯФ, № 778, л. 9 и № 778, л. 10.

Другие варианты: Чернышев, № 50, 52; Богораз, № 133; Пяшкоч, с. 108; Потанин, № 108—109; Элиасов—Ярневский, № 121; Гуревич—Элиасов, № 177; Париллов, № 64; Фольклор семейских, № 265; Элиасов, № 128; Прибайк., с. 185—186; Элиасов—Ярневский, № 48—51; Красноярск., № 2; Кашин, № 1, 3; Киреевский, НС, № 1466, 1657; Соб., 1, № 381—398; Листопадов, 2, № 113—117; Песни Печоры, № 6, 7; Песни Мезени, № 54; Новгор., № 18; Пущк., № 20; Языковы, № 140, 141; Новикова, № 104 (с. 122—123); Пермск., 2, № 362—366, 386—387; Путилов, № 95; Павлова, № 84; Башкир., № 168, 170, 171; Кирюхин, № 129—131; Кругляшова, № 106; Потявин, № 66, 68, 69.

147. Молодой казак со полку съезжает. АЯФ, оп. 1, № 84, л. 3—4. Стариково. Д. Г. Шкулев (родом из Косухино), 6—9.IX.31. Запись М. А. Кротова.

Песня балладного типа, особенно распространенная в южной казачьей среде. Варианты: Фольклор семейских, № 257; Листопадов, 2, № 163; Догадин, 1, № 97, 98; Путилов, № 44; Башкир., № 164; Кирюхин, № 96 (здесь же и дополнительная библиография); Якушкин, № 282, 413, 529, 582.

148. На роще зеленой пташки распевали. АЯФ, № 84, л. 4. Стариково. Д. Г. Шкулев (родом из Косухино), 9.IX.31. Запись М. А. Кротова.

Фрагментарно сохранившийся текст редкой казачьей песни балладного типа. Варианты: Костюрина, № 70; Фольклор семейских, № 153.

149. Нс с поля дует ветер, военный гром гремит. АЯФ, № 778, л. 45. Полярное. А. Н. Шкулева, 5.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Близкая к балладам песня с солдатской тематикой.

Варианты Русского Устья: АЯФ, № 777, л. 25.

Другие варианты: Фольклор семейских, № 98; Элиасов—Ярневский, № 81; Киреевский, НС, № 2204; Соб., 5, № 713—715; 6, № 287; Листопадов, 2, № 153; 3, № 114; Пермск., 2, № 439—441; Потявин, № 81; Кирюхин, № 93, 94.

150. На горе, горе летухи поют. АЯФ, № 778, л. 42. Косухино. С. П. Киселев, 16.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Баллада, получившая распространение в многочисленных песенниках начиная со второй половины XVIII в. Традиционный сюжет песни обычно связывается с более ранним временем — петровской эпохой. Текст, записанный Н. А. Габышевым, отличается от опубликованных оригинальным развитием сюжета. (Подробнее

см. с. 31). Сюжетная ситуация: больной молодец посылает девушку за водой; она ходит три часа; не дождавшись ее, он умирает (стихи 16—41) — имеет аналогию в русской песне (см. напр.: Соб., 5, № 706—711). Кроме того, тот же сюжет распространен и в игровых, плясовых песнях (Киреевский, НС, № 2932; Шейн, № 444—447; Соб., 3, № 150—156; Песни Печоры, № 269).

Другие варианты: Чернышев, № 78; Элиасов, № 56; Прибайк., с. 124—125; Львов—Прач, № 105; Киреевский, НС, № 1450, 1828, 2530-а; Соб., 5, № 125—127; Песни Печоры, № 21, 160; Песни Мезени, № 79; Новикова, № 402 (с. 128—129).

151. Двое храбрые яроя. АЯФ, № 777, л. 36. Косухино. С. П. Киселев, 16.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Тема «муж-солдат в гостях у жены» обычно разрабатывается в балладах в двух видах: 1) возвращается неузнанный женой муж; он показывает подаренное ею кольцо (Киреевский, НС, № 1258, 1305, 1338, 1943, 2684, 2753, 2828, 2907, 2937, 2974; Соб., 1, № 330—337); 2) возвращается неузнанными хозяйкой ее муж и сын. Последний вид, по мнению исследователей, особенно характерен для поздней баллады.

Варианты: Балашов, с. 347—348, 349; Плотников, № 21 (с. 33); Фольклор семейских, № 274; Элиасов—Ярневский, № 53; Красноярск., № 107; 108; Песни Пинежья, № 58 (здесь же и дополнительная библиография); Пермск., 2, № 344—345; Кравчицкая—Ширяева, № 150; Путилов, № 49; Потявин, № 51—55.

152. Захотелся красной девице погуляти. АЯФ, № 777, л. 39, Косухино. С. П. Киселев, 16.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Вариантов песни, очевидно книжной традиции, обнаружить не удалось. Можно лишь отметить песни с довольно близкой сюжетной ситуацией: девушка жалуется командиру на солдат, обманувших ее (Чернышев, № 97; Киреевский, НС, № 2653, 2764, 2765; Соб., 6, № 320).

153. От грома, от снегу два братца тут шли. АЯФ, № 778, л. 4. Кузьмичево. С. Е. Чикачев, 11.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Песня балладного характера с историческим сюжетом, возникшая, очевидно, не ранее второй половины XIX в. Отдельные стихи переключаются со стихотворением К. Ф. Рылеева «Иван Сусанин». Нет оснований считать эту песню, вслед за Т. А. Шубом, исторической, а тем более, исходя из сюжета, относить ее к началу XVII в.

Вариант Русского Устья: АЯФ, № 777, л. 3. Варианты из других мест не обнаружены.

154. Сто на дубе на високом, над широкою рекой. АЯФ, № 769, л. 31, Полярное. П. Рожин, 6.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Литературная баллада, в основу которой положено значительно переработанное стихотворение П. П. Ершова (1815—1869) «Молодой орел». С конца XIX в. песня была популярна среди ссыльных революционеров. Некоторые исследователи (А. И. Овчаренко, В. Е. Гусев) считают, что баллада могла быть источником «Песни о Соколе» М. Горького.

Варианты Русского Устья: ИРЛИ, № 58, 62; АЯФ, № 444, л. 69.

Другие варианты: Селюкова, № 18; Гусев, № 399 (текст стихотворения П. П. Ершова), № 680 (песенная обработка стихотворения); Пермск., 2, № 153. См., кроме того: Гусев, Ур., № 51; Башкир., № 195; Кирюхин, № 300 (здесь же и дополнительная библиография).

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

155. Погодушки горы, от земли отдерни! АЯФ, № 777, л. 63. Косухино. С. П. Киселев, 19.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Популярнейшая народная песня, возникшая, скорее всего, в городской среде не позднее середины XVIII в.

Вариант Русского Устья: АЯФ, оп. 1, № 84, л. 7.

Другие варианты: Чернышев, № 173; Фольклор семейских, № 43; Львов—Прач, № 21; Киреевский, НС, № 1561, Соб., 4, № 550, 552—553; Песни Пинежья, № 74 (здесь же дополнительная библиография); Песни Печоры, № 219; Новгород., № 31.

156. Лучина, лучина березовая. АЯФ, № 777, л. 20. Косухино. С. П. Киселев, 17.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Песня, известная по многочисленным публикациям в песенниках и в лубочных картинках с первой половины XIX в. Текст по всем вариантам довольно устойчив.

Варианты: Сибирск., № 51; Красноярск., № 49; Кашин, № 16; Киреевский, НС, № 1453, 1589, 1654, 2555; Соб., 2, № 557—559; 3, № 588; 7, № 760; Пермск. 2, № 109; Воронежск., № 121.

157. Комарыки, кушливы комары. АЯФ, № 777, л. 13. Косухино. С. П. Киселев, апрель 46. Запись Н. А. Габышева.

Песня считается типичным образцом книжной лирики конца XVIII в., позднее приобрелшей популярность в крестьянской среде.

Варианты: Сибирск., № 138; Киреевский, НС, № 1486, 1970, 2286; Шейн, № 686, 1240; Соб., 2, № 443, 444; Листопадов, 2, № 11; Песни Пинежья, № 12 (здесь же дополнительная библиография); Песни Печоры, № 191; Новгород., № 53; Павлова, № 30; Котикова, № 35.

158. Я сидела, Ивановна. АЯФ, № 778, л. 37. Кузьмичево. Ф. М. Гольжинский, 11.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Вариант Русского Устья: АЯФ, № 777, л. 25.

Вариантов из других мест не обнаружено. Очевидно, песня местного происхождения (Яна — река в Якутской АССР).

159. Не бела зара, зара занималаша. АЯФ, № 777, л. 40. Косухино. С. П. Киселев, 15.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Песня солдатского цикла, уникальная по своей сюжетной ситуации. В одной из самых распространенных рекрутских песен говорится о проводах молодца на военную службу; в публикуемом же тексте герой-казаки, отслужив свой срок, покидает полк. Наиболее близким вариантом к песне С. П. Киселева является песня, записанная В. И. Вагиным, хотя в ней главное действующее лицо — ямщик.

Варианты: Богораз, № 135; Вагин, № 29; Соб., 6, № 133—138.

160. Проходи, денек, скорее. АЯФ, № 777, л. 60, Косухино. С. П. Киселев, 19.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Публикуемый текст представляет собой контаминацию двух песен: а) «Проходи, денек, скорее» (стихи 1—11) и б) «Ходит Ванюшка не вешел» (ст. 12—18). Подобная контаминация встречается: Соб., 3, № 565, 567.

Вариант Русского Устья: АЯФ, № 446, л. 24.

Другие варианты: а) Сибирск., № 102; Шишков, с. 119; Красноярск., № 5; Прибайк., с. 176; Шейн, № 758; Соб., 5, № 559—564, 674; Пермск., 2, № 121—124. б) Богораз, № 92; Киреевский, НС, № 1763, 2059; Соб., 3, № 565, 567.

161. Зеленый дубочек на яр похилился. АЯФ, № 778, л. 45. Полярное. А. Н. Шкулева, 10.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Украинская (казацья) песня. Исполнялась во многих районах Сибири как на русском языке, сохраняя при этом отдельные украинские слова и выражения, так и на украинском (см.: Прибайк., с. 344—345). Кроме Сибири песня бытовала и в других областях России, где жили южные переселенцы (см.: Пермск., 2, № 451—453; Башкир., № 143; Удмурт., № 28). Публикуемый текст не имеет концовки.

Вариант Русского Устья: АЯФ, ф. 5, оп. 1, № 84, л. 7.

Другие варианты: Сибирск., № 73; Элиасов, № 92; Прибайк., с. 129—130; Кузьмина—Миронова, с. 192; Пермск., 2, № 451—453; Павлова, № 32, Котикова, № 55.

162. Ты почто, Лена-матушка, не проходишь? АЯФ, № 777, л. 26. Косухино. С. П. Киселев, 18.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Песня, очевидно, сохранилась лишь фрагментарно. Варианты не обнаружены. Отдельные мотивы: «молодец не попрощался с девницей» (ст. 3—5) и «любование девушкой» (ст. 10—11) широко распространены в русской песенной лирике.

163. Ох ви, шнеги, ох ви, белые. АЯФ, № 777, л. 18. Косухино. С. П. Киселев, 17.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Песня представлена, очевидно, фрагментарно. Варианты не обнаружены. Уникально сравнение в форме параллелизма красной девушки с серой мышкой.

164. Ещо я, бладо, в гораньке. АЯФ, № 769, л. 53. Косухино. С. П. Киселев, 12.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Мотивы: лодка с сидящими в ней людьми и молодец, пускающий стрелу в серую уточку-невесту (суженую), встречаются как в свадебных, так и в лирических песнях. Публикуемый текст отличается зачином (ст. 1—9), не имеющим аналогии в других местах.

Вариант Русского Устья: АЯФ, № 778, л. 2.

Другие варианты: Богораз, № 80; Сибирск., № 22; Фольклор семейских, № 65; Леонова, № 14 (свадебная); Потанина, № 51, 52; Киреевский, НС, № 1402, 1861, 1881, 2079, 2187; Шейн, № 2271 (свадебная); Соб., 5, № 332—350; Песни Пинежья, № 101 (здесь же и дополнительная библиография); Песни Печоры, № 93, 301 (свадебная), 326, 376 (свадебная); Карельск., № 153 (свадебная); Пермск., 1, № 129, 130 (свадебные).

165. Молодой майоружко по чисто полю ходит. АЯФ, № 777, л. 61. Косухино. С. П. Киселев, 19.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Варианты: Соб., 3, № 210—212.

Близиких вариантов не обнаружено. В сборнике Соболевского (3, № 210—212) наблюдается близкая сюжетная ситуация: молодец собирается жениться не на красной девице, а на вдове (ст. 12—18). Во многих песенных сборниках встречается мотив: «вдова вспоминает старого мужа» (ст. 16—18).

166. Мать сына бранила, за худó учила. АЯФ, № 777, л. 27. Косухино. С. П. Киселев, 18.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Публикуемый текст представляет собой фрагмент лирической песни, наиболее полные варианты которой приведены в сборниках Киреевского и Соболевского.

Варианты: Богораз, № 111; Сибирск., № 81; Леонова, № 57; Львов—Прач, № 116; Киреевский, НС, № 2078, 2600; Соб., 3, № 256—261.

167. Там за реченькой слободечка була да. АЯФ, № 777, л. 13. Косухино. С. П. Киселев, 12.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Песня имеет сходство с более полным текстом, записанным В. Г. Богоразом.

Вариант Русского Устья: АЯФ, ф. 5, оп. 1, № 84, л. 7.

Другие варианты: Богораз, № 95; Шишков, с. 115; Сибирск., № 93; Киреевский, НС, № 1522; Соб., 2, № 251—252, 439—441; Песни Пинежья, № 86 (здесь дополнительная библиография и комментарий); Пушкин, № 73; Новикова, № 11 (с. 145).

168. У зори, зореньки много ясных звезд. АЯФ, № 778, л. 9. Полярное, И. Н. Чикачев, 2.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Новая народная песня или городской романс конца XIX—начала XX в., имеющий, скорее всего, литературную основу.

Варианты Русского Устья: АЯФ, № 777, л. 62; ИРЛИ, № 47.

Другие варианты: Пермск., 2, № 71; Новикова, № 7 (с. 443—444); Котикова, № 65.

ИГРОВЫЕ И ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ

169. Ах, по мосту-мосточку. АЯФ, № 778, л. 20. Полярное. П. Н. Черемкина, 7.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Плясовая песня, известная во многих вариантах.

Варианты Русского Устья: Зензинов, № 25; АЯФ, ф. 5, оп. 1, № 84, л. 7.

Другие варианты: Богораз, № 91; Фольклор семейских, № 344; Прибайк., с. 167; Львов—Прач, № 59; Киреевский, НС, № 1175; Шейн, № 784; Соб., 3, № 245, 457—465; Песни Мезени, № 83; Путилов, № 165; Котикова, № 202.

170. По мосту, мосточку. АЯФ, № 769, л. 44. Е. Н. Щелканов, 18.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Контаминация песни «По мосту, мосточку» с отрывком из песни «Соловей мой, соловей» (стихи 20—23; вар. см.: Киреевский, НС, № 1518, 1592, 1893).

171. Ну, вечер, вечер опоздал молодец. АЯФ, № 778, л. 6. Кузьмичево. С. Е. Чикачев, 4.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Текст представляет собой контаминацию двух близких по сюжету песен: частой, плясовой «Сказали про молодца, будто не жив, не здоров» (ст. 1—18, 27—42) и лирической «Лучина, лучина, березовая» (ст. 19—26), которая также могла выступать в функции плясовой. Ст. 27—42 иногда входили в песню «Лучина» (Киреевский, НС, № 1453, 2555). Вариант «Лучины» см. № 156.

Другие варианты: Чернышев, № 214—215; Богораз, № 82; Селюкова, № 13; Шишков, с. 97—98; Киреевский, НС, № 1666; Шейн, № 775—777; Соб., 3, № 491—498, 500—504; Листопада, 3, № 136; Путилов, № 14.

172. Шла девица за водой. АЯФ, № 777, л. 38. Косухино. С. П. Киселев, 16.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Плясовая, состоящая из двух распространенных песен, известных, по крайней мере, с начала XIX в.: а) «Шла девица за водой» (ст. 1—11) и б) песни, бытовавшей с разными зачинами (напр., Киреевский, НС, № 2646 и 2657 «Уж ты, аймушка зима») (ст. 12—20). Вторая плясовая бытовала в Русском Устье и самостоятельно (АЯФ, № 778, л. 18).

Вариант Русского Устья: АЯФ, № 778, л. 18.

Другие варианты: а) Фольклор семейских, № 302; Соб., 4, № 410, 412—417, 740—743; Песни Печоры, № 228; Новгор., № 164; Пушк., № 82; Кравчинская—Ширяева, № 330; б) Киреевский, НС, № 1997-а, 2646, 2657; Соб., 4, № 410—416, 564.

173. Яхали двора из Нова-города. АЯФ, № 777, л. 12. Косухино. С. П. Киселев, 14.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Текст представляет собой контаминацию нескольких отрывков песенных сюжетов, а также отдельных мотивов: а) «Ехали дворяне из Новгорода» (ст. 1—10) — одна из самых распространенных лирических песен; в Русском Устье исполнялась только первая ее половина; б) «Красная девушка на улице стоит» — частая, плясовая песня. Близкий вариант: Соб., 7, № 68, где первая строка «Шли молодцы из Нова города» соединяется с текстом, совпадающим почти дословно со стихами 11—26 из русскоустынской песни. Наконец, ст. 29—36, состоят из двух мотивов: «старая и молодая жена» и «муж бьет жену плеткой», бытующих в многочисленных, чаще всего плясовых, хороводных и шуточных песнях.

Вариант Русского Устья: АЯФ, № 778, л. 2.

Другие варианты: а) Селюкова, № 19; Фольклор семейских, № 6; Элиасов, № 95; Прибайк., с. 113; Львов—Прач, № 67; Киреевский, НС, № 1463; Соб., 2, № 37—41; Песни Печоры, № 11; Пушк., № 68; Новикова, № 32 (с. 162—163); Пермск., 2, № 231—234; б) Соб., 7, № 68; Пермск., 2, № 232.

174. Ходил Ваня по базару. АЯФ, № 777, л. 1—2. Косухино. С. П. Киселев, 16.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Текст представляет собой контаминацию двух песен: а) «Ходил Ваня по базару» (ст. 1—14), которая обычно бытовала в функциях плясовой, шуточной, хороводной, и б) плясовой песни «Из-под дуба желеного» (ст. 15—24).

Варианты: а) Сибирск., № 153; Кон, № 19; Фольклор семейских, № 362; Леонова, № 108; Соб., 3, № 506—508, 510; 4, № 220—223; Песни Печоры, № 209, 222; Новгор., № 140; Пушк., № 140; Пермск., 1, № 316, 317; 2, № 84; Якушкин, № 54; б) Сибирск., № 28; Костюрина, № 9; Фольклор семейских, № 131, 298; Львов—Прач, № 27; Киреевский, НС, № 2148; Соб., 3, № 568—574; 7, № 117; Карельск., № 65; Пермск., 1, № 284, 285; Чернышев, № 200; Якушкин, № 24.

175. Летал голубь, летал сизый со голубочкой. АЯФ, № 769, л. 24. Полярное. Е. Н. Щелканов, 18.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Сжатый вариант игровой песни. Более полный текст с описанием игры был записан В. Г. Богоразом. Кроме того, песня бытовала в функции лирической, плясовой и хороводной.

Варианты Русского Устья: ИРЛИ, № 45; АЯФ, № 44, л. 68.

Другие варианты: Богораз, № 12; Селюкова, № 20, 20-а; Попов, № 4; Костюрина, № 25; Гуревич—Элиасов, № 156; Элиасов, № 81; Киреевский, НС, № 1228, 2902; Шейн, № 503; Соб., 3, № 304—313; Листопадов, 3, № 182; Песни Печоры, № 81; Павлова, № 55.

176. В деревне вживал, метелки вязал. АЯФ, № 778, л. 40. Полярное, А. Н. Шкулева, 5.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Плясовая песня, судя по просмотренным сборникам, довольно редкая и хорошей сохранности.

Варианты: Сибирск., № 68; Киреевский, НС, № 1936; Кирюхин, № 139 (здесь и дополнительная библиография).

177. Во саду ли, в огороде. АЯФ, оп. 1, № 84, л. 7. Хартыгир, Н. Струков (уроженец Русского Устья), 17—18.VIII.31. Запись М. А. Кротова.

Текст плясовой песни, зафиксированный М. А. Кротовым, отличается от записи В. М. Зензинова лучшей сохранностью.

Вариант Русского Устья: Зензинов, с. 219, № 9.

Другие варианты: Фольклор семейских, № 297; Парильов, № 27; Львов—Прач, № 56; Киреевский, НС, № 1398; Шейн, № 422—424, 425; Соб., 4, № 764—773; Песни Печоры, № 77; Карельск., № 79, 118; Пушк., № 72; Новикова, № 3 (с. 141).

178. Ваня белой, кудреватой. АЯФ, № 777, л. 17. Косухино. С. П. Киселев, 17.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Плясовая песня с более сжатым по сравнению с другими вариантами текстом.

Варианты: Киреевский, НС, № 1568; Песни Печоры, № 37, 176, 201.

179. Натальюшки, Марьюшки, городские девушки. АЯФ, № 769, л. 36. Приморское. П. Н. Черемкина (родом из Косухино), 24.IV.46. Запись Н. М. Алексеева.

Вариант Русского Устья: Зензинов, с. 217—218, № 6 (здесь текст песни сохранился хуже).

Другие варианты: Львов—Прач, № 18.

180. Я во саде гуляла, во зеленом ходила. АЯФ, № 769, л. 36. Приморское. П. Н. Черемкина, 24.IV.46. Запись Н. М. Алексеева.

Отрывок плясовой песни, бытовавшей с различными зачинами, чаще всего с зачином «Выйду я на реченку» (см.: Соб., 4, № 528—531). Наиболее полные тексты опубликованы в многочисленных песенниках конца XVIII—начала XIX в. В сборниках советского времени песня представлена, как правило, фрагментарно.

Варианты: Потанин, с. 69—70; Плотников, № 14 (с. 12—13); Элиасов—Ярневский, № 232; Киреевский, НС, № 1849; Шейн, № 532; Соб., 4, № 528—531; 5, № 374—389; Кравчинская—Ширяева, № 326.

181. Говорела мене мать. ЯГУ. Полярный, А. Н. Щелканова, 1967. Запись М. Ф. Дружининой.

Распространенная плясовая шуточная песня о выборе жениха состоит из целого ряда куплетов, число которых неизменно варьируется. Публикуемый текст фрагментарен.

Варианты: Сибирск., № 118; Прибайк., с. 161—162; Чулков, 2, № 168; Киреевский, НС, № 2235; Шейн, № 578—582; Соб., 7, № 79.

182. Вше ми песни перепада. АЯФ, № 777, л. 31. Косухино. С. П. Киселев, 16.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Судя по записям В. М. Зензинова, С. И. Боло и экспедиции ИРЛИ и ИЯЛИ ЯФ, в Русском Устье бытовал сокращенный вид общерусской плясовой песни о комарике, известной по публикациям XVIII в. Публикуемый текст не имеет концовки.

Варианты Русского Устья: Зензинов, № 7; ИРЛИ, № 71; АЯФ, № 444, л. 68.

Другие варианты: Чернышев, № 307—309; Фольклор семейских, № 295; Чулков, 1, № 197; Киреевский, НС, № 2696, 2987; Шейн, № 998—1000; Соб., 7, № 440—442, 444, 446; Новгор., № 239.

183. Хор, хор, Христофор. АЯФ, № 777, л. 29. Косухино. С. П. Киселев, апрель 46. Запись Н. А. Габышева.

Отрывок из распространенной общерусской плясовой песни «Во поле березка стояла» с необычным зачином (ст. 1).

Варианты: Красноярск., № 146; Киреевский, НС, № 2149; Шейн, № 627—628; Соб., 2, № 347—353; Новикова, № 228 (320).

184. Разливалась мать Камышенка река. АЯФ, № 778, л. 44. Полярное. А. Н. Шкулева, 5.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Один из наиболее полных вариантов игровой, хороводной песни, известной по публикациям с конца XVIII в.

Вариант Русского Устья: АЯФ, № 777, л. 27—28.

Другие варианты: Чернышев, № 185; Богораз, № 107; Сибирск., № 78, 149; Костюрина, № 22; Гуревич—Элиасов, № 112; Киреевский, НС, № 2276, 2679; Соб., 2, № 310—316; Карельск., № 92.

185. По новым сениям похаживает. АЯФ, № 446, л. 24. Походск. П. Н. Новгородов (родом из Русского Устья), 3.XI.40. Запись С. И. Боло.

Фрагмент плясовой песни, известной по публикациям начиная с песенников XVIII в.

Варианты: Чулков, 2, № 160; Киреевский, НС, № 1998; Шейн, № 460, 461; Соб., 2, № 546; Песни Мезени, № 98, 99; Пермск., 2, № 263.

186. Ходили, походили каледушечки, каледушечки под окошечко. АЯФ, № 778, л. 43. Полярное, А. Н. Шкулева, 3.IV.46. Запись Н. А. Габышева.

Календарно-обрядовая песня. Эту песню пели от Рождества до Крещения, т. е. в течение 12 дней (в основном ряженые). В иное время эта песня вызывала пургу, цепастые (примеч. Н. А. Габышева).

Варианты Русского Устья: АЯФ, ф. 5, оп. 1, № 84, л. 6.

Другие варианты (приводятся только сибирские тексты): Богораз, № 114, 115; Селиокова, № 25; Гуревич—Элиасов, № 168; Прибайк., с. 155; Болонев—Мельников, № 13—14, 17—19.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД

Описание свадебного обряда, включающее публикацию текстов, дано по записям, охватывающим 65 лет и охарактеризованным во вступительной статье настоящего издания: В. М. Зензинова (1912 г.), Д. Д. Травина (1928 г.), Н. М. Алексеева (1946 г.), М. Ф. Дружининой (1964 г.), С. Н. Азбелева (1977 г.). Они дополняют друг друга и в совокупности позволили воссоздать достаточно полную картину русскоустынской свадьбы.

187. Душа Анна по горенке ходила. ААН, № 171, с. 65, № 1. Косухино. А. С. Киселева, IV—IX.28. Запись Д. Д. Травина.

Варианты Русского Устья: «У Сарфеи у премудрой», АЯФ, № 770, л. 50 (опубл.: Потанина, № 343). Мотив «бросала ключи» с зачином «Дар я шлю» — АЯФ, № 770, л. 50 об.; № 185 настоящего сборника.

Другие варианты. Тема «как пазвать свекра»: Чулков, 3, Прибавления, № 27, с. 743—744; Львов—Прач, № 119; Авдеева, № 1, с. 125; Киреевский, НС, № 5, 129, 456, 562, 671, 772, 786, 854; Рыбников, № 38; Якушкин, № 233; Шейн, № 1567 (Вятск. губ.), № 1703 (Новгор. губ.), № 1850, 1860 (Ряз. губ.), № 2062 (Орлов. губ.); Богораз, № 48, 67; Гуревич—Элиасов, № 83, 107 (укороченная разновидность русскоустынского текста); Бардин, № 51; Ярослав., № 28; Песни Мезени, № 172; Леонова, № 22; Балашов—Красовская, № 11; Колпакова, № 116—121; Новгор. Св., № 24; Славянина, № 51; Потанина, № 330—339; Новгор., № 308; Разумова—Коски, № 23 (стихи 23—32, 35—37).

188. У Сарфеи, у премудрой. АЯФ, № 770, л. 50, № 1. Русское Устье. Е. А. Чикачева и С. П. Киселев, III—V.46. Запись Н. М. Алексеева.

Вечерничная песня.

Публикация: Потанина, № 343.

Вариант Русского Устья: № 187 настоящего сборника.

Другие варианты: см. комментарий № 187.

189. Дар я шлю, а сама к нему не иду. АЯФ, № 770, л. 50 об., № 2. Русское Устье. Е. А. Чикачева и С. П. Киселев, III—V.46. Запись Н. М. Алексеева.

Контаминация мотивов свадебных песен.

Варианты Русского Устья: зачин — Зензинов, № 19; мотив «падала туча» — ААН, № 171, с. 68, № 5; мотив «бросала ключи» — ААН, № 171, с. 65, № 1 и № 187 настоящего сборника.

Другие варианты. Мотив «бросала ключи»: Авдеева, № 17, с. 137; Шейн, № 1757, 1758 (Шков. губ.), № 2492 (Иркут. губ., близкий вар.); Богораз, № 50 (с зачином «Солнце катилось из-за лесу»); Красноярск., № 132; Новгор., № 348.

190. Семена мои сахарные. АЯФ, № 770, л. 51, № 4. Русское Устье. Е. А. Чикачева и С. П. Киселев, III—V.46. Запись Н. М. Алексеева.

Устойчивый вид вечерничной песни.

Варианты Русского Устья: Зензинов, № 16; ААН, № 171, с. 68 (близкие варианты); ЯГУ — повторная запись этой песни М. Ф. Дружининой в феврале 1964 г., через 18 лет, от той же исполнительницы подтверждает устойчивость текста:

Семена мои сахарные,
Я немножко вас посеяла,
Вы чему много уродились?
Оно поле до Киево
А другоё до Чернивево.
Между этими двумя полями широкима
Ни черна сурьма возбрѣдала,
Ни белая лебедь воскикала, —
Тут расплакалась, растужилась
Душа красна девица
По своей она по русе косе
И по девьей красоте:
«Топере мне русую косу
Не приплетывать,
Золотой кустик не плетывать,
Варварушкой золоченой,
За другою подзолоченой».

Другие варианты: Шейн, № 1514 (Вологод. губ., с зачином «Вы цветы ли, мои цветики»), № 1964 (Калуж. губ., с зачином «Уж вы девки, вы девушки»), № 2187 (Яросл. губ., с зачином «Цветы, мои цветики»), № 2265 (Владим. губ., с зачином «Мало цветиков посеяла»), № 2498 (Иркут. губ., с зачином «Семена ли, вы мои семена» — близкий вар.); Богораз, № 57 (близкий вар.); Гуревич—Элиасов, № 78

(только зачин); Потанина, № 237 (только зачин); Новгород., № 312 (ближайший вар.). Мотив «В косу кустышки привязаны» — Шейн, № 1669. 1672 (Белозерск. уезд Новгород. губ., причет по воле во время рукобития).

191. Ах вы, соколы мои ясные. ААН, № 171, с. 66, № 2. Косухино. А. С. Киселева, IV—IX.28. Запись Д. Д. Травина.

Контаминация свадебной песни и причитания по девичьей красоте.

Варианты. Песня: Киреевский, НС, № 38, 126, 229, 284, 460, 796, 837 (варианты песенной темы «кого видели?» с разными зачинами); Шейн, № 1505 (Вологод. губ.), № 1876 (Рязан. губ., вар. зачина), № 1967 (Калуж. губ., далекий вар.), № 2103 (Курск. губ., далекий вар.); Песни Мезени, № 158; Новгород. Св., № 43; Колпакова, № 67—71; Новгород., № 365; Леонова, № 36 (только начало); Пинежск., № 111 (ближайший вар. начала). Причитания: тема «почто не расчесали косу» — Шейн, № 1973 (Смоленск. губ.), № 2483 (Иркутск. губ., близкий вар. причитания по красоте). 192. Я брошу, брошу камешок. ААН, № 171, с. 67. Косухино. А. С. Киселева, IV—IX.28. Запись Д. Д. Травина.

Причитание с включением некоторых песенных мотивов.

Варианты Русского Устья: Зензинов, № 17 (укороченный вар. с тем же зачком); ААН, № 171, л. 50 об. (в контаминации с песней «Не вылетай, утка, из острова»).

Другие варианты: тема причитания «ты секи, брат, засеку» — Авдеева, № 19, с. 110; № 6, с. 129 (мотив: «у вас сердце каменное»); Шейн, № 1735 (Новгород. губ., когда жених проезжает за невестой), № 2133 (Курск. губ., далекий вар.), № 2248 (Владим. губ.), № 2292, № 2312 (Нижегород. губ.); Колпакова, № 425, 491; Прибайк., с. 147—148; Новгород., № 486; Потанина, № 10, 68, 75, 76; Богораз, № 51 (вар. зачина).

193. Не вылетай, утка, из острова. АЯФ, № 770, л. 50 об., № 3. Русское Устье. Е. А. Чикачева и С. П. Киселев, III—V.46. Запись Н. М. Алексеева.

Контаминация свадебной песни и причитания.

Варианты Русского Устья: Зензинов, № 17; причитание:

Брошу, брошу камешек во пламячко-огонь,
Ты гори, гори, камешек, перегори,
Разделися, камень, на четыре части.
Такое же ваше сердце каменное,
Отдадите меня во чужие люди в дальнюю сторону.
Тут бегаёт брат ко родной сестре:
«Ты не знаешь, наша больша́я сестра,
Отдают нашу сестру во чужие люди,
Во чужие люди, в дальнюю сторону».
«Ты поедь, брат, во чисто поле,
Ты секи, брат, засеку с востоку до западу,
Не пройди бы ему, не проехать,
Как моему суженому,
Как с теми было со свахами,
Как с теми было с похожанами,
Как с теми было с бояринами».

См. также № 192 настоящего сборника.

Другие варианты: см. комментарий к предыдущей песне.

194. Не стук стучит, братцы, во тереме. Зензинов, № 15. Русское Устье, лето 1912 г. Запись В. М. Зензинова.

Вариант Русского Устья: ЯГУ, фонетическая запись М. Ф. Дружининой в 1964 г. близкого варианта:

Шсто не стук стучёл у чёрема,
Шсто не гром гремёл у висока,
И бла[г]словляется дочь у бачишка:
«Бла[г]ослови мие́ня, ронной батюшко,
Нам со сужънным под злат венёс.
Бла[г]ослови мие́ня, ронна матушка,
Нам со сужънным под злат виенёс».

(от Е. А. Чикачевой, 86 лет).

Другие варианты: Парилов, № 8.

195. Бура была перед тучею. ААН, № 171, с. 68. Косухино. А. С. Киселева, IV—IX.28. Запись Д. Д. Травина.

Контаминация сиротского причитания с темами свадебных песен.

Вариант Русского Устья: мотив «ападала бура» — АЯФ, № 770, л. 50 об., № 2.

Другие варианты: сиротское причитание — Шейн, № 1542 (Вологод. губ.); Славянина, № 57, 59, 140 (вар. концовки); Новгород., № 344.

196. Хорош был жених в ожерельях. АЯФ, № 770, л. 51 об., № 6. Русское Устье. Е. А. Чикачева и С. П. Киселев, III—V.46. Запись Н. М. Алексеева.

Контаминация величальной песни с корильной свахе.

Вариант Русского Устья: ААН, № 171, с. 70 (в контаминации с корильной свахе, являющейся зачином данного варианта), близкий вариант.

Другие варианты: мотив «кудри расчесала» — Авдеева, № 3, с. 97; Шейн, № 1519 (Вологод. губ.); НС, с. 155; Новгород., № 339; мотив «поедешь в орду» — Ав-

дева, № 10, с. 132 (тысяцкому); Шейн, № 2499 (Иркутск. губ., тысяцкому); Богораз, № 60, 74 (тысяцкому); Парилон, № 15, с. 143 (тысяцкому); Потанина, № 185, 188, 189 (тысяцкому).

197. На дворе, дворе, Ивановом дворе. Зензинов, № 18. Русское Устье, лето 1912 г. Запись В. М. Зензинова.

Контаминация величальных песен.

Варианты Русского Устья: ААН, № 171, с. 69, близкий вар. с зачином «Во дворе, дворе, во Ивановом дворе» с добавлением стихов:

Выходила его суженая
На то бело на красно крыльцо,
Выносила чисто зеркальцо,
Она мылаша, беллаша...

АЯФ, № 770, л. 52, № 7, близкий вар. с зачином «Во дворе, во дворе, Ивановом дворе» и добавлением стихов:

Солетались как девять соколей,
Что десятый — цветно белокрыльчатый.
Выходила тут Мария-госпожа,
Отвернула свой берчат она рукав,
Выносила чисто зеркальце,
Она мылася, беллаша...

Приурочение всех вариантов устойчивое — в момент приезда жениха за невестой.

Другие варианты: Шейн, № 1511 (Вологод. губ., зачин и мотив «прилетали соколы»); Богораз, № 56 (наиболее близкий вар.); Гуревич—Элиасов, № 75 (мотив «солетались птицы райские»); Пинежск., № 84 (мотив «солетались гуси-лебеди»).

198. Ох, тысяцкий — большой человек. АЯФ, № 770, л. 52, № 8. Русское Устье. Е. А. Чкачева и С. П. Киселев, III—V.46. Запись Н. М. Алексеева.

Величальная тысяцкому.

Вариант Русского Устья: эта же песня, с изменением времени глагола в последнем стихе исполнялась в момент возвращения молодых от венца. См. № 206.

199. Теща моя, зять челом бьет перед тещею. ААН, № 171, с. 70. Косухино. А. С. Киселева, IV—IX.28. Запись Д. Д. Травина.

Вариант широко распространенной в русской свадьбе песни устойчивого обрядового приурочения, бытующей чаще всего с зачином «Вьюн на воде извивается».

Вариант Русского Устья: АЯФ, № 770, л. 52 об.—53 (близкий вар. с тем же зачином).

Другие варианты: Чулков, 3. Прибавления, № 36, с. 750—751; Киреевский, НС, № 48, 270, 271, 322, 385, 455, 491, 812, 843, 950; Шейн, № 1504 (Вологод. губ.), № 1591, 1617 (Вятск. губ.), № 1847 (Ряз. губ.), № 2044 (Орлов. губ.); Соколов М., № 6, 7; Соколовы, № 258; Иванецкий, № 479; Красноярск., № 128, 129; Балашов—Красовская, № 12, 13; Леонова, № 26; Колпакова, № 54, 55; Славянина, № 134; Пинежск., № 85; Новгород., № 327.

200. Не улетаешь, утка, из острова. Зензинов, № 15, Русское Устье. Лето 1912 г. Запись В. М. Зензинова.

Варианты Русского Устья: ААН, № 171, с. 68, № 4; исполнялась на девичнике, когда подносили «дары»:

Не улетаешь, утка, из гнездычка,
Не улетаешь, утка, из острова,
Не выпорхай перья из гнездычка,
Не выходи, Анна, из терема:
Заздрит да смотрит свекор-батюшка,
Запросит дорогих дары.
Дары не шлю,
А я сама к нему иду.

См. также № 193 (в контаминации с причитанием).

Другие варианты: Шейн, № 1608 (Вятск. губ.), № 1758 (Псков. губ., с зачином «Не выплывай, сера утушка, с зеленой трости»); Богораз, № 49, 66 (ближние вар.).

201. Стремянами конь бьет, воды не льет. Зензинов, № 20. Русское Устье. Лето 1912 г. Запись В. М. Зензинова.

Варианты Русского Устья: ААН, № 171, с. 73 (отдельные мотивы в песне, исполняемой в момент приезда молодых от венца); см. также № 207 (другое приурочение).

Другие варианты: Колпакова, № 141; Потанина, № 169, 170; Новгород., № 345 (далекие вар.).

202. Катилось солнышко из-за лесу. Зензинов, № 21. Русское Устье. Лето 1912 г. Запись В. М. Зензинова.

Контаминация свадебных песен.

Варианты Русского Устья: ААН, № 171, с. 69, № 7 (в конце девичника); АЯФ, № 770, л. 51 об., № 5 (после расплетения косы во время девичника); ЯГУ, запись 1964 г. (ближние вар.).

Другие варианты: Шейн, № 1586 (Вятск. губ., вторая часть песни с мотивами «пожки ломит», «ладушкин конь понес и повез»); Богораз, № 65 (без зачина); Колпакова, № 256 (с другим зачином). Вар. зачина: Авдеева, № 17, с. 137 (мотив «я вам не ключница»); Богораз, № 50 (мотив «я вам не ключница»); Славянина, № 46, 48; Новгород., № 348 (тема «я вам не ключница»).

203. Натуга, натуга тугой лук. ААН, № 171, с. 72. Косухино. А. С. Киселева, IV—IX.28. Запись Д. Д. Травина.

Контраминированный текст, составленный из мотивов свадебных и лирических песен.

Вариант: Шейн, № 2273 (Нижегород. губ., тема «разлука, разлука — чужа сторона»).

204. Не были ветры, навевали. Зензинов, № 22. Русское Устье. Лето 1912 г. Запись В. М. Зензинова.

Зачин широко распространенной свадебной песни, исполняемой обычно в момент приезда жениха за невестой.

Варианты Русского Устья: АЯФ, № 770, л. 53 об., № 10 (мотив «сокол летит»); № 205 настоящего сборника.

Другие варианты: Шейн, № 1753 (Псковск. губ.), № 1854 (Ряз. губ.), № 2045 (Орлов. губ.), № 2308 (Нижегород. губ.); Богораз, № 58; Красноярск, № 82, 130; Колпакова, № 215; Новгород., № 346.

205. Сокол летит, земля ютит. АЯФ, № 770, л. 53 об., № 10. Русское Устье. Е. А. Чикачева и С. П. Киселев, III—IV.46. Запись Н. М. Алексеева.

Варианты Русского Устья: № 204 настоящего сборника; ААН, № 171, с. 72 (мотив «благословляется сын»):

Благословляется сын батюшко
У родимой своей матушки.
Благословляется дочь у батюшка,
У родимой своей матушки.

Другие варианты: Шейн, № 1792 (Псков. губ., во время благословения перед венцом).

206. Ох, тысяцкий — большой человек. АЯФ, № 770, л. 53 об., № 11. Русское Устье. Е. А. Чикачева и С. П. Киселев, III—V.46. Запись Н. М. Алексеева.

Величальная тысяцкому.

Вариант Русского Устья: эта же песня с изменением времени глагола в последнем стихе; исполняется после выкупа невесты перед поездкой к вещи (АЯФ, № 770, л. 52, № 8; см. № 198 настоящего сборника).

Другие варианты: Колпакова, № 338, 340 (Арх. обл., только обращение).

207. Ох вы улочки, метитесь. АЯФ, № 770, л. 53 об., № 12. Русское Устье. Е. А. Чикачева и С. П. Киселев, III—V.46. Запись Н. М. Алексеева.

Величальная песня.

Варианты Русского Устья: ААН, № 171, с. 73 (ближкий вар.); см. также № 201 настоящего сборника.

Другие варианты: Авдеева, № 18, с. 109; Шейн, № 2472 (Иркутск. губ., на девшнике; близкий вар.); Прибайк., № 68 (далекий вар.); Потанина, № 256 (ближкий вар. зачина), № 345 (ближкий вар.).

208. Семена мои сахарные. Зензинов, № 23. Русское Устье. Лето 1912 г. Запись В. М. Зензинова.

Устойчивый вид вечериночной песни.

Варианты Русского Устья: ААН, № 171, с. 68, № 6; см. также № 190 настоящего сборника.

Другие варианты: см. комментарий к № 190.

209. Не скачет жемчужинка по блюдечку прокатилась. Зензинов, № 24. Русское Устье. Лето 1912 г. Запись В. М. Зензинова.

Величальная песня.

Варианты Русского Устья: ААН, № 171, с. 73; см. также № 210 настоящего сборника.

Другие варианты: Авдеева, № 3, с. 97; Колпакова, № 3—6 (№ 6 — мезенский вар., ближе всего по зачину); Новгород., № 339 (с зачином «Что не шаричёк по горенке катались»); НС, с. 155.

210. Не скачи жемчуг по блюдики кататься. ААН, № 171, с. 73. Косухино. А. С. Киселева, IV—IX.28. Запись Д. Д. Травина.

Величальная песня.

Варианты Русского Устья: Зензинов, № 24; см. также № 209 настоящего сборника.

Другие варианты: см. комментарий к № 209.

211. По мосту, мосточку, по калиновому. Зензинов, № 25. Русское Устье. Лето 1912 г. Запись В. М. Зензинова.

Плясовая песня.

Варианты Русского Устья: см. № 169 и 170 настоящего сборника (к свадьбе не приуроч.).

Другие варианты: см. комментарий к № 169—170 в разделе «Лирические песни» настоящего сборника.

ЗАГАДКИ

Публикуемые тексты взяты из следующих четырех собраний.

I. Записи Д. Д. Травина в Русском Устье в 1927—1929 гг. (исполнители собирателем не указаны) — ААН, № 171, л. 52—54. Сокращенно: Тр.

II. Записи экспедиции под руководством Т. А. Шуба в Русском Устье в 1946 г. (кем записаны загадки и от кого — не указано) — АЯФ, № 767, на 118 отдельных листах (в конверте вместе с частушками и пословицами). Н. А. Габышевым были подготовлены 37 загадок, остальные подготовила непосредственно по архивному материалу В. В. Митрофанова. Сокращенно: Шуб.

III. Записи М. Ф. Дружининой в пос. Полярное в 1967 г. от Г. И. Киселева, 68 лет (1), Е. С. Чикачева, 52 года (2), А. Н. Щелканова, 68 лет (3), ЯГУ. Сокращенно: Др. 1, 2, 3.

IV. Записи С. Н. Азбелева в пос. Полярное 23.V.77 г. от М. И. Чикачевой; 65 лет (ИРЛИ, № 88, 90), Е. Н. Поршняковой, 62 года (ИРЛИ, № 89). Сокращенно: Азб.

Загадки печатаются так, как они были записаны собирателями или подготовлены к печати Н. А. Габышевым, в прозаическую строку. Несколько загадок опущено вследствие их двусмысленности или полной искаженности. За основу берется более сохранный вариант, при равной сохранности — старший.

В комментарии указывается источник, далее в скобках — варианты по публикуемым здесь собраниям, затем — варианты по сводному изданию загадок в серии «Памятники русского фольклора».

212. Шуб, 64; объяснение собирателя: «расшитый бисером горбасок (обувь)».

213. Азб., 89, л. 2; (Др. 2); объяснение собирателя: «горбасок — обувь из шкуры оленя».

214. Шуб, 63; объяснение собирателя: хамячок — деревянная ложка. Шуб, 71 с отгад. — Созвездие Большой медведицы.

215. Тр., 36; в загадках о месяце обычен образ висящей над баней половины предмета. Заг., 102.

216. Шуб, 67; Заг., 180 (свет).

217. Тр., 18; (Шуб, 66); Заг., 181.

218. Шуб, 68; Заг., 174.

219. Шуб, 62; Заг., 925—928 (яйцо).

220. Шуб, 69; Заг., 330.

221. Шуб, 90; Заг., 198.

222. Шуб, 74; пельмени, бруснику катают, горох варят — Заг., 4324—4327.

223. Тр., 34; (Шуб, 65); Заг., 293.

224. Др. 1; Заг., 204—208.

225. Шуб, 95; (Тр., 49; Азб., 90, л. 1; объяснение собирателя: «шпичка» — деревянный гвоздь); Заг., 204—208.

226. Др. 1; Заг., 204—208.

227. Шуб, 93.

228. Шуб, 92; Заг., 2723—2724.

229. Шуб, 70; месяц — Заг., 82.

230. Шуб, 73; (Азб. 90, л. 2); с отгадкой мороз — Заг., 339—350.

231. Шуб, 86; (Др. 3); с отгадкой глаз — Заг., 1439.

232. Др. 1; (Шуб, 91); Заг., 29—43 — звезды.

233. Шуб, 72; Заг., 28.

234. Др. 1; (Шуб, 61 — наводнение).

235. Тр., 1 — помета об исполнителе: «Сообщ. Семен Киселев, м. Косухино»; (Шуб, 88); Заг., 435.

236. Шуб, 30.

237. Тр., 28; (Шуб, 29; Др. 2); Заг., 1296.

238. Шуб, 31.

239. Шуб, 32; (Др. 1; Азб., 89); Заг., 1176—1178.

240. Шуб, 33; объяснение собирателя: «убутово — одетого».

241. Тр., 43; (Шуб, 34; Др. 1); Заг., 895—899.

242. Шуб, 79; (Тр. 42); Заг., 925—928.

243. Шуб, 78; Заг., 770—790.

244. Шуб, 83; Заг., 1867.

245. Шуб, 84; Заг., 1863.

246. Шуб, 89.

247. Шуб, 116; (Тр., 26; Др. 1); Заг., 1379.

248. Тр., 24; (Шуб, 9); Заг., 881—879.

249. Тр., 25; (Шуб, 115); Заг., 2400 — арбуз, 2420—2422 — огурец.

250. Тр., 5; искажен.

251. Шуб, 112.

252. Шуб, 113; (Др. 1); тень — Заг., 417.

253. Шуб, 114.

254. Тр., 46; (Шуб, 117); Заг., 4445 — полозья.

255. Шуб, 111; Заг., 1401.

256. Шуб, 101.

257. Шуб, 109, 104 — дума.

258. Шуб, 105; вар. отгадки — радио.

259. Тр., 2; (Шуб, 7); Заг., 2976 — изба.

260. Тр., 16; (Др. 2); Шуб, 5 с отгадкой — тубурка дверная — палочка на ремешке, служащая ручкой; Заг., 3137.
 261. Тр., 22; Заг., 3128.
 262. Др. 1; Заг., 3122—3127.
 263. Тр., 20; (Шуб, 3 — дверная пята).
 264. Азб., 89; в рук. объяснение: «потолок и две матицы, если снизу смотреть»; Заг., 3040—3043.
 265. Азб., 90, л. 2; (Шуб, 8); Заг., 3003.
 266. Азб., 89, л. 2; (Тр., 6, 19; Шуб, 6; Др. 1); Заг., 2995.
 267. Тр., 38; (Шуб, 1).
 268. Шуб, 11; Заг., 2563 — морковь.
 269. Азб., 90, л. 2; (Тр., 39; Шуб, 2; Др. 1); Заг., 3334—3336.
 270. Др. 1; (без первого слова — старая железная печка — Шуб, 10).
 271. Тр., 13; (Др. 1; Азб., 88, 90, л. 1); Заг., 3559—3568.
 272. Шуб, 19; (Др. 1; Азб., 89, л. 2); Заг., 3639—3644.
 273. Тр., 15; (Шуб, 24); Муха — Заг., 847—848, таракан — Заг., 832—833.
 274. Шуб, 17.
 275. Тр., 27; помета об исполнителе: «Сообщ. Иннокентий Червячков»; Заг., 3881—3883.
 276. Шуб, 21; Заг., 3900.
 277. Шуб, 15; ушат — Заг., 3783.
 278. Шуб, 14; (Тр., 50); объяснение собирателя: «чимом — от темя».
 279. Шуб, 25.
 280. Шуб, 26; корзина — Заг., 3979; лук — Заг., 2496—2525; капуста — Заг., 2469—2470.
 281. Шуб, 20; Заг., 3917.
 282. Шуб, 96; в русских вариантах искаженно: стакан с вином — Заг., 4355; пиво — Заг., 4350.
 283. Тр., 23; (Шуб, 27; с лями — сором, мусором); соленые огурцы — Заг., 4331; звезды — Заг., 15.
 284. Шуб, 39; Заг., 4739; литерат.
 285. Шуб, 40; (Др. 1); Заг., 4445; ср. брови.
 286. Шуб, 87.
 287. Тр., 21; (Шуб, 41; Азб., 89, л. 2; отгадка «прудило» — палка для управления собаками); Заг., 2120—2142 — серп.
 288. Др. 1; Заг., 2120—2142 — серп.
 289. Тр., 10, сообщ. Н. Г. Чихачев; (Шуб, 99).
 290. Др. 1.
 291. Шуб, 43; Заг., 4536.
 292. Шуб, 38; Заг., 571.
 293. Др. 1.
 294. Тр., 45; (Шуб, 22; Др. 1; Азб., 88, 90, л. 1); Заг., 4721.
 295. Шуб, 37; Заг., 1556 — язык; 1506 — зубы.
 296. Шуб, 18; объяснение собирателя: халит — греет.
 297. Тр., 41; (Шуб, 82 — жаркое мясное или рыбное); Заг., 2458—2459 — капуста.
 298. Шуб, 13; (Тр., 47; Азб., 90, л. 2); пирожки, блины — Заг., 4249—4250.
 299. Тр., 12; Заг., 4267—4268.
 300. Тр., 8; (Шуб, 75); Заг., 4364.
 301. Тр., 14.
 302. Тр., 32; (Шуб, 60; объяснение собирателя: ожилок — указательный палец).
 303. Шуб, 50; Заг., 4125—4127.
 304. Тр., 9; (Шуб, 59); мак, коробочка с семенами — Заг., 2540.
 305. Шуб, 118; Заг., 4096—4099.
 306. Азб., 89.
 307. Шуб, 97.
 308. Шуб, 106; объяснение собирателя: «щебенки — щепки»; Заг., 4895.
 309. Шуб, 107.
 310. Шуб, 52.
 311. Шуб, 47; Заг., 3439 — помело.
 312. Тр., 17; пчела — Заг., 694.
 313. Др. 2; (Шуб, 57).
 314. Тр., 7; (Шуб, 100); Заг., 5127.
 315. Шуб, 46; (скрипка — Азб., 89); Заг., 4792—4795, 4799—4800.
 316. Др. 1; (Шуб, 48).
 317. Шуб, 110.

ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ

Публикуемые тексты взяты из трех собраний.

I. Записи Д. Д. Травина в Русском Устье в 1927—1929 гг. (исполнители не указаны) — ААН, № 171, л. 55. В настоящем издании это № 319, 321, 334.

II. Записи экспедиции под руководством Т. А. Шуба в Русском Устье в 1946 г. (кем записаны и от кого — не указано) — АЯФ, № 767, л. 1—18, подготовленные к печати Н. А. Габышевым. Это № 318, 320, 322—333, 336—340, 342—345.

III. Записи С. Н. Азбелева в пос. Полярное 23.V.77 от Е. Н. Портнягиной, 62 года (ИРЛИ, № 89) и М. И. Чкачевой, 65 лет (ИРЛИ, № 90). Это, соответственно, № 335 и 341.

Пояснения собирателей к некоторым пословицам.

320. Полно детей.

322. Тарбей — хищная птица.

325. Не уважают.

336. Глинтина — труха, гнилое.

342. Говорит гость, которого не угощают.

ЧАСТУШКИ

Частушки печатаются циклами, как они были спеты одним исполнителем или записаны в одной экспедиции, если исполнители не указаны. Повторы, неясные и неудобные для печати варианты исключены. Порядок частушек в циклах сохранен не всегда. Частушки, подготовленные Н. А. Габышевым, печатаются в порядке, установленном составителем, но некоторые варианты, имеющие дубли в предшествующих циклах, в записях на магнитофон, а также малохудожественные, исключены. В примечаниях указываются некоторые пояснения собирателей.

I. (№ 346—368). АЯФ, № 453, л. 21—22 (черновик некоторых частушек на л. 94—97). Русское Устье, М. П. Чкачева, 19—20.III.41. Записи С. И. Боло.

II. (№ 369—374). АЯФ, № 453, л. 30—31. Русское Устье, 23.III.41. А. Н. Чкачева. Частушки, видимо, писаны ею.

III. (№ 375—404). АЯФ, № 453, л. 81—83. На л. 81 запись С. И. Боло: «получил 1 апреля 1941 г.». На следующих листах записи тем же почерком, что и частушки, — л. 82 об. и 83: «стих писал Шелуховский»; л. 86: «составлено 18.III.41 Русском Устье»; л. 89: «писал частушки Шелуховский Гавриил Понтелеймонович 1 апр. 41 г.».

IV. (№ 405—493). АЯФ, № 767, Русское Устье. 1946 г. Из записей Индигирской экспедиции под руководством Т. А. Шуба. Подготовлены к печати Н. А. Габышевым, исполнитель и собиратель не указаны. Частушки записаны на отдельных листах. Н. А. Габышев использовал только половину записей.

Примечания составителя: 1) Водошнянов прилетал в Алаиху; 2) сердце; 3) сверток, мяч.

V. (№ 494—545). АЯФ, № 767. Вторая половина записей того же собрания подготовлена В. В. Митрофановой. Примечания собирателей: 1—2) против этих частушек запись: «Щербачкова А. И.»; 3) тальник; 4) кокетливая; 5) пляши.

VI. (№ 546—558). ЯГУ. Полярное, А. Н. Щелканова, 1967 г. Записи и подготовка текстов М. Ф. Дружининой.

VII. (№ 559—592). ИРЛИ, № 81, л. 1—12. Полярное. А. А. Банщикова, 22.V.77. Записи С. Н. Азбелева и Ю. Н. Дьяконовой; звукозаписи: ЭР 08.02.059; 05.062; 06.063.⁵

Первые три частушки, по словам исполнительницы, выучены ею от отца, который был «шутником, сочинял частушки про односельчан». Его звали «Кокора» — корень дерева.

Примечания собирателей: 1) частушка про Аграфену, которую звали Огра; 2) прозвище охотника; 3) название участка; 4) далее запись без магнитофона; 5) веточку.

VIII. (№ 593—604). ИРЛИ, № 81, л. 5—8. Цикл «Семеновны» включен исполнительницей в предыдущий.

IX. (№ 605—611). ИРЛИ, № 83, л. 1—2. Полярное, М. С. Щелканова, 23.V.77. Записи С. Н. Азбелева; звукозапись: ЭР 07.05.051.

X. (№ 612—619). ИРЛИ, № 77. Полярное, М. С. Щелканова, 20.V.77. Записи С. Н. Азбелева; звукозапись: ЭР 05.15.039.

XI. (№ 620—627). ИРЛИ, № 75. Полярное. А. П. Чкачева, 20.V.77. Записи С. Н. Азбелева; звукозапись: ЭР 05.10.034.

XII. (№ 628, 629). ИРЛИ, № 76. Полярное. А. П. Варякина, 20.V.77. Записи С. Н. Азбелева; звукозапись: ЭР 05.11.035.

XIII. (№ 630—639). ИРЛИ, № 74. Полярное. А. П. Чкачева, 20.V.77. Записи С. Н. Азбелева, Ю. Н. Дьяконовой; звукозапись: ЭР 05.07.031.

XIV. (№ 640—644). ИРЛИ, № 73. Чокурдах. М. К. Шкулева, 18.V.77. Записи С. Н. Азбелева; звукозаписи: ЭР 04.06.014; 04.11.019; 04.12.020; 04.13.021; 04.15.023; 05.03.026.

XV. (№ 645—648). ИРЛИ, № 80. Полярное. А. Г. Кунакова, 20.V.77. Записи С. Н. Азбелева.

⁵ Виктор П.-Э. Ездовые собаки — друзья по риску. М., 1980, с. 88.

ПРИЛОЖЕНИЯ

РУССКИЕ СТАРОЖИЛЫ В НИЗОВЬЯХ р. ИНДИГИРКИ

(Этнографический очерк)

Индиgirщики (индигирцы, русскоустыинцы)¹ — одна из групп русского старожильческого населения полярной зоны Сибири. В русской (славянской) этнографии старожилы этого ареала изучены очень слабо. Малочисленность, островное вкрапление в области обитания коренных народов, необычные для русского населения (в основном земледельческого) формы хозяйства и своеобразная традиционная культура были причиной того, что они не попали в поле зрения славистов. Долгое время преобладала точка зрения, что старожилы Заполярья сохранили русский язык XVI—XVII вв. и богатый фольклор, но переняли у окружающих сибирских народов основные отрасли хозяйства и материальную культуру. Однако такой взгляд вызывал большие сомнения прежде всего потому, что русское население соседствовало с разными народами Сибирского Севера, а черты его оседлости в тундре отличались удивительным единообразием на всем побережье Ледовитого океана.

Опубликованные в последние десятилетия фундаментальные исследования историков, этнографов и археологов о культуре русских в Сибири в XVII—XVIII вв.,² а также новые этнографические работы, посвященные русскому населению Европейского Севера,³ дают основания полагать, что задолго до выхода в Сибирь на Европейском Севере уже сложилось русское население, основными занятиями которого было арктическое промысловое мореплавание, охота и рыболовство, т. е. существовал полярный вариант северно-русской культуры. Русское население Сибирского Севера ранних волн колонизации не нуждалось в адаптации к полярным условиям и обладало всеми необходимыми трудовыми навыками для успешного хозяйственного освоения этого региона. Это позволяет рассматривать традиционную культуру старожил полярного ареала, ориентируясь прежде всего на исследования о русских в Сибири в XVI—XVIII вв., а также на этнографические материалы о русских Европейского Заполярья. Эта ориентация вполне согласуется с теоретическими разработками в области изучения пограничного комплекса явлений культуры. Последние далеко не всегда обусловлены контактами с соседями, а часто вызваны иными факторами: когда очагом распрост-

¹ Здесь и далее мы используем самоназвание — индигирщики.

² Александров В. А. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в.: Енисейский край. М., 1964; Копылов А. Н. 1) Русские на Енисее в XVII в.: Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, 1965; 2) Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1968; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967; Белов М. И., Освянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Ч. 1. Мангазейский морской ход. Л., 1980; Ч. 2. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. М., 1981; Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири: (XVIII—первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII—середине XIX в. М., 1978; Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972, и мн. др.

³ Бернштам Т. А. 1) Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978; 2) Русская народная культура Поморья в XIX—начале XX в.: Этнографические очерки. Л., 1983, и др.

рапения служил не центр, а другие территории; на периферии дольше сохранялись архаические черты и развивались свои локальные особенности, не зависящие от контактов.⁴

В XVIII—начале XIX в. исторические судьбы русских групп Севера складывались по-разному, что привело к различной степени сохранности полярного варианта северно-русской культуры в отдельных областях. Наиболее полно сохранили традиционные формы хозяйства, язык и фольклор русские старожилы Колымско-Инди-гирского края. Именно здесь в конце XIX в., 20-х, 40-х и 70-х гг. XX в. были сделаны интересные фольклорные записи и собраны значительные этнографические материалы.

Чем была обусловлена столь высокая этническая устойчивость русского старожильческого населения этого региона? Одной из основных причин можно считать значительную изолированность Колымско-Инди-гирского края. Его можно сравнить с чашей, устьем обращенной к Ледовитому океану и со всех остальных сторон окруженной горными хребтами, через которые проходили так называемые тракты. «Сухопутные дороги в Якутии, — пишет очевидец, — в очень незначительной доле соответствуют своему названию. Главную массу таких „дорог“ составляют тропы и зимники, передвижение по которым возможно только вьючным способом, да и то не во всякое время».⁵ Далеко не случайно правление Русско-Американской компании предпочло этим невероятно трудным путям предложение И. Ф. Крузенштерна использовать кругосветные плавания кораблей русского флота для доставки на Камчатку и в Русскую Америку необходимых товаров и продовольствия.⁶ Не менее ярко характеризует состояние местного транспорта и трудность путей обращение в октябре 1826 г. Якутского областного начальника к российскому императору в связи с невозможностью выполнять предписание о ежемесячном донесении сведений «о поведении назначенных к ссылке, осужденных верховным уголовным судом важных преступников».⁷ «Ежемесячное доставление сведений, — пишет он, — крайне будет отяготительно для обывателей области и сопряжено с необыкновенными затруднениями, ибо по дальности сих мест от Якутска, по обширности пустынных и вовсе не заселенных мест сообщение... производится нарочито по делам службы токмо два раза в год, употребляя на проезд от 1,5 до 2 месяцев в один конец».⁸

Большое значение для сохранения в Колымско-Инди-гирском крае традиционной культуры старожилов имело то обстоятельство, что они на протяжении трех веков не испытали влияния более поздних колони-зационных волн. В отличие от других регионов Сибири юг Колымско-Инди-гирского края не имеет земледельческих районов. Он характеризуется крайне резкой континентальностью, здесь расположен полюс холода се-верного полушария. Побережье Ледовитого океана и низовья рек по кли-матическим условиям более благоприятны для жизнедеятельности чело-века. На это важное обстоятельство обратил внимание С. А. Бутурлин: «До сих пор считалось доказанным, что северная граница распростра-нения животных описывает в Восточной Сибири — особенно именно в Якут-ской области — крутую и глубокую понижительную волну, что стояло в соответствии с северной границей культуры зерновых растений и могло объясняться особою суровостью естественных условий области. Мои ис-следования совершенно опровергают это принятое представление и став-яют северную границу распространения целого ряда животных форм здесь в полное соответствие с их европейской границей. А это обстоятель-

⁴ Никонов В. А. Очаг и периферия. — В кн.: Ареальные исследования в языко-знании и этнографии. Л., 1977, с. 212—215.

⁵ А. К. Бассейн Колымы — Охотское море. — Сов. Север, 1930, № 6, с. 53—54.

⁶ В 1803—1830 гг. было совершено 24 кругосветных плавания.

⁷ Речь идет о декабристах, сосланных на Колыму, в Гижигинск и Жиганск.

⁸ Варенгский М. Материалы для истории декабристов: (Инструкции). — Сиб. Архив, 1912, № 4, с. 236.

ство само собою указывает, что северная половина Якутской области гораздо доступнее культуре, чем это принято думать»⁹ (Разрядка моя. — Р. К.).

Не меньшее значение имела и малая заселенность края. При средней плотности населения 1 чел. на 100 кв. км поселки старожилов, сконцентрированные в низовьях рек, составляли значительную его часть. Коренные народы — юкагиры, эвены, эвенки — вели полукочевой образ жизни и специализировались в охоте на копытных, сезонном рыболовстве и оленеводстве, а контакты с пришлым русским населением «долгое время оставались ограниченными из-за несопоставимости уровня социально-экономического развития».¹⁰ Лишь в конце XVIII—XIX вв. начинают их тяготение к русским центрам края и тенденция к заимствованиям в хозяйственной сфере. Якуты, появившиеся здесь позже русских, составляли незначительную часть населения, и влияние их на этническую ситуацию в крае было невелико, особенно в связи с изолированностью от районов обитания основного массива этноса.

Предложенная краткая характеристика географических и этнических особенностей Колымско-Индигорского края позволяет говорить о возможности выделения его в особую историко-культурную подобласть Восточной Сибири. Более тщательные и развернутые обоснования этого вопроса заслуживают специальной работы. Однако уже сейчас очевидно, что при этнографическом описании одной из русских старожильческих групп невозможно игнорировать общий историко-культурный фон всего региона.

Русское население Колымско-Индигорского края составляют две группы старожилов: индигирцы и колымчане. Несмотря на безусловное сходство форм хозяйства и традиционной бытовой культуры, промыслового календаря и производственной терминологии индигирцы сохранили во многом более архаические черты. Основную причину этого явления можно видеть в том, что их поселения лежали в стороне от торговых путей и культурные контакты были очень ограничены. Колымская группа старожилов имела большие возможности для общения с внешним миром: через Колыму шел путь из Якутска на Анадырьск и Тихоокеанское побережье; для обслуживания трактов, доставки почты, разъездов администрации, поддержания порядка на ярмарке и других нужд на Колыме содержалась казачья команда единственного в стране пешего Якутского казачьего полка. И хотя казаки были местными жителями, по образу жизни ничем не отличавшимися от остальных, по долгу службы им приходилось выезжать далеко из селений и контактировать с представителями администрации, участниками различных экспедиций. В конце XIX — начале XX в. здесь отбывала ссылку значительная группа ссыльнопоселенцев, которые свободно общались с местным населением. Наконец, на Колыме раз в год функционировала Аноуйская ярмарка, на которую съезжались купцы из Якутска, а с 40-х гг. XIX в. здесь действовала православная миссия. Все это способствовало большему, чем на Индигирке, привнесению черт не только общесибирской, но и общерусской культуры. Таким образом, индигирская группа русских старожилов представляется нам наиболее интересной в этнографическом отношении, наиболее полно сохранившей многие особенности быта и культуры, уходящие своими корнями в XVII в. — время образования первых русских поселений на «дальних заморских реках».

Районы обитания русских старожилов в низовьях Индигирки представляют собой кочкарно-пушицевую тундру с вечномерзлотными почвами и большим количеством лайд и озер, с системами проток и висок. Для них характерны кустарниковые заросли по берегам рек и лиственничное редколесье на южной границе. Широко распространенные представ-

⁹ Бутурлин С. А. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием Колымского и Охотского края. СПб., 1907, с. 66.

¹⁰ Симченко Ю. Б. Северная Азия. — В кн.: Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий: (Проблемы исторических контактов). М., 1978, с. 161.

ления о суровости Заполярья далеко не во всем соответствуют природным условиям здешних мест. С наступлением полярного дня все вокруг пронизано светом лучей незаходящего солнца, отраженных поверхностью настовых снегов, а позже — бесчисленных водоемов. Нежные краски цветущей тундры — зеленые, розовые, желтые, белые — придают сказочную красоту просторам сендухи. Воздух наполнен гомоном прилетевших птиц и ворчанием куропаток. Зимой, в полярную ночь, не наступает сплошная тьма. Небо, усыпанное яркими звездами, северные сияния — сполохи, Луна и Зарница (Венера), похожая в этих широтах на маленькую Луну, дают достаточно света, усиленного белизной заснеженной тундры. Низовья реки отмечены и богатством фауны: рыба ценных пород, водоплавающая дичь и куропатка, дикий олень и лось, полярный заяц, нерпа и белый медведь.

Здесь, в низовьях реки и протоках ее дельты — Большой (Русско-устьинской), Средней и Колымской, по берегам редкими точками, иногда удаленными друг от друга на значительные расстояния, располагались небольшие (5—6 «дымов») селения русских старожилов: Станчик, Косухино, Яр, Крута, Русское Устье, Лобазно, Стариково, Федоровское, Кузьмичево и другие.

Хозяйство индигирщиков имело три основных направления: рыболовство, собаководство и пушной промысел. Эти взаимосвязанные направления составляли замкнутую систему, которая вместе с дополнительными промыслами — добыча линного гуся, забой оленя на плавях, весенний промысел нерпы, промысел мамонтовой кости, охота на водоплавающую дичь, сбор яиц, ягод и корней дикорастущих растений — служила основой жизнеобеспечения русского населения в полярных условиях. Строгое чередование промыслов и работ по дому (сбор и заготовка плавникового леса на дрова, пасти и постройки; заготовка льда для окон и воды; ремонт домов, постройка погребов и амбаров; изготовление лодок, нарт и многое другое), рациональное использование всех рабочих сил (в том числе женщин, стариков и детей), каждодневный тяжелый труд и постоянное стремление увеличить запасы продовольствия и корма для собак — таким предстаёт механизм функционирования русского полярного хозяйства. «Люди здесь ежеминутно борются за свою жизнь и ее продолжение. Всякое нарушение повседневной жизни грозит цепной реакцией явлений, конечный результат которой может быть драматичным или катастрофическим».¹¹ Многовековая история русской оседлости в прибрежной тундре неоднократно подтверждала это меткое высказывание. Сокращение промысла рыбы из-за отсутствия сетей, эпизоотия на собак, эпидемия оспы или неудачный песцовый промысел — каждое в отдельности — влекли за собой нарушение и без того хрупкого равновесия полярных хозяйств, а конечным результатом были голодные годы и мучительное восстановление сил.

Рыбный промысел был основным в хозяйстве индигирщиков. Именно он доставлял главный продукт питания, «еду» — как говорили старожилы, и корм для собак. В Индигирке промышляли муксуна, чира, омуля, нельму, а также ряпушку — сельдьятку, массовый осенний ход которой обеспечивал запасы собачьего корма. Способы и орудия лова рыбы отличались простотой и немногочисленностью. Это ставная снасть — сеть, тяглая снасть — невод и сооружения — езы, заездки, черезовое с установкой в «воротах» сетевой (мережа) или плетеной (морда) ловушки. Для каждого промысла были издавна известны лучшие места: рыболовные пески, тони — для невода, улова — для сетей, вблизи которых располагались займки отдельных семей. Здесь жили летом и осенью, ведя лов рыбы и ее обработку. Вся старожильская терминология мест, способов и орудий лова — русского происхождения, широко распространенная в северных районах: сеть, невод, невожья, езы, мережи, морды, плавки, кибасы, ердань, норило, тычки, вилки, тетивы, поджилины и т. п.

¹¹ Виктор П.-Э. Ездовые собаки — друзья по риску. М., 1980, с. 88.

Малонаселенность региона и богатство реки рыбой, а также тонкое знание старожилками жизненных циклов всех пород рыбы и ее миграций позволяли им при несложных орудиях лова и примитивных средствах передвижения по реке (легкие ветки, карбасы) добиваться значительных уловов. Особенность рыбного промысла старожилков заключалась в том, что как бы ни была велика добыча, она никогда не становилась достаточной. Запасы рыбы давали возможность увеличить количество собак, а это, в свою очередь, способствовало успеху как рыболовства, так и пушного промысла.

Количество расходуемой хозяйствами старожилков рыбы было огромно. По подсчетам Ф. П. Врангеля, на содержание ста семей необходимо было около миллиона сельдяток и 200 000 штук других пород рыбы.¹² Кормом для собак служила юхала — распластанная и провяленная рыба, собачье костью — сушеные остовы рыб с головами, оставшиеся после изготовления юколы, мерзлая рыба — хранящаяся в погребе, вырубленном в вечной мерзлоте, или в амбаре. Но основным собачьим кормом была так называемая кислая рыба, па изготовление которой шла сельдятка. Об использовании старожилками кислой рыбы в литературе высказывались очень противоречивые суждения, но наиболее убедительной представляется точка зрения Д. К. Зеленина, который указал, что кислая рыба издавна входила паравне с другими квашеными продуктами в рацион русского населения Севера и, учитывая, что закисание-брожение предполагает деятельность бактерий, ее употребление было не только безопасно для людей и животных, но и полезно.¹³ В традиционной кухне всех народов Севера можно найти продукты, употребляемые в кислом, квашеном виде, и вполне вероятно, что именно они наряду с сырым мясом предохраняют от цинготных заболеваний. Так, чукчи использовали в пищу содержащее оленьего желудка — маняло, хранили в яранге и употребляли с мясом закисшую кровь оленя,¹⁴ а одно из самых изысканных национальных угощений эскимосов Гренландии — кибякку — готовится из квашеной тушки птички апарнасу, набитой внутренностями нерпы.¹⁵

В литературе XIX в. за русскими старожилками Колымско-Индибирского края закрепилась слава ихтиофагов. Действительно, они почти не употребляли соли и хлеба, крупы и овощей, и большинство блюд традиционной кухни было приготовлено из рыбы. Среди них: строганина — наструганная ножом мороженая рыба, щерба — рыбный отвар, икрянка — та же щерба, но заправленная толченой рыбьей икрой, толкуша — толченая рыба, часто заправленная толчеными ягодами, тельна — кушание вроде котлет, приготовляемое из толченой вырезки крупной рыбы, ровдужные пряженники — пирожки из двух сортов рыбы, играющих роль теста и начинки, и жаренные в рыбьем жиру, барабаны — блины из толченой свежей икры, кавардак — рыба, жаренная мелкими кусочками, и т. п. Славились индибирские хозяйки и умением готовить юколу. Золотистые ребрышки юколы украшали стол при появлении гостя. Берема юколы упоминается уже в мангазейских документах,¹⁶ точно так же, связками, ее вывозили на Анюйскую ярмарку в начале XX в. Индибирчики широко употребляли в пищу рыбий жир, он же использовался для освещения. Толченая юкола и рыбий жир служили исходными продуктами для изготовления борчи и варки — высококалорийных компактных продуктов, своеобразного рыбного пеммикана. Все упомянутые названия рыбных блюд, бытовавших у индибирчиков, известны по ранним русским доку-

¹² Врангель Ф. П. Путешествие по Северным берегам Сибири и Ледовитому морю. . . Л., 1948, с. 142.

¹³ Зеленин Д. К. О консервировании рыбы квашением. — ЛО ААН СССР, ф. 849, оп. 1, ед. хр. 803. Об употреблении кислой рыбы у русских на Печоре см.: Мартынов С. Печорский край. СПб., 1904, т. 2, с. 30—33.

¹⁴ Богораз В. Г. Чукчи. Л., 1934, ч. 1, с. 149, 151.

¹⁵ Уэмура Н. Один на один с Севером. М., 1983, с. 105.

¹⁶ Доманион Н. А. Словарь языка мангазейских памятников XVII—первой половины XVIII в. Красноярск, 1971, с. 37.

ментам. Интересно отметить, что для мяса и птицы никаких особых названий не было. Их употребляли в вареном виде, отвар назывался шербой.

Ездовое собаководство русских старожилow обеспечивало транспортом пушной промысел, рыболовство, хозяйственные нужды населения, почту, административные и торговые перевозки. Индигирщики разводили ездовых собак, т. е. у них существовала довольно строгая система отбора, содержания, обучения и тренировки животных. Скот, скотинка, собачки, кобельки, одногнезочки — только так называли своих верных помощников ездоки-старожилow. Особенным вниманием была окружена передовая собака.

У индигирщиков был распространен обычай кормления животных,¹⁷ заключающийся в том, что при рождении сыновьям, кроме собственного давали и собачье имя. Этим именем впоследствии называли щенков, которых выкармливали мальчики-подростки. В отличие от покупных и вымениваемых такие собаки назывались кормлеными. Обычай кормления собак подрастающим поколением ездоков предусматривал раннее освоение ими приемов ухода за животными, получение навыков езды на собаках в детских играх и несложных работах по дому. Уже к десяти годам подростки совершали значительные самостоятельные поездки.

Мастерство русских старожилow в воспитании и дрессировке собак было отмечено известным полярным исследователем Р. Амундсеном. Его поражало, что при кормежке каждая собака спокойно поедала свою долю, не стремясь отнять у соседа; что русские в пути не использовали кнут, а управляли собаками лишь короткими возгласами; что животные были так выдрессированы, что с легкостью продвигались там, где норвежцы с проклятиями и свистом плетей застревали.¹⁸

Русское ездовое собаководство относится к так называемому восточно-сибирскому типу, для которого характерна низкая прямокопыльная нарта с горизонтальной дугой — бараном, дорзальная упряжь — алак, при которой собака тянет грудью, и упряжка дугом — собаки впрягаются попарно по обе стороны центрального ремня — потяга, одна за другой. При полной упряжке (из 12—13 собак) груз на парте может достигать полутонны. Для управления упряжкой каюр располагает четырьмя командами: вперед («подца», «потя»), налево («кух-к»), направо («подь-по»), стой («то-о-о»). Для торможения при езде используется толстая и короткая палка, называемая прудило (торило, оштол).

Работа каюра-ездока требовала большой физической силы, ловкости и многих специальных знаний. В пути она заключалась в почти постоянном беге возле нарты, воистину акробатических приемах выравнивания нарт на ходу, в постоянном наблюдении за ориентирами, работой и здоровьем собак, состоянием нарты и упряжи. «Ввиду такого искусства, ловкости, выносливости, требуемых от хорошего каюра, — пишет С. А. Бутурлин, — понятно, что это дело является любимым спортом молодежи, — да и старые люди увлекаются гонками, хвастают умением и высоко ценят хороших собак».¹⁹ Индигирщики-каюры до преклонного возраста сохраняли прямую осанку и гибкую молодую фигуру.

Вопрос происхождения ездового собаководства русских старожилow Сибирского Севера далеко не решен. Ведущие сибиреведы, занимавшиеся проблемой транспорта народов Сибири, М. Г. Левин и В. В. Антропова, пришли к выводу, что «его возникновение и развитие связано с появлением русских в Сибири и может быть датировано XVI—XVII вв.».²⁰ Од-

¹⁷ Травин Д. Д. Русские на р. Индигирке. — ЛО ААН СССР, ф. 47, оп. 2, № 171, л. 49.

¹⁸ Амундсен Р. На корабле «Мод»: Экспедиция вдоль северного побережья Азии. М.; Л., 1929, с. 284.

¹⁹ Бутурлин С. А. Наблюдения над млекопитающими, сделанные во время Колымской экспедиции 1905 года. — Дневник зоологического отделения ИОЛЕАЭ, Нов. серия, 1913, т. 1, № 5, с. 259—260.

²⁰ Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961, с. 65.

нако вопросы, где и почему русское население стало использовать этот вид транспорта, остаются открытыми.

Промысел песка в хозяйстве индигирщиков определял его товарность. Добытые и обработанные шкурки выходного песка сбывались на Аноийской ярмарке. Взамен приобретались сети, сетное полотно (дель), прядево, изделия из металла, а также чай, табак, посуда и фабричные ткани. Промысел песка осуществлялся ловушками давящего действия — пастями. Пастя представляет собой длинный деревянный ящик, открытый сверху, над которым насторожено бревно. Как только песец трогает приманку, пастораживающее устройство срабатывает, бревно падает в ящик, полностью накрывая животное. Такое устройство ловушки обеспечивало сохранность шкурки. Благодаря этому пастя признана прогрессивным способом охоты и в современном пушном хозяйстве.²¹

По организации пушного промысла Индигирка ничем не отличается от других районов Сибирского Севера. В. Н. Скалоп, говоря о значении высокой культуры промысловой оседлости, которую принесли в Сибирь русские люди, писал: «Они осуществили колоссальное по своему размаху и трудоёмкости строительство пастника, покрывающего полосу тундры от Урала до Тихого океана».²² Действительно, создание пастника, т. е. системы определённого количества ловушек, требовало не только большого труда, но и времени. В тундре, где нет леса кроме плавника, его сбор, транспортировка в отдалённые от поселков районы промысла и установка пастей (в одном хозяйстве их количество доходило иногда до 800) требовали труда не одного поколения. Именно поэтому на пастя ставился знак владельца, а весь накопленный пастник передавался по наследству.²³ Большого труда требовал ежегодный ремонт пастей, их осмотр и пастораживание. Особое искусство проявляли старожилы в выборе места для установки пасты. В районе пастника ставилась избушка, где промышленник остаивался во время высмотра пастей. Здесь заранее заготавливались дрова, запасы собачьего корма и приманок.

Песцовый промысел был известен русскому населению северных областей задолго до выхода в Сибирь. П. Н. Павлов отмечает, что «песца издавна промышленляли на Европейском Севере».²⁴ С. Герберштейн в своих записках обратил внимание на особые качества песцового меха, использовавшегося русскими: «... есть некое животное, которое на их языке называется песец; его мех употребляют они в дороге или в путешествиях, т. к. он больше всех других греет тело».²⁵ Легкий и тёплый мех выходного песца широко использовался русским населением Севера: из него шили одеяла, меховые чулки, шапки, песцовым мехом подбивали шубы и кафтаны.²⁶ В быту использовались также лапы и хвосты выходного песца: из лап шились шапки, а из хвостов, разрезая их на 7 полос вдоль и чередуя эти полосы с ровдугой, с последующей простежкой ворса, шили облегченные одеяла.

О массовом и давнем промысле песка свидетельствуют и единые для всего севера, русские по происхождению термины для обозначения его возрастов: слезушка, копанец, норник, крестоватик, сияк, чаешник, недопесок, песец (рослопесец) и взрослый, ливяющий к весне, — гагара. Каждому возрасту соответствовали особые свойства меха, предназначавшегося для определенных изделий. По обычаю считалось, что продавать целую шкуру — грех. Промышленники отрезали от шкур лапы, хвосты и носы, а иногда и головы, оставляя для продажи пластину. Был ли этот

²¹ Павлов П. Н. Пушной промысел..., с. 169.

²² Скалоп В. Н. Из истории древних русских поселений на Крайнем Севере Сибири. — Изв. Иркутского с.-х. ин-та, 1960, в. 18, с. 321.

²³ Вутурлин С. А. Наблюдения над млекопитающими, с. 233; Громыко М. М. Трудовые традиции..., с. 180; Попов А. А. Охота у долган и рыболовство. — В кн.: Памяти В. Г. Богораза (1865—1936): Сб. статей. М.; Л., 1937, с. 195.

²⁴ Павлов П. Н. Пушной промысел..., с. 185.

²⁵ Герберштейн С. О московитских делах. СПб., 1908, с. 96.

²⁶ Цомакион Н. А. Словарь языка мангазейских памятников..., с. 122, 184.

обычай свидетельством влияния верований коренных народов Сибири? Интересный исторический факт приводит Н. Кутяпов. В 1504 г. дочь Ивана III Елена, выданная замуж за великого князя литовского, обратилась к отцу с просьбой прислать собольи меха. Иван III вынужден был ответить отказом: «...а что еси приказывала ко мне, чтобы ми прислали к тебе соболь черн с ногами передними и с задними и с ноготми и где смерди ловят и они у них ноги отрезавают».²⁷ Есть все основания предполагать, что русские старожилы Индигирки, занимаясь издавна песцовым промыслом, сохранили и донесли до начала XX в. старые охотничьи обычаи-запреты.

На промысел линной птицы — гусевание²⁸ — индигирщики объединялись группами (от 5 до 20 человек) с определенным количеством веток и сетей. Промышленники направлялись в прибрежные районы, где на мелких озерах в большие стаи собирались линяющие гуси. В основе промысла лежит тонкая наблюдательность и прекрасное знание окружающего живого мира. Гусь в период линьки, лишенный перьев, «пешой» гусь, не может не только летать, но и долго находиться на воде: он зябнет, как говорят старожилы. По берегу, в одной стороне озера, вертикально расставлялись сети. В центре ограждения устраивалась ловушка: здесь сеть отступала от берега, образуя большую матню с узким устьем, обращенным к воде. В устье сооружался покатым к воде настил, обрывающийся высокой ступенькой внутрь матни. С противоположной стороны озера сплошной цепочкой из веток промышленники приближались к огражденной части, тесня стаю. Заграждения из сетей, с одной стороны, и сплошная линия лодок — с другой, предоставляли гусям только один путь на берег — в ловушку. Один за другим поднимались они по пастилу и падали в огражденное пространство. Здесь их ждали промышленники, которые ловкими движениями хватили гусей за головы и выбрасывали за ограду, сбивая им шейные позвонки тяжестью туши.

Интересен обычай индигирщиков сохранять жизнь последнему гусю. «По молчаливому уговору, — пишет В. М. Зензинов, участвовавший в гусеванье, — оставляется в живых один гусь, к которому, когда все его товарищи уже убиты и выкинуты из сетей, обращаются вполне серьезно с такой речью: „Вот мы тебя оставили в живых и на волю выпускаем. Ты нам за это на будущий год приведи сюда побольше своих товарищей“. После этого сети открывают, и обезумевший от пережитого ужаса счастливец с криком бежит на воду и хлопает измученными крыльями, пока не скроется на воде из виду» (В Русском Устье, с. 47).

Добыча на промысле делилась по паям, на один пай в удачный год приходилось до 800 гусей. Добытого гуся ощипывали на месте и укладывали в ямы, вырытые в вечной мерзлоте. Ямы засыпали и ставили вешку — знак владельца. За гусями ездили весной, когда кончались другие припасы, а состояние почвы позволяло вскрывать ямы. Пух использовался для бытовых нужд: на перины и подушки. Промысел линного гуся — яркая иллюстрация удивительно рационального природопользования старожилов: гусевание велось только на холотьбу, молодого гуся, и никогда объектом промысла не был детник — гуси с выводками.

С промыслом линной птицы обычно совмещался сбор мамонтовой кости в летних размывах вечной мерзлоты по берегам протоков и озер. Клыки хорошей сохранности были предметом торговли на Анюйской ярмарке и вывозились купцами в Якутск. Несортовой клык широко использовался на месте. Из него изготавливались грузила к сетям, а также шахматы, трубки, гребни, рукоятки ножей, наконечники стрел. Этот материал после вымачивания его в воде легко поддавался обработке простыми

²⁷ Кутяпов Н. Великокняжеская охота на Руси с X по XVI век. СПб., 1896, т. 1, с. 120—121.

²⁸ Промысел линного гуся известен на всем побережье Ледовитого океана и островах. Наиболее яркие его описания см.: Зензинов В. М. В Русском Устье. — Землеведение, 1913, № 4, с. 35—47; Максимов С. Год на Севере. 2-е изд. СПб., 1864, с. 451—461.

инструментами (нож, долото, примитивные сверла). Промысел мамонтовой кости был распространен среди русских первопроходцев, и уже в XVII в. мамонтовую кость вывозили из Сибири. Сокращение поставок слоновой кости на мировом рынке привело к тому, что и в наше время промыслу мамонтовой кости уделяется значительное внимание.

Для весеннего (март, апрель) промысла нерпы на прибрежной полосе морского льда промышленники объединялись группами в 2—3 человека. Этот промысел был сопряжен с большими трудностями и опасностями. Во время промысла промышленники жили в легких палатках из ровдуги. С собой приходилось везти не только палатку, запасы пищи, собачий корм, снасть, но и дрова. С помощью перичьей собачки находили действующие продухи — лунки, в которых устанавливали специальную сеть. Промысел нерпы давал жир, используемый для освещения, пополнял запасы собачьего корма. Из шкур нерпы шили промысловые шаровары, а кожи шли на изготовление обуви. Из обработанной особым образом и отбеленной на ветру кожи нерпы — мацдарки — шили собачьи алыки (упряжь) и украшения для промысловой одежды.

Охота на водоплавающую птицу до середины нашего века велась на Индигирке с луком и стрелами. Наконечники стрел изготавливались на месте из кости, дерева, металла; различались по назначению и назывались по-разному: томар, кустук, двойнуха, ергиш, площадь, площадь с косами. Отправляясь на охоту, промышленники брали с собой лук, копьё и деревянный колчан на три стрелы — тул.

Промысел оленя на плавях производился дважды в год, когда во время весенних и осенних миграций их огромные стада переправлялись через крупные реки. Задолго до появления оленей промышленники собирались у излюбленных мест переправы, спрятав лодки у берега и не разводя огня. При приближении стада, о котором сообщали разведчики, наступало полное безмолвие.²⁹ Укрывшись в засаде, затаив дыхание, ждали промышленники момента, когда вожак, осмотревшись, ступал в воду и за ним в воду входило стадо. Отважно устремлялись охотники в легких ветках в самую гущу плывущих оленей и с криками и шумом разили их поколюгами — большими копьями. В этой охоте требовалось великое искусство — находясь в неустойчивой ветке, поразить оленя с одного удара. Нельзя забывать, что никто из охотников-старожилов не умел плавать, и иногда эта охота заканчивалась для них трагически. Туши оленей вылавливались ниже по течению реки другой группой промышленников и свеживались на берегу. Промысел оленя на плавях позволял делать значительные запасы мяса и обеспечивал старожилов шкурами диких оленей для шитья промысловой одежды, изготовления ровдуги (замши) и бытовых нужд (постели, обивка дверей домов и др.).

Считается, что промысел оленя на плавях был заимствован русскими у аборигенов Сибири. Однако следует заметить, что принципы и цели охоты у них были разными. Оседлые русские охотники, промысля оленей только два раза в год, стремились забить их в больших количествах одновременно. Юкагиры и эвены кочевали вслед за стадами, охотясь на оленей по мере надобности. Разница интересов вызывала иногда недоразумения между ними.

Среди мелких промыслов следует отметить сбор яиц из гнезд водоплавающей птицы, сбор ягод (морозика, кислица), корней растений и сухой травы. Яйца употреблялись в сыром и вареном виде, мутовились с водой, жарились. Очищенные и растертые корни диких растений добавлялись в рыбные блюда и пироги. Ягоды хранились в замороженном виде в течение всей зимы. Сухую траву использовали в качестве стелек для обуви. Вблизи поселков, чаще всего дети и старики, вели промысел куропатки. Для этого сооружался небольшой заборчик из снега с воротцами, где насыпалась приманка (почки тальника) и укреплялась петля из ниток.

²⁹ Интересен обычай индигирщиков в это время держать во рту щепочку, чтобы олень не узнал мыслей промышленника. Скорее всего, рот занимали, чтобы предупредить разговоры и крики в засаде.

В основе промысла лежала подмеченная особенность этой птицы: встречая препятствие, она не перелетала через него, а обходила. Идя вдоль снежной насыпи, привлеченная рассыпанной приманкой, куропатка входила в воротца и попадалась в петлю.

Начало и конец всех промыслов, их чередование регулировались циклами и датами народного календаря, о котором мы скажем несколько позже.

Если производственная (промысловая) сторона традиционной культуры русских старожилов укладывается в строгую систему, позволяющую говорить о ее северно-русском происхождении, то бытовая, материальная ее часть в этнографии практически не разрабатывалась. Краткие характеристики материальной культуры индигирщиков, встречающиеся в общих работах, полны противоречий, а сложный вопрос взаимодействия культур трактуется подчас слишком прямолинейно. Вот один из примеров такого подхода при описании внешнего вида индигирщика-каюра: «...на нем кухлянка чукотского образца, камусовые штаны, как у эвенов, унты и якутский малахай».³⁰ Даже припущая тезис о «смешении» здесь, в низовьях реки, «языков, культур и народов», нельзя согласиться со столь механическим пониманием процесса культурных контактов. Учитывая сложность и неразработанность вопросов традиционной бытовой культуры индигирщиков, любая ее характеристика пока не может претендовать на окончательность выводов. Материалы, которыми мы располагаем,³¹ позволяют дать краткое описание традиционной одежды и жилища индигирщиков.

Специфические природные условия и промысловая система хозяйства наложили отпечаток на жилищно-хозяйственный комплекс русских старожилов полярного ареала, в том числе и индигирщиков. Их поселки всегда располагались на берегу реки, обычно при впадении в нее маленькой речки или протоки. Дома ставились вдоль берега и были ориентированы по странам света. Традиционный дом старожилов — рубленка, избушка — представлял собой сруб, рубленный в чашку из плавникового леса, с бревнами в 15—20 см толщиной. Дома имели плоские крыши из бревенчатого наката, засыпанного землей. На крышах устанавливались вешала для вяления юколы. В большинстве случаев жилое помещение было соединено с двумя или несколькими хозяйственными постройками (дом—амбар—клеть—сени), причем вход в собственно жилое (зимнее) помещение вел из сени через отапливаемый амбар-клеть. Такая планировка позволяла зимой, в случае непогоды, несколько дней проводить внутри помещения, имея под рукой работу и запасы пищи. В сенях и амбаре хранился хозяйственный инвентарь: сети, собачья упряжь, промысловая одежда, а также запасы продовольствия. Здесь же устраивались «собачьи стай» — специальные помещения для оцененных сук. Снаружи постройки обмазывались раствором глины, смешанной со стриженной оленьей или конской шерстью. Дома обносились земляными завалинками. В начале зимы наружные стены покрывались снегом; в работе принимали участие два человека, один из которых поливал стену водой, а второй наносил слой снега. На зиму на ту же водно-снежную замазку в окна вставлялись ровные льдины. Сказочное зрелище открывалось глазам путешественника при приближении к поселку старожилов полярной ночью: мерцающие сквозь ледяные окна огни камельков и леек, столбы искр из труб, которые, отражаясь на белоснежных стенах домов, создавали эффект сияния.

³⁰ Симченко Ю. В. Послесловие. — В кн.: Биркенгоф А. Л. Потомки землепроходцев: Воспоминания-очерки о русских поречанах шэзовьев и дельты реки Индигирки. М., 1972, с. 214.

³¹ Трапиз Д. Д. 1) Отчет Верхоянского этнографического отряда 1927—29 гг.: Русские на р. Индигирка. — ЛО ААН СССР, ф. 47, оп. 2, ед. хр. 171—172; 2) Полевые дневники и заметки. — АИЭ, колл. V, оп. 1, № 553—563; Записки по этнографии Русского Устья Индигирской экспедиции 1948 г. — АИФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 770; Каменецкая Р. В. Полевые дневники 1971—1972 гг. — АИЭ, колл. I, оп. 2, № 1011, 1012, 1014, 1021, 1022.

Досельное жилище индигирщиков состояло из трех помещений: горницы, клетки, — по-амбарно рубленой, и сеней. Весь комплекс был ориентирован по длинной оси с запада на восток. Любопытно, что сознательность такой ориентировки подтверждается и наименованиями внутренних углов жилых помещений по преобладающим ветрам: западный, низовой, обедников и шелонников. Сени (4×5 м) строились с двумя выходами — на северную и южную стороны. Северный, низовой, вход имел вывод, длиной до трех метров, построенный из вертикально поставленных жердей и такого же перекрытия. Снаружи вывод обкладывался дерном. В сенях неподвижно крепились полки — патри — для хранения хозяйственного инвентаря и продуктов, между бревен втыкались деревянные крючки для развешивания меховой одежды. Здесь же размещались огражденные помещения — «собачьи или щенячьи стаи». Среднее помещение (4×3—3,5 м) отапливалось чувалом (камельком), который помещался слева от входа, и имело два окна — на север и юг. На стенах — патри и деревянные крючки, вдоль южной стены неподвижно встраивалась лавка — орон. Слева, при входе в горницу, ставилась ходячая, т. е. переносная, кровать на столбиках — пожках. В этом помещении жили летом, готовили еду и собачий корм. Горница, собственно жилое помещение, разделенное легкой перегородкой — застойкой — на две части, имела четыре окна, выходящие по два на восток и юг. В левом от входа, застойчном, углу ставился чувал, угол по диагонали от него назывался передним. Здесь висели иконы и помещался стол. Чувал стоял на опечке — фундаменте из утрамбованной земли в деревянной раме. Остов чувала набирался из жердей и обмывался глиной снаружи и изнутри. Верхние концы жердей образывали трубу. Часть опечка, где в чувале разводился огонь, называлась шесток, верхняя передняя стенка чувала — лоб, боковые — щеки. Перед чувалом горизонтально крепились жердь — грядка — для просушивания одежды и решетка, на которой сушили лучину, оттаивали мерзлую рыбу. Зола и угли в камельке назывались загнета, а палка, которой поправляли поленья в чувале, — ожиг. Около очага, в стене, находилось отверстие для проветривания помещения — душник, буйница. Вдоль южной стены горницы встраивалась длинная лавка, которая поперечной перегородкой делилась на две; вдоль северной стены, вплотную к восточной, на застойчной части избы, — еще одна лавка — семейная. Она была шире двух остальных. Семейные лавки отгораживались занавесками, висевшими на грядке. Постельные принадлежности — перины, подушки, одеяла из песцовых хвостов и заячьи, оленьи постели — на день убирались с лавок. Мягкую рухлядь хранили в мешках — кукулях или сундуках. Со стороны застойчного угла к семейной лавке был пристроен шкафчик для посуды, открывавшийся сверху. Полка для ложек висела на западной стене возле чувала. Досельная утварь — блюда, чашки, мутовки, ложки, рыболовки — делалась («копалась») из дерева. Рыболовки, большими ложками с вырезанным на лопасти отверстием в форме креста, доставали из котла вареную рыбу. Интересно, что точно такие же рыболовки, ласты, были привезены Д. Д. Травниным в 1921 г. с Печоры.³² Ничем не отличаются от первых двух и рыболовки из археологических находок Мангазеи.³³ С трудом верится, что они изготовлены мастерами, разделенными несколькими веками и тысячеверстными расстояниями.

• Столы, полки, табуретки³⁴ делал хозяин дома, а хозяйка должна была отдарить его за это своим рукоделием. «Тут же в избе, — пишет Д. Д. Травин, — находятся инструменты для выделки шкур, сохнет пухозырь стерляди для изготовления „карлука“ — стерляжьего клея. В избе

³² Травин Д. Д. Отчет..., ч. 1, л. 246.

³³ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея, ч. 2, с. 29; табл. 17.

³⁴ «Интересно, — записывает Д. Д. Травин, — что в Русском Устье табуретки связаны ремнями, а не гвоздями» («ремешат стул» печорских и индигирских сказок). См.: Травин Д. Д. Полевые дневники и заметки, № 558, л. 75.

лежат „прешницы“, веретена. В избе расчесывается кудель, сортируется конский волос, плетется сеть и вяжется певод».³⁵ Однако все это не помешало В. М. Зензинову, прибывшему в Русское Устье 21 января 1912 г., записать: «Первый день в Русском Устье. Не знаю и не понимаю, куда я попал. После полуторамесячного странствия... я вдруг снова очутился в России. Светлые рубленые избы, вымытый деревянный пол, выскобленные столы — и чистая русская речь. Это, конечно, Россия, но Россия XVIII-го, быть может, даже XVII века».³⁶

Снаружи к четырем углам рубленки прикреплялись высокие мачты — корбасы с сорочками — флюгерами. Сорочка представляла собой деревянную раму с вставленной в нее доской со сквозным вырезанным изображением креста или утки. Деревянную раму при помощи ременных петель подвижно крепили на вершине корбаса. Сверху на корбас устанавливали деревянное изображение утки. Служа флюгером, сорочка использовалась для передачи срочных сигналов на небольшие расстояния: в этом случае к ее верхней части привязывалась белая или цветная тряпка. Сорочки были отличительным признаком русских селений и бытовали на Индигирке до середины XX в. Сорочки-флюгера известны и на Печоре под тем же названием; их ставили на мачтах поморских кораблей. Точно так же ими передавали краткие и срочные сведения, например об уловах рыбы, поднимая вымпелы разных цветов. Исключая возможность позднего заимствования, можно предположить, что и в XVII в. первые русские поселенцы на дальних реках ставили к углам своих избышек корбасы с сорочками. Вполне вероятно, что поначалу для этой цели использовались мачты кочей, так же как на постройках отдельных домов и часовен шли их бревна.³⁷

Вторым типом домов в поселках были так называемые юртушки, квадратные в плане, сооружаемые из вертикально поставленных, с легким наклоном внутрь бревен. Снаружи они точно так же обмазывались глиной, имели завалинку и плоскую крышу. В основе этого сооружения лежит столбовая конструкция с вертикальной набиркой, хорошо известная по раскопкам в Новгороде и Мангазее.³⁸ Применение такой конструкции в условиях Заполярья объяснялось отсутствием леса. На промысловых участках ставились поварши, избышки, а на рыболовецких участках — урасы. Первые две представляли собой бревенчатые срубы небольших размеров. Ураса имела в основании четыре угловых, наклонно поставленных бревна, соединявшихся в верхней части, и поперечные жерди, образующие остов наклонных стен. Снаружи стены обкладывались дерновыми кирпичами, свободной оставалась верхняя часть урасы. Внутри, на опечке, разводили огонь. О жизни в урасе индигирщики говорили: «нажогом живем».

Отдельно от жилищно-хозяйственного комплекса ставились погреба и амбары. Погреб сооружался вблизи жилья. В основании он имел сруб-раму из одного-двух венцов — творило. Яма в вечной мерзлоте выбивалась глубиной в рост с махом (поднятой рукой). Спускались в погреб по бревцу с зарубками. Сверху творило закрывалось деревянной крышечкой, обитой оленьей шкурой. Иногда над творилом ставилось сооружение из жердей, обложенных дерновым кирпичом (в форме усеченной пирамиды). Амбары рубились в чашку с остатком, были приподняты над землей на четырех угловых столбах, имели навес над входом — патры — и невысокую, но двускатную крышу из бревен. Амбары ставились на берегу реки, вблизи причалов, в стороне от домов. Их запирали замком, а иногда и запечатывали печатью неграмотного владельца, на которой были вырезаны его инициалы. Записаны у индигирщиков и воспоминания о дедовских банях. Названия «юртушка» и

³⁵ *Травин Д. Д.* Отчет..., ч. 1, л. 247.

³⁶ *Зензинов В. М.* Русское Устье. Берлин, 1921, с. 8.

³⁷ *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазее, ч. 1, с. 92.

³⁸ Там же, ч. 2, с. 13—14.

«ураса», вполне вероятно, были даны не по существу, а по подобию. Так, способ хранения дров стоямя, со сходящимися на конус верхушками, также назывался у индигирщиков «урасой», а ровдужное полотно, в которое заворачивали груз при перевозках на нарте, называли «чум».

Бревенчатый сруб, рубленка, был основным типом жилища индигирщиков. Не случайно за ним укрепилось название «досельного» дома. «Русские ревниво здесь блюдут тип своего жилища, при постройке домов кладут мох на бревна и, если строят дом из толстого дерева, то не делают ни завалинок, ни обмазывают на зиму дома глиной».³⁹ Досельные дома индигирщиков не являются особенностью только Колымско-Индигирского края. Этот тип жилища широко распространен на севере,⁴⁰ и вполне вероятно, в его основе лежит конструкция первых зимовий русского населения в Заполярье. Об этом же в большинстве случаев свидетельствует и приведенная терминология.

При описании традиционной одежды индигирщиков прежде всего необходимо отметить ее четкое разделение на промысловую и повседневную, ту, которую носили дома и в поселках. Промысловый костюм индигирщика состоял из дундука, шаровар, щеткирей (торбасов), тяжей, малахая и камусных рукавиц. Дундук — глухая одежда из оленьих шкур, слегка расклепленная книзу, обшитая по подолу тонкой опушкой из собачьей шкуры, с рукавами, свободными в пройме и заууженными к запястью. По длине дундук доходил только до колен. Его носили мехом внутрь или наружу и подпоясывали. Шаровары шились из оленьего камуса или шкуры нерпы и затягивались на поясе с помощью очкура — ремня, продевавшегося в подшивку верхней части шаровар. На ноги надевались тяжи (чижи) — меховые чулки из шкуры молодого оленя, зайца или певыходных сортов песца, и щеткири — обувь из камуса с подошвой из щеток, маленьких кусочков жесткого меха с оленьих копыт. Щеткири надевались поверх нижней части шаровар и обвязывались над лодыжкой сыромятным ремешком. На голову надевался малахай — меховой капор особого покроя, плотно облегающий голову. Малахай шили из меха выпоротка или песцовых лапок, двойным (мехом внутрь и наружу). Передний край обшивался полосой бобрового меха и украшался пестриной — вшитой лентой из отбеленной перпичьей кожи (мандарки), в прорези которой простым плетением продевалась разноцветная тесьма (красная, зеленая, желтая). Камусные рукавицы пришивались к рукавам дундука и имели на внутренней стороне поперечные разрезы — проймы, через которые можно было освободить кисть руки от рукавицы, не снимая ее. При сильных морозах и ветрах на лицо надевали наборонник (набородник). Весной, когда от сверкающего наста слепли, по словам индигирщиков, не только люди, но и куропатки с зайцами, надевали наглазники — ремешок с пришитым к нему темным материалом. Обязательной принадлежностью промыслового костюма были нож в кожных, крепившийся спереди, на бедре, и мешочек с трупом, огнивом и кресалом, который носили на груди под одеждой.

К промысловой одежде отпосилась также кухлянка. Кухлянка имела тот же покрой, что и дундук, но шилась с капюшоном — кукулем и была несколько длиннее дундука. При большой влажности воздуха, чтобы меховая одежда не намокала, поверх дундука или кухлянки надевали камлейку — платье того же покроя, но из ровдуги или покупного материала (тика, демиса), белого, полосатого, цветного. В сильные морозы надевали двойную одежду (паравую, парную) — мехом внутрь и наружу.

³⁹ Под северным Полярным кругом: Очерки Колымского края (Якутской области). Корреспонденция. — Православный благовестник, 1895, т. 1, № 4, февраль, кн. 2, с. 201.

⁴⁰ См. напр.: Поездка на Северный Урал: (Из дневника И. В. Гурского). — В кн.: Ежегодник Тобольского губ. музея. Тобольск, 1893, вып. 1, с. 8; Ауэрбах Н. К. Зимовье в бухте Промысловой Енисейского залива: (Отчет о раскопках). — Сев. Азия, 1928, № 5—6, с. 125—146.

Такая одежда называлась «парка». Подол парки украшался шахматом — полосой из чередующихся кусочков белой и темной оленьей шкуры, набранных квадратами, треугольниками, ромбами или параллельными полосами. На гусеванье и невошьбе донашивали вытертые дундуки и кухлянки.

Промысловый костюм индигирщика был предельно приспособлен к подвижной работе каюра. Он одновременно был теплым и легким, компактным и не стесняющим движения. Продуманность деталей позволяла освобождать руки, снимать и надевать малахай, не снимая рукавиц. Экономность в расходе меха на промысловый костюм (оленья шкура, пригодные для шитья одежды, всегда были дефицитом у оседлых собаководов), очень скромные украшения (пестрина на малахае и полоса опушки по подолу), покроем дундука, повторяющий покроем поморского сукмана, покроем щеткарей, воспроизводящий покроем кожаной обуви, — все это отличало промысловую одежду русских старожилов от одежды аборигенов севера Сибири. Мы не должны забывать, что оседлые русские старожилы и кочевые аборигенные народы севера Сибири имели разные системы хозяйства. Это накладывало отпечаток на все стороны их жизни, в том числе и на одежду. В этой связи очень интересно замечание авторов «Историко-этнографического атласа Сибири» о том, что глухая одежда в отличие от распашной «имела меньшее распространение у народов Сибири и территориально распределялась по ее северным окраинам. Кроме того, глухая одежда являлась в основном мужской».⁴¹ В литературе неоднократно отмечалось сходство индигирского дундука и колымской кукашки с архангельской малицей. Термины «кукуль», «кухляшка», «парка», «камлейка» были употребляемы в XVII—XIX вв. русским населением Севера вплоть до Русской Америки. Все это наводит на мысль о том, что вопрос о происхождении промыслового костюма русских старожилов полярной зоны Сибири значительно сложнее, чем принято думать.

В поселках и дома индигирщики носили одежду из покупной материи или ровдуги, ее общее название — лопать, лопатина. Мужская летняя одежда — штаны и рубахи — из-за недостатка тканей часто шилась из ровдуги. Праздничной одеждой считались суконные или плюсовые штаны и шелковая или сатиновая рубаха без пояса. Штаны назывались гача, штанины — сопли, широкая часть штанов — гузно. Зимой носили кафтаны, подбитые невыходным пестром, и пальто с воротником из песца-норника или бобра, с просторными и длинными рукавами. Женщины носили длинные рубахи с рукавами, сарафаны двух видов, холодайки (широкие платья на кокетке), фартук — глухой папередник, иногда с «петухами» — воляном по плечу. Замужние женщины закрывали волосы, надевая повойник, чепчик, который шился по голове и туго повязывался связками. Девушки носили на волосах повязку, в косу вплетали косник — мешочек с камушками из зоба куропатки. В конце XIX—начале XX в. здесь была распространена женская одежда городских образцов — «монная»: облегающие кофты с басками, юбки в сборку, облегающие фигуру платья. Зимней верхней одеждой женщин были шубы на меху (невыходные сорта песца, заяц, евражка). Праздничные шубы шились из сатина, с «нутром» из песца или чаечника и опушкой из хвостов или брюшек горностая. Зимой в поселках женщины носили также различные короткие кофты на меху. Особенно интересна одна из них: короткая, доходящая только до пояса, широкая — с тремя-пятью складками на спинке, крытая шелковой тканью, она очень напоминает печорскую коротеньку. Интересен женский головной убор — ермолка. Она шилась по голове в кружок, с ушками, двойной, из лисьих лап снаружи и лисьего меха внутри. Спереди делался околышек из меха бобра. О мужских зимних шапках, кроме малахая, све-

⁴¹ Историко-этнографический атлас Сибири, с. 239.

дений нет. В. Г. Богораз упоминает, правда, у колымчан, о мужской шапке «вершок красный с околком бобровым».

Летом, в комариное время, и мужчины и женщины носили ситцевые платки, повязанные под подбородком. Мужчины иногда сворачивали его жгутом, завязывая узел на затылке. Детские рубашки и штанишки шили из ровдуги, из шкурок турпанов и гагар мастерились детские нагрудки. Обувь, помимо промысловой, была очень разнообразна. Ее шили из камусов и шкуры нерпы, из ровдуги и перпичьей кожи: торбасы, обутки, полусарки, модунницы, бродни, окляны, олачики, а также колымские калиплики, украшенные вышивкой. Калиплики и окляны носили дома и в сухую погоду на улице, модунницы — в мокреть, в броднях — неводили.

Индигирщики отличали досельную, старинную одежду. К ней относили сарафаны, холодайки, фартуки, повойники и повязки, короткие уличные кофты, крытые шелковой тканью. Отсутствие в источниках сколько-нибудь удовлетворительных, не говоря уже о профессиональных, описаний внешнего вида и покроя одежды старожилов позволяет сделать только поверхностный ее обзор. Исследователя еще ждет скрупулезный труд — сбор материалов, рассеянных в источниках самого разного характера, и вдумчивое их осмысление.

Строгое чередование промыслов и хозяйственных работ индигирщиков регулировалось промысловым календарем, циклы и опорные даты которого имеют в своей основе общерусский народный календарь. В промысловом календаре старожилов четко прослеживаются весенне-летний и осенне-зимний циклы. Началом промыслового года считалась весна, когда прилет водоплавающей птицы и оживной лов рыбы на заберегах приносили первую добычу. Обычай обязывал промышленника одаривать родственников и соседей от первого гуся, от первого улова. Началом весенне-летнего цикла считался Егорьев день (23.IV).⁴² Здесь была известна поговорка: «Егорий с травой, Никола (9.V) с водой, Федосья (29.V) с едой». С Федосьина дня начинали неводить, с Петрова дня (29.VI) уходили в туцдру па гусеванье, которое вели с Прокопьева дня (8.VII) до Ильина (20.VII).

Промысел сельдятки, имевший огромное значение в хозяйстве старожилов, начинался с Успенья (15.VIII), наибольшие уловы связывались с Семеновым днем (1.IX), а конец его приходился на Воздвижение (Здвижение) (14.IX). В период между Здвиженьем и Покровом (1.X) кончали неводить — «невода вешали». Окончание промысла сельдятки и отъезд с летовий в поселки были началом осенне-зимнего цикла, первой датой которого считался Покров. С Покрова открывали нартяной путь и собирались на первый выезд по пастям. За зиму выезжали осматривать пасты 4 раза, и каждый выезд приурочивался к дате календаря — Дмитриев день (26.X), Афанасьев день (18.I), Алексеев день (17.III), Никола вешний (9.V). Выезд к пастникам занимал у промышленников не менее двух недель. С Покрова до Никола зимнего занимались подледным ловом рыбы. Этот промысел нельзя было вести круглую зиму из-за мощного льда, покрывавшего водоемы. Последней календарной датой этого цикла был Евдокнин день (1.III), когда на прибрежном морском льду начинали промысел нерпы.

Дважды в году, на Николу зимнего и Николу вешнего, в Русском Устье собирались съезды («соборы») членов верхоянского мещанского общества, на которых решались вопросы, связанные с промыслами, распределялись повинности, выносились наказания за недостойные поступки.

Особые природные условия Заполярья определили своеобразный цикл примет и дат, связанных с ходением солнца: на Благовещенье (25.III) наступает полярный день — «сходятся утренняя и вечерняя заря»; с Ильина дня солнце начинает закатываться — «ночь переменяется: солнце присядет и снова выйдет»; на Первый Спас (1.VIII) появляется

⁴² Здесь и далее даты даются по старому стилю.

первая звезда; в Михайлов день (8.XI) солнце скрывается за горизонтом; на Спиридона Солнцеворота (12.XII) день прибывает на «мышачий шаг»; на Рождество солнце обязательно покажется первый раз; на Крещенье (6.I) солнце выходит.

Система хозяйства индигирщиков, при которой промыслы и хозяйственные работы велись непрерывно в течение всего года; жизнь в поселках, отдаленных друг от друга, или на летовьях, где занималась промыслом только одна семья; длительные поездки мужчин в тундру или на море — все это не могло не отразиться на обрядово-праздничной стороне народного календаря. Учитывая, однако, практически полную неизученность промыслового календаря русских старожилов полярного арела, преждевременно было бы делать широкие выводы. Вместе с тем имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют говорить пока только об одном ярко выраженном праздничном цикле — Святках, охватывавшем две недели от Рождества (25.XII) до Крещенья (6.I). В условиях Заполярья этот праздник совпадал с вынужденным перерывом в промыслах из-за максимально низких температур года и наиболее темного периода полярной ночи.

К Николину дню население сосредоточивалось в поселках. Шла подготовка к праздникам. Первая неделя Святков (от Рождества до Нового года) называлась «Виноградцы»: в это время ходили группами по домам с пенем винограда. Вторая неделя (от Нового года до Крещенья) называлась «Машкараты»: особенностью ее было ряженье. Во время Святков устраивались вечерки, молодежь собиралась для игр на улице: гоняли кожаный мяч, бегали до вешек. Накануне Крещенья девушки гадали. Основной темой гаданий было ожидаемое замужество. Девушки забирались на плоскую крышу дома, чертили в снегу круг и падали в него навзничь. Утром осматривали отпечаток в снегу: если виделись две головы, это означало скорое замужество. Гадали на перекрестке дорог: чертили в снегу круг, ложились в него лицом вниз и слушали. Если слышался конский топот или ржание, то муж будет якутом; если лаяли или выли собаки — то местный; если слышалось хорканье оленя — мужем будет чукча.⁴³ Интересными были гадания у душников (буйниц) — отверстий в стенах домов, предназначенных для проветривания помещений. Когда хозяйка дома вынимала свернутую оленью шкуру (мохнашку), закрывавшую душник, девушки подбегали к святающемуся в стене отверстию и подслушивали разговор в доме: в зависимости от его содержания толковалась дальнейшая судьба. Иногда в душник просовывали руку и старались снять и вытащить наружу висящую на стене одежду. Добычу рассматривали и в зависимости от того, была ли она новой или старой, мужской или женской, определяли свою судьбу. Выходили на улицу, в подол платья набирали снег и клали кольцо, трясли и приговаривали: «Поленька, полёчек, беленький снежок, где мой суженый, тут собачка зла». Если лаяла собака, то это означало скорое замужество. Когда потухнет заря, брали в рот щепку и приговаривали: «Таланец-братец, жеребьек-батюшка, что станут баять, то и на яву случись». После этого заходили в дом и слушали разговор. Гадали на воде: в блюде наливали воду и ставили на мороз. Если оно раскалывалось на четыре части, то это сулило скорое замужество. Рассматривали край скола, и если видны были маленькие пузырьки, то это ворожило детей. Из воска делались маленькие уточки и опускались в тарелку с водой. Приговаривали: «Уточка, присовокупитесь!» Если уточки сходились в воде, это означало скорое замужество. Гадали на погтях. Для этого срезали их со всех пальцев рук и ног, клали на топор и сжигали. Если дым шел (клонился) на север, то суженый будет с низовья реки, если на юг — то с верховьев. Гадали по сну. Для этого ложились спать го-

⁴³ В условиях этого гаданья содержалась значительная доля лукавства: что можно было услышать в поселке, куда на праздник съезжались гости и скакали-валось до нескольких сотен собак?

ловой на порог, подложив под нее колоду карт, три ключа и семь палочек. Что приснится, то и должно произойти.

Со святочным циклом, особенно с его концом, связаны представления индигирщиков о шулюкинах (шиликинах, шуликунах, сюлюкюнах). Эти «водяные демоны» живут в воде и выходят из проруби только на две недели Святков. «Имя шуликуны, связь с ними святочного маскирования и святочных гаданий известны только на севере Евразии от Олонецкого края на западе до Камчатки на востоке», — писал Д. К. Зеленин.⁴⁴ Особенно опасны они в крещенскую ночь, когда наступает время уходить обратно в прорубь. Шулюкин имеет вид маленького человечка, одетого в пеструю меховую одежду. О нелепо и ярко одетом человеке индигирщики говорили: «Вырядился, чисто шулюкип!» Шулюкины передвигаются очень быстро и иногда превращаются в огненный шар, катящийся от проруби. Чтобы шулюкины не остались в поселке после Святков, в крещенскую ночь на стенах, окнах и дверях домов ставили углем крестики и обегали парами вокруг домов, причем парень скакал на ожиге, а девка бежала сзади и била его помелом по голове и плечам. Обежав дом, они втыкали ожиг и помело у дверей дома в снег. Утром вносили их в дом и ставили на место. На этом кончались святочные недели, машкированья и гаданья, а вместе с ними и опасность повстречаться с шулюкином.

Собранные материалы позволяют дать краткое описание обрядов жизненного цикла — родильного и похоронного.⁴⁵

При близкой рождаемости среди старожилков появление каждого ребенка было большой радостью в семье. Ко времени родов роженицу оставляли в избе одну. Ей помогала «бабушка» — повитуха, которая перевязывала своим волосом и отрезала пуповину, «если мальчик, то ножом, а если дочи, то ножницами». Роженица мыла повитухе руки в воде с серебряной монеткой и дарила подарок, куда обязательно входило мыло и полотенце. Судя по всему, повитухи и крестили младенцев, опуская их в холодную купель. Имена чаще всего давались в честь умерших родственников. Если у женщины дети «не стоят» — умирают в младенческом возрасте, то собирали их отсохшие пупки, складывали в мешочек, который клали под голову новорожденному. Бабушка-повитуха и родители запомнили в какой день, ясный или пасмурный, родилась девочка, что впоследствии давало ей право совершать обряды, влияющие на погоду. При трудных родах бабушке-повитухе помогали взрослые члены семьи. В этих случаях в доме открывали двери и продушины, стреляли в углы.

В родильных обрядах больше чем где-либо проявилась роль собаки в хозяйстве старожилков: мальчиков принимали в собачью шкуру или под чепчик клали им собачью шерсть. Если у какой-то женщины дети умирают в младенческом возрасте, в качестве последней меры ради выживания ребенка повитуха подменяла его щенком. Ребенка выхаживала «бабушка», а женщина растила щенка.

Умерший находился в доме три дня. Его обмывали и обряжали на полу, на расстеленной сухой траве. В течение трех дней приходили в дом люди, пили чай, играли в карты. В течение трех дней сколачивали гроб, делали крест и рыли могилу в рост с махом (поднятой рукой). Такая могила называлась печатной. В могильной яме делали подбой для гроба или приступки — ступеньки для бревчатого перекрытия. Через три дня покойника везли на кладбище на лодках (на первой — крест, на второй — крышка гроба, на третьей — гроб) или на нартах в том же порядке. Нарты везли люди. Траву, на которой мыли и обряжали покойника, собирали и помещали на первую лодку (нарту). По мере продвижения процессии молодой человек, ехавший в первой

⁴⁴ Зеленин Д. К. Загадочные водяные демоны «шуликуны» — у русских. — *Lud slowianski*, Krakow, 1929—1930, t. 1, z. 2, dz. V, r. 234.

⁴⁵ Описание свадебного обряда см. в настоящем издании (с. 272—281).

лодке, сыпал ее горстями в воду или на снег. К могиле заходили по солнцу. Хоронили головой на запад, лицом на восток. Все присутствовавшие бросали по горсти земли. Над могилой сооружался голбец из досок, в ногах ставили крест, а в головах на палочке — деревянное изображение утки. Возвращаясь домой, подходили к чучалу и шоркали ладонями по его поверхности (лбу). Поминали умершего на 9-й, 40-й день и в годовщину смерти. Приходя на могилу, разжигали огонь и «кормили» его.

Православная церковь в этих отдаленных районах страны не могла оказывать большого влияния на жизнь русского старожильского населения. Огромные по территории приходы, трудность путей, кочующее и в достаточной степени условно христианизированное население — все это затрудняло деятельность христианских пастырей. Места причта часто оставались вакантными. Приезд священника в низовья Индигирки один-два раза в год сводился к тому, что одновременно крестились, венчались и отпевались. Православные христиане, как именовали себя индигирщики, жили в своем мире дохристианских верований, где дарили сендушный и соседко, чудинко (пуганко), водяной хозяин с хозяйкой и шулюкины. Ими особо почитались стихи — матушка сине-моро, матушка Индигирка, матушка сендуха и батюшка сар-огонь. Не лишены основания и сведения о русских шаманах и колдунах.

Сендуха, часто в литературе понимаемая как синоним тундры, — понятие более широкое: это весь окружающий индигирщика простор. Поэтому сендушный хозяин — главный персонаж их пантеона. Он семейный, жену взял с Колымы, имеет сына и старуху-няню. Сендушный внешне похож на обыкновенного человека, только у него нет растительности на лице — ни бровей, ни ресниц. Одевается в обычную одежду, которую застегивает наоборот, на левую сторону. Ездит в парте, запряженной волками, песцами или лисицами. Сендушный очень любит играть в карты, но играет только тремя мастями, без трюфей, так как они напоминают крест. Считается, что на Новый год собираются сендушные со всех сторон (западный, восточный, северный и каменный) и играют в карты. Кто из них выиграет, у того на этот год будет урожай на промысловых зверей. Пропавшие без вести охотники считались упесенными сендушным. Рассказывали, правда, о колымчанах, благополучно вернувшихся через три года от сендушного с заработанными у него песцами и лисицами.

На случай встречи с сендушным в тундре существовали правила поведения, соблюдение которых обеспечивало безопасность и даже выгоду. Заметив следы его нарты, следовало перекреститься и обвести вокруг себя черту. Сендушный должен подойти, обвывая в том, что имярек сломал его нарту, и попросить ее исправить. Нужно согласиться на эту работу, но на условиях найма, после чего необходимо произнести формулу: «Черт с тобой, уходи, твоя нарта изладится». Сендушный должен уехать, обеспечив, по условиям найма, удачный промысел.

Водяной хозяин с хозяйкой ведали богатством рек, озер и моря. От них зависел улов рыбы и промысел перпы. Однако водяной хозяин отступает на второй план, и сведений о нем, его облике почти нет. Водяника, морская и речная хозяйка, показывалась из воды только по плечи и представлялась в образе женщины с большой грудью и распущенными волосами. Считалось, что во время ледохода она мучается, как женщина во время родов. Когда река вскрывалась долго, образуя заторы, индигирщики стреляли с берега в воздух, помогая ей разрешиться от бремени. В ледоход бросали в воду монеты, разноцветные лоскутки, кусочки еды. Приговаривали: «Речной хозяйке подарок, дай мне счастье и счастливо таскай по себе». Когда в первый раз в жизни выезжали на море, на промысел перпы, несмотря на то что его вели на льду, приносили подарки морской хозяйке, приговаривая: «Матушка, морская хозяйка, дай мне здоровье, счастье, счастливый путь и укроти пургу».

Если от седушного и водяной хозяйки зависели промыслы, их удача, то соседко ведал домашними делами, распоряжался в доме. Суседко (дедушко суседко) живет на застоечной половине дома, у огня на шестке. Он маленького роста, и его обычно не видно. В праздники его одаривали лучшей едой. Уезжая на летники, всегда обращались к нему с просьбой: «Дедушко суседко, от нас не оставайся, пойдём вместе!» Возвращаясь домой, растапливая печь, наблюдали за огнем и, если летели искры, приговаривали: «Дедушко суседко с нами пришел, огонек дует». При переходе в новый дом суседку всегда приглашали с собой. Когда кто-либо из семьи уезжал из дома навсегда, с собой брали золу из очага и высыпали ее на шесток в новом месте.

Чудинко (пуганко) — носитель злого начала. Считалось, что его закладывали (в виде маленькой тряпичной куколки) под бревно последнего венца дома плохие люди, принимавшие участие в строительстве. Чудинко пугал по ночам живущих в доме стуком и треском, и избавиться от него можно было, только разобрав дом и возведя его снова. Особенно сильна власть чудинки в заброшенных промысловых избушках и поварнях, где путники останавливались на ночлег.

Стихей в глазах индигирщиков — существо могущественное. В. М. Зензинов, описывая гусевание, цитирует рассуждения индигирщиков, в которых бог и стихей выступают на равных: «Суллим богу или владычице отслужить молебен, если даст нам гусей — стихею просим, ведь от нее все зависит...»⁴⁶ Почитание стихей выражалось в обращениях к морю, Индигирке, седухе, огню, чаще всего с просьбой об удаче в промысле и о сохранении жизни во время него, с краткими формулами-заклинаниями; в приношении им даров и соблюдении целого ряда запретов, которые прежде всего свидетельствуют о бережном отношении индигирщиков к окружающему миру, об их рациональном природопользовании.

Ощущение себя частью этого сурового и прекрасного мира, тонкая наблюдательность породили систему народного опыта, народных знаний, передававшихся из поколения в поколение. Жизнь у реки и постоянная езда по льду привели к детальному знанию старожилыми всех состояний льда: перед ледоставом вода в реке «тужеет», а перед вскрытием реки лед на ней «пскисает»; лед с налившейся на него из полыньи водой, снова подмерзшей тонкой коркой, называли «тоща». К весне с образованием заберега над глубокой частью реки — быстерью, сохраняется ледяная дорога — хобур, мощный слой льда, достигающий нескольких метров в толщину. По нему еще долго ездят на собаках, перевоза их и нарты к берегу на лодках. Езда весной по хобуру, знание всех его отклонений относительно берега позволили старожилым свободно выполнять сложную работу лоцманов по непромерянным фарватерам рек в первые годы советской власти. Несмотря на то что старожилы использовали для хозяйственных нужд плавниковый лес, они прекрасно разбирались в свойствах древесины разного сорта. Любопытны и сведения о народных способах лечения: они широко использовали листья мать-и-мачехи, ольховые шишки, применяли лечение «едном» (искусственным вызыванием нагноений) при растяжении мышц.

Астрономические познания старожилы невелики. Из созвездий они знают «Сохатого» (Б. Медведицу) и «Утотье гнездо» (Плеяды). Однако оба этих созвездия наиболее популярны в русской народной астрономии. Б. Медведица обращается вокруг полюса и Полярной звезды подобно стрелке гигантских часов. Старожилы говорили, что к утру «Сохатой хвостом на восток поворачивается». С созвездием Плеяд связано ежемесячное совпадение его с Луной, что невольно привлекало внимание путника в тундре. Из планет знали только Зарницу (Венеру). В тундре ориентировались по застругам — неровностям снежного покрова от преобладающих ветров, названия которых — северно-русского происхождения: — пизовой (С), обедник (Ю—В) и шелонник (Ю—З).

⁴⁶ Зензинов В. М. В Русском Устье, с. 48.

Заканчивая наш краткий обзор, надеемся, что он в какой-то степени воссоздает историко-культурный фон, способствовавший сохранению здесь, на р. Индигирке, значительного пласта русского фольклора. Объяснение многих особенностей традиционной культуры индигирщиков лежит, по-видимому, в сравнительном изучении с культурой русских первопроходцев XVII в. Еще В. Г. Богораз в одной из работ приводил любопытное сравнение бытовых реалий, содержащихся в казачьих описках середины XVII в., с бытом русского старожильского населения Колымско-Индигирского края на рубеже XX в.⁴⁷ Археологические находки Мангазеи еще раз подтвердили правильность этого пути.

Но не только бытовые реалии находят аналогии в памятниках XVII в. Когда В. М. Зензинов спрашивал у индигирщиков о каком-либо обычае — почему они так делают?, — ответом было: «Вера у нас такая».⁴⁸ В. Г. Богораз в словаре колымского наречия пишет: «„Русская вера“ — русский образ жизни на Колыме», а в качестве примера приводит фразу: «По русской вере оленей-то держать неподходяще».⁴⁹ В 1619 г. в Архангельске англичанин Ричард Джеймс записывает в своем дневнике: «Когда спросишь о том или другом, отвечают „вера наша“, „вера такая“: так мы привыкли».⁵⁰ Что это? Случайное совпадение формулировок или свидетельство о выработанной веками системе, особом образе жизни, единственно возможном для оседлого выживавшего русского населения за полярным кругом? Мы не склонны считать это единство формулировок совпадением. Изучение этой системы — традиционной культуры русского населения полярного ареала — интересная и сложная задача. Ее решение поможет раскрыть одну из страниц русской истории, посвященных хозяйственному освоению побережья Ледовитого океана.

Р. В. Каменецкая

О ГОВОРЕ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ НА НИЖНЕЙ ИНДИГИРКЕ

Нижнеиндигирский русский говор имеет много общего с северо-русским наречием европейской части РСФСР, так как предки современных русскоустыпцев были выходцами из северо-русских краев. Сходные черты с северо-русскими говорами обнаруживаются в фонетике, лексике и грамматике.

Гласные. Говор окающий, оканье полное. Правда, в наше время под влиянием литературного языка и других говоров полное оканье наблюдается непоследовательно. В безударных слогах после твердых согласных *О* и *А* различаются: *водá, корбá, дорóга, моá, своá; вагóн, кармáн, карáсь, пакéт, садá* и т. д. Гласные *О* и *А* различаются и в других безударных слогах, как в предударных, так и заударных: *поколéние, комсомблeц, городские; мблoдoсть, грáмoтность, паларíч, карбазá, выпáлила, направлénня* и т. д.

Очень часто, как в окающих говорах, где полное оканье, *О* произносится в заударных слогах после мягких согласных, что на письме может быть обозначено буквой «ё»: *пóлe, мбрё, свято́е́ место, гóрe, пногда — мбро, гбро* (см. ниже).

⁴⁷ Богораз В. Г. Чукчи, с. 39—40.

⁴⁸ Зензинов В. М. В Русском Устье, с. 35.

⁴⁹ Областной словарь колымского русского наречия / Собрал на месте и составил В. Г. Богораз. — Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, 1901, т. 68, № 4, с. 127.

⁵⁰ Ларин Е. Я. Словарь-дневник Ричарда Джеймса. М., 1959, с. 116. См. также: Максимов С. В. Год на Севере. СПб., 1884: «Во всех плаваниях поморы ходят по вере, по старым приметам» (с. 270); «Вера наша, что коли-де пынги ты боишься, больше смейся, больше бегай, шевелись: не пристапет опа» (с. 387); см. также с. 280, 379, 465.

Одной из характерных черт говора является то, что гласные *О, А, Ы*, находясь в непосредственной близости с губными, заднеязычными, плавными (*Р, Л*), переднеязычными *Д, Т, З, С*, приобретают губную окраску, лабиализуются.

1. На месте гласного *А* произносятся *У* или *О*: *бурдбвой, упудёт, узнуватъ, убувлягся; зобёр, покёт, нолбг, боллодйка, почехбн* (патефон), *благоданной* (благодарный); *А* обычно переходит в *О* и в начале слова: *онбар, орестоватъ, опрёлъ, омбурюшка, Огрохёна*.

Огубление *А* иногда наблюдается и в положении под ударением: *лбмна, лбмпочка, с пбпкой* (с пашкой).

В редких случаях вместо ожидаемого *А* произносится *О*: *лáпочь* (лопоть) (т. е. одежда) (ср. «деука в белой лáпоче була»).

2. Гласный *О* переходит в *У* обычно в безударном положении, реже под ударением: *убуэка, пусуда, кубула, кубулячина, будучой, буйтсся, гуврйтъ и гуврэтъ, дужумён, пудюшка, палучёнца, тумйтъ, сумной* (со мной).

Иногда *О* произносится как дифтонг $\widehat{УО}$, особенно под ударением: *буй и буй* (бой), *буйный и буйной, буйница и буйница* (отдушина на потолке или же на боковой стене под потолком), *буйано и буйано пуйоте, вуольно, дуолго* и т. д.

В отдельных случаях *У* произносится вместо *И* в заимствованных словах, в частности в слове *кино* и производных.

Характерной чертой говора является переход *Ы* в *У* (огубление) в положении перед и после губных согласных и плавных *Р, Л*: *мүло, муть, оммуватъ, кобула и кубула, кубул* (копыл), *любопүтной, бутүлка, копүта, утуматся* (отыматься), *мбгот буть* и т. д.

Иногда проявляется произношение *И* вместо *Ы* в результате передвижения гласного несколько вперед и смягчения предшествующего согласного: *ми, ви, ти, рйба, бйстро, бйло би, пиль, вйпал, йми, усй, бик, бичкá и бигкá* и т. п.

После мягких согласных в 1-м предударном слове нет такого единства: возможны все гласные кроме *Ы*. Гласные *У* и *И* изменением почти не подвергаются, в произношении же *Е, О, А* могут наблюдаться колебания в зависимости не только от качества предыдущего согласного, но и от качества (твердости—мягкости) последующего. В первом предударном положении произносятся *Е* или *И*, иногда (на месте бывшего «ять») — *А*: *берү, рекá, бедá, летйт, пекбм, не знáет, меня, тебя, себя; бирү, рикá, бидá, литйт, пикбм, ни знáет, миня, тибя, сибя; бядá, лятйт, ня знат* и т. д. Однако в говоре преобладает так называемое еканье; произношение через *И* (йканье) и *А* (яканье) наблюдается непоследовательно.

На месте древнего звука «ять» гласные могут изменяться и под ударением (в сильной позиции); в этой позиции произносятся *И* перед твердыми согласными и может произноситься *Е* перед мягкими согласными: *тймя* (тймо или чймо) (тёма), *нит, нйту, сийли* и *шийли* (сьели), *чёмя, на сёне*.

В этом же положении может произноситься дифтонгический звук $\widehat{ИЕ}$ (закрытое \hat{e}): «доселе гормонев нйе було»; «книга нйет, нйету»; «доселе хлйеб нйету, онна рйба була».

Гласный *А* в положении между мягкими согласными изменяется в *Е* (в результате смещения при артикуляции еще дальше вперед и вверх): *опётъ, прёник, ребёнчик* (ребёночек), *в шлэпи, пэльсы* (пьяльцы), *рибу вёлить, сеть вёжем* (в данном случае *Ж* мягкое). Иногда подобное произношение может наблюдаться и перед твердым согласным: *пёло* (и *пёла*) (пяло, пьяльцы), *пётой год*. Иногда *И* произносится вместо *А* после мягкого перед твердым согласным: *сгйнул, гйнуть* (в говоре в этих формах ударение перенесено с суффикса на корень).

В говоре наблюдается произношение *Е* под ударением: а) во флексиях глаголов настоящего времени: *несём, везём, несёте, везёте, ннем,*

плетем; б) в ряде суффиксов: *телёнок, плёнка, жеребёнок*; в) в некоторых корнях: *мёрзнуть, плёнка, дёргать, плётывать, лёд, лёдной* (ледяной), *мёртвой, самолёт, погода нелётна* и т. д. Видимо, русскоустинский говор в прошлом не знал изменення *Е* в *О* (*несём—несём*) как фонетического явления.

Согласные *Г*. Заднеязычный *Г*, как и в литературном языке и многих северных говорах, — взрывной (*где, когда*). Однако говору широко известен и *Г* щелевой. Этот звук может произноситься между гласными в корне слова: *йах'ать, пойах'ать* (произносится *Х*, близкий к *Г*), в этом же положении в окончаниях прилагательных часто выпадает: *красно* (красного), *синео* (синего), *большо, второ* и т. д.

Среднеязычный *И* («йот») в положении между гласными в окончаниях прилагательных, глаголов 2-го и 3-го лица ед. числа и 1-го лица мн. числа, порядковых числительных, некоторых местоимений выпадает: *бела кохта, знáш, знáт, знáж* (или *знаш, знат, знам*), *пёрва, пята, котора, котору* и т. д.

Шипящие *Ж* и *Ш* по твердости—мягкости парные: в положении перед гласными переднего ряда (*А, О, У*) обычно они твердые (*шар, пожар, пишу, сижу*), в положении же перед гласными переднего ряда (*Е, И*) они мягкие (*жизнь, шило, шестой, жена*). Однако в говоре, по нашим наблюдениям, шипящие мягко произносятся и перед гласными переднего ряда: *пишю, сижю, нашёл, шяпка, жярко*. Следовательно, в говоре сохранились мягкие шипящие согласные (как было в древнерусском языке).

Аффрикаты *Ц* и *Ч* под влиянием литературного языка стали различаться (*цар, курица, печь, дочь*). В отдельных случаях они могут и не различаться (*улица, курица, птица, чеп, чашка, чай* или *улица, курица, птица, чеп, чашка, чай*). Обычным в говоре является произношение *С* вместо *Ц*: *песёс, птиса, сёрсо, светной* (цветной), *купёс, у купса, йисб, ситес* и т. д. — отсутствие затвора в произношении слитных согласных. Иногда вместо *Ч* произносится *Ш* мягкое: *мáльшик, шйсто, шйстой, шясы* (часы).

Наряду с губно-зубным *В* (*вода, вёра, правá, вас*) в говоре имеется и губно-губной (билабиальный) *В* (*W*), близкий к гласному *У*. В положении между гласными, перед некоторыми сонорными обычно не произносится, а иногда в начале слова переходит в *У*: *челоэк, наэрно, граочка-мурóчка, нук, нученька, дёочка, улабили, унук, унучка* и т. д. Это же фонетическое явление можно считать одной из причин выпадения предлога *в* в винительном и предложном падежах имени. Предлог *в*, употребляясь при имени с начальным звонким шумным согласным, сонорным или гласным, обычно опускается: «ушел больницу», «нашем посёлке», «утопил моро», «упал реку», «було основном правильно» и т. д.

Повсеместно наблюдается замена свистящих шипящими или же полное их смешение. Установить какую-либо закономерность в этом процессе не представляется возможным: «мясо печкой нашек», «шяду на стульчик», «жимой шендухе охотимся», «шей год с рыбой туго», «страшной шон пришнился», «залко журнал-от», «созгл вещь дом» и т. д.

На месте *Ф* чаще произносится *Х*, реже звуко сочетание *ХВ*: *хорма, хорменной, хевраль, хвартук, захтра, зторой, зторник, Хедор, дехка, пахтан, стахка, пехчие, хунг* (фунт) и т. д. Данная диалектная особенность проводится непоследовательно, один и тот же информатор может сказать *хорма* и *форма, тухли* и *туфли, дехка* и *дефка* (иногда *дейка*), *захтра* и *зэфтра* (иногда *зайтра*).

Отмечены единичные случаи произношения *Ф* вместо ожидаемого *ХВ*: *фáтит, фáстать*. В прошлом говору фонема *Ф* была чужда, как и вообще древнерусской речи; она стала проникать под влиянием литературного языка.

Переход *Л* и *Р* в *Й* («йот») для местного говора не характерен. Отмечены лишь отдельные примеры: «сарь поехай морскому царю», «прпехай он жене».

Особенностью говора является отверждение (веляризация) сонорного *P* на конце слова, а также перед гласными *O, У, Э, А, Ы*: *октябрь, декабрь, тепёр, лагер, звер, цар* и *сар*; *моро, морэ, горо, горочко, трох* (трех), *шоберот, бером, Сербза, чербмха; гувору, гувру, вару, шмотру, брухо, брухатой; сестра, стрэча, врэмо, смотрэл, крэпко, берэж; прамо, радом, вараг, корэки* (коряки), *наражэть, сибирэж; старык, прынци, прынцэза* и т. д.

В речи жителей Русского Устья наблюдаются различные звуковые изменения, возникающие, как и в других говорах, в результате взаимодействия звуков. Широко представлены в говоре процессы уподобления. Так, например, в звукосочетаниях *ДН, ДМ, ВМ, ВН, ДЛ, ДЧ, РЧ, ЙТ, ТН, РН* уподобляется предыдущий звук последующему: *ланно, обинно, сембой* (год), *омман, оммотка, серанно, селлать* (коня), *уллинить* (веревку), *кращи* (крадчи), *невичива* (невидчива) (слепая), *провбччивой* (проворчивый), *разбччиво* (пищи), *натти, подотти* и *подоччи, стуконня, браконня, ребення* (ребятня), *благоданной* (благодарный); в сочетаниях согласных *ЛЙ, ТЙ, ЗЙ, ЖЙ, СЙ, НЙ* и др. уподобляется последующий согласный *Й* предыдущему: *ожерелля, белё, разббле, Йлля, полжиття* и *полжичча, платте* и *платче, полбззя* и *полбжжя, ружжэ, полбсся, волбсся, Настэсса, голбсся, свиння, стакання* и т. д. Неполное уподобление наблюдается в сочетаниях *ВН, ВН, НГ*: *рымной* (рыбный), *трумной* (трубный), *домно, серанно, дамненько, андел* и *андель, андельской* (голосок).

В звукосочетаниях *МП, МБ, МВ, МЛ* происходит расподобление: *ланпа, ланпочка, анбар, анбарушка, комбай* (комбайн), *блад, бладой* (млад, младой); в слове *Муровец* вместо *Муромец* происходит межслоговое расподобление: из двух *М*, находящихся друг от друга через слог, один переходит в *В* (т. е. *М...М* дает *М...В*).¹

Согласные звуки могут вставляться между двумя сонорными или если шумный согласный сочетается с сонорным (*ндрав, ндравится, стразу, строк* (срок), *здрене, стреки* (с реки), *уздрить* (увидеть) и т. д.); между шумным и сонорным могут также вставляться гласные (*кулубок, курупной, киремль, пирамо*); гласные могут вставляться между согласными и в последнем слого перед сонорными (*корабель, кремль, министр, миштор* и т. д.).

Могут надставляться звуки к началу слова. Например, слово *где* в говоре употребляется в различных вариантах: *агде, эгде, игде, ыгде, ягде; охто, ахто, ухто* (кто), *устаршбй, ыстаршбй, испина, на испинэ* и т. д.²

В отдельных словах звуки могут выпасть как в начале слова, так и в конце, редко в середине: (г)*ребешок*, (в)*от*, (в)*ста-ка*, (м)*ного*, (м)*ногоро* (много), и)*грает*. Выпадают в основном губно-губной *В* (*W*), щелевой *Г*, характерный для якутского языка и южно-русского наречия. В слове *мибо*, *мибгоро* начальный *М* выпадает по причине упрощения сочетания; выпадение гласного *И* связано, в частности, с тем, что предыдущее слово оканчивается на гласный (ср. «Щука-рыба грает...»). Как и в общерусском просторечии, при ускорении потока речи может выпасть целый слог (*мово, твоов, свов*, вместо *мойзво, твойзво, свойзво*).

Имеет место упрощение сочетаний согласных за счет выпадения: *царс(т)во, богачес(т)во, скорос(т)ь, лис(т), аж(т), мос(т), жиз(н)ь, октяб(рь), сентяб(рь)* и т. д.³

¹ Впрочем, такое произношение может быть объяснено и иначе: в связи с невыясненностью этимологии. Ср. «Муравление» (Ред.).

² Процессы вставки, надставки звуков связаны с влиянием звуковой системы языков корянского нерусского населения Севера. Например, якутскому языку стечение согласных в слове чуждо, поэтому заимствованные слова из русского языка в якутском языке подчиняются закону фонетики заимствующего языка (ср.: *остуба* (стол), *ыстакан* (стакан), *ыскаап* (шкаф), *милиип* (хлеб) и т. д.).

³ Упрощение сочетаний согласных связано и с влиянием якутского языка, где «в конце слова не бывает сочетаний согласных, за исключением *РТ* и *ЛТ*. При за-

Морфология. Во мн. числе окончания дательного и творительного падежей совпадают: *ловить рукам, пинать ногам, с нам, с вам, сидеть с детям* и т. д. Наряду с формой на -м довольно устойчива форма на -ма (следы древнего двойственного числа): *белыма, черныма, с има, с нима, с петима, за нима, с двума* (ср.: «между этима двума польми широкима», «взясти с петима детьми», «надо всима сарамі сар», «надо всема королями король», «со ветрами буйныма», «со дождями мелкима»).⁴

Широко употребляются архаические формы существительных, утраченные литературным языком: *мати, дбчи, мäterь, дбчерь* наряду с *мать, дочь* (ср.: «со мной мать да дочь живут», «мати моя с Кудумы», «матерь домно похоронил», «они матерь свою не помнют» и т. д.).

В именительном падеже мн. числа окончание -а (-ья) свойственно не только существительным среднего рода, но и мужского: *озёра, озёрья, крйлля, полёння, двёрья, пёрья, звёння, волоса, волбсья, камёнья, пёнья* (пни), *угблля, рыбья, дырья, зубья, грязья, грузя, возя, дочеря, дочерья, матеря, матерья* и т. д.

Шире, чем в литературном языке, распространены формы родительного и предложного падежей на -у наряду с формой на -а: *из горбду, в городу, мало товару, с десятого гбду, в лесбчку, в месяцу, на этажу, с посёлку, в клубу, на камню, петь в хору, точить на брусу, в дому, в том концу, во дворю* и т. д.

Существительные среднего рода на -мя склоняются без исконого -ен-: *йма нет, ймом зовут, врма нету, времом дорожить* и т. д.

Существительные женского рода в родительном падеже по большей части оканчиваются на -е или же безударное -и: *у стенё, с высотё, у баби, от мамы*.

Существительные на мягкий согласный и шипящий в дательном и предложном падежах ед. числа оканчиваются не на -и, а на -е: *в грязё, в кровё, на печё, на лошаде, к дочерё, к дверё, по путё* и т. п. (слово *путь* склоняется как существительное женского рода).

При образовании форм косвенных падежей от существительных *лоб, пень, лев, рот* и др. (с искоными звуками *е, о* или *ь, ъ*) чередования гласного корня с нулем звука не наблюдается: «два лева-зверя», «лоби заскапы», «по два пёня», «в роту сухо» и др.

В большей степени, чем в других русских говорах, наблюдается тенденция к объединению существительных всех трех родов в родительном падеже мн. числа: *домов, лесов, балаганнев, клбтусов, нартов, алыков, досков, делов, местов, озёров, озёрьев, волосов, волбсьев, книгов, лбжков, пёчков, зймов, лётов, корбов* (и *корбвей*), *юртов, урусов* (як. *урасá* — юрта конусообразной формы), *газётов, чернылов* и т. д.

В склонении личных и возвратных местоимений в родительном и винительном падежах наряду с *меня, тебя, себя* сохраняется древнерусское *менё, тебё, себё, у менё, у тебё, у себё*. Эти формы в наше время сосуществуют; встречается даже форма *тобё, собё*: «одиц себе живет», «надоть думать о собё».

Наряду с *мне* в дательном падеже часто употребляется древнерусское *минё* и *менё* (ср.: «говорэла менё мать», «мене матушкой назвать не хочеться»).

Сохранились древние формы винительного падежа ед. числа женского рода личного местоимения 3-го лица (старого указательного) *ю, е* в соответствии с литературным *её*: «мы е, шкуру-ту, мнем», «выделявать ю, эту шкуру».

имствованных копечные из сочетающихся согласных исчезают: рус. *пункт* — як. *пуун* или *буун*, рус. *акт* — як. *аак* или *аак*, рус. *съезд* — як. *сызс*, рус. *факт* — як. *боат* и *баак*» (см.: Дьячковский Н. Д. О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке. Якутск, 1962, с. 50).

⁴ Последнее явление характерно для говоров так называемой олопецкой группы северо-русского наречия (Ред.).

Устойчивы в говоре формы родительного—винительного падежей *тоё, всёё, одноё, туё, тую, всёё, всюю*, формы именительного падежа *тая, тойи*: «открыл туё компату», «помлю тую дехку».

Местоименне *что* употребляется в форме *чё (ч'о)*; если оно выполняет роль союзного слова, то обычно употребляется в виде *што* (ср.: «чё-то надо делать», «знаэм, што значит холод да пурга»). Как и в других русских говорах, в речи индигирцев вместо *что* употребляется *кто, ково*: «охто случилось», «ково варить будём», «а кому он научит ее», «ково работать», «нэхто я не делаю» (вм. ничего).

Окончания родительного падежа прилагательных употребляются в различных вариантах: *-ого (-его), -ова (-ева), -оо (-ео)* (*доброого, синнего, доброва, синева, доброо, синео*). Шире употребляются прилагательные с окончанием *-ого (-его)*. Заметно проникает литературная норма произношения: *сенева, чернова, второва, краснова* и т. п. Произношение прилагательных с окончанием *-оо (-ео)* свойственно речи людей старшего поколения.

Богато представлены в говоре притяжательные формы на *-ин (-ина, -ино, -ины), -ов (-ев)*: *невестин жених, Петрухин анбар, старостина дочь, партина доска, юртина дверь, домина крыша, жениховы родители, женихов дружкá, дячков голос, попов крест, председателев приказ, сынов дом, соседевы собачки* и т. д.

Повсеместно в говоре употребление инфинитива на *-сти, -кчи, -кти, -гчи, -гчи*: *продасти, куписти, класти, сидести, встасти, упасти, женчи, секчи, пекчи, берегчи, помогчи, лягчи* и т. д. наряду с формами на *-ти (нести), -ть (спать), -чь (беречь)*.⁵

В глаголах на задненебные *Г, К* при образовании форм настоящего—будущего времени чередование *Г—Ж (могу—можешь), К—Ч (пеку—печешь)* отсутствует, во всей парадигме спряжения сохраняются твердые *Г, К*: *могу, могош, могом, пеку, пекбшь, пекбм* и т. д. От глагола *хотеть* во всей парадигме спряжения наблюдается *Ч* вместо *Т* в инфинитиве (*хочу, хочешь, хочет, хочем. . .*).

Глаголы II спряжения с основой на переднеязычные и губные также характеризуются отсутствием чередования в парадигме (*Т—Ч, Д—Ж, С—Ш, З—Ж*, губно-губной — *Л*). На протяжении всего спряжения наблюдается один и тот же согласный: *просю—прбсишь, колотию—колбтишь, любю—люббшь, топю—тобпшишь, будю—будбшь, ходю—хббшь, сидю—сидбшь* и т. д.

Наблюдаются отклонения от литературных норм в образовании форм повелительного наклонения от некоторых глаголов: *стрелить—стрель, ходить—ходь, приходить—приходь, заходить—заходь*.

От глагола *сесть* форма прошедшего времени образуется с гласным *А* в основе: *сял, сjali* (ср.: «сял на его сарс(т)во», «шняли круг столу»). Эта диалектная черта широко распространена. Форма *сял, сjali* образована по аналогии с формами настоящего времени *сяду, сядешь, сядем*.

В говоре, как в литературном языке и в северно-русском наречии, форма 3 лица глагола употребляется с конечным *Т* твердым (*пишет, пишут*). Однако иногда встречаются глаголы с конечным *Т* мягким (*пишеть, пишуть*), правда, в речи не всех старожплов. Конечное *Т* мягкое в основном употребляется в глаголах I спряжения. Лишь в отдельных случаях зафиксировано употребление формы 3 лица без конечного *Т*: «дочь иде», «завтра буде смотренне», «он чувствус себе. . .» и др.

Постпозитивная частица *то (я-то, дом-то)*, так называемый постпозитивный артикль, часто согласуется в роде и числе с тем словом, к которому относится. При существительных мужского рода принимает форму *от (дом-от, брат-от)*, среднего рода — *то (дело-то, лето-то, морз-то)*, жен-

⁵ С. П. Обнорский отмечает, что формы на *-чи, -кчи, -гчи, -кти* полностью отсутствуют в черте акающих говоров. Это положение подтверждается и нашими наблюдениями над русскоустыинским говором (см.: Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, с. 187).

ского рода — *та* (*сестра-та, книга-та*), при существительных женского рода на *-а* в винительном падеже — *ту* (*сестру-ту, книгу-ту*), при именах во мн. числе — *ти* (*-те, -чи*) (*дети-ти, сами-чи, старики-че*). Эта частица может употребляться со всеми знаменательными частями речи. Часто она употребляется с указательными местоимениями старого типа: *тую-ту, тай-та, теи-те, сей-ет* (ср.: «тую-ту шубу износила», «теи-те времена позабыты», «сей-ет год рыба не ловится»).

Синтаксис. Сохранилась форма именительного падежа ед. числа женского рода в значении винительного прямого дополнения: «рыба кушать будем», «вот так весна кончаешь», «уха сварым», «шапка твоя забирю» и др. Эта форма широко употребляется при предикативных наречиях *надо, видно, больно* и др.: «надо сумка новая», «нога больно», «рыба видно (в) воде», «рука больно» и т. д. Постоянное употребление формы именительного падежа в роли прямого дополнения привело к тому, что стала возможной постановка имени в форме именительного падежа вместо винительного и в других случаях: «шел пешком целая неделя», «про сетка пехтб не знал».

При подлежащем, выраженном количественно-именным сочетанием, глагол-сказуемое употребляется во мн. числе: «две сестры живут», «в поселке мало якуты живут», «много книги купил», «сдал много пессы». Следует заметить, что существительное в сочетании с *много, мало, несколько* стоит в форме именительного падежа мн. числа (*сколько книги, много дома, мало люди*).⁶

В предложении при предикативном члене *нет, нету* существительное употребляется в именительном падеже: «рыба нет», «дети нету», «доселе у нас школа нету, гумага да нету», «работа нет».⁷

Сказуемое при подлежащих, выраженных существительными со значением собирательности, ставится во мн. числе независимо от того, совокупность каких предметов, одушевленных или неодушевленных, обозначает подлежащее: «народ борются против война», «молодёжь рыбачат», «бригада план выполняють», «совхоз к нам сети не дають», «собрание решили» и т. д. Реже употребляется глагол-сказуемое в ед. числе.

Большие колебания наблюдаются в употреблении падежных форм с предлогами. Особенно это касается употребления предлогов *в, к, на* и некоторых других. Можно сказать, что говорю сочетания с предлогами не свойственны.⁸ Так, например, русскоустьинский старожил-сказочник рассказывает: «Вдруг онну пору (ему) на ум пало, што ему были отец и мать... Нигде у него смерти нету... есь у него смерть за тридцатью горами...» В этом отрывке рассказчик вместо *у него* употребляет *ему*, а вместо *ему* — *у него*.⁹ Явное смешение грамматических форм.¹⁰

Наблюдаются колебания в употреблении предлога *к*. В говоре он почти не употребляется, а если употребляется, то далеко не точно: «иди нам», «дайте к ней дорогу», «отдали дочь к нему», «научить всяким к разным наукам» и т. п.¹¹

⁶ В данном случае сказывается влияние грамматики языков коренных жителей севера (ср. якут. *дьабэх дьахтар* — «много женщины»).

⁷ Ср. якутское *оскуола суох* — «школа нет», *эг суох* — «собака нет».

⁸ Одной из основных причин этого, по-видимому, является влияние грамматики языков соседнего нерусского населения. Например, предложным конструкциям русского языка в якутском соответствуют прежде всего падежные формы (*оскуолога* — «я школу, в школе», *самолёттынан* — «на самолете, самолетом»).

⁹ В якутском языке формы *ему* и *у него*, *мне* и *у меня* и т. п. по значению совпадают (*миана* — «мне, у меня»). По правилам якутской грамматики составлены словосочетания «надеялись тебе» (вместо «на тебя»), «тебя поют» (вместо «про тебя», «о тебе»).

¹⁰ Подобные совпадения предложных сочетаний при выражении принадлежности были типичны для русского языка XVII в. (Ред.).

¹¹ В якутском языке формы *ему* и *к нему*, *учителю* и *к учителю* и т. п. также не различаются (ср. якут. *учуҕалаа* — «учителю, к учителю», *дьахтарга* — «женщине, к женщине»).

С предложениями *около, вокруг* и т. д. существительные в говоре употребляются в форме винительного падежа, а не родительного: «вокруг мой дом двенадцать тышинок».¹²

Широко представлено в говоре беспредложное глагольное управление вместо предложного в литературном языке и во многих русских говорах: «упала этой дырой», «царь окном взглянул», «увидела окошком», «выталкивают дверями».¹³

Ряд глаголов может управлять именем с предлогом и без предлога: *стрелить ружьем, стрелить луком, стрелить пикой; стрелить с ружьем, стрелить с пушкой* и т. д.; *бить палкой, бить с палкой, рубить топором, рубить с топором* и т. д.

Имеют место в говоре особые способы выражения сказуемого, не характерные для многих русских говоров. Так, например, если в литературном языке глагольное сказуемое выражается с помощью вспомогательного глагола и инфинитива (*буду читать, будешь читать*), то в говоре вместо инфинитива при *быть* употребляется спрягаемая форма: «*будешь спомянешь* мои слова», «кто *будет спомянет* Бобипо пмя, того не любят» (из сказки). Кроме того, при инфинитиве может быть употреблено два вспомогательных глагола одновременно: «в этом дому онну комнату *будешь станешь отворять*».

В состав именного сказуемого могут быть включены вспомогательные формы *есть, быть*: «Марья да вокшу умная *есть*». При именной части могут быть употреблены два вспомогательных глагола: «еще сам ты *есть будь* мой суженой» (в этом предложении *будь* является фонетическим вариантом к *быть*). Включение в предложение слов *есть, быть* не меняет ни его временного значения, ни его модальной окраски: предложения с *есть, быть* тождественны по значению предложениям, где предикативный член выражен той же именной формой без *быть, есть*.¹⁴

Досельные русские низовья Индигирки живут в окружении иноязычного нерусского населения, поэтому в их языке, в фонетической системе, грамматическом строе, наряду с исконными древнерусскими чертами обнаруживается ряд фактов, не характерных для русского языка.

М. Ф. Дружинина

К ИСТОРИИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПО р. ИНДИГИРКЕ

Как известно, продвижение русских в Сибирь, расширение границ Русского государства на северо-восток были следствием ряда крупных исторических событий. Важной побудительной причиной явилось то, что Сибирь была богата пушным зверем — «мягкой рухлядью», а ее Северо-Восток — мамонтовой костью — «костью рыбьим зубом». Эти товары были валютой, необходимой Московскому государству для слагающегося все-русского рынка и для торговли с другими странами. Кроме того,

¹² Конструкция *вокруг дом* (вместо *вокруг дома*) сходна по значению с якутской послеложной конструкцией *дьиэ тула* — досл. «дом около». Употребление подобных конструкций характерно для языков тюркской, угро-финской и других индоевропейских семей.

¹³ Подобные грамматические конструкции свойственны якутскому языку: *туннугуэн кербутэ* — «оком посмотрел, смотрел (*тунник* — «окно»), *аанынан уурдэ* — «дверями выталкивает» (*аан* — «дверь») и т. д.

¹⁴ Частое употребление предложений с предикативным членом, включающим в себя *есть*, И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко находят в говорах Прионежья и в говорах той части Псковской области, которая примыкает к территории прибалтийских республик; они предполагают, что употребление в составе сказуемого *есть* (т. е. форма настоящего времени глагола *быть*) поддерживается на северо-западе европейской части РСФСР влиянием аналогичных конструкций в языках живущего по соседству нерусского населения (см.: Русская диалектология / Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1973, с. 196). Это же можно сказать и в отношении русско-устынского говора.

жизнь настоятельно требовала, чтобы крепнувшее Московское государство определило свои новые восточные границы.

Выгода от добычи собольих мехов и мамонтовой кости заставила артели промышленных и служилых людей несмотря на суровые условия устремиться в Восточную Сибирь. За сравнительно короткий исторический срок — несколько десятилетий XVII в. — им удалось освоить огромные пространства. В 1628 г. первые русские землепроходцы появились на Лене и на Вилюе. В 1632 г. отряд казачьего сотника П. Бекетова заложил Ленский острог (будущий Якутск). В 1638 г. отряд казаков во главе с Постником Ивановым достиг реки Индигирки. В 1641 г. была открыта Алазея, а в 1644 г. — Колыма.

«Вслед за служилыми людьми, а порой и опережая их, на новые места двигались промышленные и торговые люди. Крупные партии промышленников и „гулящих людей“ сопровождали отряды, отправлявшиеся на дальние реки».¹ «Много промышленных и торговых людей было на Индигирке. В 1650 году оброк здесь уплатили 142 человека — устюжане, вятичи, усольцы, мезепцы, белоозерцы, холмогорцы, пинежане, вымичи, новгородцы, кайгородцы, чердынцы».²

Постепенно большая часть русских промышленников обзаводилась семьями и превращалась в постоянное промысловое население. В конце XVII в. на Севере Якутии, в том числе и на Индигирке, возникают небольшие постоянные русские поселки. В начале XVIII в. русские промышленники прочно обосновались в низовьях рек: Олеська, Лены, Яны, Индигирки, Колымы.

С возникновением в 1783 г. города Зашиверска все индигирские промышленники были приписаны к нему и стали исповедаться «зашиверскими мещанами». Появление зашиверской церкви и священника следует отнести приблизительно к концу XVII в. В 1769 г. в ней исповедовалось 922 человека.³ Уменьшение звероловства заставило жителей податься к северу в озерную систему; Зашиверск оказался в стороне и был упразднен как город в 1805 г., а все административные учреждения переведены в Верхоянск. Последних жителей Зашиверска выкосила оспа в 1883 г.⁴

В начале XIX в. кроме Зашиверска по Индигирке располагались следующие русские населенные пункты.

1. Ожогинское — в 320 верстах ниже Зашиверска по правому берегу Индигирки. Здесь в 12 избах проживали мещане.

2. Шапское — значительно ниже Ожогинского, на левом берегу. Это было крестьянское поселение.

3. Русское Устье — на левом берегу Русскоустынской протоки р. Индигирки. Поселение мещан.

4. Устье Елонское — в 2 верстах от Русского Устья.

5. Едомское — на берегу Колымской протоки, в 70 верстах от моря. Поселение мещан.⁵

В связи с запустением Зашиверска русское население Индигирки сосредоточилось в ее низовьях, в основном ниже якутского селения Аллаихи.

В начале XX в. на Индигирке было 29 русских селений, в каждом из которых было от 1 до 7 дворов. Из них выше Аллаихи находились Ожо-

¹ Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966, с. 54.

² Там же, с. 55.

³ В. Г. Город Зашиверск. — В кн.: Сборник материалов по изучению Якутии. Якутск, 1920, вып. 1, с. 4.

⁴ «Город этот давно исчез с лица земли, хотя не с географических карт. Там, где он стоял, теперь стоит одна развалившаяся церковь, с колокольни которой не раздается более звон, созывавший когда-то зашиверцев, и не нарушает сна тех, которые покоятся под покачнувшимися крестами давно заброшенного кладбища, все живое убралось с этого мертвого пункта в другие места. Между тем этот когда-то большой городок с городничим, солдатами, казаками и другим подобным людом жил и по-своему процветал» (Рябинов П. Полярные страны Сибири. — В кн.: Сибирский сборник. СПб., 1887, с. 6).

⁵ Памятная книжка Якутской области за 1863 г. Якутск, 1863, с. 217.

гино, Полоустное и Шанское, все же остальные — ниже, в основном в дельте р. Индигирки: Русское Устье, Косухино, Лобазно, Стариково, Кузьмичево, Станчик, Марково, Федоровское и др. Во всех этих селениях жили мещане, пазывавшиеся верхоянскими, их было 464 человека; только в Колесове и в Косове проживали крестьяне, причисленные к Усть-Янскому крестьянскому обществу. Центром мещанского общества являлось Русское Устье, где находились церковь, управа и жил староста.⁶

В трех верхних селениях: Ожогино, Полоустное и Шанское проживавшие там мещане называли себя ожогидцами, они хотя и принадлежали к одному с русскоустыинцами мещанскому обществу, но относились к другому церковному приходу — Полоустинскому. Жители этих селений в последующие годы сплпно объакутились и утратили свои этнографические особенности. Русскоустыинцы же, окруженные со всех сторон нерусским населением, продолжали говорить на русском языке, сохранили русские обычаи, русскую культуру, которая оказала заметное воздействие на соседние малые народности.

В наши дни центром русскоустыинского сельского совета является поселок Полярный Аллаиховского района ЯАССР. По данным переписи 1970 г., в Русском Устье (Полярный) проживало 273 человека: 145 мужчин и 128 женщин. Примерно столько же русскоустыинцев проживает в поселке Чокурдах и за пределами Аллаиховского района.⁷

Находится Русское Устье на р. Индигирке, в 80 км от Северного Ледовитого океана (среднегодовая температура воздуха составляет здесь —15,4°). Основное занятие населения — охота на белого песца и рыболовство.

По сохранившемуся преданию, предки теперешних жителей Русского Устья были выходцами из Европейской России, в основном из северо-западных губерний. В. М. Зензинов приводил слова местного жителя, старика Егора Голыжинского: «Слышал я от старых, совсем старых людей, что ране река была вовсе юкагирская. Собрались люди с разных губерний и поплыли на лодках морем: от удушья спасались, болезнь такая. И доехали они до самой Индигирки и здесь поселились. А в России их вовсе потеряли. Люди были дворянских фамилий, дед мой был дворянин, и грамота у него была с золотыми буквами, да мальчишка изорвал. Как платить стал комиссару подати, в мещане записали. А сначала-то и вовсе ничего не платили. Узнали наконец про них и в России, царь прислал комиссаров подати собирать. . . Дальше — больше, и обжились люди. Была ревизия, приехали сюда — фамилии искали, — ты из Воронцовской губернии, будешь Воронцовский, из Галуги (Калуги. — А. Ч.) — Галугинский».⁸

Предание о бегстве предков русскоустыинцев на Север и назывья р. Индигирки во времена Ивана Грозного, задолго до появления русских служилых людей в Якутии, бытует и по сей день. Такой версии, в частности, придерживался Т. А. Шуб, стараясь подтвердить ее фольклорными свидетельствами.⁹

Однако существенных доказательств тому, что предки русскоустыинцев достигли устья р. Индигирки морским путем «прямо из России», все же нет, ибо русские люди, пришедшие на Индигирку в середине XVII в. как морем, так и сухопутным путем, не упоминают о Русском Устье. Как отмечал И. С. Гурвич, Постник Иван, бывший в верховьях Индигирки в 1640 г., ничего не слышал о русских. В 1645 г. в низовьях Индигирки собирал ясак Иван Ерастов. В 1646 г. Андрей Горелый, Колобов и Федор Чукичев совершили плаванье из устья Индигирки в устье Алазена, позже совершил свое знаменитое путешествие Семен Дежнев, но

⁶ Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии. Якутск, 1961, с. 107.

⁷ По подсчетам автора.

⁸ Зензинов В. М. Старинные люди у холодного океана: Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М., 1914, с. 12.

⁹ Шуб Т. А. Старожилое русское население низовьев р. Индигирки. — В кн.: Труды второго Всесоюзного географического съезда. М., 1949, т. 3, с. 315.

пикто из них не сообщил, что встретил на своем пути постоянных русских жителей.¹⁰

Фамилии индигирских русских непосредственно указывают их предков. Киселевы, Струковы, Суздаловы, Антоновы, Черемкины, Шкудевы, Чихачевы, Щелкановы, Пантелеевы, Рожины зачастую встречаются в документах XVII в.: в различных отписках, челобитных, расспросных речах и т. п. Как известно, при расспросах Чихачевы, рассказывая о своем происхождении, упорно утверждали: «Мы Чихачевы — из зырян». По всей видимости, имеется в виду, что предком Чихачевых был казак Федор Чюкичев из отряда Дмитрия Зыряна, пришедшего на Индигирку в 1640 г. Позднее Чюкичев неоднократно плавал по Индигирке, бывал на Алазее и Колыме.¹¹

Названия местностей по р. Индигирке хранят имена русских первопроходцев. Селение Ожогоно названо, видимо, по фамилии И. Ожегова, плававшего по Индигирке в 40-х гг. XVII в., холм Горелова, остров Горелова (по Колымской протоке), по всей видимости, имеет отношение к Андрею Горелому, потерпевшему кораблекрушение в устье р. Индигирки.¹² Есть Булдаковские холмы, Меркушинская стрелка, которые напоминают о мореходах Тимофее Булдакове и Меркурии Вагине. Две Малыгинские лайды и запявка Колесова свидетельствуют о бывших походах Михаила Колесова и Никифора Малыгина.

Все это дает основание полагать, что заселение Индигирки русскими шло в основном с юга на север и началось оно в середине XVII в. Постепенный выход русских от Запыверска на север связан, по всей видимости, с освоением территорий тундры, богатых песком, на которого возникает и расширяется спрос как казны, так и частного рынка, а соборные богатства индигирской тайги начиная с XVIII в. постепенно истощаются.

В то же время пельзя полностью отрицать того, что часть предков русскоустыинцев проникла на Индигирку с Лены, морским путем, и поселилась здесь в более позднее время, т. е. в конце XVII—начале XVIII в.

В 1650 г. из Якутска отправились на Индигирку морем два отряда — Булдакова и Горелова, которые потерпели крушение. Казак Тимофей Булдаков, благополучно достигнув р. Хромы, был затерт льдами. С большим трудом ему с товарищами пешком удалось достичь суши близ устья Индигирки. «Сообщение о плавании Булдакова, — писал А. Е. Норденшельд, — заслуживает особого внимания, потому что в нем рассказывается о встрече с двенадцатью кочами с казаками, кушцами и зверопромышленниками, направляющимися частью из Лены к рекам далее на восток, частью по Колыме и Индигирки в Лену. Обстоятельство это доказывает, что в этой части сибирского Ледовитого моря существовало в то время большое движение».¹³

Какая-то часть русских мореплавателей, возможно, поселилась на участках, богатых рыбой и песком. В народе сохранилось предание, что русские приплыли на Индигирку морским путем и достигли того места, где теперь стоит Русское Устье, на кочах. «Приплыли они на кочах по Гольжепской протоке и остановились на устье Елоны... и построили они 14 домов, баню и кабак... Первое время очень пили и гуляли. Несколько человек утонуло. Оттого это место на устье Елоны до сих пор зовется „Гулянкой“. Была оспа. Многие в устье Елоны умерли. После с „Гулянки“ люди переселились на то место, где теперь Русское Устье стоит».¹⁴ Это предание может быть соотнесено с морским походом И. Реб-

¹⁰ См.: Гурвич И. С. Этническая история... с. 194; ср.: Биркенгоф А. Л. Потомки землепроходцев. М., 1972, с. 83.

¹¹ См.: Биркенгоф А. Л. Потомки землепроходцев, с. 92.

¹² Ср.: Там же, с. 97.

¹³ Норденшельд А. Е. Плавание на Веге. Л., 1936, т. 2, с. 389.

¹⁴ Записано со слов А. П. Чихачевой-Стрижевой, 80 лет, в 1950 г. в пос. Полярный.

рова, который первым достиг в 1635—1639 гг. Индигирки, где построил два острожка.

Участник экспедиции Ф. П. Врангеля (1820—1823 гг.) штурман П. Т. Козьмин вот что сообщает об индигирском восьмидесятилетнем мещанине Кочевщикове: «Он родился в Киренке. На 15-м году жизни взял его брат с собой в путешествие вниз по Лене... Вместе с Кочевщikovыми поехали до 40 человек мужчиц и детей. Они отправились под начальством киренского мещанина Афанасия на коче вниз по Лепсе... Две зимы провели они в безлюдной тундре, скудно питаясь рыбой, но собрали много мамонтовых костей. На вторую зиму многие из спутников умерли, в том числе был и мещанин Афанасий. Тогда старший Кочевщиков как опытный водоход принял начальство над остальными. Они достигли Ледовитого моря и долго носились по волпам его... Наконец при устье реки Индигирки потерпели они кораблекрушение. Здесь братья разлучились со своими товарищами, собрали немногие уцелевшие вещи и пошли внутрь страны. На берегу реки, изобильной рыбой, построили они хижину и провели там зиму. Хотя жилище их лежало только в 15-ти верстах от селения Едомки, но с жителями они не видались, потому что прежде много наслышались о хищности и разбоях туземцев». На следующее лето увидели они двух человек и решились убить их, но оказалось, что люди — русские. Договорились вместе вчетвером совершить путешествие вверх по Индигирке, но ночью братья Кочевщиковы сбежали обратно в свою хижину. Почему сбежали? Старик ответил: «В то время, если товарищи на одном коче разделялись на две партии, существовало обыкновение при первой добыче выходить на берег и решать оружием, кому она должна принадлежать. Видя, что их товарищи сильные и здоровые люди, и не надеясь с ними справиться, Кочевщиковы решили лучше возвратиться в свою пустыню. Здесь провели они еще полтора года и наконец на пятую зиму, преследуя оленя, случайно приблизились к селению Русское Устье, состоявшему тогда из 6-ти юрт. В нем жили 15 человек русских. Кочевщиковы, которым кочевая жизнь надоела, также тут поселились».¹⁵

Очевидно, что такие рассказы русскоустыинцев в какой-то степени отражают реальные факты: переселения на Север русских промышленников, морские походы с Лены на Индигирку и Колыму. Но на предания повлияли, как считает И. С. Гурвич, рассказы позднейших ссыльных поселенцев, почерпнутые из фольклорных и литературных источников и перенесшие действие к более раннему времени Ивана Грозного и Ермака.¹⁶

Фактически же русскоустыинцы, по-видимому, являются преимущественно потомками русских землепроходцев и мореходов XVII в., которые обосновались сначала в районе г. Зашиверска. Затем в связи с повышением товарности песцового меха, — пишет А. Л. Биркенгоф, — они «продвинулись в тундру — в дельту реки Индигирки, начали широко и бесконтрольно ставить „пастник“, т. е. песцовые ловушки... Начался песцовый период в истории „индигирщиков“. Но позже и якуты „поняли“ значение песцового промысла, хозяйство их стало перестраиваться и постепенно приняло „русское“ направление — рыболовецкое и охотничье промысловое. Но промысловые (песцовые) угодья, равно как и певодные „пески“, были захвачены русскими, и началась тяжба».¹⁷

Судя по материалам, почерпнутым В. М. Зензиновым из архива мещанского старосты, в 1831 г. индигирские якуты подали в комиссию по переобложению инородцев ясаком жалобу на русских, захвативших лучшие рыболовные места и расставивших «по лицу тундры» песцовые ловушки. В этой жалобе якуты писали: «Заселились к нам несколько русских семейств, мещан упраздненного города Зашиверска и Якутска», которые «дошли до такой степени свободы, что, оставив свое жительство,

¹⁵ Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. М., 1948, с. 238—239.

¹⁶ См.: Гурвич И. С. Этническая история... с. 194.

¹⁷ Биркенгоф А. Л. Потомки землепроходцев, с. 95—96.

расселились по разным местам, инородцам принадлежащим».¹⁸ Начальство предписало: «незамедлительно и не принимая никаких отговорок», выселить русских.

С таким решением индигирские мещане не согласились и начали длительную переписку, отстаивая свое право на жительство в низовьях Индигирки. Борьба была упорной. Индигирщики вынуждены были дать согласие на переселение, но из года в год откладывали его под различными предлогами, отказывались даже от звания мещан и просили переписать их в крестьянское сословие, надеясь этой жертвой умиловить начальство, посылали старосту в Якутск.

Вот что писали они 10 апреля 1831 г.: «Предки наши, деды и отцы имели жительство по р. Индигирке, на местах Уяндине, Ожогпне, Шанском и Русском Устье, но с какого позволения, вовсе нам неизвестно; впоследствии времени, опытом, от старших дознано нами токмо то, что река сия первоначально найдена какими-то русскими кочами, потом предки наши имели постоянное жительство при Шанском poste, тут же земскую избу и молитвенный дом, когда же открылся город Зашиверск, в который, не переселяя нас, переименованы мы мещанами этого города».

В другой бумаге, датированной 15-м марта 1832 г., индигирцы пишут: «Постоянное жительство паше с предков, как опытом от старших известно, более 150 лет».¹⁹

Следовательно, предки жителей Русского Устья поселились на Индигирке не позднее 1682 г.

Русскоустыжцам удалось добиться своего. Они остались на своих местах и в прежнем, т. е. мещанском, звании.²⁰

Таким образом, мы видим, что на Индигирке издавна обитает небольшая группа русских людей. Живя в окружении местных народностей и отчасти смешиваясь с ними, они тем не менее сохранили почти в неприкосновенности язык, обычаи, устное народное творчество, покрой одежды своих далеких предков. «В отличие от русских на Яне, они сохранили родной язык и не только совсем не знали якутский, но даже заставили часть своих соседей — якутов, юкагиров и ламутов забыть свой язык и переять русский».²¹

Основными факторами, обусловившими национальную устойчивость индигирских русских и самобытность языка, на наш взгляд, являются: во-первых, компактность расселения в дельте Индигирки, богатой песком и рыбой; во-вторых, «полунатуральный» характер хозяйства: единственной товарной отраслью был песцовый промысел, что способствовало замкнутости быта; в-третьих, определенная территориальная обособленность и отдаленность от окружающих народов, сравнительно редкие браки с якутами и юкагирами; в-четвертых, то, что сравнительно многочисленное местное общество время от времени пополнялось новыми поселенцами — русскими: браки совершались в основном внутри общества, а зачастую женились или выходили замуж за нижнеколымских русских.

Все эти факторы способствовали тому, что, «принеся с собой более высокую русскую культуру, они не подверглись ассимилирующему влиянию окружающих народностей, восприняв у них все необходимое для жизни и ведения хозяйства в условиях Севера, и героически сопротивлялись полярной стихии, не утратили своего этнического облика».²²

¹⁸ Зенцов В. М. Старинные люди у холодного океана, с. 16.

¹⁹ Там же, с. 18.

²⁰ По всей видимости, было принято компромиссное решение: часть охотничьих угодий по Средней протоке в дельте р. Индигирки была передана аллаховским якутам. Все местности по правой стороне Средней протоки и по сей день носят якутские названия: мыс Оммуллах, селение Хатыстах, селение Якутское жильё, речка Хара Сирэй и т. д. Участок тундры между протоками Средней и Уларовской до сих пор называется Якутским морем, а песцовые ловушки вплоть до 1945 г. принадлежали якутам.

²¹ Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии, с. 105.

²² Шуб Т. А. Старожилое русское поселение низовьев р. Индигирки, с. 314.

Местная традиция разделяет все русскоустыинские фамилии на четыре вида:

а) корневые (коренные), т. е. старожильческие русские фамилии: Чикачевы, Струковы, Киселевы, Антоповы, Шкулевы, Голыжинские, Черемкины, Щелкановы, Суздаловы, Шелоховские, Рожины;

б) не корневые (т. е. пришлые) — из поздних поселенцев: Скопины, Гуськовы, Каратаевы, Журавлевы, Поиёвы, Шаховы, Плавшеские, Шулговатые, Донские, Котевщиковы;

в) не корневые — поселенцы из крестьянского сословия: Портнягины;

г) фамилии обрусевших юаагиров и якутов: Варакины, Щербачковы, Новгородовы.

Как свидетельствуют особенности говора русскоустыинцев, первые освоители этого края, подобно большинству покорителей Сибири, были людьми северовеликорусского происхождения.

В результате Великой Октябрьской социалистической революции произошли огромные сдвиги в экономике, культуре и общественной жизни народов Севера. Расширение школьной сети, проникновение в деревню газет, книг, радио, кино, развитие авиационного транспорта, экскурсионные поездки на материк и т. п. — все это коренным образом повысило культурный уровень жителей далеких окраин, в том числе и Русского Устья. Нынешнее поколение почти не помнит старинных былин, древних песен и преданий, ранее широко распространенных среди предков. Песни из кинофильмов, новые танцевальные мелодии теперь ближе молодежи, чем песни о графе Чернышеве, о Скопине-Шуйском и т. п. Новое неумолимо берет верх, старое вытесняется.

Но сам факт существования здесь самобытной русской культуры на протяжении столетий представляет несомненный научный интерес.

А. Г. Чикачев

* * *

Полностью соглашаясь с последней фразой уроженца Русского Устья А. Г. Чикачева, считаем совершенно необходимым дополнить его статью сведениями, которые не учтены автором.

Данные о происхождении русскоустыинцев, почерпнутые из преданий, были зафиксированы, к сожалению, не столько фольклористическими записями, сколько в суммарных пересказах: двумя документами 1831 и 1832 гг., несколькими заметками участников экспедиций (преимущественно не фольклористических). Но при всех различиях разные версии подобных преданий сходятся в том, что предки «коренных фамилий» Русского Устья прибыли в эти места морским путем в XVII или даже в XVI столетии из Европейской России, откуда они, по словам самих старожил, отправились еще при Иване Грозном, спасаясь от «одушья».¹

В некоторых работах достоверность сведений подобного рода не только ставилась под сомнение, но и вовсе отрицалась на том основании, что первое документальное свидетельство о существовании «Русского жила» в дельте Индигирки относится только к 1739 г.,² а проходившие сто лет назад вблизи этого места по Индигирке сибирские казаки, которые собирали ясак с инородцев, не оставили сведений о русском населении. Кроме того, указывалось на крайнюю трудность и даже будто бы невозможность подобного путешествия для русских моряков XVI—XVII столетий.

Однако правдоподобность преданий русскоустыинцев доказывается археологическим материалом. Плавание древнерусских мореходов по Ледовитому океану вдоль берегов Сибири, как установлено, проходили и по

¹ См., напр.: *Скворцов Е. Ф.* В прибрежных тундрах Якутии. — В кн.: Труды комиссии по изучению Якутской АССР. Л., 1930, т. 15, с. 72; *Русский фольклор: Материалы и исследования.* М.; Л., 1956, т. 1, с. 208.

² Здесь зимовал гидрограф Д. Лаптев, судно которого затерло льдами. См.: *Краткий очерк гидрографии русских морей.* СПб., 1896, с. 6—7.

самому трудному участку — огибая полуостров Таймыр. Следы одной такой экспедиции, которая «должна была состояться в промежутке между 1610 г. ... и запрещением плаваний северным морским путем в 1616—1619 гг.», документированы археологическими находками 1940 г.³ После этих открытий есть «все основания утверждать, что еще до присоединения побережья восточной Сибири к Российскому государству русские мореходы плавали в восточную Сибирь Северным морским путем, огибая Таймыр. Вероятно, многие пункты северного побережья восточной Сибири в это время уже были местом деятельности русских торговых и промышленных людей из северных поморских областей Европейской России».⁴

Вполне резонной представляется мысль, что позднее эти русские люди, «обосновавшиеся на берегу Ледовитого океана, были не особенно заинтересованы в том, чтобы о них и их промыслах знали воеводы и таможенные целовальники».⁵ Поэтому отсутствие упоминаний о немногочисленных русских жителях нижней Индигирки (или других мест побережья Ледовитого океана) в лапидарной документации, сохранившейся от посланных воеводами казаков (деятельность которых не имела отношения к русским промышленникам), не должно удивлять.

Вместе с тем в топонимике дельты Индигирки сохранились названия, восходящие к именам некоторых предводителей проходивших здесь казачьих экспедиций середины и второй половины XVII в.⁶ Этот факт свидетельствует, что какое-то русское население тогда уже существовало. Больше некому было присвоить эти названия и сохранить их.

Возможно, что и какая-то часть проходивших сверху по Индигирке казаков, оседая здесь, оказывалась первым пополнением коренных населения этих мест.⁷ Вместе с тем, известно, что еще в 30-е гг. XVII в. И. Ребровым, прибывшим морем от устья Япы, было поставлено «ясачное зимовье с острожком» в низовьях Индигирки.⁸ Позже сюда попадали переселившиеся с верховий русские охотники и звероловы (а также политические ссыльные), составившие в совокупности основной контингент «некоренных фамилий» Русского Устья. Однако преобладали потомки первоначальников («досельные»), что в условиях довольно длительной, почти полной изоляции способствовало своеобразной консервации здесь многих старых черт в области фольклора и языка.

С. Н. Азбелев

³ *Окладников А. П.* Древнерусские полярные мореходы у берегов Таймыра. М.; Л., 1945, с. 7.

⁴ *Долгих Б. О.* Новые данные о плавании русских Северным морским путем в XVII веке. — В кн.: Проблемы Арктики. М., 1944, вып. 2, с. 223.

⁵ Там же, с. 222.

⁶ См., напр.: *Биркенгоф А. Л.* Потомки землепроходцев, с. 97.

⁷ К потомкам Ф. Чюкичева, одного из сподвижников казачьего предводителя Дмитрия Зыряна, возводил А. Л. Биркенгоф русскоустыинских Чикачевых. Этого обстоятельства, конечно, недостаточно, чтобы возводить только к пришельцам «сверху» заселение Русского Устья, как поступает А. Г. Чикачев, разделяя скептическое отношение И. С. Гурвича и отчасти А. Л. Биркенгофа к преданиям о прибытии сюда первых русских поселенцев морем из Европейской России.

⁸ *Белов М. И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956, с. 150.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН** — Архив Академии наук СССР. Ленинградское отделение, ф. 47, оп. 2.
Авдеева — Записки и замечания о Сибири / Сочинение ... ой с приложением старинных русских песен. М., 1837.
Азадовский — Верхненеленские сказки / Сборник М. К. Азадовского. Иркутск, 1938.
Азбелев — *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
АИЭ — Архив Института этнографии АН СССР. Ленинградское отделение, колл. 5, оп. 1.
Аникин — *Аникин В. П.* Былины: Метод выяснения исторической хронологии вариантов. М., 1984.
Анучин — *Анучин Д. Н.* К истории ознакомления с Сибирью до Ермака: «О человеках неизвестных в восточной стране». — В кн.: Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1890, т. 14.
Астахова — Былины Севера, т. 1 / Записи, вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938; т. 2 / Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951.
Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3-х т. / Изд. подгот. Л. Г. Барат, Н. В. Новиков. М., 1984—1985. Т. 1—3.
АЯФ — Архив Якутского филиала АН СССР (Якутск), ф. 5, оп. 3 (при использовании других фондов ссылка на них дается полностью).
Балашов — Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова. М.; Л., 1963.
Балашов—Красовская — *Балашов Д. М., Красовская Ю. Е.* Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., 1969.
Балашов. Ск. — Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л., 1970.
Бардин — Фольклор Чкаловской области / Сост. А. В. Бардин. Оренбург, 1940.
Барсов — *Барсов Е. В.* Народные предания о миротворении. — В кн.: Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1886, кн. 4, отд. IV, с. 25—31.
Башкир. — Русское народное творчество Башкирии / Сост. С. И. Минц, Н. С. Полищук и Э. В. Померанцева. Уфа, 1957.
Бессонов — Калики переходные / Сборник стихов и исследования П. Бессонова. М., 1861, вып. 1—3.
Биркенгоф — *Биркенгоф А. Л.* Потомки землепроходцев. М., 1972.
Богораз — Областной словарь колымского русского наречия / Собрал на месте и составил В. Г. Богораз. — Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, 1901, т. 68, № 4.
Болонев—Мельников — Календарно-обрядовая поэзия сибиряков / Сост., вступ. ст. и примеч. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельникова. Новосибирск, 1981.
БПЗБ — Былины Печеры и Зимнего берега: (новые записи) / Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961.
Былины Сибири — *Сидельников В.* Былины Сибири. Томск, 1968.
Вагин — *Вагин В. И.* Нынешняя деревенская песня. — В кн.: Известия Восточно-Сибирского отдела имп. Русского географического общества. Иркутск, 1888, т. 18.
Вагнер — *Вагнер Н. П.* Человек бежит по снегу. Л., 1934.
Варенцов — Сборник русских духовных стихов / Сост. В. Варенцовым. СПб., 1860.
Василенко — Сказки, пословицы, загадки: Сборник устного народного творчества Омской области / Ред., подгот. текста и сост. В. А. Василенко. Омск, 1955.

- Веселовский** — *Веселовский А. Н.* Южнорусские былины. СПб., 1881, 1—2; 1884, 3—11.
- Воронежск.** — Народные песни Воронежской области / Под ред. С. Г. Лаутина; Сост. Н. Молчанова, Н. Вонсович, И. Доманина, Н. Жирнова, Т. Курченко, Л. Куденко, И. Лапинская, Н. Лапынина, Т. Логина, Т. Новикова, Л. Радина, Л. Сухорукова, В. Ткаченко, Г. Филатова и Т. Филимонова. Воронеж, 1974.
- ВС** — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост.: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.
- Габышев** — *Габышев Н. А.* О Русском Устье и его сказителях. — РО ИРЛИ, р. V, колл. 268, п. 2, ед. хр. 1.
- Гильфердинг** — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. М.; Л., 1949, т. 1; 1950, т. 2; 1951, т. 3.
- Григорьев** — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. М., 1904, т. 1; Прага, 1939, т. 2; СПб., 1910, т. 3.
- Гурвич** — *Гурвич И. С.* Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966.
- Гуревич—Элиасов** — *Гуревич А. В., Элиасов Л. Е.* Старый фольклор Прибайкалья / Вступ. ст. и примеч. А. В. Гуревича. Улан-Удэ, 1939.
- Гусев** — Песни и романсы русских поэтов / Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. Е. Гусева. М.; Л., 1965.
- Гусев, Ур.** — *Гусев В. Е.* Русские народные песни Южного Урала. Челябинск, 1957.
- Добрыня и Алепа** — Добрыня Никитич и Алепа Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974.
- Догадин** — Былины и песни астраханских казаков... собрал и на поты положил А. А. Догадин. Астрахань, 1911, вып. 1; 1913, вып. 2.
- Ельчева** — Народные песни Ивановской области / Запись, сост., предисл. и примеч. И. Ельчевой. Иваново, 1968.
- Жданов** — *Жданов И. Н.* Повести о Вавилоне и Сказание о князьях Владимирских. СПб., 1891.
- Заг.** — Загадки / Изд. подгот. В. В. Митрофанова. Л., 1968.
- Зап. Красноярск.** — Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела имп. Русского географического общества по этнографии. Красноярск, 1902, т. 1, вып. 1.
- Зензинов** — *Зензинов В. М.* Русское Устье Якутской области Верхоянского уезда. — Этнографическое обозрение, 1913, кн. 96/97, № 1—2, с. 110—235 (см. то же отдельно: *Зензинов В. М.* Старинные люди у холодного океана: Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М., 1914). Ссылки даются на страницы издания 1913 г.
- Зензинов. Русское Устье** — *Зензинов В. М.* Русское Устье. Берлин, 1921.
- Иваницкий** — Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии / Подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н. В. Новикова. Вологда, 1960.
- Илья Муромец** — Илья Муромец / Подгот. текстов, ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958.
- ИП XIII—XVI** — Исторические песни XIII—XVI веков / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960.
- ИП XVII** — Исторические песни XVII века / Изд. подгот. О. Б. Алексева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966.
- ИП XVIII** — Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. О. Б. Алексева и Л. И. Емельянов. Л., 1971.
- ИП XIX** — Исторические песни XIX века / Изд. подгот. Л. В. Домановский, О. Б. Алексева, Э. С. Литвин. Л., 1973.
- ИРЛИ** — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград). Рукописный отдел, р. V, колл. 268, п. 1.
- Исторические песни** — Народные исторические песни / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. М.; Л., 1962.
- Карельск.** — Русские народные песни Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. Л., 1971.
- Кашия** — Русские народные песни / Собраны и изданы... Д. Кашиным. М., 1959.

- Киреевский** — Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1863, вып. 5; М., 1868, вып. 7; М., 1874, вып. 10.
- Киреевский, НС** — Песни, собранные П. В. Киреевским: Новая серия. М., 1911, вып. 1; М., 1917, вып. 2, ч. 1; М., 1929, вып. 2, ч. 2.
- Кирша Данилов** — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд. / Подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977.
- Кирюхин** — Русская песня в Дагестане: (В записях 1964—69 гг.) / Публ., вступ. ст. и коммент. В. С. Кирюхина. Махачкала, 1975.
- Кожемякина** — Сибирские сказки / Записаны И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной. 2-е изд., доп. Новосибирск, 1973.
- Колпакова** — Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н. П. Колпакова. Л., 1973.
- Кон** — Из песен Западной Сибири: (Песни игровые, хороводные, семейные) / Сообщил Ф. Кон. — Этнографическое обозрение, 1903, кн. 59, № 4, с. 99—114.
- Коргуев** — Сказки М. М. Коргуева / Записи, вступ. ст. и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939.
- Коренной Костюрина** — *Коренной П.* Заонежские сказки. Петрозаводск, 1918.
— *Костюрина М. И.* Сибирские народные песни, записанные в подгородных деревнях около Тобольска летом 1894 г. — В кн.: Ежегодник Тобольского губ. музея. Тобольск, 1896, вып. 1.
- Котикова Кравчинская—Ширяева** — *Котикова Н. Л.* Народные песни Псковской области. М., 1966.
— Русские народные песни, записанные в Ленинградской области в 1931—1949 гг. / Сост. В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева. Л.; М., 1950.
- Красноженова** — Сказки Красноярского края / Сборник М. В. Красноженовой. Л., 1937.
- Красноярск.** — Русские народные песни Красноярского края / Под общ. ред. С. В. Аксюка. М., 1962, вып. 2.
- Кротов** — *Кротов М. А.* В просторах Индигирки. Якутск, 1934.
- Кругляшова** — Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка: (в уральском горнозаводском поселке Висим) / Сост. В. П. Кругляшова. Свердловск, 1967.
- Кузьмина** — *Кузьмина В. Д.* Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых ключей. М., 1964.
- Кузьмина—Миронова** — *Кузьмина Л. П., Миронова З. А.* Современный русский фольклор на Крайнем Севере. — В кн.: Современный русский фольклор Сибири. Новосибирск, 1979.
- Лазутин** — Воронежские народные песни / Сборник фольклорных записей студентов / Под ред. С. Г. Лазутина. Воронеж, 1962.
- Левшин** — *Левшин В. А.* Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся через пересказывание в памяти приключения. М., 1783, ч. 5; М., 1783, ч. 6.
- Леонова** — Народные песни Прииртышья / Сост. Т. Г. Леонова. Новосибирск, 1969.
- Листопадов Литвин** — *Листопадов А. М.* Песни донских казаков. М., 1949—1953, т. 1—4.
— *Литвин Э. С.* Военно-историческая поэзия второй половины XVIII века. — В кн.: Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1955, т. 2, кн. 1.
- Лихачев** — *Лихачев Д. С.* Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X—XI вв.). — В кн.: Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953, т. 1.
- Львов—Прач** — Русские народные песни, собранные Н. А. Львовым / Напевы записал и гармонизировал Иван Прач. СПб., 1896.
- Марков** — Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.
- Миллер** — *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. М., 1897, т. 1; М., 1910, т. 2; М.; Л., 1924, т. 3.
- Неопубликованные записи Нестеров Никифоров** — *Азбелев С. Н.* Неопубликованные записи былин. — В кн.: Русский фольклор. Л., 1981, т. 20.
— *Нестеров А.* Народные песни Горьковской области. М., 1972.
— Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.
- Новгор.** — Традиционный фольклор Новгородской области: (По записям 1963—1976 гг.). Песни. Причитания / Изд. подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. Л., 1979.
- Новгор. Св.** — *Банин А. А., Вадакарня А. П., Жекулина В. И.* Свадебные песни Новгородской области / Расшифровка, сост. и коммент. А. А. Банина. Л., 1974.

- Новгородские былины — Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978.
- Новикова — Русские народные песни / Вступ. ст., сост. и примеч. А. М. Новиковой. М., 1957.
- НС — Новгородский сборник. Новгород, 1865, вып. 2.
- Ончуков — Северные сказки / Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1909.
- Ончуков, ПБ — Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904.
- Павлова — Русское народно-поэтическое творчество в Татарской АССР / Сост. В. Ф. Павлова. Казань, 1955.
- Париллов — Париллов И. Г. Русский фольклор Нарыма. Новосибирск, 1948.
- Пермск. — Народные песни Пермского края: Сборник текстов / Предисл. Т. Пирожковой; Сост. М. А. Ганина, Р. В. Комина, Т. Ф. Пирожкова, Р. С. Спивак. Пермь, 1966, т. 1; 1968, т. 2.
- Песни Мезени — Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967.
- Песни Печоры — Песни Печоры / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколова, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963.
- Песни Пинежья — Песни Пинежья: Материалы фонограммархива, собранные и разработанные Е. В. Гишпиус и Э. В. Эвальд. М., 1937, кн. 2.
- Петровский — Петровский М. История о славном короле Брундзике. СПб., 1888.
- Пинежск. — Обрядовая поэзия Пинежья / Сост. В. Варганова, Е. Королева, Ю. Красовская, Н. Нерезенко, Л. Нехай, А. Песков, В. Поскребышева, Л. Харинова, Т. Шмелева; Под ред. Н. И. Савушкиной. М., 1980.
- Плисецкий — Плисецкий М. М. Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса. М., 1963.
- Плотников — Плотников В. Песни казаков сибирского казачьего войска. — В кн.: Записки Семипалатинского подотдела Западносибирского отдела Русского географического общества. Семипалатинск, 1909, вып. 4.
- Попов — Попов Е. П. Некоторые данные по изучению быта русских на Колыме. — Этнографическое обозрение, 1907, кн. 72/73, № 1/2.
- Потанин — Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. — В кн.: Этнографический сборник Русского географического общества. СПб., 1864, вып. 6.
- Потанина — Русские свадебные песни Сибири / Сост., вступ. ст. и примеч. Р. П. Потаниной. Новосибирск, 1979.
- Потявин — Народная поэзия Горьковской области / Сост. и ред. В. Потявин. Горький, 1960, вып. 1.
- Прибайк. — Русский фольклор Прибайкалья / Общ. ред. и вступ. ст. Л. Е. Элиасова; Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский, Р. П. Арефьева. Улан-Удэ, 1968.
- Прибалт. — Фольклор русского населения Прибалтики / Сост. А. Ф. Белоусов, Т. С. Макашина, Н. К. Митропольская. М., 1976.
- Пропп — Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958.
- Путилов — Песни гребенских казаков / Публ. текстов, вступ. ст. и коммент. Б. Н. Путилова. Грозный, 1946.
- Путилов. Эп. — Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971.
- Пушк. — Песни и сказки Пушкинских мест: Фольклор Горьковской области / Изд. подгот. В. И. Еремина, М. А. Лобанов, В. И. Морочиня. Л., 1979, вып. 1.
- Разумова—Коски — Русская свадьба Карельского поморья: (в селах Колежме и Нюхче) / Изд. подгот. А. П. Разумова, Т. А. Коски. Петрозаводск, 1980.
- Робинсон — Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья X—XIII вв. М., 1980.
- Романов — Белорусский сборник / Собр. Е. Р. Романов. Витебск, 1887, вып. 3; 1891, вып. 5.
- РФ — Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1956, т. 1; 1958, т. 3.
- Рыбаков — Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
- Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1910, т. 3.
- Садовников — Сказки и предания Самарского края / Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. — В кн.: Записки имп. Русского географического общества по Отделению этнографии. СПб., 1884, т. 12.
- Самаренко—Этингер — Самаренко В. П., Этингер М. А. Русские народные песни Астраханской области. М., 1978.

- Сатирические сказки Сибири Селюкова — Русские народные сатирические сказки Сибири / Сост. Н. В. Соболева. Новосибирск, 1981.
- Селюкова Т. А. Новые записи произведений устного народного творчества русского нижнеколымского населения: (по следам В. Г. Богораза). — В кн.: Записки Чукотского музея. Магадан, 1967, вып. 4.
- Семенова — Русские народные песни и частушки в Чувашии / Сост. З. Е. Семенова. Чебоксары, 1975.
- Серебрянников — Меткое слово: Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья / Собрал В. Н. Серебрянников; Сост. Т. И. Вершинин. Пермь, 1964.
- Сибирск. — Русские сказки и песни в Сибири и другие материалы. — В кн.: Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Красноярск, 1902, т. 1, вып. 1.
- Скафтымов — Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин: Очерки. М.; Саратов, 1924.
- Скворцов — Скворцов Е. Ф. В прибрежных тундрах Якутии. — В кн.: Труды комиссии по изучению Якутской АССР. Л., 1930, т. 15.
- Славянина — Старинная севская свадьба / Записи О. А. Славяниной; Подгот. текстов Ф. М. Селиванова. М., 1978.
- Смирнов — Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества / Изд. А. М. Смирнов. — В кн.: Записки Русского географического общества по Отделению этнографии. Пг., 1917, т. 44.
- Снегирев — Снегирев И. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861.
- Соб. — Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевским. СПб., 1895—1902, т. 1—7.
- Соколов Б. — Соколов Б. М. О житийных и апокрифических мотивах в былинах. — Русский филологический вестник, 1916, № 3.
- Соколов М. — Соколов М. Е. Великорусские свадебные песни и причитания, записанные в Саратовской губернии. Саратов, 1898.
- Соколова В. — Соколова В. К. Русские исторические песни XVI—XVIII вв. М., 1960.
- Соколова Л. — Соколова Л. В. Об источнике перевода Повести об Аполлонии Тирском. — В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1977, т. 32.
- Соколовы — Сказки и песни Белозерского края / Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.
- Тудоровская — Тудоровская Е. А. К вопросу о воздействии старинной литературы на русскую народную сказку. — В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1969, т. 24.
- Удмурт. — Русский фольклор Удмуртии: Песни. Сказки. Частушки / Сост., вступ. ст., «Памятка собирателю» и примеч. А. Г. Татаринцева. Ижевск, 1977.
- УСВ — Указатель сюжетов и вариантов героических былин. — В кн.: Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
- Фольклор семейских — Фольклор семейских / Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский. Улан-Удэ, 1963.
- Халанский — Халанский М. Е. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885.
- Худяков I — Верхоянский сборник: Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым. — В кн.: Записки Восточно-Сибирского отдела имп. Русского географического общества по этнографии. Иркутск, 1890, т. 1, вып. 3.
- Худяков II — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / Изд. подгот. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. М.; Л., 1964.
- Чернышев — Русская баллада / Предисл., ред. и примеч. В. И. Чернышева; вступ. ст. Н. П. Андреева. Л., 1936.
- Черняева — Русские эпические песни Карелии / Изд. подгот. Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981.
- Чичеров — Чичеров В. И. Об этапах развития русского героического эпоса. — В кн.: Историко-литературный сборник. М., 1947.
- Чулков — Собрание разных песен М. Д. Чулкова. СПб., 1913, ч. 1—3 с Прибавлением.
- Шастина — Шастина Е. Сказки ленских берегов. Иркутск, 1971.

- Шейн** — Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.: Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1898, т. 1, вып. 1; 1900, т. 1, вып. 2.
- Шашков** — *Шашков В.* Песни, собранные в селениях Подкаменской и Преображенской волостей Киренского уезда Иркутской губернии, расположенных по течению реки Нижней Тунгуски, в 1911 г. — Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, 1914, т. 43.
- Элиасов** — Русский фольклор Тункинской долины / Общ. ред., вступ. ст. Л. Е. Элиасова; Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский, Л. А. Соловьева. Улан-Уда, 1986.
- Элиасов—
Ярневский** — Фольклор казаков Сибири / Сост. Л. Е. Элиасов и И. З. Ярневский. Улан-Уда, 1969.
- Эргис** — Якутские сказки / Изд. подгот. Г. У. Эргис. Якутск, 1964, т. 1.
- ЯГУ** — Якутский государственный университет, кафедра русского языка и общего языкознания.
- Языковы** — Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губернии / Подгот. текстов к печати, статья и коммент. А. Д. Соймонова. Л., 1977, т. 1.
- Якушкин** — Русские народные песни, собранные П. Якушкиным. СПб., 1860.
- Яросл.** — Песни и сказки Ярославской области / Сост. Л. Астафьева, В. Боядарь, Е. Вальтер, В. Велинская, В. Гацак, К. Дубровина, М. Кострова, В. Крупянская, С. Минц, М. Роговская, Н. Савушкина, Ю. Смирнов, А. Филатов и В. Шершавицкая; Ред. Э. В. Померанцева. Ярославль, 1958.

УКАЗАТЕЛЬ СКАЗОЧНЫХ, БЫЛИННЫХ И ПЕСЕННЫХ СЮЖЕТОВ

а) Сказки¹

- 61 В Кот, петух и лиса 1; 305
 158 Звери в саях у лисы 2, 45; 305, 312
 170 За скалочку гусочку 2, 45; 305, 312
 178 Преданная собака (?) 52; 314
 300, Победитель змея (Змей и царевна у воды) 7; 14, 307
 301 Три царства (48); 14, 17, 313
 301 А Три царства (29), 37, (51); 310, 311, 314
 301 В Три царства 7; 307
 301 Д* Солдат находит исчезнувшую царевну 4, 7, 21, 39; 306, 306—307, 309, 311
 302, Смерть Кощея в яйце 3; 305—306
 302, Смерть Кощея от коня 31, 46; 310, 312
 307 Девушка, встающая из гроба 22; 309
 311 Медведь и три сестры 41, 43; 312
 313 А Чудесное бегство (Морской царь) 38; 18, 311
 313 В Чудесное бегство 23; 309
 313 С Чудесное бегство 46; 312
 313 Н* Бегство от ведьмы 46, 52, 60; 312, 314, 315
 313j* Ведьма и Солнцева сестра 10 (условно); 307
 315 Звериное молоко 40; 13, 312
 318 Неверная жена 4, 7, 21, 39; 306, 307, 309, 311
 325 Хитрая наука 42; 312
 432 Финист Ясный сокол 66; 316
 437 Царевна и служанка 47; 312
 449 Царская собака 40; 312
 460 В Путешествие к солнцу 48; 313
 465 А «Пойди туда, не знаю куда» 5, 29, 49, 57; 306, 310, 313, 315
 465 В Гусли-самогуды (23), 38; 309, 311
 480 Мачеха и падчерица 44; 312
 485 Борма-ярыжка (Вавилонское царство) (включая 1137, 485 В*) 28, 50, 65; 310, 313, 316
 485 А* Дикая женщина (в составе 485) 28, 50; 17, 313, 314
 485 В* Сила хмеля (8) (и в составе 485): 28, 50, 65; 17, 307, 313, 314
 502 Медный лоб 58; 315
 510 А Золушка 30; 310
 513 А Шесть чудесных товарищей (37); 311
 518 Обманутые черти 6; 306
 519 Слепой и безногий 6; 306
 530 Сивко-бурко 24, 25, (52), (60); 304, 309, 310, 314, 315
 530 А Свинка, золотая щетинка 24, 25; 309, 310
 531 Конек-горбунок 5, 48, (51); 306, 313, 314
 532 Незнайка 7; 22, 304, 307, 308, 311, 314 — 533** Царевна и служанка 59; 315
 551 Молодильные яблоки (40), (49), 51, 52, 60; 19, 312, 313, 314, 315
 552 А Животные-зятья 31; 310
 554 Благодарные животные 31, (35); 310, 311
 560 Волшебное кольцо 8; 15, 307
 592 Чудесные гусли 34; 311
 613 Правда и Кривда 33; 311
 — 650 С* Илья Муромец 20, 56; 308, 315
 653 Семь Симеонов 26, 32; 20, 304, 310, 311, 314, 316
 671 Три языка 6; 306
 705 Рожденная от рыбы 6; 306
 707 В* Бова-королевич 9, 35; 13, 15, 16, 18, 19, 304, 307, 311, 314
 710 Крестница богоматери 11; 307
 725 Нерассказанный сон 6; 13, 306
 736 Счастье и богатство 61; 315
 850 Приметы царевны 34; 311
 875 Семилетка 62; 315
 882 А Спор о верности жены 12; 307
 926 С* Сосватанные дети 27; 310
 946 А* Балдак Борисьевич 13; 307
 950 Дядя и племянник 54; 315
 951 В Царь и вор 54; 315
 956 В Девушка и разбойники 14; 307
 1137 Слепленный одноглазый великан (в составе 485) 28, 50, 65; 313
 1525 Д Ловкий вор 54; 315
 1535 Дорогая кожа (15), (16); 307, 308
 1539 Шут 15, 16; 307, 308
 — 1635 Н** Собака, проданная вместо лисы 15, 16; 307, 308

б) Былины, песни исторические и балладные²

- Алеша Попович и Тугарин 99—101; 9, 24, 26, 27, 319
 Баян-ключник 139; 324
 Взятие Азова 124; 30, 322
 Гибель атамана 145; 325
 Гнездо сокола 143; 325
 Голубиная книга 115—118; 25, 321
 Девушка узнает о гибели милого от его товарищей 148; 325

¹ Номера и названия сказочных сюжетов даются по указателю В.С. Прямых шрифтом указывается номер текста, курсивом — страницы, на которых сюжет упоминается. В скобках даются номера текстов, частично использовавших сюжет.

² Прямым шрифтом указываются номера текстов, относящихся к данному сюжету (включая фрагментарные и контаминированные тексты). Номер с буквой «к» означает текст, приведенный в комментарии. Об употреблении курсива см. примечание 1. Определения сюжетов выполнены С. Н. Азбелевым.

Дети вдовы (Мать хочет выйти замуж за сына) 136; 323
 Добрыня Никитич и Змей 95—97; 24, 25, 319
 Дюк Степанович 112; 20, 24, 22, 28, 306, 320
 Ермак в казачьем кругу 121; 321
 Завещание раненого 146; 325
 Иван Грозный готовится взять город 120; 321
 Иван Сусанин 153; 30, 326
 Илья Муромец на Соколе-корабле 102; 24, 320
 Илья Муромец и Идолище 102; 24, 308, 315, 320
 Казак убивает жену 138; 324
 Казаки убивают царского посла 121; 321
 Каннибальское угощение 137; 30, 324
 Князь Роман жену терял 138; 324
 Князь Роман и братья Лявтики 109—111; 24, 28, 319, 320
 Микола спасает на море 142; 325
 Михаил Данилович 103—106; 24, 28, 319, 320
 Молодец зовет девицу под Казань 119; 321
 Молодец умирает 150; 325
 Муж и сын не узнаны женой и матерью 151; 326
 Параня 140; 31, 324
 Письмо о гибели многого 149; 325
 Платов во время битвы 130; 323
 Платов у французов 130; 30; 323
 Подвиги Михаила Скопина 122, 122к; 31, 321
 Поединок Добрыни Никитича с Ильей Муромцем 98; 24, 319
 Разбойничья лодка 144; 31, 325
 Русское войско под Смоленском 123; 322
 Садко в подводном царстве 113, 114; 24, 28, 307, 320, 321
 Сестры ищут убитого брата 134; 323
 Смерть Александра I 131; 30, 323
 Смерть казака 147; 325
 Сокол в море 154; 326
 Солдаты и Долгоруков 126; 31, 322
 Солдаты обидели девушку 152; 326
 Сура-река 133; 323
 Суворец-суздалец 107, 108; 24, 27, 320
 Сынок Разина 125; 30, 322
 Три жеребья 135; 323
 Убийство дочери купца 141; 324
 Федор Колячатой 132; 31, 323
 Чернышев в плену 127; 30,³ 322
 Шведский король требует города 128, 129; 322

УКАЗАТЕЛЬ ПЕСЕН ПО ПЕРВОЙ СТРОКЕ ¹

Александро обещался к рождеству домой прбыть 131; 323
 Ах, вы, соколы мои ясные 191; 35, 36, 331
 Ах, по мосту, мосточку 169; 32, 328
 Благословляется сын-батюшко 205к; 333
 Брошу, брошу камешек 193к; 331
 Бура была перед тучею 195; 35, 36, 37, 331
 В деревне вживал, метелки вязал 176; 33, 329
 В пятнадцатом году 136; 323
 Ваня белой, кудреватой 178; 329
 Вжяла она зарезала любовника 137; 324
 Во дворе, во дворе, Ивановом дворе 197к; 332
 Во дворе, дворе, во Ивановом дворе 197к; 332
 Во саду ли, в огороде 177; 32, 329
 Вше ми песни перепели 182; 329
 Говорела мене мать 181; 32, 329
 Грозный цар Иван Вашильевич 120; 30, 321
 Дар я шлю, а сама к нему не иду 189; 330
 Двое храбрые яроя 151; 31—32, 326
 Душа Анна по горенке ходила 187; 36, 330
 Еще есть-то у меня-то, у молодца 134; 31, 323
 Еще ключница на ключника доказывает 139; 324
 Еще пал, братцы, туман на шине море 146; 31, 325
 Еще я, бладо, во гораньке 164; 32, 327
 Захотелся красной девице погуляти 152; 31, 326
 Зеленой дубочек на яр похилился 161; 32, 327
 Из-за гор-че, белогори, из-за гор-че, белогор, високих гор 143; 31, 325
 Из-под камешка речка разливалась 144; 30, 31, 325
 Как по три года Азов-город взаперти стоял 124; 322
 Катился солнышко из-за лесу 202; 35, 332
 Комарыки, кушлнвы комары 157; 32, 326
 Летал голубь, летал сизый со голубочкой 175; 33, 328
 Лучина, лучина березовая 156; 32, 326, 328
 Мать сына учпла, за худо бранила 166; 32, 327
 Молодой казак на часах стоит, думу думает 138; 324
 Молодой казак со полку съезжает 147; 32, 325
 Молодой майоружко по чпсту полку ходит 165; 32, 327
 На горе-горе пегухи поют 150; 31, 325
 На дворе, дворе, Ивановом дворе 197; 35, 332
 На пиру були пьяны-вешелы 132; 323
 На роше зеленой пташки распевали 148; 32, 325
 На утреннем на сходимом красном солнышке 121; 30, 321
 Натальюшки, Марьюшки, городские девушки 179; 329

³ Названа «Во Иструме-славном городе»

¹ Прямым шрифтом указывается номер публикуемого текста в корпусе, этот же номер с буквой «к» обозначает другой текст, приводимый целиком или частично в комментарии к нему. Курсивом указываются страницы, на которых песня упоминается.

Натуга, натуга, тугой лук 203; 37, 333
 Не бела вара, зара занпмалаша 159; 32, 327
 Не были ветры, навеяли 204; 333
 Не вылетай, утка, из острова 193; 331
 Не вылетай, утка, из острова 200; 35, 36, 332
 Не алаченная труба в поле трубилаши 123; 322
 Не с поля дует ветер, военный гром гремит 149; 32, 325
 Не скачен жемчужника по блюдечку прокатилася 209; 333
 Не скачи, жемчуг, по блюдики кататься 210; 333
 Не стук стучит, братцы, во тереме 194; 331
 Не улетай, утка, из гнездычка 200к; 332
 Не яшен сокол летает 130; 323
 Ну, вечер, вечер опоздал молодец 171; 328
 Олешинька брат Попович 140; 324
 От грома, от снегу два братца тут шли 153; 326
 Ох ви, улички, метитесь 207; 333
 Ох ви, снеги, ох ви, белые 163; 327
 Ох талан мой, участь горькая 127; 322
 Ох, тысяцкий — большой человек 198, 206; 35, 332, 333
 Пишот, пишот король шведской 128, 129; 30, 322
 По мосту, мосточку 170; 328
 По мосту, мосточку, по калпновому 211, 333
 По новым сеням похаживает 185; 329
 По шннему мору, по Хвалыискому 145; 30, 31, 325
 Погодушки горны, от жемли отдерни 155; 32, 326
 Под кудрявой зеленой сидит молодец такой 141к; 324
 Появился здесь да детинушка, незнамой человек 125; 322
 Проходи, денек, скорее 160; 327
 Развивалась мать Камышенка-река 184; 33, 329
 Семена мои сахарные 190, 190к, 208; 34, 35, 36, 330, 333
 Скакал Скопин с горы на гору 122к; 321—322
 Скакал тут Скопин горы на гору 122; 321
 Сокол летит, земля ютит 205; 333
 Соловей кукушечку уговаривал 119; 30, 321
 Сто на дубе на високом, над широкою рекой 154; 32, 326
 Стремями конь бьет, воды не льет 201; 332
 Там за реченькой слободечка була да 167; 32, 327
 Теща моя, зять челом бьет перед тещею 199; 35, 36, 332
 Ти белиленька, белиленька, травка шелковая 142; 31, 325
 Ты почто, Лена-матушка, не проходишь 162; 32, 327
 У богатого купца 141; 324
 У зори, зореньки много ясных звезд 168; 328
 У Сарфеи у Премудрой 188; 330
 У хриштянина богатого 135; 31, 323
 Ходил Ваня по базару 174; 32, 328
 Ходили, походили каледушечки, каледушечки под окошко 186; 329
 Хор, хор, Христофор 183; 329
 Хорош был жемчуг в ожерельях 196; 35, 36, 331
 Чисто серебро у молодца минуется 126; 31, 322
 Шла девица за водой 172; 32, 328
 Што не стук стучел у черема 194к; 34, 331
 Шумит, гремит мать Щура-река, Щура бистрая 133; 31, 323
 Я брошу, брошу камешок 192; 33, 36, 37, 331
 Я во саде гуляла, во зеленом ходила 180; 329
 Я сидела, Ивановна 158; 32, 327
 Яхали дворама из Нова-города 173; 32, 328

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

- Банщикова Александра Алексеевна, 34 г., записи 1977 г. 559—604¹
 Варякина Анна Петровна, 27 л., записи 1977 г. 628, 629
 Гольжинский Василий Семенович, 1912 г. р., запись 1964 г. 93
 Гольжинский Егор Львович, старик, запись 1912 г. 81
 Гольжинский Федор Митрофанович (внук Е. Л. Гольжинского), 1889 г. р., записи 1946 г. (сказочный репертуар на с. 316) 96, 101, 107, 113, 158
 Киселев Алексей, запись 1932 г. (?) 91
 Киселев Гавриил Иванович, 1899 г. р., запись 1967 г. 224, 226, 232, 234, 262, 270, 288, 290, 293, 316
 Киселев Егор Семенович (Снегирек, сын С. П. Киселева), 1922 г. р., образование 3 класса, записи 1967, 1977, 1981 гг. (сказочный репертуар на с. 309) 21—28, 122к
 Киселев Семен Петрович (Хунай), 1885 г. р., неграмотный, записи 1928, 1930 (?), 1941, 1946 гг. (сказочный репертуар на с. 304—305) 1—5, 5к, 6—20, 57—64, 95, 100, 102, 105, 110, 117, 118, 120—125, 127, 128, 130, 131, 133—139, 142, 143, 145, 146, 150—152, 155—157, 159, 160, 162—167, 172—174, 178, 182, 183, 188—190, 193, 196, 198, 205—207, 235
 Киселева Аграфена Семеновна (мать

¹ Цифры обозначают порядковый номер публикуемого текста в корпусе. Этот же номер с буквой «к» обозначает другой текст, приводимый целиком или частично в комментариях к нему. Краткие сведения об исполнителях приводятся по архивным материалам. При отсутствии года рождения сообщается возраст в момент первой записи. Имеющиеся данные о родстве исполнителей помещены в скобках. Указатель не является полным, поскольку сведения об исполнителях сообщались собирателями не всегда. Ряд дополнительных сведений сообщен М. Ф. Дружининой.

- С. П. Киселева), старуха, неграмотная, записи 1928 г. 187, 191, 192, 195, 199, 203, 210
- Кочевщиков, старик 80 л., запись 1820—1823 гг., с. 367
- Кочевщиков (Котевщиков, Котовщиков) Петр Варфоломеевич, 1905 г. р., записи 1946 г. 67, 69, 70, 76
- Кунакова Анна Гавриловна, 32 г., записи 1977 г. 645—648
- Новгородов Петр Николаевич, 1880 г. р., неграмотный, записи 1940 г. (сказочный репертуар на с. 311) 33—36, 185
- Портягина Екатерина Николаевна, 1914 г. р., неграмотная, записи 1977 г. 47, 213, 264, 266, 306, 335
- Портягина Парасковья Яковлевна, 64 г., запись 1946 г. 66
- Рожня Петр Николаевич, 18 л., малограмотный, записи 1946 г. 49, 154
- Струков Николай, 18 л., записи 1931 г. 111, 177
- Судалов Алексей Алексеевич, 26 л., записи 1946 г. 39, 40
- Черемкина Пелагея Николаевна, 1908 г. р., записи 1946 г. 55, 98, 112, 114, 129, 140, 141, 169, 179, 180
- Чикачев Василий Митрофанович, 1889 г. р., запись 1946 г. 54
- Чикачев Егор Семенович, 52 г., запись 1964 г. 313
- Чикачев Иван Иванович (Замарай), 1914 г. р., малограмотный, записи 1941, 1946 гг. 37, 38, 65
- Чикачев (Чихачев) Иван Николаевич (сын Н. Г. Чикачева), 1910 г. р., малограмотный, записи 1946 г. 29—32, 106, 132, 168
- Чикачев (Чихачев) Николай Гаврилович, 56—58 л., малограмотный, записи 1928 г. 50, 94, 104, 108, 116, 126, 289
- Чикачев (Чихачев) Николай Гаврилович (внук Н. Г. Чикачева), 21 г., грамотный (7 классов), запись 1946 г. 68
- Чикачев Пантелеймон Николаевич, 86 л. (1946 г.)² неграмотный, записи 1941, 1946, 1950 гг. 53, 71, 82, 85, 86, 88, 92
- Чикачев Семен Егорович, 78 л., неграмотный, записи 1946 г. 97, 119, 144, 153, 171
- Чикачева Анна Николаевна (дочь Н. Г. Чикачева), 1915 г. р., грамотная, записи 1941 г. 369—374
- Чикачева Аграфена Петровна, 57 л., записи 1977 г. 620—627, 630—639
- Чикачева Евфросинья (Епроксинья, Опроксенья) Алексеевна, 1878 г. р. (данные разных собирателей о возрасте расходятся от 2 до 10 лет), неграмотная, записи 1941, 1946, 1964 гг. 51, 188—190, 190к, 193, 194к, 196, 198, 205—207
- Чикачева Мария Ивановна, 65 л., запись 1977 г. 265, 269, 341
- Чикачева Мария Пантел[еймоновна], 20 л., грамотная (4 класса), записи 1941 г. 46, 346—368
- Чикачева-Стрижева А. П., 80 лет, запись 1950 г., с. 366
- Шелоховский Гавриил Пантелеймонович, грамотный, записи 1941 г. 375—404
- Шкулев Дмитрий Григорьевич, примерно 70 л., записи 1931 г. 147, 148
- Шкулев Николай Григорьевич (Микуня), неграмотный, запись 1928 г. 56
- Шкулев Николай Никитич, 85 л., неграмотный, записи 1941 г. (сказочный репертуар на с. 314) 52
- Шкулев Семен Иванович, 1889 г. р., запись 1946 г. 73
- Шкулева Анна Николаевна (дочь Н. Н. Шкулева), 1904 г. р., малограмотная, записи 1946 г. 41, 42, 115, 149, 161, 176, 184, 186
- Шкулева Мария Куприяновна, 57 л., записи 1977 г. 640—644
- Щелканов Егор Николаевич, 1884 г. р., записи 1946 г. 48, 170, 175
- Щелканов Иван Николаевич, записи 1928 г. 83, 84
- Щелканова Аграфена Николаевна, 68 л., записи 1967 г. 43, 44, 181, 232, 546—558
- Щелканова Мария Семеновна, 41 г., записи 1977 г. 605—619
- Щербачков Иннокентий (Червячков), запись 1928 г. 275
- Щербачков Семен Николаевич, 19 л., запись 1946 г. 45
- Щербачкова Анна Ивановна, 1910 г. р., записи 1946 г. 494, 495

УКАЗАТЕЛЬ СОБИРАТЕЛЕЙ¹

- Азбелев С. Н. 21—23, 25—28, 47, 213, 264—266, 269, 306, 335, 341, 559—648
- Алексеев Н. М. 39, 40, 66, 67—71, 73—77, 82, 86, 88, 98, 114, 179, 180, 188—190, 193, 196, 198, 205—207
- Бяркенгоф А. Л. 14
- Боло С. И. 6, 33—36, 38, 46, 51—53, 65, 85, 141к, 185, 346—404
- Габышев Н. А. 1—4, 8, 10—12, 16, 17, 19, 20, 29—32, 37, 41, 42, 45, 48, 49, 54, 55, 57—64, 95—97, 100—102, 105—107, 110, 112, 113, 115, 118—125, 127—133, 135—146, 149—176, 178, 182—184, 186
- Гурвич И. С. 92
- Дружинина М. Ф. 24, 43, 44, 93, 122к, 234, 262, 270, 288, 290, 293, 313, 316, 181, 190к, 191, 194к, 224, 226, 232, 546—558
- Дьяконова Ю. Н. 47, 559—604, 630—639
- Зензинов В. М. 78, 79, 81, 103, 193к, 194, 197, 200—202, 204, 208, 209, 211
- Кротов М. А. 5к, 91, 111, 134, 147, 148, 177
- Травин Д. Д. 5, 7, 9, 13, 15, 18, 50, 56, 72, 80, 83, 84, 87, 89, 90, 94, 104, 108, 116, 117, 126, 187, 191, 192, 195, 199,

² По данным С. И. Боло (1941 г.), 78 или 73 г.

¹ Цифры обозначают номера текстов. Если запись выполнена совместно двумя собирателями, номера соответственно повторяются.

203, 210, 215, 217, 223, 235, 237, 241,
248—250, 254, 259—261, 263, 267, 271,
273, 275, 283, 287, 289, 294, 297, 299—
302, 304, 312, 314, 319, 321, 334
Худяков И. А. 99, 109
Шуб Т. А. 67, 69, 70, 73, 76
Экспедиция в составе Н. М. Алексеева,

Н. А. Габышева, Т. А. Шуба² 212,
214, 216, 218—222, 225, 227—231, 233,
236, 238—240, 242—247, 251—253, 255—
258, 268, 272, 274, 276—282, 284—286,
291, 292, 295, 296, 298, 303, 305, 307—
311, 315, 317, 318, 320, 322—333,
336—340, 342—345, 405—545

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТНЫХ И СТАРИННЫХ СЛОВ И ОБОРОТОВ¹

Аджало, 12 — одеяло
Айда́н (якутск. айдаан), 50 — шум, спор,
сутолока
Айда́нить, 50 — шуметь, беспокоиться,
устраивать беспорядок
Алгый, олгуй (якут. олгуй), 28 — боль-
шой котел, бак
Алык (якутск.) 203 — собачья упряжь,
шлея
Аниме́шный, анимéнишний, онаме́ниш-
ной, 4, 7, 36 — давешний
Аня́эду, 3, 16 — однажды
Ба́бничать, 9 — принимать роды
Ба́ран, 2, 45 — носовая часть нарты
Ба́рабан, 556 — жареная пресная крупит-
чатая лепешка
Ба́рча, 44, 207 — кушанье из толченой
ююлы, политой рыбьим жиром
Ба́рчатый, берчатый, 96, 150 — узорча-
тый, вытканый или вышитый узо-
рами
Бахма́ч, 207 — малорослая крепкая ло-
шадь
Беаме́н, 48 — весы
Берде́ть, берды́ть, 19, 27, 43 — повредить
Бладо́сть, 5, 8, 26 — молодость
Бу́рауме́цкое, бу́рауме́нское копые, 9, 97,
108 — мурзаметское (т. е. татарское,
восточное)
Ба́рка, 207 — барча, проваренная в ры-
бьем жиру
Ве́ра, 16, 36 — привычка, обычай, тра-
диция
Ве́тка, 28 — легкая лодка, удобная для
переноски
Ве́шелья, 54 — жерди для сушки одеж-
ды
Ви́рви́ре́товый, 270 — вельветовый
Ви́ска, 23, 43 — небольшая речка, сток
озера
Вокше́, вокшу́, вокшю́, 4, 10, 19 — вовсе,
совсем
Волхо́вник, 132 — колдун, кудесник
Во пойма́ны, 127 — в плену
Воскля́кать, 190 — кричать, плакать, го-
реть
Впроходну́ю, 40 — непрерывно
Во́ттака, 12 — здесь, тут
Гала́нить, 248 — вздорить, бездельничать,
болтаться без дела
Га́лць, га́лться, 24, 25, 38 — насме-
хаться, издеваться
Гли́нги́на, 336 — гилье́, труха
Гляну́ться, 4 — нравиться
Го́вор, го́воры, 18, 19 — слово, слова

Го́левой кафтанец, 169 — сшитый из го-
лл, китайской шелковой ткани
Горма́жн, 115 — гармазин, красное сук-
но
Го́рнак, го́рначок, 96, 111 — горноста́й
Гре́зэнт, 177 — грезет, шерстяная ткань
с травчатым узором того же цвета
Грипчи́ться, 56 — греяться
Гря́дка, 241 — перекладина над чувалом.
(печью) для сушки одежды
Губа́рка, 289 — собака
Гума́га, 7, 8 — бумага, письмо
Гу́сь-гу́ме́нчик, 489 — большой черный
гу́сь со светлой полосой поперек
клюва
Дока́меж, 100 — пока
Дже (якутск. Дъэ), повсеместно в сказ-
ках — ну, вот
Дивья́ бы, 11 — если бы, пусть бы, хо-
тя бы
Дико́й, 12, 34, 51 — безумный, сумасшед-
ший
Доку́т, 39 — пока; очень, сильно
Досше́ть, дошше́ть, 11, 23 — сделать
Дуга́, 43 — одна из передних частей нар-
ты
Дунду́к, 532 — шуба, кухлянка (мехо-
вая рубашка)
Елы́нча́та, 124 — янычары
Жа́боль, 334 — в самом деле, действи-
тельно, вправду
Жа́мкать, 8 — жевать, грызть
Живо́ты́ нажива́ть, 3 — наживать богат-
ство, нмушество, деньги
Заба́ять, 4 — заговорить
Заберды́ть, 43 — бередить, причинять боль
Зага́ну́ть, 18, 19 — загадать
Загу́мый, 537 — веселый, кокетливый
Задо́риться, 41, 48 — сердиться
Зажу́ряться, 161 — запечалиться
Займа́, 359, 415 — летний участок у ры-
боловной тони
Зака́ржива́нный, 4 — заржавленный
За́кца, 377 — загс
Запово́ряться, 41 — запрятаться
За́ход, 39 — отхожее место
Зашаба́рче́ть, 4 — зашуметь
Изу́уть, 24 — пабыть
И́ндрик, и́ндрок, 102 — сказочный зверь
И́сти, и́шти, 4, 10 — есть
Каварда́к, 207 — блюдо из мелко накро-
шенного гуся
Коме́ло́фка, 181 — камлавка, головной
убор священника

² Архивные материалы не содержат сведений, каким из названных собирате-
лей записан тот или иной текст.

¹ Цифры обозначают номера текстов. Для слов, встречающихся только в описа-
нии свадебного обряда, указывается номер песни, предшествующей данному фраг-
менту описания.

- Камчатая, 107 — шелковая цветная ткань с узорами и разводами
 Караться, 517 — мучиться
 Карата, 30 — карета
 Кислой, 17, 36 — гнилой
 Китык, 31 — травяной или тальниковый навес, шалаш
 Косицы, 11 — виски
 Коски, коска, 28, 31, 43 — кости
 Кокора, 37 — коряга
 Котоврас, 107 — китоврас, кентавр
 Крыльцо, крыльца, 8, 9, 50, 65 — лопатки, плечи
 Кузары, 148 — гусары
 Курма, 41 — верхняя женская одежда
 Курчажина, 478 — мелкий залив, болото
 Кэнтос, 42 — узда, сыромятный повод
 Лабас, 20 — навес на стойках
 Лайда, 10 — мелководный водоем, имеющий сток в море или реку, озеро
 Ляпоть — см. лопоть
 Ласно, 13 — вероятно, кажется, как будто
 Лесина, лешина, 7, 23, 50 — дерево
 Лень, 41 — затылок
 Литовка, 515 — коса
 Лодка колбоменка, 121 — старинная многовесельная лодка
 Лбопоть, 5, 9, 22, 28 — одежда
 Малахай, 15 — меховая оленья шапка
 Манган, 26 — большой короб, составляющий воз
 Матанечка, 609 — милая
 Матня, 60 — матица, средняя балка в полтолке
 Матялиный, 211 — миткалевый, из бумажной ткани, набивного ситца
 Медерное пиво, 195 — имбирное
 Могун, 16 — внутренности животного
 Мольча, мольча, 43, 52 — просто; сильно; просто так
 Мбнный, 161 — особенный
 Мос, мост, 13, 20, 47 — пол
 Мушка, 42 — мышка
 Надсада, 370 — забота, дело
 Непримерный, 5 — бесподобный, очень красивый
 Нютокль, 5 — откуда-то, неожиданно
 Норки, 25 — ноздри
 Огалать, 20 — оголодать
 Одвэздо, 47 — однажды
 Ожик, бжнецк, 42, 302 — указательный палец
 Оморочить, омрачить, 39, 54 — превратить
 Онаменишной см. анамнешний
 Орун см. урун
 Отганить, 18 — отгадать
 Паллстенок, 6, 20 — часть кровати, нарсо стороны стены
 Пальма, 13 — кошке
 Паробок, 94 — слуга
 Пароль, 15 — пари, заклад
 Пахаты, 49 — места
 Перем, перьем, 18, 19 — находка
 Перенее место, 10 — красный угол дома, место под иконами
 Перметы, 20, 49 — переметная сума
 Перчпк, 6, 41 — перстник, пальчик
 Пешня, 358 — железный лом с деревянной ручкой
 Пинкиндэй см. подкиндейка
 Пляшечка, 48 — пташечка, птичка
 Повалить, 9, 31 — уложить спать
 Поворбнка, 18 — палка, жердь
 Погить, погнуть, 5, 38 — погибнуть
 Погбдушка, 155 — непогода, ненастье
 Подверток, 100 — ловок
 Подволошница, 9 — женщина легкого поведения
 Подкиндейка, пинкиндэй, 48, 50, 51 — икра ноги
 Подоржники, 7, 38 — подорожные калачи, пироги
 Покрем, 49 — свивальник
 Покуркивать, 110 — каркать
 Полжичья, полбичья, 4, 18, 19 — полжиться, полбытья
 Пофитовый, 211 — порфировый (алый, багряный)
 Похилиться, 161 — наклониться
 Пригаиться, 10 — гнаться, догонять
 Припаек, 47 — припай, лед у берега
 Пужанка, 44 — нечистая сила, то, чем пугают
 Пусте сэно, 10 — трава, засохшая на корню
 Пустой, 2, 5, 46 — только один
 Раковстой, 105 — кражистый
 Сак, 38 — большой мешок для ловли рыбы
 Сегома, сухума, шухума, 5, 7 — зря, напрасно
 Сбндуха, шбндуха, 6, 13—15, 61 — тундра, суша
 Сйла, шйла, 4, 9 — войско
 Скаченый, 123 — крупный, круглый, ровный, точно скатанный
 Соперик, 4 — перстень
 Соба, 30 — якутский молочный продукт
 Сордонка (якут. сордон), 555 — щука
 Стапер офицер, 125 — штаб-офицер
 Стыдбй, 9 — некрасивый
 Сурма, сурна, 190 — птица сирия
 Сухума см. сегома
 Схоння, 9, 19 — сходни корабельные, трап
 Тайница, 595 — задухевная подруга
 Талан, 127 — рок, судьба, участь
 Тальянский, 169, 606 — итальянский
 Тарбей, 322 — птица буревестник
 Тать, 54 — вор
 Тейнка см. тынника
 Тельно, 207 — лепешки из рыбы
 Тозна, тозны, тожны, 10, 11, 29 — тогда
 Тбни мечут, 8 — забрасывают в воду сети
 Торбасок, 213 — мягкая обувь из меха с лошадиных или оленьих ног
 Торона, 20, 105 — ремни или мешок для привязывания позади седла
 Торосина, 473 — торосы, льдины
 Три амбара потолком налитые, 10 — три амбара, заполненные до потолка
 Тынинка, тейнка, 18, 19 — заостренный кол
 Убутки, 54 — обувь
 Увжа, 17, 31 — погоди, постой, ну-ну
 Уана, 9 — ужин
 Угор, 140, 234 — возвышенность
 Утитант, 131 — адъютант
 Утолба, 8, 50 — утоптанное место
 Утуряться, 7, 9 — потерять сознание
 Урун, орун (якутск. орбн), 20, 38, 45 — кровать, нары
 Учувствоваться, 4, 9 — прийти в себя
 Ушкан, 10, 31 — заяц
 Фармазон, 42 — здесь: колдун
 Фатера, 128 — квартира
 Ханя, 48 — погубель, конец
 Харан (якутск. хаарнан), 8 — жалко
 Хата (якутск.), 3 — лучше

Хачэра, 129 — квартира
Хвартуння, 12 — фортуна
Хотон (якутск.), 56 — хлев, коровник
Хрущат песок, 9, 23 — сухой
Худой, 6, 40 — некрасивый, плохой
Черезовая подпрута, 13 — сплошная,
цельная
Чесать, 16, 20 — тесать, рубить
Чертанчка аркадская, 122 — украшенная
чернильница
Ча́ча, 51 — отец
Чи́мо, 278 — темя
Чир, 43 — вид озерной рыбы
Чу́вал, 22, 37 — печь
Чума́ча, 161 — чума́к, пзвозчик
Чухма́рочка, 410 — любовница
Чу́ху намять, 19 — наказать
Шенду́ха см. сенду́ха
Шермова́ть, шумрова́ть, 98, 105 — джиги-

товать, наездничать
Ши́ла см. сила
Шлевда́ть, 19 — отшлепать
Шпйчка, 219 — спичка, деревянный
гвоздь
Шумечйнский шелк, 24 — шемахинский
(восточный) из города Шемахи
Шурняк, 207 — шурия, брат жены
Шуху́ма — см. сегома
Щелы́га, 56 — шалыга, кнут
Щябй́нка, 41, 641 — щетка
Э́тта, 5, 42 — тут, здесь
Ю́кола, 44, 207 — вяленая, проевенная и
немного квашенная в ямах рыба
Ю́рта, 2, 10 — часто употребляется в зна-
чении: изба, дом
Ярля́к, 10, 122 — письмо

СОДЕРЖАНИЕ

	Текст	Ком- мента- рии
Предисловие	5	
Фольклор Русского Устья	9	
Тексты	39	
Сказки (1—66)	39	304
Легенды, предания, былички (67—93)	211	316
Былины (94—118)	218	319
Исторические песни (119—131)	246	321
Балладные песни (132—154)	251	323
Лирические песни (155—168)	261	326
Игровые и плясовые песни (169—186)	265	328
Свадебный обряд (187—211)	272	330
Загадки (212—317)	281	334
Пословицы и поговорки (318—345)	284	335
Частушки (346—648)	284	336
Комментарии	301	
Приложения	337	
Русские старожилы в низовьях р. Индигирки (Этнографиче- ский очерк)	337	
О говоре русских старожилов на нижней Индигирке	356	
К истории русского населения по р. Индигирке	363	
Список сокращений	371	
Указатель сказочных, былинных и песенных сюжетов	377	
Указатель песен по первой строке	378	
Указатель исполнителей	379	
Указатель собирателей	380	
Указатель местных и старинных слов и оборотов	381	

ФОЛЬКЛОР РУССКОГО УСТЬЯ

Утверждено к печати

Институтом русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР и Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР

Редактор издательства Н. А. Ивановская. Художник О. М. Разулевич
Технический редактор Н. Ф. Соколова. Корректоры О. И. Буркова, Л. М. Егорова,
С. И. Семиглазова, Г. И. Суворова

ИБ № 21363

Сдано в набор 27.03.86. Подписано к печати 12.09.86.
М-25823. Формат 70×108^{1/16}. Бумага книжно-журнальная. Гар-
нитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л.
33,60. Усл. кр.-от. 35. Уч.-изд. л. 33,44. Тираж 3400.
Тип. зак. 287. Цена 3 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука». Ленинградское отделение
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ОПЕЧАТКА

На стр. 336 вместо напечатанной сноски должно быть:
⁵ Все звукозаписи хранятся в Фонограммархиве ИРЛИ.
